Ноябрьская и Декабрьская книжки выйдутъ около 23 декабря, въ одномъ томѣ отъ 45 до 50 листовъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ОКТЯБРЬ.

1863

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

См. на оборотъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Литература и образованные люди. Н. В. Шелгуновъ.

Взбаломученный романистъ. В. А. Зайцевъ.

Библіографическій листокъ. Обозрѣніе такъ называемой народной и дѣтской литературы.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефрень.

Іезуитская канонизація новой чудесной дѣвы—Маріи Маргариты Алакокъ.—Процессія въ честь ея въ Римѣ.—Новое столкновеніе между монсиньоромъ Меродомъ и начальникомъ французской арміи, оберегающей свѣтскую власть папы.—Походъ туринскаго правительства противъ мадзинистовъ.—Преобразованіе парижскаго университета.—Запрещеніе читать на лекціяхъ о декабрьскомъ Coup d'état второй имперіи—*Офиціальное* торжество генерала Форе и *дѣйствительное* положеніе его въ Мексикѣ.—Взаимныя несогласія Австріи и Пруссіи по германскому вопросу.—Отношеніе пруссаковъ къ королевскому правительству—Болтовня Джона Росселя, говоренная имъ на банкетѣ фермеровъ по поводу, польскаго и мексиканскаго вопросовъ.—Японія отстрѣливается отъ европейской цивилизаціи.—Продолженіе американской войны.—Отвѣтъ президента Линкольна на письмо Гарибальди.—Ожиданіе скучающей буржуазіей рѣчи Людовика Наполеона и наше мнѣніе о ней.—Разные слухи о планахъ тюльерійскаго кабинета.—Открытіе законодательной палаты въ Парижѣ.

Домашняя лѣтопись.

Совѣщанія петербургскаго купеческаго клуба съ трепакомъ.—Партія карточныхъ игроковъ, вытѣсняющая семейные вечера.—Общій характеръ нашихъ общественныхъ собраній.—Скука и карточная игра, какъ необходимые элементы ихъ.—Отсутствіе дѣловой стороны въ нашихъ собраніяхъ.—Есть ли у насъ способности для коллективной дѣятельности?—Причины нашей общественной апатіи.—Причины эти въ тупости нервовъ.—Плачевное состояніе Литера-

См. на оборотъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ СЛОВО"

в 1864 году.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворять положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новыя нравственныя силы, т. е. служить ближайшимъ, насущнымъ его потребностямъ и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но неменѣе практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поколѣнія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое, что годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что было полезно и раціонально прежде, то сдѣлалось безполезнымъ и нераціональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живого, лживое отъ правдиваго, мечтательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель вложитъ хоть крупинку добра въ это драгоцѣнное достояніе народа, онъ можетъ считать себя счастливѣйшимъ дѣятелемъ, не даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями — строго реальнымъ взглядомъ на вещи и сближеніемъ экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами. По этимъ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насколько мы успѣли осуществить наши стремленія — объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКАГО СЛОВА». Многое разумѣется превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время,

не заносясь слишкомъ лестными надеждами и не обѣщая больше того, что можемъ выполнить, мы смѣло даемъ слово въ одномъ— не пренебречь ничѣмъ, что можетъ придать новыя достоинства нашему изданію. Признаемся, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли кто можетъ упрекнуть насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили довѣріемъ своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ большія средства къ улучшенію журнала и слѣдовательно большія надежды на сочувствіе публики.

ПРОГРАММА «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и переводныя), статьи по вопросамъ историческимъ, соціальнымъ и по предмету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимущественно популярнымъ изложеніемъ и беллетристическимъ характеромъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ. Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ помѣщается Библіографическій Листокъ, заключающій въ себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись—обозрѣніе внутренней жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка—сатирическій фельетонъ о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для неполучающихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ нелишнимъ представить здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по большой дорогѣ; 2) Убыточность незнанія; 3) Условія прогресса.— Н. В. Шелгунова. 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки изъ исторіи труда.—Д. И. Писарева. Афонъ.—Н. А. Благовѣ-

щенскаго. 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3) Чего не дѣлать.—Н. В. Соколова. Гейне и Берне.—В. А. Зайцева. Разсказы объ Испаніи. — Д. И. Каченовскаго. Характеръ специфическихъ женскихъ преступленій.—М. А. Филиппова. Родительская суббота. — Н. А. Потѣхина. Манфредъ (драма Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Повѣсти и разсказы А. Г. Витковскаго, П. Горскаго и др.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: Критическій разборъ романа Н. Г. Чернышевскаго: «Что дѣлать?»—Д. И. Писарева. Разборъ книги Дж. Ст. Милля: «О представительномъ правленіи» (три статьи)—Г. Е. Благосвѣтлова. Новый и старый свѣтъ.—Н. В. Шелгунова. Афонъ — Н. А. Благовѣщенскаго. Чайльдъ-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Бѣлинскій и Добролюбовъ—В. А. Зайцева. Современные италіянскіе поэты и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки **12 р. 50 к.** — съ пересылкой и доставкой на домъ — **14 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Кельчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

3) въ книжномъ магазинѣ Н. А. Сеньковскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 60.)

ВЪ МОСКВѢ—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.)

Гг. служащіе пользуются разсрочкой въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣлается уступка 20% съ номинальной цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНІЯ Л. МЕЯ, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 4 р.

СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпуска 3 р.; съ перес. 4 р.

Всѣ эти сочиненія кромѣ Главной Конторы «РУССКАГО СЛОВА» продаются въ вышеозначенныхъ магазинахъ: В. П. Печаткина и И. Ф. Кольчевскаго (въ С.-Петербургѣ); въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черепина (въ Москвѣ).

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

1863

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 29 ноября 1863 г.

ПОРѢЧАНЕ.

РАЗСКАЗЪ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО *).

I.

Дивный уголокъ земли.

На берегу рѣки Озерной раскинуты два большія поселенія, составляющія предмѣстіе огромнаго и богатаго города—Большая По-

---

*) 9-го октября, на Малоохтенскомъ кладбищѣ, похоронили мы нашего молодого писателя, Николая Герасимовича *Помяловскаго*, и съ нимъ похоронили много крѣпкихъ надеждъ. Въ своихъ произведеніяхъ покойный показалъ намъ новую, честную силу таланта, обѣщавшаго впереди многое. Въ немъ мы видѣли даровитаго представителя новой реальной литературы, самобытностью языка и взгляда рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ другихъ писателей. Не испорченный барскимъ, теоретическимъ воспитаніемъ, невынесшій изъ бурсы ничего, кромѣ ядовитыхъ сомнѣній,—онъ смѣло и прямо взглянулъ въ глаза жизни и отъ нея одной потребовалъ прямыхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнья... Многое пришлось ему испытать и пережить прежде, чѣмъ онъ нашелъ эти отвѣты, но изъ нихъ онъ составилъ свои честныя, непоколебимыя убѣжденія, которыя легли въ основу всей его дѣятельности. Тѣмъ-то и дорога для насъ эта дѣятельность, что въ ней выразился правдивый, *жизненный* смыслъ.

Главныя работы Помяловскаго были впереди, и кто зналъ его близко, кто зналъ, сколько глубоко задуманныхъ плановъ таилось въ головѣ его, тотъ съ уваженіемъ будетъ вспоминать объ этомъ, слишкомъ рано погибшемъ талантѣ.

—

Прилагаемый здѣсь разсказъ «Порѣчане», Помяловскій писалъ для «Русскаго Слова» въ послѣдніе дни своей жизни, и далеко не успѣлъ покончить и обработать его. Печатая подлинникъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ авторомъ, но желая вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить для читателей, по возможности, весь интересъ разсказа, я вкратцѣ присоединяю къ нему то, что неоднократно разсказывалъ мнѣ покойный о дальнѣйшихъ приключеніяхъ порѣчанъ. Въ такомъ видѣ разсказъ дополняетъ пробѣлъ, оставленный авторомъ.

31 октября. *Н. Благовѣщенскій.*

рѣчпа и Малая Порѣчпа. Онѣ раздѣляются между собою рѣчкою Чернавкой. При впаденіи Чернавки въ Озерную стоитъ казенная верфь.

Дѣйствіе нашего разсказа происходитъ въ Малой Порѣчнѣ.

Малая Порѣчна не городъ, не деревня, не посадъ. Организація этого селенія оригинальна. Обѣ Порѣчны основаны Петромъ I. Онъ построилъ при Озерной верфь; для верфи понадобились работники; Петръ и выписалъ изъ новгородской, тверской и олонецкой губерній разнаго рода вольныхъ людей, въ числѣ трехъ сотенъ, изъ которыхъ поселилъ двѣ въ Большой Порѣчнѣ, а одну въ Малой. Поколѣніе за поколѣніемъ, отъ этихъ колонистовъ разраслось населеніе порѣчанъ до четырехъ тысячь. Они должны были работать на царя топоромъ, пилою и долотомъ на казенной верфи треть года, а остальныя двѣ трети могли заниматься чѣмъ угодно.

Порѣчну мы назвали предмѣстіемъ города, но она въ то же время составляла кварталъ города, имѣла полицейскаго офицера, городового, хожалыхъ и бутарей. Составляя часть города, она, казалось, должна была подчиняться всѣмъ учрежденіямъ и законамъ городскимъ; но на дѣлѣ было не такъ. За то, что порѣчане для верфи бросили родину, прикрѣпились къ ней, подчинились морскому вѣдомству, не могли приписаться ни къ мѣщанству, ни къ купечеству, они получили многія льготы и привиллегіи: имъ даны были свое правленіе, судъ и расправа, свои общественныя суммы, неподлежащія вѣденію думы; порѣчане были освобождены отъ податей, солдатчины и другихъ повинностей; они сами заботились о своей церкви, школѣ, дорогахъ и т. п., и наконецъ, надѣлены были землями, взамѣнъ тѣхъ, которыя оставили для верфи. Вслѣдствіе такой конституціи, данной порѣчанамъ, они, отстаивая свою вольность, всегда воевали съ полиціей и достигли того, что она не имѣла для нихъ никакого значенія.

При такомъ самоуправленіи, порѣчане, по натурѣ своей, были народъ своенравнаго закала. Вы и теперь встрѣтите въ Порѣчнѣ осмиконечные кресты, врѣзанные въ ворота домовъ — знакъ того, что въ ней немало старовѣровъ, а въ старые годы почти все населеніе Порѣчны состояло изъ раскольниковъ безпоповщинской секты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрушена ихъ молельня: кладбище, на которомъ покоились родные ихъ и земляки, было разметано; могильный камень, дерево, желѣзо и бронза были расхи-

щены, самая молельня обращена въ православную церковь. Впрочемъ въ то время большинство порѣчанъ были православными, и потому оскорбленье пало на меньшую часть ихъ. Но тѣмъ не менѣе, въ существѣ дѣла, въ натурѣ своей, порѣчане *всѣ* были раскольники; традиція прежнихъ нравовъ сохранилась въ полной силѣ въ ихъ быту. Порѣчане наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ независимость и упорство въ своихъ понятіяхъ и жизни, которыя еще болѣе развились подъ вліяніемъ привиллегій, данныхъ отъ Петра.

Самый родъ занятій, работы, которыми промышляли порѣчане, должны были вносить въ ихъ бытъ развивающіе элементы. Они были столярами, плотниками, токарями, рѣзчиками, позолотчиками. Всякая работа вліяетъ на характеръ человѣка: сапожникъ и портной, отъ сидячей жизни, пьянствуютъ; никто на Руси такъ не лается, какъ бурлаки, потому что ихъ работа невыносимо тяжела; мясники — всѣ народъ краснощекій и здоровый, потому что постоянно дышатъ испареніями свѣжаго мяса и ѣдятъ свѣжее мясо; рыбаки — люди кроткіе, потому что живутъ среди природы, — не даромъ Христосъ изъ среды ихъ выбралъ своихъ апостоловъ, и т. д. Тоже самое было и съ порѣчанами: родъ занятій вліялъ на ихъ нравы; особенно токарное и рѣщицкое дѣло, которыя составляютъ какъ бы переходную ступень отъ ремесла къ искусству, стоятъ въ рединѣ между ними, требовали нѣкоторой развитости и изящнаго вкуса, пониманія симметріи, изобрѣтательности рисунка, знанія породъ и добротъ разнаго вида деревъ; при нихъ употребляются циркуль, транспортиръ, винты, винкелъ, стропило, ватерпасъ и множество другихъ инструментовъ и приборовъ, требующихъ для обращенія съ ними нѣкоторой образованности и развитости; необходимо было умѣть считать и чертить, — а это безъ грамоты и письма почти немыслимо. Словомъ, ихъ занятія требовали научныхъ свѣденій, хотя и не очень большихъ. Вотъ почему въ Порѣчнѣ есть школа и вотъ почему обыватели ея большею частію народъ грамотный; скажемъ болѣе: нѣкоторые порѣчане выписывали газеты, даже журналы и покупали книги; — правда, такія лица составляли исключеніе, но все-таки они были. Дѣды порѣчанъ — раскольники, а среди раскольниковъ, какъ извѣстно, много людей грамотныхъ; поэтому то грамотность, по преданію, вошла въ обычай у порѣчанъ; если кто не читалъ современныхъ изданій, то держалъ въ домѣ какую нибудь старинную книгу, рукопись,

«Библію» а зажиточные даже «Четьи-Минею»—изданіе очень дорогое. Все это болѣе или менѣе должно было цивилизовать порѣчанъ.

Бытъ женщинъ въ Порѣчнѣ тоже отличался характерными особенностями. Происходя отъ безпоповцевъ, у которыхъ мужчина и женщина совокуплялись между собою безъ брака церковнаго, порѣчанки развили и воспитали въ себѣ широко-свободныя отношенія къ мужчинамъ. Порѣчанка, прежде нежели вступала въ супружество, *жениxалась* съ своимъ суженымъ годъ, два и даже болѣе. Не только посторонніе, но и родители рѣдко обращали на то вниманіе; случалось даже такъ, что отецъ и мать ужинаютъ, а дочь ихъ за порогомъ совершаетъ съ своимъ *душкой* — если не эмансипацію, то... какъ бы сказать?... ну, *синондряцію* что ли, какъ выражается одинъ мой знакомый. Послѣ такой, нерѣдко трехлѣтней синондряціи, жениxавшіеся почти никогда не измѣняли другъ другу. Незаконное дитя,—слѣдствіе жениxанья, не стѣсняло никого: оно, какъ и законное, дѣлалось прикрѣпленнымъ къ верфи порѣчаниномъ или порѣчанкою, и пріобрѣтало право дѣтей, рожденныхъ въ церковномъ бракѣ. Но, господа, любящіе клубничку, помните, крѣпко помните, что свобода нравовъ допускалась только между порѣчанами; пришлые изъ города не пользовались удобствами мѣстной эмансипаціи: если изъ нихъ кто обнаруживалъ поползновеніе на порѣчанку, то дорого платился за это. Такъ одинъ богатый купчикъ сталъ ухаживать за хорошенькой порѣчанкой: его избили до скоротечной чахотки, и послѣдовало отданіе души его куда слѣдуетъ. Равнымъ образомъ одна, довольно крупнаго чина, особа изволила посягнуть на порѣчанку; эту крупнаго чина особу до жестокаго возбужденія и чувствительности кожи отодрали жгучею крапивой, говоря: «это значитъ — мы сѣемъ *крапивное сѣмя*». Подобныхъ исторій, устроеваемыхъ порѣченскимъ амуромъ, было не мало... Что же это значитъ?... Откуда эта свобода для себя и стѣсненіе для постороннихъ?... — «Намъ самимъ бабъ надо!» говорили порѣчане... И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же взять ихъ, если порѣчанки будутъ измѣнять мѣстному амуру?... Вѣдь очень рѣдко не порѣчанка пойдетъ за прикрѣпленнаго къ верфи. Вотъ почему порѣчанка, свободная дома, на сторонѣ стѣснялась строгимъ контролемъ. Но только въ этомъ порѣчанки и были стѣснены; въ другихъ отношеніяхъ онѣ были женщины вполнѣ самостоятельныя. Ихъ сила заключалась въ томъ, что онѣ, не походя на нашихъ барышень,

для которыхъ отецъ долженъ заготовлять деньги въ видѣ приданаго для ихъ замужняго существованія, были независимы въ матеріальномъ отношеніи. Въ Порѣчнѣ мужъ рѣдко заботился о прокормленіи своей жены—она сама кормила себя, а иногда мужа и дѣтей. Порѣчанки торговали въ городѣ молочными скопами и добывали денегъ никакъ неменѣе своихъ мужьевъ и братьевъ. Скажутъ, что при нашемъ общественномъ строѣ это ничего не значитъ: мужъ всегда можетъ отобрать отъ жены добытыя ею деньги. Можетъ. Но, съ одной стороны, порѣчане въ долгій періодъ жениханья, предшествовавшій свадьбѣ, имѣли возможность коротко узнать другъ друга, вслѣдствіе чего меньше было шансовъ для несчастныхъ браковъ; а съ другой стороны, порѣчанки имѣли довольно крѣпкія мышцы, онѣ носили въ городъ на коромыслахъ молоко и сливки въ жестяныхъ кувшинахъ, мѣрою въ два и три ведра, дѣлая походъ верстъ въ двадцать и болѣе, — это развивало ихъ мышцы; наконецъ, порѣчанки, по общей слабости женщинъ — перемывать кости ближняго, любили во время похода болтать; грохотъ экипажей по мостовой города заглушалъ ихъ голоса, онѣ должны были сильно напрягать легкія,—отъ того легкія развивались, и вотъ почему порѣчанки были народъ грудастый и горластый; онѣ, въ спорахъ съ мужчинами, употребляли въ дѣло грудные мѣхи, отъ которыхъ зависѣла немалая доля ихъ успѣха. Итакъ нравственная сила, денежная сила, мышечная сила и гортанная сила должны были создать типъ порѣчанки. Человѣка, изъ котораго долженъ выйдти дурной мужъ, порѣчанка, если она не дура, разгадать можетъ во время жениханья и броситъ его; если ошибется — пойдетъ замужъ, а мужъ станетъ куражится, она спрячетъ отъ него свои деньги; станетъ мужъ драться, она сдачи дастъ; мужъ окажется сильнѣе, она заревѣтъ въ всю свою здоровенную грудь, такъ что по крайней мѣрѣ половина Порѣчны узнаетъ, кто бьетъ, кого бьетъ и за что бьетъ; а вырвавшись изъ рукъ сожителя, она, выбѣжавъ на улицу, опозоритъ его на весь міръ божій. Случалось и такъ: мужъ попадался безталанный и притомъ слабосильный; тогда главою семейства становилась женщина: она кормила, поила и одѣвала семью, заправляла хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей, а супругъ занималъ то положеніе, которое обыкновенно, въ большей части случаевъ, занимаетъ у насъ жена по отношенію къ мужу. Вообще въ Порѣчнѣ женщина не могла быть подавлена мужскимъ деспотизмомъ.

Итакъ въ Порѣчнѣ процвѣтало самоуправленіе, вольный духъ, образованность, эмансипація женскихъ правъ... Не правда ли, что дивное мѣстечко, славный уголокъ земли... Но, читатель, не увлекайтесь. Съ поверхностнаго, птичьяго полета, Порѣчна была прекрасна, но взглянемъ поближе на нее, и на первый разъ взглянемъ хоть на внѣшній видъ Порѣчны.

Малая Порѣчна имѣетъ довольно красивую кладбищенскую церковь, которая раздѣляетъ ее на два края или конца, имѣетъ правленіе, школу, ресторацію «Магнитъ», виноторговлю, два кабака, восемь мелочныхъ лавокъ (мясныхъ и булочныхъ нѣтъ). Въ ней только три каменныхъ дома, остальные — всѣ деревянные, и среди деревянныхъ не болѣе десятка двухъ-этажныхъ. Почти четвертая часть домовъ представляетъ собою видъ печальный: это чорныя, гнилыя, разсѣвшіяся надвое и натрое избушки, вросшія въ землю, и у тѣхъ избушекъ прогнили крыши, покачнулись стѣны, отчего и подперты онѣ досками и кольями; перекосившіяся окна нерѣдко заклеены бумагою или тряпицею, а не то и просто заткнуты мужицкимъ армякомъ или бабьимъ капотомъ. Лѣвый край Малой Порѣчны вымощенъ булыжникомъ, но было бы гораздо лучше для обывателей, когда бы совсѣмъ не существовало у нихъ мощонаго проспекта, который никогда не ремонтировался и былъ изъязвленъ рытвинами, ухабами, бусраками и разнаго рода чертоплѣшинами. Посреди проспекта Малой Порѣчны положены досчатые мостки, страшно исковерканные и испещренные прорѣхами и неуклюжими заплатами; дыры и заплаты ломали ноги трезвому и пьяному люду порѣченскому. Въ Малой Порѣчнѣ почти нѣтъ садовъ; обильная зелень только и встрѣчается на кладбищѣ, которое вслѣдствіе того служитъ для обывателей публичнымъ садомъ. Нѣкогда же селеніе было окружено дремучими лѣсами, переполненными сосною и елью, березнякомъ, осиной и рябиной, въ нихъ попадались дубъ и кленъ; но лѣса давно вырублены верстъ на двадцать кругомъ во всѣ стороны — дерево пошло на топливо, постройки и подѣлки разнаго рода, даже коренья вырыты изъ земли и сожжены въ печахъ порѣченскихъ. Теперь сзади селенія лежатъ необъятные для взора сѣнокосы, а спереди течетъ широкая, быстрая, свѣтло-водная красавица рѣка Озерная.

Таковъ общій видъ Порѣчны. Отчего же онъ, не смотря на самоуправленіе, вольный духъ, образованность и эмансипацію, такъ печаленъ? А вотъ разберемъ, каковы въ ней были самоуправленіе,

вольный духъ, образованность и эмансипація женскихъ правъ: тогда и увидимъ, въ чемъ дѣло.

II.

Бабу надо.

Иванъ Семенычъ Огородниковъ, порѣченскій селянинъ, столярный мастеръ, былъ здоровеннѣйшій парень лѣтъ двадцати четырехъ, красавецъ собой, курчавый, широплечій, крѣпкогрудый и первый силачъ на Порѣчнѣ. Онъ, не смотря на видимую доброту своего сердца, былъ, какъ увидимъ, мошенникъ на правую руку и на лѣвую руку.

Иванъ Семенычъ, зимнимъ вечеромъ, сидѣлъ въ своей непригляной, маленькой мастерской, которую разсматривалъ съ полнымъ отвращеніемъ. Взглянулъ онъ на верстакъ, на оструганную доску, на опилки подъ верстакомъ, на сальный огарокъ на немъ,—и на все это плюнулъ со злостью...

— Чего же я злюсь? спросилъ онъ себя.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

Иванъ Семеныч сталъ снова озирать свое жилище.

— Какое у меня, думалъ онъ:—значитъ есть богатство и украшеніе въ комнатѣ?.. Посмотримъ... Въ углу образъ божіей матери, но вѣдь безъ всякаго оклада... Подъ ней Георгій-побѣдоносецъ... да что въ немъ *плезиру*? самъ - то Георгій давнымъ давно слинялъ, и осталась отъ него одна лошадь да ноги самого...

Иванъ Семенычъ плюнулъ.

— Посмотримъ, что еще у насъ?.. Это что? спросилъ онъ, глядя на маленькую, въ полвершка величиною картинку, прикрытую стеклышкомъ.

— Это что?

— Ахъ, ты лѣшій, отвѣчалъ онъ:—вѣдь это съ табачной бандероли выюѣзанная цифра «2».

— Ты зачѣмъ здѣсь?.. вонъ!..

Иванъ Семенычъ сорвалъ со стѣны цифру и растопталъ ногами приклеенное къ ней стекло.

— Что далѣе? говорилъ онъ...—А!.. портретъ генерала... Но

отчего ему рожу перекосило?.. Развѣ такіе бываютъ генералы? Развѣ у генераловъ бываютъ вмѣсто щекъ титьки?.. Развѣ генералы имѣютъ кривой носъ?.. А зачѣмъ глаза его смотрятъ — одинъ въ Москву, другой въ Питеръ?.. Къ чему рисуютъ такія святочныя хари?.. Будто это генералъ?.. Подожди, я доберусь до тебя, сказалъ онъ, погрозивъ генералу кулакомъ...—Господи, какъ мнѣ скучно, какъ тяжело! заключилъ Иванъ Семенычъ. — Отчего же это?

Иванъ Семенычъ сталъ ходить по комнатѣ, отыскивая въ ней по угламъ и подъ лавками причину своей скуки, и нигдѣ не отъискалъ ее.

— Чортъ знаетъ что такое!... проговорилъ онъ: —кажется, я человѣкъ работящій... дѣло свое справляю, *значитъ*, какъ слѣдуетъ, въ храмъ божій хожу... по праздникамъ поповъ принимаю... царю я слуга вѣрный... человѣкъ я образованный... я сытъ, обутъ, одѣтъ... дѣвчонки на меня зарятся... Чего еще не достаетъ мнѣ?.. А чортъ съ ней и со скукой!.. Дай, поработаю!

Иванъ Семенычъ ввинтилъ доску въ верстакъ и началъ стругать ее. Но это мало развлекло его. Онъ со злостью бросилъ на полъ стругъ и сталъ чесать рыжую овчину на своей головѣ.

— Лягу же спать, чортъ ихъ дери!

Полѣзъ онъ на печь, но не спится ему... Послѣ долгаго поварачиванья съ боку на бокъ, онъ проговорилъ:

— Нѣтъ же, стану работать!..

Онъ взялъ въ руки долото и сталъ долбить имъ доску. Но вдругъ бѣшенство напало на него...

— Тяжко, тяжко! шепталъ онъ, всаживая долото въ дерево...

Въ это время передъ нимъ, при мерцающемъ свѣтѣ сальнаго огарка, на закоптѣлой и покрытой тараканами стѣнѣ, вырѣзалась картина генерала.

— Чего ты смотришь на меня? закричалъ Иванъ Семенычъ генералу грозно.

При дрожащемъ свѣтѣ огарка, генералъ мигнулъ — однимъ глазомъ въ Москву, другимъ въ Питеръ.

— Молчи, чортъ! кричалъ нашъ герой.

Генералъ, разумѣется, ни слова.

— Поговори ты у меня!

Генералъ не говоритъ. Но у Ивана Семеныча вѣроятно было очень сильное воображеніе, доводящее его и въ трезвомъ видѣ до

галлюцинацій. При напряженномъ состояніи нервовъ, ему слышалось что-то.

— Чего жъ тебѣ надобно? вопилъ онъ.

Генералъ опять мигнулъ въ Москву и въ Питеръ...

— Хорошо же!

Иванъ Семенычъ всадилъ долото въ лобъ генерала.

— Я тебѣ и брюхо распорю.

Распоролъ.

— Я тебя совсѣмъ задушу!

Иванъ Семенычъ сорвалъ невинную картину, бросилъ ее на полъ и сталъ топтать ее своими крѣпкими ступнями. Но вдругъ на него нашло раздумье.

— Что я дѣлаю?.. Что я дѣлаю?.. къ чему это?.. Что это со мной? Боже мой, Боже мой!..

Онъ сталъ шагать по комнатѣ, снова осмотрѣлъ ее всю, и потомъ остановился среди бѣдной хаты. Въ ту минуту онъ походилъ на египтянина, которому сфинксъ задалъ неразрѣшимую загадку. Въ чемъ же состояла эта загадка? Въ вопросѣ: «что мнѣ надо?» Вся фигура Ивана Семеныча выражала темную грусть. Онъ никакъ не могъ поймать за хвостъ ту причину, которая породила его грусть. Лицо его снова побогровѣло злостью, кровь бросилась въ голову, зубы стиснулись, кулакъ сжался; но потомъ неожиданно лицо освѣтилось чѣмъ-то въ родѣ небесной радуги.

— Кажется, такъ? спросилъ онъ, ударивъ себя ладонью по лбу.

Онъ совсѣмъ просвѣтлѣлъ.

— Да! крѣпко ударилъ Иванъ Семенычъ словомъ «да».

Не узнать его теперь: свѣтелъ сталъ онъ, ясенъ, радуженъ, похожъ на сторублевую ассигнацію. Но потомъ на него напало сомнѣніе, и, подперѣвъ пальцемъ носъ, онъ спросилъ:

— Будто!

Опять грустью подернулось лицо.

— Именно такъ!.. Да!.. знаю, что мнѣ надо!.. Что?.. бабу надо!.. Эхъ, кабы Груньку!..

Иванъ Семенычъ сталъ одѣваться. Одѣлся и пошолъ на улицу искать себѣ бабу.

Милостивые государи, вамъ, разумѣется, не надо бабы, а требуется дама, а вотъ Ивану Семенычу не надо дамы, а требуется баба. Отъищетъ ли онъ ее?

III.

Баба и любовное объясненіе съ нею.

Иванъ Семенычъ встрѣтилъ на улицѣ бабу (дама тожъ) и именно ту, которая ему требовалась.

— Аграфена Митревна, это вы? спросилъ онъ.

— Мы, было отвѣтомъ...

— Отъ насъ *салонъ-съ* вамъ.

— Поди прочь, *окольный чортъ!*

— Мы не околѣли... Отъ насъ *пришпектъ* вамъ.

— Что тебѣ надо, *тавлинникъ?*

— Табаку не нюхаемъ... Отъ насъ *папериментъ* вамъ.

— Свинья ты!

Иванъ Семенычъ взялъ Аграфену Митревну за талію: у бабъ, какъ и у дамъ, есть талія.

— Отстань, лѣшій! сказалъ порѣченская дама (баба тожъ).

— Полюби меня, отвѣчалъ мой герой...

— Тебя?.. за что?

— За мои таланты.

— У тебя таланты?

— У насъ.

— А не хочешь ли я тебѣ скажу, что ты, какъ есть, свинья.

— Это—мы?

— Вы.

Аграфена Митревна расхохоталась.

— Какіе это, значитъ, есть у тебя таланты?

— Что же, Аграфена Митревна, посмотри ты на меня: чѣмъ я противъ другихъ не вышелъ?

— А ты взгляни, дуракъ, у тебя изба колется на двое.

Иванъ Семенычъ почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, что скажешь?

— Починимъ.

Иванъ Семенычъ посмотрѣлъ всторону, какъ человѣкъ мучимый совѣстью.

— Въ кои вѣки?

— Ужъ сдѣлайте одолженіе...

— Поди прочь, необразованность.

— Мы необразованны?.. Отъ васъ ли я слышу, Аграфена Митревна? Да вотъ теперь сколько сказалъ я вамъ хорошихъ словъ.

Иванъ Семенычъ говорилъ это съ полнымъ убѣжденіемъ. Порѣченская образованность выражалась въ особаго рода типическомъ краснорѣчіи. Это не было краснорѣчіе риторическое, стелющееся длинными періодами, не было краснорѣчіе семинарское, удобренное славянскими цитатами; это было краснорѣчіе чисто туземное, оригинальное и своеобразное. Оно состояло въ умѣньи подбирать *хорошія* слова, въ родѣ *салонъ*, *паперimентъ*, *пришпектъ* и т. п. Подслушавъ въ городѣ, гдѣ порѣчане справляли нерѣдко работы, или вычитавъ въ газетѣ хитрое, нерусское словцо, порѣчанинъ пускалъ его въ ходъ въ своемъ селеніи. Это слово въ устахъ порѣчанина совершенно перемѣняло свой настоящій смыслъ. Порѣчанинъ хорошимъ словомъ и обругается, и похвалитъ, и выразитъ просьбу, въ родѣ того, какъ и всякій нашъ соотечественникъ можетъ выразить крѣпкимъ русскимъ словцомъ какое угодно расположеніе духа. Порѣченское краснорѣчіе, кромѣ того, постоянно пересыпалось словами «значитъ», «околѣлый чортъ» и «тавлинникъ». Къ туземному краснорѣчію у многихъ порѣчанъ развивалась положительная манія. Какъ теперь помню, переѣзжалъ я черезъ Озерную въ яликѣ. Со мною сидѣлъ молодой порѣчанинъ. Глядя на отстраивающуюся церковь, онъ сказалъ: «а вѣдь церковь строится въ историческомъ стилѣ». Впадая въ его тонъ, я отвѣтилъ: «такъ; но въ основѣ стиля лежитъ идеальная трапеція трансцендентальнаго литанд-пункта». Онъ заставилъ меня повторить хитрую фразу нѣсколько разъ, запомнилъ ее, и я увѣренъ, что въ тотъ же день пустилъ въ ходъ идеальную трапецію. Таково было краснорѣчіе порѣчанъ.

— Мы необразованны? продолжалъ Иванъ—Семенычъ: да какой хотите *рецептъ* устрою вамъ.

Аграфенѣ Митревнѣ, очевидно, нравились всѣ *салоны*, *пришпекты*, *паперименты* и *рецепты* Ивана Семеныча, но она все-таки отвѣчала:

— Почище васъ найдемъ.

— Гдѣ это?

— Здѣсь же—въ Порѣчнѣ.

— Кого это?

— Не васъ.

— А насъ, значитъ, къ свиньямъ?

— Именно.

— За что же, Аграфена Митревна?

— А за то, что мы для васъ—не въ коня кормъ будетъ: рыломъ не вышли.

— Что ты говоришь, Аграфена Митревна?.. Побойся ты Бога!.. Я ли некрасивъ?.. Посмотри ты на мой ростъ, на плечи, на грудь, на лапы, наконецъ—вѣдь вона какая рука, кого тресну, такъ значитъ, покойникъ и будетъ...

— Что жъ изъ того толку?.. Все-таки у тебя ни кола, ни двора... Я на молокѣ да на сливкахъ добуду рубля два-три, а ты-то что?..

— Я же, Аграфена Митревна, человѣкъ работящій.

— Знаю... и воръ изрядный...

— Что жъ?.. это не къ худу: разживемся, дастъ Богъ.

— Ты-то?

— Мы.

— Дуракъ ты, дуракъ, право, дуракъ.

— Аграфена Митревна, сталъ говорить Иванъ Семенычъ патетическимъ голосомъ:—пожалѣй ты меня сироту, человѣка одинокаго... Скучно одному, тошно!... Ни отца, ни матери нѣтъ, ни братьевъ, ни сестеръ... Что же мнѣ дѣлать?.. не въ кабакъ же идти... не чорту душу продать... Голубушка моя милая!.. полюби меня, Аграфена Митревна... Ей Богу, души своей не пожалѣю для того, чтобъ ты въ золотѣ ходила... Мнѣ безъ тебя вѣдь жизнь не жизнь...

— А мнѣ-то что? отвѣтила Аграфена Митревна.

Темныя тучи заходили по лицу Ивана Семеныча.

— Значитъ, Аграфена Митревна, такъ-таки и ничего? спросилъ онъ.

— Само собою...

— Когда такъ, мнѣ все равно!.. Что хочешь, а свое я возьму!.. Я люблю тебя, Грушенька!..

Иванъ Семенычъ бросился на бабу (дама тожъ) и заключилъ ее въ могучія объятія. Сталъ онъ ее «цѣловать, крѣпко къ груди прижимать»... Но хотя Иванъ Семенычъ былъ первый богатырь въ Порѣчнѣ, дама съумѣла высвободиться отъ него: она укусила Ивана Семеныча въ шею; Иванъ Семенычъ въ ту минуту отпустилъ ее; баба (дама тожъ) ударилась въ бѣги... Иванъ Семенычъ за бабой

баба отъ него, онъ за бабой; баба дальше. Онъ уже настигаетъ бабу, но когда оставалось только протянуть руку и схватить бабу, она скрылась за воротами своего дома...

— Ушла, свинья! говорилъ Иванъ Семенычъ.

— Околѣлый чортъ! послышалось изъ-за воротъ.

Темно на улицѣ, и потому только разсмотрѣть нельзя, какъ по щекамъ Ивана Семеныча ползутъ ядовитыя слезы. Онъ, читатели, сильно любилъ. Но странно любилъ этотъ человѣкъ, по порѣченски...

— Груня!.. Грунька!.. заговорилъ онъ: — за что ты меня не любишь? Эхъ!..

Пошелъ Иванъ Семенычъ въ свою закоптѣлую, изъѣденную плесенью и тараканами избу.

— Проклятое бабье! говорилъ онъ: — чортова порода!.. Взять бы тебѣ, любезная моя Аграфена Митревна, да поднять подолъ, да задать хорошихъ шлепендрясовъ — вотъ и былъ бы *пачериментъ* вашей милости!.. А ей богу сдѣлаю это!.. При всемъ честномъ народѣ опозорю... Охъ, бѣдность, бѣдность!

IV.

О томъ, какъ въ Порѣчьѣ всѣ бабы ротъ растегнули.

Одинадцать часовъ утра. Если бы порѣчане читали г. Берга, то они сказали бы: «экіе морозцы, прости Господи, стоятъ». Но въ описываемое нами время, г. Бергъ, прости его Господи вѣроятно, ходилъ въ курточкѣ, а въ тогу еще не былъ посвященъ и не либеральничалъ съ зайцемъ и зайчихою. Итакъ, порѣчане не сказали: «экіе морозцы, прости, Господи, стоятъ». А морозцы стояли трескучіе.

Кабакъ, нашъ отечественный парламентъ, по случаю праздничной обѣдни, былъ запертъ. Около парламента стояла огромная толпа *муравьевъ*. Муравьи суть крючники, т. е. джентельмены, занимающіеся, при пособіи желѣзнаго крюка, переноскою хлѣбныхъ кулей на своихъ крѣпкокостныхъ спинахъ. Прозваны они муравьями отъ мѣстныхъ бурсаковъ, которые крючника образно представляютъ въ видѣ муравья, а куль его въ видѣ муравьинаго яйца. Муравьи волновались и шумѣли. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Сказываютъ, тотъ, что поменѣ, кочережку въ узелъ вяжетъ.

— Чаво! замѣчаетъ другой:—камень кулакомъ разсшибаетъ.

— Да что, братики мои, вмѣшался третій:—одинъ изъ нихъ, я слышалъ, четвертаки перекусываетъ.

— Ой ли? отвѣтили ему сомнительно: да ты изъ какихъ?

— Неча хвалиться, мы витебскіе, отвѣтилъ смиренно муравей.

— То-то «витебскіе»... не ври!..

— Неча врать: что слышалъ, то и сказалъ...

Въ сосѣдней деревни ударили въ колоколъ. Муравьи устремились къ дверямъ парламента, т. е., кабака, и стали ломиться въ двери.

— Дядя Пантелей, отвори! кричали они богу сивушнаго масла.

— Дядя Пантелей, въ церкви къ «достойни» ударили.

— По закону, выходитъ, отвори!

Отъ дяди Пантелея ни гласа, ни послушанія...

— Дядя Пантелей, оглохъ что ли?.. Лѣшій!.. Право, лѣшій!.. Вѣдь тебѣ жъ говорятъ, что къ «достойному» лупятъ... Отвори, чортъ!..

Изъ-за дверей кабака послышался отвѣтъ:

— Ждите молебна.

Муравьи, потерявъ надежду на скорое открытіе парламента, порѣшили:

— Неча дѣлать, давай ждать молебна.

— А кто видѣлъ молодцовъ? послышалось въ толпѣ.

— Каво? спросилъ вновь прибывшій муравей.

— Каво!... не лѣзь... чего прешь то?.. Ишь ротъ-то разинулъ,— смотри, ворона влетитъ.

— Чаво?..

— Чаво!.. Спишь что ли?:. Вздремнулъ?

— Не лайтесь, ребята, не съ чего, вмѣшался миролюбивый муравей.—Стойте-ка, я лучше разскажу вамъ о молодцахъ.

— Ты видѣлъ ихъ?

— Видѣлъ ..

— Каковы?

Сильное любопытство слышалось въ этомъ вопросѣ.

— Ростомъ — вона! заговорилъ, одушевляясь, муравей, неистово мѣряя въ воздухѣ руками: плеча—эва!.. рожа — вона!.. силища,— скажу вамъ, непомѣрная!..

Затрезвонили къ молебну.

— Ребята, лупи въ кабакъ!

Муравьи опять устремились къ парламенту.

— Дядя Пантелей, къ молебну жарятъ!.. Отвори!..

Открылись двери кабака.

Мужики шумною толпой повалили въ парламентъ.

— Ну, ребята, началъ муравей—тотъ самый, который объяснялъ о молодцахъ, волновавшихъ умы крючниковъ:—ну, братики, теперь собирай складчину.

— Начто? спросилъ вновь прибывшій крючникъ.

— На дѣло.

— На кое?

— Тебѣ жъ говорятъ, что изъ Москвы молодцы пріѣхали... просто—богатыри, одно слово—богатыри!.. Сегодня лупку дадимъ порѣчанамъ... Вô — что!

— Лихо!.. такъ это имъ сборъ?

— На ведерную...

— Идетъ!.. Доброму дѣлу всегда радъ. Вотъ-тѣ колесо.

Мужикъ далъ гривну.

— Мало, братикъ, мало.

— Такъ вотъ-тѣ еще колесо.

Мужикъ далъ другую гривну.

Начался общій сборъ. Около осьми рублей ассигнаціями,—тѣхъ временъ откупная цѣна кабацкаго божка, имя которому ведерная, были сложены на доброе дѣло.

Но наконецъ мы должны объяснить читателю, что это было за доброе дѣло.

Для этого дѣла, зимою, каждый праздничный день, часа въ три пополудни, на дорогу, легшую поперегъ рѣки, собирались крючники и порѣчане играть въ старинную славянскую игру, называемую *боемъ*. Со стороны порѣчанъ сходилось до полутораста человѣкъ, а со стороны муравьевъ вдвое больше. Сначала съ обоихъ береговъ рѣки на средину ея сходились обыкновенно мальчики, крича: «дай бою, дай бою!» — призывный крикъ къ битью. Только къ вечеру собирался взрослый народъ; тогда дѣти отодвигались въ правую руку отъ дороги и устроивали здѣсь малое плюходѣйствіе. Кулачная игра имѣла свои правила и постановленія. Прохожихъ, неучаствующихъ въ дѣлѣ, трогать запрещалось; приходить съ вооруженною рукою — тоже; кто упалъ, того не били, а когда увлекался борецъ, кричали ему: «лежачаго не бьютъ!» Не позволяли бить съ тылу, а бейся

лицомъ къ лицу, грудь къ груди. Эти правила наблюдались строго: нарушителя ихъ били свои же. Въ бою шли стѣна на стѣну, впереди каждой—силачи, а сзади—остальной людъ, напирающій на противниковъ массою... Выигрышъ въ битвѣ состоялъ въ томъ, чтобы выперѣть противниковъ на ихъ же берегъ, послѣ чего начиналась на срединѣ новая боевая сходка. Бои существовали съ незапамятныхъ временъ, и запрещены въ Порѣчнѣ Николаемъ I, лѣтъ четырнадцать назадъ, вслѣдствіе событія, которое мы хотимъ разсказать. Эту игру обыкновенно поощряли купцы и военные... Бывало на Озерной, во время боевого дѣла, стоятъ коляски и сани; въ нихъ сидятъ купцы и офицеры, вызываютъ силачей на единоборство, держатъ пари и сыплютъ въ толпу серебро и бумажки, поощряютъ, жалуютъ. Большая часть денегъ выпадала на долю порѣчанъ: не смотря на то, что ихъ было почти на половину менѣе муравьевъ, они рѣдко обращались въ бѣгство. Работая на верфи, гдѣ приходилось лазить съ топоромъ и долотомъ, лепясь, какъ ласточки, по бортамъ судень, они естественно, кромѣ силы, пріобрѣтали и ловкость. Притомъ любовь къ дракѣ у нихъ была въ крови. Даже лѣтомъ, когда боевъ обыкновенно не бываетъ, порѣченскіе подростки бились между собою за кладбищемъ, край противъ края. Порѣчане, кажется, только тогда и не дерутся, когда лежатъ въ люлькѣ или зыбкѣ, но лишь только начнутъ ползать по полу, то такъ и наровятъ какъ бы расшибить носъ своему братишкѣ или сестренкѣ. Бѣдовый народъ. На бою они дѣйствовали дружно, крѣпко, стройно, умно. Муравьи же, хотя и обладали замѣчательною силой, необходимою для ихъ ломовыхъ работъ, но не имѣли ловкости порѣчанъ. Правда, если крючникъ ударитъ кого, то ударъ будетъ очень впечатлителенъ, но ему нечасто удавалось ловить подъ свой дубоватый кулакъ лицо противника. Поэтому муравьи нечасто одерживали побѣду. Муравьямъ это было очень обидно, и вотъ они выписали двухъ молодцовъ — братьевъ, пріѣзжихъ изъ Москвы, необыкновенныхъ силачей и притомъ искусныхъ водить бои. О нихъ прослышали и порѣчане.

Въ Порѣчнѣ два парламента. Въ одномъ парламентѣ толпятся порѣчане и рѣшаютъ тотъ же вопросъ, который уже успѣли рѣшить муравьи.

— Я, говоритъ одинъ порѣчанинъ, краснорѣчивый по туземному:— видѣлъ ихъ, какъ есть своею значитъ личною персоною.

— Такъ, отвѣчаютъ другіе, ободряясь «красно-хитро сплетеннымъ словомъ», думая, что онъ хочетъ отрицать слухи о непомѣрной силѣ богатырей.

— Что-жъ, продолжалъ ораторъ: — значитъ, слѣдуетъ сказать вотъ какъ: народъ, должно полагать, свирѣпый. Силища, должно думать, дьявольская. Словомъ, черти!

— Ихъ двое?

— Какъ есть, двое!.. Давеча я былъ за рѣкою у кабака, такъ про одного, просто, диво что толкуютъ. Сказываютъ, что кочережку крутитъ, какъ веревку, булыжникъ кулакомъ расшибаетъ, даже говорили, что четвертаки перекусываетъ. Но главная сила все-таки не въ томъ.

— Въ чемъ же?.. въ чемъ?

— Они бои важивали и всегда расшибали.

— Экіе черти!.. принесло же ихъ!..

— Да, принесло вотъ.

Вѣсти нехорошо дѣйствовали на порѣчанъ. Хлестневъ, первый силачъ, послѣ нашего героя, проговорилъ:

— Коли правда, что эти свиньи четвертаками облопались, то надо вести дѣло умѣючи.

— А что противъ силы предпримешь?

— Глупъ ты. Вотъ какой, значитъ, мы рецептъ устроимъ: кто посильнѣе, тотъ держись болѣе другъ къ другу, а остальные только отводи...потомъ, всѣ сразу на одного... Сшибемъ одного, я вамъ говорю, остальные бросятся бѣжать... Да что тутъ толковать? Поручаете мнѣ вести бой?

— Веди, Алексѣй Петровичъ, веди: ты на это ходокъ.

— Ну, и дѣло!.. Да пойдемте, братцы, просить Ивана Семеновича, чтобы помогъ намъ...

— Небольно-то онъ любитъ драться.

— Однако дирался же.

— Сегодня дѣло-то такое—пойдетъ.

Порѣчане выбрали изъ среды себя шесть человѣкъ и отправили ихъ къ Ивану Семенычу.

Ивана Семеныча всѣ знали и уважали, какъ силача. Особенно онъ прославился побѣдою надъ однимъ, какъ выражались порѣчане, заморскимъ богатыремъ. Въ городѣ жилъ одинъ графъ, человѣкъ необыкновенно сильный, спеціально изучившій боксъ и любившій потѣ-

шаться единоборствомъ. У этого графа Ивану Семенычу случилось справлять какую-то работу.—Кто у васъ сильнѣе всѣхъ? спросилъ его графъ.—Я, отвѣтилъ Иванъ Семенычъ.—Ты? Давай бороться.—Какже это такъ? А если я сомну васъ?—Ничего. Стали бороться и нашъ герой смялъ графа. Къ этому графу пріѣхалъ однажды англичанинъ, знаменитый боксеръ, о которомъ въ англійской печати упоминалось, какъ объ удивительномъ явленіи природы и кулачнаго искусства. Графъ познакомился съ нимъ, поборолся и былъ побѣжденъ. Закипѣло въ душѣ его патріотическое чувство глубоко оскорбленнаго самолюбія. — А что, спросилъ онъ англичанина: — согласитесь вы подраться съ однимъ знакомымъ мнѣ порѣчаниномъ? Боксеръ согласился. Далѣе предоставимъ разсказъ самому Ивану Семеновичу. Вотъ что я слышалъ отъ него. — Сидѣлъ я и строилъ оконный переплетъ. Слышу карета ѣдетъ. Ладно. Но вдругъ карета значитъ остановилась около моихъ воротъ. Это что такое? думаю себѣ: колесо что ли сломали? Взглянулъ: ничего не бывало, карета здоровехонька... Что за чортъ?.. Соскочилъ съ запятокъ лакей и идетъ на мой дворъ... приходитъ ко мнѣ и *презентуетъ*: «Ты—Иванъ Семеновъ Огородниковъ?»—Я, значитъ.—«Садись въ карету и поѣдемъ».—Зачѣмъ?.. куда?—«Графъ требуетъ».—Зачѣмъ же въ карету садиться?—«Повеземъ тебя къ графу».—Да къ чему же въ каретѣ? я и пѣшкомъ могу. — «Не толкуй, говоритъ: на то графская воля.»—Дѣлать нечего, одѣлся и сѣлъ въ карету,—разъ только въ жизни и ѣздилъ въ такомъ экипажѣ. Ошалѣвши, ѣду — ничего не понимаю. Пріѣхали. Позвали меня значитъ къ графу. — Можешь побить, спрашиваетъ, одного дурака?» — То есть, какъ побить?—«Переломать хорошенько кости одному господину?»—Кому прикажете? — «Пойдемъ.» И повелъ меня графъ. Привелъ въ большое зало. Въ залѣ сидятъ на креслахъ, я такъ полагаю, человѣкъ около полутораста, и все это, какъ я узналъ послѣ, родня да знакомые графа Т., тоже — графы да графини, князья и ихъ жены. Видите ли, къ графу-то пріѣхалъ заморскій богатырь и сталъ хвалиться, что его значитъ никто не побьетъ въ Россіи; графъ осерчалъ и вытребовалъ меня.—«Не опозорь,» говоритъ.—Какъ Богъ поможетъ, отвѣчаю:—а кого бить прикажете? — «Дерись вотъ съ этимъ господиномъ.»—По серединѣ залы расхаживалъ какой-то баринъ, какъ есть баринъ, во фракѣ.—Ихъ бить прикажете?—«Да. Но подожди.» Графъ поговорилъ что-то съ англичаниномъ. — «Сту-

пай, и дерись.»—Снялъ я синій суконный армякъ, перекрестился, понатужился, кушакъ лопнулъ значитъ, — и стали мы драться... Разъярился я: убью, думаю, а не позволю позорить Россію; но, чортъ знаетъ этого англичанина, извивается, какъ угорь, т. е., ни по чему не могу задѣть его, а онъ лупитъ меня и въ рожу, и въ горло, и въ грудь. Этакихъ ловкачей я и не видывалъ. Подожди же, думаю. Наконецъ изловчился я и саданулъ его по правому плечу; глужу, рука повисла; я по лѣвому,—другая повисла. Гляжу: онъ еле дышетъ.—Что, голубчикъ? спрашиваю, и замахнулся кулакомъ—убить его пожелалъ: значитъ, не позорь нашего отечества,—да графъ закричалъ: «не тронь!» Въ это время господа стали ревѣть: «ура!», «браво!» «молодецъ!» стали хлопать въ ладошки.—Удругу же я вамъ, думаю себѣ, и взялъ я, поднялъ англичанина фрачишко, да шелепами, шелепами его и выгналъ вонъ изъ зала. Послѣ бранили за это, говорили, что англичанинъ былъ тоже баринъ, англійскій баринъ, и хотѣлъ искать на графѣ; но все-таки графъ пожаловалъ меня двадцатью пятью рублями, да его гости накидали кучу денегъ.»—Такой подвигъ Ивана Семеныча знали даже ребятишки порѣчанъ. Съ глубокимъ уваженіемъ взирали на него селяне Малой Порѣчны. При громадной силѣ, Иванъ Семенычъ Огородниковъ былъ неустрашимъ и предпріимчивъ. Порѣчане говорили о немъ, какъ о молодцѣ, вотъ еще за какой подвигъ. Тронулся ледъ на рѣкѣ Озерной. Иванъ Семенычъ былъ за рѣкою. Ему непремѣнно надо было попасть домой. Что дѣлать? Иванъ Семенычъ, долго не думая, взялъ двѣ доски и съ ними сталъ переправляться на другую сторону рѣки, чрезъ туго идущій ледъ: положилъ доску на плывущую льдину, прошелъ по ней, положилъ другую доску, которую держалъ въ рукахъ, поднялъ свободную, положилъ новую, прошелъ по ней, и такъ перемѣняя доску за доскою, добрался до порѣченскаго берега. Это узналъ генералъ, управлявшій Порѣчною; за смѣлость и молодечество онъ пожаловалъ Огородникова, какъ и графъ, двадцатью пятью рублями. Награда понравилась нашему герою, и онъ, на слѣдующій годъ, уже не по нуждѣ, а изъ желанія получить гонораріи, опять повторилъ переходъ чрезъ движущійся ледъ Озерной. Генералъ узналъ и это. Онъ опять призвалъ Ивана Семеныча, но вмѣсто награды далъ ему очень чувствительную порку, говоря: «ты думалъ еще получить отъ меня деньги? Тогда тебѣ надо было попасть домой, а теперь ты риско-

валъ жизнью изъ-за грошей. Такъ вотъ тебѣ.» Но не смотря на порку, полученную отъ генерала, Иванъ Семенычъ своимъ подвигомъ пріобрѣлъ уваженіе себѣ отъ порѣчанъ. При такой силѣ, ловкости, смѣлости и рѣшимости, нашъ герой былъ плутъ и воръ очень искусный: кралъ онъ въ лѣсахъ, кралъ на баркахъ, гонкахъ *), кралъ на рынкахъ, кралъ по домамъ въ городѣ **), гдѣ работалъ, кралъ вездѣ, гдѣ только можно,—и никогда не попадался. У него было нравственное правило, выражаемое фразою: «тотъ не воръ, кто не попался.»—За это достоинство тоже уважали его порѣчане, потому что всѣ они, какъ увидимъ далѣе, были очень представительные мошенники. Иванъ Семенычъ былъ человѣкъ пока непьющій, и хотя изба его дѣйствительно кололась на двое, но онъ, праведно и неправедно добывая деньгу, копилъ ее очень усердно: у него подъ печкой лежало двѣсти тридцать четыре рубля, завязанныхъ тряпицею, которая была заткнута въ рваный, никуда негодный сапогъ.

Пришли къ Ивану Семеновичу послы, но пришли въ недобрый часъ, въ тотъ недобрый часъ, когда ему «бабу было надо,» а баба наплевала на него. Онъ былъ человѣкъ упрямый и несговорчивый: что заладитъ, что затѣетъ, то гвоздемъ вбивалось въ его голову; требовались очень крѣпкія клещи, чтобы вырвать изъ головы его засѣвшую въ нее мысль или намѣреніе.

— Иванъ Семенычъ, сказали парламентеры:—мы къ тебѣ съ просьбой.

Они поклонились.

— Съ какой это? спросилъ Иванъ Семенычъ.

— Просимъ значитъ тебя сегодня на бой. Помоги намъ.

— Не пойду на бой.

— Иванъ Семенычъ, значитъ уважь.

Порѣчане кланялись.

— Сказалъ, что не иду: ну, и не иду!

Тутъ вступилъ въ переговоры одинъ изъ выборныхъ, Кругачовъ.

— Иванъ Семенычъ, къ крючникамъ, слыхалъ ли ты, пріѣхали такіе молодцы, что совсѣмъ расшибутъ насъ... срамъ да и только...

---

*) *Гонками* называются плоты бревенъ, связанныхъ вицами, т. е., кручоными еловыми кольями.

**) Замѣчательно то, что порѣчане въ своемъ селеніи другъ у друга почти никогда не воровали. Однажды только обокрали чердакъ дьякона, да и то вѣроятно потому, что не причисляли его къ *своимъ*.

Ты у насъ значитъ первый, какъ естъ, силачъ... Помоги значитъ... Хорошо ли, самъ посуди, если разобьютъ насъ?..

Напрасно вмѣшался Кругачовъ. Если бы не онъ, такъ быть можетъ, и уломали бы Ивана Семеныча, но Иванъ Семенычъ подозрѣвалъ, что съ Кругачовымъ знается Аграфена Митревна. Онъ только озлилъ нашего героя.

— Да если бы, отвѣчалъ онъ:—изъ тебя сегодня духъ вышибли, такъ мнѣ—все одно.. даже было бы и ладно...

— Спасибо, Иванъ Семенычъ, на добромъ словѣ: значитъ, уважилъ насъ... Вѣдь мы не отъ себя къ тебѣ пришли, а значитъ отъ Порѣчны... Нечестно поступаешь, право нечестно.

— А вотъ я лягу на печку, отвѣчалъ нашъ герой:—и буду лежать, и ейбогу, слова больше не скажу вамъ, а вы стойте тутъ да лайтесь.

Иванъ Семенычъ полѣзъ на печку. Онъ рѣшился, что бъ ни говорили ему порѣчане, ни слова не отвѣчать имъ. Человѣкъ онъ, какъ уже сказано, былъ характерный, человѣкъ воли сильной. Это порѣчане знали, и потому, потерявъ надежду на его участіе въ бою, начали, желая хоть сорвать свое сердце, ругать его.

— Ахъ, ты подлецъ, подлецъ! говорили они:—сволочь проклятая!.. тавлинникъ!.. околѣлый песъ!.. татаринъ ты этакой!.. нехристь!.. своихъ выдаешь!.. халуй московскій!..

Однимъ словомъ—пошли писать.

Иванъ Семенычъ молчитъ. Казалось, никакимъ словомъ нельзя было прошибить Ивана Семеныча; но мнимый соперникъ его, Кругачовъ, отыскалъ такое слово.

— Послѣ этого, сказалъ онъ:—тебѣ всякая баба въ рожу плюнетъ.

Зарычалъ Иванъ Семенычъ, но выдержалъ себя: ни слова не отвѣтилъ.

— Еще вздумалъ волочиться за Аграфеной Митревной... Да она за твою подлость тебѣ глаза выцарапаетъ, околѣлый чортъ!

Доняли, проняли Ивана Семеныча. Хотя онъ опять выдержалъ себя—слова не сказалъ, но теперь онъ всталъ сначала на четвереньки, потомъ сѣлъ на печи, свѣсилъ ноги и пристально, не мигая, началъ смотрѣть на враговъ...

— Чего бурлаками-то уставился на насъ?.. Лошадь ты этакая!.. Свинопасъ!.. Встрѣться-ка ты съ Аграфеной Митревной,—она тебѣ всю бороду выщиплетъ!..

Ярость неописанная сверкнула въ разширившихся зрачкахъ глазъ Ивана Семеныча, на шеи его вздулись жилы, какъ бичовки, задрожали губы, грудь стала работать, какъ паровая машина... Это, милостивые государыни и государи, въ немъ любовь бродила... Да, онъ страстно, бѣшено, могуче любилъ порѣченскую красавицу, Аграфену Митревну. Такъ способны любить только сильные тѣломъ и духомъ люди, и кромѣ того—люди мало развитые. Онъ готовъ былъ вышибить духъ изъ своего мнимаго соперника; онъ способенъ былъ схватить Аграфену Митревну, безъ всякаго съ ея стороны согласія, въ свои самсоновскія объятія, и пусть она кричитъ и кусается, будетъ смачно цѣловать ее и плотно прижимать къ своей широкой груди ея широкую грудь. Надо сказать, что порѣчанки любили такихъ молодцовъ, хотя отказъ нашего героя участвовать въ бою могъ очень сильно уронить его во мнѣніи мѣстныхъ дамъ (бабъ тожъ).

— Аграфена Митревна тебѣ, подлецу...

Дикимъ звѣремъ спрыгнулъ Иванъ Семенычъ съ печи.

Послы знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и потому въ одно мгновеніе не стало въ хатѣ ихъ вражьяго духу...

— Такъ-то!

Вотъ и все, что на тотъ разъ произнесъ Иванъ Семенычъ.

Въ Порѣчнѣ прошла вѣсть о томъ, что Иванъ Семенычъ отказался отъ боя. Взволновалась Порѣчна. Ругань на нашего героя повисла надъ нею... Даже всѣ дамы ротъ растегнули, а если порѣченская дама (баба тожъ) начнетъ ругаться, то хоть отъ святыхъ откажись—неси ихъ вонъ! Иванъ Семенычъ лежалъ на печи и слышалъ, какъ растегнувшія ротъ дамы, проходя мимо его дому, ругали его на всю вселенную. Ему послышалось даже, что Аграфена Митревна, зазноба его сердца, обозвала его околѣлымъ чортомъ. Порѣченскія дамы глубоко сочувствовали, что увидимъ далѣе, боевой славѣ своихъ мужей и братьевъ, питали въ душѣ своей глубокое чувство мѣстнаго патріотизма. Иванъ Семенычъ лежалъ на печи и слушалъ съ крупною, стропливой, кабаньей злостью направленную на него порѣченскую брань.

— Лайтесь! думалъ онъ, поварачиваясь на печи съ боку на бокъ. Раздраженныя его отказомъ, мимо его дома идущія бабы (дамы тожъ) ругали его очень голосисто. Ивану Семенычу опять послышалось, что его бранитъ Аграфена Митревна...

— Подожду же я тебѣ, значитъ и устрою *папериментъ*, сказалъ онъ, вскакивая на ноги.

Выбѣжалъ Иванъ Семеныч на улицу.

На улицѣ никого не оказалось.

— Бабы!.. свиньи!.. проговорилъ Иванъ Семенычъ.

Ушелъ онъ домой и, лягши опять на лежанку, закрылся тулупомъ.

— Тяжко! сказалъ онъ; но послѣ стерпѣлъ, не позволилъ себѣ даже предъ собою высказать вслухъ сваи чувства—и замолчалъ.

. . . .

Не попусти, Господи, такъ сильно и такъ неудачно, какъ Иванъ Семеновичъ, любить кого нибудь: тажая любовь уводитъ въ Сибирь такихъ молодцовъ, какъ нашъ герой, а людей—послабѣе его силою воли—загоняетъ въ кабаки, либо въ петлю.

Избави всѣхъ Господи ты Боже нашъ, отъ подобной любви!..

V.

О томъ, какъ въ Порѣчнѣ всѣ дамы ротъ застегнули.

Яркое солнце облило своимъ свѣтомъ пелену закрѣпленной морозомъ рѣки, дробя свои лучи въ кристаллахъ ледяныхъ плитъ, разнообразно раскиданныхъ па полѣ фарватера.

— Дай бою, дай бою! слышалось на Озерной.

— Дай бою, дай бою! откликались съ другого берега.

Дрались пока мальчишки. Но къ тремъ часамъ собралось кульеносное и порѣченское воинство. Молодой народъ отодвинулся всторону.

Въ городѣ, которому Порѣчна служила предмѣстіемъ, разнеслась молва, что на Озерной будетъ данъ знаменитый, небывалый бой.

Къ тремъ часамъ вечера Озерная покрылась массами бойцовъ и экипажами любителей изъ купцовъ и военныхъ; берега были полны народомъ. Любопытно было посмотрѣть на порѣчанокъ, а особенно послушать: страшный визгъ, вылетающій изъ ихъ грудныхъ мѣховъ, волновалъ воздухъ. Бабы все-еще были съ растегнутыми ртами... Воемъ выли дамы.

Мужики съ порѣчанами уже дрались. Но это не было обыкновенное, болѣе или менѣе одушевленное боедѣйствіе: дрались въ ожиданіи чего-то... Но вотъ со стороны крючниковъ вдругъ раздался крикъ:

— Наши, назадъ!.. Ломи на свой берегъ!..

Толпа муравьевъ бросилась бѣжать... Можно было подумать, что ихъ гонятъ... Но этого не было. Порѣчане слышали команду Хлестнева:

— Стой, ребята!.. ни съ мѣста!.. они теперь не даромъ дали тягуна. Значитъ, молодцы пришли... Ну, ребята, слушаться теперь меня... Мы не съ дураками будемъ имѣть дѣло... Крѣпкимъ строемъ надо дѣйствовать; иначе и бою нечего затѣвать.

— Ребята, слушаться Ивана Хлестнева, было отвѣтомъ.

— Вытряску дадимъ, кто выйдетъ изъ-подъ начала.

— Слушайте же, говорилъ Иванъ Хлестневъ:—я поведу правое крыло; ты, Копорякъ, — лѣвое; ты, Васька-Жидокъ, въ центру встань; около меня держись Алёха Косой, Микита Обручевъ, Мизгиревъ да Петруха Сычъ...

— Чего жъ ты Сычомъ-то лаешься? было отвѣтомъ отъ Петрухи...

— Извини, голубчикъ: не мною прозванъ...

— А ты не лайся!.. вотъ что!..

— Ну, молчать, Сычъ! закричали бойцы...

— Слушаться начальства!..

— Коли такъ, я и съ бою уйду, сказалъ Сычъ.

— А трепки хочешь?

— Братцы, голубчики, заговорилъ Иванъ Хлестневъ:—не ссорьтесь... вѣдь не время... опозоримся... Петруха, прости меня; обидѣлъ нечаянно—некогда было слово обдумать... дѣло-то горячее подошло...

— Да что съ нимъ толковать? Въ рожу его!..

— Братцы, началъ примирительнымъ тономъ Хлестневъ...

— Лупи его...

Къ Сычу бросились порѣчане, съ намѣреніемъ избить его.

Иванъ Хлестневъ, видя, что въ его ополченіи развивается междоусобіе, голосисто и громко крикнулъ:

— Молчать всѣ!.. Кто слово скажетъ, своими руками задушу; ейбогу зцѣплюсь въ глотку и задушу... Я здѣсь сильнѣе всѣхъ... Кто противъ меня?.. Тронь лишь кто Петруху, тому кости, какъ въ мѣшкѣ, встряхну. Слышали?..

Возстаніе стало утихать. Сычъ молчалъ, потому что, съ одной стороны, побаивался порѣчанъ, а съ другой былъ удовлетворенъ тѣмъ, что его сторону принялъ Иванъ Хлестневъ... Но, не смотря на это, изъ толпы все-таки послышался голосъ, обращенный къ предводителю:

— И на тебя есть сила...

— Гдѣ это? Кто сказалъ, выходи!.. Гдѣ есть на меня сила?

— У Ивана Семеныча Огородникова...

Хлестневъ языкъ прикусилъ, но однако скоро нашелся:

— Да Иванъ-то Семенычъ, сказалъ онъ:—подлецъ,—въ такое время и оставилъ насъ... Я же рожи своей не пожалѣю, а за дѣло постою... вотъ что!..

Послѣ этого, дѣло приняло хорошее направленіе: всѣ начали ругать нашего героя, а Сыча и предводителя оставили въ покоѣ...

Этой минутой воспользовался Хлестневъ.

— Ну, ребята, слушайте же, началъ онъ...

— Слушай, ребята, слушай! было отвѣтомъ...

— Ты, Копорякъ, говорилъ Иванъ Хлестневъ:—возьми себѣ тоже четырехъ, которые покрѣпче; ты, Жидокъ, — также... Что около вожаковъ, должны защищать ихъ, а вожаки ломи значитъ... Въ центрѣ у нихъ будетъ слабо, — въ центръ и жарь... На ихъ вожаковъ слѣдуетъ напасть сразу впятеромъ или шестеромъ, и положить, какъ ни на есть, во что ни стало, на землю... Помните, что сначала намъ слѣдуетъ стоять, какъ можно, дружно: избави Боже, если на первыхъ порахъ попятятъ насъ, — зазнаются и тогда ничего не подѣлаешь... Слышали?.. Братцы, не жалѣйте рожи; дѣло подошло больно важное!.. Ну, стройся!.. Живо!..

Порѣчане строились. Построившись на срединѣ рѣки, они тихо, почти не говоря ни слова между собою, дожидались врага. Совершалось что-то торжественное... Всѣ окрестности смолкли... Даже порѣченскія дамы на время ротъ застегнули... Въ колягкахъ и саняхъ привстали на ноги офицеры и купцы... Воздухъ замеръ... Что-то будетъ?..

Кульеносное воинство было построено прибывшими къ нему молодцами почти также, какъ и порѣченское, получило тѣ же наставленія и выступило изъ-за барокъ, зимовавшихъ на рѣкѣ...

Тутъ-то въ первый разъ показались молодцы. Они шли по бокамъ огромной толпы крючниковъ и самоувѣренно вели ее въ бой. Не даромъ прошла молва объ этихъ двухъ братьяхъ. Всѣ любовались на нихъ. Оба они напоминали собою картины древнихъ героевъ, у которыхъ мускулатура была чрезвычайно развита, и тѣло братьевъ было крѣпко связано костями и сшито жилами. Старшій братъ, ведшій лѣвое крыло, былъ ростомъ съ Петра I и силенъ, какъ Петръ I; младшій былъ ниже, по ухо брату, но взялъ шириною

корпуса: плеча и плавленая, какъ представлялось, грудь — поражали своими размѣрами, — онъ былъ сильнѣе брата... Братья были красавцы собою, типа кровно русскаго... Гдѣ уродились такіе молодцы? — говорили, что подъ Москвою... Если бы славянофилы видѣли ихъ въ описываемую нами минуту, то они бы поставили имъ не то-что бы ведернаго божка, а сороковедерную богиню, да боченокъ селедокъ на закуску; славянофилы даже откупили бы для нихъ цѣлый россійскій парламентъ, т. е., кабакъ. Шли братья съ свѣжимъ, открытымъ, играющимъ румянцемъ, какъ зарево на молокѣ, лицомъ; «кудри русыя лежатъ скобкою», походка степенная, во всѣхъ движеніяхъ сдержанность, но несмотря на сдержанность, въ позитурѣ братьевъ было много безпечности и удали, нравящейся и не-славянофиламъ; все въ нихъ было складно, плотно, положительно... Нельзя было не залюбоваться на молодцовъ: красота, соединенная съ силою, увлекаетъ невольно, будь то красота мужчины или женщины. Одѣты они были щегольски, хотя и довольно легко, не смотря на трескучій морозъ, потому что шли на дѣло жаркое — согрѣются... На головѣ были надѣты котиковыя шапки, бюстъ покрытъ бѣлыми, чистыми шерстяными фуфайками, изъ-подъ фуфаекъ выпущены красныя новаго нѣмецкаго ситцу рубахи, далѣе шли новые плисовые шаровары, опущенные въ козловые сапоги со скрипомъ... Это ли не щеголи?.. Разсказывали, что молодцы-братья были люди богатые, ихъ побудила идти на бой не ведерная, а то, что въ душѣ ихъ была сильно развита страсть, выражаемая словами: «раззудись, плечо; размахнись, кулакъ!» Порѣчанки, увидавъ молодцовъ, только ахнули, и многія въ ту минуту изъ порѣчанскихъ бабъ (дамъ тотъ) измѣнили туземному патріотизму. Къ числу такихъ, увѣряемъ, не принадлежала Аграфена Митревна. Тѣмъ хуже для нашего героя. . . . .

. . . .

Стѣна муравьевъ подошла къ стѣнѣ порѣчанъ и завопила благимъ воемъ:

— Дай бою, дай бою!..

Порѣчане вызывали ихъ съ своей стороны:

— Дай бою, дай бою!..

— Бей ихъ! скомандовали братья-силачи.

Мужики, сверхъ своего обыкновенія, дружно и стройно ударили на порѣчанъ. Порѣчане стойко приняли ихъ.

И грянулъ бой, порѣченскій бой!

Тяжело было смотрѣть на бившихся. Положимъ, что бой, хорошо организованный, можетъ быть прекрасною гимнастическою игрою, но когда игра развивалась до такого соревнованія, какъ въ описываемый нами день въ Порѣчнѣ, то, глядя на нее, чувствовалось замираніе сердца. Къ игрѣ примѣшивалось чувство мести и отплаты; порѣчане и зимой, и лѣтомъ окрадывали барки, стоявшія на Озерной, и крючники за то не долюбливали ихъ... И въ настоящемъ случаѣ вышло побоище, увлекавшее вниманіе размѣрами своего плюходѣйствія. Одни боевые вопли «дай бою» и «бей ихъ» производили потрясающее впечатлѣніе. На этотъ вой порѣченскія дамы, разцвѣтившія берегъ своими платьями и кацевейками, отозвались оглушающимъ уши визгомъ. Застонала окрестность.

Порѣчане выдерживали твердо могучій напоръ крючниковъ. Бились жестоко. Били тяжолыми кулаками по лицу, въ плеча, въ грудь, въ животъ. Самое ярое мѣсто, кишащее дракой, было около меньшого брата-богатыря и Ивана Хлестнева.

Хлестневъ, давъ страшную затрещину противнику, крикнулъ своимъ:

— Бей въ середку!

Но въ ту минуту онъ былъ отброшенъ противникомъ. Порѣчане, по его приказу, ударили въ центръ непріятеля, но этотъ натискъ, будучи предугаданъ старшимъ братомъ, былъ отраженъ имъ.

Порѣчане смѣшались...

— Бѣгутъ! крикнули муравьи:—лупи ихъ!.. бей ихъ!..

Порѣчане отъ такого крика совершенно растерялись... Муравьи наперли... Не устояли порѣчане и бросились въ бѣгство...

Что подѣлалось съ окрестностями?

— Нашихъ бьютъ... бѣгутъ наши!.. гонятъ ихъ!.. кричали, растегнувши рты, порѣченскія дѣвицы и бабы.

Офицеры и купцы приготовляли серебро и ассигнаціи для побѣдителей. Муравьи, догоняя затылки враговъ, стономъ стонали. Порѣчане приглашали другъ друга къ порядку.

— Стройся, ребята! кричалъ Хлестневъ.

— Гони ихъ!.. Отдоху не давай! кричали крючникамъ братья-предводители.

— Когда такъ, бѣги, что есть мочи! распоряжался Хлестневъ.

Порѣчане помчались съ быстротою полевого вѣтра. Мужики, одѣ-

тые въ тяжолые тулупы и сапоги, отстали отъ нихъ... Порѣчане успѣли уйти отъ своего врага сажень на пятнадцать.

— Стой теперь и живо стройся! приказалъ имъ Хлестневъ.

Порѣчане быстро заняли позицію прежняго строя. Когда на нихъ бросились догонявшіе ихъ враги, они до того дружно встрѣтили ихъ, что попятили назадъ. Тогда братья стали строить своихъ, смѣшавшихся во время догонки подъ градомъ всевозможныхъ заушеній. Успѣли въ томъ.

Характеръ битвы перемѣнился.

Стали биться очень плотно, дружно и хлестко. Порѣчане хотя были и теперь тѣснимы, но отступали, въ строгомъ порядкѣ, по вершку, по полувершку. Однако пядень за пяденью отодвигала ихъ назадъ несломимая сила крючниковъ. Тяжело было смотрѣть на знаменитую битву. Это была уже не игра. На всѣхъ лицахъ написано откровенное желаніе сломать у своего врага и вышибить вонъ какую нибудь основную часть тѣла. Хлестневъ и меньшой братъ опять боролись между собою. Они сыпали другъ другу страшные удары, но лица ихъ и грудь окаменѣли, точно они были не люди, а какія-то изваянія. Окровавились, жестоко бьются, до лома костей бьются, но ни одинъ не сдѣлаетъ фальшиваго полуоборота, изучаютъ каждый взмахъ и ударъ другъ друга. Это шла уже не игра, а какое-то глубоко-сосредоточенное, научно-кулачное занятіе. Душа замираетъ у борцовъ, но и при замираніи сохраняется полное присутствіе духа... Что это за сфинксовыя лица?.. Изрѣдка скрипитъ челюсть; изрѣдка хруститъ кость... Совершается дѣло, если хотите, колоссальное, поэтическое, ярко характеризующее народную натуру, и въ то же время такого рода дѣло, котораго лучше бы не было на Руси.

Хлестневъ первый не выдержалъ характера. Бѣшество заходило въ крови всѣхъ его жилъ. Онъ рѣшился вышибить духъ изъ своего врага. Но ему сильно ударили въ лицо...

— Браво, москвичи! крикнули купцы и офицеры.

Хлестневъ вышелъ изъ себя.

— Убью! крикнулъ онъ, и бросился дикимъ кабаномъ на меньшого брата.

Меньшой того и ждалъ. Онъ подставилъ ногу увлекшемуся порѣчанину и свалилъ его на снѣгъ.

— Бѣгутъ, бѣгутъ! заревѣлъ меньшой.

Порѣчане и не думали бѣжать, хотя главный силачъ ихъ лежалъ на снѣгу; но кличъ «бѣгутъ», нарочно употребленный въ дѣло, чтобы смутить ихъ, распространилъ среди ихъ страхъ.

— Бей ихъ!.. ломи!

Порѣчане стали мѣшаться.

— Напирай!..

Порѣчане побѣжали, и вмѣстѣ съ ними предводитель ихъ, Иванъ Хлестневъ, уже успѣвшій встать на ноги. Хлестневъ хотѣлъ снова строить своихъ, но не успѣлъ въ томъ... Мужики тяжело преслѣдовали ихъ по пятамъ, но стройно и въ порядкѣ. Стыдъ и досада были на лицахъ порѣчанъ; порѣчанки ротъ растегнули и голосисто взвыли на все поселеніе; офицеры и купцы звенѣли деньгами...

Порѣчанъ наконецъ выгнали на горку... Они съ понуренными головами изъ-подлобья посматривали на своихъ дамъ...

— Ахъ, вы тавлинники! говорили дамы...—Вамъ не на бой ходить, а чулки вязать... Молокососы!.. Мужварью, сиволапымъ уступили...

— Противъ силы что подѣлаешь? отвѣчалъ Копорякъ...

— А зачѣмъ у тебя голова на плечахъ? спросила Аграфена Митревна.

— Думать...

— Ничего тутъ не выдумаешь...

— Дуракъ и есть.

— Молчать, бабье!.. Всякая сволочь туда же съ совѣтомъ суется...

— Охъ, вы-то, тавлинники, не сволочь?.. Не даромъ и шею накостыляли вамъ... Еще не такъ бы слѣдовало...

— Молчи лучше, паскуда, закричалъ Копорякъ, замахиваясь на Аграфену Митревну.

— Что, горе-богатырь? закричали другія дамы:—съ мужиками не справиться, такъ съ бабами въ бой!..

У Копоряка руки опустились...

— А все подлецъ Иванъ Семеновъ, заговорилъ Хлестневъ: — въ такой день—и отказался отъ бою...

— И уважимъ же мы ему.

— Всю избу разнесемъ по щепамъ.

Иванъ Семенычъ опять послужилъ громоотводомъ для гнѣва, стыда и досады порѣчанъ... Горе, горе Ивану Семенычу! Онъ тоскуетъ о томъ, что ему «бабу надо», а теперь, послѣ его измѣны туземному патріотизму, ни одна баба не станетъ съ нимъ жени-

хаться... Лежитъ онъ себѣ на печи и не знаетъ, какъ злы на него порѣчанки, какъ крѣпко бранятъ его.

Между тѣмъ мужики отошли на средину рѣки, построились здѣсь и ожидали порѣчанъ для новой схватки.

— Дай бою!.. дай бой!.. вопили они теперь вполнѣ самонадѣянно...

— Что дѣлать, ребята?.. бою просятъ.

— Что дѣлать? драться значитъ надо...

— Вѣдь опять расшибутъ?

— Пусть!.. Не по домамъ же идти...

— Вотъ что, братцы: человѣкъ пятьдесятъ останется въ засадѣ, за избушкой... Случись, если подгонятъ насъ къ берегу, запасные неожиданно—бей въ бока... Мужичье подумаютъ, что это новые, свѣжіе прибыли, струсятъ и дадутъ тягу, а тутъ знай—лупи... знай, лупи!.-

— Ловко придумано!..

— Такъ стройся, ребята!

— По старому?

— По старому.

Построились порѣчане и двинулись на ожидавшихъ ихъ мужиковъ. Сошлись и схватились. Но порѣчане, потерпѣвъ въ первомъ бою пораженіе, дѣйствовали не такъ самоувѣренно, какъ всегда; крючники же нисколько не сомнѣвались въ томъ, что они одержатъ побѣду: теперь не только матеріальная, но и моральная сила была на ихъ сторонѣ. Они сразу пошатнули порѣчанъ и на этотъ разъ не дали имъ даже вторично построиться,—въ одинъ пріемъ прогнали до берега. Около берега Хлестневъ крикнулъ:

— Засада!..

По этой командѣ, изъ-за избушки ударили скрывавшіеся порѣчане въ бока мужицкаго ополченія. Какъ и ожидать должно было, мужики пришли въ недоумѣніе, смѣшались, попятились и едва не обратились въ бѣгство; но братья-предводители съумѣли остановить ихъ и снова двинуть впередъ... Замыселъ Хлестневъ не удался. Крючники выперли врага на улицу, а сами встали на берегу. Многіе изъ побѣжденныхъ были безъ шапокъ. На бояхъ существовалъ обычай, по которому побѣдители имѣли право хватать съ головы противниковъ шапки и обращать ихъ въ свою собственность, въ видѣ приза. Теперь уже и дамы не бранили своихъ мужей и братьевъ:

онѣ видѣли храбрость и усердіе ихъ, и видѣли, что не въ ихъ средствахъ побѣдить непріятеля... Пошли совсѣмъ другіе толки.

— Силы неравны, говорили они:—насъ вдвое меньше... Еще бы они выставили тысячу человѣкъ...

Мужики отодвинулись на средину рѣки.

Въ это время одинъ богатый купецъ позвалъ къ себѣ Ивана Хлестнева.

Что, голубчикъ, намылили сусалы?

. . . .

На этомъ мѣстѣ прерывается рукопись Н. Г. Помяловскаго.

Припоминая неоднократные разсказы покойнаго автора о порѣчанахъ, мы вкратцѣ сообщаемъ здѣсь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ боя.

Пріѣзжіе купцы стали шибко подсмѣиватся надъ Хлестневымъ и его товарищами и разозлили его не на шутку. Порѣчане тоже слышали эти насмѣшки и хмурились: оскорбленное самолюбіе стало заговаривать въ нихъ, кулаки сжимались... Наскоро собралъ ихъ Хлестневъ и объявилъ рѣшительно, что сдаваться не слѣдуетъ, что теперь дѣло идетъ о чести цѣлой Порѣчни и что, послѣ этого, всякій крючникъ имъ въ глаза наплюетъ. Воодушевились порѣчане: — «костьми ляжемъ, а сраму такого не потерпимъ!» крикнули они и дружно тронулись на средину рѣки, на новую схватку. Снова завязался бой жаркій, изступленный...

Въ это время Иванъ Семенычъ Огородниковъ, соскучившись дома, вышелъ поглядѣть на бой. Дамы порѣченскіе встрѣтили его съ визгомъ да съ руганью, но Иванъ Семенычъ на это не обратилъ вниманія и отошелъ къ сторонкѣ. Сразу увидѣлъ онъ, что силы дерущихся неравны, что порѣчане хоть и храбро дерутся, но противъ силы устоять не смогутъ, и началъ въ немъ мало помалу пробуждаться патріотизмъ порѣченскій. Долго сдерживался Иванъ Семенычъ, но удаль меньшого брата-крючника окончательно раззадорила его; такъ и валитъ онъ порѣчанъ направо да налѣво: что дастъ раза—то съ ногъ долой, а силы равной ему между порѣчанами нѣтъ.—«Такъ погоди жъ, подумалъ Иванъ Семенычъ: —найдемъ и на тебя силу!..» И

вспыхнула вся кровь у молодца, жилы налились, кулаки сжались... Мигомъ сорвалъ онъ съ себя шубу, засучилъ рукова и, самъ не свой, бросился въ битву. Врѣзался онъ въ правое крыло дерущихся и, не давъ никому опомниться, сналета свиснулъ кулакомъ въ високъ меньшого брата. Зашатался герой и, какъ снопъ, рухнулъ на снѣгъ, обливаясь кровью. Бойцы пріостановились, стихли... Но тутъ открылось скверное дѣло: кулаки меньшого брата разжались и въ каждомъ кулакѣ его оказалось по двѣ большихъ мѣдныхъ гривны *). Теперь только поняли бойцы, въ чемъ заключалась страшная сила этихъ кулаковъ. Муравьи сейчасъ же смѣшались и побѣжали на утекъ, а порѣчане съ остервенѣньемъ бросились на лежачаго и начали бить его чѣмъ попало и куда попало. Они въ клочки разорвали бы его, еслибъ въ это дѣло не вмѣшалась полиція и не разогнала порѣчанъ. Изуродованнаго молодца замертво стащили въ какую-то больницу, гдѣ онъ на другой день и померъ. Послѣ этого случая, кулачные бои были строго запрещены, и порѣчане, если гдѣ и устроивали потомъ мелкія сходки, то тайкомъ, да озираясь...

Иванъ Семенычъ былъ главнымъ героемъ этого финала и такимъ образомъ кровью вражеской смылъ пятно съ чести порѣченской. На берегу дамы встрѣтили его съ восторгомъ, и Аграфена Митревна тутъ же согласилась выдти за него замужъ.

—

Во второй части этого разсказа авторъ хотѣлъ описать семейный бытъ порѣчанъ, бытъ, имѣющій свои особые, характерные оттѣнки. Изъ этой части въ бумагахъ покойнаго нашлась только одна глава, набросанная вчернѣ, которую мы и помѣщаемъ здѣсь. Изъ этой главы читатель можетъ судить о главныхъ основахъ порѣченскаго семейнаго быта.

О томъ, какъ порѣчане лупятъ по пути прогресса.

Сегодня Иванъ Семенычъ съ Аграфеной Митревной—оба находятся въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Супругъ не дуется, не

*) Надо замѣтить, что на такихъ бояхъ позволялось драться только кулаками и, у кого въ кулакахъ находили свинчатки, или гривны, тѣхъ жестоко проучивали, какъ подлецовъ, и пощады въ этомъ случаѣ не было никакой.

глядитъ медвѣдемъ, дѣти его не боятся; его благовѣрная медвѣдица, не смотря на свой сороколѣтній возрастъ, вспоминала юные годы своей съ нимъ сипандряціи и, отыскавъ довольно мягкое мѣсто между бакенбардами и носомъ своего мужа, влѣпила въ то мѣсто довольно могучую безешку; дѣтямъ своимъ она не даетъ зуботрещинъ, не дергаетъ ихъ за волоса, не гоняетъ изъ дому. Мало того, она выглядитъ не прежней амазонкой, а простой россійской женщиной, хорошо знакомой съ плетью — суррогатомъ супружескаго счастья, и радующейся тому, что брачная плеть виситъ спокойно на стѣнѣ. Во всемъ домѣ Огородникова миръ и тишина—эти рѣдкіе гости его жилища. Откуда и какъ явились сюда эти непрошенные гости? Что все это значитъ? Это значитъ то, что сегодня въ Порѣчнѣ храмовой праздникъ Маріи Магдалины, бывающій 22 іюля. Аграфена Мытревна чутьемъ чуетъ, да и по опыту давно знаетъ, что съ этого дня сипандряція ихъ жизни принимаетъ иное направленіе, что мужъ ея въ этотъ день возметъ изъ рукъ ея жезлъ домоправленія, который долго не выпуститъ изъ своего здороваго кулака. Мы сказали, что въ Порѣчнѣ существовало совершенное полноправіе, какъ женщины, такъ и мужчины, то полноправіе, о которомъ такъ много хлопочутъ наши дамскіе эмансипаторы. Но все-таки порѣченскую эмансипацію мы называемъ сипандряціей, потому что жезлъ домашняго правленія все-таки существовалъ, попремѣнно переходя въ руки то того, то другого лица, а не то, чтобы бытъ семейный управлялся каждый день и часъ съ общаго согласія мужа и жены и даже при любовномъ вмѣшательствѣ дѣтей. Вотъ почему въ семьѣ попеременно царилъ то мужской, то женскій терроръ. Миръ въ ней наступалъ только въ переходное время, въ которое прекращался женскій терроръ, и послѣ котораго долженъ былъ наступить мужской. Какъ это дѣлалось, читайте далѣе.

День былъ ясный и тихій. Въ Порѣчну черезъ рѣку народъ валомъ валитъ. Вся Озерная покрыта огромнымъ количествомъ яликовъ и елботовъ. Начиная отъ перевоза до самого проспекта, двумя длинными рядами, стоятъ нищіе, убогіе, слѣпые, глухіе, хромые, несчастные уроды,—все чающее движенія мѣднаго гроша,—тотъ жалкій людъ, который могъ быть исцѣленъ только развѣ Христомъ. По преспекту до церкви и отъ церкви до трактира стоятъ палатки

и на козлахъ лотки съ разными сластями и пряностями. Въ церкви, набитой народомъ, идетъ обѣдня; правый и лѣвый клиросъ, состоящіе изъ любителей порѣчанъ, ревутъ и стонутъ, по ихъ мнѣнію, очень благолѣпно. Кладбище переполнено нищимъ, торговымъ людомъ и почитателями праздника, изъ которыхъ между прочимъ большая часть пришла помянуть своихъ радственниковъ и друзей, съ самоварами, кофейниками, водкой и закуской. Стонъ стоитъ на кладбищѣ, потому что многіе, не дождавшись крестнаго хода, уже успѣли справить поминальную тризну,—а на тризнѣ, какъ извѣстно, нашъ православный народъ не ѣстъ, а лопаетъ; не пьетъ, а трескаетъ. За кладбищемъ, на полѣ, расположились по поры до времени фортунки, игра въ кости, медвѣди, обезьяны, ученыя собаки, комедіанты и шарманки. Здѣсь уже довольно весело, потому что часть народа, которая была равнодушна къ Маріи Магдалинѣ, но очень любила всякое празднованіе, развлекалась по мѣрѣ возможности; полиція, получивши слѣдующую ей аксиденцію, смотрѣла на это сквозь голенище.

Такъ зачинался праздникъ.

Но вотъ церковные сторожа яро ударили въ колокола; хотя въ уставѣ и сказано, что въ большіе праздники «пономарь клеплетъ во всѣ тимпаны тяжко, но не борзяся», однако сторожа очень борзились. Церковныя двери распахнулись настежъ и изъ нихъ показались хоругви, потомъ фонарь, запрестольный крестъ; за ними пѣвчіе, сборная братія, далѣе огромное количество образовъ, несомыхъ большею частью благочестивыми бабами и мальчишками, любящими всевозможныя церемоніи, наконецъ появились попы, а за ними огромная масса народу. Мы должны сказать, что хоры, Богъ ихъ вѣсть, когда успѣвшіе кутнуть, усердствовали довольно неблагоговѣйно, да и одинъ изъ дьячковъ урѣзалъ косушечку-другую. Народъ, одинъ за другимъ, составивъ длинный рядъ, покрайней мѣрѣ въ четверть версты, и, нагибаясь лицомъ къ спинѣ сосѣда, проходилъ подъ образами, какъ подъ воротами. Все это было очень занимательно и весело. Крестный ходъ долженъ былъ обойти своимъ шествіемъ кругомъ всей Малой Порѣчны.

—

Иванъ Семенычъ, обладая необычайнымъ басомъ, рубитъ какъ топорищемъ: «Христу, насъ ради отъ Дѣвы рождшемуся». Онъ успѣлъ уже пропустить крупную столбушку кокоревскаго яду. Сосѣдъ его теноръ, имѣвшій пѣвческій талантъ, былъ трезвъ и унималъ его.

— Побойся ты Бога, говорилъ онъ:—перестань вопить то!
— Не бѣда! Ходи по колѣно во щахъ!..
— Вѣдь ты въ крестномъ ходу, а не въ хороводѣ. Ишь нарѣзался.
— Не бѣда! Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.
— Эхъ, жаль, что твоей бабы здѣсь нѣту.
— Съ ухватомъ что ли ее въ крестный ходъ?
— Она съ тобой и безъ ухвата управится.
— Баба то?
— Да, баба. Давно ли она тебѣ трепку давала?
— Баба?

Иванъ Семенычъ возмутился крѣпко, злость въ немъ закипѣла, водка бросилась ему въ голову. Живо и ясно представились ему всѣ обиды, все униженье, принятыя имъ отъ своей супруги. Онъ болѣе трехъ мѣсяцевъ былъ не главою дома, а какимъ-то батракомъ, наравнѣ съ дѣтьми своими, вполнѣ повинуясь кулаку и башмаку жены своей. Сосѣдъ пѣвчій тронулъ больное мѣсто Ивана Семеныча.

— Врешь ты, дуракъ, сказалъ онъ:—не боюсь я твоей бабы.

— А что же она бьетъ тебя, отчего не даетъ тебѣ денегъ, прячетъ водку, да и самого иногда запираетъ въ чуланъ?

— А хочешь, докажу, что ты врешь?

— Ну-ка, докажи.

Иванъ Семенычъ молчалъ, не зная что отвѣтить.

— Что жъ ты? Понатужься: докажи.

Иванъ Семенычъ, стиснувъ свой здоровый кулакъ, сказалъ:

— А вотъ, докажу же.

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что приду домой и духъ вышибу изъ своей бабы.

— А ухвата не боишься?

— Пошолъ къ чорту!...

Иванъ Семенычъ отошелъ всторону.

— Чортъ ее побери, разсуждалъ Иванъ Семенычъ самъ съ собою. Значитъ мной жена командуетъ—значитъ она глава семейства, а не я? Нѣтъ, этому не бывать. Какъ значитъ тресну ее, такъ, значитъ сразу и покойникъ. Постой же!.. Съ этимъ словомъ Иванъ Семенычъ отдѣлился отъ церковной церемоніи и отправился въ кабакъ. Здѣсь онъ спросилъ себѣ косушку, которую и осушилъ.

Но оставимъ его выпивать и посмотримъ, что дѣлала жена его дома.

Жена конечно со страхомъ поджидала Ивана Семеныча, зная навѣрное, что онъ, по случаю праздника, выпьетъ, и потомъ учинитъ какое нибудь буйство. Потому она припрятала все, что было поцѣннѣе, и сама ушла подальше отъ грѣха. Иванъ Семенычъ воротился домой съ четвертью водки и съ толпою гостей и, не найдя жены, началъ бить и ломать все, что попадалось ему подъ руку и затѣмъ выбрасывать за окно. Гости въ страхѣ разбѣжались, а хозяинъ, оставшись въ совершенно пустой комнатѣ, завалился спать. Утромъ на другой день, произошла сцена съ женою; Иванъ Семенычъ ни за что, ни про что поколотилъ ее, и жезлъ домоправленья опять на долю перешелъ въ его руки.

Окончаніемъ разсказа послужило слѣдующее событіе.

Иванъ Семенычъ, заработывая копейку, какъ извѣстно, не брезгалъ и воровствомъ, особенно когда представлялся благопріятный къ тому случай. Въ послѣднее время онъ съ тремя товарищами началъ усердно воровать хлѣбъ съ барокъ, стоящихъ на рѣкѣ Озерной. Не видя никакихъ особенныхъ препятствій къ такому промыслу, Иванъ Семенычъ увлекся до того, что ежедневно притаскивалъ домой по нѣскольку кулей съ мукою, и потомъ за полцѣны сбывалъ ихъ въ ближайшія лавки. Барочники сначала не обращали на это вниманія, и смотрѣли на воровство, какъ на дѣло неизбѣжное при Порѣчнѣ; но когда кули стали убывать слишкомъ замѣтно, они рѣшились ночей не спать—караулить. Иванъ Семенычъ переждалъ нѣсколько дней и, сообразивъ, что сторожа на баркахъ ужъ поутомились, снова отправился на промыселъ. Въ темную, осеннюю ночь онъ съ товарищами осторожно подъѣхалъ къ баркамъ и усердно началъ таскать кули. Мужики сразу замѣтили его, не подали въ томъ ни малѣйшаго виду. Воры нагрузились до самыхъ краевъ лодки, но только-что хотѣли отчаливать, какъ мужики подняли страшный крикъ и со всѣхъ барокъ бросились къ лодкѣ съ баграми. Попробывали было тѣ дать тягу, но плотно нагруженная лодка плохо подвигалась впередъ. Мужики, давно сердитые на подобныхъ гостей, распорядились съ ними очень просто: они окружили лодку и баграми потопили ее вмѣстѣ съ людьми и со всѣмъ грузомъ.

Такъ погибъ главный герой Порѣчны, Иванъ Семенычъ Огородниковъ.

ГРАЖДАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИРКУТСКАГО КРАЯ.

IV.

Въ предъидущей главѣ я старался доказать, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія людей есть главное, основное средство для уменьшенія числа преступленій. То же средство служитъ и для улучшенія нравственности уже наказанныхъ преступниковъ. При карательной системѣ, гдѣ общество является мстителемъ, гдѣ воздается кровь за кровь, око за око и зубъ за зубъ, существуетъ совершенно обратный взглядъ на дѣло. Тамъ наказаннаго стараются заставить испытывать всевозможныя лишенія; тамъ намѣренно роняютъ уровень матеріальныхъ потребностей человѣка, тамъ человѣка, привычнаго къ говядинѣ и молоку пріучаютъ къ хлѣбу и капустѣ; тамъ того, кто спалъ на голыхъ доскахъ, пріучаютъ спать на землѣ; тамъ человѣка, привыкшаго только къ колотушкамъ, пріучаютъ къ розгамъ и палкамъ. Такое матеріальное перевоспитаніе изъ человѣка горячаго дѣлаетъ озлобленнаго, изъ виноватаго по случаю—злодѣя по расчету. Привыкнувъ ко всему дурному и зная, что хуже того, что онъ испыталъ, придумать ничего нельзя, человѣкъ, доведенный систематически до состоянія дикаго звѣря, такъ и останется звѣремъ. Онъ былъ лучше, когда ему было лучше, и сталъ хуже, когда ему стало хуже. Завися отъ обстоятельствъ, онъ и дѣйствуетъ, какъ велятъ ему обстоятельства. Въ то время, какъ карательная система была у насъ въ большомъ ходу, пріѣхалъ въ восточную Сибирь на ревизію какой-то сенаторъ. Въ Иркутскѣ въ то время существовалъ еще ремесленный домъ, гдѣ работали ссыльные. Многіе изъ нихъ уже обзавелись домами и жили отдѣльной слободой, другіе жили въ острогѣ. Матеріальное благосостояніе ихъ уже поднялось значительно, явились вещи, неизвѣстныя въ быту арестантовъ,

и на полкахъ въ камерахъ стояли даже самовары. Сенаторъ очень разсердился на это и даже спросилъ смотрителя острога: «это что значитъ? Такъ-то они живутъ у васъ?..» Послѣ ревизіи многіе изъ арестантовъ были раззорены совсѣмъ. Приведу одинъ примѣръ. Въ числѣ ремесленниковъ-арестантовъ былъ кузнецъ, сосланный въ каторгу на 20 лѣтъ. Въ каторжную работу отправленъ онъ не былъ, а приписанъ къ ремесленному дому. Здѣсь онъ работалъ уже 19 лѣтъ, женился, имѣлъ дѣтей, пріучалъ ихъ къ ремеслу, завелъ домъ и хозяйство. Сенаторъ нашелъ, что начальство не имѣло права оставлять такого злодѣя въ ремесленномъ заведеніи, а должно было отправить его въ каторжную работу въ рудники, и кузнеца отправили въ Нерчинскій заводъ. Человѣка, точно, наказали этимъ, потому что его раззорили, но вмѣстѣ съ нимъ наказали и все его семейство, рѣшительно ни въ чемъ невиноватое. Люди, какъ муравьи, трудились 19 лѣтъ, чтобы сложить себѣ хозяйство, но вотъ пришелъ глупый человѣкъ и разбросалъ по вѣтру всю муравьиную кучу. Кузнецъ не сталъ отъ этого хуже: черезъ три года онъ воротился, чтобы снова улаживать раззоренный домъ, но развѣ не этимъ путемъ создаются озлобленные люди? Кузнецъ былъ уже немолодъ для шатанья по дорогамъ, онъ привыкъ къ семьѣ, къ домовитости и находилъ такую жизнь удобнѣе острожнаго заключенія, или сну въ полѣ подъ открытымъ небомъ. Но человѣкъ, менѣе установившійся въ удобствахъ жизни, человѣкъ холостой легко пошелъ бы въ бродяги; а тамъ, можетъ быть, въ воры и разбойники Статистика восточной Сибири не говоритъ ничего, насколько эта сенаторская ревизія способствовала исправленію нравственности ссыльныхъ и каторжныхъ, а нужно полагать, что она осталась не безъ вліянія.

Чтобы человѣкъ не могъ переносить дурного, нужно, чтобы онъ привыкъ къ хорошему. Съ этого и должно начинаться исправленіе штрафованныхъ людей. Ихъ нужно всѣми силами поднимать выше того матеріальнаго уровня, до котораго ихъ уронила острожная жизнь и путешествіе въ партіи арестантовъ. Предположеніе *возить* арестантовъ до мѣста ссылки принесетъ имъ огромную нравственную пользу и прежде всего тѣмъ, что уменьшитъ время празднаго путешествія пѣшкомъ, отучающаго человѣка отъ труда Но и эта мѣра можетъ неудасться вполнѣ, если она выйдетъ для арестантовъ не облегченіемъ, а наказаніемъ. Если, какъ было писано въ одной журнальной статьѣ, для перевозки устроятъ дилижансы, гдѣ каждый арестантъ будетъ сидѣть въ особой клѣткѣ, то этимъ накажутъ не только арестантовъ, но и всѣхъ

ямщиковъ и почтовыхъ лошадей, которымъ придется возить фургоны. Фургоны сколотятъ, разумѣется, прочнѣе; на желѣзо не поскупятся, а въ такомъ случаѣ каждый такой экипажъ, расчитанный на 10 пассажировъ, потянетъ пудовъ сто, а со всей живой кладью, арестантскими вещами, ямщиками и конвойными, не менѣе пудовъ полутораста. Для сибирскихъ дорогъ и сибирскихъ обывательскихъ лошадей такой экипажъ будетъ весьма непрактиченъ, потому что подъ него потребуется въ хорошую дорогу отъ 5 до 6 лошадей, а въ распутицу лошадей 8 или 10. При такомъ большомъ числѣ лошадей, онѣ будутъ только путаться и вся тяжесть падетъ на дышловыхъ, которыя будутъ пропадать, какъ послѣ скорой ѣзды сердитаго курьера. Трудность перевозки подниметъ цѣну доставки и если расходъ этотъ отнесется на счетъ земскихъ сборовъ, — что разумѣется и будетъ, — въ такомъ случаѣ крестьянамъ прибавится еще новая тягость. И для арестантовъ путешествіе въ дилижансахъ не представитъ тоже ничего плѣнительнаго. Карета будетъ разумѣется тѣсна, по крайней мѣрѣ не такъ свободна, чтобы человѣкъ могъ вытянуть вполнѣ ноги и разнообразить положеніе тѣла; если же къ этому арестантъ будетъ сидѣть съ кандалами на ногахъ, то путешествіе выйдетъ совершенной пыткой. Зимой кандалы страшно холодятъ ноги до ломоты костей, и при скудной одеждѣ арестанту невозможно будетъ отогрѣть коченѣющіе члены; лѣтомъ же, отъ тряски, кандалы набиваютъ ноги. Такимъ образомъ арестантъ будетъ страдать отъ кандаловъ и отъ невозможности расправить истомленные ѣздой члены. Неудобство ѣзды сдѣлаетъ то, что арестанты станутъ смотрѣть съ отвращеніемъ на дилижансы и, разумѣется, будутъ стараться отдѣлаться отъ путешествія, какъ они отдѣлываются отъ тюрьмъ — побѣгами. А лишь бы только арестантъ захотѣлъ убѣжать, онъ убѣжитъ непремѣнно.

Было бы проще сдавать перевозку арестантовъ купцамъ, занимающимся доставкой товаровъ. Арестантовъ повезли бы также, какъ товаръ, по 6 р. съ пуда, отъ Петербурга или Москвы до Иркутска. Доставка одного арестанта съ пищей въ пути обошлась бы не дороже 30 р. Но ихъ везли бы, разумѣется, не въ дилижансахъ, а въ обыкновенныхъ телѣгахъ и зимнихъ повозкахъ, по четыре человѣка на одну лошадь. Для арестантовъ этотъ способъ переѣзда былъ бы гораздо спокойнѣе и удобнѣе. Для надзора въ пути могли бы быть даны конвойные, хотя въ особенно строгомъ надзорѣ и въ запираньи арестантовъ за желѣзными засовами нѣтъ особенной необходимости. Если посмотрѣть

на этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ, идущихъ въ числѣ партіи арестантовъ, и сравнить ихъ съ нехитрымъ воинствомъ ихъ конвоирующимъ, то первый являющійся вопросъ состоитъ въ томъ: что мѣшаетъ партіи, состоящей иногда изъ 300 человѣкъ, разогнать своихъ караульныхъ и разбѣжаться? А между тѣмъ этого не бываетъ. Не бываетъ по двумъ причинамъ: по недостатку рѣшимости на подобную штуку и потому, что арестанты знаютъ, что ихъ переловятъ. Можетъ быть, переловятъ и не всѣхъ, но кто же знаетъ впередъ, кого именно не поймаютъ? Таже боязнь удержитъ арестантовъ отъ побѣговъ и изъ транспортовъ. Впрочемъ, при неувѣренности, что арестанты будутъ доставлены на мѣсто въ полномъ числѣ, можно для приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ устроить небольшія запирающіяся на замкахъ повозки, одну на четыре человѣка, въ одну лошадь и безъ перегородокъ, а поселенцевъ везти въ обыкновенныхъ повозкахъ, перемѣняемыхъ на каждой станціи. Поселенцу бѣжать нѣтъ расчета, потому что его будущее вовсе не мрачно. Такой способъ отдачи доставки съ торговъ частнымъ лицамъ избавилъ бы казну отъ многихъ хлопотъ, неизбѣжныхъ при казенномъ препровожденіи арестантовъ и содержаніи ихъ въ пути.

Улучшеніе арестантскаго быта въ острогахъ должно принести тоже огромное вліяніе на улучшеніе нравственности преступниковъ. Въ Иркутскихъ вѣдомостяхъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ данныхъ для разъясненія этого вопроса. Онѣ не говорятъ ничего, насколько увеличивается смертность въ острогахъ и насколько люди становятся лучше, или хуже отъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, при карательной системѣ вопросъ этотъ и не имѣетъ важности. Отсидѣлъ человѣкъ въ острогѣ 3 года, отработалъ въ каторгѣ 10—15 лѣтъ, дѣло и кончилось. А сталъ ли человѣкъ отъ того лучше, до этого смотрителю нѣтъ никакого дѣла, потому что если освобожденный вздумаетъ нашалить, его снова отстегаютъ плетьми и снова посадятъ въ острогъ. При простотѣ этой системы она удобна тѣмъ, что отъ смотрителя требуетъ только одного—умѣнья пересчитать всѣхъ арестантовъ. Но въ этой простотѣ и заключаются всѣ ея недостатки. Имѣя цѣль одну—наказаніе, смотритель, какъ ближайшій исполнитель, даже при самомъ скудномъ умѣ, легко можетъ опредѣлить что хорошо, что дурно. Хорошимъ, въ смыслѣ точнаго исполненія тюремной обязанности, будетъ все то, что ухудшаетъ матеріальное положеніе арестанта, а дурнымъ все то, что облегчаетъ участь заключеннаго. Поэтому дурная и голодная пища лучше хорошей и питательной,

грубое обращеніе лучше ласковаго, грязь лучше чистоты, холодъ и сырость лучше тепла и спертый воздухъ лучше воздуха чистаго. Всѣ эти дурныя качества до того присущи всѣмъ острогамъ и тюрьмамъ, что дурную, темную, сырую и холодную квартиру называютъ метафорически всегда тюрьмой. Это сравненіе извѣстно даже дѣтямъ, невидѣвшимъ можетъ быть никогда настоящей тюрьмы.

Вліяніе подобныхъ мѣстъ заключенія на здоровье арестантовъ весьма разрушительно. Къ сожалѣнію, ни «Иркутскія вѣдомости», ни вообще русскія статистики не сообщаютъ по этому вопросу никакихъ свѣденій, и десятки лѣтъ пропали въ восточной Сибири совершенно даромъ, безъ всякихъ наблюденій.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ заграницей, извѣстно, что заключенныхъ умираетъ вчетверо противъ людей свободныхъ. У людей свободныхъ смертность въ 4% начинается только съ 63 лѣтняго возраста, изъ чего и слѣдуетъ, что галеры сокращаютъ жизнь на 32—33 лѣтъ. Въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи смертность еще сильнѣе, чѣмъ на галерахъ. Въ тюрьмахъ приходится въ годъ среднимъ числомъ 5,5 смертныхъ случаевъ на 100 заключенныхъ, при среднемъ возрастѣ 30—86 лѣтъ. Между свободными людьми этого возраста смертность составляетъ только 1%. Подобная сильная смертность между свободными начинается только въ 67 лѣтнемъ возрастѣ; слѣдовательно, жизнь заключенныхъ сокращается на 36 лѣтъ. Женщины переносятъ легче заключеніе и смертность между ними въ тюрьмахъ слабѣе, чѣмъ между мужчинами на галерахъ. При среднемъ возрастѣ 32—84 лѣтъ средняя смертность между женщинами составляетъ 3,95%, свободныя же женщины имѣютъ въ этомъ возрастѣ смертность равную 1,10. Такимъ образомъ въ то время, когда умираетъ 20 свободныхъ человѣкъ, изъ числа заключенныхъ умираетъ: въ центральныхъ тюрьмахъ 100 мужчинъ, 70 женщинъ и 76 ссыльныхъ галерныхъ.

Смертность между галерными несоразмѣрно велика въ первый годъ. Продолжительность заключенія не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на увеличеніе смертности, но смертность между заключенными въ первый разъ гораздо больше, чѣмъ между заключенными не въ первый разъ. По роду прежнихъ занятій заключенныхъ, смертность распредѣляется такъ: сильнѣе всего мрутъ земледѣльцы, солдаты, бродяги и нищіе; а меньше всего смертность между заключенными городскими ремесленниками, которые вели сидячую жизнь.

О вліяніи одиночнаго заключенія на жизнь и здоровье арестантовъ не сдѣлано еще достаточныхъ наблюденій.

И у насъ замѣчено тоже, что люди, привыкшіе къ кочевой жизни, какъ киргизы или калмыки, переносятъ съ трудомъ острожное заключеніе и нерѣдко въ теченіе года впадаютъ въ сильную легочную чахотку. Причина, почему бродяга, привыкшій къ воздуху лѣсовъ и полей, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ острога съ наступленіемъ весны, заключается въ томъ же. Его организмъ зимой переноситъ легче острожныя міазмы, но весной, когда легкія его только разъ дохнули свѣжимъ воздухомъ, заключеніе въ душномъ острогѣ становится невыносимымъ. Тутъ дѣйствуетъ чисто физіологическая причина: какъ голодъ принуждаетъ человѣка украсть съѣстное, если онъ не можетъ добыть ѣды иначе, такъ точно и бродяги бѣжатъ весной изъ острога, потому что только при этомъ условіи заключенный получитъ количество воздуха, необходимое для возстановленія его упавшихъ силъ.

Эти факты указываютъ достаточно, насколько тюремное заключеніе, ведущее къ упадку силъ, къ разстройству здоровья и къ ускоренной смерти, нельзя считать мѣрой, удовлетворительной для исправленія нравственности заключенныхъ. Тюрьма есть тѣлесное наказаніе, можетъ быть, болѣе ужасное, чѣмъ кнутъ и плети, потому что она прямо подтачиваетъ человѣческую жизнь и для людей привыкшихъ къ свободному, степному воздуху, составляетъ настоящую пытку, нисколько неотличающуюся отъ пытки жаждой, возбуждаемой кормленіемъ селедками. Къ недостатку воздуха присоединяется еще отсутствіе достаточнаго моціона и дурная пища. Подобное искусственное увеличеніе смертности едва ли входитъ въ соображеніе закона, желающаго карать преступника. А для государства подобная система дѣйствій нерасчетъ потому, что кромѣ усиленнаго уменьшенія народонаселенія, освобожденные становятся не лучше, а скорѣе хуже.

Въ этомъ же смыслѣ сомнительна у насъ польза и одиночнаго заключенія. Въ ней нѣтъ ничего способнаго исправить испорченнаго человѣка, потому что она—пытка, съ которой несравнятся никакія дыбы, никакое сѣченіе сальными свѣчами. Человѣкъ только исчахнетъ въ тюрьмѣ, онъ проклянетъ своихъ мучителей тюремщиковъ, судей, приговорившихъ его къ такому наказанію, и общество, придумавшее подобную пытку.

Въ отношеніи опытовъ надъ исправленіемъ преступниковъ ни одно государство не находится въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ Россія. Главная наша выгода въ томъ, что мы можемъ обойтись совер-

шенно безъ тюремнаго заключенія. Заключеніе можетъ имѣть у насъ только одну цѣль—разъединеніе судимаго отъ сообщества людей, которые бы помѣшали раскрытію истины и удобство надзора надъ осужденнымъ до исполненія приговора. Такое мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Люди дѣлаютъ проступки и преступленія или потому, что они бѣдны, или по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, или по горячности. Истинные злодѣи, убивающіе съ наслажденіемъ, рѣдки. Всѣ эти преступники не столько народъ дурной, сколько народъ изболтавшійся, привыкшій къ крайне безпорядочной жизни. Слѣдовательно, имъ нужно дать возможность подняться выше того матеріальнаго уровня, до котораго они опустились. Эту возможность представляетъ Сибирь, гдѣ человѣкъ мало мальски порядочный можетъ найти легко заработокъ весьма значительный. Легкость заработка важна въ этомъ случаѣ тѣмъ, что можетъ пріучить человѣка къ труду легко и постепенно. Этого удобства не представляетъ Россія, гдѣ средства для существованія даются съ большей потерей силъ и гдѣ работу найти труднѣе. Въ Сибири напротивъ цѣнятся чрезвычайно высоко всѣ свободныя руки и каждому, вновь приходящему рабочему, страна рада, потому что на каждомъ шагу она испытываетъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Но человѣкъ явившійся сюда внезапно и спущенный съ арестантской повозки на всѣ четыре стороны, рискуетъ или умереть съ голоду или долженъ начать воровать. Нельзя бросить человѣка на произволъ судьбы въ мѣстности для него совершенно незнакомой. Хорошо еще если у него найдутся деньги на первое время; а если денегъ нѣтъ? Наняться въ работу не къ кому. Руки здѣсь цѣнятся точно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый поселенецъ принимается съ распростертыми объятіями и найдетъ себѣ работу въ первомъ попавшемся ему домѣ. Я знаю факты, гдѣ сосланные люди дѣйствительно прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это оказывалось впослѣдствіи, выпущенные на свободу, по прибытіи съ партіей, ходили безполезно изъ дома въ домъ, прося работы. Обносившись въ пути, ссыльный имѣлъ нѣсколько нищенскій, подозрительный видъ, и всякій, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, давалъ одинъ отвѣтъ—нѣтъ работы. Наконецъ, послѣ трехъ дней безплоднаго шатанья по городу новый житель Иркутска пристроился на какомъ-то кирпичномъ заводѣ.

Чтобы человѣкъ съ перваго дня по прибытіи въ новый для него край, не впалъ въ соблазнъ надѣлать какихъ нибудь шалостей, надо

поставить его внѣ возможности подобнаго соблазна. А для этого всѣхъ ссыльныхъ необходимо сортировать по роду избранныхъ ими занятій. Кузнецовъ пристроивать къ кузницамъ, плотниковъ къ плотничьему дѣлу, каретниковъ къ экипажнымъ мастерамъ, земледѣльцевъ къ пашни и чернорабочихъ или землекоповъ къ землянымъ работамъ. Съ тѣхъ поръ какъ золотопромышенность стала переходить здѣсь въ частныя руки и стала оттягивать работниковъ отъ пашни, такъ называемая каторжная работа должна потерять свое значеніе. Каторжнымъ въ рудникахъ здѣсь дѣлать нечего, потому что рудниковъ не существуетъ, и вольные рабочіе исполняютъ теперь ту же каторжную работу, получая за нее вольную плату. Даже на казенныхъ промысловыхъ работахъ каторжные, окончившіе срокъ тюремнаго заключенія, посажены на задѣльную плату. Такимъ образомъ экономическія условія положили начало реформѣ въ системѣ наказанія; остается сдѣлать только небольшія измѣненія, чтобы вся система наказаній получила иной видъ; потому что частные промыслы развиваются все болѣе и болѣе, а казенные упадаютъ. Очевидно, что и людей, присылаемыхъ сюда для доставленія имъ средствъ существованія и для предупрежденія шатанья по большимъ дорогамъ нужно пристроивать къ частнымъ промысламъ. Пристроиванье это необходимо потому, что въ настоящее время работа на частныхъ промыслахъ есть чистое бродяжничество. Нанявшійся рабочій, получивъ задатокъ и обыкновенно пропивъ его, отправляется пѣшкомъ за 1, 2 и даже 3 тысячи верстъ. Отработавъ и получивъ расчетъ, онъ растрачиваетъ всѣ полученныя деньги въ первомъ селеніи съ кабакомъ, и затѣмъ шатается неизвѣстно гдѣ. Иногда приходитъ къ себѣ въ деревню, а иногда и нѣтъ. Когда начинаются новые наймы, онъ опять получаетъ задатокъ, опять бредетъ на пріискъ, опять пропиваетъ всѣ свои деньги и опять отправляется шататься. Такая жизнь можетъ испортить и недурного человѣка, если въ немъ есть наклонность къ веселой жизни. Разгулъ между рабочими является потому, что у большой части изъ нихъ нѣтъ осѣдлости. Поселенецъ считается въ какой нибудь волости только номинально, а въ сущности онъ болтается весь свой вѣкъ, предпочитая веселую жизнь работника на промыслахъ скучной деревенской жизни. Не имѣя осѣдлости и семьи, человѣкъ не видитъ причины держать или копить деньги. А получая сравнительно съ своими потребностями и привычками суммы несмѣтныя, рабочій кидается во всякія сумазбродства. Рабочій на промыслахъ можетъ заработать въ лѣто отъ 200 до 300 рублей. Для человѣка, привыкшаго

спать на голой землѣ и питаться черным хлѣбомъ съ квасомъ и рѣдькой, триста рублей—капиталъ огромный. Семьи у человѣка нѣтъ, дома тоже и вотъ онъ тратитъ ихъ на то, на что семейный человѣкъ тратить бы не сталъ своихъ денегъ. Кромѣ безмѣрныхъ расходовъ на водку и угощеніе всякого, кромѣ того, что у него украдутъ въ пьяномъ видѣ, нѣкоторыя широкія натуры дѣлаютъ расходы совершенно подобные тѣмъ, какими русскіе купцы поражали въ Парижѣ французовъ. Рабочему вдругъ придетъ мысль ѣхать лѣтомъ на саняхъ. Нанимается тройка, пьяный рабочій разваливается въ пошевняхъ и ѣдетъ до перваго селенія. Или покупаетъ въ лавкѣ кусокъ ситцу, вытянетъ его за конецъ по улицѣ, такъ чтобы онъ легъ дорожкой, пройдетъ по штукѣ и броситъ. Непьющій, увлеченный общимъ разгуломъ, купитъ ведро вина, выльетъ въ лахань, вымоетъ ноги и опрокинетъ лоханку. Такая размашистость происходитъ исключительно оттого, что у людей нѣтъ нигдѣ корней; въ Россіи у человѣка былъ домъ, была можетъ быть семья, но его оторвали отъ нея; въ Сибири приписали его къ волости, въ которой ему одинокому дѣлать нечего, и затѣмъ дали паспортъ на всѣ четыре стороны. Подобное бродяжничество кончится, когда людей, нежелающихъ заниматься земледѣліемъ, вмѣсто приписки къ волостямъ, будутъ поселять на промыслахъ, въ родѣ того, какъ водворяютъ рабочихъ на казенныхъ пріискахъ нерчинскаго округа. На промыслахъ найдется занятіе и кузнецамъ, и слесарямъ, и столярамъ, и плотникамъ, и чернорабочимъ Этимъ средствомъ въ глухихъ мѣстахъ создадутся населенія, гдѣ явится непремѣнно промышленность и торговля, потому что народъ получитъ порядочныя средства, которыми въ состояніи будетъ удовлетворить потребности пить чай, ѣсть говядину и рыбу, и носить сапоги и ситцевую рубашку. Такъ называемые каторжные могутъ быть обязаны срочной работой за задѣльную плату и подчинены болѣе строгому полицейскому надзору, чѣмъ остальные. Первое поколѣніе, можетъ быть, и не выкажетъ особенныхъ способностей къ благоустроенной гражданской жизни, но второе поколѣніе будетъ ужъ разумѣется хорошо. Справедливость этой мысли подтверждаетъ такъ называемый въ Иркутскѣ рабочій или ремесленный домъ. Дома въ настоящее время никакого нѣтъ, а такъ называется цѣлая подгородная слобода, которую отдѣляетъ отъ города рѣчка Ушаковка. Въ 1799 г. генералъ-губернаторъ Леццано задумалъ, для развитія ремеслъ въ Иркутскѣ, воспользоваться ссыльными. Такъ какъ многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ, не могли обзавестись ни ремеслен-

ными инструментами, ни обратиться къ незнакомому имъ земледѣлію, то Леццано и устроилъ ремесленный домъ. Ссыльные занимались мастерствами: столярнымъ, кузнечнымъ, шорнымъ, обойнымъ, малярнымъ, экипажнымъ, токарнымъ, портняжнымъ, слесарнымъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Если Иркутскъ имѣетъ въ настоящее время ремесленниковъ по всѣмъ этимъ производствамъ, то обязанъ исключительно Леццано. Но этого еще мало; теперь ремесленный домъ составляетъ слободу дворовъ въ четыреста и въ каждомъ домѣ живетъ или столяръ, или маляръ, или кузнецъ, или экипажный и другой мастеръ. Вся слобода эта чисто ремесленная, многіе живутъ весьма зажиточно, имѣя по нѣсколько комнатъ оклеенныхъ обоями, съ мебелью, ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а женъ наряжаютъ въ атласные салопы. Я былъ во многихъ домахъ и вездѣ встрѣчалъ весьма порядочныхъ людей, даже съ свѣтскимъ лоскомъ; а между тѣмъ это все дѣти ссыльно-каторжныхъ.

Для ремесленниковъ, или людей желающихъ учиться ремесламъ, могли бы быть устроены ремесленныя заведенія. Въ восточной Сибири, не смотря на ея скотоводство, нѣтъ кожъ, и сапоги для крестьянъ привозятся за тысячи верстъ; здѣшній крестьянинъ носитъ все покупное, начиная съ штановъ и рубашки до кафтана. Слѣдовательно очевидно, что устройство поселеній, гдѣ бы приготовлялись кожи, сапоги, башмаки, руковицы, сукна, холстъ и набивныя бумажныя матеріи, принесло бы огромную пользу мѣстному населенію, а изъ ссыльныхъ, бродячаго народа, котораго нужда заставляетъ слоняться вѣчно, сдѣлало бы осѣдлыхъ и домовитыхъ людей. Неудачные опыты съ разными казенными фабриками, бывшими въ Сибири, указываютъ только, что дѣло это должно быть ведено не на казенномъ началѣ. Лучшая форма есть ассоціація самихъ рабочихъ, находящихся подъ надзоромъ въ родѣ того, какъ дѣйствовалъ ремесленный домъ Леццано. Пособія на устройство заведеній съ уплатой въ разсрочку самими рабочими изъ вырученной суммы, отъ продажи издѣлій, были бы необходимо отъ казны, потому что только при этомъ условіи и возможно устройство подобныхъ производствъ. Тюмень съ окрестными деревнями плѣняетъ же всѣхъ своими кожевенными производствами и коврами, своей промышленной оживленностью, а восточная Сибирь и особенно Забайкалье наводятъ уныніе своей мертвенностью и отсутствіемъ всякой промышленной дѣятельности. Но было время, когда Тюмень не отличалась большей оживленностью, чѣмъ нынѣ Забайкалье; было время когда Иркутскъ

не имѣлъ кузнецовъ, слесарей и столяровъ. Сибирь всѣми своими ремесленными производствами обязана русскому народу; но народъ этотъ безъ средствъ, безъ возможности слѣдить за развитіемъ своего ремесла, безъ возможности пріобрѣсти даже хорошіе инструменты и безъ капиталовъ на обзаведеніе, и дѣйсвуя вразбросъ, только тратилъ свои силы и съ большими усиліями достигалъ самыхъ жалкихъ результатовъ Концентрировать эти силы, дать имъ средства полнаго развитія, устроить человѣку осѣдлость и домъ, въ которомъ бы онъ устроился и пустилъ корни и улучшилъ свой бытъ—вотъ система, при которой бродяга и шатунъ установится и человѣкъ разгульной жизни остепенится. Послѣ 1812 г. какой-то плѣнный французъ сталъ плесть деревянныя шляпы и разныя коробочки въ одной изъ деревень калужской губерніи, а теперь вся деревня живетъ этимъ промысломъ. Этимъ же путемъ развивалось ткацкое производство въ рязанской и владимірской губерніяхъ. Въ нижегородской цѣлыя деревни работаютъ деревянную посуду и стальныя издѣлія. Начало подобнымъ же развитіямъ производствъ цѣлыми селеніями можно положить и въ Сибири, и если исправленіе нравственности людей, признанныхъ виновными уголовнымъ судомъ, повести на этомъ началѣ, то у каждаго ссыльнаго явится свое гнѣздо, и образуются въ Сибири цѣлыя промышленныя селенія. Первое время, можетъ быть, они и будутъ имѣть нѣсколько исправительный характеръ, но изъ втораго поколѣнія выйдетъ уже то, что представляетъ теперь иркутская ремесленная слобода.

Если нынѣшніе каторжники остаются вѣчными оборванцами и пьяницами, то только потому, что работа не даетъ имъ никакихъ средствъ для улучшенія своего быта. Нужно, чтобы ссыльный работалъ, какъ свободный человѣкъ, получая полное вознагражденіе за свой трудъ. Люди, которые въ наказанномъ преступникѣ хотятъ видѣть непремѣнно человѣка, истомленнаго всякими лишеніями и искалеченнаго побоями и наказаніями, скажутъ, что подобная заботливость о ссыльномъ будетъ преміей, что въ Россіи жизнь многихъ тысячъ крестьянъ будетъ хуже и они изъ расчета станутъ дѣлать преступленія, чтобы очутиться на пенсіонѣ въ сибирскомъ ремесленномъ заведеніи или на золотыхъ промыслахъ. Но во-первыхъ, это не такъ, потому что людей будетъ кормить не Сибирь, а собственный ихъ трудъ, и для страны выгоднѣе имѣть людей трудящихся, чѣмъ бродягъ и пьяницъ; во-вторыхъ, государство не выигрываетъ оттого, что въ немъ есть люди истомленные нуждой и отпущенные безъ поддержки на всѣ четыре стороны, потому

что такіе люди, впадая легко въ разныя погрѣшности, будутъ грозить постоянно общей безопасности и дадутъ полиціи и судамъ лишнюю работу; въ-третьихъ, если ссыльнымъ въ Сибири сдѣлается такъ хорошо, что быть ихъ будетъ приманкой для россійскаго народа, то что же мѣшаетъ улучшить положеніе русскихъ въ такой степени, чтобы имъ стало еще лучше, чѣмъ сибирякамъ?

А развѣ принудительное переселеніе и обязательный трудъ не будетъ служить наказаніемъ весьма чувствительнымъ? Если же между поселенцами найдутся такіе неблагоразумные и нерасчетливые люди, которые позволятъ себѣ новыя шалости, то для такихъ могутъ быть учреждены особыя исправительныя колоніи, или въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, или на островахъ, чтобы преградить возможность побѣговъ.

V.

Купечество.

Похвалы любятъ только дѣти да не развитые люди. Когда пришло время дѣлать дѣло, льстить другъ другу незачѣмъ, а нужно указывать на факты, убыточные для общества, и на причины, создающія ихъ. Поэтому, говоря о сословіяхъ Иркутска, я скажу только объ ихъ невыгодныхъ сторонахъ.

Купечество Иркутска и восточной Сибири все русскаго происхожденія; изъ туземцевъ купцовъ нѣтъ. Большая часть иркутскихъ купцовъ вышли изъ крестьянъ вологодской губерніи, изстари забиравшихся въ Сибирь. Въ Сибирь привлекали ихъ, разумѣется, выгоды торговли съ сибирскими жителями, нуждавшимися во всѣхъ фабричныхъ издѣліяхъ. Если и нынче сибиряку нужно привести все изъ Россіи, начиная отъ спичекъ до рубашки; то лѣтъ за 100 или за 50 здѣшній человѣкъ нуждался еще больше во всемъ. Смѣльчаки ходили въ Сибирь съ красными товарами, мѣняли ихъ на пушной товаръ, продавали на деньги и обыкновенно, совершивъ нѣсколько подобныхъ путешествій, возвращались домой на-старость. Другіе оставались въ Сибири, женились и устроивали постоянную мѣстную торговлю. Способы, которыми люди

оставляли себѣ состояніе, были весьма различны. Въ однихъ видна изворотливость ума и находчивость, другіе не отличались особенной изобрѣтательностію. Сколько было правды и неправды въ пріемахъ перваго поколѣнія купцовъ, неизвѣстно; но второму поколѣнію богатѣть было легче. Обыкновенно разбогатѣвшій дѣдушка, или прадѣдушка выписывалъ изъ Россіи своихъ внуковъ и родственниковъ, дѣлалъ ихъ у себя прикащиками и сидѣльцами и выводилъ въ купцы. Но случалось, что внуки и племянники выходили въ богатые люди и своимъ умомъ. Главнымъ условіемъ была извѣстная степень жестокости и безпощадное, неуклонное преслѣдованіе своей цѣли. Всѣ средства большею частью были хороши, если только ими наживалась копѣйка. Излишняя чувствительность не годилась для этого, и люди пылкіе и увлекающіеся обыкновенно не набивали себѣ кармана; если же имъ и случалось разбогатѣть, то богатство уходило на пьянство, игру въ карты и на расходы, на которые такъ изобрѣтательны сырыя, широкія натуры. Такъ случалось, что разбогатѣвшій человѣкъ игралъ въ банкъ по трое сутокъ. Пьяный лежитъ онъ на диванѣ въ одной комнатѣ, у дверей стоитъ прикащикъ, а банкъ мечутъ въ другой комнатѣ. — Даму прикажете поставить? спрашиваетъ прикащикъ.—Ну ее,—туза! Тузъ поставленъ и убитъ; потомъ прикащикъ поставитъ даму, или что вздумается ему, или его пьяному хозяину; и хозяинъ, послѣ трехъ дней и ночей занятія подобнымъ дѣломъ, совершенно доволенъ собой и даже служилъ предметомъ удивленія менѣе богатыхъ купцовъ и купеческихъ прикащиковъ. Или пьяный богачъ, развалившись въ креслѣ, держитъ подъ ногой кипу ассигнацій и, вполнѣ довольный собой, проигрываетъ ее въ тотъ же банкъ. Это были натуры мягкосердечныя, увлекающіяся, тщеславныя и широкія. Изобрѣтательность, съ какою люди умѣли тратить деньги, доходила дѣйствительно до виртуозности. Разъ купецъ — впрочемъ это уже золотопромышленникъ—ѣхалъ на свадьбу къ своему сыну, верстъ за тысячу. Ѣхалъ онъ въ одной повозкѣ, а за нимъ еще пять и въ каждой по два прикащика. Къ чему же понадобились прикащики? У каждаго за пазухой лежало по двѣ бутылки шампанскаго. Это средство считалось въ тѣ времена единственнымъ средствомъ возить шампанское зимой и употреблялось не совсѣмъ рѣдко. Такъ, если на купеческой свадьбѣ выпивалось все шампанское, бывшее въ городѣ, то отряжались на почтовыхъ нѣсколько прикащиковъ въ ближайшій городъ, чтобы привезти шампанское за пазухой. Деньги тратились преимущественно на карты и пьянство. Въ Кяхтѣ напримѣръ ни одни именины

не обходились безъ ящика шампанскаго; безъ повара не было ни одного дома; прислуга у купца, прикащики, мальчики,—толкаются въ передней, какъ у помѣщика дворня; у нѣкоторыхъ купцовъ запрягалось въ день до 9 разсыльныхъ лошадей. Пьянство и карты доходили до соотвѣтственнаго размѣра. Въ стуколку проигрывали по 10 т. р. въ вечеръ, даже жены проигрывали рублей по пятисотъ въ вечеръ. А Кяхта отличается большимъ сравнительно свѣтскимъ лоскомъ, особенно женщины; выписывается много книгъ и журналовъ; есть клубъ. Въ Кяхтѣ случались кутежи баснословные. И все это только потому, что силы у людей много, нервы крѣпкіе, какъ канаты, кровь ходитъ быстро, а дѣла никакого. Въ Кяхтѣ напримѣръ, дѣло бываетъ только въ февралѣ мѣсяцѣ, въ это время только вымѣнивается и отправляется товаръ; затѣмъ остальные 11 мѣсяцевъ—занятій никакихъ. Что же дѣлать людямъ? Читать постоянно скучно, писать—нечего, толковать о китайскихъ дѣлахъ, или о политикѣ Наполеона совершенно безполезно, и люди посвящаютъ все свое время стуколкѣ, шампанскому и тому подобнымъ потѣхамъ. Хорошо ли это или дурно, всякій понимаетъ по своему; но несомнѣнно, что человѣкъ потому только и проводитъ свое время за стуколкой, что всѣ остальныя занятія не въ состояніи удовлетворить потребностямъ его ума и сердца.

Люди жосткіе бывали менѣе рѣшительны въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ; они не отличались качествами торговыхъ натуръ, но ихъ способъ представлялъ больше, какъ имъ казалось, вѣроятій на успѣхъ. Многіе изъ нихъ шли къ своей цѣли весьма медленно; ѣли плохо, жили бѣдно, торговали лѣтъ 30—40 всякимъ невиднымъ товаромъ, преимущественно бумажнымъ — плисъ, даба, ситецъ недорогой, миткаль, кушаки, дешевое крестьянское сукно,—и составляли больш е состояніе. Разсчитываться съ людьми этого склада было трудно. Бывали изъ нихъ торговые люди, которые обсчитывать и не додавать ввели въ принципъ. Имѣешь ли ты дѣло съ кучеромъ, не додай ему гривенникъ; лакею не додай пятьдесятъ копѣекъ, покупателю тоже не додай въ сдачѣ, — вотъ какъ деньги наживай. Для такого человѣка обсчитать было святымъ дѣломъ. Онъ обсчитывалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, начиная съ купца. Задержать изъ платежа хоть копѣйку составляло для него дѣло совѣсти, потому что изъ копѣекъ выходятъ рубли. А случалось, пошлютъ къ нему изъ другой лавки за долгомъ, копѣекъ въ тридцать, купецъ обижается, кричитъ посланному съ сердцемъ: — какъ ты смѣешь меня безпокоить? и гонитъ вонъ. У такихъ людей былъ обычай волочить всѣ денежные платежи,

продержать чужую ассигнацію хоть одну лишнюю минутку въ своемъ карманѣ. Съ прикащиками люди подобныхъ коммерческихъ основаній были особенно тяжелы, и особенно было страшно поступать къ нимъ прикащикамъ на отчетъ. Сдаетъ хозяинъ прикащику лавку, тысячъ на пятьдесятъ, заключитъ съ нимъ контрактъ, а при отчетѣ вдругъ не достаетъ тысячи, либо болѣе. Прикащикъ и самъ не знаетъ, какъ случился грѣхъ; а грѣхъ случился просто отъ непониманья прикащика, оттого что онъ не держался правила своего хозяина и не зналъ, что рубли образуются изъ копѣекъ. Вотъ какимъ путемъ происходили подобные недочеты. Получаются напримѣръ изъ Москвы конфекты въ ящикахъ; въ ящикѣ положимъ 22 фунта, цѣна пуду 16 р., въ розничную продажу онѣ назначены по 40 к. за фунтъ. Но конфекты шли 6,000 верстъ, въ дорогѣ онѣ высохли, покрайней мѣрѣ одинъ фунтъ на ящикъ; покупателю отпускается товаръ съ походомъ, но кромѣ того покупатель еще и попробуетъ, чтобы знать, что онъ покупаетъ, а иногда и такъ, чтобы полакомиться, и въ этомъ случаѣ онъ беретъ не изъ своего фунта, а изъ ящика; бываютъ между покупательницами и такія, что нарочно ведутъ своихъ дѣтей въ лавку съ лакомствами. Отъ всего этого цѣна фунту конфектъ выйдетъ въ продажѣ уже не 40, а копѣекъ 37 или 38. Кромѣ того, въ розничной продажѣ покупатели имѣютъ манеру не доплачивать четвертей и полукопѣекъ. Берутъ пачку папиросъ, за нее слѣдуетъ получить 27 $^1/_2$ к., а покупщикъ дастъ только 27 к., говоритъ, что нѣтъ половины, и прикащику нужно сдѣлать уступку, потому что покупатель сердится и пожалуй начнетъ ходить въ другую лавку. Часто папиросы спрашиваются на пробу, и распечатанная пачка вся идетъ въ убытокъ прикащику. Есть покупатели, которые уносятъ вещи изъ лавки, или проще говоря, воруютъ. А сколько товару портится, напримѣръ сыръ, который и сохнетъ, и плеснѣетъ, и пропадаетъ въ крошкахъ. Наконецъ долги. Знакомый взялъ чего нибудь копѣекъ на 30, къ нему посылаютъ, а онъ отвѣчаетъ мальчику, что имъ какъ не стыдно безпокоить его изъ-за такого пустяка, да еще и выругаетъ мальчика. Хозяинъ ничего этого знать не хочетъ; ему отдай полный отчетъ, а отчетъ полный отдать нельзя, и прикащикъ попадаетъ въ острогъ. Бывали купцы, у которыхъ почти ни одинъ прикащикъ не миновалъ острога. Время, разумѣется, учило людей и тогда смѣтлазый человѣкъ, извораживаясь хозяйскими деньгами, прикупалъ выгодно чего не доставало, и покрывалъ этимъ потери. Въ этомъ же причина, почему прикащикъ

разбиралъ покупателей, съ одного бралъ такую, съ другого другую цѣну, или обмѣривалъ и обвѣшивалъ покупщика; такимъ средствомъ прикащикъ и самъ наживалъ деньги.

Чтобы у человѣка образовался капиталъ, нужны были особыя обстоятельства,—не всѣмъ они представлялись. Дѣдъ, начинавшій свое дѣло съ продажи тесемокъ, иголокъ, нитокъ, гребней и разной мелочи, разнося ее въ коробкѣ по деревнямъ, хотя бралъ можетъ быть и большую пользу, но чтобы составить капиталъ для торговли на одномъ мѣстѣ и завести лавку въ городѣ, долженъ былъ исходить много дорогъ и избить много сапоговъ. Десятками лѣтъ труда добивался онъ наконецъ болѣе спокойнаго и обезпеченнаго торговаго положенія, и тогда дѣло его шло сильнѣе въ гору. Люди, начинавшіе такъ свою торговую дѣятельность, бывали обыкновенно люди строгой, суровой жизни, переносившіе всевозможныя лишенія, у которыхъ каждый калачъ, каждый кусокъ хлѣба былъ на счету. Выработавшись въ такой суровой школѣ жизни, они вѣрили въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій и опыта, и въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ и родственникамъ отличались суровымъ деспотизмомъ, требуя безусловнаго повиновенія себѣ во всемъ своихъ подначальныхъ Если подначальный былъ не сынъ, а родственникъ, онъ сносилъ все, пока не представлялся ему случай начать дѣло независимо отъ своего благодѣтеля, дѣда или дяди. Случаи бывали разные. Молодому человѣку давала средства нерѣдко женидьба, улаживавшаяся обыкновенно стариками, какъ коммерческое дѣло Молодыхъ въ этихъ случаяхъ не спрашивали, считая ихъ несмыслящими. И вотъ юноша, взявъ вмѣстѣ съ женой тысячь пятьдесять на ассигнаціи, расчитывался съ дѣдомъ, или дядей, и начиналъ отдѣльное дѣло. Въ этихъ случаяхъ помогали молодому его отношенія къ своему покровителю и коммерческія знакомства и связи, сдѣланныя имъ во время управленія дѣлами своего хозяина. Молодой купецъ ѣхалъ въ Нижній на ярмарку, покупалъ товару тысячъ на 200 ас., уплачивая наличными, можетъ быть, десятую долю, а остальное въ кредитъ, съ разсрочкой платежа въ 6, 12 и даже до 18 мѣсяцевъ; часть товара привозилъ въ Иркутскъ, часть въ Кяхту и начиналъ такимъ образомъ дѣло. На выручаемыя деньги покупался чай, пустивъ предварительно деньги въ оборотъ болѣе выгодный. Эту выгоду представляло золото, вывозъ котораго въ Китай былъ запрещенъ. Запрещеніе не было никому страшно; напротивъ, чѣмъ строже было запрещеніе, тѣмъ дѣло представлялось заманчивѣе, потому что давало больше выгодъ. Скупалось золото шли-

ховое, т. е. въ зернахъ, ворованное съ казенныхъ золотыхъ промысловъ, и золото въ монетѣ. Изъ продажи того и другого золота образовалась даже особая промышленность, которую не могли прекратить никакія надзоры и предслѣдованія. Какъ ни строго смотрятъ за рабочими на промыслахъ, но они всегда найдутъ средства упрятать куда нибудь воровское золото и продать своимъ скупщикамъ, имена которыхъ держатъ въ великомъ секретѣ, такъ что никакое начальство никогда не могло узнать и поймать этихъ людей. Продажа и провозъ золота въ монетѣ дѣлался также ловко. Дѣло это было выгодно, потому что за золотой платилось рублей 6, а онъ продавался въ Китай рублей за 8 или за 9. Изъ числа иркутскаго и кяхтинскаго купечества, какъ говорятъ, нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не занимался на своемъ вѣку этой выгодной коммерціей. Спекулировали на этомъ дѣлѣ и сильные и несильные торговцы: разница была только въ размѣрѣ оборотовъ Кто побѣднѣе, тотъ скупалъ золотые по одной штучкѣ и, набравъ сотню, продавалъ купцу болѣе богатому, взявъ барыша по рублю со штуки. Ѣздили за покупкой золота и въ Россію; а чтобы лучше замаскировать причину поѣздки, благочестивый купецъ разглашалъ, что онъ ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и по пути въ южномъ и западномъ краѣ скупалъ у жидовъ золотую монету.

Причина, почему торговля золотомъ развилась такъ, заключалась въ одной особенности кяхтинской торговли. Китайцы вели свое дѣло всегда дружно и стойко. Замѣтивъ, что какого нибудь товару навезено много, они возвышали цѣну на чай и стояли крѣпко на своей цѣнѣ, выжидая, когда русскіе, потерявъ терпѣніе, согласятся на выгодную для китайцевъ сдѣлку. На стойкость надо было отвѣчать стойкостью; поэтому кяхтинское купечество приняло такую систему. Весь привезенный русскими товаръ разцѣнивался и опредѣлялось, за какое число мѣстъ чая можно было его отдавать и какое число ящиковъ чая приходилось на каждаго купца. Эта мѣра, задуманная повидимому съ хорошей цѣлью, была въ сущности насиліемъ, и привела наконецъ къ полному деспотизму сильнаго надъ слабымъ. Купцу, добывшему положимъ бѣлку или мерлушку по сходной цѣнѣ, было бы выгодно отдать ее китайцамъ по 90 к., но какъ ей установлена цѣна въ рубль, то онъ и не смѣлъ отдавать ее дешевле. Разцѣнка, какъ говорятъ, дѣлалась весьма произвольно, и сильный купецъ, имѣвшій напримѣръ большія связи съ Москвой, забравъ въ руки купцовъ мелкихъ, цѣнилъ товаръ, какъ хотѣлъ, назначая разумѣется болѣе высокія цѣны тѣмъ сортамъ, кото-

рыми торговалъ самъ. Все мелкое должно было ему подчиняться, потому что большинство дѣйствовало въ видѣ коммисіонеровъ, и слѣдовательно «ворошило» могъ повредить имъ всегда, стоило написать только какую нибудь сплетню въ Москву къ довѣрителю коммисіонера.

Перевозка золота черезъ границу совершалась весьма просто; его перевозили и прикащики, и казенная стража, и даже сами полицейскіе чиновники. Случалось, что пригласитъ купецъ полиціймейстера къ себѣ, напоятъ его, потомъ нагрузятъ его экипажъ золотомъ, да пьянаго и везутъ домой; таможенные сторожа, разумѣется, пропускаютъ власть безъ всякаго осмотра.

Такимъ образомъ стѣснительныя мѣры принудили купцовъ къ уловкамъ, недозволительнымъ въ томъ отношеніи, что кто не рѣшался на нихъ, того и торговля была менѣе прибыльна. Но тутъ было еще и другое зло. Когда строгія преслѣдованія начальства, увеличивъ рискъ провоза, сдѣлали провозъ золота болѣе опаснымъ, но за то и болѣе выгоднымъ, то этимъ не только развращалась стража и чиновники, но явилась и въ коммерческомъ сословіи безчестность, до того времени небывалая. Прикащикъ, купецъ или чиновникъ, провозившій золото, зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, если попадется; по прикащикамъ или купцамъ, неисполнявшимъ порученія своихъ довѣрителей, рискъ этотъ не приносилъ особыхъ выгодъ, потому что спекулировалъ хозяинъ. Отсюда весьма недалекъ переходъ къ такому соображенію: рискъ большой, а выгоды нѣтъ; не лучше ли забрать все золото себѣ, и хозяину сказать, что никакихъ денегъ отъ него не получалъ. И такіе случаи бывали. Чиновники развращались тоже не менѣе. Разсказываютъ, что въ Кяхтѣ завелся обычай, что наканунѣ праздниковъ чиновники разъѣзжали къ купцамъ съ визитами и получали отъ нихъ запечатанные конвертики. Размѣръ пакетика зависѣлъ отъ важности гостя. Такое аристократическое нищенство дошло до того, что и бѣдные люди, вовсе ненаходящіеся на службѣ, начали ходить къ купцамъ за сборомъ.

Раньше золота шелъ въ Китай въ большой массѣ опіумъ и тоже давалъ хорошія выгоды, потому что былъ запрещенъ. Опіумъ покупался въ Москвѣ и въ Нижнемъ.

Все это способствовало только коммерческому разврату. Контрабанда была вредна не потому, чтобы терпѣла отъ нея казна, и не потому, что ею нарушался законъ; а зло ея заключалось въ томъ, что человѣкъ, нерѣшавшійся на тайный провозъ золота, или опіума, терялъ въ торговлѣ противъ смѣльчака, отпиравшагося отъ чу-

жого золота, подкупавшаго стражу и чиновниковъ, возившаго монету къ китайцамъ въ экипажѣ полицiймейстера. Торговля робкаго купца не могла идти бойко, а подумавъ о томъ, что дѣлаютъ другiе, и видя, что это выгодно, робкiй человѣкъ рѣшался на попытку и въ свою очередь развращалъ другихъ. При такихъ порядкахъ никакая правильная торговля устроиться не можетъ. Одинъ наживаетъ потому, что рискуетъ спиной своего прикащика и подкупаетъ чиновника; другой теряетъ потому, что хочетъ держаться законности и установленiй. Но сравнивъ выгоды законности и беззаконности, онъ находитъ послѣднюю болѣе плѣнительной и, начавъ поступать беззаконно, начинаетъ и богатѣтъ.

Кромѣ контрабанды опiума и золота, запрещенiя создали еще контрабандную торговлю чаемъ, давшую занятiя и средства для жизни весьма большому числу людей. Забайкалье безъ кирпичнаго чая существовать не можетъ. Чай этотъ, вареный съ солью и саломъ, весьма питательное кушанье. Если бы у прибрежныхъ жителей Байкала не было соленыхъ омулей и кирпичнаго чая, то имъ почти пришлось бы умереть съ голоду. Такимъ образомъ чай для здѣшняго человѣка составляетъ предметъ первой необходимости. Но при высокой пошлинѣ бѣдные жители должны были бы лишиться его, и вотъ явилась контрабанда, вызванная исключительно нуждой: бѣдный человѣкъ могъ заплатить за фунтъ 40 или 60 к., но платить восемь гривенъ, или рубль былъ не въ состоянiи. Было время, когда кирпичный чай ходилъ въ Забайкальи между народомъ, какъ монетная единица. Вещи и скотъ цѣнился числомъ кирпичей чая. Все это было лѣтъ 15 назадъ. Тогда въ глухихъ мѣстахъ чай возили смѣло и никто по пограничной линiи не мѣшалъ этому дѣлу, потому что всѣмъ оно было выгодно. Въ мѣстахъ же, гдѣ можно было опасаться начальства, явилась фабрикацiя поддѣльныхъ печатей, т. е. каждый кирпичъ украшался фальшивымъ сургучнымъ клеймомъ. Не смотря на беззаконность, контрабанда кирпичнымъ чаемъ была чистымъ благодѣянiемъ для народа, потому что, кромѣ пользы чая, какъ напитка, мѣновая торговля имъ на скотъ и лошадей открыла сбытъ скоту и давала народу средства для существованiя. Въ этомъ смыслѣ преслѣдованiе контрабанды и всего того, что давало народу промышленную силу, было если и законно, тѣмъ не менѣе для народа все-таки убыточно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣры, принимаемыя для искорененiя зла воображаемаго, вели къ злу дѣйствительному — къ деморализацiи народа и къ воспитанiю въ немъ безчестности. Еще Сперанскому принадлежитъ мысль, что

мелкое и крупное купечество, торговавшее съ инородцами, приносило имъ больше зла, чѣмъ пользы, и потому для огражденія ихъ отъ обиранья купцами было постановлено, что только тѣ договоры купцовъ съ инородцами имѣютъ силу, которые утверждены въ волостяхъ. Очень можетъ быть, что народъ и терпѣлъ отъ купцовъ; но только мѣра, придуманная противъ зла, была еще злѣе. Охотникамъ нуженъ порохъ и свинецъ, имъ нужны деньги и товары. Купцы снабжали ихъ всѣмъ этимъ, и давая впередъ, разумѣется, старались въ срокъ уплаты получить какъ можно больше пушнины. Стѣсненіе въ сдѣлкахъ повело только къ тому, что инородцамъ не отъ кого стало получать тѣ необходимые имъ предметы, которыми снабжали ихъ купцы, и инородцы лишились поддержки и кредита, можетъ быть иногда и тяжелаго для нихъ, но все-таки выручавшаго изъ нужды. Но еще вреднѣе отразилось на мѣстныхъ жителяхъ паденіе дома Кандинскихъ. Кандинскій, родоначальникъ дома, пришелъ въ Забайкалье каторжнымъ. Сынъ его, человѣкъ предпріимчивый, торгуя запрещеннымъ товаромъ, сдѣлалъ большое состояніе и такъ раскинулъ и расширилъ свои торговыя сношенія, что забралъ въ руки весь край. У него было громадное хлѣбопашество, десятинъ до пятисотъ, огромное скотоводство, лошади его славились по всему Забайкалью; онъ имѣлъ до 100 скаковыхъ лошадей и посылалъ на бурятскіе празники для бѣговъ своихъ иноходцевъ. Торговать ѣздилъ на ярмарки на своихъ тройкахъ. Ловкій въ дѣлахъ, онъ умѣлъ устроить такъ, что всѣ подряды на казенные нерчинскіе заводы отдавались ему. Семья Кандинскихъ разрослась до того, что въ семейные праздники однихъ родныхъ садилось за обѣдъ человѣкъ до девяносто. Показалось одному изъ намѣстниковъ Сперанскаго, что Кандинскій слишкомъ тяжелъ для народа, что все богатство свое онъ высосалъ изъ мѣстнаго населенія, и было рѣшено раззорить Кандинскаго. Предполагалось, что съ уничтоженіемъ вампира народъ станетъ полнѣть, потому что нѣкому будетъ тянуть его соки. Кандинскій торговалъ между прочимъ и кирпичнымъ чаемъ. Этотъ-то чай и долженъ былъ погубить его—у Кандинскаго нашли мѣсто безъ таможеннаго клейма. Но самый сильный ударъ былъ нанесенъ ему, когда было объявлено, чтобы казаки не платили долговъ Кандинскому, на томъ основаніи, что мужику довѣріе только въ 5 рублей. Казаки обрадовались такому дозволенію, и какъ капиталъ Кандинскаго былъ большею частью въ долгахъ за крестьянами, то долгъ и пропалъ. Прошло много лѣтъ послѣ этой исторіи Кандинскіе не сосали силъ народа, а народъ не сталъ богаче. Кандинскихъ убили, но съ

ихъ паденіемъ изчезло довѣріе къ казакамъ, долгъ перестал быть святой вещью, потому что казакъ и мужикъ узнали, что можно и не платить долговъ. Можетъ быть, Кандинскіе были и большое зло для края, но подобные уроки честности—зло еще бо̀льшее. Вся ошибка произошла оттого, что не сообразили самой простой вещи. Если Кандинскій держалъ всѣхъ въ своихъ рукахъ, то это происходило очевидно оттого, что въ Забайкальи не было другихъ рукъ, настолько же сильныхъ. Стоило одному Кандинскому противупоставить еще двухъ или трехъ сильныхъ торговыхъ людей, и тогда, въ случаѣ притѣсненія однимъ купцомъ, можно было бы найти спасенье у другого. Подобныя явленія, какъ Кандинскіе, или тѣ купцы, противъ которыхъ ратовалъ Сперанскій, неизбѣжны въ мѣстности глухой, въ полудикомъ, непромышленномъ краѣ. Пусть они поступаютъ дурно, получая слишкомъ большіе проценты на капиталъ, но эти люди во всякомъ случаѣ первые цивилизаторы дикихъ краевъ и полудикихъ населеній. Остановить дѣятельность такихъ людей вовсе не значитъ оказать благодѣяніе народу, потому что народъ совсѣмъ лишается того, что прежде доставалось ему хотя и съ большими усиліями, но все-таки доставалось. Но еще хуже деморализація полудикаго человѣка; однимъ такимъ урокомъ создаются тысячи безчестныхъ людей, и дурное правило, поселившись въ семьѣ, переходитъ, какъ наслѣдство, къ отдаленному потомству.

Но такія крупныя мѣры имѣютъ еще одну вредную сторону. Никто не нуждается такъ въ спокойствіи и въ охраненіи своей дѣятельности отъ всякаго насилія, какъ промышленный и торговый человѣкъ. Торговля въ дикихъ странахъ, необезпечивающихъ личности и имущества торговаго человѣка, приноситъ всегда большіе барыши. Это премія за вѣчный рискъ и за вѣчную боязнь. Но для подобнаго риска нуженъ извѣстный запасъ смѣлости. Можетъ быть, торговля съ караибами и была бы очень выгодна, но какъ у нихъ скверная привычка убивать, безъ всякой причины, людей, то на торговыя сдѣлки съ ними и не является смѣльчаковъ. Съ другими дикарями торговля можетъ идти легче, но если купецъ рискуетъ лишиться своего имущества, вслѣдствіе произвола и насилія власти, то разумѣется онъ, если не слишкомъ жадный къ деньгамъ человѣкъ, постарается перенести свою торговлю въ мѣстность, гдѣ можетъ быть проценты и не такъ велики, но нѣтъ причинъ бояться за свое состояніе. Это общее экономическое основаніе нашло себѣ приложеніе и въ Сибири. Послѣ паденія Кандинскихъ и еще какихъ-то исторій, нѣкоторые здѣшніе купцы оставили навсегда Сибирь,

завели дѣла въ Москвѣ. Это вышла потеря для края, потому что люди имѣли большіе обороты въ Иркутскѣ, были честны въ дѣлахъ, помогали небогатымъ торговцамъ за умѣренные проценты; однимъ словомъ, были полезны для края.

Крупные и болѣе общіе случаи составленія нѣсколько значительныхъ капиталовъ заключались въ разной контрабандной торговлѣ. Но кромѣ этого бывали случаи частные, гдѣ пріобрѣтеніе средствъ зависѣло отъ умѣнья человѣка воспользоваться тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ. Такъ, довѣренный человѣкъ, прикащикъ или родственникъ, посланный положимъ для закупокъ въ Якутскъ, пишетъ своему довѣрителю, что полученные отъ него 3000 руб. ас. онъ потерялъ. Возвратившись, онъ по обычаю былъ поколоченъ своимъ покровителемъ и тотъ бралъ отъ него вексель. По смерти покровителя, документа не оказывается. На эти или на другія деньги, неизвѣстно, человѣкъ пристроившись къ мѣсту, ѣздитъ съ обозами, торгуетъ на ярмаркахъ, скупаетъ вѣрные векселя по 60 к. за рубль и сколачиваетъ себѣ капиталъ.

Бывало, что, поступивъ въ кашевары на судно, человѣкъ нравился хозяину своей расторопностью, попадалъ въ прикащики, торговалъ въ лавкѣ, наживалъ тысячи двѣ денегъ и, умѣя угодить хозяину тѣмъ, что хорошо ставилъ въ банкъ туза или даму, получалъ порученія и болѣе важныя: возилъ золото въ Кяхту и ѣздилъ за покупкой его въ Москву и въ Нижній. Живетъ преданіе, что подобный прикащикъ разбогатѣлъ въ одну изъ поѣздокъ. Ѣхалъ онъ вмѣстѣ съ купцомъ; купецъ дорогой умеръ; всѣ вещи, какія были у купца, оказались на лицо, а денегъ нѣтъ. Разумѣется, деньги — вещь бездоказательная, никто не знаетъ вѣрно, были они или нѣтъ, хотя нѣкоторые и утверждали, что съ купцомъ было тысячь 50 асс. При такомъ счастьи и при возможности торговать золотомъ изъ-за спины прикащика не могло быть особенныхъ затрудненій вести дѣла уже въ размѣрѣ довольно широкомъ. Такъ, ѣздитъ сынъ въ Москву за товарами, по довѣренности своего отца. На второй или на третій годъ онъ дѣлаетъ фальшивую довѣренность, покупаетъ массу товаровъ, привозитъ, продаетъ, наступаетъ наконецъ срокъ платежей. Расплаты однако нѣтъ. Сына сажаютъ въ острогъ, сидитъ онъ три года, наконецъ дѣло кончается, какъ водится, ничѣмъ, и человѣкъ выходитъ на свободу съ капиталомъ. Для человѣка съ наличными деньгами была всегда возможность заниматься прибыльными дѣлами. Такъ возчикамъ, въ счетъ платы, купцы выдавали чай, сахаръ, леденецъ, или даже и другой товаръ. Возчику между тѣмъ нужны день-

ги и онъ обращается къ капиталисту, зная, что онъ скупаетъ все, что выгодно. Богатый человѣкъ, какъ водится, нажметъ и купитъ выгодно, потомъ держитъ товаръ годъ-два, выжидая крупной цѣны, и тогда пускаетъ его въ продажу.

Дѣлались хорошія дѣла и продажей москательнаго товара, продажей на базарѣ слемы, мышьяка и разными лекарствами — магнезіей, липовымъ цвѣтомъ, александрійскимъ листомъ, сассапарелью, нашатыремъ. Крестьянину ходить за этими вещами въ аптеку было и невыгодно и боязно, и онъ охотнѣе обращался къ купцамъ базарнымъ. Особенно прибыльной была продажа грецкихъ губокъ. Въ крупнопористыхъ изъ нихъ всегда много мелкихъ раковинъ; онѣ-то и давали цѣну губкѣ. Камушки и раковины настаивались и по р. Ленѣ употреблялись жителями, какъ средство противъ зоба.

Были очень прибыльны и барнаульскія гривны. Одинъ рубль ассигнаціями вѣсилъ фунта два и въ издѣліяхъ продавался отъ 2 до 2 р. 50 к. за фунтъ. При недостаткѣ ремесленниковъ, приготовленіе мѣдныхъ котловъ и чайниковъ для продажи на мѣстѣ въ городѣ, и въ Якутскѣ бурятамъ, давало хорошіе барыши и при беззастѣнчивости въ запросѣ можно было безъ особыхъ хлопотъ нажить хорошія деньги. Но барнаульская гривна представляла для изобрѣтательныхъ продавцовъ и другую выгоду. Отвѣшиваетъ купецъ старухѣ полфунта чаю и завернетъ туда барнаульскую гривну. Честная старуха думаетъ, что купецъ ошибся и несетъ ему гривну назадъ. И нынче случалось мнѣ покупать чай въ Нерчинскѣ—находишь въ немъ камушки. Можетъ быть, они попали туда и безъ намѣренія со стороны продавца, но все-таки найти каменья въ чаѣ странно. Нажива такимъ средстомъ не казалась мелочной: купцу прибытокъ, а не убытокъ; а въ этомъ и сущность коммерціи. При малыхъ оборотахъ и копѣечныхъ счетахъ барнаульская гривна, подложенная въ чай, даетъ прибыли копѣекъ 5; камушки разумѣется меньше. Но когда люди старались выжимать выгоду изо всего, имъ не приходилось быть строгими въ выборѣ средствъ. Былъ здѣсь купецъ— коммиссіонеръ, имѣвшій сношенія съ Москвой. Свои отвѣты на письма онъ запечатывалъ въ вывороченные конверты тѣхъ писемъ, на которыя отвѣчалъ. Сколько же человѣкъ могъ сберечь отъ этого въ годъ? Если онъ писалъ въ день по 5 писемъ, чего разумѣется быть не могло, то въ годъ на 1800 писемъ у него могла выдти только стопа бумаги рублей въ пять. Расчетъ повидимому мелочной, но купецъ считалъ, что онъ ничего не выиграетъ, если его конверты будутъ отличаться изящ-

нымъ видомъ и опрятностью, и пять рублей — деньги. Еще мелочнѣе повидимому вырѣзывать изъ конвертовъ кружками сургучную печать, или собирать въ особую коробку сигарные окурки; но былъ въ Иркутскѣ и такой купецъ. Сургучъ онъ вырѣзывалъ для того, что если придетъ кто въ гости, то въ самоваръ хорошо бросить такой кружокъ — пойдетъ пріятный духъ. Все выгоднѣе, чѣмъ покупать курительные порошки.

Существовало еще два способа пріобрѣтать довольно скоро капиталъ. Одинъ способъ чисто сибирскій, другой обще-русскій. Чисто сибирскій способъ заключался въ скупкѣ отъ воровъ по большимъ дорогамъ срѣзанныхъ ими съ возовъ чайныхъ мѣстъ и другого товара. Воръ сбывалъ краденнное дешево, а купецъ продавалъ по настоящей цѣнѣ. Только при возможности подобнаго сбыта краденнаго могло процвѣтать и разводиться воровство по большимъ дорогамъ. У иного обоза срѣжутъ сразу три цибика чаю,—это болѣе 6 пудовъ. Такую массу чая не продать скоро по деревнямъ; нужно имѣть торговлю въ городѣ и быть коммерческимъ человѣкомъ. Вотъ почему подрѣзываніе обозовъ совершается и досихъ поръ или подъ городами, или не далеко отъ нихъ. Эта промышленность, какъ и всякое контрабандное дѣло, не представляла купцу особаго риска: отвѣчалъ своимъ животомъ, или спиной только воръ, да и то передъ извощиками, если еще имъ удастся его поймать. Обстоятельства очевидно благопріятствовали и благопріятствуютъ подобной коммерціи, а иначе она бы давно прекратилась.

Наконецъ обще-русскій способъ, при которомъ купецъ не рискуетъ ничѣмъ,—сдѣлка. Были купцы, дѣлавшіе на своемъ вѣку по три сдѣлки и платившіе въ сложности копѣекъ 25 за рубль. Это дѣлается такъ. Купецъ велъ дѣла лѣтъ пять, шесть, семь. Кредитовался, велъ торговлю недурно, платилъ въ срокъ. Устроивъ и упрочивъ связи съ московскими купцами, онъ беретъ у нихъ товару тысячъ на 100 ас. Прежде кредитъ сибирякамъ въ Москвѣ былъ большой. На слѣдующій годъ купецъ является въ Нижній на ярмарку и отправляется къ москвичамъ. Шубенка на немъ худая, видъ жалостный, кланяется и проситъ:—сдѣлайте милость, потерпите, уплатить не могу. Москвичи знаютъ, что деньги у него припрятаны, товары переведены на чужое имя, слѣдовательно конкурсомъ ничего не сдѣлать; да и какъ возиться съ судомъ за 6000 верстъ. Между тѣмъ человѣкъ былъ все-таки ихъ работникомъ; сбывали они ему всякій залежавшійся или неходкій товаръ, брали выгоды процентовъ 30, слѣдовательно и при сдѣлкѣ потери не

будетъ Кромѣ того человѣкъ годится и впередъ, опять можно будетъ сбывать ему товаръ; а если поправится, такъ пожалуй и расплатится,— и купцы соглашаются на сдѣлку. Говорятъ, что въ Петербургѣ есть даже купцы 1 гильдіи, негнушавшіеся этимъ способомъ составленія капитала. Не всегда однако сдѣлка дѣлалась по разсчету, бывали случаи дѣйствительной невозможности уплаты. Иногда купецъ «затоварится», то есть, понадѣявшись на сбыть, наберетъ товару слишкомъ много, разсуетъ его вездѣ и по ярмаркамъ и по городамъ; но какъ москвичи въ кредитъ отпускаютъ большею частью товаръ неходовой, то ему не трудно залежаться иногда и въ провинціи; къ этому присоединяется еще неуплата долговъ покупателями. Очень можетъ случиться, что лѣтъ въ шесть товаръ будетъ проданъ и деньги получены; но къ условленному сроку купецъ все-таки не въ состояніи расчитаться съ своими кредиторами. И вотъ опять сдѣлка, на которую соглашаются купцы по тѣмъ же причинамъ. М сковскимъ и вообще не мѣстнымъ купцамъ весьма трудно опредѣлить, что побуждаетъ человѣка на сдѣлку. Легко можетъ быть, что и дѣйствительная невозможность уплаты; а можетъ быть и желаніе расквитаться съ кредиторами такъ, чтобы наказать ихъ за довѣріе. Во всякомъ случаѣ сдѣлки ослабляютъ довѣріе и приносятъ больше всего потерь купцамъ, неимѣющимъ способностей на подобную спекуляцію Кому пришелся товаръ дешево, потому что онъ вмѣсто рубля заплатилъ 25 копѣекъ, тому можно продавать товаръ съ большимъ барышемъ, даже при низкой цѣнѣ. Рублевая вещь, за которую заплачено 25 к., обойдется съ провозомъ копѣекъ въ 40 или 50. Но кто за рублевую вещь и платилъ дѣйствительно рубль, тому она обойдется съ доставкой въ 1 р. 15 или въ 1 р. 25 к. Первый можетъ продать ее въ рубль и получить 75% прибыли; второй, продавая за 1 р 50 к., ниже чего ему продать не выгодно, получитъ прибыли только 20%, и продастъ все-таки вдвое дороже. Дорогихъ купцовъ покупатели не любятъ, и бранятъ обдиралой, грабителемъ того, кто въ дѣйствительности никого не обманулъ и ведетъ дѣло законно. И въ этомъ случаѣ тоже, что съ золотомъ; купецъ видя, что отъ такъ называемой честности прибыли мало, а сдѣлка даетъ 75% выгоды, даетъ возможность кромѣ того еще и обернуть скорѣе капиталъ, пойдетъ тоже на сдѣлку. При возможности подобной коммерческой практики, людямъ нѣтъ расчета быть честными, потому что имъ это невыгодно, и одинъ удачный случай скораго обогащенія привлекаетъ десятки охотниковъ попытать такого же счастья. То, что разсказываютъ объ удивитель-

ныхъ примѣрахъ честности русскаго купечества, можетъ быть, и вполнѣ справедливо, но только причина честности непонятна и доказываетъ только недостатокъ расчета. Нужно бы, чтобы всякая сдѣлка была бы совершенно безнаказанной и чтобы всѣ купцы шли непремѣнно на сдѣлки; еще бы лучше, если бы въ одинъ какой нибудь годъ все купечество объявило, что оно проситъ сдѣлки. Тогда по крайней мѣрѣ люди увидѣли бы сразу, какъ сдѣлки, не смотря на честный расчетъ, невыгодны, для общаго хода торговли, какъ отъ нея теряютъ и продавцы и покупатели, какъ гибнутъ всѣ торговые обороты,—и весьма вѣроятно, что купцы подумали бы о томъ, что нужно придумать такія торговыя учрежденія и правила, при которыхъ мошенничество не встрѣчало бы преміи, подобно тому, какъ это существуетъ теперь у насъ. Но подобное желаніе неосуществимо. Купцы, сдѣлавшіе сдѣлки, ѣздятъ въ прекрасныхъ экипажахъ уже на другой день расчета, они пьютъ шампанское, живутъ открыто; тѣ, кому они платили 25 к. за рубль, по прежнему жмутъ имъ руку и оказываютъ почтеніе и по прежнему дѣлаютъ кредитъ. Очевидно, что сдѣлка не только не считается нашимъ купечествомъ дѣломъ убыточнымъ, а напротивъ такой же торговой операціей, какъ и всякая продажа и покупка. Извѣстно, что всякому торговцу приходится продавать иногда товаръ въ убытокъ, но за то на другомъ онъ беретъ хорошую прибыль. Такая же вещь и сдѣлка. Она дѣло ума и находчивости и коммерческой смѣтливости. Сущность ея въ томъ, что одинъ продалъ въ убытокъ, а другой купилъ съ выгодой. Это явленіе повседневное, какъ обмѣриваніе, обвѣшиваніе въ маленькихъ лавченкахъ, или какъ запросъ торгующаго татарина, который проситъ за вещь 150 рублей, а отдаетъ за три.

Виноватыхъ во всемъ этомъ искать совершенно неблагоразумно, потому что всякій устроиваетъ у себя такой порядокъ, какой онъ по своимъ способностямъ умѣетъ выдумать. Придумать же что другое русскому торговому человѣку было совершенно невозможно, потому что онъ выросталъ въ такой коммерческой практикѣ и при такомъ семейномъ воспитаніи, которыя давали ему силу видѣть и понимать только то, что дѣлается у самыхъ его ногъ, все что отстоитъ нѣсколько дальше—недоступно его пониманью, потому что онъ этого не видитъ. Школа будущаго коммерческаго человѣка была несложна; теоріей его никакой не обременяли, а практики было много. Если онъ начиналъ свое воспитаніе съ мальчика при лавкѣ, а это самый органическій и правильный путь развитія, при которомъ человѣкъ проходилъ всѣ фазисы

коммерческаго развитія, то воспитаніе совершалось такъ (я говорю собственно о лавочномъ дѣлѣ и о розничномъ торговцѣ). Утромъ до отправленія въ лавку мальчикъ долженъ вычистить хозяину сапоги, потомъ поставить самоваръ для прикащиковъ, сбѣгать въ булочную, потому что хозяйскій хлѣбъ очень часто ѣсть нельзя — черствый и невкусный. Но бѣгать въ булочную слѣдуетъ съ большой осторожностью, чтобы не попасться хозяину. Иначе хозяинъ побьетъ, да и прикащикамъ скажетъ: — ты, подлецъ, развѣ недоволенъ моимъ содержаніемъ? Кончивъ дѣло дома, мальчикъ идетъ въ лавку. Тамъ онъ долженъ вымести лавку, зазывать покупателей, подавать ему что велятъ, ворочать часто вещи не по силу. Первое время мальчикъ неуклюжъ, бьетъ и ломаетъ товаръ, за что, смотря по характеру хозяина и сидѣльца, получаетъ больше или меньше тумаковъ. Сердитый хозяинъ бьетъ за малѣйшую неловкость. Обѣдать мальчикъ домой не ходитъ, а напьется въ лавкѣ чаю съ калачами. Вечеромъ, приходя домой, мальчикъ обязанъ опять поставить самоваръ, а если у хозяина гости, то подавать чай и трубки. Есть даже такіе хозяева, которые требуютъ, чтобы мальчикъ сидѣлъ въ передней, или терся у притолки. Кромѣ этихъ обязанностей, мальчикъ долженъ чистить подсвѣчники, носить воду и топить печи. Чтобы быть сытымъ, мальчикъ долженъ познакомиться хорошо съ кухаркой и угождать ей, потому что въ иркутскихъ купеческихъ домахъ кухарка лицо весьма важное; ее боятся не только мальчики и кучера, но даже и прикащики. Кухарка, нянька и горничная самыя вліятельныя лица въ домѣ, потому что, зная всю подноготную прислуги, онѣ могутъ сплетничать и наговаривать хозяйкѣ, а хозяйка передаетъ мужу. Въ свободное время мальчика сажаютъ писать и посылаютъ за долгами. Но за послѣднее приходится получать ему большею частью щелчки, да побои, потому что хозяинъ наказываетъ: — ты не отставай; а должникъ за неотвязчивость гонитъ вонъ. Вообще пока мальчикъ не вытянется, его бьютъ въ домѣ всѣ. Отъ хозяйки достается, когда онъ, какъ казачекъ въ барскомъ домѣ, играя съ дѣтьми, не умѣетъ имъ угодить; хозяинъ бьетъ за лавку и неловкость, прикащикъ тоже и за лавку и если ему служитъ нехорошо. Плата за это время есть исключеніе. Одѣваютъ иногда хозяева, когда родители мальчика бѣдны, а если мальчикъ изъ купеческаго дома, отданный въ чужіе руки, чтобы выучился лучше, то получаетъ одежду отъ своихъ. Въ этой школѣ нескончаемыхъ побоевъ нравственность развивается особеннымъ путемъ. Мальчикъ бываетъ всегда на глазахъ, но когда его

пошлютъ за чѣмъ нибудь и ему случится забѣжать домой и оттого промѣшкать, то въ оправданіе передъ хозяиномъ нужно придумать непремѣнно ложь, а иначе побьетъ. Закупая по приказанію хозяйки мелочи для дома, мальчикъ, воспитываемый слишкомъ строго, легко соблазняется лакомствами, продаваемыми на улицѣ Отсюда желаніе сдѣлать изъ хозяйскихъ денегъ экономію, т. е. начало воровства. Съ 18 лѣтъ ввѣряется мальчику уже лавка, часто безъ прикащика, и наконецъ бывшій мальчикъ становится прикащикомъ, или конторщикомъ. Этимъ путемъ выходятъ весьма ловкіе розничные торговцы.

Но 18 лѣтнему молодому человѣку нужны развлеченія, а между тѣмъ безъ хозяйскаго дозволенія уйти изъ дому нельзя; занимавшись раскуриваніемъ трубокъ, мальчикъ привыкъ курить, а хозяинъ болѣе всего щедръ на побои за эту привычку; молодому человѣку нужно общество, а общества нѣтъ, къ нему никто ходить не смѣетъ, къ роднымъ отпускаютъ его только въ большіе праздники, а въ семейство хозяина онъ рѣшительно не допускается. Читать?—но нечего; да къ чтенію нужно привыкнуть, а у прикащика для такой привычки нѣтъ ни минуты времени. Даже и безъ общества можетъ еще обойтись прикащикъ, но устоять противъ сердечныхъ влеченій ему невозможно. Хорошо еще если онъ сойдется съ горничной хозяина Но если случай заведетъ его къ женщинамъ иного сорта и у нихъ придется ему выпить съ непривычки вина, или водки; заманчивость такого развлеченія дѣйствуетъ на молодого человѣка совершенно иначе, чѣмъ скромная домашняя связь съ горничной. Молодой человѣкъ начинаетъ уходить изъ дому поздно; а чтобы уйти, нужно сладиться съ дворникомъ, нужно смотрѣть сквозь пальцы на плутни и воровство дворни и такимъ образомъ создается обоюдная зависимость и круговая порука плутовства.

Воспитанный такимъ образомъ ловкій молодой торговецъ успѣетъ иногда подладиться къ хозяину, при случаѣ пожалуй и обворуетъ его, и становится наконецъ самъ купцомъ. Купцы этого сорта бываютъ всегда люди тертые, видѣвшіе много людей и случаевъ. Теорія ихъ жизни и коммерціи очень проста — наживай копѣйку — и они достигаютъ въ этомъ случаѣ изумительной ловкости, хотя и теряютъ всякое нравственное чувство. Ловкій торговецъ или купецъ не станетъ разумѣется воровать носовыхъ платковъ, но въ своемъ дѣлѣ постарается провести и обмануть всякаго, потому что эта коммерческая ловкость—

признакъ способностей и ума. Такой ловкостью люди даже щеголяютъ и такимъ образомъ обманъ и плутня становятся въ ихъ глазахъ доблестью, добродѣтелью, и даже предметомъ соревнованія. Мальчикъ, выростающій въ такой практикѣ, уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ старается подражать большимъ, заслужить ихъ похвалу и развиваетъ свой умъ въ одномъ направленіи, придумывая способы, какъ бы ловчѣе продать или сбыть товаръ.

Нельзя сказать, чтобы всякій прикащикъ выходилъ непремѣнно въ купцы, многіе навсегда остаются прикащиками. Точно также нельзя сказать, чтобы всѣ они развивались односторонне, въ свою коммерческую ловкость;—выходятъ иногда честныя личности.

Кому посчастливилось нажить деньги, тотъ старается открыть лавочку на мелочномъ базарѣ, или открываетъ домовую лавочку, съ мелочнымъ товаромъ: чаемъ, сахаромъ, омулями, орѣхами, масломъ. Другіе поступаютъ въ конторщики на золотые промыслы, въ Кяхту, въ питейную контору, обозные прикащики. Обозные прикащики это особенный типъ прикащиковъ. Было время, когда слава ихъ гремѣла въ трактирахъ и публичныхъ домахъ не только Нижняго но и Москвы. Теперь типъ обознаго уже вымираетъ; явилось пароходство, а съ нимъ транспортное коммиссіонерство, и число обозныхъ уменьшилось. Кромѣ того и время укротило нѣсколько сибирскаго сырого человѣка, и денегъ стало у него меньше. Прежде же, когда коммиссіонерства не было, когда каждый торгующій съ Россіей долженъ былъ отправлять свой обозъ, прикащиковъ требовалось много. Дороги были небезопасны, товаръ нужно было охранять, и вотъ при каждомъ обозѣ шелъ старшій прикащикъ съ помощниками. Ихъ обязанностью было караулить обозъ. Кажется, почему бы такое скромное занятіе могло выработать трактирнаго героя? А между тѣмъ выходилъ герой, слава котораго гремѣла во весь сибирскій путь. Приходилъ обозъ въ село или деревню, гдѣ молодыя дѣвки сейчасъ же давали имъ знать: дѣвки не выходите, обозные пріѣхали. Сельская полиція маленькихъ городовъ была въ рукахъ обозныхъ; пріѣздъ ихъ бывалъ для полиціи праздникомъ: всѣхъ напоятъ, всѣ пьяны. Разсказываютъ, что два обозныхъ прикащика разбили разъ въ одномъ городѣ восемь кабаковъ; это называлось — сила. Они же устроили въ Тюмени драку, причемъ было переранено до двадцати человѣкъ. Какимъ же путемъ создавались та-

кіе молодцы? Патріархальнымъ воспитаніемъ. Прикащикъ, вырвавшись на свободу изъ тогдашняго гнета домашней жизни, гдѣ держали его строже, чѣмъ въ монастырѣ, кидался на вино и на женщинъ съ неистовствомъ дикаго звѣря; онъ отводилъ душу за десятки лѣтъ ига подъ деспотической рукой хозяина, его семьи и купеческаго обычая. Дома у него еще были занятія, но въ пути дѣлать было нечего. Такимъ образомъ останавливается обозъ въ какомъ нибудь городѣ, стоитъ день, два, три, а иногда и больше. Какъ же убить прикащику свободное время? И онъ пьетъ и неистовствуетъ, насколько хватаетъ у него силъ и денегъ. Деньги доставались прикащику безъ особеннаго труда. Разумѣется жалованье его было невелико, рублей полтораста въ годъ, но у прикащика были доходы: онъ нанималъ возчиковъ, расчитывался съ ними; а какъ онъ расчитывался съ ними, знали только возчики, да прикащикъ. Восколько обошелся перевозъ черезъ рѣку, — а ихъ въ Сибири много, — зналъ одинъ прикащикъ. Случалось, что изъ обозныхъ выходили купцы, но большею частью они изчезали куда-то. Обозные, подобно цѣловальникамъ, или прикащикамъ питейныхъ домовъ, пользовались такой славой, что ихъ обыкновенно брали неохотно на другія мѣста. Причина въ томъ, что изболтавшіеся и распустившіеся люди были уже неспособны къ серьезному и добросовѣстному труду. Людей этихъ не брали — и только; но никто не хотѣлъ знать, почему же они изболтались и распустились? Купецъ стараго закала, колотившій и своего сына и прикащика за всякую вину и дѣлавшій это по принципу, по преданію, думалъ, что иначе, безъ подобной строгости, дѣти непремѣнно погибнутъ негодяями. Сынъ его, выросшій въ такой школѣ, на глазахъ своего папеньки, былъ скромнѣе всякой провинціальной дѣвушки — не пилъ ни вина, ни водки, не курилъ ни трубки, ни папиросъ. Но случалось ему попасть въ Кяхту, и онъ безобразничалъ нехуже обознаго. Бросалъ цыганкамъ по 25 руб., напивался какъ только можно, всѣмъ безъ разбора — и водкой и шампанскимъ; нанималъ хоръ музыки, потому что будто бы безъ музыки онъ не можетъ пить. Однимъ словомъ, денегъ изводилъ кучу, шуму дѣлалъ много. Другой отецъ, не полагаясь на свое домашнее воспитаніе, посылалъ сына въ высшую науку — въ коммерческое училище. Оттуда выходилъ молодой человѣкъ дѣйствительно воспитанный нѣсколько иначе, чѣмъ воспитался бы онъ дома, подъ чубукомъ папеньки. Но папенька зналъ, что это воспитаніе теоретическое, что двойная бухгалтерія для Сибири еще ненужна, а нужна практика сибирской торговли, и отдавалъ своего сына подъ

надзоръ прикащика. Сынъ, воспитанный не для сибирской торговли, иногда спивался, иногда облѣнивался, а обыкновенно охладѣвалъ къ занятіямъ своего отца. Воспитаніе пробудило въ немъ потребность дѣятельности, но торговля за прилавками, отмѣриваніе и отвѣшиваніе товара покупателямъ не могло удовлетворить его. Онъ хотѣлъ чего-то другого; но чего не зналъ и самъ. Утонченное понятіе о честности, если онъ выносилъ его изъ коммерческаго училища, не подходило подъ уровень мѣстныхъ понятій. Я самъ слышалъ отзывъ о двухъ молодыхъ людяхъ, попавшихъ въ Иркутскъ не по своей охотѣ, что они не годятся для торговыхъ мѣстныхъ дѣлъ и для занятій на золотыхъ промыслахъ, потому что имѣютъ о честности слишкомъ утонченное понятіе. Очевидно, что мѣстная промышленная честность какая-то иная, не общая, а условная, установленная иными общественными понятіями и другими условіями жизни. Что же и кто даетъ тонъ этимъ понятіямъ и общественнымъ отношеніямъ? Имъ даетъ направленіе самый составъ сибирскаго населенія и тѣ особенныя мѣры, которыя даютъ то или другое нравственное направленіе цѣлымъ массамъ населенія. Сибирь оттягиваетъ отъ Россіи всѣ ея дурные соки; постоянный наплывъ поселенцевъ, тысячъ по десяти въ годъ, ихъ бродяжническая жизнь, разгулъ промысловыхъ рабочихъ—эти условія не особенно благопріятны для воспитанія утонченныхъ понятій о чести. Купецъ или золотопромышленникъ, имѣющій постоянныя отношенія къ сотнямъ и тысячамъ ссыльныхъ, занятыхъ у него работой, долженъ не только знать ихъ понятія и потребности, но и дѣйствовать такъ, чтобы не лишиться впередъ ихъ, потому что иначе остановятся его дѣла. Для этого онъ долженъ приноравливаться къ рабочимъ и приближаться къ уровню понятій этого люда. Подобное сближеніе, по закону нравственнаго равновѣсія, сообщаетъ и его понятіямъ и міросозерцанію иной оттѣнокъ. Стремленіе къ пріобрѣтенію, или къ наживѣ, и особенное понятіе о коммерческой честности, пріобрѣтаемое за прилавкомъ и въ розничной торговлѣ, создаетъ въ мелкомъ, промышленномъ населеніи тоже своеобразную практическую коммерческую мудрость. Даже высшее коммерческое сословіе, воспитавшееся на контрабандной торговлѣ золотомъ, опіумомъ, присмотрѣвшееся къ «сдѣлкамъ», пріучается глядѣть снисходительно на окружающій его вѣчно мелочной обманъ. У отдѣльнаго человѣка нѣтъ силы измѣнить сразу понятія тысячи людей и поставить всѣ мѣстныя, общественныя и промышленныя отношенія на уровень тѣхъ высокихъ нравственныхъ правилъ, которыя онъ пріобрѣлъ своимъ внѣ-сибирскимъ воспитаніемъ,

или получилъ отъ природы, вслѣдствіе болѣе утонченныхъ нервовъ и болѣе совершеннаго, чѣмъ у другихъ, мозгового вещества. Какой же выходъ такому человѣку? Одинъ изъ двухъ: или онъ самъ долженъ пѣть въ общій тонъ, или идти вразрѣзъ всему его окружающему. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлается такимъ какъ и всѣ; во второмъ онъ или впадаетъ въ апатію, или спивается, или уходитъ въ другое мѣсто, гдѣ живутъ люди иначе. Въ Иркутскѣ бывали такіе факты. Отецъ напримѣръ дисконтировалъ векселя, а сынъ его, человѣкъ горячей натуры, учившійся въ Москвѣ или Петербургѣ, считая такое дѣло не совсѣмъ чистымъ и не желая продолжать его, задумалъ устроить стеариновый заводъ. Но отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ и денегъ не далъ. Тогда сынъ придумалъ устроить публичную библіотеку. Накупилъ книгъ, посадилъ прикащика, даже повѣсилъ лампу, но читателей не нашлось, а явилось зачитыванье книгъ и разныя мелочныя непріятности. Мечтатель плюнулъ и бросилъ библіотеку, а отецъ опять сказалъ ему, что онъ завелъ безтолвовое дѣло. Говорятъ, что библіотекарь началъ пить. Пилъ, пилъ, наконецъ бросилъ; сталъ читать, впалъ въ трусость и нерѣшительность и не сталъ ничѣмъ заниматься. Какой же происходилъ въ немъ внутренній процессъ и какія у него отношенія къ окружавшему его обществу? Въ внутреннемъ процессѣ обнаружилась слабость всей нервной системы и мозгового вещества. Человѣкъ задумалъ стеариновый заводъ, а отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ; человѣкъ завелъ библіотеку, отецъ и тутъ увидѣлъ безтолковость. Отецъ оказался правъ, потому что вмѣсто прибыли явился убытокъ, а сынъ съ горя сталъ пить. Въ чемъ же тутъ горе? и почему непремѣнно нужно начать пить? Слабохарактерные и сердечные люди говорятъ, что человѣка заѣла среда. Среда разумѣется тутъ есть; совокупность извѣстныхъ условій опредѣляетъ дѣйствительнно характеръ всей дѣятельности, не только человѣка, но и всего животнаго и растительнаго царства. Такъ въ геологическую эпоху, когда образовывался матеріалъ для нынѣшняго каменнаго угля, теперешній дубъ и кленъ рости не могли; когда жили мастодонты и ихтіозауры, не существовало нынѣшнихъ слоновъ и ящерицъ; точно также какъ и они въ свою очередь не могли жить въ періодъ мастодонтовъ и ихтіозавровъ. Но человѣкъ не грибъ, не дерево, не папортникъ. У него нѣтъ корней, и никто не привязалъ его веревками къ извѣстной мѣстности. Если ему худо, что же мѣшаетъ ему уйти туда, гдѣ ему будетъ хорошо? Библіотекарю нравилась, можетъ быть, Москва или Пе-

тербургская жизнь, ну и оставилъ бы онъ свой Иркутскъ, гдѣ нѣтъ ему простора, гдѣ гнететъ его и деспотизмъ отца, и дикія понятія людей, среди которыхъ онъ живетъ Крыса, и та уходитъ изъ амбара, когда ей жить неудобно, и устроиваетъ себѣ гнѣздо въ другомъ мѣстѣ. А если она не уходитъ, значитъ ей жить хорошо, и ни одна крыса не повѣритъ ей, если бы она стала жаловаться на свое положеніе. Люди въ этомъ случаѣ гораздо снисходительнѣе и слабохарактернѣе крысъ; потому что они вѣрятъ вздору и не вѣрятъ дѣлу. Если бы библіотекарю было худо, онъ бы ушелъ; а если онъ не ушелъ, значитъ ему было хорошо, и въ питьѣ онъ нашелъ себѣ большую усладу, чѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, какія могла представить ему московская или петербургская жизнь. У человѣка достало же силы, чтобы начать пить и бросить всѣ дѣла: неужели потребовалось бы больше силы, чтобы бросить свой родной городъ и уѣхать вонъ? Въ томъ-то и дѣло, что для послѣдняго нужны другія условія. Начать пить легко, лишь бы позволялъ желудокъ и позвоночный хребетъ; когда желудокъ не разстроивается и позвоночный хребетъ не болитъ отъ пьянства, можно пить водки много. Общественное мнѣніе не казнитъ человѣка пьющаго; оно только сожалѣетъ его, потому что, при условіяхъ русскаго общежитія, питье—вещь очень обыкновенная; запой пользуется у насъ правомъ гражданства, и люди умирающіе отъ перепою, вовсе не рѣдкость. Но бросить свой родной городъ, это значитъ не имѣть никакой связи съ своими родными и домашними, не имѣть съ ними ничего общаго ни въ понятіяхъ, ни въ чувствахъ, ни въ образѣ жизни, ни въ потребностяхъ. Это значитъ въ томъ же полѣ вырости особеннымъ цвѣткомъ, совсѣмъ непохожимъ на другіе. Такіе цвѣты и родятся, но рѣдко. Обыкновенныя же натуры, выросшія въ понятіяхъ своей семьи, на глазахъ глупыхъ мамокъ, нянекъ, безпутной или вороватой дворни, подъ кулакомъ отца и подъ безтолковой лаской матери, пускаютъ крѣпкіе корни въ свою родную почву Коммерческое училище, или даже и университетъ, только познакомятъ съ иными идеями, дадутъ большую массу свѣдѣній; но изъ глины безсильны сдѣлать черноземъ, или изъ чернозема песокъ. Глина останется глиной, хотя можетъ быть она и приметъ цвѣтъ чернозема. Во всемъ этомъ нѣтъ никакой среды и даже ненужно никакого характера. Кому холодно, тотъ надѣваетъ теплое платье; кто голоденъ, тотъ ѣстъ. Но если человѣкъ не надѣваетъ теплаго платья, значитъ ему нехолодно, и если онъ не ѣстъ, значитъ онъ неголоденъ. Человѣкъ, у котораго не связаны руки и ноги, дѣ-

лаетъ всегда то, что ему нужно и пріятно. Если онъ пьетъ въ Иркутскѣ, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Москву, значитъ ему пріятнѣе пить, чѣмъ ѣхать. На принятомъ условномъ языкѣ такіе люди зовутся слабохарактерными, но въ сущности тутъ нѣтъ ни слабости, ни силы, а просто ужъ человѣкъ изъ такого матеріала, что все въ немъ спитъ, или засыпаетъ легко, что ему и ненужна никакая Москва, никакая дѣятельность, а нужна водка. Люди дѣятельные бросятся въ разгулъ— и изъ нихъ создаются обозные прикащики и кутящіе купеческіе сынки. Люди вялые, слабонервные — засыпаютъ. Но отчего же не засыпалъ отецъ его, который имѣлъ можетъ быть такіе же нервы? Отецъ не засыпалъ потому, что былъ самостоятеленъ,—потому, что, не имѣя средствъ, долженъ былъ добывать ихъ. Слабонервный сынъ только потому и не дѣлаетъ ничего, что у него готовая квартира, готовый обѣдъ и чай. Того же человѣка выпустите безо всего на всѣ четыре стороны—и онъ проснется къ дѣятельности, его перестанетъ заѣдать среда и онъ перестанетъ заниматься безтолковыми дѣлами. Самостоятельность и свобода въ развитіи, вотъ чего нѣтъ въ русской купеческой семьѣ, и отъ этого выходитъ все зло. Отецъ забылъ, что, забравшись искателемъ приключеній въ Сибирь, онъ развивался и богатѣлъ опытомъ жизни безъ отцовской указки. Но сдѣлавшись самъ отцомъ, хочетъ непремѣнно навязать свой опытъ и свою практику сыну. Жизнь отца была суровая, онъ хочетъ держать сурово и своего сына. Дай онъ ему волю, и выйдетъ другое; пусти сына на свободу, пусть избираетъ путь жизни, и изъ сына не выйдетъ ни кутила купеческій сынокъ, ни разгульный обозный прикащикъ, которые только потому и безобразничаютъ, что отцовскій домъ былъ для нихъ тюрьмой, и потому еще, что отцовскія деньги позволяютъ сидѣть сложа руки и тратить ихъ на женщинъ и на вино. Если изъ такихъ отдѣленныхъ дѣтей и не всѣ удадутся,— что же? — значитъ и не могло быть иначе. При теперешнемъ же порядкѣ пропащихъ людей еще больше; въ семьѣ вмѣсто мира живетъ скрытая вражда, и сынъ рѣдко занимается дѣломъ своего отца.

Что дѣти не занимались дѣлами своихъ отцовъ или дѣдовъ—весьма просто: каждый дѣлаетъ то, что находитъ для себя выгоднѣе. Дѣдъ напримѣръ былъ мѣдникомъ, передѣлывалъ барнаульскія гривны въ чайники и котлы, или какъ говоритъ преданіе, нашелъ подъ Иркутскомъ старыя мѣдныя копи. Онъ нажилъ этимъ дѣломъ порядочное состояніе: зачѣмъ же сыну продолжать то же дѣло, когда онъ можетъ

найти занятіе болѣе выгодное? И вотъ сынъ заводитъ базарную торговлю, которая гораздо прибыльнѣе и спокойнѣе мѣднаго ремесла. Изъ базарной торговли онъ выбираетъ именно ту, которая даетъ большую прибыль, и начинаетъ торговать такъ называемымъ тяжелымъ товаромъ: руковицами, варьгами, чирками, желѣзомъ, сошниками, топорами, самоварами, дробью, свинцомъ и т. д. Или крестьянинъ начинаетъ заниматься доставками, возитъ товаръ въ Казань, Нижній, Москву,—скапливаетъ деньги. Сынъ его уже не привыкъ къ крестьянскому быту, потому что выросъ не въ крестьянской избѣ, а на пшеничныхъ пирогахъ. Ходить съ обозами онъ не можетъ, и для устройства транспортнаго коммиссіонерства не имѣетъ средствъ. И вотъ сынъ открываетъ уже торговлю. Ему кажется выгоднымъ такъ называемый промысловый товаръ и онъ продаетъ его на пріиски. Входя въ сношеніе съ золотопромышленниками и знакомясь съ ихъ дѣломъ, при небольшихъ даже средствахъ можно приняться за то же, а если попадется богатая розсыпь, то нетрудно сдѣлать скоро довольно значительное состояніе. Понятно, почему человѣкъ со средствами не станетъ заниматься ни дѣланіемъ мѣдныхъ котловъ и не станетъ ходить съ обозами по большимъ дорогамъ. Этимъ занимаются только начинающіе промышленники. А кто сдѣлалъ уже нѣкоторое состояніе, тотъ или займется торговлей и оборотами болѣе прибыльными и спокойными, или же, при недостаткѣ наклонности къ торговлѣ, обращается къ другимъ занятіямъ — идетъ въ медики, въ чиновники, въ офицеры.

Сибирское купечество еще купечество молодое, оно переживаетъ третье поколѣніе. Дѣды забрались сюда впервые, а теперь торгуютъ только внуки. Дѣды, выходившіе обыкновенно изъ крестьянъ, только клали первое основаніе купеческому капиталу. Сыновья ихъ занимались уже обыкновенно другимъ дѣломъ, потому что большія средства позволяли имъ дѣлать и болѣе выгодные обороты, невозможные для отцевъ, неимѣвшихъ еще такой силы. Внуки, занимающіеся дѣломъ на мѣстѣ, ведутъ мелочную торговлю; кто же имѣетъ большія средства, или связи съ Москвой, тѣ ведутъ торговлю кяхтинскую. Чѣмъ займутся слѣдующія поколѣнія, предвидѣть нетрудно. Для Сибири должно наступить время фабричной, заводской и мануфактурной дѣятельности, и большіе свободные капиталы необходимо обратятся на это дѣло. Съ этихъ же поръ наступитъ разумѣется и наслѣдственность занятій. Прочно устроен-

ное заводское или мануфактурное предпріятіе не можетъ кончиться скоро. Желѣзный заводъ ужъ разумѣется будетъ переходить изъ рода въ родъ, какъ это и есть на Уралѣ, и тогда явятся тѣ прочныя наслѣдственныя формы, которыя есть заграницей и которыхъ у насъ почти не существуетъ. Непрочность сибирскихъ торговыхъ домовъ происходитъ именно отъ того броженія, которое неизбѣжно во всякомъ молодомъ обществѣ; въ Сибири каждый начинаетъ, потому что каждому и нужно начинать; тамъ столько новыхъ нетронутыхъ дѣлъ и такая нужда въ свободныхъ капиталахъ, что только стоитъ скопиться какой нибудь тысячѣ рублей, и для нея найдется тотчасъ же новое помѣщеніе. При такой нуждѣ въ капиталахъ и при тѣхъ выгодахъ, какія они представляютъ, торговля и промышленность имѣютъ въ Сибири особенную заманчивость. Поэтому каждый ремесленникъ и мастеровой стремится заняться торговлей и попасть въ купцы. Подвижность, замѣчаемая въ торговомъ сословіи, при которой дѣти переходятъ или въ другія сословія, или начинаютъ заниматься не тѣмъ, чѣмъ занимались ихъ родители, замѣчается также и въ сословіи ремесленниковъ, съ той разницей, что здѣсь уже сами родители хлопочутъ о судьбѣ дѣтей. Каждый почти ремесленникъ, и уже всегда вдова—мать, стараются помѣстить своего сына въ мальчики въ лавку, чтобы вывести его потомъ въ прикащики, а при счастьи и въ купцы. Такой порядокъ живетъ покрайней мѣрѣ въ Иркутскѣ, и если съ одной стороны люди выбываютъ изъ купечества, обращаясь къ другимъ занятіямъ, за то съ другой, мѣста ихъ пополняются, съ избыткомъ, новымъ купечествомъ, выходящимъ изъ мѣщанства и ремесленниковъ. А почему имъ такъ желательно сдѣлаться купцами, читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

V.

МѢЩАНЕ.

Иркутское мѣщанство, какъ вообще мѣщанство всѣхъ русскихъ городовъ, занимается разными ремеслами, торговлей и промыслами.

Цвѣтъ ремесленниковъ составляютъ потомки ссыльныхъ, работавшихъ въ ремесленномъ домѣ. Ссыльные, отработавшіе свой срокъ въ этомъ ремесленномъ, или рабочемъ домѣ, устроивали подлѣ, или недалеко отъ него, свой домъ, обзаводились хозяйствомъ, продолжали свое занятіе, учили ремеслу своихъ дѣтей, и наконецъ мало помалу выросъ подлѣ острога посадъ, или подгородная слобода. Теперь ее населяютъ потомки бывшихъ ссыльныхъ, занимающіеся своими наслѣдственными ремеслами. Приходившіе впослѣдствіи ссыльные и приходящіе теперь, если они знаютъ какое нибудь ремесло, и если не нашли себѣ работы болѣе выгодной на промыслахъ, нанимаются въ рабочіе къ этимъ ремесленникамъ-старожиламъ. Этимъ путемъ выходила и выходитъ до сихъ поръ большая часть городскихъ мастеровъ. Особенность мастеровыхъ ремесленной слободы въ томъ, что они не лезли въ купцы, оставались такъ называемыми малолѣтками, и до сихъ поръ остаются вѣрны своему наслѣдственному занятію. Они держатъ себя лучше собственно городскихъ мѣщанъ, съ большимъ чувствомъ достоинства, честнѣе, обману, покрайней мѣрѣ мелочного, въ нихъ незамѣтно, одѣваются хорошо и если напиваются, то не въ кабакѣ, а дома. Есть дома, въ которыхъ выписываютъ даже газеты. Особенно замѣтнаго состоянія у этихъ людей незамѣтно, но живутъ хорошо.

Воспитаніе мѣщанскихъ дѣтей относительно также плохо, какъ и воспитаніе дѣтей купеческихъ. Въ нравственномъ отношеніи мѣшаютъ воспитанію сами матери, а въ техническомъ — общая техническая отсталость населенія, рутина и отсутствіе внутренней силы самихъ мастеровыхъ для прогрессивнаго движенія впередъ. Кто учитъ французскую модистку, когда она придумываетъ новый фасонъ шляпки, или новый покрой платья? Кто учитъ нѣмца — столяра, или экипажнаго мастера новому фасону мебели и экипажа? Учитъ его собственное развитіе, его собственный смыслъ. Такого смысла въ иркутскихъ мастерахъ нѣтъ. У нихъ ни столяръ, ни экипажный мастеръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о рисованьи, и работаютъ они по старому фасону, пока кто нибудь не выпишетъ изъ Москвы или изъ Петербурга экипажъ или мебель новаго фасона, или пока вновь сосланный мастеровой не принесетъ къ нимъ новое знаніе. Это техническое невѣжество очень обыкновенная вещь между русскими ремесленниками и не одного Иркутска. Въ иркутскомъ ремесленникѣ незамѣтно той черты, которой отличается ремесленникъ — нѣмецъ. Нѣмецъ гордится своимъ реме-

сломъ, и какой нибудь сапожникъ, или столяръ, говоритъ съ такой же гордостью, что онъ сапожникъ, какъ если бы ему пришлось говорить, что онъ генералъ-фельдмаршалъ. Сибирскій ремесленникъ еще не умѣетъ гордиться своимъ занятіемъ; онъ не доросъ до этого, потому что еще не имѣетъ силы разстаться съ азіатскими понятіями. Трудъ, какой бы онъ ни былъ, составляетъ для ремесленника иркутскаго края не потребность, а непріятное занятіе. Онъ, какъ и сосѣдъ его степной киргизъ, работаетъ только изъ крайности, и если не стыдится труда и не наваливаетъ его на свою жену, тѣмъ не менѣе живетъ, только для праздника, и праздничанье считаетъ высшимъ благомъ и цѣлью своей жизни. Это праздничанье поглощаетъ главнѣйше всѣ доходы иркутскаго ремесленника. Имѣя потребности вообще ограниченныя, а заработокъ весьма достаточный, ремесленникъ скопитъ наконецъ довольно значительную, по его потребности, сумму. Но вотъ пришелъ праздникъ и всѣ деньги уходятъ на него. Накупятъ вина, напекутъ разныхъ разностей. Сами же во всѣ праздники не ѣдятъ и не пьютъ почти ничего. Когда напьются, начинаютъ ходить изъ дома въ домъ, и хозяинъ, къ которому пришли гости, если у него нѣтъ денегъ на вино, отдаетъ въ закладъ свое послѣднее платье. Такая ходьба и пьянство тянутся иногда сутокъ трое. Праздниковъ же у ремесленниковъ много: именины самого хозяина и его жены, Рождество, Пасха, масляница, Петровъ день и престольные праздники. Праздникъ въ Иркутскѣ имѣетъ такое значеніе и не для однихъ ремесленниковъ. Купечество тоже чтитъ празники, и всѣ обновки, всѣ улучшенія въ домашнемъ быту дѣлаются только къ празднику или, говоря точнѣе, ко Святой и къ Рождеству. Если бы потребовались въ домѣ новые обои, ими не оклѣятъ комнатъ зимой, или среди лѣта, а непремѣнно въ посту, ко Святой. Если нужно подновить экипажъ, его не отдадутъ мастеру лѣтомъ, а въ посту, чтобы онъ вышелъ новенькимъ ко Святой, и такъ во всемъ. Если празднику даетъ такое большое значеніе русскій крестьянинъ, это понятно—ему нуженъ отдыхъ и развлеченіе послѣ его усиленнаго земледѣльческаго труда. Но чему радуется купецъ, или хозяинъ, ремесленникъ, имѣющій рабочихъ? По мнѣнію рабочихъ, нелишенному нѣкотораго основанія, у хозяина всегда праздникъ: когда захочетъ послать за пивомъ, тогда и пошлетъ; когда вздумаетъ идти въ гости, тогда и пойдетъ. Купечество въ этомъ случаѣ имѣетъ пожалуй еще менѣе правъ на праздникъ, и если среди него сохранилось такое чевствованіе праздниковъ и любовь къ нимъ, то это происходитъ отъ ру-

тины, отъ наслѣдственной передачи семейныхъ привычекъ и обычаевъ, вошедшихъ въ купеческій бытъ изъ быта крестьянскаго, этого первообраза сибирской купеческой семьи.

Между праздниками ремесленниковъ и купцовъ огромная разница. Праздникъ ремесленника имѣетъ своей особенностью то, что въ этотъ день ремесленникъ истрачиваетъ свои деньги до послѣдней копѣйки. Праздникъ же купца и вообще состоятельнаго иркутскаго жителя важенъ тѣмъ, что даетъ ремесленнику средства для существованія. Постоянныхъ работъ у иркутскихъ мастеровыхъ нѣтъ. То работа набѣжитъ, то ее нѣтъ долго. Обыкновенно усиленный заработокъ ремесленниковъ начинается съ третьей недѣли великаго поста, т. е. къ Пасхѣ, или же къ Рождеству. Внѣ этого времени является работа только случайная.

Въ этихъ праздничаньяхъ и гулянкахъ мастерового видна яснѣе всего его неразвитость. Живя только для праздника, онъ тратитъ на нихъ всѣ свои сбереженія и остается по прежнему въ той же жалкой мастерской и при тѣхъ же бѣдныхъ, несовершенныхъ, допотопныхъ инструментахъ; у него нѣтъ въ запасѣ ни денегъ, ни матеріала для работы. Дѣлая заказъ, нужно дать мастеру деньги впередъ, иногда даже почти всѣ, потому что иначе ему не на что купить матеріала. У столяра рѣдко есть запасной лѣсъ, а у кузнеца желѣзо; случается часто, что столяръ, получивъ заказъ, покупаетъ лѣсъ на задатокъ. Поэтому почти вся мебель дѣлается изъ сырого лѣса; приходится долго ждать исполненія заказа, и спѣшная старярная работа невозможна. Отъ этой же причины является невольная неаккуратность, даже у честнаго мастера. Взялъ онъ заказъ къ сроку, но у него нѣтъ готоваго лѣса. Лѣсъ, положимъ, пашелъ на базарѣ, но остановка опять за пильщиками, которыхъ или не можетъ найти, которые заняты другой работой. На замѣчаніе, почему мастерскія ихъ такъ плохи, мастера отвѣчаютъ, что отъ лучшей мастерской работы не прибавится, и сколько есть ее въ городѣ, столько и будетъ; а заказчикъ тоже вмѣсто рубля не дастъ два. Общая черта въ отношеніяхъ мастеровыхъ къ заказчикамъ въ томъ, чтобы взять съ нихъ какъ можно дороже. По мнѣнію мастеровыхъ какъ ни удешевляй работы—больше не получишь; поэтому ужъ лучше брать какъ можно дороже.

Заказы зависятъ отъ протекціи и рекомендаціи; безъ нихъ найти

работу трудно. Причина понятна: заказчикъ, разумѣется, старается найти хорошаго и выгоднаго мастера. Онъ справляется о немъ у знакомыхъ, или прямо обращается къ лучшему мастеру въ городѣ. Недовѣріе къ ремесленникамъ явилось потому, что они не давали никогда особеннаго повода полагаться на ихъ честность. Разумѣется въ этомъ случаѣ виновато частые и отсутствіе ремесленной гласности. Какимъ напримѣръ образомъ узнаетъ пріѣзжій, кто въ Иркутскѣ лучшій часовой мастеръ, кто лучшій портной, каретникъ, сапожникъ и т. д.? Онъ не только не узнаетъ, кто тамъ лучшіе мастера, но, ходя по улицамъ и отыскивая вывѣски, подумаетъ, что въ городѣ нѣтъ ни одного портного, ни одного каретника, ни одного сапожника. Только послѣ распросовъ узнаетъ, что гдѣ-то за городомъ, версты три отъ центра, бѣжитъ рѣчка Ушаковка, а за ней лежитъ ремесленная слобода, въ которой живетъ первый каретникъ Милютинъ. Пусть бы городъ устроивалъ ремесленныя выставки, пусть бы онъ давалъ преміи или медали лучшимъ мастерамъ и публиковалъ объ этомъ, тогда мастера вѣроятно поспѣшили бы украсить своими объявленіями коридоры и переднія гостинницъ. Впрочемъ почему же вѣроятно? Вѣроятнѣе, что этого бы не было. Такой гласности еще мало даже въ большихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ, а Иркутску до нее дожить еще не скоро.

Какъ у столяровъ нѣтъ всѣхъ имъ нужныхъ инструментовъ, такъ и у кузнецовъ. Желѣзо у нихъ всегда дурное; въ кузницѣ одна наковальня, пять-шесть молотовъ, одна винтовальная доска, да нѣсколько терпуговъ. Если нужно отдѣлать ось, кузнецъ третъ ее напилками. Не говоря уже про потерю времени, но и работа выходитъ плохая. Дѣло дѣлается не такъ, потому что ни у одного иркутскаго кузнеца нѣтъ токарнаго станка. Публикѣ до этого нѣтъ никакого дѣла; ей только дай дешевую вещь, а какъ она сдѣлана, того никто не хочетъ знать. И мастера правы, не дѣлая улучшеній въ своихъ мастерскихъ. Токарный станокъ обойдется съ доставкой рублей въ полтораста. Оси, разумѣется, станутъ выходить лучшаго качества, но кто изъ покупателей согласится платить мастеру дороже за эту лучшую работу? Какъ публика не довѣряетъ мастеру, такъ точно и мастеръ не цѣнитъ высоко публику. Онъ убѣжденъ, что иркутская публика не съумѣетъ отличить оси точеной отъ неточеной, и предпочтетъ изъ нихъ ту, которая дешевле. Но и публика невиновата въ томъ, что ищетъ дешеваго и

предпочитаетъ ось неточеную. Весь экипажъ иркутскаго издѣлія такого свойства и такой тяжести, что едва ли въ немъ можетъ обнаружиться разница, когда вмѣсто точеной поставится ось неточеная. Да и лошади иркутскія тоже не такого нѣжнаго воспитанія, и улицы города не такого свойства, чтобы почувствовали или дали почувствовать подобную разницу. Вотъ почему иркутянинъ ѣздитъ на неточеной оси также хорошо, какъ на точеной, и лошадь его работаетъ подъ кнутомъ съ такимъ же точно усердіемъ, съ какимъ бы она везла экипажъ самого тонкаго англійскаго издѣлія. Это и есть настоящая среда, т. е. когда всѣ обстоятельства приладились такъ одно къ другому, что улучшеніе одной частности совершенно невозможно безъ разстройства гармоніи цѣлаго. Нужно измѣнить условія мѣста такъ, чтобы явилась возможность общаго, одновременнаго прогресса, тогда и всѣ частности измѣнятся въ своей общей совокупности. Можно, разумѣется, обвинять ремесленника, какъ это я и сдѣлалъ, зачѣмъ онъ праздничаетъ, зачѣмъ прокучиваемыя деньги онъ не употребляетъ на улучшеніе своей мастерской, зачѣмъ у него нѣтъ сухого лѣса, почему у кузнеца плохое желѣзо и не заведено токарнаго станка; наконецъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ топорные экипажи и т. д. Но чтобы быть справедливымъ, нужно въ то же время спросить и у крестьянина, зачѣмъ у него такая дурная избенка, зачѣмъ онъ обработываетъ дурно свою пашню, зачѣмъ онъ не имѣетъ ухода за своимъ рогатымъ скотомъ, зачѣмъ онъ кормитъ свою лошадь дурно, а бьетъ ее больно, и обыкновенно безъ нужды, зачѣмъ баба его не разводила льна и не умѣетъ съ нимъ обращаться, зачѣмъ мужикъ изъ пшеницы приготовляетъ такую муку, что хлѣбъ выходитъ чернѣе ржаного, зачѣмъ у него скотъ въ 40 градусные морозы стоитъ подъ открытымъ небомъ. Нужно спросить и купца, зачѣмъ онъ на свой товаръ беретъ 40, 50, а иногда и 200 проц. барыша, зачѣмъ его торговля не отличается чистотой и разсчетомъ англійскихъ торговцевъ, зачѣмъ онъ идетъ такъ охотно на сдѣлки, зачѣмъ онъ неразборчивъ въ средствахъ наживы, за чѣмъ онъ бьетъ своего сына желѣзной полосой, зачѣмъ онъ учитъ его только читать, да писать, да зазывать покупателей и искусству во что бы то ни стало не выпустить покупателя изъ лавки, не продавъ ему товара; за чѣмъ его жена и дочь сидятъ весь свой вѣкъ сложа руки и ѣдятъ только жирныя шаньги, да пироги, толстѣютъ, да спятъ, да наряжаются къ празднику; зачѣмъ у насъ въ домѣ вѣчная воркотня, зачѣмъ купеческая семья похожа на клѣтку

съ разнородными и разнохарактерными звѣрями, которые при первой возможности свободы разбѣгаются въ разныя стороны. Нужно спросить прислугу, зачѣмъ она обворовываетъ своихъ господъ, зачѣмъ горничная распутничаетъ, а кухарки стараются утащить всякій лакомый кусочекъ; зачѣмъ кучеръ общитываетъ хозяина на сѣнѣ и овсѣ и держитъ лошадей въ проголодь. Нужно спросить обознаго и купеческаго сынка, зачѣмъ они безобразничаютъ въ трактирахъ и въ публичныхъ домахъ; нужно спросить сидѣльца въ лавкѣ, зачѣмъ онъ обмѣриваетъ и обманываетъ покупателя, а покупателя—зачѣмъ онъ не платитъ купцу долговъ, а при случаѣ не гнушается и украсть изъ лавки что ему нужно. Можно спросить и чиновника и офицера, да и мало ли кого можно спросить, зачѣмъ они дѣлаютъ и поступаютъ такъ, а не иначе. Когда читатель найдетъ отвѣты ко всѣмъ этимъ «зачѣмъ», онъ узнаетъ почему и у иркутскаго купца нѣтъ токарнаго станка и почему иркутскій столяръ дѣлаетъ мебель изъ сырого лѣса и не исполняетъ заказа къ сроку. Каждому народу въ Европѣ можно предложить подобные вопросы; но вопросы будутъ иного свойства. Англичанина нельзя спросить, почему у него оси неточеныя, потому что онъ ѣздитъ на осяхъ точеныхъ; его нельзя спросить, зачѣмъ онъ не кормитъ свою лошадь, а только бьетъ ее, потому что онъ этого не дѣлаетъ; его нельзя спросить, почему онъ ѣстъ черный хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго хлѣба, потому что онъ ѣстъ булки бѣлыя, какъ снѣгъ; его дочь или жену нельзя спросить, почему онѣ только ѣдятъ да спятъ, потому что онѣ занимаются дѣломъ; его нельзя спросить, зачѣмъ у него нѣтъ правды и справедливости въ судѣ и въ полиціи, потому что правосудіе живетъ у него и въ томъ, и другомъ мѣстѣ. Но и англичанину можно предложить вопросы другого рода, когда и онъ затруднится отвѣтами. И у него есть обиженные и угнетенные; и у него есть пролетаріи, и нищіе, и умирающіе съ голоду; и у него есть неправда, тупость и невѣжество; и у него есть трусы, и дураки, и воры, и негодяи. Всѣ эти вопросы чисто физіологическаго свойства, и на нихъ явится точный отвѣтъ, когда естественныя науки опредѣлятъ вполнѣ свойство мозгового вещества и нервной системы человѣка; когда люди узнаютъ, отчего зависитъ впечатлительность и тонина ощущеній; когда они опредѣлятъ, почему мѣдная проволока при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обнаруживаетъ именно такія свойства, а проволока серебряная или золотая, при тѣхъ же условіяхъ, обнаруживаетъ свойства иныя; наконецъ, когда они опредѣлятъ, какимъ измѣненіемъ въ расположеніи частицъ можно превратить мѣдь

въ серебро или золото, во сколько времени и какой силой. Если люди не узнають этого никогда, тѣмъ хуже для нихъ; они докажутъ этимъ только, что не ушли далеко отъ крысъ и отъ мышей, животныхъ хотя и весьма способныхъ, но не особенно сильныхъ въ естественныхъ наукахъ.

Тихническое воспитаніе иркутскаго ремесленника совершается очень просто. Положимъ, сынъ мѣщанина отдается на выучку къ столяру, обыкновенно по контракту на 3—5 лѣтъ. Содержаніе и одежда—отъ хозяина, жалованья же или на карманные расходы ни гроша. Ученикъ ѣстъ вмѣстѣ съ хозяиномъ за однимъ столомъ. Платье дается всегда плохое: полушубокъ, халатъ, двѣ рубашки, двое штановъ и сапоги. Но сапоги надѣваются только тогда, когда приходится идти внѣ дома: дома же мальчикъ ходитъ босикомъ. Это считается удобнѣе; говорятъ, что не такъ жарко ногамъ. Обязанность мальчика въ первое время, а пожалуй и до конца ученья бѣгать въ кабакъ за виномъ, сходить на базаръ, вымести мастерскую, принести воду или съѣздить за ней на лошади, отвезти съ хозяйкой на рѣку бѣлье для полосканья. Это домашнія, хозяйственныя занятія мальчика, какъ члена пріютившей его семьи. По технической же части онъ дѣлаетъ сначала деревянныя гвозди, разогрѣваетъ клей, затѣмъ дѣлаетъ нарѣзки, пилитъ, сколачиваетъ ящики и такъ постепенно идетъ дальше и дальше въ своей наукѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ, и то если не избалуется, можетъ выдти порядочнымъ столяромъ. Затѣмъ онъ поступаетъ къ другому хозяину, или остается у своего учителя, на жалованіи, получая отъ 10 до 30 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ содержаніи. Женятся они обыкновенно рано — лѣтъ 25, если только не сопьется, и, скопивъ деньги, открываетъ свою мастерскую. Такъ поступаютъ порядочные; но много и такихъ, что спиваются и бѣгаютъ цѣлый вѣкъ по чужимъ людямъ. Столяру обзавестись своей мастерской легко: верстакъ сдѣлаетъ самъ, а 3 стружа, 5—6 стамесокъ, пила и топоръ стоятъ недорого. Даже въ большихъ мастерскихъ хозяева не обзаводятся хорошими и въ достаточномъ числѣ разнообразными инструментами, а крутятся и изворачиваются дешевенькимъ и плохимъ, не заботясь объ улучшеніяхъ. Столярная работа здоровая, веселая, опрятная, и работа у себя въ дому. Поэтому ученикъ или рабочій живетъ постоянно въ хозяйской семьѣ и вражды въ отношеніяхъ у нихъ не можетъ явиться, потому что они ѣдятъ и пьютъ за однимъ столомъ одно и то же. При жизни въ семьѣ, когда у хозяи-

на есть взрослыя дочери легко образуется домашняя связь, болѣе интимная и дѣло кончается бракомъ.

Въ праздники хозяинъ позволяетъ мастеровымъ и ученикамъ работать на себя; они дѣлаютъ садки (клѣтки), западни, ящики, шкатулки и т. п. Со средствами является обыкновенно и щегольство, а щеголь держитъ себя уже лучше, не пьетъ, не дурачится. Правда, сохраненію нравственности рабочихъ способствуетъ много самое загородное положеніе ремесленной слободы. Въ ней нѣтъ трактировъ, нѣтъ большихъ фабричныхъ артелей, базаръ далеко, въ центрѣ города, такъ что ученикъ воспитывается и растетъ внѣ соблазновъ, въ семьѣ, въ женскомъ обществѣ. Но и женское общество, а особенно воспитаніе матери дѣйствуетъ не всегда полезно, можно сказать, что всегда болѣе вредно. Отецъ бьетъ или за дѣло, или подъ пьяную руку, или сгоряча, чтобы вымѣстить на комъ нибудь досаду; мать же ругается и дерется безтолково и также безтолково балуетъ, и своимъ кормленіемъ разслабляетъ организмъ ребенка Мать же первая учитъ и лжи. Сынъ прогулялъ, зашалилъ и не явился въ срокъ къ хозяину, мать беретъ вину на себя, или сочиняетъ ложь, чтобы оправдать сына. Постугая безъ толку въ минуты нѣжности, мать еще безтолковѣе въ минуты досады. Угорѣла ли она, разлила ли горшокъ щей, или разбила чашку, она ужъ бранитъ сына за все варнакомъ (каторжный), ворчитъ, что и сталъ и сѣлъ не такъ, и даже бьетъ, а потомъ суетъ пирогъ. Поэтому гдѣ ворчливая хозяйка, а этимъ свойствомъ отличаются именно иркутскія сибирячки, въ домѣ вѣчная ажитація, постоянная воркотня и ругань то мужа, то дѣтей. Эта воркотня дѣлается вовсе не потому, чтобы баба сердилась, а такъ по привычкѣ, отъ воспитанія; она сама выросла на той же воркотнѣ и думаетъ, что хозяйка безъ воркотки, какъ плотникъ безъ топора. А большею частью и этого не думаетъ и ворчитъ себѣ такъ. Обращеніе съ дѣтьми вообще суровое; пришли ли гости, подали имъ пирога и закуски, — ребенокъ потянется къ сладкому, а мать ему въ шею пинка: — вишь, невѣжа, неголяй, варнакъ. Розги въ большомъ ходу и любимая исправительная мѣра отцевъ; матери же больше даютъ пинки, подзатыльники, ругаются и ворчатъ.

Жены ремесленниковъ, обыкновенно огородницы, разводятъ табакъ, огурцы, держатъ коровъ; огородъ даетъ рублей сто и болѣе. Или же торгуютъ на базарѣ мелочью, что даетъ также копѣекъ отъ 20 до 60

въ день. Лѣтомъ, когда работы мало, ремесленники занимаются охотой съ ружьемъ, ловятъ рыбу, собираютъ грибы, ягоды.

Особенно большіе расходы у мѣщанъ въ праздники и въ крупные моменты жизни, какъ сватьба, крестины или похороны. Крестины у человѣка средняго состоянія обходятся не менѣе какъ въ 25 руб. сер , сватьба отъ 300 до 500 руб., даже похороны взрослаго отъ 50 до 100 рублей. За то на воспитаніе дѣтей тратится немного, не больше 20 руб. въ годъ, такъ что воспитаніе ребенка, смотря по 3 или 5 лѣтнему сроку, обойдется въ 60 до 100 рублей серебромъ. Дѣвочекъ не учатъ.

Живутъ вообще благочестиво — соблюдаютъ посты, ходятъ въ церковь Разврату въ семьяхъ незамѣтно: жены не гуляютъ, мужья тоже. Противное этому составляетъ уже исключеніе. Причина въ томъ, что люди заняты вѣчно дѣломъ и воображенію работать некогда. Много помогаетъ этому и правильная физическая жизнь: при работѣ ремесленникъ ѣстъ и спитъ хорошо, чтитъ среду и пятницу, удерживая свои страсти, и оттого вообще плодородны. Если хозяинъ женатъ, то спитъ большею частью на постели; холостые же — въ повалку или на верстакахъ. Если у хозяина есть взрослая дочь, и она спитъ тутъ же; но насколько это портитъ нравы — сказать не умѣю.

Каждый столяръ, устроившій свою мастерскую, старается и обзавестись своимъ домомъ. Жизнь на квартирѣ неудобна; обыкновенно ссоры съ хозяиномъ, то изъ за пропавшего инструмента, то изъ за дровъ, которыми хозяинъ пользуется насчетъ столяра, то изъ за другихъ какихъ нибудь мелочей.

Праздникъ для семьи составляетъ большую радость, особенно для женщинъ. Все что дѣлается — дѣлается какъ бы только для праздника. Можно думать, что если бы не было праздниковъ, то женщины никогда не шили бы себѣ платьевъ, не чесались, не мылись и не мыли и не чистили своихъ домовъ. Все это дѣлается какъ будто не для себя, а напоказъ сосѣдямъ и знакомымъ. Вообще тщеславіе и суетность развиты сильно между мѣщанскимъ населеніемъ. Впрочемъ укорять въ этомъ исключительно мѣщанское населеніе иркутскаго края несправедливо. Эта азіятская черта сидитъ крѣпко во всемъ сибирскомъ населеніи и даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые стоятъ далеко выше мѣщанскаго круга. Щегольство развито тоже очень сильно: жена мастера имѣетъ для праздниковъ непремѣнно шелковое платье и со-

лопъ, крытый шелковой матеріей. Только самыя бѣдныя не имѣютъ этихъ необходимыхъ признаковъ жены хозяина мастерской.

Большихъ рабочихъ мастерскихъ въ Иркутскѣ почти нѣтъ; найдется ихъ двѣ, три—небольше. Обыкновенно же хозяинъ или одиночка работаетъ съ учениками или съ однимъ-двумя рабочими. Рабочихъ для большой мастерской имѣть въ Иркутскѣ трудно. Ремесленники пришлые изъ Россіи народъ большею частью пьяный и безпутный. Когда онъ только-что пришелъ и ищетъ себѣ мѣста, то отличается обыкновенно и трезвостью и кротостью. Но забравъ задатокъ и начиная присматриваться къ краю, къ мѣстнымъ обычаямъ и заработкамъ, наконецъ узнавъ, что рабочія руки здѣсь рѣдки, что въ нихъ нуждаются всѣ, и ремесленники, и золотопромышленники, и городское населеніе,—рабочій начинаетъ давать себѣ уже особую цѣну и держать себя какъ человѣкъ, въ которомъ нуждаются и котораго нужно цѣнить. Тогда онъ неглижируетъ работой, пьянствуетъ дня по три въ недѣлю, пріискиваетъ подъ рукой другаго хозяина, сговаривается съ нимъ въ цѣнѣ, беретъ задатокъ и уходитъ, не отработавъ даже забранныхъ впередъ денегъ. Управы на такого человѣка нѣтъ никакой и съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Онъ всегда правъ и по его мнѣнію виноваты всегда другіе; честнаго слова для него не существуетъ, никакихъ обязательствъ онъ не хочетъ знать, житъ онъ можетъ подъ открытымъ небомъ, даже безъ ѣды, если есть на что выпить, а на это всегда найдутся деньги, потому что дается и большое жалованье и въ задатокъ даютъ рублей 25 сер. и даже до 50. Съ такими наклонностями человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго чувства, и пьяный и безчестный, переходитъ отъ хозяина къ хозяину, наконецъ уходитъ на золотые промыслы, шатается по нѣскольку лѣтъ сряду съ промысла на промыселъ и слоняется такъ цѣлый свой вѣкъ какъ волкъ, безъ дома и пріюта, пока не обопьется, или не убьетъ его свой же товарищъ, или не умретъ онъ въ полѣ подъ кустомъ отъ неизвѣстной причины. И тогда въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» явится объявленіе, что въ такой-то волости подъ кустомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, безъ признаковъ насилія. Вотъ и конецъ человѣческой карьерѣ! А отчего онъ умеръ подъ кустомъ въ восточной Сибири, а не гдѣ нибудь въ Петербургѣ, въ роскошной спальнѣ, окруженный всѣми удобствами, банками, стклянками и знаменитыми докторами? А все причиной нервы, да мозговое вещество, которымъ обстоятельства не позволили развиться такъ, какъ они развиваются у человѣка, живу-

щаго въ иныхъ условіяхъ и въ иной матеріальной средѣ. Растительная или животная ячейка — все ячейка, и въ одномъ случаѣ развивается изъ нея дубъ, въ другомъ—дождевикъ или плесень.

Мѣщане ремесленники или мастеровые составляютъ мѣщанскую аристократію города. Къ нимъ же относятся такъ называемые домовые мѣщане, которые выходятъ изъ купеческихъ прикащиковъ. Такой мѣщанинъ, обзаведясь своимъ домомъ, или торгуетъ въ домовой лавочкѣ, или покупаетъ тѣлеги, дуги, ободья, сани и продаетъ ихъ обознымъ, или же и самъ собираетъ и составляетъ тѣлеги. Мѣщане этого сорта люди обыкновенно болѣе развитые, болѣе способные, болѣе знающіе и болѣе образованные. Но у кого способности слабѣе, кто не владѣетъ никакимъ ремесломъ, а владѣетъ только вѣчно голоднымъ желудкомъ и крѣпкими сильными руками, тотъ идетъ въ наемщики и въ чернорабочіе. Эти мѣщане чернорабочіе выходятъ обыкновенно изъ бѣдныхъ семействъ, непріучившихъ своихъ дѣтей ни къ чему, изъ людей неспособныхъ для другаго дѣла. Они обыкновенно таскаютъ кирпичи на постройкахъ, переносятъ тяжести, завязываютъ воза, причемъ ихъ зовутъ *воровязами*. А это произошло отъ того, что если прикащикъ не углядитъ за ними при увязываніи чайныхъ обозовъ, то они воруютъ совки и прячутъ украденный чай въ голенищи и даже просто въ штаны. Чтобы воровязы воровали меньше, имъ на артель дается по фунту чая. Но это не помогаетъ. Кража совершается обыкновенно ассоціаціей и все украденное дѣлится артелью. Этотъ фактъ важенъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что убѣждаетъ, что и въ русскомъ человѣкѣ есть наклонность и способность къ ассоціаціи. Но только отчего артельность эта не проявляется нигдѣ? Отчего въ Иркутскѣ ни одно ремесло не производится ассоціаціей и не существуетъ ремесленныхъ артелей, а артели воровозовъ есть, и не одна, а составляются они съ непостижимой легкостью при всякой укладкѣ обозовъ и всякій разъ изъ новыхъ членовъ? Очевидно, что занятіе такимъ дѣломъ не только въ мѣстныхъ нравахъ, но что, по понятіямъ рабочихъ, въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И дѣйствительно это такъ. Воровство въ Иркутскѣ, да и вообще во всей Сибири, живетъ крѣпко въ нравахъ. Отъ него не страдаютъ, можетъ быть, особенно чиновники и начальства; но въ быту мѣщанскомъ и крестьянскомъ воровство такъ развито, какъ нигдѣ въ мірѣ. Полиція, разумѣется, не знаетъ о всѣхъ случаяхъ мелочнаго воровства, да и не можетъ знать о нихъ, потому что никто не ходитъ въ полицію съ объявленіями, когда случилась небольшая кража.

Да и къ чему пойдетъ мѣщанинъ или крестьянинъ объявлять, что у него унесли изъ дому рубль денегъ, или шапку, или кушакъ, или платокъ, или даже кафтанъ и полушубокъ? Найти покражу невозможно и ни у какой полиціи не достанетъ ни силъ, ни средствъ открыть ее; а между тѣмъ только затѣешь дѣло, да потеряешь время. Полиція ничего не сдѣлаетъ, когда самъ народъ воруетъ и не предпринимаетъ ничего для уничтоженія воровства. Между тѣмъ и народъ понимаетъ это хорошо—разумѣется не въ массѣ, а отдѣльныя лица. Мнѣ приходилось говорить съ возчиками и распрашивать ихъ о дорожныхъ ворахъ, подрѣзывающихъ обозы. Воровство этого рода такъ укоренилось въ Сибири, что едвали удастся прекратить его скоро полицейскими и судебными мѣрами, если сами крестьяне не примутся за его искорененіе. Крестьяне отлично знаютъ другъ друга, и знаютъ они хорошо своихъ воровъ, и все таки они терпятъ ихъ въ своемъ обществѣ—и не только терпятъ, но смотрятъ на нихъ такъ снисходительно, что если бы вопросъ коснулся удаленія вора изъ мѣста жительства, большинство станетъ на его сторонѣ и общество принимаетъ къ себѣ вора вновь Только одна Сибирская привычка къ тому, что дѣлается тамъ кругомъ, позволяетъ смотрѣть на все равнодушно; но человѣку свѣжему всѣ эти обыкновенныя вещи представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ Разумѣется, можно привыкнуть ко всему. Привыкаютъ же люди жить въ сосѣдствѣ со львами, тиграми, гремучими змѣями; играли же наши офицеры въ Севастополѣ въ карты, подъ страшнымъ огнемъ и миріадами французскихъ и англійскихъ бомбъ и ядеръ. Можно привыкнуть ко всему. Но зачѣмъ же говорить, что нѣтъ воровства, грабительства и убійстса, когда они есть? Зачѣмъ хвалить и даже восхищаться мѣстной безопастностью, когда ея нѣтъ въ дѣйствительности? Если севастопольскіе офицеры играли въ карты подъ непріятельскими выстрѣлами и смотрѣли равнодушно на ядра и бомбы, изъ этого еще не слѣдуетъ, что бомбы и ядра не летѣли въ Севастополь. Если африканецъ привыкъ къ сосѣдству тигра и гремучей змѣи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ вовсе нѣтъ въ Африкѣ. Изъ своего смѣшнаго сибирскаго патріотизма и желанія похвалить свою родину и увѣрить, что въ ней все лучше, чѣмъ въ Россіи,- Сибиряки даже и не замѣчаютъ, что они говорятъ вещи совершенно неправдоподобныя. Разумѣется, тамъ нѣтъ безпрестанныхъ грабежей или убійствъ, и спокойнѣе чѣмъ на Кавказѣ, но и только: личная же безопасность каждаго человѣка подвергается далеко большему риску, чѣмъ въ любой, даже самой безпокойной, мѣст-

ности Россіи. Въ Сибири не существуетъ статистическихъ свѣденій по этому предмету—и вотъ почему только Сибиряки и могутъ продолжать свою вѣчную похвалу удивительной нравственности Сибирскаго населенія.

Кромѣ носки камней и увязыванія обозовъ, мѣщане чернорабочіе занимаются зимой возкой и выгрузкой лѣса, осенью и весной, когда нѣтъ каменныхъ работъ или ихъ меньше; нѣкоторые работаютъ даже въ плотничьихъ артеляхъ.

Такой рабочій, смотря по искуству и силѣ получаетъ въ день, на своихъ харчахъ, отъ 15—30 и даже до 50 коп. въ день. Таская камни и кирпичи, чернорабочій приглядывается къ работѣ кладчиковъ и каменотесовъ и иногда самъ принимается за ихъ дѣло. Ставъ такимъ образомъ уже ремесленникомъ, онъ получаетъ въ день отъ 70 коп. до 1 р. 50 к. Что большая часть этого народа любитъ выпить, это бы еще ничего, но они—народъ крайне лѣнивый и почти безполезный въ своей семьѣ. Работая какъ поденщикъ, онъ, разумѣется, старается за условную плату сдѣлать какъ можно меньше. Это законъ общій для всѣхъ людей, чтобы съ меньшей потерей силъ достигнуть выгоднѣйшаго результата. Такой выгоды мѣщанинъ чернорабочій достигаетъ весьма нехитрымъ образомъ. Сидитъ онъ, напримѣръ, на своей работѣ—мимо идетъ баба Кажется и совсѣмъ не о чемъ заговорить съ ней, а чернорабочій ухитрится найти предметъ для самого продолжительнаго разговора. Вообще русскіе—большіе болтуны, но простой и рабочій народъ отличается у насъ этимъ качествомъ по преимуществу, Далѣе рабочій любитъ очень курить. Являясь на работу въ 5—6 часовъ утра, онъ прежде всего принимается за трубку и тянетъ и сосетъ очень долго: тогда уже только начинаетъ работать. Въ 9 часовъ онъ завтракаетъ, въ 12 обѣдаетъ. Послѣ обѣда отдыхаетъ часа два, въ 4 часа на ужинъ, а въ 8 часовъ уходитъ съ работы. Хотя такимъ образомъ рабочій день и составляетъ повидимому 14 часовъ; но въ сущности, вычитая все время куренья, ѣды, спанья, и разговоровъ съ проходящими, наберется едва 6 собственно рабочихъ часовъ. Нерасчетъ рабочаго очевиденъ, потому что эти шесть часовъ ему бы лучше провести дома. Но чернорабочій такимъ образомъ вовсе и не разсчитываетъ: ему лишь бы прошелъ день, а этимъ способомъ день распредѣляется повидимому очень удобно, спокойно, необременительно.

Мѣщане чернорабочіе составляютъ низкій отстой промышленнаго населенія Иркутска. Въ семейной жизни они безпечны, лѣнивы, зара-

ботокъ свой обыкновенно пропиваютъ,—и все благосостояніе семьи зависитъ обыкновенно отъ жены рабочаго. Зимой она торгуетъ на базарѣ булками, калачами, или стираетъ бѣлье. Лѣтомъ занимается огородничествомъ, торгуетъ квасомъ, овощами, свѣжей рыбой, хлѣбомъ. Заработокъ ея бываетъ въ день отъ 30 до 50 коп. Такимъ образомъ вся семья зависитъ отъ женщины: она даже кормитъ своего мужа, когда у него нѣтъ работы. Вѣчная нужда научаетъ этихъ людей цѣнить другія болѣе обезпеченныя положенія—и вотъ почему они стараются помѣстить своихъ дѣтей къ ремесленникамъ, или къ купцу въ лавку.

Самые неспособные изъ этого сорта мѣщанъ—люди безъ энергіи, разные горемыки и бездомники,—составляютъ настоящихъ, или, вѣрнѣе, чисто чернорабочихъ. Они копаютъ землю, ворочаютъ и носятъ тяжести. Это народъ повидимому неспособный къ труду, требующему большей понятливости, смышлености, расторопности и искусства. Изъ этого же сорта людей создаются ямщики и даже кучера въ небогатыхъ домахъ, гдѣ лошади и экипажи обходятся и безъ тщательнаго ухода.

Базарницы, аристократки быта каменщицъ, торгуютъ на базарѣ кремнями, огнивами, сѣрой, тесемками, иголками. Онѣ шьютъ и продаютъ готовое бѣлье для рабочаго класса и для людей безсемейныхъ и бездомныхъ. Онѣ вяжутъ шарфы, подбираютъ бѣличьи мѣха, ткутъ кушаки, извѣстные подъ названіемъ иркутскихъ, бьютъ орѣховое масло. Это классъ людей довольно обезпеченныхъ. Однѣ изъ нихъ сидятъ на базарѣ на столахъ, продавая свой немногосложный товаръ, другія—нѣтъ. Базарницы отличаются внѣшней порядочностью и опрятностію. Обыкновенно вдовы, а иногда и старыя дѣвы, онѣ большею частью имѣютъ интимныя связи; но не унижаются до выбора какого нибудь мѣщанина, или бородача, а устроиваются съ приказными, прикащиками, писарями. Если случится выйдти замужъ, то и тутъ дѣлаютъ приличную партію, выходя за чиновника или писаря. Многія изъ базарницъ имѣютъ свои дома. Дочерей и сыновей своихъ онѣ стараются вывести на лучшую дорогу, и потому въ своемъ быту онѣ держатъ себя много выше обыкновеннаго мѣщанства. Дочери ихъ носятъ шляпки и бурнусы, и у каждой есть лисій салопъ. Сами же базарницы на базарѣ—лѣтомъ въ пальто, зимой—въ зайчей шубѣ, а чистый, бѣлый фартукъ—непремѣнно и лѣтомъ и зимой. Торговля ихъ разнаго размѣра: у нѣкоторыхъ наберется товару даже рублей на тысячу. Прибыль измѣняется отъ 150 до 500 руб., такъ что лѣтъ въ 20 торговли базарница можетъ скопить капиталъ тысячъ въ десять ассигнаціями.

Осадокъ базарницъ составляютъ каменьщицы, о которыхъ я уже говорилъ, а осадокъ каменьщицъ — горничныя, кухарки и публичныя женщины.

Прислуга, особенно мужская—большею частью ссыльные. Но есть прислуга и изъ мѣщанъ, а частью и изъ крестьянъ. Крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей въ прислугу, когда семья велика, заработокъ плохъ, деньги нужны — и отдаютъ дочь въ горничныя, въ работницы или въ стряпки.

Плата горничнымъ, кухаркамъ и нянькамъ отъ 1 до 4 руб. въ мѣсяцъ. Кормилицамъ отъ 4, 10 до 15 руб. Отъ хозяевъ горничная получаетъ только передникъ, а подарки къ праздникамъ изъ обносковъ. Жалованье мужской прислуги больше: дворникъ отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ и зимой хозяйская даха, а кучеръ отъ 6 до 15 р. и выѣздное платье, т. е. кафтанъ, рукавицы, шапка.

Строгаго раздѣленія занятій прислуги не существуетъ. Дворникъ работаетъ часто за кучера, кучеръ за дворника, т. е. привезетъ воды, вымететъ дворъ. Такое же отсутствіе строгихъ границъ существуетъ и въ занятіяхъ женской прислуги.

Житье всѣхъ этихъ людей плохое. Они слишкомъ связаны—почти не могутъ выйдти изъ дому: въ мѣсяцъ достанется можетъ быть только одинъ день на гулянье. Работой они хотя и незавалены, но вѣчно суетятся, вѣчно бѣгаютъ, особенно женская прислуга. Обходятся съ ними дурно, грубо, а требовательность большая. Пыль найдутъ гдѣ нибудь— бранятъ; не такъ поставила что нибудь—тоже; пропало что нибудь— всѣ виноваты. Если господа не имѣютъ надъ прислугой права помѣщичьяго, то за то вполнѣ существуетъ право полицейское. Напился ли человѣкъ—посылаютъ его съ запиской въ часть; а тамъ его или выдержатъ или выпорютъ. Кромѣ того господа расправляются и сами, т. е. дерутся; а человѣкъ отвѣтилъ не такъ, говорятъ—грубъ. Поэтому порядочные люди, успѣвшіе скопить хотя что нибудь, уходятъ изъ этого промысла, да и вообще избѣгаютъ случаевъ наняться въ услуженіе. Они пускаются или въ торговлю, или идутъ въ извощики, или въ караульные. Однимъ словомъ ищутъ такого мѣста, гдѣ самъ большой. Женщина, если не вышла замужъ, молоденькая и недурна собой,—избираетъ себѣ извѣстнаго рода промыселъ. А если знаетъ что нибудь, некрасива и не молода—идетъ въ прачки, въ поломойки, швеи.

Но если нехороши господа, то нельзя похвалить и прислугу. Наѣдутъ ли къ ней родные изъ деревни,—пойдетъ угощеніе хозяйскимъ

добромъ, кормятъ и поятъ всѣмъ хозяйскимъ, даже лошадей кормятъ хозяйскимъ овсомъ и сѣномъ. На господъ смотрятъ всегда враждебно, хозяйскаго не берегутъ, а при случаѣ и украдутъ. Можетъ быть тутъ виной и хозяева, вслѣдствіе своего неделикатнаго обращенія и вѣчной ругани; но и въ простомъ человѣкѣ развита сильно страсть нажить на чужой счетъ и поживиться чужимъ добромъ.

Ремесло прислуги обнаруживаетъ самое вредное нравственное вліяніе на молоденькихъ дѣвочекъ, приходящихъ наниматься въ услуженіе изъ деревень. Пятнадцати или нѣсколько старшихъ лѣтъ дѣвочки, видя, что ея праздная хозяйка, купчиха или чиновница, то и дѣло надѣваетъ новыя платья, чтобы пощеголять, а особенно въ праздникъ, — загарается сама тайнымъ желаніемъ имѣть это наслажденіе. Но ей нельзя удовлетворить ему: все жалованье горничной одинъ рубль въ мѣсяцъ; а ей нужны ботинки, платье, бѣлье. Къ этому еще и грубое обращеніе барыни. Въ 16 лѣтъ не можетъ быть страсти, но желаніе принарядиться есть; а главное, желаніе освободиться отъ вѣчной домашней каторги, вѣчной воркотни и брани. Работая годъ, горничная на свое жалкое жалованье едва купитъ ситцевое платье; а тутъ ей представляется случай сразу завести платье, ботинки и кринолинъ. Она не видѣла ласки, а тутъ ее ласкаютъ. Можно ли сравнивать эти двѣ жизни? Сойдясь съ мужчиной разъ-два, дѣвочка уже идетъ по этому пути дальше и дальше. Она, можетъ быть, и знаетъ, что дѣлаетъ нехорошо, а между тѣмъ дѣлаетъ. Случается, что и матери продаютъ своихъ дѣтей. Когда не было вмѣшательства полиціи, публичныя женщины были много нравственнѣе. Онѣ торговали собой тайно и стыдились своего ремесла. Но когда за ними стали слѣдить, когда имъ стали давать свидѣтельство, онѣ сдѣлались настоящими публичными и развратными женщинами и потеряли всякій стыдъ. На полицейское свидѣтельство гонитъ ихъ десятскій, и всегда грубо, — идутъ онѣ обыкновенно пьяныя. При свидѣтельствѣ всѣ издѣваются надъ ними — писаря, фельдшара, ученики. Грубость чувства и цинизмъ всего окружающаго убиваетъ въ этихъ женщинахъ и послѣднюю искру стыда.

Опустившись до такой степени, женщина ведетъ самое жалкое существованіе. Живетъ она бѣдно, ѣстъ и спитъ какъ попало, сыта вполнѣ никогда не бываетъ, потому что недостаточный заработокъ идетъ на туалетъ, или на пустыя, менѣе нужныя расходы, какъ лакомства и вино.

Женщины того же ремесла, но неизвѣстныя полиціи, живутъ хотя

бѣдно, гдѣ нибудь на концѣ города; но въ нихъ нѣтъ того цинизма и безстыдства, какимъ отличаются женщины съ полицейскими свидѣтельствами. Но наступаетъ для этихъ бѣдныхъ труженицъ и другое время, когда онѣ бросаютъ свое занятіе: тогда онѣ или начинаютъ служить, или пріискиваютъ себѣ какое нибудь ремесло, или выходятъ замужъ. Эти женщины обыкновенно развитѣе обыкновенныхъ мѣщанокъ и крестьянокъ. Замѣчательно, что лѣнь не развращаетъ ихъ; онѣ занимаются хозяйствомъ, шьютъ, работаютъ и моютъ все на себя сами; онѣ очень боятся Бога, ходятъ въ церковь, постятся, отличаются скромностью и больны бываютъ рѣдко.

Самый низшій осадокъ населенія Иркутска состоитъ изъ нищихъ. Большинство ихъ составляетъ наплывное населеніе изъ деревень; поселенцевъ и мѣщанъ между нищими мало. Женщины же напротивъ больше мѣщанки. Люди отправляются нищенствовать отъ неимѣнія заработка, или по несчастнымъ случаямъ, какъ напримѣръ погорѣвшіе крестьяне. Но бываютъ и просто охотники заниматься нищенствомъ какъ ремесломъ. Воля своя, заработокъ хорошъ, потому что въ день, не считая хлѣба, всегда можно собрать не менѣе рубля ассигнаціями; а платья покупать ненужно, потому что подадутъ благотворители. Бываетъ, что полиція ихъ схватитъ и отправитъ въ волость, а они опять уйдутъ, и опять наберутся въ городъ. Нищіе этого рода составляютъ обыкновенно касту нищихъ и занимаются ремесломъ наслѣдственно. Такъ, дочь нищей, родивъ сама дѣтей, дѣлаетъ всѣхъ ихъ нищими. Но кромѣ ихъ, есть еще и нищіе истинные, т. е. люди неспособные пропитать себя своимъ трудомъ. Эти нищіе имѣютъ обыкновенно постоянные дома, гдѣ имъ помогаютъ; въ одномъ домѣ дадутъ платье, въ другомъ творогу, въ третьемъ хлѣба, денегъ и т. д. Такой нищій не шляется по улицамъ цѣлый день и не протягиваетъ руку къ проходящимъ, но живетъ тѣмъ, что набралъ при обходѣ своихъ благотворителей. Онъ чувствуетъ къ нимъ пріязнь и старается отблагодарить ихъ при случаѣ.

Нищество поддерживается и плодится почти исключительно купцами. Въ Иркутскѣ заведено подавать нищимъ въ субботу и купцы гостинаго двора держатся крѣпко этого обычая. Между нищими есть даже чиновники и такой нищій не проситъ, а почти требуетъ: — «я изъ благородныхъ, помогите». Но между нищими незамѣчено ни одного изъ купцовъ. Если купецъ, или торгующій мѣщанинъ обѣднѣетъ, онъ пойдетъ въ дворники, въ ломовую работу, наймется въ караульные, но

до нищества не дойдетъ. Только одинъ обѣднѣвшій купеческій прикащикъ ходитъ нищимъ по своему трапезниковскому ряду, въ которомъ онъ торговалъ нѣкогда, но и онъ не проситъ на сторонѣ. Въ торговомъ сословіи, при всѣхъ его недостаткахъ, есть свой особенный гоноръ; купецъ и прикащикъ станетъ плутовать, не считая это безнравственнымъ, но у него есть свое понятіе о чести, которое его не допуститъ до личнаго униженія. При воспитаніи его били, учили обманывать, но подличать и лакейничать — нѣтъ. Отъ этого въ купеческомъ сословіи Сибири нѣтъ раболѣпія и, обнищавъ и прося помощи собрата, нищій-прикащикъ говоритъ съ гордостью: «я тридцать лѣтъ служилъ, всякій меня знаетъ и подлецомъ не назоветъ.»

Н. Шелгуновъ.

ВСЕ ОБОРВАЛОСЬ!

(Изъ чиновничьяго быта.)

Если вы, читатель, счастливый обитатель Петрополя, то вѣрно согласитесь со мной, что когда, приближаясь къ Невѣ со стороны Марсова поля, пройдешь мимо какого-то бронзоваго рыцаря съ мечомъ, щитомъ и въ латахъ, приготовившагося кого-то защищать неизвѣстно отъ кого, (подъ ногами его, къ удивленію, золотыми буквами выставлена фамилія славнаго нашего героя, громителя турокъ и польской Праги), потомъ перейдешь Троицкій мостъ и очутишься на площади между Александровскимъ паркомъ и Троицкимъ соборомъ,— какъ отъ этихъ деревянныхъ домиковъ повѣетъ на тебя какимъ-то миролюбивымъ уѣзднымъ городкомъ; просторъ для воздуха, сравнительно-значительная тишина даютъ знать, что вы находитесь въ городѣ, вовсе непохожемъ на сейчасъ вами оставленный. Углубляетесь вы съ площади въ одну изъ улицъ и здѣсь простота и безцеремонность готовы васъ увѣрить, что вы дѣйствительно въ другомъ городѣ: вонъ въ узкомъ, изобилующемъ грязью, переулкѣ свободно разгуливаютъ куры и козы, изъ оконъ противоположныхъ домиковъ ведутъ между собой разговоръ благородные жильцы, затягиваясь папироснымъ дымомъ и выпуская его на улицу лежачими конусами, и слышатъ они другъ отъ друга каждое слово, сказанное даже и вполголоса. Чрезъ два двора дальше, любитель голубей, отставной титулярный совѣтникъ, подвязавшись поверхъ халата полотенцомъ и взявъ въ руки высокій шестъ со вздѣтою на него тряпицею, гоняетъ кружащихся въ воздухѣ своихъ питомцевъ. По этимъ немногимъ признакамъ я допускаю, что здѣсь обитатели непремѣнно должны быть отличны отъ тѣхъ, которыми наполнены и переполнены ули-

цы серединнаго Петербурга; нравы и обычаи здѣсь непремѣнно должны быть другіе. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь по улицамъ не прогуливается праздная публика, молодежь не ищетъ здѣсь приключеній среди яснаго дня или подъ темный вечеръ, и буде ужъ ей придетъ къ таковымъ охота, отправляется въ центръ столицы. Здѣсь было бы нѣкоторымъ образомъ даже странно видѣть великосвѣтскую барыню, замѣтающую шлейфомъ слѣды собственныхъ ножекъ, и появленіе щегольского кабріолета съ жокеемъ, или блестящей лакомъ кареты также не идетъ къ этой мѣстности, какъ брильянтовая запонка къ сѣрому крестьянскому армяку.

Итакъ Петербургская сторона населена отставнымъ и бѣднымъ людомъ, который обыкновенно встаетъ отъ одра рано, между пятью и шестью часами утра, а съ семи до девяти уже катитъ на другую сторону Невы, въ видѣ субъектовъ сперва съ топорами за поясомъ и съ лотками на головѣ, а потомъ съ картонками и узлами въ рукахъ или съ портфелями и связками подъ мышкой. Явленіе это въ обратномъ движеніи повторяется ежедневно съ четырехъ до шести часовъ пополудни, кромѣ празничныхъ дней.

Такъ однажды, часу въ пятомъ пополудни, въ одной изъ улицъ съ провалившимися мостками на мѣсто тротуаровъ, показался господинъ средняго росту, въ порыжѣломъ триковомъ пальто съ воротникомъ нѣмецкаго бобра, въ помятой шляпѣ и со связкою бумагъ подъ мышкой. Его исхудалое, желтоватое лицо оживлено улыбкою, мало-примѣтныя русыя брови движутся, губы шевелятся и, кажется, готовятся кому-то что-то говорить. Судя по легкости и нѣкоторой оживленности его походки, онъ долженъ быть въ хорошемъ расположеніи духа, хотя и натощакъ, что также можно заключить по сухости губъ и постности всего лица. Пора была весенняя — среднія числа апрѣля. Солнце весело свѣтило на грѣшную землю, и разливало кругомъ жизнь, радость и надежду. Даже физіономія нашего худощаваго господина приняла праздничный видъ; чему-то улыбаясь, онъ подошелъ къ порядочно припавшему къ землѣ крылечку одного сѣренькаго деревяннаго домика и дернулъ за колокольчикъ; на дверяхъ прибита мѣдная позеленѣлая дощечка съ подписью: Алексѣй Ивановичъ Щеповъ. Вдругъ эта дверь шамкнула и въ ней показалась саженная баба, съ кухоннымъ полотенцомъ черезъ плечо, а съ нею вмѣстѣ и двое дѣтей — мальчикъ лѣтъ осьми въ лиловой ситцевой рубашкѣ и дѣвочка лѣтъ десяти въ такомъ же платьецѣ.

— А, таки выскочили .. не въ терпѣшку вамъ... простудитесь! заговорила баба.

Но дѣти не обратили вниманія на ея слова и разомъ воскликнули:—а, папенька!

— Постойте, постойте, дайте хоть войти мнѣ бога-ради, говорилъ отецъ.

Дверь подъѣзда закрылась. Въ небольшой чистой комнатѣ, посрединѣ стоитъ накрытый для обѣда столъ, окруженный старыми, нѣкогда окрашенными подъ орѣхъ, березовыми стульями; за столомъ сидитъ дама среднихъ лѣтъ, въ сѣренькой блузѣ, съ легкимъ румянцомъ на щекахъ, остаткомъ прежняго румянца во всю щоку; подлѣ нея, на особомъ высокомъ креслѣ сидитъ еще одинъ ребенокъ, непользующійся еще употребленіемъ ногъ своихъ.

Господинъ, сопровождаемый своими дѣтьми, входитъ въ одномъ вицемундирѣ, вытирая платкомъ потъ на головѣ, покрытой прилипшими къ ней прядями рѣдкихъ волосъ.

— Что ты такъ поздно сегодня, Алексѣй? спросила дама. Алексѣй этотъ, есть тотъ самый, котораго имя и фамилію мы сейчасъ прочитали на дверяхъ, на мѣдной дощечкѣ; эта дама его жена.

— Нескоро, да споро, весело отвѣчалъ женѣ Алексѣй Ивановичъ.

— А что? спросила жена.

— Я тебѣ сегодня, Машенька, принесъ такую вѣсточку, такую вѣсточку, что ты и губки оближешь, какъ разскажу.

— А! очень рада; рѣдко ты приносишь мнѣ пріятныя вѣсточки Говори скорѣе.

— Сію минутку... только переодѣнусь... все съ подробностію доложу тебѣ. И съ послѣднимъ словомъ Алексѣй Ивановичъ юркнулъ въ боковую дверь и минутъ черезъ пять появился въ халатѣ и сѣлъ за столъ, продолжая улыбаться, глядя на жену.

— Во-первыхъ, началъ онъ, между тѣмъ какъ жена съ усиленнымъ вниманіемъ смотрѣла на него и ждала: — во-первыхъ, давайте мнѣ скорѣе супу.

— Наливаю сейчасъ, отвѣчала жена:—да ты вѣсточку-то свою пріятную говори мнѣ скорѣе.

— Сію минутку... А во-вторыхъ — что еслибы тебя этакъ немножко да помучить?

— Меня?

— Тебя, Машенька.

— Чѣмъ помучить?

— Насчетъ вѣсточки пріятной.

— Вотъ пустяки какіе! какая тебѣ въ томъ польза? Напротивъ пріятною вѣстью, я думаю, надобно скорѣе подѣлиться. О дурной вѣсти пожалуй хоть и вѣкъ молчи; покойнѣе буду.

— Совершенно справедливо... соломоновскую премудрость сказала ты, мой другъ. Такъ вотъ же тебѣ: къ Пасхѣ или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ святой, мы получимъ денежное награжденіе.

— Въ самомъ дѣлѣ! ахъ, какъ бы я была рада!

— Получимъ, Машенька.

— И въ самомъ дѣлѣ? ты вѣрно это знаешь?

— Знаю, потому что самъ видѣлъ и черновое представленіе со спискомъ.

— И ты въ спискѣ есть?

— Есть. Представляется насъ всего двѣнадцать человѣкъ: трое къ орденамъ, пятеро къ подаркамъ и четверо къ денежной наградѣ. Я стою послѣднимъ въ спискѣ, да это ничего: хоть и сзади, да въ томъ же стадѣ, пословица говоритъ.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо! Сколько же ты получишь?

— Полугодовое.

— Далъ бы то Богъ! Десятый годъ какъ ничего мы не получаемъ, кромѣ жалованья, тогда какъ другимъ награда за наградой.

— Что дѣлать... то все любимые дѣтки фортуны, а мнѣ она мачиха.

— Мы совсѣмъ затянулись... и въ мясную лавку должны и въ лабазъ должны, просто кругомъ.

— Теперь поправимся.

— А за Настеньку и Васю не платимъ въ школу вотъ уже восьмой мѣсяцъ... совѣстно и глаза туда показать. Я не знаю, какъ еще учительница до сихъ поръ намъ не отказала.

— Все поправится, Машенька.

— И дѣти наши совсѣмъ обносились... сердце болитъ, какъ посмотришь... все штопаное да дырявое. Хоть бы къ празднику сшить имъ что нибудь.

— И сошьемъ, душенька.

— Намѣдни, — я уже тебѣ и не говорила, — Прасковья Семеновна была у насъ. Сѣла она, знаешь, на диванъ и вдругъ —

кракъ! провалилась. Просто срамъ. Я такъ и сгорѣла, не знала гдѣ и сижу.

— Все исправится, будетъ въ отмѣнномъ видѣ.

— Даже кухарка, всякую субботу какъ моетъ полы, ворчитъ, что къ дивану и дотронуться нельзя, — сейчасъ спинка вывалится.

— Полно же, Машенька, вычислять всю эту дрянь... Поправимся, говорю тебѣ.

И легкая тѣнь раздраженія пробѣжала по лицу Алексѣя Ивановича. Но эта была одна лишь минута. Лицо Щепова просіяло опять и онъ возобновилъ:

— На опытѣ, на себѣ я теперь вижу, Машенька, что терпѣніе непремѣнно награждается и въ этой жизни, не говоря ужъ тамъ о будущей. Нужно только быть благоразумнымъ и удерживаться отъ ропота, чтобы при достиженіи желаемаго, не имѣть на совѣсти упрека. Я уже тебѣ, кажется, разсказывалъ, съ какой непроницаемой тайной дѣлаются у насъ обыкновенно всякій годъ представленія къ наградамъ. Я ничего и не узналъ бы, если бъ черновыя бумаги представленія были даны для переписки не Веньямину Осиповичу Горькому.

— Горькому? а! сказала жена Алексѣю Ивановичу, подливая ему въ тарелку супу, который онъ между тѣмъ кушалъ съ отличнымъ апетитомъ: — такъ это ты отъ него узналъ?

— Отъ него. Только онъ Христомъ-богомъ просилъ никому не говорить. Ладно, думаю, въ канцеляріи-то я никому не скажу, а дома, Машенькѣ сказать можно, ничего.

— Разумѣется. Еще бы ты и отъ меня скрывалъ... не пойду же я всякому звонить объ этомъ, на свою же голову.

— Ну, такъ вотъ видишь ли, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ: — начну я тебѣ съ самого начала: пришелъ я сегодня въ должность, сѣлъ себѣ и занимаюсь. Вдругъ вижу, Горькій всталъ съ своего мѣста, направился ко мнѣ и, остановясь въ нѣсколькихъ шагахъ, сдѣлалъ мнѣ этакъ, знаешь, легонько, глазомъ и самъ тотчасъ же вышелъ въ коридоръ. Никогда этого не случалось и потому я понялъ, что онъ хочетъ сообщить что-то весьма важное. Я всталъ и также вышелъ въ коридоръ. Тамъ, къ счастію, на ту пору, кромѣ насъ двоихъ, никого не было. — Алексѣй Ивановичъ, говоритъ мнѣ онъ: — вы представляетесь... и именно такъ отрывисто: *вы представляетесь*.

— Онъ очень услужливый и добрый человѣкъ, замѣтила Машенька,

— Да, да, хорошій человѣкъ... Алексѣй Ивановичъ, вы представляетесь, говоритъ.

По жилкамъ у меня пробѣжалъ какой-то божественный элексиръ, но я будто равнодушно и спокойно говорю ему: — очень вамъ благодаренъ. А нельзя ли узнать, къ чему меня представляютъ?

— Отмѣтки, кто къ чему представляется, сказалъ мнѣ Веньяминъ Осиповичъ: — на бѣломъ представленіи будутъ сдѣланы самимъ господиномъ предсѣдатемъ, однако на черновомъ, должно быть для памяти его превосходительству, легонько карандашемъ выставлены всѣ отмѣтки. Такъ точно и въ прошлогоднемъ представленіи было... Вы, говоритъ, представляетесь къ полугодовому окладу.

При этомъ словѣ жена Алексѣя Ивановича перекрестилась, а онъ продолжалъ:

— Повѣришь ли, Машенька, какъ сказалъ онъ мнѣ это, да вдобавокъ показалъ и черновое представленіе, въ которомъ я увидѣлъ свое имя, — повѣришь ли — я вдругъ точно па свѣтъ народился!.. Какъ я ни обмельчалъ въ этой чернильной службѣ, а теперь вдругъ какъ бы обновился... возвышенность въ душѣ почувствовалъ. Что бы такое, кажется, какіе нибудь тамъ двѣсти рублей съ небольшимъ? Для человѣка мало-мальски со средствами вздоръ, рѣшительно вздоръ. Да и для такого бѣдняка, какъ я, не шереметевское имѣнье, однако, капальство, на стулѣ даже какъ-то легко сидится... Оттого я сегодня и засидѣлся... Силъ душевныхъ вдругъ прибыло, въ головѣ вдругъ просвѣтлѣло. Радъ, кажется, тутъ же цѣлую стопу бумаги исписать объ чемъ тебѣ угодно.

Алексѣй Ивановичъ первоначально служилъ по учебной части, учителемъ; но эта служба показалась ему неблагодарной, безъ будущей перспективы, и онъ перешелъ въ гражданскую. Не смотря на то, о прежней своей службѣ онъ всегда вспоминалъ съ уваженіемъ, а настоящую называлъ чернильною и грязною. И долго еще Алексѣй Ивановичъ бесѣдовалъ съ своей женою о чувствахъ и о прочемъ вслѣдствіе представленія его къ денежной наградѣ. Онъ и за обѣдомъ, и послѣ обѣда, и весь вечеръ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, шутилъ, смѣялся, игралъ съ дѣтьми въ прятки. А женѣ своей такъ-даже отпускалъ эдакіе, знаете, въ приличныхъ впрочемъ выраженіяхъ, каламбурики насчетъ нечетнаго у нихъ чи-

сла дѣточекъ. Все семейство его было также необыкновенно весело и счастливо. Алексѣй Ивановичъ легъ спать часу во второмъ ночи, но и тутъ долго еще не могъ заснуть, отъ разныхъ душевныхъ волненій. Поутру пробужденіе его было самое пріятное. Отлично выбрившись и напившись чаю, Щеповъ въ половинѣ десятаго часа одѣлся и отправился въ должность, взявъ свою связку бумагъ и, на этотъ разъ, комышевую тросточку съ кисточкой. Спокойно и съ рѣдкою солидностью онъ шелъ по улицѣ. Путь лежалъ мимо того лабаза, о которомъ, по случаю долга, говорила вчера Марья Львовна. На порогѣ лабаза стоялъ самъ хозяинъ, въ суконномъ, побѣлѣвшемъ отъ муки, кафтанѣ, поглаживая свою жиденькую, также мукою напудренную бородку. Не выдержалъ Алексѣй Ивановичъ, исполненный самодовольствія, и заговорилъ съ лабазникомъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій!

— Наше вамъ почтеніе-съ.

— Скажите, за мною тамъ есть какой-то должишко въ вашъ лабазъ?

— Есть, батюшка, милостивый государь, есть... одиннадцать рубликовъ съ полтинкой-съ на вашей милости.

— Пустяки... Недѣли черезъ двѣ если не ближе, вы эту бездѣлицу получите непремѣнно, и съ лихвою.

— Покорно благодаримъ, батюшка.

— Непремѣнно получите. Не въ претензіи ли вы, что я немножко замешкалъ отдачею?

— Помилуйте-съ... Мы не то чтобы насчетъ этого сумлѣніе какое имѣли... вашу милость мы давно знаемъ... а только единственно-съ деньги теперича очень надобны-съ.

— Разумѣется, разумѣется... Люди вы торговые, вамъ деньги нужны для оборотовъ... Такъ недѣли чрезъ двѣ вы отъ меня получите все и съ лихвою.

— Сдѣлайте такое одолженіе-съ.

— Непремѣнно, почтеннѣйшій.

Алексѣй Ивановичъ три раза кивнулъ головою, какъ это дѣлаютъ покровители и благодѣтели, и ушелъ, а лабазникъ, глядя ему вслѣдъ, неизвѣстно чему, лукаво улыбался, потомъ, заложивъ одну руку за спину, а другою взявъ мѣдный ковшъ, торчавшій въ мѣшкѣ съ горо-

хомъ, сталъ имъ въ раздумьи зачерпывать горохъ и высыпать обратно въ мѣшокъ тоненькою струею, продолжая лукаво улыбаться.

II.

Послѣ разговора съ лабазникомъ, Алексѣй Ивановичъ давно уже сидитъ въ канцеляріи надъ какимъ-то чреватымъ дѣломъ, развернутымъ на первыхъ страницахъ и о чемъ-то думаетъ, легонько барабаня пальцами по столу. Три раза уже прогремѣлъ громъ вслѣдствіе явившихся трехъ молній отъ секретаря до члена; удвоенная тишина царила во всей канцеляріи и прерываема была только легкимъ шумомъ переворачиваемыхъ листковъ бумаги, да скрипомъ перьевъ. Всѣ знали и чувствовали, что отъ нынѣшняго дня многое зависитъ, что сегодня должно послѣдовать послѣднее рѣшеніе относительно представленія къ наградамъ и слѣдовательно день этотъ роковой, важнѣйшій день во всемъ году. Но въ средѣ канцелярской братіи были однако же здѣсь и два вольнодумца: жиденькій сорокопятилѣтній, въ постоянно застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ, въ панталонахъ со штрипками, Яковъ Васильевичъ Щуровъ, и смугленькій, вѣчно завитый Песочкинъ (имени и отчества его не знаю), оба коллежскіе секретари съ незапамятныхъ временъ. Либерализмъ ихъ простирался до того, что они не разъ, когда секретарь обращался къ нимъ съ какимъ-либо вопросомъ, отвѣчали ему съ замѣчательною смѣлостію и находчивостію. А вѣдь всѣмъ и каждому извѣстно было въ канцеляріи, что господинъ секретарь не любитъ подобной находчивости въ своихъ подчиненныхъ и считаетъ ее за начало дерзости. Всѣ также помнили разъ сказанное изрѣченіе того жъ секретаря, что «ежели палку въ углу поставятъ и велятъ ей повиноваться, то вы и тогда должны повиноваться». Изрѣченіе это конечно неновое, но тѣмъ не менѣе вразумительное. Помнили также всѣ и то, что господинъ секретарь на одного изъ чиновниковъ, вздумавшаго передъ нимъ свободно объясняться, закричалъ: — руки по швамъ! Все ему подвластное, лицомъ къ лицу имѣющее съ нимъ дѣло, обязано какъ можно меньше и робче говорить, потому что всѣ заслуги подчиненнаго заключаются въ раболѣпіи, какъ признакѣ повиновенія, во всемъ султанскомъ значеніи этого послѣдняго слова.

Да, Щуровъ и Песочкинъ были удивительные смѣльчаки. Товарищи ихъ не могли надивиться, какъ это такая смѣлость благополучно сходитъ имъ съ рукъ. Вотъ они и теперь слѣдуя повидимому общему настроенію умовъ, хотя наружно и соблюдаютъ тишину и благоговѣнье, но въ душѣ своей вовсе не признаютъ важности настоящаго дня. Вслѣдствіе ли того, что благоусмотрѣніемъ начальства право представленія къ наградамъ на канцелярскихъ чиновниковъ здѣсь не распространялось, или по другой подобной причинѣ, но только Щуровъ и Песочкинъ проникнуты были даже апатіей относительно интересовъ службы, махнули на свою судьбу рукой и ничего отъ нея не ожидали. Все чѣмъ жизнь для нихъ могла еще быть красна и привлекательна, заключалось въ знакомствѣ съ швеями и въ удовольствіи быть ихъ безсмѣнными кавалерами на гуляньяхъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Щуровъ и Песочкинъ сидѣли за разными столами, но часто перемигивались между собою. Щуровъ поднесъ къ губамъ руку и пальцами сдѣлалъ знакъ, изображающій куреніе папироски; Песочкинъ мигомъ понялъ этотъ знакъ и оба незамѣтно вышли одинъ послѣ другого. Комнаты для куренія не имѣлось, а по коридорамъ курить строго воспрещалось, поэтому канцелярская братія предавалась сему удовольствію въ такомъ мѣстѣ, котораго прямое названіе не совсѣмъ благовонно для печати. Туда отправились теперь Щуровъ съ Песочкинымъ.

— Такъ вамъ, Яковъ Васильевичъ, началъ Песочкинъ, вошедшій прежде Щуровъ, встрѣчая его и держа уже въ зубахъ своихъ папироску: — и очень захотѣлось курнуть?

— Смерть захотѣлось, душенька, отвѣчалъ Щуровъ: — даже въ горлѣ пересохло, я тебѣ скажу.

— Гм... а папироску или сигару вы имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю. Да вѣдь у тебя есть,—все равно.

— Нѣтъ, милостивый государь, не все равно: у меня есть только для себя.

— Вотъ вздоръ какой... Твое-мое, мое-твое... Мы вѣдь съ тобой свои люди.

— Оно конечно, свои люди—на-те, курите на здоровье. А только все-таки странно, я вамъ доложу, что вы и порядочный человѣкъ, и въ обществѣ тамъ прекраснаго пола всегда бываете, а никогда папиросокъ своихъ не имѣете

— Было, душенька, вчера штукъ съ двадцать, да Катя злодѣйка всё перекурила. Напропалую куритъ, бестія.

— Вотъ видите... А моя такъ вовсе не куритъ... даже дыму терпѣть не можетъ... меня бранитъ, когда при ней закурю... махоркой говоритъ воняетъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ нѣжно съ ея стороны.

— Что дѣлать, Яковъ Васильевичъ, нельзя не извинить, потому— отъ природы очень нѣжна, душою очень добра. Иной разъ помогаетъ мнѣ и насчетъ *d'аржанъ*, признаться.

— А у моей по этой части такъ ужъ извини... Сама матыга страшная, истинный врагъ презрѣннаго металла. А вы слышали, у насъ затѣвается представленіе къ наградамъ?

— Слышалъ, да что, Яковъ Васильевичъ, отвѣчалъ Песочкинъ, вдругъ понизивъ голосъ:

Не для меня, увы, сіяетъ
Свѣтило яркое съ небесъ.

— А я такъ иной разъ такъ думаю, сказалъ Щуровъ: — ну чтобы имъ, вспомнить и объ насъ съ вами... Хоть бы на окорочекъ къ празднику, либо на кулячъ тамъ... спасеніе душамъ своимъваслужили бы. Вѣдь даютъ же въ другихъ мѣстахъ и нашему брату, канцелярскому чиновнику.

— Какъ же, во многихъ мѣстахъ... писаря, даже военные, и тѣ получаютъ рублей по пятидесяти.

— Счастливцы... Право иной разъ какъ пораздумаешься, особенно ночью, когда не спится, либо видя какъ другіе благоденствуютъ, такъ даже на свѣтъ бѣлый не хочется глядѣть.

— Кто то нынче избранные, по представленію, любопытствовалъ Песочкин : — вѣдь и тутъ скрытничаютъ, точно боятся помѣхи какой. А кой бѣсъ имъ можетъ помѣшать? Полною властію, какъ говорится, облечены, вольны представить, вольны не представить.

— Конечно... заведеніе такое езуитское, скверное.

— Нѣтъ, Яковъ Васильевичъ, не то, а что несправедливость у насъ крайняя, шемякинское правосудіе... даютъ имущему, а о неимущемъ забываютъ.

При этомъ Песочкинъ бросилъ подъ ноги окурокъ папироски и съ гнѣвомъ началъ затаптывать его, сильно плюнувъ въ сторону.

— Представляется, говорятъ, всего двѣнадцать человѣкъ, возобновилъ Щуровъ: — и нашъ Щеповъ тамъ есть.

— Алексѣй Ивановичъ? неужели? воскликнулъ Песочкинъ.

— Да, представляется, подтвердилъ Щуровъ: — да и пора таки, нужно сказать правду: вѣдь онъ работящій человѣкъ, волъ, можно сказать, сидѣнь бумажный.

— Это правда; кожаное кресло просидѣлъ до дыры.

— Именно... а когда чѣмъ награжденъ былъ, поощренъ? Постоянно обходили бѣднаго... ну, и зашелъ въ долги... въ мелочной лавочкѣ кредитъ потерялъ всякій.

— Слышалъ и я, сказалъ Песочкинъ: — да что онъ роскошно живетъ что ли?

— Какое тамъ роскошно, объяснялъ Щуровъ:—ну сами посудите—получаетъ въ мѣсяцъ всего навсе сорокъ шесть рублей, — тутъ и квартира съ отопленіемъ, и столъ, и воспитаніе дѣтей... у него ихъ трое... двое старшихъ уже ходятъ въ школу... Ну, а одѣться же нужно всему семейству хоть какъ-нибудь тамъ, а тамъ кухарка, мелочи разные—куда! семейному человѣку нѣтъ никакой возможности прожить.

— И тиснуло же его жениться!

— Влюбленъ былъ, говорятъ... тоже сердце не камень, даромъ что гнилюкъ такой.

— Да какой же дуракъ въ настоящее время женится, да еще по любви тамъ? Купцы только да мужики въ деревняхъ... Ну, пожалуй и люби себѣ секретно, коли ужъ натура того требуетъ, а что касается до законнаго брака, атанде-съ, да и все. Нынче всѣ такъ дѣлаютъ.

— Ну, нѣтъ, опровергалъ Песочкина Щуровъ:—ужъ это вы вздоръ изволите говорить; я съ вами рѣшительно несогласенъ... Законная жизнь съ женщиною совсѣмъ другое дѣло.

— Все равно, Яковъ Васильевичъ, утверждалъ Песочкинъ:—рѣшительно все равно, воля ваша.

— Нѣтъ ужъ извини, горячился Щуровъ:—не все равно; съ законною женою и глазъ свѣтелъ... Я могу бывать съ нею вездѣ, у всѣхъ знакомыхъ... и въ благородномъ собраніи, на балѣ... И передъ начальствомъ смѣло могу сказать—вотъ-де это моя жена, честь имѣю представить, ваше превосходительство. А съ дульценеею куда носъ покажешь? въ маскарадъ развѣ какой, на масляной. Получивъ

хоть должность журналиста, въ тотъ же бы день женился на своей Катѣ.

Въ коридорѣ послышался говоръ и топотъ; нѣсколько канцелярскихъ шло сюда для той же цѣли, что и Песочкинъ съ Щуровымъ. Либералы умолкли и, отплевавшись, ушли въ канцелярію, уступивъ мѣсто новымъ курильщикамъ.

Между тѣмъ въ это самое время начальническій тріумвиратъ дѣйствительно рѣшалъ участь представленія, заготовленнаго уже вчернѣ, но перепиской коего еще наканунѣ велѣно пріостановиться. Списокъ лежалъ передъ однимъ изъ двухъ сочленовъ на столѣ; сочленъ, приставивъ къ глазамъ лорнетку, откинулся на спинку кресла, взялъ со стола списокъ и началъ его пробѣгать глазами: тамъ первымъ стояло имя самого читавшаго, вторымъ имя другого сочлена, потомъ секретарь и такъ далѣе, въ строгой постепенности отъ старшаго къ младшему. Кончивъ чтеніе, онъ, нѣсколько подумавъ, сказалъ съ разстановкою:—однако... представленіе у насъ выходитъ порядочно большое... двѣнадцать человѣкъ!..

— И слишкомъ большое, отозвался тотчасъ другой сочленъ, оставляя читать газету, которою занялся было:—я ужъ и самъ объ этомъ думаю.

— Сила Игнатьичъ, обратился сочленъ съ лорнеткой къ секретарю, сидѣвшему за особымъ столомъ, согнувшись надъ бумагами: сколько человѣкъ мы представляли въ прошломъ году?

Сухая, безплотная фигура, состоящая изъ кожи и костей, въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ на одну верхнюю пуговку, съ всегда подвитыми, сѣдыми, подкрашенными волосами, расправилась до половины не вставая, и отвѣчала:—восемь человѣкъ. Тонкія, нѣсколько уже ввалившіяся внутрь губы тотчасъ закрыли широкій ротъ; но онъ оставался въ выпрямленномъ положеніи, видимо въ ожиданіи продолженія начатаго разговора. На безцвѣтномъ его лицѣ съ широкоплоскими въ морщинахъ щеками, не выражалось никакого повидимому признака существованія въ немъ души; но кто хорошо зналъ дѣянія этой личности, ея жолчность и крайнее властолюбіе, тотъ положительно доказалъ бы вамъ, что душа въ этой муміи есть, и душа злая.

— Во...семь, протянулъ спрашивавшій, а потомъ самъ же себѣ отвѣчалъ:—да, точно восемь человѣкъ, помню... А нынче вдругъ четырьмя больше! А въ запрошломъ году?

— Девять человѣкъ, отвѣчалъ секретарь.

— Помню... насъ двое (сочленъ съ лорнеткой разумѣлъ себя и другого сочлена); вы, (онъ показалъ на секретаря), Сберегаевъ, Пожраевъ... однимъ словомъ—девять человѣкъ. А теперь вдругъ двѣнадцать человѣкъ!.. не слишкомъ ли это будетъ?

— Мнѣ тоже кажется, подтвердилъ членъ безъ лорнетки:—а главное, представленіе наше чрезъ это можетъ не имѣть успѣха.

— И очень, соглашался членъ съ лорнеткою.

— И мы съ вами просто напросто получимъ отказъ.

— Очень можетъ случиться, тѣмъ болѣе, что теперь всѣ такъ хлопочутъ о сокращеніи расходовъ.

— По моему, вычеркнуть нужно нѣкоторыхъ.

Сказавъ это, членъ безъ лорнетки всталъ съ креселъ, подошелъ къ сочлену съ лорнеткою и, просмотрѣвъ списокъ, добавилъ:—хоть бы вотъ этихъ напримѣръ четверыхъ послѣднихъ... Онъ показалъ пальцемъ въ спискѣ. Въ это же время подошелъ сюда и секретарь и посмотрѣлъ, на кого показываетъ членъ безъ лорнетки. А членъ съ лорнеткою, прочитавъ этихъ четверыхъ, продолжалъ: — мы ихъ включили нынче, кажется, собственно потому, что они давно что-то не были представляемы... лѣтъ по десяти, кажется.

— Это такъ, лѣтъ по десяти, отвѣчалъ секретарь:—да только не одни же они не были представляемы, а и многіе... невозможно всѣхъ удовлетворить.

— Совершенно справедливо, но эти четверо какъ-то тамъ порядочнѣе другихъ?

— Ничего особеннаго... они и должны быть порядочными, иначе и на службѣ терпимы быть не могутъ.

— Ваша правда, подтвердилъ членъ безъ лорнетки, опять усѣвшись на своемъ мѣстѣ:—порядочность есть долгъ, а не заслуга.

— Они вонъ, продолжалъ секретарь:—безпрестанно жалуются и на бѣдность... такъ ужъ привыкли... бѣдность ихъ точно прорванный мѣшокъ, котораго ничѣмъ никогда не наполнишь... Я только знаю, что ежели этихъ четверыхъ представимъ, то тогда и всѣ претендовать будутъ на представленія.

— Именно, поддерживалъ все тотъ же господинъ безъ лорнетки:— ихъ не надобно баловать... Не будутъ видѣть примѣра—и претендовать не станутъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣйствительно нужно вычеркнуть вотъ этихъ

четверыхъ, членъ съ лорнеткою отнесся къ члену безъ оной. А этотъ добавилъ:

— Я вамъ говорю, что они были бы и для насъ съ вами помѣхой, если бы ихъ представить.

Членъ съ лорнеткою взялся уже за перо, но остановился и еще спросилъ секретаря: — а этотъ Щеповъ — каковъ онъ?

— Очень обыкновенный, былъ отвѣтъ секретаря: — ропотливъ порядочно... безпрестанно роется въ бумагахъ... грудью только кажется и беретъ, трудомъ чрезмѣрнымъ. А что всего несноснѣе въ немъ — большой охотникъ разсуждать.

— О, я и самъ не люблю этихъ философовъ, замѣтилъ на это членъ: — если вы говорите, онъ ропотливъ, то и бездарный непремѣнно, бездарность же не слѣдуетъ поощрять.

— Это такъ, отозвался членъ безъ лорнетки.

— Пятичасовой трудъ его, продолжалъ секретарь: — я всякій разъ пробѣгалъ въ пять минутъ... жалуется, что онъ семейный — да кто же тутъ виноватъ? Строго говоря, семейныя дѣла чиновника совершенно постороннее дѣло для службы... Конечно, для лицъ заслуженныхъ должны быть исключенія, но не для всякаго же.

Членъ съ лорнеткою молчалъ, а членъ безъ лорнетки одобрилъ секретаря легкимъ наклоненіемъ головы. Засимъ, тріумвиратъ обсужденіемъ своимъ остался совершенно доволенъ, и четыре чиновника изъ представленія вычеркнуты; на ихъ имена и прозванія легли огромныя чернильныя полосы и были присыпаны золотистымъ пескомъ. Секретарь тотчасъ взялъ представленіе и спросилъ: — къ завтрешнему дню прикажете приготовить?

— Непремѣнно, пожалуйста... Пора, отвѣчалъ членъ вычеркнувшій: — завтра же надобно доложить для подписи и Василію Григорьевичу (имя предсѣдателя), да и представить.

По окончаніи присутствія, секретарь позвалъ къ себѣ въ камеру писца Горькаго, штучку маленькую и неказистую, но обладавшую изряднымъ почеркомъ, сообщившую, какъ вы помните читатель, радостную вѣсточку Алексѣю Ивановичу, и велѣлъ ему придти къ себѣ вечеромъ для переписки бумаги. — Только повторяю тебѣ, сказалъ секретарь Горькому: — ты долженъ быть какъ можно болѣе скроменъ... Понимаешь, о какого рода скромности я говорю?

— Какъ же-съ, Сила Игнатьевичъ, странно осклабясь, отвѣчалъ

Горькій: — очень понимаю... Значитъ, насчетъ содержанія бумаги никому...

— То-то... содержаніе будетъ тоже, что и во вчерашней черновой, только лицъ представляемыхъ поменьше.

— Слушаю съ... Мнѣ лестно, что изволите поручать мнѣ такую переписку, повѣрьте—откровенно говорю съ.

— То-то. Старайся и впередъ не лишаться этого предпочтенія.

Горькій шаркнулъ ножкой и поклонился секретарю. Уходя однакоже съ полученнымъ приказаніемъ, онъ думалъ: развѣ что онъ примѣтилъ, что такъ это говоритъ!.. Сохрани Боже... я, кажется, никому ничего... сохрани Боже... Сказалъ я одному только Алексѣю Ивановичу, такъ я знаю, что онъ никогда не выдастъ... не такой человѣкъ... Просто, должно быть, по случаю важности бумаги Сила Игнатьичъ это такъ изволитъ приказывать.

Часу въ шестомъ вечера Горькій сидѣлъ уже въ кабинетѣ Силы Игнатьича, за столомъ, между двухъ свѣчъ и переписывалъ представленіе, съ полнымъ сознаніемъ важности этого дѣла. Самъ секретарь отправился куда-то на вечеръ. Съ отличною тщательностію ставилъ Горькій букву за буквой, соединяя ихъ тончайшимъ почеркомъ; нижняя челюсть его рта, безсознательно для него самого, дѣлала преуморительныя движенья, какъ бы помогала писавшей рукѣ. Написавъ одну страницу, онъ остановился перевести духъ. Между тѣмъ взоръ его упалъ на четыре помарки въ черновой бумагѣ, покрывшіе вѣчнымъ мракомъ четыре имени, изъ коихъ имя Щепова стояло послѣднимъ.

— Шутка ли, сказалъ онъ самъ себѣ:—изъ двѣнадцати человѣкъ съѣхали на восемь... Что имъ? зачеркнули да и все, какъ и не было четырехъ. Особливо жалко мнѣ Алексѣя Ивановича... вѣдь ужь и вспомнили было о человѣкѣ, въ черновой списокъ внесли, оставалось только переписать набѣло да представить, такъ нѣтъ же тебѣ! Какъ нѣтъ человѣку счастія, ничто не поможетъ. А я еще и глупость сдѣлалъ—поздравилъ его почти... вѣдь вотъ натура у меня скверная... самъ знаю, что чрезъ это погибнуть можно на вѣки, а не утерпѣлъ, разсказалъ... И добро бы хоть такъ и состоялось оно, а то—на тебѣ! пузырь мыльный вышелъ пребольшущій, утка или селезень, какъ тамъ въ газетахъ говорятъ. Совѣстно теперь будетъ и въ глаза ему глядѣть... Подумаетъ, вотъ враль-то человѣкъ, пустомеля... Наговорилъ чего и не бывало совсѣмъ... встревожилъ

только меня понапрасну. Одначе я что же тутъ причиною? Я сообщилъ ему какъ было, сущую правду, единственно по расположенности своей, по доброжелательству, такъ какъ мы же съ нимъ и семейно знакомы...

Горькій осторожно перевернулъ исписанную страницу на другую сторону, взялъ перо, осмотрѣлъ его самый кончикъ и тщательно вытеръ тряпочкою, изъ кармана вынутою и обратно спрятанною. Потомъ онъ всталъ, робко заглянулъ въ залу, слабо освѣщенную выходившимъ изъ передней свѣтомъ, и удостовѣрившись, что въ ней нѣтъ никого, онъ продолжалъ шопотомъ и садясь опять за столъ:

— Придется и теперь предварить Алексѣя Ивановича, что Богъ дастъ, а придется... не ужъ ли же онъ сглупитъ, да выдастъ меня! Для его же дѣла рѣшаюсь на этакое, можно сказать, нарушеніе канцелярской тайны... Скажу, что вотъ что-де случилось по вторичномъ разсмотрѣніи черновой: вычеркнули васъ, Алексѣй Ивановичъ, почтеннѣйшій, неизвѣстно мнѣ по какому случаю, а только вычеркнули изъ представленія... По крайней мѣрѣ я себя-то очищу передъ нимъ... не будетъ человѣкъ обо мнѣ худо, по крайнѣй мѣрѣ, думать тамъ... увидитъ, что истинно усердствую ему, а не то-что...

Горькій еще разъ осмотрѣлъ кончикъ пера и занялся перепискою. Онъ кончилъ ее часу въ девятомъ. Возвращаясь домой и проходя мимо домика, въ которомъ квартировалъ Щеповъ, Горькій замѣтилъ сквозь неплотно пристававшую къ окну стору, какъ жена Алексѣя Ивановича сидѣла за своимъ плохенькимъ фортепьянишкомъ и что-то довольно веселое играла; двое старшихъ ея дѣтей кружились посреди комнаты, а третій ребенокъ ползалъ у ногъ ея на полу. Самого отца семейства не видно было.

— Не зайти ли мнѣ къ нимъ теперь же, да предувѣдомить, подумалъ Горькій, заглянувъ сквозь стору: — да нѣтъ, что за сумасшедшій я буду, въ самомъ дѣлѣ; вѣдь вотъ они, въ блаженномъ невѣденіи своего горя, веселятся себѣ подомашнему, а я появлюсь вдругъ съ такою вѣстію, точно какъ бы для того, чтобы лично, Боже меня сохрани, насладиться, такъ сказать, ихъ горестію, радость превратить въ печаль... сатанинское что-то было бы... Лучше я завтрешній день шепну ему въ должности... и то этакъ исподволь, легонько сперва, а не сразу точно обухомъ изъ за угла.

Горькій, постоялъ еще съ полминуты, надвинулъ фуражку на лобъ и поспѣшилъ домой.

III.

На другой день Щеповъ и Горькій стояли уединенно въ длинномъ коридорѣ при канцеляріи у окна и разговаривали. Рано они пришли сегодня въ должность — одинъ одушевленный надеждою на награду, вслѣдствіе чего почти цѣлые дни просиживалъ въ должности надъ бумагами, а другой въ ожиданіи новыхъ какихъ либо приказаній отъ Силы Игнатьича, а въ особенности, чтобы сообщить Щепову о неблагопріятномъ для него оборотѣ представленія, пока еще въ канцелярію не всѣ служащіе собрались и слѣдовательно удобнѣе можно поговорить.

— Неужели? помертвѣвъ и глухо спросилъ Щеповъ Горькаго, услышавъ отъ него вѣсточку касательно себя:—неужели, Веньяминъ Егорычъ?

— Вѣрно-съ, Алексѣй Ивановичъ, отвѣчалъ Горькій: какъ Богъ святъ, вѣрно-съ. Иначе развѣ я смѣлъ бы смущать васъ такою, можно сказать, убійственною новостью? Я переписывалъ, какъ же мнѣ не знать?

— Нѣтъ, Веньяминъ Егорычъ, не то хотѣлъ я сказать... въ вѣрности вашихъ ужасныхъ словъ я не могу сомнѣваться... Что же бы это значило? Отчего такая перемѣна послѣдовала?

— Понять не могу, Алексѣй Ивановичъ, а только что точно такъ, какъ я вамъ докладываю. Въ первомъ представленіи вы были, именно послѣднимъ стояли, ну, а по вторичномъ разсмотрѣтіи начальствомъ черновой, смотрю ужъ васъ и вычеркнули. Я такъ и ахнулъ, признатнья, отъ огорченья, такъ какъ я всегда былъ душевно вамъ преданъ.

— Благодарю васъ, Веньяминъ Егорычъ. И только я одинъ и вычеркнутъ?

— Нѣтъ, и еще трое другихъ.

— Кто такіе?

— Извольте, Алексѣй Ивановичъ, я и это готовъ вамъ сообщить, безъ всякой опаски для себя... никому другому ни за что не скажу, но вамъ готовъ, чтобы вы не такъ смущались: не съ однимъ вами

случилась такая непріятность... вы не захотите меня погубить, никому не скажете?

— Будьте увѣрены... Неужели же я такой неблагодарный?

— Извольте.

И Горькій сказалъ имена и фамиліи трехъ другихъ, вычеркнутыхъ изъ представленія. Но Щеповъ уже болѣе ничего не слыхалъ, и только развелъ руками, выпустивъ изъ груди тяжелый вздохъ. Неожиданность эта, казалось, лишила его вдругъ способности мышленія и онъ съ минуту простоялъ молча, не сводя глазъ съ той точки на полу, на которой они остановились послѣ вздоха.

— Вы однако, прервалъ молчанье Горькій:—не печальтесь такъ объ этомъ, Алексѣй Ивановичъ, ей богу не печальтесь, мужайтесь такъ сказать... Что дѣлать... Богъ милостивъ... можетъ быть, онъ другимъ какимъ-либо способомъ помилуетъ васъ.

— Нѣтъ мнѣ теперь никакого спасенія, никакого выхода изъ затруднительныхъ моихъ обстоятельствъ.

— Отчего же, помилуйте!.. А мнѣ такъ кажется, что все еще можетъ поправиться.

— Какимъ образомъ? ради Господа Бога, скажите, научите — какимъ!

— Учить я не смѣю, Алексѣй Ивановичъ, а только что думаю, не попросить ли бы вамъ хорошенько Силу Игнатьича, а послѣ и высшее начальство, членовъ.

— Да вѣдь поздно уже.

— Ничего, представленіе еще не подписано господиномъ предсѣдателемъ... Да можетъ сегодня и не будетъ подписано... Я сейчасъ отъ дежурнаго слышалъ, что ежели часовъ въ двѣнадцать не позоветъ съ докладомъ, то ужъ завтра, въ десять часовъ... Право, Алексѣй Ивановичъ, я совѣтовалъ бы... Покрайности, съ своей стороны вы тогда употребите всѣ возможныя мѣры, на себя пенять не будете. А то другой разъ и думка, такъ сказать, мучитъ человѣка, что вотъ де не сходилъ я туда-то, не попросилъ того-то, можетъ и поправилось бы дѣло. Я по себѣ знаю это... случалось и со мною, откровенно вамъ скажу.

— Ну, хорошо. Неужели же вы думаете, что для меня захотятъ передѣлывать представленіе? Вѣдь это было бы неслыханное диво.

— Могутъ приказать просто приписать васъ... мѣста довольно тамъ... были примѣры... Помните—Затеркинъ?

— Какъ же, помню.

— Ну, вотъ извольте видѣть... минутное дѣло, такъ сказать... все возможно-съ для нихъ. Конечно, вы якобы ничего не знаете и не вѣдаете о томъ, что васъ изъ представленія выключили, а будете прямо просить о представленіи васъ въ числѣ прочихъ.

Алексѣй Ивановичъ задумчиво прошелся по коридору.

— А насчетъ не то что приписки, а и переписки всего представленія вновь, продолжалъ Горькій: — заикнись только Сила Игнатьичъ, и у меня все готово, черезъ двадцать минутъ все будетъ готово.

Проситель, обиватель пороговъ, жалкое существо лакейской, вполнѣ зависящее отъ прихоти и произвола сильнаго міра сего, — чѣмъ ближе онъ подходитъ къ его порогу, тѣмъ учащеннѣе бьется въ немъ сердце, какое-то безпокойство овладѣваетъ имъ, рѣшимость начинаетъ колебаться и въ головѣ уже возникаютъ вопросы: идти или нейдти? Просить мнѣ его или нѣтъ? Ну, что если онъ да откажетъ? вѣдь только досада одна... Но онъ безсознательно повинуется механическому движенію ногъ своихъ; вотъ онъ уже у подъѣзда, на лѣстницѣ, робко берется за ручку замка двери въ переднюю; замокъ, какъ на зло, громче обыкновеннаго звякаетъ, точно хочетъ сказать: и взяться-то ты не умѣешь за порядочную ручку; дверь пропущаетъ, или лучше сказать, поглощаетъ его своею огромною пастью и выбрасываетъ вдругъ въ переднюю: тутъ всѣ предметы, за одно съ развалившейся на ясеневыхъ скамьяхъ прислугой, небрежно оглядываютъ просителя съ ногъ до головы и хоть они не сказали еще ни слова, но на лицахъ ихъ очень ясенъ вопросъ: что вамъ нужно? И потомъ подозрительный взглядъ, выражающій такую сентенцію: попрошайка тоже какая нибудь. Все это вдругъ промелькнуло въ головѣ Алексѣя Ивановича и отозвалось мучительною болью въ сердцѣ. Но зубъ грызущей нужды такъ хорошо ему знакомъ, что онъ употребляетъ надъ собою отчаянныя усилія, чтобы заглушить въ себѣ идеи подобнаго рода. Лучше обида и униженіе, безсильныя впрочемъ, чѣмъ эта пригибающая ниже земли нужда.

— Да, больше ничего не остается, сказалъ Щеновъ: — какъ только попросить... начну съ Силы Игнатьича.

И онъ ощупалъ рукою — на всѣ ли пуговки застегнутъ вицъ-мундиръ.

— И начинайте съ Богомъ! подкрѣпилъ Горькій: — я и перышко хорошенькое приготовлю, и транспарантикъ... въ одну секундочку, такъ сказать, перемахну, только бы далъ вамъ Богъ успѣхъ.

Щеповъ молча пожалъ руку Горькому и пошелъ въ канцелярію.

— Присовѣтовалъ бы вамъ я, Алексѣй Ивановичъ, еще нѣкоторыя слова на сей случай, сказалъ Горькій, идя позади Щепова:—да не знаю, какъ примете.

— Какія слова?

— Многіе надъ этимъ смѣются, а напрасно... Есть такія слова противъ отказа и противъ гнѣва со стороны начальника, къ которому идете. Если ихъ сказать передъ самымъ входомъ къ начальнику, отказа не будетъ.

— Какія же это слова?

— Нужно только сказать: помяни Господи царя Давида и всю кротость его, да и еще поименовать кого изъ нашихъ царей... царя Петра, царя Алексія.

— Это не трудно... и помогаетъ дѣйствительно?

— Какже-съ... Многіе это дѣлаютъ и получаютъ желаемое, повѣрьте-съ... Потому собственно — религія тутъ, вѣра, Алексѣй Ивановичъ.

Они вошли въ канцелярію.

Но я намѣренъ нѣсколько подробнѣе сказать о секретарѣ, которого сбирается просить Алексѣй Ивановичъ. Выше я упомянулъ, что Сила Игнатьичъ Мирошкинъ былъ особа безплотная, состоявшая только изъ кожи и костей; безконечныя его сухія ноги, за неимѣніемъ живота, начинались прямо отъ сухой груди и шагали съ видимою для себя опасностью вдругъ хрустнуть и повлечь за собою паденіе всей персти. Казалось бы, что въ такомъ тѣлѣ ничего не можетъ быть, кромѣ немощи и полнаго равнодушія ко всему житейскому,—но не тутъ-то было! Сейчасъ вы увидите, что особа Силы Игнатьича была одушевляема двумя демонами — тщеславіемъ и низостію, овладѣвшими его дрянной натуришкой, подобно черному херувиму въ Divina Comedia, завладѣвшему трупомъ одного покойника. Сила Игнатьичъ, происходя изъ весьма недавняго благородія, слѣдовательно личнаго дворянства, былъ однако весьма щекотливъ насчетъ давности своей яко бы дворянской генеалогіи и дѣда своего честнаго торговца, и насильственнымъ образомъ вталкивалъ въ дворянскій родъ однофамильцевъ, ни сномъ, ни духомъ невѣдавшихъ его. Мало того: посредствомъ низенькой, широкоплечей супруги своей, на тридцатой веснѣ своего дѣвства вступившей съ нимъ въ брачныя узы, Сила Игнатьичъ всѣми силами души своей причислялъ се-

бя даже къ аристократическому кругу. Три раза въ годъ Сила Игнатьичъ давалъ у себя вечера, во чтобы то ни стало; приглашаемы были два превосходительства и одно спекулирующее, въ конецъ раззорившееся сіятельство азіятскаго происхожденія. И Боже мой, какимъ блаженствомъ дарили его подобные гости! Какъ тонкая лоза, Сила Игнатьичъ предъ ними изгибался, предупреждалъ малѣйшія ихъ желанія, сажалъ въ самыя удобныя кресла и поминутно титуловалъ ихъ: да вѣдуютъ невѣдующіе, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и связи. Такъ иногда красавица случайной своей улыбкой сводитъ съума урода и внушаетъ ему о его наружности и цѣломъ сложеніи отличное мнѣніе, не смотря на всѣ противорѣчія зеркала. На другой день послѣ такихъ вечеровъ, Сила Игнатьичъ казался для своихъ подчиненныхъ въ канцеляріи недосягаемо великимъ; величественно выходя къ нимъ изъ присутственной камеры и встречаемый нижайшими поклонами, онъ и не кивнетъ даже головою, щуритъ глаза и, будтобы не дослышивая, наставляетъ къ уху ладонь, чѣмъ самымъ заставляетъ раза по два и по три повторять одни и тѣ же слова. Были однако же отвратительнѣйшіе случаи, рѣзко дававшіе Силѣ Игнатьичу замѣтить, что дѣйствительные, настоящіе-то аристократы далеко отъ него, какъ журавли въ небѣ. Но онъ въ такомъ случаѣ, обманывая самого себя, говорилъ самому же себѣ: — не совсѣми же мнѣ перезнакомиться... Это невозможно. Было и еще у него одно глубокотаимое горе: предсѣдатель держалъ себя относительно Силы Игнатьича очень далеко, на непроходимой дистанціи, и разговаривалъ съ нимъ лишь по службѣ. Положимъ, это бы еще ничего; предсѣдатель, можетъ быть, отъ природы не словоохочъ. Главное то, что онъ не только никогда не называетъ Силу Игнатьича по имени и отчеству, какъ это дѣлаютъ извѣстные уже намъ члены, но даже и по должности, а просто — Мирошкинымъ, даже и не господиномъ Мирошкинымъ, просто, я вамъ говорю, Мирошкинымъ. И хоть бы Сила Игнатьичъ заслуживалъ такую холодность, а то, повѣрьте, при входѣ съ бумагами въ предсѣдательскій кабинетъ, онъ останавливался буквально у самыхъ дверей, отвѣшивалъ поклонъ, какъ другой набожный человѣкъ иконѣ, не разъ подавалъ онъ и шубу или пальто, подсаживалъ въ карету, но нѣтъ, ничто не брало! — Мирошкинымъ называетъ да и полно. Разумѣется, душа Силы Игнатьича сильно страдала отъ такой неподатливости начальника, мучилась и терзалась до сухотки тѣла, до потери аппетита и сна. За-

лечивалось и успокоивалось его уязвленное сердце только въ канцеляріи: тутъ для его самолюбія успѣхъ былъ болѣе чѣмъ вѣрный: подчиненные твердо знали, что Сила Игнатьичъ не любитъ никакихъ возраженій, какъ бы тамъ они ни были резонны, ну, и не возражали ему никогда ни единымъ словомъ; знали, что онъ не любитъ слушать разсужденій подчиненныхъ и не разсуждали. Не любитъ Сила Игнатьичъ, чтобъ его подчиненные разговаривали съ нимъ смѣло, какъ бы съ нѣкоторою дерзостію, ну, и они обращаются къ нему рабски, съ полнымъ благоговѣніемъ. Пуще огня опасаются они о корбить его чѣмъ-либо подобнымъ, зная, что близость и короткость его съ старшимъ начальствомъ будетъ вѣрною порукою гибели для смѣльчака.

Одиннадцать часовъ утра. Секретарская мумія, согнувшись, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, закутанная въ ватный халатъ и фланелевый платокъ, потонувъ въ креслахъ и изрѣдка прихлебывая изъ стакана чай. Въ передней несмѣло звякнулъ колокольчикъ и чрезъ минуту служанка доложила Силѣ Игнатьичу:—чиновникъ Щеповъ пришелъ.

— Вели ему тамъ подождать.

Служанка ушла. Прошло минутъ пять; въ это время Сила Игнатьичъ досталъ изъ коробочки съ полдюжины визитныхъ карточекъ и разложилъ ихъ на столѣ; вынулъ изъ столоваго ящика какія-то письма и небрежно бросилъ ихъ тоже на столъ; потомъ онъ сѣлъ, опрокинулся на спинку кресла, вытянулъ ноги и принялъ небрежную позу; потомъ позвалъ ту же служанку и приказалъ ей звать Щепова. Алексѣй Ивановичъ проскользнулъ чрезъ небольшую порядочно убранную залу, мелькомъ увидѣлъ въ зеркалѣ свою бѣдную въ поношенномъ вицъ-мундирѣ фигуру, рѣзко отличавшуюся отъ лака, бронзы и штофной матеріи, и поворотился направо, въ кабинетъ.

— Это вы! встрѣтилъ его Сила Игнатьичъ, какъ бы съ удивленіемъ:—по походкѣ мнѣ показалось—статскій совѣтникъ Звѣздкинъ, да и думаю — что это онъ такъ рано безпокоитъ меня... Садитесь.

— Покорно васъ благодарю.

Алексѣй Ивановичъ поклонился и сѣлъ у самыхъ дверей, на уголокъ стула, держа въ рукахъ свою потертую шляпу.

— Вы имѣете вѣроятно что нибудь сказать, началъ Сила Игнатьичъ.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, сказалъ Щеповъ, вставъ со стула.

— Объ чемъ это?

— О себѣ самомъ, Сила Игнатьичъ. Просить за себя совѣстно какъ то, слова не находишь, но крайность меня заставляетъ.

— Говорите, ничего. Надобно же сказать, если вы за тѣмъ пришли...

— Это справедливо... Будьте такъ добры, Сила Игнатьичъ, походатайствуйте, чтобы меня хоть въ нынѣшнемъ году представили къ чему нибудь.

— Васъ? къ чему же именно?

— Хоть къ полугодовому окладу жалованья, такъ какъ я человѣкъ семейный и крайне бѣдный.

— Не худого просите, замѣтилъ Сила Игнатьичъ, едва сдерживая ядовитую улыбку:—только это не отъ меня зависитъ... Просите кого постарше.

— Я васъ покорнѣйше прошу, какъ ближайшаго моего начальника. Ходотайство ваше о подчиненномъ будетъ уважено.

— Объ этомъ судить не беритесь, господинъ Щеповъ... Положимъ я имѣю здѣсь голосъ и право на нѣкоторое уваженіе этого голоса, но все таки ничего не могу вамъ обѣщать.

— Умоляю васъ, Сила Игнатьичъ... Вы изволите знать всю мою службу; я не изъ лѣнивыхъ, всегда на лицо и долгъ свой исполняю какъ слѣдуетъ... Замѣчаній особыхъ отъ васъ никогда не получалъ, бумаги мои завсегда изволите одобрять.

— Все это такъ, но я долженъ вамъ сказать, что теперь поздно хлопотать о наградѣ: представленіе рѣшено и приготовлено совсѣмъ.

— Сила Игнатьичъ, я буду стараться всѣми силами и на будущее время заслужить ваше вниманье.

— Не могу, господинъ Щеповъ, поздно.

— Помилуйте, въ прошломъ году Затеркинъ приписанъ былъ въ представленіи уже во время самаго доклада его превосходительству.

— Мало ли что... Подобнаго случая вы не должны ставить для себя въ примѣръ.

— Почему же-съ, Сила Игнатьичъ?

— Да потому... Тамъ были особыя причины... Затеркинъ лично извѣстенъ господамъ присутствующимъ по нѣкоторымъ услугамъ; а за васъ что я скажу?

— Такъ хоть по человѣчеству, изъ состраданья... я уже не смѣю говорить ни о трудахъ моихъ, ни о нуждахъ семейныхъ.. ради Бога, ради человѣчества.

— Какое тамъ человѣчество — все это вздоръ. Служба требуетъ безкорыстія и такъ сказать самопожертвованія. Эй! Пашка, закричалъ секретарь, вдругъ вставъ съ креселъ и идя въ другую комнату: — не присылалъ ли ко мнѣ сегодня генералъ Лахтинъ человѣка?

Отвѣтъ Пашки не былъ слышенъ.

— Прошу извинить, кончилъ секретарь, обратясь къ Алексѣю Ивановичу: — мнѣ право теперь некогда съ вами толковать... да и вамъ нужно идти въ канцелярію заниматься.

И онъ ушелъ. Алексѣй Ивановичъ остался одинъ: съ минуту простоялъ онъ неподвижно, потомъ вдругъ повернулся и вышелъ въ коридоръ, отдѣлявшій квартиру секретаря отъ канцеляріи, почти бѣгомъ миновалъ двери канцеляріи, спустился внизъ и вышелъ на улицу, не надѣвая шляпы-ветеранки; въ такомъ видѣ онъ дошелъ уже до средины улицы и тутъ только опомнился, надѣлъ шляпу, но и то какъ-то бокомъ, вовсе не замѣчая того. Голова у него горѣла, глаза были мутные и колѣнки видимо подгибались подъ дрожавшимъ туловищемъ. Не пойдти ли попросить повыше? подумалъ онъ про себя: — авось сжалится его пр—ство. Да нѣтъ, отвѣтилъ онъ тутъ же самъ себѣ, и судорожно махнулъ рукой: — куда мнѣ лезть съ моимъ рыломъ къ его превосходительствамъ. Порѣшивъ на этомъ, Алексѣй Ивановичъ тихонько поплелся домой. Возвращаясь передъ свѣтлыя очи своей Машиньки, онъ собиралъ всѣ силы души, чтобы не проронить ни одного тоскливаго слова, не подать никакого признака горя; онъ долженъ казаться, во что бы то ни стало, передъ своими домашними если не веселымъ, то по крайней мѣрѣ спокойнымъ, въ обыкновенномъ состояніи духа. Боже мой, какъ это трудно и тяжело! да и возможно ли, удастся ли ему такое притворство? Машенька такъ умѣетъ понимать его настроеніе, такъ приноровилась къ привычкамъ и свойствамъ Алексѣя Ивановича, что почти всегда по глазамъ даже узнаетъ о его внутреннемъ состояніи. Легко ли скрыть въ глазахъ то, что дѣлается внутри насъ! Легко ли заставить языкъ молчать, или говорить самый веселый вздоръ, тогда какъ на сердцѣ кошки скребутъ! Можно задержать въ груди вздохъ, не выпускать его вонъ, подавить его въ себѣ, но заставить глаза, чтобы они при глубочайшемъ горѣ, смотрѣ-

ли весело, смѣялись такъ сказать, когда душа плачетъ,—можно ли? Какъ ни хитри, какъ ни владѣй собою, а сквозь эти два просвѣта души непремѣнно выгленетъ на свѣтъ божій то, что мы прячемъ въ себѣ отъ другихъ. Но Алексѣй Ивановичъ рѣшился непремѣнно скрыть свое горе передъ семействомъ, покрайней мѣрѣ до времени, и обнаружить его впослѣдствіи не вдругъ, не разомъ, а постепенно, всячески уменьшая его силу, не придавая особой важности Боится только онъ, чтобы Машенька его не заглянула прямо ему въ лицо, не посмотрѣла въ глаза. Ну что ежели она, думаетъ Алексѣй Ивановичъ:—да узнаетъ все, узнаетъ, что вся наша надежда поправиться и расплатиться съ долгами вдругъ рушилась, навсегда рушилась? Вѣдь теперь мы не только не въ состояніи будемъ заплатить долги, исправить вопіющія, необходимыя свои нужды, а и потеряемъ всякое довѣріе у добрыхъ людей, всякую вѣру въ честное слово. И что теперь сама жена моя вправѣ подумать обо мнѣ? что я за мужъ такой, ежели не въ состояніи прокормить свою семью? Вѣроятно, я человѣкъ самый бездарный, неспособный, если начальство не удостоиваетъ меня никакимъ поощреніемъ... Чортъ ли въ моемъ долгосидѣньи за бумагами, во всей этой коптильнѣ, если въ ней ни на волосъ нѣтъ проку ни для меня, ни для службы! Послѣ этого жена непремѣнно должна презирать меня, или пожалуй смотрѣть на меня съ крайнею жалостью, что еще хуже. Вотъ, подумаетъ она, съ какимъ человѣкомъ связала я судьбу свою!

Проходя мимо лабазника, своего кредитора, стоявшаго и теперь какъ и всегда, на порогѣ своего лабаза, Алексѣй Ивановичъ старался не глядѣть въ ту сторону, вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ безъ всякой надобности сморкаться, ускоряя между тѣмъ свои шаги: но почтенное купеческое званье твердо держалось своей политичности,—и Щеповъ надъ своею головою услышалъ:—наше вамъ почтенье-съ, Алексѣй Ивановичъ! — Убирайся ты и съ почтеньемъ своимъ, пробормоталъ про себя Алексѣй Ивановичъ, прикоснувшись однако же къ краю своей шляпы и немного повернувъ къ лабазнику голову. Подойдя къ своей квартирѣ, Щеповъ увидѣлъ въ окнахъ дѣтей своихъ и жену, которые ему улыбались и кланялись. Великанъ-кухарка отперла дверь подъѣзда. Увидѣвъ его галоши полные воды и панталоны чуть не доколѣнъ замоченные, она невольно вскрикнула:—экъ вы, баринъ! точно ребенокъ малый... али вы въ яму гдѣ угодили, что ли? На замѣчаніе кухарки Щеповъ

не отвѣчалъ ни слова. Раздѣвшись и оправившись, онъ сѣлъ за столъ, надъ которымъ уже клубился сизый паръ отъ миски съ картофельною похлебкою. Первый разъ въ жизни теперь не хотѣлось бы ему быть съ семействомъ, тяжелы и невыносимы казались ему взгляды дѣтей и жены, но онъ храбро поднялъ глаза свои на нихъ и заговорилъ.

— А что, Паша, хорошо ты сегодня училась?

— Хорошо, папенька, отвѣчала дѣвочка:—изъ священной исторіи мнѣ сегодня четыре, изъ чистописанья пять.

— Очень радъ, учись такъ и всегда. А тебѣ, Митя, сколько учительница поставила?

— А ему, папенька, отвѣчала та же дѣвочка, и не кончивъ отвѣта, наклонилась къ самому уху своего маленькаго брата, шопотомъ сказала ему:—а что, а я скажу... Мальчикъ энергически толкнулъ ее ногою и отвернулся.

— Сколько же ему? допрашивалъ отецъ.

— Онъ сегодня кругомъ виноватъ, отвѣчала за Митю маменька:—кромѣ того, что учился плохо, еще и тетрадь свою выпачкалъ въ чернилахъ... Учительница поставила ему единицу даже въ поведеніи.

— О-о! какъ же такъ ты, Митя?

Мальчикъ началъ тереть свои глаза и готовился заплакать.

— Плохо, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, плохо, что-то ты частенько сталъ полѣниваться.

— Ну, онъ поправится, замолвила Марья Львовна:—не будетъ лѣниться.

— Не будешь, Митя?... ну полно же, перестань, кушай... А учительница, добавила она, обратясь къ мужу:—прислала сегодня съ дѣтьми записку.

— Объ чемъ? спросилъ Алексѣй Ивановичъ, хотя тужъ минуту и самъ догадался о чемъ, и его какъ-будто что кольнуло.

— Извѣстно объ чемъ, объ деньгахъ... боится, что не заплатимъ... у меня, говоритъ, платятъ всѣ за каждый мѣсяцъ впередъ, а вы, вотъ уже девять мѣсяцевъ слишкомъ, ничего не платите...

Марья Львовна подала записку Алексѣю Ивановичу.

— Предосадно ей-богу и преобидно .. Не знай я, что мы скоро съ нею расплатимся—дай вотъ только Богъ скорѣе получить тебѣ награду — я готова бы рубашку съ себя продать, да расплатиться, такъ она обидно пишетъ.

Алексѣй Ивановичъ держалъ передъ глазами своими записку и какъ будто читалъ ее, на самомъ же дѣлѣ онъ не читалъ: содержаніе ея уже извѣстно, и довольно. Онъ слушалъ жену и каждое ея слово пронимало его то потомъ, то холодомъ. Онъ дѣлалъ надъ собою величайшія усилія, чтобы казаться спокойнымъ. Марья Львовна, растроенная требованіемъ учительницы, не замѣчала этого и продолжала.

— Не слышно, къ празднику наградъ не раздадутъ вамъ?

— Нѣтъ, Машенька, глухо отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ну, да. Такъ ты знаешь что, Алексѣй, ты попроси у казначея въ счетъ награды, да и отошлемъ ей съ дѣтьми... Оставимъ себѣ только немножко на праздникъ разговѣться.

— Попрошу, Машенька, постараюсь.

— А на праздникахъ, какъ выйдетъ твоя награда, онъ и вычтетъ себѣ, сколько ты возьмешь... для него вѣдь все равно.

— Все равно, конечно.

— Досадно мнѣ еще на кухарку нашу... до сихъ поръ молчала насчетъ денегъ, а тутъ точно сговорилась... и ей понадобились... въ деревню, говоритъ, нужно послать своимъ... шутка ли, за полгода мы ей должны, гдѣ же такъ сразу ей взять?... Получимъ вотъ на праздникахъ, такъ и ей отдадимъ...

Алексѣй Ивановичъ крѣпился и молчалъ. Обѣдъ кончился. Алексѣй Ивановичъ, подъ видомъ отдохновенія, удалился въ другую комнату, прилегъ на клеенчатомъ диванѣ, оборотясь къ стѣнѣ и радъ-радъ былъ, что наконецъ могъ скрыть лицо свое отъ взглядовъ семейства. И удалось таки ему притворное спокойствіе, не далъ онъ замѣтить Марьѣ Львовнѣ свое отчаяніе. И хорошо сдѣлалъ: ужъ лучше одному страдать за всѣхъ, чѣмъ всѣмъ за одного. Съ наступленіемъ ночи дѣти уснули. Марья Львовна при тускло горѣвшей свѣчѣ что-то шила, Алексѣй Ивановичъ переходилъ изъ спальни, гдѣ сидѣла жена, въ чистую комнату (она же и столовая), отсюда въ маленькую переднюю, отдѣленную отъ чистой комнаты перегородкой, потомъ опять туда же и назадъ. Темнота успокоивала его

по крайней мѣрѣ въ томъ, что лицо его и глаза не выдадутъ теперь его тайнаго горя.

— А ты же что, Алексѣй, не ложишься? спросила его жена, сбиравшаяся тоже спать:—двѣнадцатый часъ, пора и тебѣ.

— Немного похожу, Машенька, моціонъ сдѣлаю на сонъ грядущій, да и лягу тоже, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Черезъ полчаса, когда уже уснула и Марья Львовна, Алексѣй Ивановичъ сѣлъ въ чистой комнатѣ на стулъ, склонился головою на спинку другого стула и предался вполнѣ своей думѣ. Долго онъ просидѣлъ въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ всталъ и шопотомъ началъ упрекать самого себя.

— И зачѣмъ это я скрываюсь передъ нею!.. Я бы долженъ былъ, прійдя изъ должности домой, сразу открыть ей всю правду, сказать, что я вычеркнутъ изъ представленія и никакой награды не получу, чтобъ она и не надѣялась. Конечно мнѣ жалко ея было, жалко было разстроивать ее такою гадкою вѣстью, но что же дѣлать, если такъ ужъ случилось? Она же, какъ жена моя, должна раздѣлять со мною всякій мой жребій — счастливый и несчастный. Она видитъ, что я не пьяница, не картежникъ, не лѣнтяй по службѣ... счастья мнѣ только нѣтъ въ этой службѣ, судьба моя такая бѣдственная. Слѣдовательно, при ея благоразуміи, она и упрекать меня не будетъ; напротивъ она пожалѣетъ обо мнѣ, а это много облегчитъ мою тоску... Не надо больше скрытничать! Завтра же поутру она все узнаетъ... Хотѣлъ я соблюсти тутъ нѣкоторую постепенность, да наврядъ удастся мнѣ... начну только открывать — горе само собою прорвется, все до дна хлынетъ. Нужды нѣтъ, я скрѣплюсь хорошенько и буду рѣшителенъ.

Алексѣй Ивановичъ закрылъ разгорѣвшіеся свои глаза руками, упалъ ницъ передъ образомъ и навзрыдъ заплакалъ. Выплакавшись и прійдя въ себя, онъ однако же нашелъ, что не стоитъ такъ убиваться изъ-за этой проклятой награды. Ужъ не слишкомъ ли я малодушествую? спросилъ онъ самъ себя. Нельзя ли какъ извернуться домашними средствами и успокоить Машеньку? Изъ ея вещей, что можно было, уже прежде продано и прожито... Серебро и серьги давно въ закладѣ... Ахъ, да! дай Богъ память... шалевый платокъ! вскричалъ, онъ, почти выпрямившись: шалевый платокъ! чтожъ это я,—вотъ на первый разъ и средство, хоть и маленькое... Платокъ

этотъ Машенька почти никогда не носитъ, такъ онъ себѣ лежитъ, безъ употребленія... его можно продать, ежели дадутъ настоящую цѣну, а не то, заложить до времени.

Платокъ этотъ шалевый, какъ лучшую изъ своихъ вещей, Марья Львовна дѣйствительно не носила дома, а изъ дому, когда могла бы его надѣть, она, озабоченная дѣтьми и домашними дѣлами, выходила весьма рѣдко. Но она берегла эту вещь, какъ единственную изъ полученнаго нѣкогда приданаго, еще уцѣлѣвшую отъ хищной бѣдности. На мысли о его продажѣ или залогѣ Алексѣй Ивановичъ остановился. Онъ всталъ, осторожно отперъ дверь въ комнату, въ которой спало все его семейство, и еще съ большею осторожностію вошелъ туда. Скоро онъ возвратился въ комнату, гдѣ сидѣлъ, неся съ собою платокъ, вынутый имъ изъ женинаго комода, завернулъ его тщательно въ салфетку и спряталъ въ передней такъ, чтобы завтра можно было, выходя изъ дому, взять съ собою незамѣтно для домашнихъ. Но какъ деньги, которыя могутъ быть выручены за платокъ, не вполнѣ поправятъ дѣло, а только удовлетворятъ нѣкоторымъ крайнимъ нуждамъ, и то не на долгое время, то Щеповъ естественно перешелъ опять къ мысли, что надобно искать рѣшительной, радикальной перемѣны въ жизни.

— Брошу я эту нищую службу, сказалъ онъ:—поищу другой... какъ будто только и свѣта что въ окнѣ, за окномъ больше... поищу другой службы, авось попаду на свою дорогу, найду свое хоть позднее счастіе... Просто, на Амуръ проситься буду... славная тамъ служба, говорятъ, край непочатый... пусто только, людей очень мало, не заселенная сторона. Впрочемъ, что же мнѣ и въ людяхъ? развѣ я не по ихъ милости бѣдствую теперь? Мнѣ и слѣдуетъ отъ нихъ бѣжать какъ можно дальше, на край свѣта. Жалованье тамъ даютъ большое, почти втрое противъ здѣшняго, а при отправленіи туда двойные прогоны, третное жалованье не въ зачетъ — чего же еще? Вотъ только насчетъ воспитанія дѣтей затруднительно будетъ... есть ли тамъ какія-нибудь учебныя заведенія?.. Непремѣнно надобно разузнать объ этомъ хорошенько, да и рискнуть, помолясь Богу. Жаль только, что лѣта-то мои ушли!... на половинѣ пятый десятокъ лѣтъ мнѣ, годъ за годъ ждалъ все лучшаго, между тѣмъ здоровье мое стало плохо, самъ вижу, что плохо... въ зеркало посмотрѣть даже гадко... Господи, укрѣпи ты меня, поддержи меня хоть для малолѣтнихъ дѣтей моихъ!

Въ такихъ размышленіяхъ Алексѣй Ивановичъ и уснулъ. Между-тѣмъ стоявшая доселѣ хорошая погода измѣнилась; западный порывистый вѣтеръ, часъ отъ часу усиливаясь, нагналъ мрачныя облака. Къ утру зашумѣлъ перемѣжающійся дождь, не частый и холодный, вода въ Невѣ значительно поднялась, заходили волны противъ теченія и прибитыя ими къ берегамъ льдины недавно вскрывшейся рѣки затрудняли уже переправу въ лодкахъ до того, что многіе, имѣвшіе нужду побывать на другой сторонѣ, не рѣшались пускаться въ опасный путь. Но если бы представилась и вдесятеро большая опасность, Алексѣй Ивановичъ и тогда не подумалъ бы о ней. И вотъ онъ уже сидитъ въ яликѣ подъ старымъ своимъ коленкоровымъ зонтикомъ; съ нимъ сидитъ какая-то бѣдная, въ порыжѣломъ драдедамовомъ салопишкѣ, женщина — выжимка, до того лицо ея изнурено и въ морщинахъ.

— Отваливать? спросилъ Щепова перевозчикъ, стоя на яликѣ у своего сидѣнья и держась багромъ за плотъ, чтобъ не отнесло. Щеповъ не отвѣчалъ.

— Положь, баринъ, двугривенникъ, одного тебя перевезу... вишь запрудило—сила силенная... Еще маленько, такъ и совсѣмъ перевоза не будетъ... Эй, тетка, что съ парнемъ! обратился онъ вдругъ къ ступившей на плотъ женщинѣ: — садись сюда! сейчасъ отваливаю.

Женщина съ парнемъ сѣла въ яликъ. Пришли еще двое солдатъ. но имъ приглашенія отъ перевощика не послѣдовало; сѣли они въ яликъ сами. Нептунъ почесалъ въ затылкѣ, но дѣлать было нечего.

— Что жъ, кавалеры, спросилъ онъ солдатъ:—плата отъ васъ будетъ?

— Съ солдата платы не полагается, отвѣчалъ одинъ изъ кавалеровъ.

— Не полагается, знамо дѣло... а хозянъ съ насъ спрашиваетъ... ему подай, что положено... знать ничего не хочетъ.

— Солдату не откудова взять.

— А мнѣ же откудова взять, коли за-даромъ стану перевозить?

— Заплатимъ, чортъ-те дери, борода, и съ хозяиномъ твоимъ! гнѣвно закричалъ другой кавалеръ:—отваливай только. И съ послѣднимъ словомъ кавалеръ этотъ бросилъ къ ногамъ перевозчика три копѣйки. При энергическихъ его словахъ женщина—выжимка и другая женщина съ парнемъ перекрестились, а перевощикъ, подобравъ

деньги, оттолкнулъ яликъ, сѣлъ, поплевалъ въ ладони и взялся за весла; рыхлыя края льдинъ, звеня, посыпались хрустальными сосульками, когда яликъ сталъ подаваться дальше и дальше. Переплыли на другую сторону. Щеповъ поспѣшно вышелъ на берегъ, держа подъ рукою завязанный въ салфеткѣ шалевый платокъ и пошелъ по набережной Фонтанки, заблаговременно сторонясь при встрѣчѣ съ прохожими, какъ бы боясь, чтобы его кто не задержалъ. Онъ перешелъ Аничкинъ мостъ, продолжая путь въ прямомъ направленіи. Дойдя до Семеновскаго моста, онъ свернулъ направо и скоро очутился на мѣстѣ, опустошенномъ пожаромъ и носившемъ прежде названіе Толкучки, куда сваливались поддонки петербургскаго населенія. Насеcеніе это въ старыхъ солдатскихъ шинеляхъ, подвязанныхъ бичевками, въ полушубкахъ дырявыхъ, въ армякахъ и засаленныхъ пальто всевозможнаго покроя, по старой своей привычкѣ къ мѣстности, толпилось безобразной массой передъ временно устроенными шалашами, а нѣкоторые, въ сторонѣ, рылись палками въ кучахъ золы и вытаскивали оттуда ржавые гвозди, куски недогорѣлыхъ кожъ и другую дрянь, оставшуюся послѣ пожара. Передъ однимъ изъ шалашей стояла кучка любопытныхъ, изъ коихъ задніе, чтобы заглянуть напередъ черезъ головы впереди стоящихъ, принуждены были подыматься на цыпочки и вытягивать свои шеи. Предметомъ ихъ любопытства была картина, висѣвшая на одной половинкѣ двери шалаша, изображавшая сани-розвальни, запряженныя одною тощею, скачущею во всю свою мочь лошадкою; на саняхъ-розвальняхъ баба съ прижавшимся къ ея груди ребенкомъ; позади розвальней скачутъ три волка съ разинутыми ртами, съ высунутыми языками огненнаго цвѣта. Любопытствующіе толковали насчетъ сюжета картины.

— А что, коли и взаправду такъ было, заѣли они безпремѣнно бабу и съ ребеночкомъ?

— Чаво заѣли, а ты думашь пожалѣли? У насъ въ Таловкѣ, года съ два тому будетъ, ребята убили на овчарнѣ здоровеннаго волка, такъ тоже въ поганомъ брюшищѣ нашли и косточки человѣка.

— Вишь... сказываютъ, что коли звѣрь да попробуетъ человѣчины, такъ и пошелъ валять—ничего и ѣсть не станетъ, окромя человѣчины.

— Знать, больно скусна.

— А пуще жалко-то ребеночка этого... ангельской души, безвинной.

— Горячи блины! раздался гдѣ-то козлиный голосъ.

— Господинъ, а господинъ, что покупаете? али продаете?

Эти послѣднія слова сказаны были самимъ хозяиномъ картины, стоявшимъ у порога своего шалаша для залучки покупателей. Они относились къ господину Щепову, остановившемуся противъ шалаша съ видимымъ колебаніемъ.

— Пожалуйте, повторилъ ему обладатель картины:—пожалуйте! что для васъ требуется?

Алексѣй Ивановичъ вошелъ въ шалашъ. Опытный лоскутникъ тотчасъ смекнулъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Окинувъ Алексѣя Ивановича однимъ взглядомъ и замѣтя что-то отдувшееся у него подъ полою, онъ сказалъ:

— Не сумлѣвайтесь, господинъ... у насъ бываютъ и господа... случается и у нихъ нужда, какъ и у нашего брата. Покажите, что у васъ такое.

Онъ почти выхватилъ у Алексѣя Ивановича узелъ, развязалъ его и вынулъ шалевый платокъ.

— Эфто, значитъ, дамская принадлежность, какъ бы про себя замѣтилъ онъ.

— Да. Не можешь ли ты купить его у меня? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Для чего, купить можно завсегда... торговлею занимаемся... а только что подѣлать-то опосля.

— Послѣ ты продашь его съ выгодою для себя: платокъ очень хорошій и почти не ношенъ.

— Это точно-съ... только на дамскія вещи у насъ спросу мало... Опять же, милостивый государь, покупатели-то у насъ, значитъ, все дрянь, цѣны не знаютъ ничему, ну, и по бѣдности своей норовятъ достать за безцѣнокъ, за цѣну мизерную-съ.

Онъ растопырилъ на себѣ платокъ въ видѣ передника и сталъ его разсматривать, стараясь прежде всего отыскать недостатки.

— Въ носкѣ одначе былъ-съ... здѣсь и пятно.

Онъ нарочно прижалъ въ одномъ мѣстѣ къ платку свои грязные, во что-то выпачканные пальцы. Алексѣй Ивановичъ наклонился посмотрѣть и точно увидѣлъ пятно.

— А въ эфтомъ мѣстѣ опять что-то эдакое, продолжалъ торговецъ, щипля нитку изъ платка. — А что просите?

— За него заплочено двадцать пять рублей, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ: — но я отдамъ тебѣ за пятнадцать, потому нужда...

— Извѣстно, не нужда — не стали бы и продавать... А рублика два не возьмете-съ?

Алексѣй Ивановичъ, услышавъ это, остолбенѣлъ.

— Цѣна настоящая-съ, добавилъ нагло лавочникъ. — Извольте видѣть... таперича я деньги вынь да подай наличныя, а когда ихъ выручу, одинъ Богъ про то знаетъ, потому товаръ такой—дамскій.

— Нѣтъ, за эту цѣну я не отдамъ.

— На то воля ваша-съ. Никто больше не дастъ, повѣрьте-съ.

Алексѣй Ивановичъ съ досады схватилъ платокъ, кое-какъ свернулъ его и бросился вонъ изъ шалаша, но чрезъ минуту вернулся.

— Послушай, сказалъ онъ, входя: — хочешь за десять? бери!

— Извольте, я надбавлю вамъ полтинику-съ, а больше ни копѣйки, ей-богу-съ ни копѣйки. И лоскутникъ повернулся спиной къ продавцу.

Алексѣй Ивановичъ какъ ни крѣпился, а произнесъ крѣпкое русское словца и бросился бѣжать изъ шалаша, и на этотъ разъ туда уже не возвращался. Дождь лилъ ливмя. Даже вся толкучая публика, въ томъ числѣ и любопытные у картины — всѣ принуждены были укрываться.

— Али ужъ дать ему три рубля, раздумывалъ лоскутникъ. — Николка, а Николка! выдь — погляди, гдѣ этотъ господинъ, да кликни его.

Заспанный мальчишка вылезъ изъ-за бумажной ширмы, почесываясь и потягиваясь.

— Ну же, поварачивайся, остолопъ!

Мальчикъ сунулся изъ шалаша. Спустя минуты три, онъ возвратился и объявилъ, что господина этого нигдѣ нѣту.

Между тѣмъ Алексѣй Ивановичъ, не смотря на проливной дождь, шелъ торопливо — куда? едвали онъ и самъ зналъ куда, но не въ должность и не къ семейству своему, а просто изъ улицы въ улицу, ища безсознательно разсѣянья. Въ должности сослуживцы его, видя первый разъ мѣсто Щепова пустымъ, не могли надивиться этому рѣдкому явленію, тѣмъ болѣе что кто-то изъ нихъ издали видѣлъ Алексѣя Ивановича переходившимъ чрезъ Невскій проспектъ. Одинъ

изъ нихъ, считавшійся острякомъ на всю канцелярію, замѣтилъ, что такая самовольная отлучка есть вѣрный признакъ близости кончины міра и, самодовольно оглядываясь кругомъ, ждалъ взрыва общаго смѣха, но таковаго не послѣдовало, и только немногіе усмѣхнулись.

Какъ бы то ни было, а Алексѣй Ивановичъ промаялся гдѣ-то часу до пятаго по полудни и возвратился домой весь мокрый до костей, и едва имѣлъ силы раздѣться и надѣть сухое бѣлье. Марья Львовна очень огорчилась такою небрежностію его къ самому себѣ и, подавая ему чистое бѣлье, говорила: — Бога побойся, Алексѣй! Семейство ты имѣешь и такъ помыкаешь здоровьемъ... Точно нарочно стоялъ ты подъ дождемъ... рубашка даже на тебѣ мокрая вся.

Увидѣвъ его блѣдно-желтое лицо, Марья Львовна тотчасъ поняла, чтъ съ мужемъ ея случилась какая нибудь непріятность, но она не спросила его именно изъ боязни услышать эту непріятность... Поздно ночью, когда уже все семейство спало, Щеповъ, шатаясь, всталъ съ постели, вышелъ въ переднюю, нашелъ тамъ спрятанный имъ вчера узелъ съ шалевымъ платкомъ, выпулъ платокъ и съ большою осторожностію спряталъ его опять въ комодъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ взялъ; потомъ легъ онъ опять въ постель и тяжело задышалъ, какъ бы послѣ тяжелаго труда. Такимъ образомъ жена его ничего не узнаетъ насчетъ платка.

Всю ночь не могъ уснуть Алексѣй Ивановичъ, мечась изъ стороны въ сторону. Память его, какъ будто на прощаньи съ жизнію, силилась представить все прошлое: онъ думалъ — о чемъ? заглянемъ ли мы въ душу бѣдняка? Напрасно, мы ничего въ ней не-увидимъ: неудачи, неправда и оскорбленія, ослабляя силу одна другой, пожирая одна другую, слились наконецъ въ общій мракъ, въ которомъ уже ничего нельзя различить. Представьте себѣ, читатель, что вы стоите на свѣту, озаренные солнцемъ, и видите передъ собою темное отверстіе въ землѣ, ведущее въ неизвѣстную глубину. Отъ свѣта, васъ окружающаго, отверстіе это кажется вамъ еще темнѣе. Сколько вы ни всматриваетесь, сколько ни напрягаете ваши глаза, чтобы видѣть, что кроется въ этой глубинѣ, что ее наполняетъ, — ничего не можете видѣть, кромѣ одной тьмы. Таково было состояніе души Щепова. Все въ ней охвачено од[illegible]ъ мракомъ, все перемѣшалось.

То были образы безъ лицъ,
Безъ протяженья, безъ границъ,
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ.

И съ этой минуты неудавшаяся награда сдѣлалась роковымъ ударомъ для Алексѣя Ивановича.

На другой день у него обнаружилась жестокая горячка; въ три дня она довела его до агоніи. День и ночь Марья Львовна не отходила отъ его постели. Дѣтей она помѣстила на этотъ случай въ единственной чистой комнаткѣ и строго наказала имъ не шумѣть и не безпокоить папеньку. Рано утромъ на четвертый день, пришелъ ежедневный со дня болѣзни Алексѣя Ивановича посѣтитель, Горькій. Онъ осторожно, чтобъ не стукнуть, заперъ за собою дверь, перекрестился на образа и шопотомъ поздоровался. Марья Львовна только-что напоила дѣтей горячимъ и хотѣла нести больному чистое бѣлье.

— Что-то Господь далъ намъ сегодняшній день? сказалъ Веньяминъ Егорычъ хозяйкѣ.—Что нашъ больной?

— Какъ-будто немножко легче ему, отвѣчала она:—тише, онъ сталъ.

— Никто какъ Богъ: не сумнѣвайтесь, сударыня. А теперича же онъ что?

— Спитъ, уснулъ крошечку... ужасно онъ мучился до самой зари.

— Ежели спитъ, то это предзнамснованіе, такъ сказать, весьма хорошее-съ... переломъ болѣзни означаетъ-съ.

— Мнѣ нужно перемѣнить ему бѣлье, да не знаю, какъ и войти... боюсь, не потревожить бы его. А таки не утерплю—войду тихонько. Сама не понимаю, что-то сегодня меня особенно безпокоитъ.

Марья Львовна подошла къ дверямъ комнатки, въ которой лежалъ Алексѣй Ивановичъ и послушала: тихо. Она взяла со стола бѣлье и крадучись отперла дверь. За нею на цыпочкахъ вошелъ и Горькій, а за нимъ и двое старшихъ дѣтей. При опущенной шторѣ нельзя было разглядѣть лицо Алексѣя Ивановича. Марья Львовна приподняла немножко штору и подошла къ кровати, — дыханья не слышно. Горькій и дѣти также приблизились. Алексѣй Ивановичъ лежитъ какъ то ужъ слишкомъ выпрямившись; на высохшемъ темножелтоватомъ лицѣ суровая важность, губы сжаты, носъ особенно заострил-

ся, въ темныхъ глазныхъ впадинахъ что-то ужъ крѣпко сомкнулись рѣсницы: — смерть, какъ тебя не узнать по твоему отвратительному виду! Читатель потрудится самъ представить себѣ состояніе семейства Алексѣя Ивановича въ эту минуту.

А. Зубковскій.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона).

Ахъ, плачьте, рыдайте бездомные дѣти Сіона,
Какъ плакали мы на враждебныхъ рѣкахъ Вавилона.

Ахъ, плачьте! Разбита пѣвучая лира Іуды:
Гдѣ высились храмы - теперь безобразныя груды.

О, чѣмъ освѣжимъ изъязвленныя ноги и руки?
Излечатъ-ли скорбь въ насъ сіонскія пѣсни и звуки?

Ужель мы все будемъ бездомны, и босы, и сиры,
И вновь не воскликнемъ подъ звуки іудиной лиры?

Забитое племя! Въ изгнаньѣ кочуешь ты нынѣ,
Безславно, въ позорныхъ цѣпяхъ пресмыкаясь въ чужбинѣ!..

У звѣря есть норы, есть теплыя гнѣзда у птицы,
А бѣднымъ евреямъ раскрыты однѣ лишь гробницы.

Д. Минаевъ.

ИЗГНАНІЕ.

(Изъ Томаса Гуда).

Изъ за-моря ласточка
Весной полетитъ,
И вѣтеръ, мнѣ вѣющій,
Твой садъ навѣститъ;
Съ тѣмъ вѣтромъ корабликъ нашъ
Вернется домой.
А я?.. Не видать ужъ мнѣ
Сторонки родной!

Не мало тамъ льется слезъ —
И слезы твои
О томъ, что отъ слезъ твоихъ
Далёки мои.
И чѣмъ мы разрознены,
Родная, съ тобой?
Однимъ только моремъ ли,
Иль смертью самой?

Бѣлѣетъ ли облачко
Вдали на волнахъ,
Мнѣ грезится домикъ нашъ
На бѣлыхъ скалахъ.
Но облачко легкое
Вспорхнетъ къ небесамъ;
Знать за живо, милая,
Не свидѣться намъ!

Л. Мелиховъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ КУПЕЧЕСКОМЪ БЫТУ.

(РОМАНЪ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На соборной площади уѣзднаго города Кукушкина, въ числѣ прочихъ домовъ, стоялъ домъ купца Лапина. Домъ былъ большой, деревянный, окрашенный свѣтло-дикою краской, съ мезониномъ и рядомъ подстриженныхъ березокъ передъ окнами.

Самъ Лапинъ, не смотря на пятьдесятъ лѣтъ и порядочную сѣдину въ бородѣ, былъ мужчина еще свѣжій. Его добродушный видъ внушалъ къ нему довѣріе. И въ самомъ дѣлѣ Александръ Петровичъ Лапинъ слылъ въ своемъ городѣ за честнаго и правдиваго человѣка; его слова уважали иной разъ болѣе векселя. Лапинъ велъ свои дѣла начистоту, и оставшійся ему отъ отца небольшой капиталъ значительно увеличилъ своими неусыпными трудами. Щеголять онъ самъ не любилъ, нося въ продолженіи десяти лѣтъ одинъ и тотъ же коричневый долгополый сюртукъ. За то супруга Лапина, дюжая, румяная Пелагея Андреевна любила пощеголять; она и четыре ея дочки цвѣли, какъ маковъ цвѣтъ. Пелагея Андреевна, не смотря на двадцатипятилѣтнее супружество, въ продолженіи котораго у нея было двадцать штукъ дѣтей, была лебедь—женщина; и всѣ ея четыре дочери, оставшіяся въ живыхъ, точно наподборъ,—были красавицы,—особенно старшая изъ нихъ Анюта. Стройная, высокая, румянецъ во всю щеку, красиво очерченный носикъ, рѣсницы длинныя, шелковистыя, глаза темнокаріе, глубокіе и ласковые, выраженіе лица до того живое, что вотъ словно сама душа дѣвушки разговариваетъ съ вами, когда вы смотрите въ это прекрасное лицо.

И молодежь и старики засматривались на Анюту. Бывшій городскій голова Пузановъ не разъ говаривалъ своей старушкѣ-женѣ:

— Зажилась ты у меня, Фекла Григорьевна, пора костямъ на покой... тогда бы я на Аннушкѣ Лапиной женился...

— Умру, батюшка, коли Богъ по душу пошлетъ, только Аннушка-то за тебя не пойдетъ, за стараго хрыча, отвѣчала съ досадою Фекла Григорьевна.

— Врешь ты, пойдетъ; я ей все имѣніе подпишу, движимое и недвижимое... сына наслѣдства лишу, а все ей подпишу... кричалъ задорно старикъ.

Старуха шептала молитву, плевала всторону и уходила къ себѣ.

Вторая дочь Лапина, Вѣра, была веселая, бойкая, и въ полномъ смыслѣ правая рука матери по части хозяйства.

— У меня Вѣра такъ грибы маринуетъ и такой яблочный пирогъ дѣлаетъ, что меня перещеголяетъ, говорила своимъ знакомымъ съ нѣкоторою гордостію Пелагея Андреевна.

Умственное образованіе старшія двѣ дочери Лапиныхъ получили отъ старой дьячихи, и результатъ вышелъ тотъ, что Анюта читала хорошо, писала дурно; Вѣра читала по складамъ, а писала только свое имя, но какъ она была картава, то у нея всегда выходило вмѣсто Вѣра Лапина: *Вѣга Гапина.* Младшія сестры выучились самоучкой. Такъ какъ Пелагея Андреевна, кромѣ шитья рубахъ, не знала никакого рукодѣлья, то отдала Анюту и Вѣру къ одной чиновницѣ—вдовѣ учиться вышиванью, гдѣ дѣвицы выучились и французскую кадриль танцовать подъ *чижика.* Но не смотря на такое грошовое образованіе, природа наградила ихъ, особенно Анюту и порядочной долей ума и хорошими инстинктами.

Итакъ годы шли... вотъ уже Анютѣ минуло двадцать лѣтъ, Вѣрѣ восьмнадцать, (младшія сестры были еще подростки). Много сваталось женпховъ къ Анютѣ, но отецъ и мать не спѣшили выдавать ее замужъ.

Но вотъ прилетѣла въ Кукушкинъ изъ города Привольска записная сваха, что привольскимъ женихамъ изъ разныхъ городовъ и пригородовъ невѣстъ поставляла. Явилась старуха въ домъ Лапиныхъ и распустила лясы.

— У васъ, молъ, есть товаръ дорогой, а у меня есть купецъ-молодецъ,—правда вдовецъ, не холостой, но лучше холостого,—Матвѣй Матвѣичъ Жилинъ прозывается и разными торговлями занимается, заводъ имѣетъ, хмѣльного въ ротъ не беретъ, съ

первою супружницею жилъ недолго; послѣ нея дочка осталась и онъ души не слышитъ въ ребенкѣ; есть еще у него матушка — старушка, смирная, словно курочка, только и дѣла, что Богу молится; а хозяйствомъ заправляетъ сестрица Матвѣя Матвѣича, вдовушка, которая давно живетъ у братца. Словомъ — все семейство благодатное.

И слушали Лапины старую вѣдьму, развѣся уши.

— Привольскъ отсюда полтораста верстъ, и у насъ тамъ ни души нѣтъ знакомой, какъ же они про наше семейство узнали? спросила Лапина.

— Слухомъ земля полнится, что все ваше семейство благословенное; есть съ кѣмъ породниться, а дочки ваши красавицы, отвѣчала находчивая сваха.

Пелагея Андреевна самодовольно улыбнулась.

— Помнится мнѣ, что-то я слышалъ о Жилинѣ въ Привольскѣ... какъ будто онъ капиталистъ? молвилъ въ раздумьи Александръ Петровичъ.

— Капиталистъ, капиталистъ! воскликнула утвердительно сваха. Какъ, чай, не слышать, — Матвѣй Матвѣичъ человѣкъ извѣстный, и домъ ихъ какъ полная чаша.

— Все это хорошо, но не хочется первую дочь на чужую сторону отдать, растаться жалко, сказала со вздохомъ мать.

— Полно ты, моя золотая, коли въ дали дѣтище живетъ счастливо, такъ сердце радуется; а бываетъ и близко да неблагополучно, такъ наплачешься на него, разсудила сваха: — вонъ ваши же кукушкинскіе Кулагины съ радостью за Матвѣя Матвѣича дочку отдаютъ; семь тысячъ даютъ гольёмъ да на столько же приданаго, значитъ знаютъ за кого отдаютъ... только дѣвица нонче была въ Привольскѣ и жениху не понравилась.

Лапины вышли въ сосѣднюю комнату и долго шептались; наконецъ Александръ Петровичъ вышелъ и сказалъ свахѣ, что они теперь рѣшительнаго отвѣта дать не могутъ; пусть черезъ недѣлю пріѣдетъ женихъ невѣсту посмотрѣть и себя показать.

Пелагея Андреевна принесла графинчикъ съ водкою и закуску, угостила сваху до отвалу и отпустила.

Всю ночь Лапины прошушукали, совѣтуясь насчетъ жениха, и наутро чѣмъ свѣтъ, когда еще всѣ въ домѣ спали, Александръ Петровичъ уѣхалъ въ Привольскъ разузнавать о женихѣ. Пелагея Андреевна ни одной изъ дочерей не повѣдала, куда и зачѣмъ уѣхалъ отецъ, положивъ молчать до поры до времени.

Ѣхалъ Александръ Петровичъ въ Привольскъ и все думалъ,

кого онъ будетъ респрашивать о Жилинѣ, самъ не зная въ городѣ ни души. Но вотъ онъ пріѣхалъ и съ первымъ вопросомъ объ Матвѣѣ Матвѣичѣ обратился къ хозяину постоялаго двора. Последній отвѣчалъ, что Матвѣй Матвѣичъ человѣкъ трезвый, расчетливый, неглупый и слыветъ въ городѣ за богача. Этимъ Лапинъ не удовлетворился и отправился въ ряды. Онъ безъ труда отыскалъ лавки Жилина, кой-что купилъ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что лавки богатыя и товару много; приказчики народъ выдержанный, что называется битка на биткѣ. На вопросъ: гдѣ хозяинъ, Лапину отвѣчали, что Матвѣй Матвѣичъ *уѣхали* въ Москву и на дняхъ *воротятся.* Разумѣется, о поведеніи хозяина приказчиковъ спрашивать не будешь.

— Нужно еще кого нибудь постороннихъ спросить, подумалъ Александръ Петровичъ, и оставивъ лавку Жилина вошелъ въ сосѣднюю. Въ лавкѣ настоящаго хозяина не случилось, былъ только *молодецъ*, то есть прикащикъ; купивъ кой какія бездѣлицы, Лапинъ повелъ рѣчь съ продавцемъ.

— А что, какъ нонче вашъ сосѣдъ Жилинъ поживаетъ?

— Да ничего-съ, поживаетъ; отчего ему не поживать-съ? отвѣчалъ парень, смотря не мигаючи въ глаза Лапина.

— Говорятъ, будто онъ нонче тово... попив... Александръ Петровичъ закашлялся.

— Попиваетъ съ? да развѣ воду, и ту, я думаю, съ расчетомъ; ужь Матвѣй Матвѣичь, кажется, во вѣки вѣковъ такой слабости имѣть не будетъ.

Отвѣтъ этотъ чрезвычайно обрадовалъ Александра Петровича, онъ пуще огня боялся пьяницы зятя.

— Ну, и дѣла хороши тоже? продолжалъ онъ распрашивать.

— Помилуйте-съ, какихъ еще дѣловъ-съ? Во-первыхъ, лавки на самомъ бойкомъ мѣстѣ у нихъ-съ, теперь заводъ сколько товару выдѣлываетъ, кромѣ того сколько холста на нижегородскую отпустятъ-съ...

Вошедшій покупатель прервалъ всѣ эти разсказы.

— Кого бы еще проспть, посолиднѣе? разсуждалъ Александръ Петровичъ, и перешелъ на другую линію, видя, что у одной изъ лавокъ сидитъ почтенный купчина, съ широкою сѣдою бородой.

— Можно здѣсь отдохнуть? молвилъ Лапинъ, садясь возлѣ купца.

— Сдѣлайте одолженіе... Вы вѣрно не здѣшній,—изъ какихъ, батюшка, мѣстъ?

— Я кукушкинскій.

— Не угодноли-съ, въ моей лавкѣ есть сукна, драдедамы, разныя треко-съ... проговорилъ старикъ, учтиво приподнявъ картузъ.

— Искупился, батюшка, искупился совсѣмъ, а впрочемъ можетъ и побываю... только не теперь... теперь, знаете, другія дѣла... Можете быть откровенны сомною? Имя, отечества не знаю... сказалъ Лапинъ, нѣсколько понизивъ голосъ.

— Зовутъ Иваномъ, величали прежде Петровымъ... А что вашей чести угодно-съ?

Купецъ съ любопытствомъ глядѣлъ на Лапина.

— Конечно вы знаете всѣхъ привольскихъ, продолжалъ въ полголоса послѣдній: — мнѣ бы хотѣлось узнать о Матвѣѣ Матвѣичѣ Жилинѣ?

— А, понимаю-съ! вѣрно дочку за него прочите?

— Можетъ племянницу, проговорилъ, нѣсколько смѣшавшись, Александръ Петровичъ и засмѣялся.

— И то дѣло, батюшка... Матвѣй Матвѣичъ женихъ богатый, скопидомъ... умѣлъ деньгу нажить, словомъ хорошій женихъ, какъ есть мужчина... И ухмыляясь и пощипывая бороду, старый купецъ ушелъ въ свою лавку, въ которую только-что вошелъ толстый баринъ.

— Чтожъ? отзывы хорошіе, — думалъ про себя Лапинъ, и жалѣя, что не увидитъ самого жениха, пожелалъ видѣть хоть его домъ. Подозвавъ извощика, онъ велѣлъ везти себя въ ту улицу, гдѣ жилъ Жилинъ.

— Который же домъ Матвѣя Матвѣича?

— А вотъ, отвѣчалъ извощикъ, показавъ кнутомъ на красивый каменный двухъ-этажный домъ, и подкатилъ было къ воротамъ,

— Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, ступай мимо, только шагомъ.. А что, богатъ самъ Жилинъ-то?

— Какъ же не богатъ, видите какой домина-то... Ничего, Матвѣй Матвѣичъ капиталъ нажилъ... а ужь и кремень! впрочемъ говорится: скупость не глупость, заключилъ извощикъ.

— Разумѣется, скупость не глупость, молвилъ про себя Александръ Петровичъ. — Ну, вотъ и этотъ хвалитъ, значитъ никто нашего жениха не похаялъ... и домикъ какъ игрушечка, и дѣла, и поведеніе... Дай Богъ Аннушкѣ, дай Богъ всякаго счастія!.. И отслуживъ молебенъ въ соборѣ, Александръ Петровичъ отправился обратно домой, въ тотъ же день, съ спокойной совѣстью, что онъ все сдѣлалъ, что отъ него зависѣло.

Пелагея Андреевна, слушая подробный разсказъ мужа, не менѣе его была довольна и ждала только пріѣзда жениха.

И вотъ черезъ недѣлю онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ матушкою и сестрицею.

Въ тотъ же день, Анюта, нисколько не подозрѣвавшая, что рѣшается участь всей ея жизни, сидѣла у себя въ мезонинѣ и читала вслухъ старый французскій романъ, наполненный пещерами, разбойниками и тому подобной чепухой, и Богъ вѣсть откуда занесенный въ домъ Лапиныхъ. Вѣра съ усиленнымъ любопытствомъ слушала, положивъ работу на колѣни; двѣ младшія сестры, разбирая лоскутки, шушукались между собою въ другомъ углу, нисколько не обращая вниманія на старшихъ сестеръ.

Было три часа пополудни; сентябрьское солнце ярко свѣтило съ прозрачно-голубаго свода и обливало красноватымъ свѣтомъ верхи подстриженныхъ березокъ передъ домомъ Лапиныхъ, освѣщая въ окно свѣжія, красивыя фигуры Анюты и Вѣры.

Обстановка комнаты такъ же была чиста и свѣжа, какъ и наружность молодыхъ дѣвушекъ, и выбѣленныя стѣны и изразцовая печь были безукоризненно чисты; бѣлыя шторки у оконъ, съ широкими вышивками, двѣ кровати подъ цвѣтными одѣялами, и самый воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтной герани, — все дышало простотой и какъ будто вѣяло молодостью...

Въ комнату вошла Аграфена, краснощекая дѣвка, въ розовомъ сарафанѣ, служившая въ домѣ Лапиныхъ то горничною, то судомойкою, смотря по надобности, и позвала Анюту внизъ къ матери. Пелагея Андреевна торжественно объявила дочери, чтобъ она одѣлась и приготовилась къ смотринамъ жениха.

Въ семь часовъ вечера явился Матвѣй Матвѣичъ Жилинъ. Онъ былъ щедушный, невзрачный мужчинка лѣтъ 33-хъ, гладко остриженный, съ рысьими глазками, съ мелкими чертами лица и кошачьею походкою; онъ весь блестѣлъ — отъ густонапомаженныхъ волосъ до алмазнаго кольца на пальцѣ.

Мать его, Марья Михайловна, высокая, худощавая старуха, повязанная лиловымъ платкомъ по самыя брови, тихонько покашливая, постоянно держала носовой платокъ у рта.

Сестрица-вдовушка, Лизавета Матвѣевна, была чистый фотографическій портретъ братца, только взглядъ имѣла смѣлѣе и движенія развязнѣе. Послѣ смерти мужа, безсмѣнный нарядъ вдовы былъ: черное платье и простенькій чепчикъ, чего она не сняла, отправляясь къ Лапинымъ.

Вся эта почтенная тройка сидѣла чинно въ гостиной и пере-

шептывалась между собою; одна только сваха живо тараторила, перебѣгая то къ тому, то къ другому, то къ третьему. Наконецъ Александръ Петровичъ подсѣлъ къ жениху, и между ними завязался разговоръ о торговлѣ. Пелагея Андреевна заговорила съ матерью, расправшивая о Привольскѣ, а та ей стала разсказывать о своемъ слабомъ здоровьѣ, покашливая и прикрывая ротъ платкомъ; Анютѣ между тѣмъ приказано было обносить гостей десертомъ. Матвѣй Матвѣичъ, говоря съ хозяиномъ, смотрѣлъ болѣе въ полъ, только изрѣдка, какъ будто украдкою, взглядывая на Анюту. Лизавета Матвѣевна весь вечеръ не сказала ни слова и на всѣхъ смотрѣла насмѣшливо; особенно странно подбирала она свои сухія губы, когда младшія сестры Надя и Маша перебѣгали черезъ комнату. Вѣра совсѣмъ не вышла къ гостямъ и, смотря на нихъ въ полуотворенную дверь, всѣхъ пересмѣивала.

— Ну, Анюта, женихъ, нечего сказать: ни кожи, ни рожи!.. и глазъ-то не поднимаетъ, точно свинка, замѣтила Вѣра сестрѣ, когда послѣдняя вышла изъ гостиной: — пріѣхалъ себя показывать, красавецъ писанный. Неужели, Анюта, ты пойдешь за него?

— Сохрани Богъ! отвѣчала Анюта.

— А сестра, это—чистая вѣдьма! посмотри, какъ рожу свою кривитъ... Ну, и матушка хороша, прехитрая, кажется, даромъ что Лазаремъ прикидывается.

— Послѣ, Вѣра, послѣ всѣхъ перецѣнимъ, а теперь приготовляй чай, нужно поскорѣй дорогихъ гостей спровадить, настаивала нетерпѣливо Анюта.

Послѣ чаю и легкой закуски, Жилины уѣхали на квартиру; Пелагея Андреевна шепнула свахѣ, что завтра они дадутъ жениху рѣшительный отвѣтъ.

По отъѣздѣ жениха, Анюту позвали родители къ себѣ въ спальню. Дочь вошла съ замирающимъ сердцемъ.

— Ну, что Аннушка, нравится ли тебѣ женихъ? спросила мать.

— О, нѣтъ, маменька, не нравится, отвѣчала Анюта.

— Вотъ тебѣ на! а почему бы это такъ, сударыня?

— Нехорошъ; да и всѣ они — и мать, и сестра такія непріятныя...

— Ишь, какія разсужденія; я вижу, ты, Анна Александровна, умничать начинаешь?.. женихъ ишь нехорошъ, да что ты кра-

соту-то его лизать что-ли будешь!? вскричала Пелагея Андреевна.

— Ты, Аннушка, на наружность не смотри: красота мужчинѣ не нужна, подхватилъ отецъ: — за то, какъ видится, Матвѣй Матвѣичъ человѣкъ дѣльный, обстоятельный и съ капиталомъ.

— Почему же, тятенька, вы его знаете, что такъ хвалите? спросила робко Анюта, съ навернувшимися на глазахъ слезами.

— Я, мой другъ, нарочно въ Привольскъ ѣздилъ, разспрашивалъ объ немъ и постоянно слышалъ хорошіе отзывы; видѣлъ его лавки: все въ наилучшемъ видѣ.

— Но мнѣ онъ не нравится... сердце мое не лежитъ къ нимъ... проговорила почти шопотомъ дѣвушка.

— Сердце не лежитъ? ишь ты!.. такъ къ кому у тебя сердце-то лежитъ?.. сказывай! вскричала мать: вѣрно—къ кому нибудь лежитъ?

Сердце Анюты было совершенно свободно; ей особенно никто не нравился; слова матери показались ей обидны: она заплакала.

— Плакать тутъ, Аннушка, нечего, а надобно, мой другъ, подумать, молвилъ кротко Лапинъ.

— Чего ее тутъ, дуру, думать — заставлять; развѣ она въ томъ что нибудь смыслитъ? начала горячо Пелагея Анреевна: — мы родители, мы должны за нее думать.

— Послушай, Аннушка, продолжалъ отецъ: — если бы женихъ былъ какой нибудь, мы и толковать бы не стали много, но вѣдь мы твоего благополучія желаемъ... и замѣть, мой другъ, принуждать тебя силою не намѣрены, а спрашиваемъ твоего согласія.

Но согласія Анюты спрашивали родители только для виду: они уже порѣшили между собою выдать ее за Жилина.

— Мы прежде не умничали, и за кого насъ родители выдавали, за того мы и шли; да, слава Богу, жили—не смѣшили людей, замѣтила мать, уже смягченнымъ голосомъ.

— И намъ бы очень было пріятно, если бы ты, Аннушка, наше желаніе исполнила, примолвилъ ласково отецъ.

— А за послушаніе и Богъ тебя благословитъ, и здоровье, и счастіе, и всякое благополучіе подастъ, добавила Пелагея Андреевна сквозь слезы.

Анюта чувствовала въ себѣ довольно воли, чтобъ отстоять свою свободу, но упорствовать мѣшало ей чувство безусловнаго уваженія къ родительской волѣ, внушенное ей съ дѣтства.

Анюта долго стояла, закрывъ лицо руками, и наконецъ, едва понимая что говоритъ, прошептала:

— Пусть будетъ ваша воля надо мной.

На глазахъ Александра Петровича показались слезы и онъ широко вздохнулъ, чувствуя, что гора свалилась у него съ плечъ.

Пелагея Андреевна заплакала навзрыдъ и бросилась обнимать дочь, расписывая ей блаженство супружеской жизни.

Между тѣмъ Вѣра наверху дожидалась сестры съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Ну, допросъ кончился,—чѣмъ порѣшили? спросила она, когда вошла Анюта, но послѣдняя вмѣсто отвѣта бросилась ей на шею и зарыдала.

— Ахъ, Вѣра, вѣдь я безумная, сумасшедшая! бей ты меня: вѣдь я согласилась... проговорила наконецъ невѣста, всхлипывая.

— Неужели?! вскричала пораженная Вѣра: — вѣдь ты сама сказала, что не пойдешь?

— Да ужь я и сама не знаю, какъ это сдѣлалось... Тятенька и маменька прислали меня уговаривать, жениха хвалятъ... и я не знала, какъ мнѣ спорить съ ними... я согласилась, Вѣра, только въ угоду имъ согласилась...

— Въ угоду имъ! да развѣ они станутъ жить съ твоимъ мужемъ? Ахъ, Анюта!.. Вѣра отчаянно всплеснула руками.

— Ты, я вижу, сердишься на меня, Вѣра?

— Что мнѣ сердиться, воля твоя, и жить тебѣ съ Матвѣемъ Матвѣичемъ; но я бы на твоемъ мѣстѣ не вышла за этого... за этого... Вѣра не могла прибрать эпитета и заплакала.

— Видно ужь судьба моя такая... рѣшила грустно Анюта.

Обѣ сестры долго сидѣли и плакали. Спать легли онѣ, отвернувшись другъ отъ друга, и все продолжали плакать втихомолку до тѣхъ поръ, пока утренняя заря заглянула въ окно.

На другой день утромъ у Лапиныхъ все было порѣшено насчетъ свадьбы и приданаго, и за бокаломъ шипучаго Анюту поздравили съ женихомъ, а Матвѣя Матвѣича съ невѣстой. Черезъ недѣлю назначенъ былъ формальный сговоръ.

Но впродолженіе этой недѣли Анюта замѣтно похудѣла. Куда дѣвался ея розовый румянецъ? Подъ глазами образовались темные полукруги, вѣки вспухнули отъ слезъ, и всѣ платья сдѣлались широки... Анюта видимо тосковала; ее пугала разлука съ родными и жизнь съ немилымъ человѣкомъ. Но не смотря на то, она все-таки шла за Жилина.

Вѣра тосковала не менѣе Анюты, и обѣ сестры, со дня помолвки, замѣтно избѣгали разговора о женихѣ; одна боялась, что выслушаетъ упрекъ, и другая—что скажетъ колкость.

II.

Условленная недѣля прошла, и женихъ пріѣхалъ на сговоръ съ матушкою, сестрицею и съ нѣкоторыми изъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Лапины съ своей стороны созвали всю родню свою, богатую и бѣдную—чуть-ли не полгорода.

Анюта была богато одѣта; на рукахъ ея блестѣлъ алмазный браслетъ — подарокъ женаха, а на глазахъ слезы, которыя она старалась изо всей силы скрыть.

Матвѣй Матвѣичъ сидѣлъ возлѣ невѣсты молча и смотрѣлъ въ полъ. Наконецъ онъ, окинувъ своими рысьими глазами многочисленную толпу гостей, сталъ шопотомъ распрашивать у Анюты, кто въ какой степени родства находится съ ея родителями; Анюта въ полголоса поясняла.

— Стоитъ чего нибудь угостить такую орду!.. заключилъ Жилинъ, покачавъ головой; и тѣмъ разговоръ его съ невѣстой кончился на цѣлый вечеръ.

Такое замѣчаніе жениха произвело на Анюту непріятное впечатлѣніе.

— Вѣрно онъ скупъ, подумала она.

Между тѣмъ, Александръ Петровичъ былъ веселъ, доволенъ и усердно подчивалъ гостей. Пелагея Андреевна просто пѣла соловьемъ, то и знай уводила въ заднія комнаты кукушкинскихъ дамъ, откуда онѣ выходили румяныя, веселыя и словоохотливыя... Напротивъ, Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна церемонно сидѣли на диванѣ и цѣлый вечеръ не вставали съ своихъ мѣстъ. За то послѣдняя, впродолженіе всего времени, усердно всѣхъ пересмѣивала.

— Лишь-бы первую-то Господь привелъ пристроить, говорила умильно Пелагея Андреевна своимъ собесѣдницамъ:—а тамъ свадьбы у насъ, словно грибы, пойдутъ... Вонъ и Вѣру—хоть за одинъ

столъ сажай съ Аннушкою... А тутъ мигнуть не успѣешь, еще двѣ подоспѣютъ...

— За вашу доброту, Пелагея Андреевна, Богъ надѣлитъ всѣхъ вашихъ дочекъ счастіемъ и благополучіемъ, отвѣчала одна изъ родственницъ.

— Что Богу угодно, то и будетъ, а все матери забота... Вотъ и Аннушку на чужую сторону отдаемъ... разстаться жалко: вѣдь родное дѣтище... Лапина утерла глаза.

— Не грустите, Пелагея Андревна, вѣрно судьба такая...

— Извѣстно судьба! Суженаго конемъ не объѣдешь...

— Все какъ-то, сватьюшка, невесело безъ музыки-то, молвилъ Александръ Петровичъ, подсаживаясь къ старухѣ Жилиной:—а музыкантовъ получить не могли; видите, сегодня городничій имянинникъ.

— Что это, батюшка, о чемъ вы хлопочете! воскликнула Марья Михайловна, покачивая головой:—всякое дѣло должно начинать съ молитвой, а не о музыкахъ хлопотать.

На другой день Жилины уѣхали. Черезъ мѣсяцъ назначена была свадьба, и невѣста наша загрустила еще болѣе.

Былъ осенній, пасмурный день; съ ранняго утра надъ Кукушкинымъ тяжело висѣли дождевыя тучи, ежеминутно угрожая дождемъ. Благовѣсть къ вечерни глухо отзывался въ сыромъ воздухѣ.

Анюта грустно стояла у окна въ своемъ мезонинѣ; взоръ ея слѣдилъ за сѣрыми облаками, или спускался на пустую площадь, черезъ которую спѣшила молодая женщина, въ шелковомъ салопѣ, съ безпокойствомъ посматривая на сѣрое небо; а по другую сторону шелъ старый инвалидный солдатъ, съ узелкомъ подъ мышкою... Передъ однимъ изъ противоположныхъ мучныхъ лабазовъ разгуливала по грязи стая голубей; а у дверей два парня-прикащики, всѣ въ мукѣ, играли въ шашки. Но вотъ женщина вошла въ соборную ограду, солдатъ повернулъ за уголъ, прикащики скрылись въ лавку, и площадь опустѣла, только голуби по прежнему бродили по грязи, подбирая хлѣбныя зерна, да небольшое стадо утокъ передъ самимъ домомъ Лапиныхъ полоскались въ небольшой лужѣ.

Грустно было Анютѣ.

А между тѣмъ внизу стонъ стоялъ; оттуда къ ней доносились звонкій раскатистый смѣхъ и визгливые голоса дѣвушекъ, собравшихся къ ней на посидѣлки.

— Аннушка, какъ тебѣ не стыдно гостей оставлять! послышался на лѣстницѣ голосъ Пелагеи Андреевны.

И Аннушка пошла внизъ.

Въ залѣ вокругъ большого стола сидѣли дѣвицы, штукъ пятнадцать; передъ каждою изъ нихъ лежала какая нибудь работа для невѣсты, то рукавъ сорочки, то батистовая оборкакъ наволочкѣ, но серьезно работать никто и не думалъ, скорѣй проворныя руки швей протягивались къ большому подносу съ лакомствами, который стоялъ посрединѣ стола; дѣвицы ловко перекидывались между собою орѣхами и скорлупами, и смѣхъ, и говоръ, и визгъ были оглушительны. Вѣра также смѣялась съ подругами; Надя и Маша громко спорили между собою, при раздѣлѣ лоскутковъ и разныхъ обрѣзковъ. Анюта сѣла въ уголъ и подгорюнилась.

Вошла Пелагея Андреевна.

— Чтожь, вы, дѣвушки, пѣсенку не споете? сказала она: — хоть бы невѣсту-то потѣшили; вонъ она сидитъ, повѣся носъ.

Дѣвицы переглянулись и одна изъ нихъ отвѣчала:

— Заставляйте прежде Татьяну Ивановну, а ужь мы ей подтянемъ.

— Слышишь, Татьяна Ивановна, что молодыя-то говорятъ? обратилась хозяйка къ сорокалѣтней, но все еще красивой и полной дѣвицѣ: — и въ самомъ дѣлѣ, Танюшка, вѣдь ты встарину запѣвалою была.

— Мало-ли что встарину было, да теперь былиною поросло, отозвалась Татьяна Ивановна. — Теперь мнѣ должно старые грѣхи отмаливать, а не о пѣсняхъ думать.

— Ишь, святоша! полно-ка ломаться-то, запѣвай поскорѣе: видишь, дѣвицы безъ тебя и пѣть не хотятъ.

— Ахъ, Пелагея Андреевна, вѣдь я уже закаялась; развѣ только для Анны Александровны разрѣшить? отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Пожалуйста, не разрѣшайте, добрая Татьяна Ивановна, отозвалась Анюта: — я знаю, вы такое затянете... и на меня тоску нагонете, тогда я убѣгу...

— И поплачешь тамъ гдѣ нибудь въ углу... а послѣ легче будетъ; которая невѣста сговоренная плачетъ, то всегда счастливо замужемъ живетъ, разсудила Пелагея Андреевна, и настойчивѣе потребовала, чтобъ запѣли пѣсню.

Татьяна Ивановна монотонно затянула, за ней потянули хоромъ и остальныя дѣвушки:

„Приходила сваха-сводница,
Приходила подговорщица,
Уговаривала батюшку,
Увѣщала родну матушку:
Вы отдайте свою Аннушку,
Да за нашего боярина,
За Матвѣя-то Матвѣича;
Какъ у нашего боярина,
Одинъ дворъ-то на семи верстахъ,
Вкругъ двора-то все желѣзный тынъ"...

и проч.

Голосъ и слова этой сговоренной пѣсни еще болѣе навели Анюту на грустныя мысли; она молча опустила голову и стала прислушиваться къ крупнымъ каплямъ дождя, стучавшимъ въ стекла. Пелагея Андреевна плакала, но слушала съ большимъ удовольствіемъ это нытье.

— Что это Лазаря-то поете, красныя дѣвицы? Нельзя-ли лучше что нибудь повеселѣе, сказалъ вдругъ вошедшій хозяинъ, и безъ церемоніи перецѣловалъ всѣхъ гостей.

— Александръ Петровичъ, кажется *того-то*... молвила Пелагея Андреевна, пристально смотря на мужа, (она дѣлала всегда такое замѣчаніе, когда Лапинъ былъ навеселѣ).

— Виноватъ, матушка, выпилъ, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, который вообще пилъ мало и рѣдко: — что дѣлать, Пузановъ въ гостинницу затащилъ, балагуритъ старый хрычъ, пеняетъ, что Аннушку выдаемъ замужъ, — ишь не подождали, пока онъ овдовѣетъ... Ну, а вы что же замолчали? обратился онъ къ дѣвицамъ.

— А самъ же оговорилъ, что невесело поютъ, молвила хозяйка.

— Разумѣется, подхватила Вѣра:—вы не только этими пѣснями Аннушку на слезы наведете, да и я пожалуй заплачу.

— Ну и будете двѣ дурочки, примолвилъ отецъ: — ишь у васъ слезы-то дешевы.

— Эхъ, Александръ Петровичъ, что на невѣстины слезы смотрѣть: невѣстины слезы—утренняя роса, красно-солнышко взойдетъ—росу высушитъ! воскликнула Татьяна Ивановна.

— Молодецъ у насъ, Татьяна Ивановна, замужемъ сама не была, а умно разсуждаетъ, сказалъ смѣясь хозяинъ: — когда же мы тебя-то будемъ замужъ отдавать? прибавилъ онъ, потрепавъ по плечу переспѣлую невѣсту.

— А когда рѣки вверхъ потекутъ, а на березахъ яблоки выростутъ.

— Хорошо, хорошо; такъ я нарочно же къ березѣ яблоню привью, ну и выростутъ яблоки!.. ха, ха, ха! ну, что, поддѣлъ?

— Ужь вы всегда такой, Александръ Петровичъ, съ вами и говорить трудно, отвѣчала Татьяна Ивановна, махнувъ съ досадою рукой. Всѣ засмѣялись.

— А чтобы этакъ, Пелагея Андреевна, повеселиться маленько, всѣхъ на ноги поднять, чѣмъ заунывныя-то пѣсни мурлыкать? сказалъ хозяинъ.

— Ты вѣрно объ Иванъ Иванычѣ думаешь? ну что же, можно, молвила, улыбаясь, Пелагея Андреевна.

И Александръ Петровичъ сейчасъ же послалъ за Иваномъ Иванычемъ; послѣдній не заставилъ себя долго ждать и явился. Иванъ Иванычъ былъ никто иной, какъ кукушкинскій музыкантъ—самоучка, отставной учитель уѣзднаго училища, живущій пенсіономъ. Это былъ низенькій, лысый старичекъ, носившій постоянно надъ глазами зеленый козырекъ. Въ послѣднее время скрипка была единственнымъ источникомъ доходовъ Ивана Иваныча.

— Добро пожаловать! вскричалъ Александръ Петровичъ, завидѣвъ въ дверяхъ зеленый козырекъ музыканта.

— Миръ компаніи честной! проговорилъ старый учитель, оглядывая изъ-подъ козырька собраніе и раскланиваясь на всѣ стороны.

— Ну вотъ, любезный нашъ Иванъ Ивановичъ, повесели компанію-то, продолжалъ хозяинъ: — мнѣ сегодня пришла мысль покуражиться маленько; (такая мысль всегда осѣняла Лапина, когда онъ выпивалъ лишнюю рюмку).

— Добрая мысль, почтенный хозяинъ, добрая мысль! подтвердилъ музыкантъ:—а мы рады стараться; и онъ, вытащивъ скрипку изъ чахла, началъ ее настраивать.

Между тѣмъ поданъ былъ огонь; дѣвицы бросили работу и разсѣлись группами по угламъ, смѣясь и шушукая; другія, взявшись за руки, ходили по комнатамъ; въ столовой кипѣлъ самоваръ, около котораго хлопотала Вѣра съ матерью; Аграфена разносила гостямъ чай.

— Пелагея Андреевна! Чтожь ты музыканта водочкою не поподчуешь? крикнулъ хозяинъ.

Хозяйка явилась съ рюмочкою ерофеича.

— Что это, матушка, за манера такая—подчивать гостей изъ наперстка? вели-ка лучше поставить графинъ на столъ, подать двѣ рюмки и закусить, приказалъ Александръ Петровичъ:—и я выпью за компанію съ Иваномъ Иванычемъ.

— Премного обяжете, отозвался Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ ужь я тебѣ-то бы и не совѣтовала выпить, обратилась Лапина къ мужу.

— Да я твоего совѣта и не спрашиваю, отвѣчалъ, смѣясь, послѣдній.

Пелагея Андреевна покачала головой и ушла, но водка и закуска сейчасъ же были поданы.

Александръ Петровичъ и Иванъ Иванычъ налили рюмки, чокнулись и выпили; затѣмъ нѣсколько минутъ слышался пискъ настраиваемой скрипки; но вотъ инструментъ уже настроенъ, и музыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько варіяцій, опустилъ смычекъ.

— Струны пересохли, почтенный хозяинъ, сказалъ онъ.

— Нужно ихъ смочить, молвилъ, смѣясь, Лапинъ, и опять налилъ рюмки, и опять они чокнулись и выпили.

— Вино сердце веселитъ, и кровь грѣетъ и живитъ! воскликнулъ Иванъ Иванычъ, закусывая.

— И дураками насъ дѣлаетъ! разразился громкимъ хохотомъ Александръ Петровичъ.

— Частенько... подтвердилъ отставной учитель, принимаясь снова за скрипку.

— Ужъ смотри, Иванъ Иванычъ, удружи, такую отхвати, чтобы ноги сами плясали, чтобы стѣны прыгали, и моя Пелагея Андреевна затанцовала, молвилъ хозяинъ, уже замѣтно охмѣлѣвшій.

— Полно пустословить, старый грѣховодникъ! вскричала изъ столовой жена.

Но вотъ нашъ музыкантъ сѣлъ, какъ ему было ловчѣе, съежился, какъ будто приросъ къ скрипкѣ, и, противъ ожиданія, заигралъ заунывную «лучинушку.» Но какъ заигралъ! всѣ слушали, всѣ присмирѣли, всѣ притаили дыханіе. Голова Александра Петровича сама собою опустилась на грудь и покачивалась въ тактъ

пѣснѣ. Аграфена, стоявшая у дверей съ подносомъ, не смѣла пошевелиться; Вѣра, какъ стояла посреди комнаты, такъ и осталась, словно каменная; Пелагея Андреевна въ столовой не чувствовала, какъ у ней по щекѣ скатилась слеза; гостьи сидѣли неподвижно. А Анюта? Анюта чувствовала, что будто какая-то холодная рука разрываетъ ей сердце на части; но она сидѣла по прежнему и, отворотивъ головуото всѣхъ, смотрѣла на пустую, широкую, темную площадь, и взглядъ невѣсты былъ грустнѣе грустныхъ звуковъ, летѣвшихъ изъ-подъ смычка стараго музыканта.

— Полно, Иванъ Иванычъ, всю душу вытянулъ, молвилъ наконецъ хозяинъ, тряхнувъ головой и выходя изъ-подъ вліянія звуковъ.

— Что, не нравится? а варіяціи-то я самъ на дняхъ сочинилъ, отвѣтилъ Иванъ Иванычъ, опуская смычекъ.

— Хорошо-то хорошо, только ужь слишкомъ уныло, лучше съиграй веселенькую.

— Струны пересохли, Алексндръ Петровичъ.

— Размочи, молвилъ Лапинъ и налилъ рюмку.

— Ужь безъ васъ, почтенный хозяинъ, ни-ни, ни капли не выпью, а не выпью и играть не стану, сказалъ рѣшительно музыкантъ.

— Но мнѣ, Иванъ Иванычъ, вовсе не должно, я и такъ *того-то*, какъ говоритъ Пелагея Андреевна.

— На то ваша воля, я играть нестану, подтвердилъ Иванъ Иванычъ.

— Развѣ ужь послѣднюю протащить, да и закаяться? И Лапинъ протащилъ за компанію съ музыкантомъ.

— Вижу, вижу! вскричала Пелагея Андреевна въ дверяхъ и грозя пальцемъ.

— Виноватъ, отвѣчалъ мужъ: — больше не буду.

И вотъ раздалась разудалая плясовая; четыре молоденькія племянницы Лапиныхъ распустили носовые платочки, притопнули и пошли русскую.

— Браво! браво! Лиза! Дуня! молодцы! кричалъ имъ, притоптывая, Александръ Петровичъ, у котораго уже порядкомъ шумѣло въ головѣ. — А ты что, Татьяна Ивановна, сидишь, какъ рѣдька? нельзя ли этакъ вспомнить, какъ мы прежде съ тобою по улицѣ мостовой отплясывали, — обратился онъ къ старой дѣвушкѣ.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, отвѣчала Татьяна Ивановна: — нетолько, батюшка, плясать, я и пѣсни-то пѣть закаялась, да только для Анны Александровны давича разрѣшила.

— Ну, а теперь поплясать разрѣши, да ужь за одно грѣхи-то и отмолишь.

Татьяна Ивановна видимо колебалась.

Рѣзво ходилъ смычекъ въ старой рукѣ Ивана Иваныча; плящущія пары уставали и смѣнялись другими, не сидѣлось уже на мѣстѣ почему-то и Татьянѣ Ивановнѣ, она встала, кивнула головою, щелкнула пальцами и запѣла:

«Ай, вы красныя
Дѣвицы,
Молодыя
Молодицы!»

— Ай люли! ай люли! подхватилъ хозяинъ: — вотъ такъ славно, Татьяна Ивановна! И онъ, забывъ свои годы и сѣдину, которая замѣтно уже засѣла въ его окладистую бороду, вскочилъ съ мѣста, стукнулъ каблуками, покружился и пошелъ выбивать дробь.

Татьяна Ивановна метнулась всторону, дошла до половины комнаты и пошла назадъ, тихо, плавно, словно лебедь поплыла, маня за собою свою пару бѣлою, полною рукою. Въ эту минуту Александръ Петровичъ, закинувъ голову, подперся фертомъ и едва касался пола носками своихъ сапоговъ; только остриженные въ кружокъ волосы быстро встряхивались, и длинныя полы сюртука широко раздувались; по всему было замѣтно, что Лапинъ въ свое время былъ отличный плясунъ.

Смотря на него, всѣ смѣялись, всѣ хохотали, всѣ кричали: браво! не исключая и дочерей; одна только Анюта безучастно глядѣла на эту кутерьму, и ея грустное лицо казалось лишнимъ на этомъ веселомъ праздникѣ.

Но вотъ Александръ Петровичъ встрѣтилъ грустный взглядъ Анюты, ея блѣдное лицо, и вдругъ ему сдѣлалось какъ будто жаль ее, какъ будто чего-то стыдно.—Вотъ мы дурачимся, а она такая невеселая, пронеслось вдругъ въ мысляхъ Лапина и имъ овладѣло странное, неопредѣленное чувство, которое его вдругъ отрезвило.

Александръ Петровичъ подозвалъ Анюту рукою.

— Что ты, Аннушка, очень поблѣднѣла, здорова ли? спросилъ онъ ласково.

— Ничего, тятенька, отвѣчала невѣста.

— Не годится, мой другъ, такъ вѣшать голову, когда всѣ веселятся... Дѣвушки подумаютъ, что ты имъ нерада... Да скажи Аграфенѣ, чтобъ съ ледника арбузъ принесла, поподчуй имъ гостей, ишь здѣсь какая жара.

Покончивъ съ самоваромъ, Пелагея Андреевна вышла въ залу и усѣлась возлѣ мужа.

— Кто-то меня вспоминаетъ? молвила она, икнувъ.

— Вѣроятно свинья за угломъ, замѣтилъ шутливо супругъ.

— Ты, Александръ Петровичъ, вѣчно съ своимъ балагурствомъ, сказала обидчиво Лапина.

Шумъ въ передней прервалъ разговоръ Лапиныхъ; хозяева поспѣшно вскочили съ мѣстъ и бросились туда, музыканту приказано было замолчать, только что начавшаяся французская кадриль смѣшалась, всѣ дѣвицы съ любопытствомъ смотрѣли на дворъ; одна только Татьяна Ивановна, въ уголку, не обращая ни на что вниманія, тихонько тянула какую-то заунывную пѣсенку, вѣроятно вспоминая невозвратную, безплодно-прожитую свою молодость...

III.

Лапины смотрѣли и не вѣрили своимъ глазамъ: передъ ними была сама тетушка Ульяна Спиридоновна, которую дня три тому назадъ они проводили въ Привольскъ на богомолье и которая ни съ того, ни съ сего прикатила на почтовыхъ прямо къ Лапинымъ.

Ульяна Спиридоновна Горюхина была богатая вдова—купчиха, и хотя приходилась Пелагеѣ Андреевнѣ тетушкою уже въ четвертомъ колѣнѣ, но Лапины водили съ нею хлѣбъ-соль; хлопотунья отъ природы, Горюхина любила-таки вмѣшиваться въ чужія дѣла, потому что своихъ ровно никакихъ не имѣла и жила совершенно одинокой.

— Не ждали мы, тетушка, такъ скоро вашего возвращенія, молвилъ Лапинъ.

— Благополучно ли изволили съѣздить? спросила нетерпѣливо

Пелагея Андреевна, желая поскорѣй узнать что нибудь о нареченномъ своемъ зятѣ.

— Благодареніе Всевышнему, Господь сподобилъ обѣщаніе исполнить... все благополучно... А ты, моя родная, что тутъ усѣлась? Поди-ка лучше къ подружкамъ, ишь онѣ въ залѣ безъ тебя что-то притихли, обратилась старуха къ Анютѣ.

— Помилуйте, бабенька, для меня очень пріятно-съ, начала-было послѣдняя.

— Полно, моя голубка, какая тутъ пріятность съ старухами сидѣть, перебила гостья.

Пелагея Андреевна сейчасъ догадалась, что тетушка нарочно высылаетъ Аннушку, и значительно мигнула послѣдней. Анюта вышла вонъ, а Лапина, притворивъ за дочерью дверь, сѣла опять возлѣ гостьи и спросила, стараясь казаться спокойной:

— А что, тетушка, позвольте узнать, видѣли вы нашего жениха, были у нихъ?

— Какъ же была... письмо ваше ему вручила, онъ вамъ кланяться приказалъ; а на письмо отвѣта не написалъ...

— Ну что, понравилось вамъ у нихъ? продолжала съ тревожнымъ любопытствомъ хозяйка.

— У нихъ въ домѣ-то? ничего, домъ хорошій; а ужь они сами-то, такъ очень мнѣ не понравились, воля ваша,—отвѣчала, нисколько не стѣсняясь, Ульяна Спиридоновна.

Александръ Петровичъ громко кашлянулъ, Пелагея Андреевна замѣтно сконфузилась.

— Видѣла я и вашего жениха... Не осердитесь, родимые, а онъ вовсе не пара вашей Аннушкѣ. Коли видѣла бы я его прежде, не посовѣтовала бы за него вамъ дочку отдавать...

— Вы, тетушка, можетъ быть только насчетъ жениховой наружности изволите разсуждать, такъ позвольте вамъ замѣтить, что не съ красотою жить, а съ разумомъ... молвилъ Александръ Петровичъ.

— И насчетъ наружности я говорю, и насчетъ прочаго другого, что не по вамъ эта партія, подтвердила старуха.

Лапины переглянулись между собою.

— Слушайте же, мои свѣты, я все разскажу вамъ по порядку... Но вдругъ вошедшая Вѣра прервала слова старухи. Вѣра несла подносъ, уставленный графинчиками и рюмками, за нею Аграфена тащила другой, обремененный закусками; все это было имъ приказано поставить на столъ и самимъ выдти.

— Ахъ, вы, мои родные! вишь, какъ безпокоются, воскликнула

нула гостья, когда хозяева стали ее подчивать.—Ну, вотъ по неволѣ скажешь, что новая ваша роденька не по вамъ!.. Какъ вы думаете, они меня обѣдать не уняли, даромъ-что я къ нимъ послѣ поздней обѣдни пріѣхала, продолжала Ульяна Спиридоновна, закусывая послѣ выпитой рюмки.—Да, мои свѣты: не уняли!.. только чайкомъ напоили, да два кусочка булочки подали, я и не знала: ѣсть ихъ, или смотрѣть на нихъ?.. Такія сквалыги... Прямые *Жилины*...

Пелагея Андреевна покраснѣла за свою новую роденьку.

— *Крѣпыши!* сказала она, наливая другую рюмку для гостьи.

Когда послѣдняя *повторила,* т. е. опорожнила другую рюмку и снова закусила, то хозяйка нетерпѣливо ей напомнила о начатомъ разговорѣ.

— Ну, вотъ перво на перво, мои голубчики, разговорилась я о вашемъ женихѣ съ хозяйкою постоялаго двора, гдѣ я остановилась, продолжала Ульяна Спиридоновна:—и... И какъ пошла она расписывать и Матвѣя Матвѣича, и матушку его, и сестрицу, и какъ они скупы!..

— Скупость не глупость, тетушка, возразилъ хозяинъ, постукивая пальцемъ по столу.

— Умѣренная скупость, мой родной, а не такая скаредная, что прости Богъ, наѣсться *не уболятъ*, какъ слухъ идетъ о Жилиныхъ-то; и не ходятъ никуда, и къ себѣ не принимаютъ, въ заперти сидятъ.

— Вѣроятно, съ какой нибудь досады ваша хозяйка такъ росписывала, замѣтилъ Александръ Петровичъ:—извѣстно, бабы сплетницы...

Но тетушка, не обращая вниманія на замѣчаніе Лапина, продолжала:

— А прежде-то, какъ они,—говорятъ,—покойницу, первую-то супругу Матвѣй Матвѣича тиранствовали.. отъ нихъ, говорятъ, и въ сырую землю пошла..

Александръ Петровичъ повернулся быстро на стулѣ, точно кто его укусилъ; Пелагея же Андреевна, поблѣднѣвъ, вскрикнула:

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ! Неужели это правда, тетушка?

— Не знаю, Палашенька, какъ сказать; конечно, хоть не все правда, а не все же и ложь... отвѣчала увѣрительно тетушка.

—Какая тутъ правда, бабья сплетня, больше ничего... рѣшилъ хозяинъ.

— Чтожь, мой свѣтъ, ты меня сплетницей что-ли считаешь?

— Псито я лгу? Старуха видимо обидѣлась.

— Я не къ тому, тетушка, началъ-было сконфуженный хозяинъ, но гостья перебила:

— Можетъ, моя хозяйка и вздору половину наговорила, а вотъ послушайте-ка, я вамъ разскажу другую исторію... Пришла это я, въ Привольскѣ, въ соборъ, службы еще не начинали, церковь заперта; сидитъ на паперти, вижу, нищенькая,—я ей согрѣшила, подала... да и думаю: вѣдь нищіе вездѣ бродятъ, и мало-ли, что окомъ слышатъ и знаютъ; постой-ка, спрошу объ Аннушкиномъ женихѣ, не знаетъ-ли она чего? Вотъ и спросила я у старухи, не знаетъ ли она, скоро ли будетъ вѣнчанье у Жилина?—Незнаю, сударыня, отвѣчаетъ мнѣ, моя нищая:—вѣдь Матвѣй-то Матвѣичъ не на здѣшней женится, издалека откуда-то беретъ; то то, сердечная, какъ куръ во щи, попадетъ,—знать за родительскіе грѣхи...

— Такъ она вамъ и сказала!? вскричала Пелагея Андреевна, уставивъ испуганные глаза на тетушку.

— Такъ и сказала, подтвердила Ульяна Спиридоновна.

Лапина всплеснула руками.

— И, вѣришь ли ты мнѣ, Палашенька, отъ этихъ старушечьихъ словъ, такъ у меня сердце и перевернулось, словно Аннушка—моя родная дочь. Вотъ и начала мнѣ нищая разсказывать, какіе они аспиды, какъ они съ первою невѣсткою обращались,—голодомъ морили, подъ замокъ запирали... а скупы-то, говоритъ, до того, что круглый годъ отъ нихъ нищая братія грошомъ непоживится, кромѣ свѣтлаго праздника...

— И охота вамъ была слушать какую нибудь пьяницу, которой не подали гроша—вотъ она и давай порочить честныхъ людей, возразилъ съ неудовольствіемъ Александръ Петровичъ, начинавшій терять терпѣніе.

— Не горячись, мой свѣтъ, вѣрить и не вѣрить въ вашей волѣ, отвѣчала спокойно тетушка:—за что я купила, за то и продаю; а не пересказать я вамъ не могла.

— Все это вздоръ, клевета, и плакать не о чемъ, сказалъ Лапинъ, видя, что Пелагея Андреевна плачетъ.

— А если все это правда? проговорила она.

— Не вѣрю, вѣрить не хочу и тебѣ не велю, говорилъ свое Лапинъ, размахивая руками:—положимъ, можетъ свекровь и не ладила что нибудь съ покойною невѣсткою, кто ихъ знаетъ? Гдѣ женщины вмѣстѣ живутъ, рѣдко не ссорятся; но чтобъ Матвѣй

Матвѣичъ забилъ въ гробъ свою первую жену — этого быть не можетъ!. Онъ человѣкъ разсудительный, тихій...

— Ты на это, мой голубчикъ, не смотри, — въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся; я не къ вашему зятю, а вообще по пословицѣ говорю. А иной тихоня—мужъ, солонѣе бойкаго накачается; какъ начнетъ жену жучить, да учить, такъ не приведи Господи... и не доступила и переступила, и не такъ сказала, и не такъ взглянула, и за всякую малость словами, точно щипцами, щиплетъ; а все въ тихомолку, чтобъ люди не знали, а при людяхъ-то ангеломъ прикидывается; ну, люди и говорятъ: вотъ, молъ, голубки живутъ, не надышутся другъ другомъ... Такъ вотъ какія иной разъ тихони-то шельмы бываютъ. У меня, мой покойникъ, продолжала Ульяна Спиридоновна:—простъ и вспыльчивъ былъ, иной разъ такъ оборветъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, а я себѣ, горя мало, и не думаю бояться; смотрю, черезъ полчаса, онъ ужь и ходитъ за мною, и лижется, какъ теленокъ, а я губу дую, да носъ всторону ворочу, и до тѣхъ поръ не мирюсь, пока себѣ обновы не выговорю,—право слово! Такъ-то, я бы вамъ, Палашенька, совѣтовала хорошенько разузнать, и коли худые слухи справедливы, жениху отказать, заключила рѣшительно тетушка.

Всѣ замолчали.

Между тѣмъ вошла Вѣра и сказала, что ужинъ давно готовъ; когда хозяева и гостья вошли въ залу, пробило 11-ть часовъ. Половина дѣвицъ уже разошлась по домамъ, остальныя, унятыя молодыми хозяйками ночевать, облѣпили Татьяну Ивановну, которая гадала имъ на картахъ.

Иванъ Иванычъ все еще пилилъ на скрипкѣ, что ему въ голову приходило. Онъ въ отсутствіе хозяина такъ усердно смачивалъ струны, что зеленый козырекъ вмѣсто глазъ пріосѣнялъ затылокъ, и самъ музыкантъ едва держался на стулѣ.

Пелагея Андреевна велѣла проводить музыканта домой, а денегъ за вечеръ не отдала, наказавъ, чтобъ приходилъ за ними завтра свѣженькій.

За ужиномъ Горюхина разсказывала, какъ за нею ухаживалъ ея покойникъ и смѣялась сама больше всѣхъ; хозяева усердно подчивали гостью; а Анюта сидѣла, такая же грустная и безмолвная, какъ и всегда, со дня помолвки.

— Что ты думаешь о томъ, что намъ тетушка о Матвѣѣ Матвѣичѣ говорила? спросила Пелагея Андреевна, проводивъ гостью и оставшись наединѣ съ мужемъ.

— Я думаю, что твоя тетушка старая сплетница: — любитъ вездѣ вмѣшиваться, гдѣ ее не спрашиваютъ, отвѣчалъ супругъ.

— Впрочемъ вѣдь мудренаго нѣтъ, если и въ самомъ дѣлѣ такъ?..

— Не съѣздить ли тебѣ, Александръ Петровичъ, опять въ Привольскъ, и разузнать подробнѣе? проговорила плаксиво жена.

— Завтра объ этомъ подумаемъ и поговоримъ, рѣшилъ Лапинъ.

Но *завтра* поворотило его на другія мысли. Жилинъ стоялъ опять передъ нимъ, какъ человѣкъ хорошій во всѣхъ статьяхъ; и когда Пелагея Андреевна напомнила ему о слухахъ, сообщенныхъ вчера тетушкою, насчетъ жениха, Александръ Петровичъ выбранилъ и себя, и Пелагею Андреевну за то, что они имѣли терпѣніе вчера цѣлый вечеръ слушать болтовню старухи, заплывшей жиромъ и потому выживающей изъ ума.

IV.

Прошло еще нѣсколько дней, и для Аннушки насталъ день отъѣзда въ Привольскъ; съ утра въ домѣ Лапиныхъ былъ отслуженъ молебенъ; къ обѣду собрались родственники и дѣвицы на проводы къ подругѣ; прощальный обѣдъ шелъ невесело; но вотъ зазвенѣли рюмки и начались пожеланія всѣхъ благъ невѣстѣ, а наша невѣста ничего не слышала и едва держалась на ногахъ.

Сборы кончены; нѣсколько повозокъ тройками вкатили на дворъ, въ комнатахъ послышался плачъ. Надя и Маша повисли Анютѣ на шею, подруги наперерывъ осыпали невѣсту прощальными поцѣлуями.

Александръ Петровичъ взялъ въ руки образъ, Пелагея Андреевна—хлѣбъ-соль, и оба, утирая слезы, стали рядомъ, чтобъ благословить дочь. Анюта какъ бухнулась родителямъ въ ноги, такъ и замерла, въ лицѣ ни кровинки, мертвецъ-мертвецомъ; подняли ее и безчувственную завернули въ салопъ и положили въ повоз-

ку. Съ Анютою сѣли мать и Вѣра; Александръ Петровичъ съ прочими родственниками, которые ѣхали въ Привольскъ на свадьбу, помѣстились въ другихъ повозкахъ; и поѣздъ, побрякивая бубенчиками, повернулся; за поѣздомъ потянулись провожатые; еще разъ за заставою Кукушкина простились подруги съ Анютою; еще разъ пожелали ей всякаго счастія и вернулись домой.

Рѣзво мчались лошади по большой дорогѣ; молча и машинально смотрѣла опомнившаяся Анюта въ туманную даль, на бѣгущія на встрѣчу придорожныя деревья, на темные кусты и полевыя изгороди. Густыя осеннія сумерки быстро спускались, и на темномъ небѣ появился узенькій блѣдный серпикъ молодого мѣсяца.

— Посмотрите, маменька, мѣсяцъ только что народился, а я его увидѣла съ лѣвой стороны, вѣдь это кажется не къ добру? сказала вдругъ Вѣра.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! вскрикнула сердито мать, толкнувъ въ бокъ говорившую, и потомъ набожно перекрестясь и смотря на мѣсяцъ, прибавила:—тебѣ, батюшка златъ— вѣнецъ, а намъ доброе здоровье!...

Лапина была женщина темная и суевѣрная; замѣчаніе Вѣры шарахнуло ее по сердцу, словно ножемъ, но боясь испугать Анюту, Пелагея Андреевна благоразумно прервала разговоръ, хотя Анюта находясь въ какомъ-то оцѣпененіи, вовсе не слыхала, что возлѣ нея говорилось.

Прибыли Лапины въ Привольскъ и прямо на приготовленную для нихъ Матвѣемъ Матвѣичемъ квартиру. На другой день Анюту обвѣнчали съ Жилинымъ. Не входя въ подробное описаніе ихъ свадьбы, скажемъ только, что во время вѣнчанья мужчины вслухъ завидовали жениху, что беретъ такую красавицу, а женщины до тонкости пересуживали нарядъ невѣсты. Съ ранняго утра въ тотъ день жительницы Привольска толпились возлѣ дома Жилиныхъ, желая взглянуть на парадную постель для молодыхъ, но Марья Михайловна не приказала никого впускать, и они, проклиная и Марью Михайловну и дурную погоду, принуждены были дожидаться пріѣзда молодыхъ у подъѣзда.

Лишь только молодыхъ встрѣтили и усадили на диванъ, старуха Жилина подвела къ Анютѣ ея маленькую падчерицу, щедушную запуганную дѣвочку, и сказала что-то въ родѣ наставленія, что теперь Анна Александровна должна для сироты замѣнить мать. Анюта съ чувствомъ обняла Сашу и усадила ее возлѣ себя, стараясь приласкать; но дѣвочка сидѣла потупившись и

щипала складки своего кисейнаго платьица, сбираясь какъ нибудь скорѣе убѣжать. Замѣтивъ это, молодая мачиха сказала ей, что если ей здѣсь не нравится, то она можетъ уйти, и Саша убѣжала.

— Вотъ что значитъ мачиха—и на первый то разъ не приласкала, замѣтила Лизавета Матвѣевна, увидѣвъ бѣглянку въ столовой, и приказала ей идти въ дѣтскую.

Пиръ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ, и Анюта удивлялась, что Матвѣй Матвѣичъ, замѣтившій у нихъ въ домѣ, что трудно угостить такую орду, — самъ теперь пригласилъ такъ много гостей. Привольскія дамы сидѣли тихо и чинно, оглядывая Анюту съ ногъ до головы, и тихонько перешептывались между собою; за то въ залѣ раздавался довольно громкій говоръ мужчинъ. Марья Михайловна извинялась какой-то болѣстью и рано ушла къ себѣ, а Лизавета Матвѣевна съ самого начала гдѣто скрылась за кулисами, вѣроятно присматривая за прислугой, чтобы что нибудь не пропало; одинъ только Матвѣй Матвѣичъ сновалъ по комнатамъ, наблюдая самъ за угощеніемъ и посылая мысленно къ чорту неспѣсивыхъ гостей, которые явились на его приглашеніе.

— Матвѣй Матвѣичъ, посидите съ нами-то хоть минуточку, воскликнула Пелагея Андреевна, сидѣвшая возлѣ Анюты:—вѣдь вы совершенно умаялись, все и обо всемъ сами хлопочете.

— Чтожъ дѣлать-съ? нужно присмотрѣть, чтобы все было въ порядкѣ-съ, а кому? Маменька больны, имъ не до того, а у сестрицы тоже много хлопотъ-съ, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ и короткими, неслышными шажками пустился въ буфетъ.

— Вотъ такъ хозяинъ, нечего сказать, любо-дорого; ничего, счастлива будетъ за нимъ Аннушка, подумала про себя Лапина.

— Ну, что, Пелагея Андреевна, если бы была здѣсь сейчасъ тетушка Ульяна Спиридоновна, что бы она заговорила? шепнулъ Александръ Петровичъ женѣ.

— Что ей заговорить? язычекъ бы прикусила, отвѣчала последняя:—посмотри-ка, какъ все хорошо устроено.

— Главное, хозяйственно, подтвердилъ супругъ, очень довольный всѣмъ видѣннымъ.

Между тѣмъ Вѣра нашептывала Анютѣ на ухо, показывая на дамъ.

— Посмотри, Анюта, вотъ это лиловое платье, со звѣздою на лбу, цѣлые полчаса съ насъ глазъ не спускаетъ.. ужь не очаро-

вали ли мы ее, какъ ты въ книжкѣ читала про какую-то змѣю или ящерицу.

И Анюта въ самомъ дѣлѣ увидѣла длинную, сухую гостью, смотрѣвшую на нихъ неподвижными, оловянными глазами.

— А на этихъ двухъ сосѣдокъ посмотри, продолжала насмѣшница:—видишь, какъ одна живо говоритъ и тыкаетъ пальцемъ другую въ грудь, а та отъ нея ежеминутно отодвигается, вмѣстѣ со стуломъ, а говорунья все ближе къ ней придвигается,—смотри, они скоро до насъ доѣдутъ. А это что еще за корзина съ цвѣтами къ намъ идетъ?

Показанная Вѣрою *корзина съ цвѣтами* была Текуса Егоровна Бодаева; низенькая, толстенькая, тридцатилѣтняя женщина, съ короткими пальцами, унизанными перстнями, она дѣйствительно походила на корзину съ цвѣтами, въ своемъ соломеннаго цвѣта платьѣ и въ наколкѣ изъ крупныхъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Бодаева сѣла возлѣ Анюты и заговорила съ сестрами, распрашивая ихъ о Кукушкинѣ и разсказывая имъ о Привольскѣ; она жалѣла Анюту, что ей вышла судьба жить на чужой сторонѣ вдали отъ родителей; и, пересыпая рѣчь ласковыми эпитетами, Бодаева предлагала ей свое знакомство и родственное расположеніе; потомъ показала Анютѣ чуть не пальцемъ всѣхъ бывшихъ на свадьбѣ гостей и описала подробно домашнюю жизнь почти каждаго. Анюта невольно улыбалась, а Вѣра едва удерживалась отъ хохота; затѣмъ Текуса Егоровна разсказала нѣсколько веселыхъ анекдотцевъ, ходившихъ по городу; потомъ она встала, завидѣвъ входившую Пелагею Андреевну, подошла съ ней и обѣ усѣлись въ другомъ углу.

Вѣра, слушавшая съ удовольствіемъ болтовню Бодаевой, заключила, что Текуса Егоровна славная веселая женщина, и очень бы была не дурна, если бы не портила себя пестрымъ уродливымъ нарядомъ.

Между тѣмъ Пелагея Андреевна хвалила Текусѣ Егоровнѣ устройство дома Жилиныхъ и самого Матвѣя Матвѣича, какъ отличнаго хозяина; притомъ откровенно разсказала ей, какъ Ульяна Спиридовна чуть не расхаяла жениха и чуть не лишила Анушку благополучія сдѣлаться женою такого отличнаго человѣка.

Текуса Егоровна только покачивала головою и тяжело вздыхала, приговаривая:

— Ужь вѣрно судьба такая вышла вашей дочкѣ,—что дѣлать?... Ужь, вѣрно, судьба! Но самодовольная Пелагея Андреевна вовсе не вникала въ смыслъ этихъ словъ и не замѣтила,

что Бодаева не сказала ни одного одобрительнаго слова насчетъ Матвѣя Матвѣича.

Но въ залѣ дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Высокій, толстый мужчина, съ угреватымъ лицомъ и несовсѣмъ чисто выбритою бородою, густымъ басомъ доказывалъ своему противнику, щедушному старику, что слово *чортъ* происходитъ отъ черты; старикъ спорилъ, что—отъ черноты грѣховной, и назвалъ толстяка фармазономъ. Послѣдній громко стукнулъ кулакомъ по столу, и споръ непремѣнно перешелъ бы въ ссору, если бы Матвѣй Матвѣичъ не убѣдилъ старика, что спорить съ Семеномъ Васильевичемъ очень трудно и даже невозможно.

Багровый Семенъ Васильевичъ былъ никто иной, какъ мужъ Текусы Егоровны Бодаевой и двоюродный братецъ Матвѣя Матвѣича.

Но Бодаевъ, не смотря на то, что противникъ уже замолчалъ, не переставалъ кричать и стучать, доказывая свое мнѣніе.

Крики эти ясно слышались въ гостиной.

— Ай, мои батюшки, кто это такъ кричитъ? молвила Лапина.

— Мой муженекъ, отвѣчала очень просто Бодаева: — онъ завсегда такъ оретъ пьяный, просто стыдъ съ нимъ, хоть никуда глазъ не показывай.

— Чтожь дѣлать, сегодня время такое, всѣ подвеселѣли, ну иное слово и погромче скажется.

— Хорошо веселье! Онъ у меня каждый день такъ веселится, безобразникъ этакой; такъ вотъ вѣкъ и бьюсь... Вотъ вѣдь иногда какое замужество-то бываетъ. Текуса Егоровна глубоко вздохнула.

— Вѣрно всякому свое счастіе, разсудила Пелагея Андреевна, съ сожалѣніемъ покачивая головою.

— Я не ожидала, Анюта, чтобъ здѣсь было такъ хорошо, говорила Вѣра, ходя по комнатамъ подъ руку съ молодою.

— Хорошо-то хорошо, отвѣчала послѣдняя со вздохомъ: — да каково мнѣ тутъ одной остаться?.. Одной-то бы пожалуй и ничего, а то...

— Ничего, Анюточка, не унывай, что же дѣлать? Коли захотѣла сама выдти, такъ и привыкнешь!

— Вѣра! прошептала Анюта съ упрекомъ.

— Что, Вѣра? Вѣдь не силой же въ самомъ дѣлѣ тебя выдали, отвѣчала Вѣра съ скрытой досадой.

— Вѣрно, судьба! заключила Анюта.

Сестра ей ничего не отвѣчала.

Свадебный вечеръ кончился; гости разъѣхались, и осталась наша молодая одна въ чужомъ домѣ.

На другой день свадьбы, часу въ двѣнадцатомъ утра, Анюта одѣвалась, чтобъ ѣхать съ визитами; невесело смотрѣла она на свой богатый нарядъ, а еще невеселѣе на своего молодаго мужа, который, утонувъ въ своемъ широкомъ, шелковомъ халатѣ, сидѣлъ, сгорбившись за конторкою, постукивалъ счетами, и итоги свадебныхъ расходовъ заносилъ въ тетрадь; порою Жилинъ покачивалъ головой и вздыхалъ,—расходы противъ его предположенія оказывались велики, и онъ раза два-три взглянулъ на свою молодую такимъ взглядомъ, какъ будто говоря: «дорого, матушка, досталась»... Въ рысьихъ глазкахъ Жилина виднѣлась нетерпѣливая досада; онъ замѣтно торопился, сбивался въ счетѣ и опять снова принимался считать... Горничная уже два раза докладывала, что наемная карета пріѣхала и ждетъ.

— Ахъ, да! кареты! визиты! гости! траты! вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ, вскакивая и бросая на конторку счеты, которыя опрокинули чернильницу и сами полетѣли съ громомъ на полъ. Анюта вздрогнула, а горничная бросилась вытирать чернила, лившіяся по конторкѣ; молодой сталъ торопливо одѣваться.

Между тѣмъ Лапины въ своей квартирѣ съ нетерпѣніемъ дожидались молодыхъ; Пелагея Андреевна кропотливо прибирала всѣ вещи, разбросанныя вчера. Вѣра разставила уже чашки для кофею. Александръ Петровичъ суетливо посматривалъ то въ окно, то на часы.

Черезъ нѣсколько минутъ Анюта въ бархатѣ и перьяхъ входила уже въ переднюю; за нею короткими шажками выступалъ Матвѣй Матвѣичъ.

Поздоровавшись съ родителями, Анюта взяла сестру за руку, и обѣ вышли въ сосѣднюю комнату. Не говоря ни слова, сестры обнялись и заплакали.

Черезъ минуту вошла мать и сказала:—Аннушка, Матвѣй Матвѣичъ торопится, даже и кофе кушать не остается.

— Вотъ тебѣ и разъ! воскликнула Вѣра съ досадою.

— Позвольте, маменька, мнѣ хоть минуточку у васъ побыть, прошептала Анюта сквозь слезы.

— Мы душевно рады, да чтожь дѣлать? Теперь ужь не наша воля въ тебѣ, а мужнина, — отвѣчала мать: онъ говоритъ, что карета у васъ взята на часы.

— Охъ, ужъ этотъ Матвѣй Матвѣичъ, сказала, стиснувъ губы, Вѣра.

Мать взглянула пристально на дочерей; у обѣихъ глаза были заплаканы.

— Вѣра! сказала сердито Пелагея Андреевна: — что это значитъ—о чемъ нюни распустила? А! ты только сестру смущаешь? Смотри у меня!.. А ты, Аннушка? не стыдно это тебѣ? Гдѣ бы молодой веселиться да Бога благодарить, что хорошаго мужа послалъ, а ты плачешь? Ай, ай, сударыня, нехорошо!

— Поскорѣе, Аннушка, Матвѣй Матвѣичъ торопится, послышался голосъ Лапина.

— Настоящая свинка—и смотритъ-то изъ подлобья,—думала Вѣра по отъѣздѣ Жилина: — такой короткій визитъ, и къ кому же? къ намъ! И съ перваго дня Анюта должна слушаться этого болвана, тьфу! Вѣра плюнула и топнула ногой.

— Вы, Анна Александровна, не извольте нигдѣ долго останавливаться-съ, сказалъ Жилинъ своей молодой женѣ, сидя рядомъ съ ней въ каретѣ: — потому-съ карета взята на часы и нужно со всѣми сегодня покончить-съ...

— Но какъ же мы успѣемъ, вѣдь гостей было такъ много?.. замѣтила Анюта.

— Вы думаете, мы ко всѣмъ поѣдемъ, кто у насъ былъ? слуга покорный-съ! Кто побогаче, къ тому ужъ необходимо,— а то тутъ была такая голь и бѣдность, что ой, ой!

— Вѣдь вы приглашали же ихъ?

— Не пригласить было нельзя-съ, родня недальняя-съ, напримѣръ, родного дяди жена съ дѣтьми. Покойный дядя былъ живъ, были они богаты, и мы къ нимъ въ гости ходили, а теперь, теперь они бѣдны.

— Но все же могутъ обидѣться, что мы имъ не сдѣлали визита, замѣтила молодая, притаивъ вздохъ.

— А для меня вотъ какъ дорого, что они обидятся... И Матвѣй Матвѣичъ плюнулъ себѣ подъ ноги. — Я и не думалъ, что явятся эти *персоны*—въ платьяхъ, взятыхъ у людей, а они явились и ихъ тоже угощай наравнѣ съ прочими...

У Анюты сжалось сердце отъ этой бездушной выходки мужа; ничего подобнаго не слыхала она въ домѣ своихъ родителей; ей стало обидно за бѣдняковъ, которые вчера удостоились сидѣть за столомъ богатаго родственника, а сегодня этотъ родственникъ говорилъ о нихъ съ такимъ презрѣніемъ.

Кукушкинскіе родственники Лапиныхъ, пріѣхавшіе съ ними на свадьбу и квартировавшіе въ номерахъ, уѣхали домой въ то же утро. Сами Лапины пробыли въ Привольскѣ четыре дня.

Въ день своего отъѣзда Лапины завтракали у зятя. Анюта съ самого ранняго утра не осушала глазъ.

— Не плачьте, мой ангелъ, Анна Александровна, уговаривала ее свекровь:—я васъ, моя душа, приняла за дочку и всѣ силы употреблю, чтобы вы у насъ не скучали по своимъ родителямъ, чтобы поскорѣй привыкли къ нашему дому... Старуха закашлялась.

— Аннушка, поцѣлуй у свекрови ручку, шепнула Анютѣ Пелагея Андреевна, и потомъ прибавила вслухъ, обращаясь къ сватьѣ:—не оставьте, сватьюшка, своею ласкою моей дочери, заступите ей мѣсто меня и окажите ей свое расположеніе... Надѣюсь, что и вы будете ею довольны: я не такъ воспитывала дочерей, чтобъ давать имъ потачку... А коль на что не станетъ ея разума, то наставьте молодого человѣка... И Лапина заплакала.

— Что это вы, сватьюшка! воскликнула Марья Михайловна:—да пусть меня Господь покараетъ, если я не буду любить Анну Александровну, какъ дитя родное... Я насилу и дождалась того, что Матюшенька бракомъ сочетался; а теперь я и нарадоваться не могу...

Лизавета Матвѣевна при этихъ словахъ взглянула на мать, потомъ на Анюту, и насмѣшка, похожая на гримасу, мелькнула на ея сухихъ, пергаментныхъ губахъ.

— Надъ кѣмъ и надъ чѣмъ насмѣхается эта вѣдьма? подумала про себя Вѣра, подмѣтившая рысій взглядъ вдовы.

Между тѣмъ въ это время Матвѣй Матвѣичъ, разговаривая съ тестемъ, какъ-то странно ластился къ нему, какъ будто что-то хотѣлъ сказать, но не рѣшался.

Но вотъ подали закуску, зять усердно подчивалъ тестя и тещу, съ послѣднею и самъ за компанію выпилъ нѣсколько рюмокъ мадеры, (кромѣ мадеры Жилинъ ничего не пилъ).

— Вотъ, маменька, у васъ скоро и другая свадьба будетъ, замѣтилъ онъ тещѣ, показывая на Вѣру:—а у насъ въ Привольскѣ за женихами дѣло не станетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, Матюша, перетащимъ-ка Вѣру Александровну въ Привольскъ; двумъ сестрицамъ веселѣе будетъ, вмѣшалась старуха Жилина.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо! воскликнула Анюта, потрепавъ Вѣру по плечу.

— Удивительно *хорошо*, передразнила съ досадою Вѣра и нахмурила брови.

— Ну, и сватайте, коли женихъ на примѣтѣ есть; мы пожалуй не прочь, сказалъ Лапинъ, обратясь къ хозяйкѣ.

— Ну, ужъ привольскіе ваши женихи, нечего сказать! воскликнула Пелагея Андреевна, у которой мадера развязала языкъ.

— А чѣмъ же они дурны-съ? спросилъ зять, взглянувъ на тещу своими узкими глазками.

— Денегъ много ищутъ, выжиги этакіе! подавай имъ хоть дуру, хоть урода, лишь бы деньги въ придачу шли... А какъ говорятъ, свалили къ вамъ въ Привольскъ какую-то черно-немочную, денегъ насулили и недали... Ха, ха, ха! Надули значитъ! Пелагея Андреевна смѣялась.

Матвѣй Матвѣичъ потупился въ тарелку и ничего не сказалъ, за то Лизавета Матвѣевна рѣзко замѣтила:

— Вы, Пелагея Андреевна, смѣетесь надъ привольскими женихами, а сами свою дочку въ тотъ же Привольскъ выдали...

— Я надѣюсь, что Матвѣй Матвѣичъ мои слова на свой счетъ не приметъ, отвѣчала горячо Лапина.

— Помилуйте-съ, отозвался Жилинъ, подавляя свою досаду.

— Да и мы въ своей жизни никого ни въ чемъ не обманывали... Дочь моя—товаръ на лицо, продолжала Пелагея Андреевна.—вотъ она (и мать показала на Анюту пальцемъ), сами изволите видѣть, не уродъ какой... Приданымъ мы тоже надуть не намѣрены; назначенныя Аннушкѣ деньги готовы хоть сейчасъ отдать...

— Сейчасъ—не сейчасъ, а такъ въ мартѣ мѣсяцѣ, съ большимъ удовольствіемъ, подтвердилъ Александръ Петровичъ.

Матвѣй Матвѣичъ весь какъ-то оживился, какъ будто онъ только этого слова и ждалъ и, припрыгнувъ на стулѣ, спросилъ, не смотря впрочемъ на тестя:

— А у васъ, тятенька-съ, вѣрно капиталъ Анны Александровны въ оборотѣ-съ?

— Да, и ближе ростовской ярмарки я его не могу освободить, отвѣчалъ Лапинъ.

— Такъ-съ, а опослѣ мы его положимъ въ ломбардъ...

— Что вы, Матвѣй Матвѣичъ? вы человѣкъ коммерческій и говорите такое неподобіе... Напротивъ, вы Аннушкины деньги пустите въ оборотъ,—молвилъ Александръ Петровичъ.

— Но можетъ быть, Анна Александровна мнѣ не довѣряетъ? Жилинъ взглянулъ на жену; Анюта промолчала.

— Вотъ какой вздоръ! отвѣчалъ Лапинъ за дочь.

Матвѣй Матвѣичъ долго переминался, видимо ему хотѣлось что-то сказать, и какъ будто стыдно ему было выговорить это слово. Наконецъ онъ переломилъ себя и спросилъ:

— И такъ-съ, тятенька, послѣ ростовской непремѣнно-съ?

— Да, послѣ ростовской... Но если вы не вѣрите, то я пожалуй дамъ вексель на имя дочери, проговорилъ, смѣясь, Лапинъ.

Глазки Матвѣя Матвѣича радостно блеснули; онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ тесть самъ вызвался исполнить его задушевное желаніе, высказать которое онъ такъ затруднялся.

— Конечно-съ форменный документъ всего лучше-съ... произнесъ, потупясь, Жилинъ, и стараясь скрыть свою радость.

— Что вы?! . сказала, поблѣднѣвъ Анюта, обращаясь къ мужу.

Но въ это время Пелагея Андреевна громко отодвинула свой стулъ отъ стола и принялась благодарить хозяевъ аа угощеніе...

V.

Послѣ завтрака Анюта съ матерью и сестрою ушли въ спальню, чтобъ наговориться наединѣ до слѣдующаго свиданія. Матвѣй Матвѣичъ съ тестемъ вышли въ залу.

— Счастливо вамъ оставаться, Матвѣй Матвѣичъ, а намъ пора и домой, сказалъ Лапинъ, садясь къ окну: — скоро ли тамъ мои будутъ готовы?

— Еще успѣете-съ, тятенька, будете дома, заговорилъ зять, то упирая глаза въ землю, то подчимая ихъ на тестя. Какимъ же манеромъ мы дѣльце устроимъ-съ?.. При послѣднемъ вопросѣ Жилинъ съежился, какъ будто его подхлыстнули по самому чувствительному мѣсту.

Александръ Петровичъ взглянулъ на него вопросительно.

— Какое дѣльцо, Матвѣй Матвѣичъ?

— А насчетъ... насчетъ-то... Жилинъ замялся.

— А! насчетъ Вѣры? воскликнулъ, засмѣявшись весело, Лапинъ:—ну, сватайте, сватайте, свадьбу съиграемъ; чего долго ждать!

— Никакъ нѣтъ-съ, я-съ... я-съ насчетъ векселька-съ... проговорилъ полушопотомъ Матвѣй Матвѣичъ и несмотря на тестя.

— Такъ чтожъ, мнѣ Аннушкины деньги ненужны, началъ

послѣдній:—послѣ ростовской вы ихъ получите сполна, и пріобрѣтайте на нихъ какъ знаете, по своему разсужденію. Говоря это, тесть вообразилъ, что зять хочетъ оставить ему приданое жены на проценты на слѣдующее за ростовской ярмаркой время.

— Конечно-съ... надѣючись на Бога-съ... но все же документикъ... вѣдь до ростовской ярмарки, тятенька, еще пять мѣсяцовъ... все можетъ случиться-съ... смерть, разныя обстоятельства-съ, век...сель обезпеч... Матвѣй Матвѣичъ закашлялся.

Теперь только понялъ Александръ Петровичъ, о чемъ хлопочетъ зятюшка и пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы, Матвѣй Матвѣичъ, желаете вѣроятно, чтобъ я вамъ далъ вексель? Такъ что-ли? спросилъ онъ прямо.

— Точно такъ-съ, тятенька, отвѣтилъ Жилинъ, сдувая пылинку съ рукава и не смотря на тестя:—я по вашимъ же словамъ-съ въ надеждѣ... вѣдь вы сами давича изволили сказать-съ...

— Да, я давича пошутилъ...

— Незнаю-съ, пошутили вы, или правду изволили сказать-съ, продолжалъ Матвѣй Матвѣичъ:—но вы не подумайте чего нибудь-съ... а не мѣшало бы, на имя Анны Александровны-съ...

— Конечно, на имя Анны Александровны, промолвилъ Александръ Петровичъ:—посылайте за маклеромъ.

Матвѣй Матвѣичъ не заставилъ тестя повторить послѣднихъ словъ и поспѣшно оставилъ комнату.

Въ отсутствіе его Лапинъ облокотился на столъ. Недовѣрчивость зятя какъ будто его ошеломила, тѣмъ болѣе, что въ Кукушкинѣ слово его считалось вѣрнѣй векселя. Раздумавъ хорошенько, онъ сталъ догадываться, что немножко поспѣшилъ своимъ лестнымъ мнѣніемъ о зятѣ: жадность къ деньгамъ и грубость этого чувства сразу показали Жилина въ его настоящемъ свѣтѣ...

Между тѣмъ Матвѣй Матвѣичъ привелъ маклера, и вексель былъ написанъ и подписанъ.

Затѣмъ Лапинъ и Жилинъ вошли въ спальню.

— Ну, Аннушка, теперь я твой должникъ: возьми-ка, молвилъ отецъ съ веселымъ видомъ, подавая дочерѣ вексель.

Анюта пристально посмотрѣла на отца, потомъ на мужа и, покачивая съ упрекомъ головою, закрыла лицо руками и заплакала.

— Что ты, Аннушка?

— Что съ тобой? вскричали въ одинъ голосъ отецъ и мать.

— Анна Александровна, что вы изъ себя представляете-съ?—замѣтилъ мужъ, не скрывая досады.

Но Анюта рыдала и не могла ни слова выговорить.

— Да что же съ тобой? повторилъ заботливо Лапинъ, отнимая насильно руки отъ лица дочери:—скажи пожалуйста, о чемъ ты плачешь?

— Ахъ, какая обида! какая горькая обида! произнесла наконецъ Анюта.

— Да кто-жь тебя обидѣлъ, другъ мой, кто обидѣлъ? допытывался отецъ.

— Не меня, тятенька, не меня, а васъ, отвѣчала плачущая дочь.

— Кто-жь тятеньку обидѣлъ, Анна Александровна-съ? спросилъ Жилинъ.

— Вы, Матвѣй Матвѣичъ, вы его обидѣли!.. Вы ему не повѣрили на 5-ть мѣсяцевъ его же собственныхъ денегъ и взяли съ него вексель!.. продолжала Анюта.

— Господи помилуй!.. воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ: — чѣмъ же я-то тятеньку обидѣлъ-съ? Вексель данъ на ваше имя, сударыня-съ.

— Оттого-то я и плачу, оттого мнѣ и досадно, что весь Кукушкинъ вѣритъ его слову, а я?.. дочь... — и Анюта снова закрыла лицо руками.

У Александра Петровича навернулись слезы. Въ немъ зашевелилось чувство, похожее на оскорбленіе, которое онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ дочерью... Онъ взялъ ее за руку и долго не могъ выговорить слова.

— Ейбогу, странная фанаберія, понять не могу-съ, проворчалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Именно странная фанаберія! воскликнула Пелагея Андреевна:—другая на ея мѣстѣ и рада-бы была, что отецъ все законно сдѣлалъ... а она глупая плачетъ...

Впродолженія этой сцены, Вѣра стояла, поглядывая изподлобья на зятя, и кусала себѣ ногти чуть не докрови.

— Возьмиже Аннушка, возьми, прибери и успокойся, ничего не думай: на то была моя воля, заговорилъ между тѣмъ Лапинъ взволнованнымъ голосомъ, стараясь втиснуть вексель въ руки дочери.

Но Анюта все-таки не взяла векселя, и Александръ Петровичъ отдалъ его зятю. Матвѣй Матвѣичъ тщательно осмотрѣлъ бумагу и заперъ ее въ конторку.

Вскорѣ Лапины отправились на квартиру, а съ ними и молодые, для того, чтобъ проводить ихъ въ путь.

— Глупая ты, глупая Аннушка, ишь глаза-то наплакала, а о чемъ? Не всостояніи что-ль тебѣ отецъ пяти тысячъ заплатить? шептала Пелагея Андреевна, сидя въ линейкѣ возлѣ дочери:—закрывайся уваленъ то, ишь люди смотрятъ, а у тебя глаза наплаканы, закрывайся...

Было шесть часовъ вечера, когда Анюта, проводивъ родителей, воротилась въ домъ мужа и сѣла подъ окно въ своей спальнѣ. Одинокая свѣчка, горѣвшая на комодѣ, тускло освѣщала комнату. Молодая женщина грустила; мысль ея летѣла вслѣдъ за тѣми, кого она сейчасъ проводила, а пожалуй и опережала ихъ, уносясь въ милый Кукушкинъ, гдѣ было прожито столько счастливыхъ лѣтъ, испытано столько мирныхъ радостей, встрѣчено столько ласкъ... Невыразимо грустно было Анютѣ, и она, поднявъ штору у окна, глядѣла на мерцавшія звѣзды, глядѣла въ глубь темнаго вечерняго неба, какъ будто ожидая оттуда какого-то сверхъестественнаго облегченія своей тоскѣ.

Матвѣй Матвѣичъ, словно маятникъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ своими коротенькими шажками и, казалось, что-то думалъ; наконецъ онъ остановился передъ женою.

— Звѣздочки изволите считать, Анна Александровна? хорошее занятіе-съ... А ужъ давича, извините меня, — очень вы нехорошую комедію разыграли-съ.

— Комедій играть я не умѣю, отвѣтила коротко Анюта, проглотивъ вздохъ.

— Коли не комедія, такъ, съ позволенія сказать, большая глупость! Мнѣ жаль вашего тятеньки, онъ чуть-чуть не заплакалъ отъ вашихъ причудъ... Впередъ, Анна Александровна, совѣтую вамъ быть благоразумнѣе-съ и никогда не вмѣшиваться въ дѣла-съ, которыхъ вы не понимаете,—а все предоставить на волю мужа-съ... Понимаете?...

Поняла или нѣтъ Анюта, но она ничего не отвѣчала Матвѣю Матвѣичу.

— Вотъ вы опять смотрите на небо, продолжалъ Жилинъ насмѣшливо: — аль хотите про звѣздочку запѣть? Право я слыхалъ какую-то пѣсенку про звѣздочку-съ!.. хе, хе, хе!.. Оно и лучше, чѣмъ плакать о томъ, что намъ родители благодѣяніе оказываютъ, наградить хотятъ... Ой, ой! Анна Александровна, много въ васъ фанаберіи я вижу... придется васъ исправлять...

Вошедшая горничная доложила, что пріѣхали Бодаевы, и прер-

вала душеспасительныя наставленія Матвѣя Матвѣича. Попросивъ жену поправить туалетъ, онъ велѣлъ приходить ей въ гостиную и поспѣшилъ выдти.

Но молодая женщина, по уходѣ мужа, сидѣла долго и неподвижно; его жестокіе упреки раздавались въ ея ушахъ; ее разбирали и грусть и досада; наконецъ, отеревъ набѣжавшія на глаза слезы, Анна Александровна вышла къ гостямъ.

Марья Михайловна сидѣла на диванѣ возлѣ гостьи и благодарила вслухъ Бога, что онъ сподобилъ ее при жизни пристроить Митюшиньку законнымъ бракомъ. При входѣ Анюты гостья радушно расцѣловалась съ нею; далѣе въ креслахъ сидѣли Матвѣй Матвѣичъ съ Семеномъ Васильичемъ и расчитывали, сколько дохода принесетъ въ годъ предполагаемая гостиница съ номерами, трактиромъ и постоялымъ дворомъ, которую намѣревались открыть вмѣстѣ Бодаевъ и Жилинъ.

— Дорогая сестрица, ручку! Матушка, ручку! забасилъ Семенъ Васильичъ, здороваясь съ Анютою и такъ ей сжалъ руку, что она едва не вскрикнула:—ну, братъ, жену поддѣлъ, нечего сказать, куколку братецъ; теперь къ тебѣ и пріѣхать-то весело, обратился онъ потомъ къ хозяину: — а ты, братъ, противъ нея что? мокрая курица!.. да!..

Матвѣй Матвѣичъ поморщился. Бодаевъ былъ уже довольно выпивши и отъ него несло, словно изъ виннаго погреба.

— Тебѣ, братъ, должно жену-то посадить въ шкапъ, за стекло, да и любоваться: вѣдь она красавица, посмотри-ка! И Семенъ Васильичъ, прищурясь, посмотрѣлъ на Анюту и чмокнулъ губами. Послѣдняя покраснѣла.

— Пошелъ врать! молвила старуха Жилина:—ну, чѣмъ твоя-то жена худа?

— Въ свое время и моя Текуса Егоровна была ягодка... Ну, да теперь не то—состарѣлась...

— Взгляни-ка прежде самъ-то на себя, ты на кого сталъ похожъ? вскрикнула съ досадою Текуса Егоровна.

— На кого? на сороковую бочку похожъ, отвѣчалъ хохоча Бодаевъ:—только на чорта непохожъ: чортъ съ рогами...

— Ай, грѣховодникъ! какія слова говоритъ, воскликнула Марья Михайловна, махая руками и затыкая себѣ уши.

— Вотъ согрѣшилъ, чорта помянулъ; да вы послушайте, тетушка, вѣдь чортъ происходитъ отъ черты...

— Не слушаю, не слушаю... не повторяйте! продолжала Жилина, не переставая махать руками.

Между тѣмъ Текуса Егоровна распрашивала Анюту, какъ она проводила родныхъ, просила ее не грустить и приглашала ее къ себѣ.

Горничная подавала чай, который Лизавета Матвѣевна разливала въ буфетѣ.

— Лиза! вскричала мать, болтая ложечкою чай въ чашкѣ.

Черная фигура Лизы явилась на зовъ.

— Ты, мой дружекъ, не наливай крѣпкаго чаю: вредно...

Лизавета Матвѣевна молча исчезла.

— Очень вредно, сушитъ... продолжала старуха. — Вы, Анна Александровна, и вы, Текуса Егоровна, не кушайте крѣпкаго чаю, не совѣтую,—говорятъ, что вредно, проговорила гостья.

— Какой тамъ дуракъ говоритъ? вскричалъ Бодаевъ.

— Что ты, Семенъ Васильичъ, развѣ можно такъ?.. вѣдь это тетушка говоритъ, замѣтила Бодаева.

— Ну, тетушка отъ дурака слышала, — продолжалъ свое Бодаевъ.—Вредно! да развѣ можетъ отъ пищи, аль отъ питья вредъ быть? Вотъ я напримѣръ, стаканчиковъ двадцать-пять чаю волью въ себя за сутки, да другого, прочаго... пивца... винца, пуншика... селяночку съѣмъ въ трактирѣ, да дома пообѣдаю, а тамъ смотришь люди навернутся, графинчикъ за графинчикомъ нечувствительно... потомъ закусишь,—да вотъ такъ каждый божій день... а ничего,—живется, слава Всевышнему...

— Добро-бы добромъ хвасталъ!—воскликнула жена.

— А чтожь тутъ худого? не правда ли тетушка?

Но тетушка вмѣсто отвѣта покашляла тихонько и плюнула въ платокъ.

— Ужь вы его извините, тетушка, обратилась Текуса Егоровна къ старухѣ: — ужь мнѣ самой совѣстно, да что съ нимъ дѣлать будешь...

— Да развѣ я, братъ, къ тебѣ пріѣхалъ пустой чай пить? крикнулъ вдругъ Бодаевъ: — неужели романейцы отъ свадьбы не осталось.

Матвѣй Матвѣичъ засуетился, побѣжалъ въ буфетъ и вскорѣ оттуда вынесли стаканъ пунша для гостя.

— А ты? произнесъ Семенъ Васильевичъ, показывая хозяину на стаканъ.

— Знаешь, что не пью, также коротко отвѣтилъ послѣдній:—кушай-ка самъ.

Гость прихлебнулъ изъ стакана, посмотрѣлъ на него къ свѣту, подулъ на него и поставилъ на столикъ.

— Жена, фуражку! домой маршъ! крикнулъ онъ, вставая.

— Куда, куда, Богъ съ тобой, братъ Семенъ Васильичъ? говорилъ Матвѣй Матвѣичъ, удерживая гостя за рукавъ.

— Слышишь, жена, шапку! домой! продолжалъ орать гость.

— Ну, и не тронь его, Маткша, пусть идетъ; ишь какой неугомонный, проговорила съ досадою Марья Михайловна.

— Всегда, всегда онъ такой, вездѣ на стыдъ меня наведетъ, гдѣ съ нимъ бываю, говорила плачевно Текуса Егоровна.

— На-ка, попробуй! гаркнулъ женѣ Семенъ Васильичъ, показывая на стаканъ.

Матвѣй Матвѣичъ понялъ, въ чемъ дѣло, взялъ стаканъ и вынесъ его въ кабинетъ; черезъ минуту поданъ былъ другой, которымъ Бодаевъ остался доволенъ.

— Ну, вотъ это понашенски! воскликнулъ онъ, усаживаясь и причмокивая губами:—а все была штука сестры Лизаветы Матвѣевны. Онъ прищурился и подмигнулъ глазомъ.—Охъ, не любитъ она меня, пьяницу, крѣпко не любитъ.

Изъ буфета было слышно, какъ Лизавета Матвѣевна кого-то бранила вслухъ.

— Извини, братъ, ея дѣло женское, не понимаетъ, проговорилъ примирительно хозяинъ.

— Ужь только съ тобою не хочу ссориться, а то бы, ей Богу, уѣхалъ! говорилъ Бодаевъ, обнимая и цѣлуя Матвѣя Матвѣича. — Но... но пить до тѣхъ поръ не стану, покуда своей молодой не велишь поцаловать меня.

Матвѣй Матвѣичъ поморщился.

— Цѣлуй свою Текусу Егоровну, сказала Марья Михайловна сердито.

— А когда такъ, то и прощайте! и нога моя здѣсь не будетъ.

— Ну, и съ Богомъ! промолвила тетушка.

— Безстыдникъ! возопила жена: — подумай-ка, кому съ тобой цѣловаться-то захочется? Безобразникъ ты этакой.

Анюта встала и хотѣла уйти отъ любезностей родственника.

— Анна Александровна-съ, исполните желаніе братца, проговорилъ сквозь зубы Матвѣй Матвѣичъ.

— Вотъ это понашенски! воскликнувъ Бодаевъ, обнимая Анюту и чмокнулъ ее въ губы, обдавъ своимъ спиртуознымъ дыханьемъ.

— Теперь и пуншикъ выпить пріятно, продолжалъ онъ, и взявъ стаканъ, сталъ тянуть, покрякивая.

Вскорѣ старуха Жилина, извинясь какой-то немощью, прости-

лась съ гостьей и ушла; Анюта съ Текусой Егоровной вышли въ залу.

— Вы не повѣрите, милая Анна Александровна, какъ я мучусь съ своимъ мужемъ, воскликнула Бодаева, закатывая подъ лобъ свои узенькіе глазки: — завсегда-то онъ у меня такимъ безобразіемъ занимается.

Анюта изъявила сожалѣніе.

— А въ душѣ добръ, даромъ что такой грубоватый. Лѣнивый его не опиваетъ, да не объѣдаетъ.

— А съ вами ничего, ласковъ? спросила Анюта, чтобъ поддержать разговоръ.

— Какая тутъ ласка, хоть бы не буянилъ. Да я правда не робѣю, пьянаго и слушать не стоитъ, продолжала Текуса Егоровна: — А вы, милочка моя, Анна Александровна, сдѣлайте милость ѣздите къ намъ почаще. Бодаева поцѣловала Анюту.

Семенъ Васильичъ между тѣмъ выпивалъ пуншикъ за пуншикомъ и до того натянулся, что два дюжихъ Жилинскихъ приказчика едва свели его съ лѣстницы, въ сопровожденіи Текусы Егоровны, которая выливала на мужа цѣлую лужу брани.

VI.

По отъѣздѣ гостей вся семья Жилиныхъ собралась въ столовую, гдѣ накрытъ былъ ужинъ.

— Слушай, Матюша, сказала мать сыну: — чтобъ я болѣе не видала этого грубіяна, Сеньку, въ своемъ домѣ. Онъ, свинья, между хорошими людьми быть не умѣетъ!..

— Да я его и за порогъ бы не пустила, подхватила Лизавета Матвѣевна: — подѣломъ его жена безобразникомъ зоветъ, — настоящій безобразникъ.

— Если бы не мои общія дѣла съ эфтимъ болваномъ, я бъ и къ воротамъ не пустилъ его, но теперь не принимать его нельзя, отвѣтилъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Если такъ, то угощай его гдѣ хочешь, а здѣсь, чтобъ и духу его не было, возразила старуха.

— И Текуса Егоровна тоже—дама, замѣтила язвительно вдова:—право намъ такіе гости не по характеру; мы съ маменькой привыкли жить въ уединеніи.

Жилинъ ничего не отвѣтилъ и молча сѣлъ за столъ. Старуха и дочь отказались отъ ужина, торопясь лечь пораньше, чтобъ завтра ѣхать къ заутренѣ.

Одинокая свѣчка тускло освѣщала столовую; тишину нарушалъ только стукъ ножа или вилки. Матвѣй Матвѣичъ ѣлъ мало и то молча, а сидѣвшей напротивъ Анютѣ казалось, что она одна одинехонька въ какомъ-то волшебномъ замкѣ, какъ тѣ несчастныя героини, о которыхъ она вычитала въ старыхъ романахъ.

— Какъ вы, Анна Александровна, цѣловались съ Семеномъ-то Васильичемъ? спросилъ вдругъ Жилинъ.

Анюта вздрогнула; голосъ мужа разсѣялъ ея мечты. Она подняла голову, Матвѣй Матвѣичъ усмѣхнулся.

— Вы сами приказали, отвѣтила Анюта, вспыхнувъ отъ досады, потому что слова мужа приняла за насмѣшку.

— Конечно, съ дуракомъ нечего было дѣлать, хоть свинья да нужная, не потѣшить нельзя, проговорилъ Жилинъ, несмотря на Анюту:—но впредь надѣюсь, что никого не допущу васъ цѣловать... И онъ какъ-то странно сверкнулъ своими красноватыми глазками.

На другой день молодой нашъ, послѣ свадебныхъ хлопотъ, вступилъ снова въ колею своей обыденной жизни и всталъ по обыкновенію въ пять часовъ, чтобъ напиться дома чаю и отправиться въ гостинный дворъ. Анюта, привыкшая вставать рано, тоже прибралась было къ чайному столу, но супругъ ей замѣтилъ, что она должна пить чай со свекровью, что старушка очень рада будетъ видѣть ее за своимъ чайнымъ столомъ и огорчится ея отказомъ, приметъ его за своевольство и проч., и Анюта должна была покориться такому распоряженію безусловно, помня наставленія своей матери.

Въ тотъ же день, по распоряженію Лизаветы Матвѣевны, всѣ комнаты въ домѣ Жилиныхъ приведены были въ порядокъ; на мебель надѣты чахлы; серебро уложено на полки; двери плотно притворены. Ясно было видно, что хозяева не ждутъ болѣе гостей, и домашняя жизнь Жилиныхъ вошла въ свою обыкновенную колею.

Каждый день старуха съ дочерью отстаивали въ ближней

церкви заутреню и раннюю обѣдню; затѣмъ мать отдыхала, а Лизавета Матвѣевна выдавала кухаркѣ припасы, и считала долгомъ каждое утро побраниться то съ нею, то съ нянькой Ананьевной, которая завѣдывала погребомъ. Потомъ вдова отправлялась муштровать племянницу, сама чесала ей голову, одѣвала и заставляла молиться; все это не обходилось безъ щипковъ, толчковъ и разнаго подергиванья; далѣе начинался урокъ чтенія, и рѣдко онъ не заключался продолжительнымъ стояньемъ на колѣняхъ. Той порой старуха уѣзжала къ поздней обѣднѣ и возвращалась въ 11-ть часовъ; тогда въ ея комнату приносили самоваръ, и Ананьевна, просунувъ въ дверь голову, звала Анюту къ чаю. Проголодавшаяся Анюта проворно бѣжала въ комнату свекрови, цѣловала ея руку и раскланивалась съ золовкою. Каждодневно между чайнымъ приборомъ лежали для Анюты два сухарика, или двѣ крошечныя булочки, для Саши одна. Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна никогда не закусывали до обѣда. Не разъ дѣвочка, съѣвши свою гомеопатическую порцію, съ жадностію посматривала на сухари мачихи.

Анюта однажды отдала ей свой сухарь. Тетка вырвала его изъ рукъ племянницы и сказала, обратясь къ невѣсткѣ:

— Прошу не безпокоиться... Я не намѣрена кормить ребенка на убой... У меня ей положено одинъ сухарь на завтракъ и довольно.

— Но, Боже мой, вѣдь дѣвочка ростетъ, возразила Анюта, и спросила у Саши:—ѣла ли она что нибудь?

— Нѣтъ, прошепталъ ребенокъ, робко посматривая на тетку.

— А ужъ половина двѣнадцатаго, продолжала Анюта:—поэтому она у васъ постоянно голодна?

— Голодна или нѣтъ, но она у меня никогда не жалуется, отвѣчала тетка.

— Вѣроятно не смѣетъ, замѣтила въ полголоса Анюта, смотря съ сожалѣніемъ на падчерицу, которая сжалась въ комокъ и еле дышала.

Лизавета Матвѣевна ничего не сказала болѣе и поджала свои сухія губы; она замѣтно злилась на невѣстку.

Обѣдали Жилины обыкновенно въ часъ за полдень, когда пріѣзжалъ изъ лавки Матвѣй Матвѣичъ. За обѣдомъ сердобольная маменька безпрестанно предостерегала дѣтей то отъ того, то отъ другого кушанья, предсказывая въ противномъ случаѣ засорѣніе желудка, лихорадку и разныя болѣзни, такъ что было со-

вѣстно ѣсть до сыта, и Анюта не разъ выходила изъ за-стола полуголодная.

Вечеромъ въ семь часовъ пили чай, тоже въ комнатѣ старухи; въ 10 часовъ ужинали. И всѣ дни были похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды.

Прошли двѣ недѣли, а Жилинъ и недумалъ ѣхать въ Кукушкинъ; онъ дожидалъ лодокъ съ товаромъ изъ Петербурга, но лодки не приходили; Анюта скучала и не знала, какъ убить время; къ свекрови ходить часто она не смѣла, потому что однажды Лизавета Матвѣевна ей сказала, что старуха слаба и не всегда любитъ видѣть у себя кого-нибудь; о себѣ же золовка прямо объявила, что она не любитъ пересыпать изъ пустого въ порожнее, съ кѣмъ бы то ни было. Итакъ Анюта цѣлый день, въ отсутствіе мужа, принуждена была сидѣть одна одинешенька у себя. Ей хотѣлось по крайней мѣрѣ залучить къ себѣ Сашу, но тетка не отпускала дѣвочку; и Анюта однажды обратилась съ просьбою къ Матвѣю Матвѣичу, чтобъ онъ приказалъ приводить къ ней дочь.

— А зачѣмъ, позвольте васъ спросить-съ? отозвался мужъ.

— Такъ, отъ скуки; я стала бы ее чему нибудь учить, отвѣчала Анюта.

— Не безпокойтесь, и безъ васъ выучатъ. Сестра Лизавета Матвѣевна любитъ Сашу, словно дочь родную.

— Сестрица слишкомъ строго обходится съ дѣвочкой.

— И прекрасно-съ, я, напротивъ, очень благодаренъ сестрѣ, что она дѣвчонкѣ воли не даетъ. Я отъ души любуюсь, какъ у ней Саша по половичкѣ ходитъ, на другую не ступитъ... Завсегда скромная, тихая, словно большая, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Мы сами были дѣтьми, и намъ хотѣлось порѣзвиться, а теперь Сашѣ и поиграть не дадутъ; вѣдь ей скучно, отвѣчала Анюта.

— Вздоръ изволите говорить-съ! вскричалъ Жилинъ. —Что вамъ за дѣло до того, что до васъ не касается-съ?

Анюта замолчала и въ душѣ пожалѣла о бѣдной сироткѣ.

Въ другой разъ Анюта, чтобы сократить время послѣ вечерняго чаю до ужина, отыскала у себя въ камодѣ какую-то старую книжонку безъ начала и конца, и усѣлась читать. Матвѣй Матвѣичъ, повѣрявшій за конторкою дневной барышъ съ расходомъ, оглянулся и, увидѣвъ, что жена читаетъ, спросилъ:

— Что изволите читать, Анна Александровна-съ?

— Право не знаю. Идетъ какая-то исторія о маркизѣ,—вѣроятно романъ, отвѣчала Анюта.

Жилинъ всталъ и подсѣлъ къ женѣ.

— Гмъ! крякнулъ онъ значительно: — позвольте вамъ замѣтить-съ, что *хорошія* женщины романовъ не должны читать съ!

— Почему же? спросила Анюта, поднявъ на мужа свои свѣтлые глаза.

— Потому что тамъ все такое непорядочное описывается, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ: — любовь незаконная-съ и прочее, какъ жены мужей обманываютъ, или какъ дѣвицы до дурного поведенія доходятъ, по обману отъ любовниковъ-съ... И все это, конечно, молодую женщину или дѣвицу на дурныя мысли, а пожалуй и на дѣла наводитъ.

Анюта покраснѣла.

— Я много разныхъ книгъ читала, но онѣ меня никогда на дурныя мысли не наводили.

— Ужь вѣрно тихонько отъ родителей читали-съ? спросилъ Жилинъ, подозрительно смотря на жену.

— Зачѣмъ же тихонько? мнѣ никто не запрещалъ.

— Очень, очень дурно, непростительно!.. молодую дѣвушку... дочь... допустить до такихъ фанаберій... Ну что вотъ напримѣръ, хоть и въ этой книжкѣ, что такое написано, посмотримъка?—И Матвѣй Матвѣичъ наудачу раскрылъ книгу и принялся читать.

«Ахъ, несравненный Эдуардъ! вскричала баронесса, бросаясь въ объятія маркиза:—я васъ люблю, обожаю! готова жертвовать для васъ всѣмъ: жизнью... честью!..»

— Тьфу ты! воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ, поспѣшно закрывая книгу:—развѣ это не соблазнъ? Что вы на эфто скажете, Анна Александровна-съ?

— Ничего... только напрасно вы думаете, что книжка можетъ испортить того, кого жизнь не испортила.

— Эфто можно сказать о мужчинѣ; мужчина разсудокъ имѣетъ, обо всемъ можетъ разсудить, какъ слѣдуетъ,—а женщина—что такое?.. Покуда на вашей сестрѣ узда, такъ еще туда и сюда —побаивается... а узду распустили, ну, и пошла писать по всѣмъ по тремъ съ...

— Неужели вы о всѣхъ женщинахъ такого понятія? спросила Анюта.

— Да, почти... отвѣтилъ сквозь зубы Жилинъ:—женская хитрость и пронырство извѣстны испоконъ-вѣка...

Такое глубокое презрѣніе къ женской личности поразило Анюту, незнавшую *Домостроя,* и видѣвшую въ супружеской жизни своихъ родителей взаимное довѣріе и уваженіе..

— Я удивляюсь вамъ, Матвѣй Матвѣичъ, продолжала она: — вы имѣли жену, теперь имѣете маменьку и сестру, и неужели всѣ...

— Мертвыхъ худомъ вспоминать грѣшно, вѣчная имъ память, перебилъ Жилинъ:—о маменькѣ—тоже закидывать высоко-съ... она и въ молодости была примѣрной женщиной... Сестра тоже водой не замутитъ, иначе и въ домѣ-бы у меня не жилась, да онѣ конечно и не читали подобной дребедени, а тоже и вамъ не позволю, воля ваша-съ. И Матвѣй Матвѣичъ заперъ книгу въ одинъ изъ ящиковъ своей конторки.

Легко судить послѣ этого, что общаго было у Анюты съ ея мужемъ. Могла-ли воспріимчивая душа молодой женщины удовлетвориться любовью этого человѣка; да поправдѣ сказать, любви и не было, не было даже и дружбы. Жилинъ никогда не говорилъ женѣ *ты*, а между тѣмъ обращался съ нею, какъ съ своей конторкой, постоянно повторяя, что жена *обязана* любить мужа, *обязана*, хотя бы онъ возбуждалъ въ ея сердцѣ глубочайшее отвращеніе.

Анюта помнила, какъ ее учила мать *повиноваться* мужу, и она повиновалась. . Но, Боже мой! какъ ей было тяжело въ этой семьѣ черствыхъ самодуровъ и какъ часто она заливалась слезами, склоняя свою голову на одно изголовье съ Матвѣемъ Матвѣичемъ.

«И все подлѣ меня... и всю жизнь такъ будетъ...» думала съ невыразимой грустью молодая женщина, и сердце ея все болѣе и болѣе холодѣло... «И какая скука?!.. Какая скука?! . Зачѣмъ это я пошла за него?!» продолжала она разсуждать: — «А какъ было весело въ дѣвушкахъ; бывало, соберемся, играемъ, поемъ, а тятенька съ маменькой смѣются на насъ, а здѣсь — и улыбнуться совѣстно; свекровь и золовка смотрятъ ночными совами... Мужъ на каждомъ шагу нравоученія читаетъ, и вѣроятно думаетъ, что я не умнѣе Саши... Какъ тяжело здѣсь жить! А маменька и меня и всѣхъ увѣряетъ, что я очень счастлива... и Вѣрѣ такого-же счастья желаетъ... Нѣтъ, я не желаю его никому... никому...»

Иногда Анюта принуждала себя смотрѣть на все другими глазами, желая примириться съ своимъ настоящимъ положеніемъ, и разсуждала на другой ладъ.

«Что я ропщу на Матвѣя Матвѣича? Вѣдь онъ меня не худому учитъ, да и не всегда же такъ будетъ... поживу, выучусь ему угождать, онъ будетъ ласковѣе: я привыкну его любить...»

Мысль Анюты неслась въ лучшее будущее, но странное дѣло!— тогда настоящая обстановка сглаживалась передъ нею: образъ Матвѣя Матвѣича исчезалъ передъ нею; вставалъ какой-то сказочный міръ, созданный ея воображеніемъ, наполненный неуловимыми, но какъ будто знакомыми образами... и Анюта закрывала глаза и отдавалась вся своимъ неопредѣленнымъ мечтаніямъ.

— Анна Александровна-съ, вы, кажется, дремлете-съ? не разъ замѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ, видя, что жена его сидитъ съ закрытыми глазами; и Анюта вздрагивала отъ этого голоса; опять передъ ней была голая дѣйствительность, вѣявшая на нее холодомъ со всѣхъ сторонъ, и красноватые рысьи глазки того же Матвѣя Матвѣича сухо смотрѣли на нее.

И не одинъ Матвѣй Матвѣичъ муштровалъ свою молодую жену; матушка его въ этомъ отношеніи не уступала сынку. Такъ, она каждое воскресенье или праздникъ приглашала невѣстку съ собою въ церковь, и когда Анюта приходила къ ней совсѣмъ одѣтая, Марья Михайловна замѣчала ей:

— Я бы вамъ совѣтовала, ангелъ мой, Анна Александровна, перемѣнить платье: видите на небѣ сѣро, сырая погода будетъ; подолъ обродите.

И Анюта перемѣняла платье, и когда опять возвращалась къ свекрови, послѣдняя принималась увѣрять, что дождя не будетъ, что она ошиблась, и опять совѣтовала что нибудь: либо шляпку перемѣнить, либо бурнусъ надѣть хорошій, приговаривая, что худо ей одѣтой быть стыдно, что всѣ ихъ знаютъ, и проч.; словомъ, Анюта принуждена была по совѣту маменьки-свекрови перемѣнять иногда башмаки и перчатки; и все это дѣлала капризная старуха не изъ чего другого, какъ только для испытанія характера Анюты.

Анюта бы и свекрови не послушала, и въ церковь не пошла, но ей безпрестанно повторялъ Матвѣй Матвѣичъ:

— Вы во всемъ подражайте маменькѣ, Анна Александровна-съ, мы такъ ужъ воспитаны-съ — ни въ чемъ ей не прекословить.

Въ церкви Анюта, разумѣется, чинно становилась возлѣ свекрови, и при выходѣ здоровалась съ тѣми лицами, съ которыми здоровалась старуха, хотя Анюта не знала ихъ даже и по фамиліи.

Однажды наша молодая выпила за столомъ стаканъ пива, которое ставилось для Матвѣя Матвѣича.

Лизавета Матвѣевна при этомъ насмѣшливо взглянула на мать, а Марья Михайловна, прокашлявшись, прочитала что-то въ родѣ проповѣди о томъ, какъ должна женщина остерегаться хмѣльныхъ напитковъ; Анюта покраснѣла отъ стыда и досады, а послѣ обѣда выслушала отъ мужа нравоученіе:

— Сдѣлайте милость, Анна Александровна-съ, держите себя поскромнѣе-съ; наша маменька не любитъ ничего *такого*-съ.

— Что же я *такое* сдѣлала? спросила жена.

— Вы должны присматриваться, какъ себя ведутъ маменька и сестрица, и располагать своими поступками такъ, чтобы всѣмъ было пріятно, и мнѣ за васъ нестыдно-съ, проговорилъ Жилинъ, не отвѣчая прямо на вопросъ жены.

Анюта тихонько вздохнула и вспомнила пословицу, что *у мужа жена безъ вины виновата.*

Но вотъ пришло извѣстіе, что лодки съ товаромъ гдѣ-то зазимовали; дѣло требовало личнаго присутствія Матвѣя Матвѣича, и онъ уѣхалъ, чтобы своими глазами посмотрѣть на выгрузку и отправку товара сухимъ путемъ.

Впродолженіе этого времени, Анюта получила изъ Кукушкина два письма; изъ нихъ она увидѣла, что отецъ заботится о ея здоровьи, а мать и сестры нетерпѣливо ждутъ молодыхъ къ себѣ. Анюта отвѣчала имъ, что пріѣздъ ея къ нимъ теперь отъ нея не зависитъ.

Въ отсутствіе Матвѣя Матвѣича, Текуса Егоровна Бодаева нѣсколько разъ была у Жилиныхъ, не смотря на то, что сама старуха и Лизавета Матвѣевна принимали гостью чрезвычайно холодно. Бодаева говорила Анютѣ, что она ее полюбила, жалѣетъ ее и только для нея одной и ѣздитъ; иногда она просиживала по нѣскольку часовъ въ комнатѣ Анюты, и не показываясь вовсе внизъ, уѣзжала домой.

Послѣ такого посѣщенія, Лизавета Матвѣевна обыкновенно говорила, что Бодаихѣ и дѣлать болѣе нечего, какъ рыскать изъ дома въ домъ; а Марья Михайловна читала наставленіе, что вѣтреныхъ женщинъ должно остерегаться, и поддерживать съ ними знакомство опасно. Анюта слушала и молчала и, не видя ничего опаснаго въ знакомствѣ съ Текусой Егоровной, продолжала принимать ее ласково, и все болѣе и болѣе привязывалась къ ней, видя въ Бодаевой единственное существо, съ которымъ можно подѣлиться своимъ горемъ. Текуса Егоровна повѣряла

откровенно Анютѣ свои маленькіе секреты, свои частыя непріятности съ пьянымъ мужемъ. Анютѣ же и повѣрять было нечего; Бодаева знала ея жизнь, какъ свои пять пальцевъ, потому что давно знала Жилиныхъ.

Анюта была у Бодаевыхъ только разъ, и то ей стоило большого труда отпроситься у свекрови; Марья Михайловна, отпустивъ ее, не болѣе какъ черезъ часъ прислала за ней лошадь, такъ что молодыя женщины и наговориться вдоволь не успѣли.

— Боже мой! возопила хозяйка:—да на что это похоже, и чаю-то путемъ мы напиться не успѣли... Экъ ее тамъ, старую вѣдьму, черти мучатъ: сейчасъ и прислала... Послушайте меня, моя душечка, Анна Александровна, продолжала Бодаева, провожая гостью: — такъ нельзя жить, ейбогу нельзя, надобно имъ сначала крылья ошибить, а то они сядутъ, да и поѣдутъ... вѣдь я знаю ихъ, охъ, знаю... точно такъ они и надъ покойницей, Авдотьей Степановной (имя первой жены Жилина), куражились... Они, я думаю, и меня ругаютъ, что я у нихъ бываю... это не люди... а черти, моя душечка..

Но какъ ни вопіяла Текуса Егоровна, Анюта все-таки принуждена была воротиться домой.

Но вотъ пріѣхалъ Матвѣй Матвѣичъ. Неопредѣленное, тяжелое чувство еще болѣе сдавило ея сердце, и Матвѣй Матвѣичъ на первый же разъ замѣтилъ женѣ, зачѣмъ она зачесала кверху волосы по примѣру Текусы Егоровны, и что подражать такой модѣ скромная женщина не должна.

Товаръ пришелъ, и Жилинъ объявилъ женѣ, что теперь можно будетъ и въ Кукушкинъ съѣздить. Какою радостью забилось сердце Анюты! На лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ ея было замѣтно живѣйшее нетерпѣніе; она проворно пересматривала и укладывала въ чемоданъ свой гардеробъ, стараясь не забыть ни одной бездѣлушки; крахмалила и гладила воротнички и рукава, воображая подольше погостить у родныхъ.

На другой день утромъ молодые были уже въ дорогѣ.

Со дня ихъ свадьбы прошло полтора мѣсяца; давно наступилъ филипповъ постъ. Лапины съ нетерпѣніемъ ждали новобрачныхъ, и не могли дождаться, особенно печалилась Пелагея Андреевна, желавшая созвать всю родню и устроить пиръ наславу; она давно и платья новыя для себя и дочерей отдала шить портнихѣ, и родню всю пригласила заранѣе, но молодые не ѣхали, какъ нарочно.

Напрасно Татьяна Ивановна, гадая на картахъ, увѣряла хозяй-

ку, что трефовый король и червонная дама въ дорогѣ и если не сегодня, такъ завтра непремѣнно будутъ; но король и дама не пріѣзжали.

Кромѣ этого, у Пелагеи Андреевны еще была забота. Она замѣчала, что Александръ Петровичъ ходитъ, насупившись, и приписывая это болѣзни, совѣтовала ему натереться медомъ съ солью, пропотѣть въ банѣ, или выпить рѣдечнаго соку.

— Какъ рукою сниметъ, помяни мое слово, твердила она. Но на всѣ эти медицинскіе совѣты Лапинъ не сдавался.

И въ самомъ дѣлѣ, Александръ Петровичъ не былъ боленъ; но онъ крѣпко грустилъ о судьбѣ Анюты. Сцена съ векселемъ не выходила у него изъ головы и, размышляя о зятѣ, онъ додумывался до самыхъ мрачныхъ предположеній.

— Погубилъ я дочь, говорилъ онъ про себя, грустно покачивая головой.

— Неужели правда, тетушка, Ульяна Спиридоновна?.. спрашивалъ Лапинъ. Но своихъ грустныхъ думъ и предположеній не повѣрялъ женѣ. — Зачѣмъ ее баламутить? вѣдь ужь дѣла не передѣлаешь теперь, вѣрно такова Аннушкина судьба, разсуждалъ онъ.

И вотъ наконецъ въ одинъ вечеръ, когда вся семья Лапиныхъ и гостившая у нихъ Татьяна Ивановна сидѣли въ столовой за чаемъ, къ нимъ надворъ въѣхалъ тяжелый тарантасъ. Хозяева вскочили съ мѣстъ, пороняли второпяхъ свои стулья и бросились въ переднюю встрѣчать дорогихъ гостей.

И черезъ минуту плачущая отъ радости Анюта уже переходила изъ объятій въ объятія, а Матвѣй Матвѣичъ со всѣми церемонно здоровался; обрадованныя сестры спѣшили освободить Анюту отъ шубы и капота, и наперерывъ осыпали ее горячими поцѣлуями.

VII.

— Что это, Аннушка? воскликнула Пелагея Андреевна, вглядѣвшись въ лицо дочери:—что съ тобой сдѣлалось? Отчего ты такъ похудѣла и поблѣднѣла,—здорова ли? И не давъ Анютѣ открыть

рта, сама отвѣчала на свои вопросы:—ты все объ насъ-то тоскуешь, Аннушка?

Анюта грустно вздохнула, и въ самомъ дѣлѣ она очень похудѣла и поблѣднѣла въ эти полтора мѣсяца, словно провела ихъ въ больницѣ.

Пелагея Андреевна поспѣшно усадила гостей за чай; сестры усѣлись вокругъ Анюты и щебетали, какъ птицы, а Матвѣй Матвѣичъ разсказывалъ тестю о своихъ зазимовавшихъ лодкахъ.

— Что, не правду ли я вамъ говорила, что дорогіе гости безпремѣнно сегодня будутъ? обратилась къ хозяйкѣ Татьяна Ивановна. — Вѣдь какъ не кидаю въ карты, все выходить, что вокругъ короля и дамы шестерки ложатся, вотъ точно выговариваютъ, что король съ дамою въ дорогѣ.

— Вотъ поди ты, а вѣдь другіе картамъ совсѣмъ не вѣрятъ... Впрочемъ сегодниншую ночь, Танюшка, и мнѣ такія чудеса привидѣлись... воскликнула Пелагея Андреевна: — прилетѣли будто къ намъ два голубя на дворъ — одинъ сизый, другой бѣлый.

— А вотъ они голуби-то, перебила Татьяна Ивановна, показывая на молодыхъ.

— Ну, мы съ Аграфеной и поймали ихъ, продолжала Лапина:— и заперли въ курятникъ... вотъ хочу я голубей покормить, захватила полныя пригоршни жита.

— Жито, моя матушка, видится къ большому богатству, замѣтила опять Татьяна Ивановна.

— Ну вотъ, моя милая, хочу я голубей кормить, гляжу: а сизый голубь — не голубь, а очутилась ворона, какъ есть ворона; взяла меня сильная досада, что я, не догладя, вмѣсто голубя ворону поймала,—такъ съ тѣмъ и проснулась... И что все это предвѣщаетъ? Пелагея Андреевна вопросительно смотрѣла на Татьяну Ивановну. Но послѣдняя, подъ видомъ сизаго голубя подразумѣвшая Матвѣя Матвѣича, теперь пристально смотрѣла на него: не вороньи ли на немъ въ самомъ дѣлѣ перья вмѣсто сюртука?

— Мудренъ вашъ сонъ, Пелагея Андреевна, произнесла она наконецъ въ раздумьи: — но пословица говоритъ: *куда ночь, туда и сонъ*, мало ли что пригрѣзится. Татьяна Ивановна видѣла въ этомъ сновидѣніи что-то недоброе, но не хотѣла смущать хозяйки своимъ предсказаніемъ.

— Я тоже думаю, что всѣ эти грезы навожденіе лукаваго... Я

вчера, не перекрестя лобъ, и спать-то улеглась, заключила Пелагея Андреевна.

Затѣмъ мать послала Вѣру на кухню хлопотать объ ужинѣ, для дорогихъ гостей; съ Вѣрою вышла и Анюта, но онѣ вмѣсто кухни отправились наверхъ; младшія сестры остались въ столовой.

Войдя въ мезонинъ, Анюта и Вѣра снова обнялись и усѣлиль на кровать.

— Слава Богу! наконецъ-то тебя вижу! заговорила Вѣра.—Ну, разсказывай скорѣе о своемъ привольскомъ житьѣ-бытьѣ; привыкаешь ли тамъ? Каковы мужъ и свекровь?

— Погоди, Вѣра, погоди! дай опомниться, оглядѣться: я здѣсь какъ будто сто лѣтъ не бывала, какъ здѣсь хорошо... все какъ было... Ахъ, вотъ такъ бы я и умерла сію минуту. И Анюта, окинувъ комнату грустнымъ взоромъ, заплакала.

— Что это, Анюта, такъ рано умирать сбираешься, да развѣ жизнь нехороша?

Анюта молча покачала головой.

— Неужели твой Матвѣй Матвѣичъ тебя обижаетъ? Да онъ долженъ только смотрѣть на тебя, на рукахъ тебя носить.

— Долженъ въ шкафъ посадить... какъ говоритъ Бодаевъ, перебила съ грустною улыбкою молодая: — ну, я и сижу... хоть не въ шкапѣ, а въ комнатѣ, шагу безъ позволенія не смѣю сдѣлать... Не могу выпить лишней чашки чаю, съѣсть лишній кусокъ, потому что смотрятъ мнѣ въ глаза, что я много ѣмъ.

— Что ты говоришь? вскричала изумленная Вѣра:—да кто жь надъ тобою такъ куражится?

— Старшіе, прошептала Анюта.

— Кто жь старшіе: мужъ или свекровь? говори.

— Я тебѣ, Вѣрочка, все бы разсказала, но я боюсь, ты скажешь маменькѣ?

— Такъ какъ же, Анюта, неужели ты будешь, Богъ знаетъ, что терпѣть и молчать?

— А развѣ мнѣ легче будетъ, если тятенька и маменька узнаютъ, что мнѣ выпало на долю такое невеселое житье? Они только тосковать будутъ, пожалуй поссорятся съ моимъ мужемъ, а ужь дѣла не передѣлаютъ: меня съ Матвѣемъ Матвѣичемъ не развѣнчаютъ... Въ словахъ молодой женщины слышалась горькая безнадежность. Вѣра смотрѣла на нее глазами полными слезъ, и потомъ сказала:

— Хорошо, когда ты не хочешь, я никому ничего не скажу, но только, Анюта, разсказывай все, все безъ утайки.

И Анюта разсказала все безъ утайки, какъ на каждомъ шагу язвитъ ее Матвѣй Матвѣичъ, подъ видомъ нравоученій, какъ шпигуетъ ее свекровь своими совѣтами, какъ колетъ насмѣшками заловка... разсказала и о своей зарождающейся ненависти къ мужу, о своей невыразимой тоскѣ.

Слушая сестру, Вѣра краснѣла отъ негодованія, грудь ея волновалась, глаза сверкали.

— Ахъ, они шельмы! Анафемы этакіе! воскликнула она наконецъ.—И все подъ политикою... И эго Матвѣй-то Матвѣичъ изволитъ такъ съ тобой обращаться? Да что онъ такое противъ тебя? Вѣдь онъ вотъ что... Вѣра хотѣла плюнуть, но удержалась.— И ты еще хочешь, чтобъ наши ничего не знали?

— Хочу и прошу тебя о томъ, отвѣчала твердо Анюта.

Вѣра пожала плечами.

— Мнѣ кажется, ты имъ надъ собою много воли дала?.. вотъ что, сказала она, помолчавъ.

— Текуса Егоровна то же мнѣ говоритъ.

— Значитъ правда. Ну что бы напримѣръ къ Жилинымъ на мѣсто тебя я попала?

— А что бъ ты сдѣлала?

— Что сдѣлала? умничать бы надъ собою не позволила... Мнѣ бы сказали слово, а я десять; мнѣ пять, а я двадцать... и до тѣхъ поръ бы лаялась, покуда было бы по моему сдѣлано.

Анюта невольно засмѣялась.

— Ну, а если бы тебя усмирили другимъ манеромъ?

— Какимъ другимъ манеромъ? руку бы что ли на меня кто поднялъ?! вскричала Вѣра.—Да я тогда такому Матвѣю Матвѣичу не только глаза бы выцарапала, но и носъ бы скусила?

— Какъ! ты бы Матвѣю Матвѣичу носъ скусила? Охъ, ты негодница! Да что ты съума что ли сошла, что такія рѣчи говоришь, а? вскричала вдругъ появившаяся въ дверяхъ Пелагея Андреевна.

Вѣра опешила, испугалась и Анюта.

— Позволь-ка спросить, за что ты хочешь скусить носъ Матвѣю Матвѣичу? вопіяла грозно мать, подступая къ дочери и занося свою дебѣлую десницу надъ ея головой.

— Успокойтесь, мамснька, успокойтесь... Вѣра шутила, проговорила, оправясь, Анюта, и стала между матерью и сестрою.

— Шутила она, я ей дамъ шутки! дѣло она свое, свинья этакая, забыла... Вижу, Матвѣй Матвѣичъ зѣваетъ, думаю: время и успокоиться съ дороги; я на кухню, воображаю, что ужинъ уже

готовъ, и что же? не только нѣтъ Вѣры тамъ, нѣтъ и огня подъ плитою... какова?

— Еще и десяти часовъ нѣтъ, успѣемъ выспаться, отозвалась Вѣра, пятясь къ дверямъ.

— Дура ты этакая! Развѣ я о себѣ хлопочу? Матвѣю Матвѣичу время успокоиться.

— Ужь вы для Матвѣя Матвѣича готовы весь домъ вверхъ дномъ поставить... да стоитъ ли онъ того? И Вѣра ушла, хлопнувъ дверью.

— Вотъ какая грубіянка! воскликнула Пелагея Андреевна, разведя руками.

Но Анюта всѣми силами старалась успокоить разсерженную мать, и когда онѣ сошли внизъ, между тестемъ и зятемъ вяло тянулся разговоръ о купеческихъ выборахъ; сколько ни старался Александръ Петровичъ казаться веселымъ и обрадованнымъ пріѣздомъ гостей, но все напрасно. Его радушіе изчезло, а притворяться онъ не умѣлъ, а потому разговоръ и прерывался длинными паузами. Матвѣй Матвѣичъ украдкою зѣвалъ, прикрывая ротъ рукою.

Между тѣмъ подъ распоряженіемъ проворной Вѣры кухня ходила ходенемъ. Большой лещъ жарился на плитѣ, обливаясь собственнымъ жиромъ; стерляжья уха благоухала на всю кухню, сдобное тѣсто для сладкихъ пирожковъ пыхтѣло подъ бѣлой рукой молодой хозяйки. И кухарка, и горничная, и младшія сестры не сидѣли у Вѣры сложа руки. И менѣе чѣмъ черезъ полтора часа, ужинъ былъ поданъ на столъ.

— Ну вотъ, Матвѣй Матвѣичъ, теперь мы васъ дождались, сказала между прочимъ Лапина, разговаривая съ зятемъ:—и въ воскресенье зададимъ пиръ на весь міръ, музыкантовъ позовемъ.

— Ивана Иваныча со скрипкой, перебила Татьяна Ивановна:— помните, Александръ Петровичъ, обратилась она къ хозяину: — помните?.. а я безъ смѣху вспомнить не могу... охъ!.. согрѣшили грѣшные... Она засмѣялась и закрылась платкомъ.

— Какъ не помнить, отвѣчалъ, улыбаясь, Лапинъ:—пожалуй и Ивана Иваныча, только съ уговоромъ, Татьяна Ивановна: тебѣ проплясать со мною.

Татьяна Ивановна махнула рукой.

— Ужъ тряхнемъ, Танюшка, стариною—такъ и быть! На радости и я не отстану, осуждать не кому, приволжскихъ гостей нѣтъ, всѣ

свои будутъ, а Матвѣй Матвѣичъ, надѣюсь, насъ не осудитъ, правда? обратилась она къ зятю.

— Желаю вамъ счастливо веселиться-съ! отвѣчалъ Жилинъ, стараясь улыбнуться:—но намъ вашего веселья не видать-съ...

Всѣ въ недоумѣніи взглянули на него.

— Отчего-же? спросилъ тесть.

— Оттого что мы послѣ-завтра должны проститься съ вами-съ.

Анюта поблѣднѣла, Пелагея Андреевна разинула ротъ отъ удивленія, Вѣра безпокойно повернулась на стулѣ.

— Вотъ пустяки! Да мы васъ и послѣ воскресенья скоро не отпустимъ, молвилъ Лапинъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ-съ; но мнѣ нельзя долго оставаться здѣсь, я и дома такъ распорядился.

Теща пристально посмотрѣла на зятя, и потомъ засмѣялась.

— Охъ вы, шутникъ, Матвѣй Матвѣичъ! а я и не догадываюсь, что вы Аннушку только пугаете; посмотрите-ка, какъ она, бѣдная, поблѣднѣла... Вѣдь и она чай не на однѣ сутки къ намъ ѣхала?

— Разумѣется... сказала сквозь слезы Аннушка.

— Напрасно вы мои слова принимаете за шутку-съ: я вамъ сказалъ истинную правду-съ, проговорилъ Жилинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула уже не совсѣмъ весело Пелагея Андреевна:—что же вы такое съ нами-то дѣлаете, Матвѣй Матвѣичъ? Ждали мы молодыхъ полтора мѣсяца... пріѣхали молодые, и вдругъ поскакали назадъ, словно выгнанные... Что послѣ этого люди-то скажутъ? Вѣдь я, мой батюшка, заранѣе всю родню пригласила на ужинъ.

— Мы ѣхали, маменька, съ вами-съ, съ родителями повидаться-съ, а прочая ваша родня мнѣ и на умъ не попала-съ, отвѣтилъ съ усмѣшкою Матвѣй Матвѣичъ.

— Однако вы насъ, а не кого другого обидите своимъ безвременнымъ отъѣздомъ, и Аннушку огорчите, а она вонъ уже и плачетъ.

Анюта и въ правду сидѣла съ глазами полными слезъ.

— Чтожь дѣлать? такія обстоятельства-съ, что я не могу здѣсь долго пробыть. Во-первыхъ, мой главный прикащикъ запилъ-съ, заговорилъ Жилинъ.

— И, я думаю, не въ первый разъ, подхватилъ нетерпѣливо тесть.

— Во-вторыхъ-съ...

— Во-вторыхъ, уже и резона никакого нѣтъ, перебилъ снова Александръ Петровичъ, котораго разбирала сильная злость.— А просто, Матвѣй Матвѣичъ, не хотите вы нашей просьбы уважить изъ одного каприза, больше ничего.

— Тятенька-съ, вы меня жестоко обижаете-съ... отозвался обидчиво зять.

— Чѣмъ же обижаться, Матвѣй Матвѣичъ? я говорю правду, подтвердилъ Лапинъ рѣшительно.

— Именно, именно правду! Вы, Матвѣй Матвѣичъ, самый капризный и самый несносный человѣкъ!.. вскричала Вѣра, которую такъ и подмывало сказать зятю что нибудь обидное.

— Вѣра! молвилъ строго отецъ, останавливая дочь.

— А!.. вонъ какъ-съ! Вѣра Александровна, я капризный и несносный!.. такъ-съ! Не Анна-ли Александровна вамъ нажаловалась на меня? проговорилъ сквозь зубы Жилинъ, не совсѣмъ пріятно взглянувъ на жену.

Вѣра хотѣла-было отвѣчать, но сидѣвшая возлѣ нея мать такъ ее ущипнула за локоть, что бѣдная дѣвушка чуть не вскрикнула, и принуждена была замолчать, видя, что зять сердится не нашутку. Пелагея Андреевна струсила и заговорила болѣе мягкимъ голосомъ.

— Рано еще вамъ съ Аннушкою жаловаться другъ на друга, Матвѣй Матвѣичъ; давно ли еще сочетались бракомъ?.. И обратясь къ Вѣрѣ, прибавила, грозя ей пальцемъ:—а ты у меня смотри, я тебя заставлю языкъ прикусить!

Нѣсколько минутъ всѣ молчали.

Вдругъ лицо Пелагеи Андреевны озарилось какою-то счастливой мыслью; она на всѣхъ взглянула весело и сказала:

— А что, если мы сдѣлаемъ вечеръ въ четвергъ? Ужъ конечно, четвергъ вы у насъ пробыть можете, Матвѣй Матвѣичъ?

— Только изъ уваженія къ вамъ, маменька, потому вижу ваше расположеніе-съ, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Вотъ и прекрасно. Что ты на это скажешь, Александръ Петровичъ? обратилась Лапина къ мужу.

— Когда хочешь, для меня все равно, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, вставая изъ-за стола.

— Встрепенулась душа Пелагеи Андреевны; она тутъ же отрядила назавтра чѣмъ-свѣтъ Татьяну Ивановну за поваромъ, прикащика за припасами, другого за музыкантами, и сама до глубокой ночи просидѣла въ кладовой, осматривая, все ли въ порядкѣ находится. А Анюта и Вѣра долго сидѣли въ столовой,

и не могли наговориться, готовясь опять скоро къ продолжительной разлукѣ.

А между тѣмъ гостиная мгновенно превратилась въ спальню для молодыхъ.

Послѣ долгихъ хлопотъ и бѣганья, Пелагея Андреевна пришла наконецъ въ спальню; Александръ Петровичъ еще не спалъ.

— Слава Богу! насилу все устроила, насилу затя уломала, проговорила усталая хозяйка.

— Шельма онъ, бестія, подлецъ, вотъ что! произнесъ Лапинъ, поворачиваясь на другой бокъ.

— Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему нельзя у насъ долго быть; почему мы знаемъ его дѣла? возразила жена.

— Вретъ онъ! Видитъ, что ухаживаютъ за нимъ, ну вотъ и ломается... Правду говорила тетка Ульяна Спиридоновна! И Лапинъ, повернувшись еще разъ, захрапѣлъ.

Въ четвергъ вечеромъ въ домѣ Лапиныхъ ярко горѣли огни, полонъ домъ былъ гостей. Богатыя кукушкинскія купчихи пыхтѣли подъ бриліантами, а бѣдная родня пестрѣла яркими нарядами. Красиво возвышались на столахъ вазы съ печеньемъ и свѣжими плодами, убранныя цвѣтными бумажками. Но Пелагея Андреевна все-таки не была довольна вполнѣ; во-первыхъ единственный хоръ музыкантовъ, игравшій въ Кукушкинѣ въ торжественныхъ случаяхъ, и принадлежавшій одному помѣщику, по случаю барскихъ имянинъ не могъ играть у Лапиныхъ; во-вторыхъ, поваръ съ самого ранняго утра былъ пьянъ и перепортилъ много кушанья; въ-третьихъ новыя платья для дѣвицъ Лапиныхъ совсѣмъ не поспѣли.

Досадовала она и на мужа, что онъ и при гостяхъ былъ невеселъ; сильно Пелагею Андреевну раздражали и нескромные распросы родственницъ.

— Отчего это Анна Александровна такъ похудѣли? судили онѣ на разные лады.—Каково ей житье въ новой семьѣ, любитъ ли ее свекровь, ласковъ ли до нее муженекъ? и проч... На всѣ эти вопросы Лапина отвѣчала разумѣется—благопріятно, а между тѣмъ сама, своими ушами слышала сужденія догадливыхъ язычковъ, сужденія совсѣмъ нелестныя для нея.

— Жаль, жаль Анны Александровны, говорила Марья Ивановна Марьѣ Степановнѣ:—и на что родители польстились? Посмотри, мать моя, пара ли онъ ей? Вѣдь онъ какая-то паршивая кошка противъ нея, будетъ ли она его любить?

Особенно Ульяна Спиридоновна Горюхина значительно пока-

чивала головою и, поймавъ Александра Петровича за рукавъ, усадила возлѣ себя, и принялась распрашивать.

— Ну что, мой голубчикъ, довольны ли вы своимъ зятюшкомъ?

— Откровенно вамъ, тетушка, сказать: кажется, маленько ошиблись, отвѣчалъ Лапинъ.

Узенькiе глазки тетушки разскрылись и забѣгали.

— Что ты, родной, сказалъ, что такое?

Александръ Петровичъ оглядѣлся, и видя, что близко никого нѣтъ, продолжалъ:

— Я, тетушка, насчетъ своего зятя: кажется, не бобра убили.

— А! что, видно, мои слова были справедливы! Вѣдь я вамъ завсегда добра желала!.. воскликнула старуха.

— Ужъ вѣрно, тетушка, такая аннушкина судьба! разсудилъ отецъ и развелъ руками.

— Да, судьба!.. тетушка сомнительно покачала головой. — А чѣмъ зять-то дурень оказался?

— Дурень, недурень, а какъ кажется, очень *нравенъ*, покуражиться любитъ...

— Этакой супостатъ! воскликнула громко Ульяна Спиридоновна:—да надъ кѣмъ ему куражиться-то, надъ женою-то, надъ этакою-то красавицей? Ахъ, онъ свинья!.. Впрочемъ онъ и надъ первой-то ломался...

Подошедшiй гость прервалъ разговоръ и хозяинъ отошелъ прочь.

— Жаль мнѣ васъ, Палашенька, видитъ Богъ жаль!.. говорила черезъ минуту Горюхина хозяйкѣ.

— А что такое, тетушка? спросила въ недоумѣнiи послѣдняя.

— Слышь, зять-то не по вамъ попалъ, куражливъ... отвѣчала старуха, понизивъ голосъ.

— Кто это вамъ сказалъ такой вздоръ?

— Кто сказалъ? сейчасъ самъ Александръ Петровичъ говорилъ.

— Охота Александру Петровичу пустяки говорить, возразила Лапина, стараясь казаться веселой:—ишь, ему зять не нравится, что неразговорчивъ, серьезенъ, словно старикъ... такъ вѣдь ужъ стало быть такой *характеръ* имѣетъ, не перородиться стать... И чтобы не распространяться болѣе, Пелагея Андреевна ушла.

— Ишь, какая скрытная нонче стала, прошептала тетушка, смотря хозяйкѣ въ слѣдъ:—да не надуешь меня, полно...

Пиръ кончился, гости сытые и пьяные разъѣхались и разошлись по домамъ, а на другой день по всему городу словно въ трубу трубили, что не посчастливилось Аннѣ Александровнѣ: мужъ попался злой и капризный, скоро ее въ чахотку вгонитъ; и что Александръ Петровичъ и Пелагея Андреевна горюютъ, что не на радость отвезли дочку на чужую сторону, и проч.

Но какъ бы то ни было, у Пелагеи Андреевны словно гора съ плечь свалилась. Желаніе ея исполнилось: она напоила и накормила свою родню, и уже не опасалась никакихъ толковъ и пересудовъ съ ихней стороны, никакъ не предполагая, что уже почтенная роденька давно судила и рядила объ ихъ семействѣ, съ разными предположеніями и рѣшеніями, не совсѣмъ выгодными для Матвѣя Матвѣича.

— Анюта, теперь твой мужъ пусть ѣдетъ домой, когда хочетъ, а ты останься у насъ погостить, сказала Вѣра сестрѣ, когда гости разъѣхались.

— Ахъ, Вѣра, какъ бы я рада; но предчувствую, что онъ меня не оставитъ, отвѣчала Анюта.

— Авось оставитъ; сперва ты его попроси, а потомъ тятенька и маменька попросятъ: недѣльки на двѣ отпуститъ.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Анюта приступила къ нему съ просьбой—оставить ее у отца.

— Не о родительскомъ, а о мужниномъ домѣ должны вы, сударыня, думать-съ... началъ Матвѣй Матвѣичъ правоучительно. — Нечего вамъ съ Вѣрой Александровной шуры-муры разводить, да на мужа жаловаться-съ; сколько не жалуйтесь, а все отъ меня недалеко уйдете-съ...

— Развѣ вы слышали, что я на васъ жалуюсь?

— Знаемъ-съ, понимаемъ-съ мы васъ: всѣ жены на одну стать. А ужъ и сестрица ваша золото-съ, нечего сказать, кому-то эфто золото попадетъ. А вамъ я совѣтую завтра пораньше проснуться—и укладывать вещи-съ.

— Какъ же это? воскликнула Анюта:—а я хотѣла еще сдѣлать нѣсколько визитовъ завтрашній день.

— Предоставьте-съ эфто вашей маменькѣ и сестрицѣ-съ, а намъ съ вашею роднею не дѣтей крестить-съ, заключилъ Жилинъ.

Анюта болѣе не настаивала.—«Вѣдь я знаю, что не оставитъ», подумала она, вздохнувъ. Еще одно изъ ея желаній не исполнилось.

И по утру она сказала Вѣрѣ о своей неудачѣ. Какъ ни была Вѣра сердита на зятя, но за чаемъ первая заговорила съ нимъ.

— Отъ чего же вы, Матвѣй Матвѣичъ, не хотите оставить у насъ Анюту хоть недѣли на двѣ?

— А! ужъ Анна Александровна успѣла передать вамъ-съ, вѣроятно по секрету? и Жилинъ сверкнулъ на Анюту своими рысьими глазами.

— Какъ же не сказать послѣ этого, продолжала дѣвушка горячо:—что вы такъ поступаете, только изъ каприза, изъ желанія показать свою волю...

Строгій взглядъ отца заставилъ Вѣру замолчать.

— Въ самомъ дѣлѣ, оставьте Анюту, а опослѣ вы за нею пріѣдете? обратился тесть къ зятю.

— Помилуйте-съ, давно ли мы бракомъ сочетались... и къ тому лишніе разъѣзды-съ, отвѣчалъ послѣдній.

— Если вы хлопочете о лишнихъ тратахъ, перебилъ Лапинъ, стараясь скрыть улыбку сожалѣнія: — такъ не безпокойтесь, я васъ въ изъянъ не введу, я самъ привезу дочь.

— Эхе, хе, хе! Александръ Петровичъ, проговорила Пелагея Андреевна:—не стыдно и не грѣхъ тебѣ такія рѣчи говорить? Ну подумай-ка хорошенько, развѣ можно молодыхъ людей разлучать?.. Они должны теперь свыкаться, сидѣть другъ возлѣ друга... Нѣтъ, батюшка, я этого грѣха на свою душу не беру, и дочь свою безъ зятя гостить не унимаю.

— Вы гоните меня отъ себя, маменька? сказала доселѣ молчавшая Анюта.—Богъ съ вами... Я думала здѣсь хоть сколько нибудь повеселѣе время провести... Въ Привольскѣ такъ скучно, такъ скучно...

— Вонъ какъ-съ! Анна Александровна! перебилъ мужъ, непріязненно взглянувъ на Анюту.

— Вздоръ, сударыня, съ мужемъ нигдѣ нескучно! Я потачки давать не люблю, коли за мужъ вышла, отца съ матерью оставила, такъ и помни это завсегда, что теперь должна уже мужнину волю исполнять...

— Я вамъ очень благодаренъ, маменька-съ, вы обо всемъ обстоятельно изволите разсуждать-съ, молвилъ Матвѣй Матвѣичъ, очень довольный заключеніемъ тещи.

У Анюты навертывались слезы, Вѣра съ досады кусала ногти почти до крови; и онѣ обѣ скоро ушли наверхъ. По просьбѣ Пелагеи Андреевны Жилинъ остался обѣдать, и все утро былъ особенно учтивъ съ тестемъ. Въ самомъ голосѣ Матвѣя Матвѣича

слышалась почтительная мягкость. Не видя никого въ комнатѣ, кромѣ тестя, Жилинъ наконецъ заговорилъ.

— Вы, тятенька, надѣюсь, не замедлите насъ въ Привольскѣ посѣтить-съ?

— Навѣрное сказать не могу; не знаю, когда Богъ приведетъ у васъ быть... отвѣчалъ послѣдній.

— Сдѣлайте милость, поскорѣй навѣстите, обрадуйте насъ...

— Надо быть прiѣду, только раньше масляницы меня не ждите.

— Что вы-съ? такъ долго-съ? воскликнулъ зять: — мнѣ бы желательно, еслибъ вы до новаго года насъ посѣтили съ... и ... то... и Матвѣй Матвѣичъ остановился какъ будто на полсловѣ.

Лапинъ этого не замѣтилъ.

Жилинъ прокашлялся, всталъ со стула, сорвалъ цвѣтокъ жасмина, растущаго на окнѣ, помялъ, понюхалъ и опять сѣлъ. Словомъ, во всѣхъ движенiяхъ Матвѣя Матвѣича высказывалось какое-то желанiе и вмѣстѣ нерѣшительность.

— Намъ, тятенька, до новаго года слѣдовало-бы покон.... чить... произнесъ наконецъ онъ не безъусилiя.

— Что такое? спросилъ хозяинъ.

— Я докладываю насчетъ капитала Анны Александровны-съ, продолжалъ зять.

— Я вамъ сказалъ, что до ростовской ярмарки денегъ отдать Аннушкѣ не могу, въ чемъ и вексель далъ... проговорилъ раздражительно Александръ Петровичъ.

— Но... но тятенька-съ, ей-ей мнѣ къ новому году деньги очень нужны-съ...

— Аннушка и процентъ получитъ, продолжалъ Лапинъ, не слушая зятя.

Жилинъ закусилъ губу.

Послѣ обѣда все было готово къ отъѣзду молодыхъ. Прощаясь съ сестрою, Вѣра обѣщала скоро увидѣть ее въ Привольскѣ; Анюта не могла обѣщать скоро быть въ Кукушкинѣ, и только плакала, за что ее бранила Пелагея Андреевна, хотя и сама, то и знай, утирала глаза.

Возвратилась Анюта въ Привольскъ, и опять потянулась для нее скучная, однообразная жизнь, исполненная ежедневныхъ непрiятностей. Жилинъ дулся на тестя за отказъ въ деньгахъ, и свою досаду вымѣщалъ, какъ могъ, на женѣ.

VIII.

Однажды Жилинъ спросилъ у Анюты, которая сидѣла за работой:

— А что это-съ, Анна Александровна, изволите вы подѣлывать-съ?

— Вышиваю подушку на диванъ, отвѣчала Анюта.

— Вздоромъ, сударыня, изволите заниматься-съ, лучше шили бы себѣ бѣлье... А того голландскаго бѣлья, которое въ сундукѣ, не извольте трогать: оно принадлежитъ Сашѣ—послѣ ея матери-съ.

Не безпокойтесь, я въ вашемъ бѣльѣ не имѣю надобности. Маменька моя озаботилась обшить меня бѣльемъ вдоволь.

Глазки Матвѣя Матвѣича сверкнули.

— Похвальное дѣло-съ, что ваша маменька озаботилась, насчетъ бѣлья, сказалъ онъ, шипящимъ голосомъ. —Отчего вашъ тятенька не озаботится расквитаться съ нами-съ въ приданыхъ деньгахъ-съ? Я теперь по неволѣ долженъ сдѣлать заемъ, и съ такими процентами, какихъ Александръ Петровичъ намъ не заплатитъ-съ...

Анюта подняла на мужа глаза, и лицо ея покрылось яркой краской.

— А вы думаете взять съ тятеньки процентъ? спросила она, стараясь казаться спокойной.

— А по вашему это не должно быть такъ-съ? Жилинъ засмѣялся.—Я полагаю —ваши деньги у тятеньки не въ сундукѣ лежатъ, онъ ими пользуется-съ... А если и въ самомъ дѣлѣ они лежатъ у него въ сундукѣ, мнѣ какое до того дѣло-съ? на то его воля-съ... А наше — намъ подай...

Анюта ничего не сказала, опустила голову и принялась усердно работать, хотя руки ея замѣтно дрожали.

— Впрочемъ, продолжалъ Матвѣй Матвѣичъ: — это дѣло ваше-съ, тятенька вашъ сказалъ, что дастъ вамъ процентъ, какой вы пожелаете.

— Я? воскликнула Анюта.

— Именно, вы-съ.

— Я никакого не пожелаю и не... возьму, сказала она совершенно спокойно.

— Я въ томъ увѣренъ-съ, вы всегда готовы такую штучку выкинуть, какъ помните, съ векселемъ... проговорилъ насмѣшливо Жилинъ. — Позвольте вамъ доложить, продолжалъ онъ спокойнѣе, принимаясь снова за счеты: — позвольте доложить-съ: сегодня у насъ приходъ съ расходомъ копѣйка въ копѣйку-съ; значитъ приращенія капитала нѣтъ; а вы, Анна Александровна, то же сегодня — не забудте — кушали за обѣдомъ и жаркое, и пирожки-съ, и прочее... а тамъ вамъ новая шляпка понадобится... далѣе—что-нибудь другое-съ... да-съ!... Поняли теперь-съ?

Анюта низко наклонилась надъ пяльцами и не отвѣчала; она только чувствовала, что передъ глазами ея тянутся и перекрещиваются какія-то длинныя разноцвѣтныя нити. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Матвѣй Матвѣичъ усердно постукивалъ костями счетовъ, и что-то шепталъ про себя. Но вотъ онъ снова оборотилъ голову къ женѣ.

— Ахъ, чуть не забылъ... Сестра Лизавета Матвѣевна говорила, чтобъ я вамъ передалъ: всѣ алмазныя и золотыя вещи извольте уложить и передать сестрицѣ на сохраненіе-съ.

— Очень хорошо, отвѣчала Анюта.

— И браслетъ, подтвердилъ мужъ.

— Который вы мнѣ на сговорѣ подарили?

— Д... да... т. е. на время. Жилинъ закашлялся.—Но вѣдь всѣ эти вещи сашиной матери; дочь—наслѣдница. .

— Можетъ, и платья, которыя вы мнѣ дарили, прикажете передать сестрицѣ? спросила жена.

Матвѣй Матвѣичъ взглянулъ на Анюту, и въ глазахъ и на губахъ ея ясно выражалось глубокое презрѣніе; мужъ взбѣсился.

— Платья? вскричалъ онъ:—о платьяхъ вамъ нечего говорить-съ: платья нужны вамъ носить...

— Нѣтъ... я вашего ничего не надѣну!... произнесла твердо Анюта, и глубокій вздохъ облегчилъ ея грудь.

— Вздоръ, надѣнете, когда будетъ нужно, проговорилъ мужъ и отвернулся къ конторкѣ.

Анюта долго сидѣла, опустя голову, долго думала она, повиноваться ли ей безусловно волѣ мужа и капризамъ свекрови? Сносить-ли терпѣливо обидныя насмѣшки золовки? Или идти наперекоръ всему, что ей покажется обиднымъ и унизительнымъ? Но все-таки рѣшить этихъ вопросовъ она не могла и предоставила все будущему.

Между тѣмъ въ комнатѣ старухи Жилиной происходила слѣдующая сцена.

Сидя въ старинныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, мягкихъ креслахъ, Марья Михайловна плакала, кашляла и безпрестанно подносила платокъ къ губамъ.

— Не думала я, не думала дожить до такой обиды, твердила она:—но чтожь дѣлать, видно время такое пришло... младшіе возстали на старшихъ .. дѣти на родителей,—послѣднее время... Охъ, послѣднее время!..

Ходившій быстро по комнатѣ Матвѣй Матвѣичъ махнулъ рукой.

— Маменька-съ! Ахъ, маменька! произнесъ онъ какимъ-то полушопотомъ, остановясь передъ матерью.

— Неужели вы на насъ, на вашихъ дѣтей, ропщете? Я-съ... я-съ съ своей стороны, кажется, вамъ всякое уваженіе-съ...

— Эхъ, мой другъ, не на твой счетъ и говорю я, перебила старуха.—Напримѣръ Анну Александровну я приняла, какъ дочь родную, ей-ей, лучше чѣмъ дочь полюбила... а она? ахъ, подай только Господи мнѣ терпѣніе, вѣрно ужь такой мой крестъ... Вотъ хоть бы и первая-то твоя женушка, царство ей небесное... почтительностью не помянешь, все наперекоръ, а отъ чего? сначала воля была дана. А теперь эта...

— А что такое-съ, маменька, случилось?

— Да вотъ хоть бы ньньче — опозорила меня Аннушка и передъ Богомъ и передъ людьми... Одѣлась въ свой старый салопишко и пошла къ обѣдни одна, словно я чужая ей, стояла въ церкви одна, и вотъ какъ Богъ святъ, хоть бы взглянула на меня. А все— воля, оттого и всякое непочтеніе...

— Маменька, успокойтесь, ради Бога успокойтесь насчетъ эфтого! воскликнулъ сынъ:—я тогда еще былъ молодъ, можно сказать, глупъ, а теперь, теперь, убей меня Богъ, если я дамъ потачку.

— Я, Матюшенька, всегда и своихъ и чужихъ на доброе наставляла, да!.. Вотъ и теперь не то-что смуты, а изъ жалости тебѣ говорю, что... Марья Михайловна закашлялась, а Матвѣй Матвѣичъ вытянулъ шею и навострилъ уши.

— Вотъ и теперь, продолжала таинственно старуха, утирая глаза и понизивъ голосъ:—скажу, попросту Анна Александровна молода... а люди того не разберутъ... и стыдъ и срамъ на насъ падетъ, ты дòлжонъ ее поучить...

Жилинъ присѣлъ на край стула и вылупилъ свои глазки во всю ширину ихъ, обратившись весь во вниманіе.

— Вотъ и сегодня Анна Александровна вышла изъ церкви одна, а за нею слѣдомъ какой-то студентишка... до самыхъ воротъ проводилъ, вотъ—не лгу Матюшенька... своими глазами видѣла... А Лиза говоритъ, что онъ и во время всей службы глазъ не спускалъ съ твоей женушки. Старуха перевела духъ, а Матвѣй Матвѣичъ, позеленѣвъ отъ злости и ревности, вскочилъ и началъ бѣгать по комнатѣ своими коротенькими шажками.

— Ну вотъ, Матюшенька, мнѣ и жалко васъ, отъ жалости я тебя остерегаю... забормотала опять было Марья Михайловна, но сына уже не было въ комнатѣ. Въ ту же минуту онъ бросился къ женѣ; трясясь всѣмъ тѣломъ и брызгая слюнами, онъ безсвязно укорялъ Анюту въ верхоглядствѣ, амурничаньи съ студентами и чуть не въ распутствѣ.

Молодая женщина въ испугѣ смотрѣла на мужа, едва понимая его слова, и удивляясь странному бѣшенству.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда Жилинъ мало-мальски пришелъ въ себя и высказалъ по порядку все, что говорила ему мать, Анюта горько улыбнулась, но противъ обыкновенія не заплакала, а только посмотрѣла мужу въ глаза и отвѣчала спокойно:

— Я ни въ церкви, ни на улицѣ не видала никакого студента; правда, шелъ за мною гимназистъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, а больше никого не было; и это не грѣхъ вашей маменькѣ, на старости лѣтъ, выдумывать такія кляузы?.. она выразительно покачала головкой.

— Какъ-съ?.. Какъ вы выразились о моей маменькѣ? вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ.—Ахъ, вы!.. Ахъ, ты!.. онъ поднялъ руку и говорить болѣе ничего не могъ, злоба душила его.

Анюта стояла неподвижно, слегка поблѣднѣвъ, только добрые глаза ея сверкнули какимъ-то небывалымъ свѣтомъ. Мужъ отступилъ назадъ.

— Она, она—Авдотья Степановна... Она не умирала, аль изъ мертвыхъ воскресла, говорилъ онъ уже болѣе ровнымъ голосомъ, быстро ходя по комнатѣ и размахивая руками. — Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что впредь подобнаго пассажа вы-съ не осмѣлитесь болѣе сдѣлать? молвилъ онъ, остановясь передъ женой въ торжественно-супружеской позѣ.

— Какого пассажа? спросила тихо Анюта.

— А такого-съ, что не побѣжите со двора однѣ-съ.

— И съ маменькой, и съ сестрицей вашей никогда и никуда не пойду, отвѣтила спокойно и рѣшительно Анюта.

— Какъ?!. Послѣ этого вы не смѣйте изъ дома ногой!.. вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ.

Анюта кивнула головой, но что значило это киванье—согласилась-ли она съ приказаніемъ мужа, или хотѣла показать, что она рѣшилась поступать по своей волѣ.

Съ этого дня Анюта почувствовала, что въ ней произошелъ странный переломъ. Страхъ ея передъ мужемъ изчезъ. Всѣ наставленія матери о безусловномъ повиновеніи мужниной волѣ, потеряли для Анюты, если не вовсе свое значеніе, то все-таки много. Она теперь ясно сознавала, что ни мужъ, ни его семейство не стоили ни малѣйшаго уваженія. Сначала новыя чувства, такъ быстро нахлынувшія на робкую доселѣ душу Анюты, испугали ее, но потомъ, перебравъ въ памяти всѣ свои отношенія къ мужу и свекрови, со дня своей свадьбы и не найдя въ себѣ никакой вины, она увидѣла въ своемъ новомъ семействѣ мелкихъ, но безпощадныхъ тирановъ, отъ которыхъ освободить могла ее только одна смерть. Сердце Анюты облилось кровью, но она не хотѣла уже болѣе играть роли безмолвной жертвы, а оскорбленное самолюбіе придавало ей сверхъестественныя силы въ начинавшейся борьбѣ.

Однако этотъ нравственный переломъ не прошелъ даромъ; онъ отозвался на ея здоровьи; она чувствовала усталость, какъ послѣ тяжелаго труда, и легла въ постель. Но на самомъ дѣлѣ положеніе Анюты было опаснѣе, чѣмъ казалось: только молодыя силы и хорошее сложеніе спасли ее отъ нервической горячки.

— По какому случаю, сударыня, полеживать изволите-съ? спросилъ Анюту мужъ, воротившись вечеромъ домой изъ лавки.

— Голова очень болитъ, отвѣчала сухо жена.

— Головка болитъ-съ? такъ-съ, повторилъ Жилинъ. — Чтожь эфто такое: причуды, или въ самомъ дѣлѣ Богъ васъ наказываетъ-съ за неприличное своевольство-съ? Даетъ вамъ почувствовать, чтобы вы были-съ благоразумнѣе-съ... Впрочемъ можетъ быть, вамъ нуженъ докторъ-съ?

— Ни доктора, ни лекарствъ!.. Мнѣ ничего не нужно; сдѣлайте милость, оставьте меня въ покоѣ, отвѣчала жена и отвернулась къ стѣнѣ.

— Ого! какія вы сегодня рѣчистыя-съ, Анна Александровна. Ужь и въ самомъ дѣлѣ не горячка-ли съ вами-съ? замѣтилъ супругъ язвительно.—Въ такомъ случаѣ есть прохладительныя мѣры, которыя образумливаютъ-съ!..

Анюта горько улыбнулась; изъ словъ мужа она видѣла, что

онъ не вѣритъ ея болѣзни. И какъ ни насмѣхался Матвѣй Матвѣичъ надъ нею, сравнивая ея поступки съ поступками первой своей жены, разумѣется къ невыгодѣ обѣихъ, Анюта упорно молчала. Жилинъ наконецъ ушелъ ужинать, и послѣ взявъ подушку, отправился спать въ гостиную, чему жена была очень рада. Но все-таки Анюта провела тяжелую безсонную ночь; странные неопредѣленные звуки раздражали ея слухъ; непріятныя видѣнія толпились передъ нею, но къ утру молодыя силы взяли свое и Анюта крѣпко уснула.

Проснувшись, она очень удивилась, увидя въ спальнѣ Ананьевну, которая ходила нацыпочкахъ, и все прибирала потихоньку.

— Что это, няня, пришла ты такъ рано убирать комнату? спросила Анюта.

— Матвѣй Матвѣичъ приказалъ побыть съ вами, покуда вы, сударыня, проснетесь, отвѣчала старуха: онъ говоритъ, что вы ночью бредили очень... Теперь матушка, какъ вы въ своемъ здоровьѣ-съ?

— Мнѣ лучше... Нянюшка мнѣ бы хотѣлось поскорѣе чаю.

— Какже вамъ чаю-то, сударыня? вѣдь сегодня Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна за архіерейское служеніе уѣхали, и раньше перваго часу не будутъ-съ: они у насъ знаете усердныя-съ... старуха язвительно улыбнулась.

— Богъ съ ними, отвѣчала Анюта: ты только самоваръ сюда подай, чай у меня есть.

Старая нянька не заставила повторять приказаніе и чрезъ минуту все было готово; по указанію Анюты, Ананьевна достала изъ комода чай и проворно приготовила, потомъ помогла хозяйкѣ надѣть капотъ.

— Матушка, сударыня вы моя, Анна Александровна, необидьтесь вы на мои старушечьи слова, начала нянька пристально смотря своими птичьими глазами на блѣдное лице Анюты.

— Что такое? спросила послѣдняя.

— Я на васъ смотрю и все думаю, продолжала Ананьевна: какъ покойница Авдотья-то Степановна въ этомъ домѣ была изобижена, такъ теперь и надъ вами, словно коршуны кохти держатъ... Злодѣи—злодѣи и есть...

Анюта недовѣрчиво посмотрѣла на старуху и будто не понимая спросила:

— Про кого ты это говоришь?

— Извѣстно про кого, про хозяюшекъ здѣшнихъ, про вашу свекровушку и золовушку, не погнѣвайтесь, сударыня, на мои глупыя слова... А будьте вы хоть вся въ крестахъ, а въ хорошихъ у нихъ не будете; у нихъ всѣ худые люди кромѣ ихъ самихъ... охо-хо-хо...

— Однако ты здѣсь, кажется, давно живешь?

— А для кого живу-то я? все для Сашеньки: видитъ Богъ какъ родной жаль, совсѣмъ забила ее тетенька... Старуха утерла глаза: Авдотья-то Степановна покойница при мнѣ и скончалась... вотъ тутъ въ этой самой спальнѣ, какъ теперь вижу... И она показала рукой въ уголъ, гдѣ стояла кроватъ.

Анюта вздрогнула; ей какъ-то сдѣлалось страшно.

— А молода-ли умерла Авдотья Степановна? спросила она, сдерживая вздохъ.

— Двадцати трехъ годочковъ... царство ей небесное... Нянька перекрестилась.

— И хороша была собой?

— Какъ-бы вамъ сказать, сударыня, произнесла старуха, пожевавъ губами: какъ есть красавица, только счастья Богъ не далъ, что ты будешь дѣлать?

— Вѣрно и Матвѣй Матвѣичъ несовсѣмъ хорошо съ ней жилъ?

— Гм! какъ вамъ о томъ, моя матушка, доложить-съ? отвѣчала Ананьевна, покачивая головою. Извините вы меня, сударыня-съ, а по моему дурацкому разсудку, коль кто хорошо живетъ, тотъ не обижаетъ... Нельзя сказать, чтобы и Матвѣй Матвѣичъ очень самъ собою обижалъ Авдотью Степановну... но истязанія разныя бывали-съ.

Анюта затрепетала при словѣ: истязаніе, о которомъ настоящее понятіе она гдѣ-то вычитала.

— Какія-же истязанія, няня? вскричала она.

— Да разныя, сударыня, а все по наукамъ свекровушки.. хороша она, нечего сказать-съ... Точно такъ-же и съ Авдотьей Степановной поступали, какъ примѣрно сегодня съ вами, ишь и чаю не оставили... въ голосѣ старухи слышалось сильное негодованіе.

— Они совсѣъ не знали, что я сегодня несовсѣмъ здорова, возразила Анюта, все-еще недовѣряя нянькѣ.

— Знали, сударыня! воскликнула послѣдняя. По правдѣ сказать, свекровь-то и вспомнила о васъ, а тутъ Лизавета Матвѣевна какъ крикнетъ: дескать, не велика барыня ваша не-

вѣстка, подождетъ и нашего пріѣзда... Вотъ она какова Лизавета-то Матвѣевна... У меня съ ней завсегда грѣхъ, да я не боюсь, каждый день ей правду рѣжу...

Дверь тихонько отворилась и вошла Марья Михайловна. Храбрая на словахъ, Ананьевна опешила, и переминалась на мѣстѣ, Анюта сконфузилась, думая, что свекровь подслушала разговоръ ея съ нянькою.

— Что съ вами, мой Ангелъ, Анна Александровна? спросила свекровь, усаживаясь возлѣ постели.

— Теперь ничего, но вчера сильно голова болѣла, отвѣчала Анюта оправясь.

— Вчера я послѣ ужина хотѣла къ вамъ, моя радость, побывать, продолжала Жилина медовымъ голосомъ: но мнѣ сказали, что вы успокоились... сегодня даже обѣдни не достояла, вернулась домой, все время службы вы у меня изъ мыслей не выходили.

Анюта холодно поблагодарила свекровь, очень хорошо зная, что она нагло вретъ.

— Ужь вѣроятно вы вчера, моя радость, накушались чего-нибудь не въ мѣру.. вотъ желудокъ и засорился... разсуждала Марья Михайловна, тихо покашливая: теперь вамъ нужна діэта, непремѣнно діэта и горчичники, а также липовой цвѣтъ.

— Чѣмъ же я могла разстроить желудокъ? Я вчера не только не ужинала, но почти не обѣдала, возразила Анюта.

— Все равно, сластей какихъ-нибудь накушались, отъ маменьки привезли... Діэта нужна, непремѣнно діэта... твердила свое свекровь.

— А ты что здѣсь дѣлаешь? обратилась она вдругъ къ нянькѣ.

— По дѣлу, сударыня, комнату прибирала, отвѣчала послѣдняя.

— Сдѣлала свое дѣло и ступай въ свое мѣсто... Анна Александровна вѣроятно въ тебѣ болѣе не нуждается, продолжала старая хозяйка.—Тебѣ должно за Сашей смотрѣть, а не здѣсь стоять, да слушать, что свекровь съ снохой говоритъ.

— Я не по своей волѣ: мнѣ Матвѣй Матвѣичъ приказалъ побыть при Аннѣ Александровнѣ, возразила обидчиво нянька.

— Матвѣй Матвѣичъ и самъ не понимаетъ, что приказываетъ, сказала сердито Жилина.

Ананьевна помотала головой, и что-то шевеля губами, поплелась вонъ.

— Вы, душа моя, Анна Александровна, не слишкомъ откровенничайте съ прислугой; эти люди только соръ изъ дому выносятъ, обратилась нравоучительно свекровь къ невѣсткѣ.—Мало ли что между семейными произойти можетъ... Вотъ хоть бы и вчера, моя радость, вы меня смертельно обидѣли, а я вотъ зла не помню: пришла васъ навѣстить... Марья Михайловна отерла платкомъ свои сухіе глаза и пристально посмотрѣла на невѣстку, въ ожиданіи, что та вотъ сейчасъ и бросится со слезами раскаянія цѣловать ея руки, и станетъ просить прощенія. Но Анюта сидѣла молча, опустивъ голову на грудь, и тяжело дышала, припоминая вчерашній день.

— По божеской заповѣди мы все должны прощать другъ другу, прибавила старуха, бросая ястребиный взглядъ на больную.

— Я никого не обижала; обидѣли жестоко меня, сказала наконецъ Анюта, спокойно поднявъ на свекровь свои свѣтлые глаза.— Изъ маленькаго гимназиста сдѣлали студента... и наговорили обидныхъ словъ... Матвѣй Матвѣичъ мнѣ передалъ ваши слова и вамъ было не грѣхъ?!. Анютѣ хотѣлось заплакать, но слезы не пошли изъ глазъ, онѣ упали на сердце.

— Охъ, стара я стала вѣрно, моя радость: глаза мои стали меня обманывать... заговорила свекровь съ неопредѣленной усмѣшкой.—А все врагъ рода человѣческаго дѣйствуетъ и старыхъ на грѣхъ наводитъ, и молодымъ непокорность въ сердце вселяетъ: я помню, разъ говорилъ проповѣдь отецъ Иванъ.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и вошла Текуса Егоровна Бодаева; поздоровавшись съ теткой, она бросилась обнимать Анюту, непритворно соболѣзнуя о ея болѣзни, и говоря, что заѣхала мимоѣздомъ.

Анюта благодарила гостью, между тѣмъ какъ свекровь съ досады плевала въ платокъ; наконецъ она поднялась и, повторяя, что Анютѣ нужна діэта и горчичники, ушла къ себѣ.

— Улетѣла! прошептала Бодаева, смотря вслѣдъ старухѣ: — онѣ съ Лизаветой Матвѣевной очень меня не любятъ, а право не знаю зачто?

Анюта махнула рукой и горячо обняла Бодаеву; только теперь изъ глазъ ея брызнули слезы и облегчили ее. Текуса Егоровна утѣшала Анюту, какъ могла, сваливая обыкновенно все на судьбу, и по дорогѣ ругнула довольно энергически своего мужа-безобразника.

Но не желая встрѣтиться съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, гостья поспѣшила уѣхать.

— Какъ изволите поправляться въ своемъ здоровьѣ-съ? спросилъ Жилинъ у жены, вернувшись къ обѣду изъ лавки.

— Сегодня немного лучше, отвѣчала послѣдняя.

— Такъ-съ, я вижу, что горячка прошла, значитъ благоразуміе возвратилось... замѣтилъ насмѣшливо мужъ и ушелъ обѣдать.

Черезъ минуту Ананьевна принесла Анютѣ чайникъ.

— Вотъ вамъ, матушка, лекарство-съ свекровушка прислала; кушайте на здоровье, произнесла старуха, улыбаясь однимъ угломъ своихъ морщинистыхъ губъ.

— А больше ничего? спросила Анюта.

— А чего жь бы вамъ, сударыня?

— Мнѣ бы хотѣлось чего нибудь поѣсть.

— Марья Михайловна приказала вамъ сварить овсянку къ ужину-съ, отвѣчала Ананьевна тѣмъ же тономъ.

— А обѣдъ?

— А на обѣдѣ она сказала, что будетъ діэта, а какое это кушанье, я не знаю.

Анюта покраснѣла отъ досады.

— Охъ, сударыня вы моя! продолжала нянька, со вздохомъ вытаскивая изъ кармана завернутые въ салфетку пирожки и кусокъ холодной телятины, и раскладывая принесенное на столѣ.— Покушайте на доброе здоровье; не смотрите на *разумницъ*-то нашихъ.

— Откуда, няня, у тебя такая благодать? спросила удивленная Анюта, не скрывая своего удовольствія.

— Хоть казните, хоть милуйте меня, старую грѣшницу, за то, что я вамъ покушать украла, да еще какъ, изъ подъ самыхъ рукъ Лизаветы Матвѣевны. Ананьевна расхохоталась.

И Анюта поспѣшила закусить до прихода мужа.

Между тѣмъ въ столовой Марья Михайловна жаловалась сыну на невѣстку, какъ послѣдняя, вмѣсто благодарности, наговорила ей грубостей, когда она пришла навѣстить больную.

Жилинъ, слушая мать, кусалъ отъ досады губы.

— Анна Александровна за то, маменька, на васъ сердита, что вы мало за нею ухаживаете... замѣтила рѣзко Лизавета Матвѣевна.

Братъ громко кашлянулъ и покраснѣлъ.

— Она такія же штучки выкидываетъ, какъ и Авдотья Степановна... продолжала вдова.—Но *мы* теперь стали умнѣе, развѣ ужь только изъ великдушія будемъ прощать... Она взглянула на брата; послѣдній безпокойно повернулся на стулѣ.

— И такъ-съ, Анна Александровна, говорилъ Матвѣй Матвѣичъ женѣ, войдя къ ней послѣ обѣда.—Такъ-то вы отблагодарили маменьку-съ, когда она, можно сказать, какъ ангелъ, забывши всѣ непріятности, посѣтила васъ? Вы бы передъ нею должны были извиниться... а вы-съ?

— Мнѣ не въ чемъ извиняться, я не знаю за собой никакой вины, перебила сухо Анюта, смотря спокойно на мужа.

— Какъ?! вскричалъ внѣ-себя Жилинъ.

— Такъ!

Матвѣй Матвѣичъ скрестилъ на груди руки, и ставъ противъ Анюты, началъ, покачивая головой:

— Хе, хе! Какъ вы сегодня бойки-съ... Значитъ болѣзнь ваша, сударыня-съ, совершенно прошла-съ... когда увидѣли, что за вами не ухаживаютъ .. Актриса, нечего сказать... Она, она— Авдотья Степановна: то же притворство, тѣ же увертки.

— И та же горькая участь!.. перебила жена.

— Что вы изволили сказать-съ? вскричалъ Жилинъ, думая, не ослышался ли онъ.

— Та же горькая участь постигла меня, какъ вашу первую жену, повторила Анюта, и не выдержавъ, зарыдала.

Позеленѣвъ отъ злости, стоялъ передъ нею мужъ безмолвнымъ истуканомъ, не находя слова, которымъ бы онъ могъ уязвить, уничтожить эту женщину. Онъ теперь видѣлъ въ женѣ не безгласную жертву, но врага, хотя и слабаго, но все-таки врага, съ голосомъ, съ протестомъ, съ упрекомъ на языкѣ и съ ненавистью въ сердцѣ.

— А! ну, вотъ и слезы, и рыданія, этого только и не доставало... произнесъ наконецъ Жилинъ, шипящимъ голосомъ. Но помните, сударыня-съ, вы меня болѣе не обманете... Я васъ возьму въ руки-съ.

Эта угроза теперь больше не дѣйствовала на Анюту.

«Что жъ еще онъ можетъ со мной сдѣлать? раздумывала она, когда ушелъ мужъ. Прибить, такъ все равно... развѣ жизнь моя не убита?.» Но вотъ мало помалу ее охватилъ тотъ знакомый, странный сказочный міръ видѣній и несбыточныхъ грезъ; она опять увидѣла себя счастливою, довольною.

Вечеромъ Анюта точно также пила чай у себя.

На третій день Бодаева опять навѣстила Анюту.

— Какъ я рада, какъ я рада, что вижу васъ, моя милая Анна Александровна, за работою, тараторила Текуса Егоровна: — но я, какъ слѣдуетъ, сначала было внизъ къ тетушкѣ, встрѣчаетъ

меня Лизавета Матвѣевна и говоритъ, что ея маменька нездорова и принять меня не можетъ, а я прямо и объявила, что пріѣхала къ Аннѣ Александровнѣ; скорчила свою физіономію моя вдовушка. Ха, ха, ха, а я вотъ у васъ... Ну, какъ ваше здоровье?

— Говорю вамъ откровенно, добрая Текуса Егоровна, что я почти совсѣмъ здорова, отвѣчала Анюта:—но притворяюсь больной, не выхожу изъ комнаты для того, чтобъ не попасть въ непріятности...

— О, ради Бога, хоть къ рождеству-то совсѣмъ выздоравливайте, сказала гостья, смѣясь:—а то васъ, больную, Матвѣй Матвѣичъ и къ намъ на вечеръ не позоветъ, а у насъ бываетъ очень весело, пріѣзжаетъ очень много масокъ, танцуютъ, и мы съ вами повеселимся...

— Ахъ, если бы знали, какъ мнѣ иногда бываетъ тяжело, сказала со вздохомъ Анюта:—то конечно повѣрили бы, что никакое развлеченіе, никакое веселье на умъ нейдетъ...

— Вѣрю, моя душечка, вѣрю! воскликнула гостья, цѣлуя хозяйку.—Но что жь изъ этого будетъ, если вы за-живо-то себя похороните? Прежде времени на тотъ свѣтъ отправитесь со вздыханья и оханья, а тирановъ своихъ въ чувство этимъ не приведете... Авдотья Степановна умерла, Матвѣй Матвѣичъ на васъ женился; вы умрете (отъ слова не придетъ), онъ на третьей женится... А я вамъ совѣтую такъ жить, какъ я живу. Мой Семенъ Васильичъ извѣстный безобразникъ; нравъ имѣетъ дурацкій, однимъ словомъ; и замахиваться подъ часъ любитъ, а я все-таки себѣ удовольствія доставляю, только иной разъ хитрить нужно...

Анюта грустно покачала головой.

— Эхъ, милая моя Анна Александровна, продолжала Текуса Егоровна:—я тоже сначала этакъ и за мужемъ ухаживала, глядѣла-таки ему въ глаза, Сеничька, Сеничька! а мой Сеничька-то въ трактирѣ съ утра до вечера прохлаждается, смотришь везутъ домой поперегъ дрожекъ, словно дерево безчувственное, то въ номерахъ кутитъ,—понимаете, съ кѣмъ?.. Я въ слезы и въ тоску вдалась... Ахъ! душа моя, Анна Алкесандровна! много я горя приняла,—одинъ Богъ знаетъ... Бодаева вздохнула.—А тутъ вижу, что слезами не поможешь, я и рукой махнула: чортъ съ нимъ—думаю... И право, хорошо сдѣлала, теперь живу себѣ, да покучиваю, ни въ чемъ себѣ не отказываю... Впрочемъ вы не поду-

майте обо мнѣ чего нибудь *этакого*, прибавила смѣясь Текуса Егоровна.

— Что вы, помилуйте! воскликнула Анюта, слегка покраснѣвъ.

— Я вотъ только на словахъ-то кажусь такой забубенной головушкой, посмѣяться и пошутить люблю...

И еще долго, долго болтала Текуса Егоровна и наконецъ уѣхала.

Послѣ трескотни Бодаевой кругомъ Анюты опять все смолкло, опять все подернулось мрачнымъ тоскливымъ видомъ, какъ будто она лежала не въ постелѣ, а въ могильномъ склепѣ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни радости, ни надежды...

А. Кобякова.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕЙНЕ.

(H. Heine's Sämmtliche Werke. Hamburg, 1863. Neunzehnter Band.).

На сѣверозападной сторонѣ Парижа лежитъ возвышенность Монмартръ, на которой раскинуто обширное кладбище, господствующее надъ городомъ. Среди могилъ этого кладбища есть одна бѣдная могила, обнесенная желѣзной рѣшеткой и всегда покрытая вѣнками. Неизвѣстно, чья рука кладетъ эти вѣнки на сѣрый надгробный камень, но въ какое бы время года вы ни подошли къ этой могилѣ, всегда найдете на ней свѣжіе цвѣты; торная тропинка, ведущая къ ней, носитъ слѣды частыхъ посѣтителей, которые, не обращая вниманія на великолѣпные памятники, съ любопытствомъ и благоговѣніемъ останавливаются надъ простымъ и голымъ камнемъ. Люди различныхъ націй, языковъ и вѣрованій съ одинаковымъ уваженіемъ подходятъ къ этой знаменитой могилѣ. Въ ней покоится прахъ геніальнаго поэта Гейне.

Судьба людей, подобныхъ Гейне — обыкновенная судьба всѣхъ великихъ дѣятелей, которые во время жизни подвергаются гоненіямъ, клеветѣ и преднамѣренному равнодушію своихъ мелкихъ, но безчисленныхъ враговъ; смерть примиряетъ ихъ съ современнымъ поколѣніемъ и возвращаетъ имъ должное. Вражда и личная антипатія умолкаютъ подъ вліяніемъ времени и суда потомства, которое съ сочувствіемъ и благодарностію относится къ заслугамъ великаго дѣятеля Самыя заслуги

его дѣлаются тѣмъ выше, чѣмъ шире раздвигается кругъ его вліянія на человѣчество. Теперь нѣтъ надобности ненавидѣть и преслѣдовать человѣка, который уже больше не осмѣетъ, не уязвитъ, не сорветъ маски съ подлеца или дурака, прикрывавшаго себя фальшивою тогой величія или ума; теперь только можно любить то имя, съ которымъ соединяется воспоминаніе о благородной борьбѣ съ пошлыми явленіями прожитой эпохи. Теперь становится понятно, что писатель, употребившій всѣ свои силы на то, чтобы раскрыть людямъ глаза на окружающую ихъ мерзость и облегчить имъ дальнѣйшій путь развитія, писатель, который цѣной всевозможныхъ лишеній и опасностей хотѣлъ завоевать нѣкоторую долю счастія для своихъ ближнихъ, имѣетъ полное право на самое глубокое и искреннее сочувствіе. Какъ морская волна чѣмъ дальше уносится отъ берега, тѣмъ дѣлается чище и прозрачнѣе, такъ и имя такого поэта, какъ Гейне, чѣмъ дальше отъ современниковъ, тѣмъ яснѣе становится его значеніе и сила.

Ѣдкая и неумолимая сатира автора «Германіи» нажила ему множество ненавистниковъ и враговъ. Начиная близкими родными и оканчивая толпой разныхъ нѣмецкихъ тупицъ, попадавшихся подъ перо раздраженнаго поэта, все старое, дряхлое, но сильное своимъ авторитетомъ, не хотѣло и не могло простить Гейне его *гремучихъ змѣй*, которыми онъ стегалъ глупость и пошлость. А между тѣмъ, въ его время, этой глупости и пошлости принадлежало такъ называемое общественное мнѣніе Германіи. Отъ этого мнѣнія, подъ которымъ легко было жить только Меттерниху и его креатурамъ, Гейне долженъ былъ бѣжать во Францію и находить въ изгнаніи облегченіе своей жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Германіи были люди, сочувствовавшіе поэту и ожидавшіе каждое новое произведеніе его съ нетерпѣніемъ, но не этимъ людямъ принадлежали первый голосъ и руководящая сила...Это было то молодое поколѣніе, которое только теперь начинаетъ дѣйствовать и отдавать поэту дань его заслуженнаго успѣха. При такомъ направленіи общественнаго мнѣнія, современная критика не могла передать намъ въ настоящемъ свѣтѣ талантъ и личныя достоинства поэта; она или молчала или плевала устами филистеровъ на человѣка, которымъ теперь гордится Германія. Оттого до сихъ поръ въ нѣмецкой литературѣ еще не установилось ясное и опредѣленное понятіе о Гейне; вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ онъ умеръ, а мы не имѣемъ ни полной біографіи его, ни характеристики. Поэтому всякая новая черта, бросающая свѣтъ на эту замѣчательную и во многихъ отношеніяхъ за-

гадочную личность, имѣетъ особенный интересъ. Адольфъ Штродтманъ оказалъ большую услугу изданіемъ полнаго собранія сочиненій Гейне; изданіе это теперь приходитъ къ концу и на дняхъ еще въ Петербургѣ получился 19 томъ его, заключающій въ себѣ неизданныя до сихъ поръ письма Гейне къ разнымъ его друзьямъ и знакомымъ.

Общее впечатлѣніе, производимое письмами Гейне—грустное и раздражающее. Скверно становится на душѣ, когда читаешь эти письма и чувствуешь, съ какими мелкими препятствіями долженъ былъ бороться бѣдный поэтъ, какимъ лишеніямъ и страданіямъ подвергали его людская глупость и жадность; читая эти письма, видишь, что Гейне, уже въ то время, когда великіе поэтическіе образы возникали въ его душѣ, когда онъ начиналъ уже являться во всемъ блескѣ своего міросозерцанія, — приходилось сидѣть за разными кодексами и пандектами и глотать юридическую пыль только потому, что дядя его Соломонъ Гейне, богатый банкиръ, соглашался помогать своему племяннику съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы тотъ добился диплома доктора юридическихъ наукъ. И Гейне добился этого диплома, и не разъ вспоминалъ о немъ съ той грустной ироніей, которая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ его таланта. Когда Филаретъ Шаль просилъ у Гейне нѣкоторыхъ свѣдений о его жизни, поэтъ, удовлетворяя этому желанію, между прочимъ писалъ Шалю: «Я семь лѣтъ учился въ берлинскомъ университетѣ и въ Геттингенѣ; послѣ экзамена и публичнаго защищенія диссертаціи, получилъ степень доктора правъ. Какъ ни маловажно можетъ показаться вамъ это обстоятельство, но я прошу васъ обратить на него вниманіе, потому что въ одной, написанной противъ меня, книгѣ, авторъ утверждалъ, что я купилъ себѣ академическій дипломъ. Изъ всѣхъ неправдъ, напечатанныхъ о моей частной жизни, это единственная, которую я желалъ бы опровергнуть. Приписывайте это гордости ученаго! Пусть говорятъ обо мнѣ, что я незаконнорожденный, сынъ палача, уличный разбойникъ, атеистъ, скверный поэтъ, —я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ; но сердце мое разрывается, когда я вижу, что сомнѣваются въ моемъ докторскомъ званіи! (Между нами будь сказано, хотя я и докторъ правъ, но юриспруденція именно та наука, которую я меньше всѣхъ другихъ знаю)».

Когда выйдутъ въ свѣтъ послѣднія письма Гейне, когда появятся его мемуары, которые до сихъ поръ неизвѣстно почему ревниво хранятъ его наслѣдники, тогда мы попытаемся, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, составить полную характеристику человѣка, имѣвшаго такое гро-

мадное вліяніе на современное ему поколѣніе. Теперь же мы просто приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ писемъ, заключающихся въ 19 томѣ,—писемъ, которыя познакомятъ насъ какъ съ самимъ Гейне, такъ и съ нѣкоторыми современными ему нѣмецкими писателями, рѣшительно неизвѣстными русской публикѣ. Считаемъ не лишнимъ предпослать этимъ письмамъ нѣкоторыя біографическія свѣденія о Гейне; здѣсь намъ придется большею частію говорить словами самого поэта, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій онъ посвящалъ прелестныя страницы описанію своей жизни.

Гейне нѣсколько разъ шутя называлъ себя первымъ человѣкомъ XIX столѣтія, потому что онъ родился 1 янв. 1800 г. Но это говорилось только для краснаго слова; Гейне родился въ 1799 г. въ Дюссельдорфѣ. Во время младенчества Гейне, городъ этотъ былъ занятъ французами, «и вотъ почему—говоритъ онъ—я уже въ дѣтствѣ вдохнулъ въ себя воздухъ Франціи.» Отецъ Гейне былъ купецъ съ довольно порядочнымъ состояніемъ; но какъ видно, Гейне не питалъ къ нему особенно большого расположенія, потому что нигдѣ не упоминаетъ о немъ. За то къ матери онъ относился съ величайшею нѣжностью и посвятилъ ей нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ стихотвореній; вотъ, между прочимъ, одно изъ нихъ:

« Я привыкъ высоко подымать голову, нравъ мой отчасти крутъ и упрямъ; еслибы даже король взглянулъ мнѣ въ лицо, я бы не опустилъ передъ нимъ глазъ.

« Но, милая матушка, говорю откровенно, какъ ни могущественно воздымается мой гордый духъ,—въ твоемъ очаровательномъ, привѣтномъ присутствіи, меня часто охватываетъ трепетъ смиренія.

« Не умъ-ли твой твой тайно покоряетъ меня,—твой высокій умъ, который смѣло проникаетъ въ сущность всѣхъ вещей и гордо возносится къ небесному свѣту?

« Меня мучитъ мысль, что я совершилъ не одно дѣло, омрачившее твое сердце, такъ сильно любившее меня!»

Первое воспитаніе Гейне получилъ въ францисканскомъ монастырѣ Дюссельдорфа. Въ послѣдствіи онъ съ свойственнымъ ему жгучимъ

остроуміемъ разсказывалъ о той дребедени, которою забивали здѣсь головы несчастныхъ дѣтей,—обо всѣхъ этихъ «римскихъ короляхъ, хронологіи, именахъ существительныхъ на *im*, неправильныхъ глаголахъ, греческомъ языкѣ, языкѣ еврейскомъ, географіи, нѣмецкой грамматикѣ, арифметикѣ» и проч.

...«Боже мой! — До сихъ поръ у меня голова кружится.... и все это надо было учить наизусть! Многое изъ этого принесло мнѣ пользу впослѣдствіи; потому что, еслибъ я не выучилъ наизусть исторію римскихъ царей, то мнѣ было бы рѣшительно все равно — доказалъ Нибуръ или не доказалъ, что они никогда не существовали. А еслибъ я не зналъ хронологіи, то какъ бы въ послѣдствіи нашелся я въ Берлинѣ, гдѣ одинъ домъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды или какъ два гренадера, и гдѣ нельзя отыскать своихъ знакомыхъ, если не помнишь твердо номера ихъ дома? Теперь же, при посѣщеніи каждаго знакомаго, я вспоминалъ историческое событіе, годъ котораго совпадалъ съ номеромъ дома этого знакомаго, такъ что припоминая одно, я припоминалъ и другое, и такимъ образомъ, при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ знакомымъ, мнѣ приходило въ голову то или другое историческое событіе. Напр. встрѣчая своего портного, я сейчасъ же вспоминалъ марафонскую битву; попадался мнѣ на встрѣчу щеголь банкиръ Христіанъ Гумпель — онъ приводилъ мнѣ на память разрушеніе Іерусалима; сталкивался я съ другомъ своимъ, задолжавшимся по уши, — въ памяти моей воскресало бѣгство Магомета; сходился со мною университетскій коммисаръ, строгая справедливость котораго извѣстна каждому — я вспоминалъ смерть Амана....Да, хронологія вещь необходимая: я знаю людей, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ хронологическихъ цифръ, — и съ ними эти люди отлично умѣли отыскивать въ Берлинѣ дома, а теперь сдѣлались уже ординарными профессорами. Что касается до меня, то хронологія была моимъ мученьемъ въ школѣ. Съ арифметикой дѣло шло еще хуже. Лучше всего я понималъ вычитанье, въ которомъ есть очень практическое правило: «четыре изъ трехъ—нельзя; слѣдуетъ занять десятокъ..»—Я однако совѣтую каждому въ подобномъ случаѣ занимать нѣсколькими грошами больше, потому что нельзя знать, что можетъ случиться.

«Что касается до латинскаго, то вы не имѣете понятія, кякая это сложная штука. Римлянамъ, конечно, не стало бы времени покорить вселенную, еслибъ имъ сначала пришлось учиться по латыни. Эти счастливцы знали уже въ колыбели, какія имена существительныя кон-

чаются въ винительномъ падежѣ на *im*. А я долженъ былъ учить это наизусть, въ потѣ лица моего; но все таки доволенъ, что узналъ ихъ. Потому что, скажи я, напримѣръ, 20 іюля 1825 г., когда мнѣ довелось защищать въ Геттингенѣ диссертацію на латинскомъ языкѣ — это стоило послушать — такъ скажи я тогда «sinapem» вмѣсто «sinapim», быть можетъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили бы это и я покрылся бы вѣчнымъ позоромъ... Vis, buris, sitis, tussis, cucumis, ammussis, cannabis, sinapis... Эти слова, приведшія къ такимъ большимъ результатамъ, одолжены своимъ вліяніемъ на свѣтъ тому обстоятельству, что они принадлежатъ къ одному опредѣленному классу и при этомъ все таки остаются исключеніемъ; за это я глубоко уважаю ихъ, и мысль, что они всегда у меня подъ рукою въ случаѣ нужды — наполняетъ мрачные часы моей жизни внутреннимъ спокойствіемъ и утѣшеніемъ... Но неправильные глаголы (они отличаются отъ правильныхъ тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ) страшно трудны. Въ темныхъ корридорахъ францисканскаго монастыря, недалеко отъ классной комнаты, висѣло въ то время большое распятіе изъ сѣраго дерева—грустный образъ, который еще и теперь является мнѣ порою во снѣ и смотритъ на меня неподвижными, кровавыми глазами. Передъ этимъ распятіемъ часто стоялъ я и молился: О, Господи, сдѣлай такъ, чтобъ я могъ удержать въ памяти неправильные глаголы!»

Понятно, что вся эта школьная, рутинная дребедень не могла подѣйствовать на Гейне; тѣмъ не менѣе, годы своего дѣтства онъ провелъ за нею. Изъ монастырской школы онъ перешелъ въ дюссельдорфскую гимназію; тамъ проходились такъ называемыя humaniora; науки эти болѣе подходили къ поэтическому характеру молодаго человѣка, вслѣдствіе чего онъ дѣлалъ въ нихъ быстрые успѣхи. Когда вспыхнула вторая французская война, ученики старшаго класса оставили гимназію и предложили свои услуги отечеству; въ числѣ ихъ былъ и Гейне. Но скорое заключеніе парижскаго мира сдѣлало эти услуги ненужными.

Между тѣмъ родственники Гейне, и особенно банкиръ Соломонъ Гейне, гордый своими червонцами, требовали отъ молодаго поэта, чтобы онъ занимался юридическими науками. Въ 1819 году онъ отправился въ Бонну и въ тамошнемъ университетѣ слушалъ лекціи Макельдея, Велькера, Шлегеля, Гюльмана, Арндта, Радлофа и др. Въ 20 году онъ перешелъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ профессорами его были Сарторіусъ и Бенеке, но пробылъ тамъ всего одинъ семестръ; его заставили выйти оттуда за вызовъ на дуэль студента Вибеля. Изъ

Геттингена Гейне перешелъ въ Берлинъ и тамъ пробылъ до 1823 г. «Въ Берлинѣ—разсказываетъ самъ Гейне — я былъ на самой дружеской ногѣ съ знаменитѣйшими учеными и испыталъ всевозможныя болѣзни, между прочимъ и ударъ саблею въ ногу, нанесенный мнѣ Шеллеромъ изъ Данцига; имени его я никогда не забуду, потому что онъ единственный человѣкъ, съумѣвшій нанести мнѣ чувствительную рану.» Изъ Берлина—опять въ Геттингенъ, и уже тутъ въ 1825 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ. Съ 1826 — 1831 г. поэтъ жилъ попеременно въ Люнебургѣ, Гамбургѣ и Мюнхенѣ и ѣздилъ въ чужіе краи; двѣнадцать лѣтъ сряду онъ проводилъ осенніе мѣсяцы на одномъ изъ маленькихъ острововъ Сѣвернаго Моря. «Я люблю — говорилъ онъ — море, какъ любовницу, и воспѣвалъ ея красоту и ея прихоти». Съ 1831 г. поэтъ поселился во Франціи, гдѣ и умеръ среди страшныхъ физическихъ страданій.

Въ борьбѣ съ семейнымъ гнетомъ, съ стѣснительными денежными обстоятельствами, съ физическими страданіями, начавшимися въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, проходила вся частная жизнь великаго поэта. Не веселѣе была и литературная карьера его. Страшныя притѣсненія цензуры, голосъ клеветы и тупоумія, преслѣдовавшій его всю жизнь — вотъ что поэтъ постоянно видѣлъ и слышалъ предъ собою, и если всѣмъ этимъ объясняется мрачное настроеніе его поэзіи, то въ тоже время нельзя не удивляться, какъ такая долговременная и многосторонняя борьба не сокрушила и не раздавила этихъ титаническихъ силъ... Въ сочиненіяхъ самаго Гейне, въ свѣденіяхъ, сообщенныхъ его различными біографами, находятся такъ сказать только намеки на тѣ обстоятельства, о которыхъ мы упоминаемъ; но и ихъ достаточно, чтобы составить себѣ слишкомъ мрачную картину жизни этого человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что съ напечатаніемъ его «Мемуаровъ» картина эта явится еще съ болѣе мрачными красками...

Гейне началъ писать стихи на 16 году; но собственно литературная дѣятельность его началась въ 1821 г., когда стихотворенія его были напечатаны въ Боннѣ. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность его была изумительна. «Богъ да проститъ мнѣ!—говоритъ онъ самъ о себѣ— я испытывалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы; я писалъ лирическія, эпическія и драматическія стихотворенія; я писалъ объ искусствѣ, о философіи, о богословіи, о политикѣ...».

Гейне любилъ свои произведенія и повидимому былъ о нихъ высокаго мнѣнія, въ чемъ конечно никто не обвинитъ его; тѣмъ боль-

нѣе было для него видѣть, что они возбуждали, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вопли негодованія въ сухой и педантической Германіи, пришедшей въ ужась при видѣ этого нововводителя, этого «протестанта», какъ онъ самъ себя называлъ. Но поэтъ скрывалъ это чувство досады и относился къ своимъ критикамъ съ величайшимъ презрѣніемъ, сила котораго утроивалась безпощаднымъ, чисто-гейневскимъ остроуміемъ. Вотъ одинъ удивительный образчикъ того, какъ Гейне относился къ своимъ критикамъ.

«Кромѣ садомитской и беотійской партіи (такъ писалъ онъ въ предисловіи къ своему знаменитому сочиненію: «Französische Zustände») — въ Германіи возстаетъ противъ меня партія абдеритская. Большую часть членовъ этой партіи возстановляютъ противъ меня мои французскіе принципы. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ на основаніи болѣе благородныхъ побужденій. Напримѣръ, одинъ изъ предводителей абдеритской партіи, уже нѣсколько лѣтъ сряду постоянно ругающій меня, дѣйствуетъ только какъ адвокатъ своей супруги, которая считаетъ себя обиженною мною и поклялась погубить меня. Такая смертельная ненависть очень огорчаетъ меня, потому что эта дама очень милая женщина. Она имѣетъ большое сходство съ Венерою Медицейской, именно—она также очень стара и также не имѣетъ ни одного зуба; ея подбородокъ, когда она побрѣется, также гладокъ, какъ подбородокъ вышеупомянутой богини; кромѣ того она ходитъ почти въ такомъ же обнаженномъ видѣ, какъ Венера, и это для того, чтобы показать, что кожа у нея не вся желтая, но мѣстами покрыта бѣлыми пятнами. Напрасно я говорилъ этой дамѣ самыя примирительныя любезности, напримѣръ, что я завидую ей, потому что ей приходится бриться всего два раза въ недѣлю, тогда какъ я долженъ переносить эту операцію каждый день, — или что я ее считаю добродѣтельнѣйшею изъ всѣхъ беззубыхъ женщинъ, — или что я желаю обладать ея сердцемъ, съ тѣмъ чтобы оно было заключено въ золотую коробочку,— напрасно, никакія задабриванія не помогаютъ мнѣ! Непримиримая слишкомъ сильно ненавидитъ меня, и какъ нѣкогда Изабелла Кастильская дала обѣтъ не перемѣнять рубашку до тѣхъ поръ, пока не падетъ Гранада, такъ и эта дама поклялась надѣть чистую рубашку только тогда, когда я, врагъ ея, буду повергнутъ въ прахъ. Теперь она пускаетъ въ ходъ всѣхъ писакъ, особенно своего бѣднаго мужа, котораго не мало безпокоитъ Изабеллинъ цвѣтъ рубашки его половины, особенно лѣтомъ, когда возлюбленная къ тому же пахнетъ пріятнѣе

чѣмъ въ другое время; нерѣдко онъ, какъ безумный, вскакиваетъ съ постели, и стремительно бросается къ письменному столу, и старается писаніемъ скорѣе погубить меня.

«Лѣтомъ газета Брокгауза «Konversationsblatt» бранитъ меня гораздо больше чѣмъ зимою.

«Прости, любезный читатель, что эти строки не совсѣмъ соотвѣтствуютъ серьезному характеру нынѣшняго времени. Но мои враги ужъ слишкомъ смѣшны! Я называю ихъ врагами, я изъ любезности даю имъ этотъ титулъ, хотя они по большей части только мои клеветники. Это маленькіе люди, ненависть которыхъ не доходитъ даже до моихъ икръ. Тупыми зубами они хватаютъ меня за сапоги. Они лаютъ себѣ тамъ внизу до усталости...»

Такъ относился Гейне къ своимъ врагамъ; но глубокое чувство скорби овладѣвало имъ, когда онъ видѣлъ, что и тѣ люди, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, также мало оцѣнивали его и не понимали всѣхъ сокровищъ, заключавшихся въ его душѣ. Это чувство грусти пробивается наружу во многихъ его сочиненіяхъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ; можно положительно сказать, что оно немало способствовало отравленію всей его жизни...

Письма, напечатанныя въ 19 т. полнаго собранія сочиненій Гейне, обнимаютъ собою періодъ отъ 1820 — 1831 г., т. е. первыя десять лѣтъ его литературной дѣятельности. Мы приводимъ здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ болѣе общій интересъ, опуская подробности, могущія имѣть мѣсто только въ полной біографіи поэта.

29 октября 1820 г. онъ писалъ изъ Геттингена Фридриху Штейнману: «Съ нахмуреннымъ челомъ и блуждающими глазами я только-что собирался разразиться страшнымъ для неба и ада проклятіемъ, которымъ я хотѣлъ заключить третій актъ моей трагедіи *), когда королевскій гановерскій чиновникъ въ пурпурнокрасномъ мундирѣ открылъ мою дверь и отдалъ мнѣ письмо отъ тебя. Отъ сердца, отъ всего сердца порадовался я надъ нимъ; оно прояснило, живительно

*) Алманзоръ.

прояснило все мое существованіе; но проклятіе, прекрасное проклятіе, которое я сочинилъ, пропало. Впрочемъ бѣда невелика, Гейне не можетъ долго оставаться въ хорошемъ расположеніи духа и, можетъ быть, черезъ часъ новая досада сядетъ ему на шею; злые духи снова подымаются въ головѣ и проклятіе тѣмъ страшнѣе готово выйти изъ нея...

«Я совершенно окончилъ третій актъ моей трагедіи. Это былъ самый трудный и самый длинный актъ. По всей вѣроятности, нынѣшнею зимою я окончу послѣдніе два акта. Если пьеса не понравится, то во всякомъ случаѣ надѣлаетъ много шуму *). Въ эту пьесу я положилъ мое собственное *я*, мои парадоксы, мою мудрость, мою любовь, мою ненависть и все мое безуміе. Она стоила мнѣ большихъ трудовъ... Я близко держался коммента Аристотеля и добросовѣстно сохранилъ его въ отношеніи къ мѣсту, времени и дѣйствію... Ты видишь изъ этого, любезный Штейнманъ, что я, вопреки моей привычки, за одинъ разъ сочинилъ много. Надѣюсь и отъ тебя услышать тоже самое. Сколькими сотнями стансовъ разрѣшилась отъ бремени твоя муза? Здоровы ли новорожденные? Не бойся работать критическимъ ампутаціоннымъ ножемъ, хотя бы дѣло шло о любимомъ ребенкѣ. Будь строгъ къ самому себѣ; это первая заповѣдь художника. Полагаю, что я не разъ подавалъ тебѣ примѣръ такого образа дѣйствій.»

Далѣе въ томъ же письмѣ, Гейне, отозвавшись съ похвалою о сочиненіяхъ своего друга Ж. Б. Руссо, прибавляетъ: «Ты знаешь, я хвалю рѣдко, но когда ужъ у меня есть основаніе хвалить, то похвала тѣмъ неудержимѣе вырывается наружу изъ глубины моего сердца. Борись—только весело и энергично, мой милый поэтъ; ты заслуживаешь лавроваго вѣнка, и ужъ предоставь мнѣ позаботиться, чтобы онъ поскорѣе достался тебѣ. Но для этого ты долженъ слѣдовать моему примѣру. Не обращай вниманія на лающихъ собакъ. Мѣсяцъ сіяетъ полнымъ блескомъ еще долго послѣ того, какъ собаки, лаявшія на него, умолкнутъ. Его золотое мерцанье разливается по всей землѣ Но далеко ли разносится лай собаки?»

Въ другомъ письмѣ къ тому же самому лицу, отъ 4 февраля 1821 г., Гейне снова говоритъ о своей трагедіи, которая повидимому сильно

---

*) Пьеса дѣйствительно не понравилась и была ошикана. Надо впрочемъ сознаться, что „Алманзоръ" одно изъ слабѣйшихъ произведеній Гейне, не смотря на то, что авторъ повидимому придавалъ ему большую цѣну.

занимала его: «Я — писалъ онъ — положилъ на нее всѣ мои силы, не щадилъ крови сердца и пота головы, почти окончилъ ее, и съ ужасомъ нахожу, что это великое произведеніе, которое меня самого изумляло и которое я обоготворялъ, не только не *хорошая* трагедія, но даже не заслуживаетъ названія трагедіи. Да, въ ней заключаются восхитительно прелестныя мѣста и сцены; оригинальность повсюду проглядываетъ наружу, повсюду сверкаетъ она поэтическими образами и мыслями, такъ что цѣлое, такъ сказать, блещетъ и свѣтитъ волшебнымъ алмазнымъ покровомъ. Таково сужденіе тщеславнаго автора, энтузіаста въ поэзіи. Но строгій критикъ, неумолимый драматургъ смотритъ сквозь совсѣмъ иныя очки, качаетъ головою и объявляетъ, что цѣлое этого произведенія — прекрасная фигура изъ проволоки. «*Трагедія должна производить скорое и сильное дѣйствіе*», бормочетъ онъ, и это мнѣніе — смертный приговоръ моей трагедіи. Не лишенъ ли я драматическаго таланта? Очень можетъ быть. Или не оказали ли на меня своего стараго вліянія французскія трагедіи, которыя всегда возбуждали во мнѣ такое удивленіе? Это последнее предположеніе болѣе правдоподобно. Представь себѣ, что въ моей трагедіи самымъ добросовѣстнымъ образомъ сохранены всѣ три единства, говорятъ почти всегда только четыре дѣйствующихъ лица, и разговоръ почти также точенъ, гладокъ и округленъ, какъ въ «Федрѣ» или «Заирѣ». Ты удивляешься? А загадка легко разрѣшается: я старался въ драмѣ соединить романтическій духъ съ строго-пластическою формою.»

Эти письма были писаны изъ Геттингена; мы уже упомянули, какое обстоятельство заставило его оставить тамошній университетъ и переселиться въ берлинскій. Въ письмахъ, писанныхъ изъ этого города, есть нѣкоторыя адресованныя къ извѣстному поэту Карлу Иммерману. Объ Иммерманѣ Гейне былъ самого высокого понятія, что видно, между прочимъ, изъ письма его отъ 10 іюня 1823 г.

«Безсмертнымъ богамъ — писалъ онъ Иммерману — извѣстно, что съ той минуты, какъ я прочелъ ваши трагедіи, я совершенно вѣрно понялъ ваше значеніе; а мой приговоръ, какъ о другихъ, такъ и о самомъ себѣ, всегда вѣренъ. Эта вѣрность взгляда происходитъ не изъ мечтательнаго самообольщенія, а скорѣе изъ чистаго самосознанія, изъ точнаго понятія о поэтическомъ элементѣ и его естественной противоположности — элементѣ прозаическомъ (das gemeine). Согласитесь, что мы можемъ оцѣнивать вещи только по ихъ взаимной противоположно-

14*

сти. Поэзія не существовала бы для насъ, еслибы глазамъ нашимъ не являлись повсюду проза и тривіальность; даже собственное наше внутреннее существованіе мы узнаемъ только потому, что видимъ подлѣ себя противоположное существованіе другого человѣка, служащее намъ для сравненія...

«Съ удовольствіемъ, продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ увидѣлъ я изъ вашего письма, что вы будете писать разборъ моихъ «трагедій», и я долженъ повторить вамъ, что вы ни мало не оскорбите меня, если даже выскажете о нихъ самыя горькія истины. Я охотно сознаюсь вамъ въ главномъ недостаткѣ моей поэзіи; это — большая односторонность, проявляющаяся въ моихъ стихотвореніяхъ, такъ какъ всѣ они только варіяціи на одну и ту же маленькую тему. Это свойство никому не можетъ такъ легко броситься въ глаза, какъ вамъ, потому что темою вашихъ поэтическихъ произведеній служитъ весь міръ съ его безчисленнымъ разнообразіемъ. Вы имѣете то общее съ Шекспиромъ, что, также какъ и онъ, вы восприняли въ себя весь міръ, и если ваши стихи имѣютъ недостатокъ, то онъ состоитъ въ томъ, что вы не умѣете концентрировать ваше огромное богатство; Шекспиръ понимаетъ это дѣло лучше, и потому-то онъ Шекспиръ, но и вы мало помалу изучите это искусство концентрированія, и каждая изъ вашихъ новыхъ трагедій будетъ лучше предшествовавшей.»

Затѣмъ Гейне переходитъ къ самому себѣ:

«Мнѣ было легче, чѣмъ вамъ, свыкнуться съ искусствомъ концентрированія, именно потому, что я писалъ на одну тему, имѣлъ въ виду не цѣлый міръ, а только клочекъ его. Съ тѣхъ поръ, особенно нынѣшнею зимою, въ болѣзненномъ состояніи, я расширилъ свое міросозерцаніе, и трагедія, которую я намѣренъ выпустить въ свѣтъ черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, докажетъ, что я, изображавшій до сихъ поръ только исторію Амура и Психеи во всевозможныхъ группировкахъ, также хорошо умѣю изображать троянскую войну. Это печальная тайна моей поэтической силы; мое нездоровье очень могло сообщать моимъ послѣднимъ стихотвореніямъ нѣчто болѣзненное. Ахъ, Боже мой! въ этой новой книгѣ моей есть много такого, что не выдержитъ строгой критики, и конечно я не огорчусь, если въ ней откроютъ то, чего я самъ еще не вижу. Одно только можетъ очень болѣзненно оскорбить меня, именно, когда я вижу, что духъ моихъ произведеній хотятъ объяснить исторіею (вы знаете, что значитъ это слово) автора. Я былъ сильно и глубоко огорченъ, прочитавъ вчера

письмо отъ одного знакомаго, письмо, въ которомъ онъ строитъ всю мою поэтическую жизнь на нѣсколькихъ, собранныхъ въ одно, исторійкахъ, и дѣлаетъ печальные намеки на *житейскія впечатлѣнія*, *политическое положеніе*, *религію* и т. п. Все это, высказанное печатно, совершенно возмутило бы меня, и я очень радъ, что этого до сихъ поръ не случалось. Если исторія поэта и можетъ имѣть большое вліяніе на его произведенія, если и справедливо, что часто политическое положеніе, религія, частная ненависть, предразсудки и соображенія сообщаютъ этимъ произведеніямъ извѣстный характеръ, то все-таки обо всемъ этомъ не слѣдуетъ упоминать, особенно при жизни автора. Когда выставляютъ на видъ это вліяніе исторіи поэта на его произведенія, хотя бы дѣйствительное, тогда, такъ сказать, лишаютъ дѣвственности стихотвореніе, разрываютъ таинственный покровъ, лежащій на немъ; съ другой стороны, стихотвореніе обезображиваютъ, когда доискиваются въ немъ того смысла, котораго оно не имѣетъ. А какъ рѣдко внѣшняя обстановка нашей исторіи соотвѣтствуетъ нашей исторіи дѣйствительной, внутренней! У меня по крайней мѣрѣ этого соотвѣтствія *никогда* не было.»

Громкая слава Гейне началась только въ 1826 г., послѣ изданія перваго тома «Reisebilder», но и въ то время, къ которому относятся вышеприведенныя письма, сочиненія его производили большое впечатлѣніе; ихъ бранили, на автора клеветали, но все-таки о нихъ много говорили.

«Мои стихотворенія — [illegible] онъ въ 1823 г. берлинскому книгопродавцу и издателю Дюммлеру — произвели необыкновенное впечатлѣніе во всей Германіи, и даже та враждебная рѣзкость, съ которою о нихъ отзываются, не можетъ служить дурнымъ признакомъ.... Не думаю, что здѣсь въ Берлинѣ я пользовался бы большою извѣстностью; но тѣмъ болѣе извѣстенъ я въ моей отчизнѣ, на Рейнѣ и въ Вестфаліи, гдѣ, какъ я узнаю со всѣхъ сторонъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія новаго собранія моихъ стихотвореній, и гдѣ эта книга надѣлаетъ много шуму.»

Жизнь Гейне въ Берлинѣ была самая невеселая; болѣзни и стѣснительныя денежныя обстоятельства постоянно мучили его, не говоря уже о страданіяхъ нравственныхъ. «Злыя бури — писалъ онъ въ 1823 году Штейнману — потеря дорогого друга, болѣзнь, хандра и подобныя этому прекрасныя вещи — вотъ что уже два года стоитъ на первомъ планѣ жизни твоего друга.» Эти жалобы слышатся почти во всѣхъ

письмахъ; мрачное настроеніе почти ни на минуту не оставляетъ поэта, и если онъ иногда смѣется въ нихъ, то это все-таки тотъ гейневскій смѣхъ, отъ котораго становится холодно:

Въ 1824 г. мы снова находимъ его въ Геттингенѣ Для поэтической души Гейне, Геттингенъ съ его пыльными, педантическими аудиторіями былъ невыносимымъ бременемъ; скуку, которую наводилъ на него этотъ городъ, онъ выразилъ въ послѣдствіи въ предисловіи къ своему знаменитому «Путешествію на Гарцъ».

«Городъ Геттингенъ, писалъ онъ въ этомъ вступленіи, знаменитый своими колбасами и университетомъ, принадлежитъ королю гановерскому и имѣетъ 999 домовъ, различныя церкви, повивальное заведеніе, обсерваторію, карцеръ, библіотеку и магистратскій погребъ, въ которомъ продается очень хорошее пиво. Ручей, протекающій здѣсь, называется Леною, и лѣтомъ служитъ для купанья. Вода въ немъ очень холодна, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ широка, что Людеру, для того чтобы перескочить черезъ нее, нужно было хорошенько разбѣжаться. Самый городъ красивъ и больше всего нравится, если повернуться къ нему спиною. По всей вѣроятности онъ построенъ уже очень давно: я хорошо помню, что когда, пять лѣтъ тому назадъ, получалъ тамъ матрикулъ, то городъ имѣлъ уже тогда тотъ же самый сѣрый, стариковски-умный видъ и былъ до-полна начиненъ присяжными, пуделями, диссертаціями, thés dansants, прачками, компендіями, жареными голубями, гвельфскими орденами, гофратами, юстицратами, релегаціонсратами, профаксами и другими различными *факсами*. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что городъ построенъ во время переселенія народовъ, и что каждая отрасль германскаго племени оставила здѣсь по одному растрепанному экземпляру своихъ членовъ, откуда и произошли вандалы, фризы, швабы, тевтоны, саксы, тюринги и т. д., которые до сихъ поръ, различаясь только цвѣтомъ шапокъ и трубокъ, шляются толпами по улицамъ, руководятся тѣми же нравами и обычаями, какіе были во время переселенія народовъ, и управляются частію вождями, которыхъ они называютъ старшими пѣтухами, частію старымъ сводомъ законовъ, называемымъ комментомъ и заслуживающимъ имѣть мѣсто съ legibus barbarorum.

«Вообще геттингенскіе жители раздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ; всѣ они немногимъ различаются между собою. Классъ скотовъ самый значительный. Было бы излишне и обременительно исчислять здѣсь имена всѣхъ студентовъ и ординарныхъ

и экстраординарныхъ профессоровъ; притомъ же въ настоящую минуту, я не припомню всѣхъ студентовъ, а между профессорами есть такіе, которые покамѣсть не имѣютъ никакого имени. Число геттингенскихъ филистеровъ должно быть очень велико; ихъ такъ много, какъ песку или, лучше сказать, какъ грязи въ морѣ, и право, когда утромъ я вижу ихъ стоящими передъ дверьми академическаго правленія, съ ихъ грязными лицами и бѣлыми счетами въ рукахъ, то едва понимаю, какъ Богъ могъ сотворить столькихъ бездѣльниковъ.»

За нѣсколько дней до пріѣзда въ Геттингенъ, Гейне писалъ изъ Гановера своему искреннему другу Мозесу Мозеру:

«Да охраняютъ боги твою голову!

«Изъ этого привѣтствія ты видишь, что я еще вѣрю въ боговъ и что я не такой безбожникъ, какимъ меня считаютъ; изъ надписи вверху этого письма ты увидишь, что я въ настоящую минуту нахожусь въ томъ городѣ, гдѣ пытка уничтожена только за нѣсколько лѣтъ назадъ.... Послѣ завтра я буду снова въ Геттингенѣ и снова поклонюсь почтенному карцеру, нелѣпымъ львамъ на вендскихъ воротахъ и розовому кусту на могилѣ прекрасной Цециліи. Можетъ быть, я не найду въ Геттингенѣ уже ни одного изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ; это прискорбно. Я полагаю также, что первое время я буду проводить крайне невесело, потомъ привыкну къ моему положенію, мало помалу сдружусь съ тѣмъ, чего не возможно предотвратить, и наконецъ городъ сдѣлается совершенно любезенъ мнѣ, и мнѣ будетъ грустно разставаться съ нимъ. Такъ всегда было со мною, между прочимъ и въ Люнебургѣ. Lorsque mon départ de cette ville s'approchait, les hommes et les femmes et principalement les belles femmes s'empressaient de me plaire et de me faire regretter mon séjour de Lunebourg. Voilà la perfidie des hommes, ils nous font des peines même quand ils semblent nous cajoler.»

«Свѣча почти вся сгорѣла, поздно, я слишкомъ сильно хочу спать для того, чтобы писать по-нѣмецки. Впрочемъ, собственно говоря, я не нѣмецъ, какъ ты очень хорошо знаешь (vid. Риса, Фриса и др.).

. . . .

Нѣмцы! О, ce sont des barbares! На свѣтѣ только три образованныхъ, цивилизованныхъ народа: французы, китайцы и персы. Я горжусь тѣмъ, что я персъ. Что я пишу нѣмецкіе стихи — на это есть свои особенныя причины. Именно, прекрасная Гюльнара услыхала отъ одного ученаго олуха, что нѣмецкій языкъ имѣетъ сход-

ство съ ея роднымъ языкомъ, персидскимъ, и теперь милая дѣвушка сидитъ въ Испагани, и учится по-нѣмецки, и для упражненія въ грамматикѣ переводитъ на свой сладкій, розовый, блестящій бульбульный языкъ нѣкоторыя изъ моихъ пѣсень, которыя я съумѣлъ тайкомъ провести въ ея гаремъ. Ахъ! какъ скучаю я по Испагани! Ахъ, я бѣдный человѣкъ, живу далеко отъ его милыхъ минаретовъ и благоухающихъ садовъ! Ахъ, для персидскаго поэта страшное несчастіе — быть обязаннымъ трудиться надъ вашимъ гнусно-ухабистымъ нѣмецкимъ языкомъ и испытывать смертельное мученіе отъ вашихъ такихъ же точно тряскихъ почтовыхъ экипажей, отъ вашей сѣверной погоды, вашихъ глупыхъ табачныхъ лицъ, вашихъ римскихъ пандектовъ, вашей философской галиматьи и всего остальнаго вашего бездѣльничанья. О Фирдуси! О Ислами! О Саади! Какъ несчастенъ вашъ братъ! Ахъ! какъ жадно стремлюсь я душою къ ширасскимъ розамъ! У Германіи есть свое хорошее, противъ этого я ничего не говорю. Она имѣетъ своихъ великихъ поэтовъ: Карла Мюхлера, Клаурена, Губица, Михеля Беера, Ауффенберга, Теодора Гелля, Лауна, Геэ, Гувальда, Рюккерта, Мюллера, Иммермана, Уланда, Гёте.

«Но что значитъ все ихъ великолѣпіе въ сравненіи съ Гафизомъ и Низами! Однакожъ, не смотря на то, что я персъ, я сознаюсь въ слѣдующемъ: величайшій поэтъ — ты, о великій пророкъ Мекки, и твой коранъ не такъ легко выйдетъ у меня изъ памяти!»

Не смотря на шутливую форму этого письма, изъ него ясно видно, что Гейне задыхался въ той сферѣ, въ которой ему приходилось покамѣсть жить и дѣйствовать. Это самое настроеніе поэтъ выразилъ въ одной изъ лучшихъ страницъ своего «Путешествія на Гарцъ»; мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь этотъ отрывокъ:

«Ночь была уже совершенно темна, когда я пришелъ въ Остероде. Ѣсть мнѣ ничего не хотѣлось, и поэтому я сейчасъ же легъ въ постель. Я былъ утомленъ, какъ собака, и спалъ, какъ богъ. Во снѣ я снова перенесся въ Геттингенъ и очутился въ университетской библіотекѣ. Я стоялъ въ углу залы юриспруденціи, перелистывалъ старыя диссертаціи, углубился въ чтеніе, и когда кончилъ, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что наступила уже ночь, и свѣчи въ висячихъ хрустальныхъ канделябрахъ ярко освѣщали залу. На часахъ сосѣдней церкви пробило двѣнадцать. Дверь залы медленно отворилась, и въ нее вошла величавая колоссальная женщина, за которою съ глубокимъ уваженіемъ

слѣдовали члены юридическаго факультета. Женщина—исполинъ, хотя уже немолодая, носила еще на лицѣ слѣды строгой красоты: каждый взглядъ ея обличалъ въ ней высокую дочь Титановъ, могущественную Фемиду. Въ одной рукѣ она небрежно держала мечъ и вѣсы, въ другой—пергаментный свитокъ. Два молодыхъ доктора правъ несли шлейфъ ея сѣраго, полинявшаго платья. По правой сторонѣ ея живо подпрыгивалъ тощій надворный совѣтникъ Рустикусъ, гановерскій Ликургъ, и декламировалъ что-то изъ своего новаго законодательнаго проекта. Съ лѣвой стороны прихрамывалъ крайне любезно и въ прекрасномъ расположеніи духа cavaliere servente Фемиды, тайный совѣтникъ Каяціусъ; онъ то и дѣло отпускалъ юридическія остроты и самъ такъ сердечно хохоталъ надъ ними, что даже строгая богиня по временамъ съ улыбкою наклонялась къ нему, била его по плечу большимъ пергаментнымъ свиткомъ и привѣтливо шептала: «Ахъ ты маленькій повѣса, дѣлающій всѣ вещи наоборотъ!» Прочіе юристы тоже подходили ближе, каждый изъ нихъ имѣлъ что нибудь замѣтить, надъ чѣмъ нибудь посмѣяться—какую нибудь новую системочку, гипотезочку или другой подобный выкидышъ изъ собственной головки. Въ открытую дверь залы вошли также многіе незнакомцы, объявившіе себя великими людьми изъ знаменитаго сословія юристовъ; все это были угловатые, подозрительные господа, съ полнымъ самодовольствіемъ опредѣлявшіе, обсуждавшіе и оспаривавшіе малѣйшее слово какой нибудь статьи изъ Пандектовъ И съ каждой минутой появлялись все новыя лица — старые юристы, въ старомодныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ, длинныхъ парикахъ, съ давно забытыми лицами, на которыхъ было написано глубокое удивленіе, что никто не обращалъ вниманія на нихъ — высокознаменитыхъ личностей прошедшаго столѣтія. И по своему они приняли участіе во всеобщемъ говорѣ, пискѣ и крикахъ, которые, точно морскія волны, шумѣли все сильнѣе и сильнѣе и оглушили высокую богиню до того, что она потеряла терпѣніе и вдругъ закричала страшнымъ голосомъ исполинскаго отчаянія: «Молчите! Молчите! я слышу голосъ дорогого Прометея: язвительное могущество и нѣмое насиліе боговъ приковали невиннаго къ утесу, и вся ваша болтовня, всѣ ваши споры не освѣжать его ранъ, не разобьютъ цѣпей его!» Такъ воскликнула богиня, и ручьи слезъ побѣжали изъ глазъ ея. Все собраніе завыло, точно охваченное страхомъ смерти; своды залы затрещали, книги повалились съ полокъ, старый Мюнхаузенъ, выскочивъ изъ своей рамки, напрасно старался возстановить спокойствіе... Крики и шумъ становились страшнѣе и

страшнѣе... Я убѣжалъ отъ этихъ бѣснующихся безумцевъ и укрылся въ исторической залѣ, на томъ благословенномъ мѣстѣ, гдѣ священныя изображенія Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медицейской стоятъ одно подлѣ другаго... И я бросился къ ногамъ богини красоты, въ созерцаніи ея я позабылъ тотъ бѣшеный шумъ, отъ котораго я только что спасся, глаза мои съ восторгомъ упивались гармоніею и вѣчною прелестью ея высокочудныхъ формъ, греческое спокойствіе разлилось по душѣ моей, а надъ головою, точно небесное благословеніе, пронеслись сладчайшіе звуки лиры Феба Аполлона.»

Какъ бы то ни было, а житейскія обстоятельства лежали тяжелымъ гнетомъ на бѣдномъ «персидскомъ поэтѣ» и онъ по неволѣ долженъ былъ покоряться имъ. Вотъ какія мрачныя строки писалъ онъ по пріѣздѣ въ Геттингенъ своему задушевному другу:

«Любезный Мозеръ! Я уже девять дней живу здѣсь, это значитъ, что скука уже поѣдаетъ меня. Но я самъ хотѣлъ этого, слѣдовательно нечего и говорить о томъ. Я никогда больше не буду жаловаться. Вчера вечеромъ я читалъ письма Руссо и увидѣлъ, какъ скучно слушать постоянныя жалобы. Но я жалуюсь только на свое здоровье и — въ этомъ ты долженъ отдать мнѣ справедливость — мерзавцы, старающіеся своими интригами зачумить мою жизнь, рѣдко вызывали у меня жалобы. Я чувствую себя достаточно великимъ для этого. Теперь я живу весь погруженный въ мою юриспруденцію. Ты ошибаешься, если думаешь, что я не буду хорошимъ юристомъ. Ты можешь никогда не признавать меня адвокатомъ, но не говори этого другимъ, иначе, я въ самомъ дѣлѣ умру съ голоду. Я хочу съ этихъ поръ брать свой насущный хлѣбъ съ вѣсовъ Ѳемиды, а не жить подачками моего дяди. Происшествія прошедшаго лѣта *) произвели на меня мрачное, демоническое впечатлѣніе. Я не достаточно великъ для того, чтобы переносить униженіе. Очень можетъ быть, что во мнѣ болѣе дурнаго, чѣмъ хорошаго, хотя и то и другое лежитъ во мнѣ колоссальными массами. Однако, я люблю все доброе, и потому-то люблю также тебя, добрый Мозеръ».

«Я живу здѣсь—писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Мозеру—очень тихо. Corpus juris служитъ мнѣ подушкою. Впрочемъ, я занимаюсь и кое-чѣмъ другимъ, напримѣръ чтеніемъ хроникъ и питьемъ

---

*) Гейне намекаетъ здѣсь на обращеніе съ нимъ его милыхъ родственниковъ.

пива. Библіотека и погребъ разоряютъ меня. Любовь тоже мучитъ меня. Это уже не прежняя, односторонняя любовь къ одной женщинѣ. Я пересталъ быть монотеистомъ въ любви и какъ привлекаетъ меня двойное пиво, точно также привлекаетъ и двойная любовь. Я люблю Медицейскую Венеру, стоящую въ здѣшней библіотекѣ, и прекрасную кухарку надворнаго совѣтника Бауэра. Ахъ! и обѣихъ ихъ люблю я несчастливо!..»

Большая часть писемъ этого періода носитъ на себѣ мрачный характеръ, чему много способствовали физическія страданія. Въ мартѣ 1824 г. Гейне собирался съѣздить на нѣсколько недѣль въ Берлинъ къ Мозеру и между прочимъ писалъ ему:

«Заранѣе прошу тебя, когда мы свидимся, устрой такъ, чтобы я не слышалъ ни одного гегелевскаго слова; вообрази себѣ, что я олухъ въ родѣ Каюса и Тиціуса и др. Вообще не требуй отъ меня никакихъ проявленій силы; умерла моя поэзія, или нѣтъ, и говорятъ ли наши берлинскіе эстетики обо мнѣ все что имъ угодно — что тебѣ за дѣло? Не знаю, правы ли тѣ, которые смотрятъ на меня какъ на потухшій свѣтъ, — знаю только, что я не буду ничего писать до тѣхъ поръ, пока мои головные нервы будутъ причинять мнѣ боль; теперь болѣе чѣмъ когда нибудь я чувствую въ себѣ присутствіе Бога и болѣе чѣмъ когда нибудь — презрѣніе къ толпѣ; но рано или поздно пламя духа должно же угаснуть въ человѣкѣ; болѣе продолжительно — можетъ быть вѣчно — то пламя, которое, какъ любовь (дружба есть искра этого пламени), проникаетъ это гнилое тѣло. Да Мозеръ, если бы это пламя захотѣло погаснуть, ты могъ бы прійти въ безпокойство. Покамѣсть опасности нѣтъ; я чувствую его жаръ.»

Когда получилось извѣстіе о смерти Байрона, Гейне написалъ Мозеру:

«Смерть Байрона сильно взволновала меня. Это былъ единственный человѣкъ, на котораго я смотрѣлъ какъ на роднаго себѣ, и мы во многихъ вещахъ были похожи другъ на друга — смѣйся надъ этимъ, сколько хочешь. Въ послѣднее время я рѣдко читалъ его; человѣкъ охотнѣе сходится съ тѣми людьми, которые противоположны ему по характеру. Но я всегда обращался съ Байрономъ, какъ съ совершенно равнымъ себѣ товарищемъ. Съ Шекспиромъ я не могу обходиться такъ фамильярно, я слишкомъ хорошо чувствую, что я неровня ему: онъ всесильный министръ, а я ничто иное, какъ надворный совѣтникъ

и смотрю на него такъ, какъ будто онъ каждую минуту можетъ уволить меня отъ должности.»

Почти въ каждомъ письмѣ Гейне изъ Геттингена видно, что занятіе юриспруденціею, — занятіе, въ которомъ главную роль игралъ насущный хлѣбъ,—съ каждымъ днемъ становилось ему все болѣе и болѣе противно. «Я провелъ — говорилъ онъ въ одномъ изъ писемъ — нынѣшнее лѣто очень печально: съ юриспруденціей и головными болями.» Чтобы освѣжиться, онъ отправился путешествовать на Гарцъ, — да, именно, чтобы освѣжиться, что̀ доказываетъ прологъ къ описанію этого путешествія:

Черные фраки, чулочки,
Ловко скроенныя платья,
Приторно-сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанья, объятья...

—

Ахъ, если бъ души съ любовью,
Съ теплой любовью въ нихъ были!
Звуки ихъ ложныхъ страданій
До смерти мнѣ опостыли!

—

Въ горы отъ васъ ухожу я,
Въ горы, гдѣ набожны люди,
Въ горы, гдѣ воздухъ свѣжѣе,
Легче гдѣ дышится груди;

—

Въ горы, гдѣ шепчутся ели,
Воды прозрачны, гремучи,
Весело птицы щебечутъ,
Гордо проносятся тучи.

—

Миръ вамъ, блестящія залы,
Гладкія дамы, мужчины!
Въ горы!.. Оттуда взгляну я
Весело въ ваши долины!

Но и въ этихъ горахъ житейскій гнетъ не оставлялъ его. «Это путешествіе — писалъ онъ Мозеру — было для меня очень спасительно и я чувствую, что оно сильно укрѣпило меня. Я прошелъ пѣшкомъ и большею частью одинъ весь Гарцъ, я прошелъ по прекраснымъ горамъ, прекраснымъ лѣсамъ и долинамъ и снова вздохнулъ свободно. Домой, и опять-таки пѣшкомъ, я прошелъ чрезъ Эйслебенъ, Галле,

Іену, Веймаръ, Эрфуртъ, Готу, Эйзенахъ и Кассель. Я видѣлъ много великолѣпнаго и милаго, и еслибы юриспруденція не слѣдовала за мною въ видѣ призрака, свѣтъ показался бы мнѣ безукоризненно прекраснымъ. Заботы также ползутъ вслѣдъ за мною. Лишній годъ, который мой дядя далъ мнѣ на ученье, приближается къ концу, а я далеко еще не совладалъ съ своимъ Jus и поэтому попалъ въ тиски. Кромѣ того, въ настоящую минуту я не возбуждаю особеннаго энтузіазма, я не настолько глупъ, чтобъ скрывать это отъ себя и очень хорошо понимаю причины разныхъ пожатій плечъ и покачиваній головы. Словомъ, меня считаютъ умственно обанкрутившимся, и я не обвиняю ни одного разумнаго купца, который не дѣлаетъ мнѣ кредита. Ты понимаешь меня.»

Выше мы привели письмо, въ которомъ Гейне высказывалъ въ нѣсколькихъ словахъ свой взглядъ на Байрона; въ другомъ письмѣ къ Мозеру онъ говоритъ о Гете и Сафирѣ (извѣстномъ юмористѣ), — и эти нѣсколько строкъ уже однѣ хорошо характеризуютъ знаменитаго поэта. Вотъ что именно писалъ онъ:

«Ты ничего не потерялъ оттого, что я ничего не писалъ тебѣ о Гете, о томъ, какъ я съ нимъ бесѣдовалъ въ Веймарѣ, и какія ласковыя и милыя вещи онъ говорилъ мнѣ. Гете теперь *) ничто иное, какъ зданіе, въ которомъ нѣкогда цвѣли великолѣпныя растенія, и только съ этой точки зрѣнія онъ интересовалъ меня. Онъ возбудилъ во мнѣ чувство тоски, и я больше люблю его съ тѣхъ поръ, какъ смотрю на него съ состраданіемъ. Но въ основаніи, я и Гете — двѣ натуры, которыя, будучи совершенно разнородны, должны отталкивать одна другую. Онъ всегда былъ ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, который ставилъ выше всего наслажденье жизнью, и хотя иногда чувствовалъ и высказывалъ въ своихъ стихахъ жизнь для идеи и въ идеѣ, но никогда не понималъ ее глубоко и еще меньше жилъ этою жизнью. Я же напротивъ того всегда былъ мечтателемъ, т. е. человѣкомъ, до самоотверженія преданнымъ идеѣ, и постоянно стремившимся погрузиться въ нее; но при этомъ я понималъ наслажденіе жизнью и находилъ въ немъ удовольствіе, и теперь во мнѣ происходитъ сильная борьба между моимъ свѣтлымъ разсудкомъ, склоняющимся на сторону житейскихъ наслажденій и отвергающимъ всякое восторженное самопожертвованіе какъ нѣчто безумное, и моими мечтательными стремленіями, кото-

---

*) Это было писано въ 1825 г.

рыя часто неожиданно вырываются наружу, и насильственно охватываютъ меня, и, можетъ быть, когда нибудь снова *низвергнутъ*, или лучше сказать, *вознесутъ* меня въ свое старое царство. Говорю *вознесутъ*, потому что это еще большой вопросъ: не испытываетъ ли мечтатель, жертвующій даже жизнью за идею больше блаженства въ одну минуту, чѣмъ господинъ фонъ-Гете во все время своей семидесятишестилѣтней эгоистически-спокойной жизни? *)

«Сафиръ, о которомъ ты говоришь, повидимому требуетъ еще большой шлифовки. На дняхъ я читалъ одну статейку его въ «Gesellschafter». Острота, отдѣльно взятая, не имѣетъ никакой цѣны. Я только тогда могу переносить остроту, когда она имѣетъ серьезное основаніе. Оттого то острота Берне, Жанъ-Поля и шута въ «Лирѣ» обладаетъ такою страшною силою. Обыкновенная острота есть ничто иное, какъ чиханіе разсудка, какъ охотничья собака, бѣгущая за собственною тѣнью, какъ обезьяна въ красной курткѣ, любующаяся на себя между двухъ зеркалъ, какъ незаконнорожденный, котораго произвело на свѣтъ безумье, случившись на большой дорогѣ съ разсудкомъ...»

Мы бы совѣтовали многимъ изъ нашихъ русскихъ юмористовъ записать у себя на стѣнѣ эти слова величайшаго изъ сатириковъ.

20 іюля 1825 г. Гейне защищалъ диссертацію на доктора и удостоился полученія этой ученой степени.

«Я—писалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ того Мозеру—диспутировалъ, какъ каретная лошадь, когда защищалъ 4 и 5 положенія —о присягѣ и confarrlatio. Дѣло обошлось очень хорошо и деканъ (Гуго), во время этой торжественной сцены, осыпалъ меня похвалами, высказавъ свое удивленіе тому, что великій поэтъ оказался въ то же время великимъ юристомъ. Если бы эти послѣднія слова не сдѣлали меня недовѣрчивымъ къ этой похвалѣ, то я немало возгордился бы тѣмъ, что въ длинной латинской рѣчи, произнесенной съ кафедры, меня сравнили съ Гете и даже объявили, что по всеобщему приговору мои стихи могутъ быть поставлены на ряду съ стихами Гете. И это мнѣніе великій Гуго высказалъ отъ полноты сердца, и частнымъ об-

---

*) Въ одномъ изъ писемъ 1827 г. Гейне опять упоминалъ о Гете въ слѣдующихъ словахъ: „Что я не нравлюсь лакею аристократовъ, Гете, — это весьма естественно. Его порицаніе приноситъ честь съ тѣхъ поръ, какъ онъ хвалитъ все слабое. Онъ боится возрастающихъ титановъ. Теперь онъ слабый отжившій богъ, котораго сердитъ то, что онъ уже ничего не можетъ создать.»

разомъ онъ говорилъ еще много хорошаго въ тотъ-же самый день, когда мы поѣхали вмѣстѣ прогуливаться и я былъ приглашенъ къ нему на ужинъ. Въ слѣдствіе этого я нахожу, что Гансъ неправъ, отзываясь съ пренебреженіемъ о Гуго. Гуго—одинъ изъ величайшихъ людей нынѣшняго столѣтія».

Изъ нѣкоторыхъ писемъ Гейне видно, что онъ желалъ получить мѣсто профессора въ какомъ нибудь изъ университетовъ; почему это желаніе не осуществилось,—неизвѣстно.

Изъ Геттингена поэтъ переѣхалъ въ «проклятый», какъ онъ самъ выражался, Гамбургъ. Тутъ онъ главнымъ образомъ занимался своими сочиненіями; въ это время готовилъ онъ къ печати свои «Reisebilder». Денежныя обстоятельства его по прежнему были плохи, чему много способствовало то, что онъ игралъ въ карты и проигрывалъ; головныя боли по прежнему мучили его; ко всему этому присоединялись еще удовольствія, которыя онъ испытывалъ отъ цензуры, устремившейся какъ хищный воронъ на его «Harzreise». Немало огорчали его также клеветы, которыя распускались о его частной жизни, какъ родственниками его, такъ и soi-disant друзьями.

Въ концѣ 1825 г. появился первый томъ «Reisebilder». Цензура порядочно изувѣчила его, но тѣмъ неменѣе книга произвела огромное впечатлѣніе. Гейне занялся приготовленіемъ къ изданію второго тома ея. Раздражительное, мрачное настроеніе его увеличивалось теперь съ каждымъ днемъ; общество, окружавшее его, вселяло въ него отвращеніе; Германія опротивѣла ему. Уже съ этихъ поръ въ немъ созрѣло рѣшеніе — оставить навсегда Германію и поселиться во Франціи. Мысль эту онъ не разъ высказывалъ въ своихъ письмахъ. Такъ, пріѣхавъ въ Люнебургъ, чтобы провести нѣсколько времени въ кругу своего семейства, онъ писалъ Иммерману (14 октября 1826 г.):

«Я снова составилъ планъ—навсегда уѣхать изъ Германіи и проведу только часть нынѣшней зимы въ Гамбургѣ, гдѣ напечатаю вторую часть моихъ «Reisebilder». Оттуда я съѣзжу въ Амстердамъ и потомъ въ Парижъ. О, какъ я люблю море! Я совершенно сжился съ этою дикою стихіей, и когда она реветъ, на душѣ у меня становится легко....Въ самомъ дѣлѣ, нервы мои слишкомъ слабы для того, чтобы я могъ оставатся въ Германіи. Вотъ еслибы я имѣлъ силу моего Иммермана, эту съ каждымъ днемъ возрастающую силу!»

Въ другомъ письмѣ къ X. X. отъ 16 Ноября 1826 г. онъ опять говоритъ о томъ же самомъ планѣ:

«Я получилъ вчера письмо отъ Варнгагена; оно касается главнымъ образомъ моего плана — отправиться въ Парижъ и тамъ написать европейскую книгу. Объ этомъ планѣ никто не долженъ знать. Надѣюсь написать что нибудь получше г-жи Морганъ. Задача моя состоитъ въ томъ, чтобы коснуться только тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ общеевропейскій интересъ».

Между тѣмъ вторая часть «Reisebilder» вышла въ свѣтъ и надѣлала еще больше шуму, чѣмъ первая. Гейне писалъ Мозеру изъ Лондона: «Этою книгою я пріобрѣлъ себѣ громадное число приверженцевъ и громадную популярность; лишь бы я только былъ здоровъ, а дѣлать я могу теперь много;—у меня теперь оглушительно громкій голосъ Ты будешь еще не разъ слышать его, гремящаго противъ жандармовъ мысли и нарушителей священнѣйшихъ правъ».

Въ другомъ письмѣ, писанномъ уже изъ Лукки, онъ еще сильнѣе высказался:

«Когда я возвращусь въ Германію—писалъ онъ—то издамъ третью часть своихъ «Reisebilder». Въ Мюнхенѣ полагаютъ, что теперь я уже не буду такъ сильно нападать на дворянство, потому что живу въ фойе аристократіи, люблю милыхъ аристократокъ— и любимъ ими. Но они ошибаются. Моя любовь къ равенству всѣхъ людей, моя ненависть къ духовенству никогда не были такъ сильны, какъ теперь, и вотъ отчего главнымъ образомъ происходитъ моя односторонность. Но именно для того, чтобы дѣйствовать, человѣкъ долженъ быть одностороннимъ. Нѣмецкій народъ и Мозеръ (письмо это было писано къ Мозеру) никогда ничего не сдѣлаютъ именно въ слѣдствіе своей разносторонности»

И не въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ Гейне высказывалъ тѣ высокія побужденія, которыя заставляли его браться за перо. Такъ напримѣръ, онъ былъ въ 1828 г. редакторомъ журнала «Politische Annalen»; въ бытность его во Флоренціи, журналъ этотъ, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, былъ готовъ прекратиться. Гейне поспѣшилъ написать Кольбу и просилъ его, на время своего отсутствія, принять редакцію журнала, чтобы не допустить его до прекращенія. «Любезный Кольбъ—прибавлялъ онъ—баронъ Котта самъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ, какую ничтожную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ мой частный интересъ: единственное желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобы сохранить журналъ для либеральной партіи, которая въ Германіи имѣетъ такъ мало преданныхъ ей органовъ, и я думаю, что и вы, Кольбъ, охотно принесете жертву для этой цѣли. Теперь время борьбы за идеи,

и журналы—наши крѣпости. Обыкновенно я вялъ и апатиченъ, но тамъ, гдѣ моего содѣйствія требуетъ общій интересъ, я никогда не остаюсь назади».

Заключаемъ наши выписки изъ писемъ Гейне приведеніемъ слѣдующаго поэтическаго отрывка изъ письма, писаннаго имъ въ 1828 г. изъ Италіи Эдуарду фонъ-Шенку:

«Мысли мои объ Италіи вы рано или поздно встрѣтите въ печати. Незнаніе итальянскаго языка очень огорчаетъ меня. Я не понимаю людей и не могу съ ними разговаривать Я вижу Италію, но не слышу ея. Но не смотря на это, я часто не остаюсь безъ собесѣдниковъ. Тутъ говорятъ камни, и я понимаю ихъ нѣмой языкъ. И они тоже повидимому глубоко чувствуютъ то, что я думаю. Такимъ образомъ сломанная колонна времени римскаго величія, разрушенная башня лонгобардовъ, полуразвалившаяся готическая аркада — очень хорошо понимаютъ меня. Вѣдь я и самъ развалина, блуждающая между развалинами. Равный всегда понимаетъ равнаго. Иногда старые дворцы хотятъ прошептать мнѣ что-то таинственное, но я не могу разслышать ихъ шопота въ слѣдствіе глухого дневного шума; тогда я прихожу снова ночью, и мѣсяцъ — хорошій толмачъ, понимающій лапидарный стиль и умѣющій переводить его на языкъ моего сердца. Да, ночью я совершенно понимаю Италію; въ эту пору молодой народъ съ своимъ молодымъ опернымъ языкомъ спитъ, а старики встаютъ съ своихъ холодныхъ постелей и говорятъ со мной на превосходнѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Есть что-то призрачное, когда пріѣзжаешь въ страну, гдѣ не понимаешь живого языка и живого народа, и вмѣсто этого отлично понимаешь языкъ, который процвѣталъ тамъ за цѣлое тысячелѣтіе и, давно сдѣлавшись мертвецомъ, употребляется только полунощными духами».

Письма, помѣщенныя въ 19 т., оканчиваются, или вѣрнѣе, начинаются 1831 годомъ, т. е. тѣмъ временемъ, когда Гейне пріѣхалъ въ Парижъ, откуда уже не выѣзжалъ. Въ письмахъ этихъ много пробѣловъ, много недосказаннаго; это ясно видно уже изъ того, что въ тѣхъ изъ

нихъ, которыя были писаны съ острова Гельголанда въ 1830 г., ни слова не говорится о іюльскихъ событіяхъ во Франціи. Между тѣмъ, эти событія произвели на поэта сильнѣйшее впечатлѣніе; имъ посвятилъ онъ нѣсколько удивительныхъ страницъ въ своемъ сочиненіи «Ueber Börne». Мы приведемъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ этихъ писемъ.

Гельголандъ. 6 августа.

«Въ то время, какъ войско короля геруловъ сражалось съ Лонгобардами, король герульскій спокойно сидѣлъ въ своей палаткѣ и игралъ въ шахматы. Онъ грозилъ смертью каждому, кто принесетъ ему вѣсть о пораженіи. Часовой, который, сидя на деревѣ, слѣдилъ за ходомъ битвы, постоянно кричалъ: «Мы побѣждаемъ! Мы побѣждаемъ!» Наконецъ, онъ съ громкимъ стономъ произнесъ: «Несчастный король! Несчастный народъ герульскій!» Тогда только король замѣтилъ, что битва проиграна, но было уже поздно! потому что лонгобарды въ то же время проникли въ его палатку и убили его...»

Именно эту исторію читалъ я у Павла Варнефрида, когда съ материка получился толстый пакетъ газетъ съ теплыми, знойно жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые въ бумагу, и они произвели въ душѣ моей самый дикій пожаръ. Мнѣ казалось, что я могъ бы зажечь весь океанъ до сѣвернаго полюса тѣмъ огнемъ вдохновенія и безумной радости, который пылалъ во мнѣ. Я, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по всему дому и поцѣловалъ сначала толстую хозяйку, а потомъ ея привѣтливую зубатку, я обнялъ также прусскаго юстицрата, на губахъ котораго однако не совсѣмъ исчезла холодная улыбка невѣрія. Даже голландца прижалъ я къ своему сердцу... Но это равнодушное жирное лицо осталось холоднымъ и спокойнымъ, и если бы само іюльское солнце обняло минъ-герра, онъ, я думаю, только немного вспотѣлъ бы, но отнюдь не воспламенился. Эта апатичность среди всеобщаго одушевленія возмутительна. Подобно тому, какъ спартанцы пріучали своихъ дѣтей къ трезвости тѣмъ, что постоянно показывали имъ пьянаго илота, такъ мы должны были бы откармливать въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ голландцевъ для того, чтобы ихъ безстрастная, рыбья натура поселяла въ дѣтяхъ отвращеніе къ апатичности. Въ самомъ дѣлѣ, эта голландская апатичность — порокъ гораздо болѣе фатальный, чѣмъ пьянство илота. Я съ удовольствіемъ поколотилъ бы минъ-герра...

Но нѣтъ, прочь всякія крайности! Парижане дали намъ такой блестящій примѣръ умѣренности. Да, вы, французы, вы заслуживаете быть свободными, потому что вы носите свободу въ сердцѣ. Этимъ вы отличаетесь отъ вашихъ бѣдныхъ предковъ, стряхнувшихъ съ себя тысячелѣтнее рабство, но совершавшихъ, рядомъ съ своими геройскими подвигами, тѣ безумныя злодѣянія, которыя заставляли генія человѣчества въ ужасѣ закрывать лицо. Теперь руки народа покрылись кровью не въ бою, но въ свалкѣ законной обороны. Народъ самъ перевязалъ раны своихъ враговъ, и когда дѣло окончилось, снова принялся за свои обыкновенныя занятія, не потребовавъ за великую работу ни копѣйки на водку!

Страшись раба, когда онъ цѣпи носитъ;
Людей свободныхъ не страшись!

Ты видишь, въ какомъ я упоеніи, какъ я внѣ себя .. Я цитирую самые плохіе стихи Шиллера.

И стараго ребенка, котораго неисправимое безуміе стоило гражданамъ столько крови, парижане пощадили чрезвычайно трогательно. Онъ также, какъ король геруловъ, сидѣлъ за шахматами, когда побѣдители вторгнулись въ его палатку. Дрожащею рукою онъ подписалъ отреченіе. Онъ никогда не хотѣлъ слушать правду. Онъ преклонялъ слухъ только ко лжи своихъ придворныхъ. Они постоянно восклицали: «Мы побѣждаемъ! мы побѣждаемъ!» .. Съ глубокимъ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ вокругъ себя, когда Journal des Débats, какъ нѣкогда вѣстникъ короля геруловъ, внезапно воскликнулъ: «Malheureux roi! Malheureuse France!»

Съ нимъ, съ Карломъ X, пала наконецъ имперія Карла Великаго, какъ имперія Ромула, пала съ Ромуломъ Августуломъ. Какъ нѣкогда начался новый Римъ, такъ теперь начинается новая Франція.

Я все еще точно во снѣ; особенно имя Лафайета звучитъ для меня какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей? Я почти боюсь, что это не правда, потому что это напечатано. Мнѣ хочется самому отправиться въ Парижъ, чтобы убѣдиться собственными глазами... Я воображаю себѣ, какое великолѣпное зрѣлище, когда онъ проѣзжаетъ по парижскимъ улицамъ, — онъ, гражданинъ обоихъ полушарій, богоподобный старецъ, серебрянныя кудри котораго волнами падаютъ на священныя плечи... Старыми, милыми

глазами онъ привѣтствуетъ внуковъ тѣхъ дѣдовъ, которые нѣкогда сражались съ нимъ за свободу и равенство... Ровно шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Америки и провозгласилъ человѣческія права, эти десять заповѣдей новой міровой вѣры, которыя тамъ были открыты ему при громѣ и молніи пушекъ... И теперь снова развѣвается на парижскихъ башняхъ трехцвѣтное знамя, и снова раздаются звуки Марсельезы!

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза... Я въ совершенномъ опьяненіи. Смѣлыя надежды страстно воздымаются во мнѣ, какъ деревья съ золотыми плодами и дикими, длинными вѣтвями, досягающими до отдаленныхъ облаковъ... Но облака, въ быстромъ полетѣ своемъ, вырываютъ съ корнемъ эти исполинскія деревья и бѣгутъ дальше. Небо наполнено звучными скрипками, и море, я слышу снова, пахнетъ свѣжеиспеченными пирожками. Тамъ наверху въ небесноголубомъ пространствѣ постоянно раздаются веселые звуки скрипокъ, а въ смарагдовыхъ волнахъ слышится что-то похожее на радостный хохотъ дѣвушекъ. Но подъ землею трескъ и клокотаніе, земля разверзается, старые боги высовываютъ оттуда головы, и съ торопливымъ удивленіемъ спрашиваютъ: «Что означаетъ это ликованіе, проникнувшее въ самую сердцевину земли? Что случилось новаго? Ужъ нельзя-ли намъ снова выйти изъ-подъ земли?» Нѣтъ, оставайтесь въ вашемъ туманномъ царствѣ, куда скоро сойдетъ къ вамъ новый товарищъ... «Какъ зовутъ его?» Вы хорошо знаете его, вы, которыхъ онъ нѣкогда низвергнулъ въ царство вѣчной ночи...

Панъ умеръ!

Гельголандъ. 10 августа.

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза...

Кончилась моя жажда спокойствія. Теперь я снова знаю, что я хочу, что долженъ, что обязанъ дѣлать... Я сынъ революціи и снова берусь за оружіе, надъ которымъ моя мать произнесла свое полное чаръ благословеніе... Цвѣтовъ! цвѣтовъ! Я увѣнчаю ими свою голову

для смертельной битвы! И лиру, дайте мнѣ лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню. Изъ нея вылетятъ слова, подобныя пламеннымъ звѣздамъ, которыя стрѣляютъ внизъ съ небесной высоты, и сожигаютъ чертоги, и освѣщаютъ хижины... Слова, подобныя метательнымъ копіямъ, которыя взлетаютъ въ седьмое небо и поражаютъ набожныхъ лицемѣровъ, которые пробрались тамъ въ Святую Святыхъ... Я весь радость и пѣснопѣніе, весь мечъ и огонь!

Можетъ быть я совсѣмъ сошелъ съума... Изъ этихъ дикихъ, завернутыхъ въ бумагу солнечныхъ лучей, одинъ попалъ мнѣ въ мозгъ, и всѣ мои мысли горятъ яркимъ пламенемъ. Напрасно я погружаю голову въ море. Никакая вода не можетъ загасить этотъ греческій огонь. Но и съ другими дѣлается то же самое. И остальныхъ людей, пріѣхавшихъ сюда купаться, ударили въ мозгъ лучи парижскаго солнца, особенно берлинцевъ, которые въ нынѣшнемъ году собрались здѣсь въ большомъ количествѣ и переѣзжаютъ съ одного острова на другой, такъ что можно сказать, что сѣверное море наводнено берлинцами. Даже бѣдные гельголандцы ликуютъ, не смотря на то, что они только инстинктомъ понимаютъ эти событія. Рыбакъ, который перевозилъ меня вчера на маленькій, песчаный островъ, гдѣ я купаюсь, встрѣтилъ меня улыбкой и словами: «бѣдные люди побѣдили!» Да, народъ, можетъ быть, понимаетъ событія своимъ инстинктомъ лучше, чѣмъ мы—всѣми нашими вспомогательными познаніями. Такъ, г-жа Варнхагенъ разсказывала мнѣ, что когда исходъ лейпцигской битвы былъ еще неизвѣстенъ, то горничная вдругъ вбѣжала въ комнату и съ испугомъ закричала: «дворянство выиграло!»

На этотъ разъ побѣду одержали бѣдные люди «Но это принесетъ имъ мало пользы, если они не одержатъ также побѣды надъ наслѣдственнымъ правомъ!» Эти слова произнесъ восточно-прусскій юстицратъ такимъ тономъ, который крайне поразилъ меня. Не знаю почему эти слова, которыхъ я не понимаю, остаются въ моей памяти и наводятъ на меня такую тоску. Что хотѣлъ сказать ими этотъ высохшій чудакъ?

Сегодня утромъ снова полученъ пакетъ съ газетами. Я поглотилъ ихъ, какъ манну. Такое дитя, какъ я, трогательныя подробности занимаютъ еще болѣе, чѣмъ многознаменательное цѣлое. О, какъ бы я хотѣлъ увидѣть хоть собаку Медора! Она интересуетъ меня больше, чѣмъ другія, которыя въ нѣсколько скачковъ принесли Филиппу орлеанскому корону. Собака Медоръ принесла своему хозяину ружье и патронташъ, и когда ея хозяинъ палъ и вмѣстѣ съ своими героями —

товарищами былъ похороненъ на луврскомъ дворѣ, бѣдная собака, точно каменное изваяніе вѣрности, усѣлась на могилѣ и сидѣла дни и ночи, едва дотрогиваясь до предлагавшихся ей кушаньевъ и зарывая остальную часть ихъ въ землю, можетъ быть для того, чтобы кормить своихъ похороненныхъ хозяевъ!

Я не могу больше спать, и въ моемъ раздраженномъ умѣ проходятъ самыя странныя фигуры. То недремлющія грезы, которыя толкаютъ одна другую такъ, что образы причудливо смѣшиваются между собою и какъ въ китайскомъ фонарѣ то становятся карликами, то вдругъ обращаются въ гигантовъ; просто съума сходи. Въ такомъ положеніи мнѣ иногда кажется, что мои собственные члены также получаютъ колоссальные размѣры и что я на неизмѣримо длинныхъ ногахъ перебѣгаю изъ Германіи во Францію. Да, я помню, что прошедшею ночью я пробѣгалъ по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и землицамъ, и стучалъ въ двери моихъ друзей, и будилъ спящихъ... Они порою смотрѣли на меня удивленными, стеклянными глазами, такъ что я самъ пугался и не могъ тотчасъ же объяснить себѣ, чего я собственно хотѣлъ и для чего я будилъ ихъ. Многихъ толстыхъ филистеровъ, которые слишкомъ отвратительно храпѣли, я знаменательно толкалъ подъ бока, и они, зѣвая, спрашивали: «который часъ?» Въ Парижѣ, любезные друзья, прокричалъ пѣтухъ; вотъ все, что я знаю. За Аугсбургомъ, по дорогѣ въ Мюнхенъ, я встрѣтилъ множество готическихъ церквей, которыя, казалось, были готовы къ бѣгству и боязливо шатались. Я самъ, уставъ бѣготнею, вздумалъ наконецъ полетѣть и началъ перелетать отъ одной звѣзды къ другой. Но эти здѣзды не населенные міры, какъ полагаютъ другіе, а просто блестящіе каменные шары, пустые и безплодные. Они не падаютъ внизъ потому, что не знаютъ, гдѣ имъ можно упасть и ходятъ въ вышинѣ взадъ и впередъ въ величайшемъ затрудненіи... Былъ я и въ небѣ. Двери и ворота были отперты. Въ одной комнатѣ сидѣлъ за конторкой старый, худощавый человѣкъ и перебиралъ груды бумагъ. Я заговорилъ съ нимъ громко. «Не говорите такъ громко», быстро возразилъ старый, худощавый человѣкъ, повернулся ко мнѣ спиною и снова зашумѣлъ бумагами. «Это господинъ регистраторъ», шепнулъ мнѣ одинъ изъ служителей, поднявшись со стула, на которомъ онъ спалъ, и съ зѣваніемъ протирая себѣ глаза...

Панъ умеръ!

Кургафенъ. 19-го августа.

Непріятный переѣздъ, въ открытой лодкѣ противъ вѣтра... Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ я страдалъ отъ морской болѣзни. Море, какъ и другія существа, платятъ мнѣ за любовь безпокойствомъ и мученіями. Сначала же идетъ, какъ слѣдуетъ, и я нахожу удовольствіе въ заманчивомъ покачиваньи. Но мало по малу головамоя начинаетъ кружиться и всевозможныя баснословныя лица являются предо мною. Изъ темныхъ безднъ моря выплываютъ старые демоны въ отвратительной наготѣ до пояса, они воютъ скверные, непонятные стихи, и брызгаютъ мнѣ въ лицо бѣлою пѣной волнъ. Еще болѣе фатальныя рожи образуются изъ тучъ, которыя опускаются такъ низко, что почти касаются моей головы, и своими глупыми фистуловыми голосами насвистываютъ мнѣ въ ухо самыя непривѣтныя глупости. Такая морская болѣзнь, правда, неопасна, но тѣмъ неменѣе она вызываетъ самыя странныя и непріятныя ощущенія, способныя довести до сумасшествія. Наконецъ, въ этой лихорадочной тоскѣ, мнѣ показалось, что я рыба и что въ животѣ у меня силитъ пророкъ Іона. Пророкъ Іона шумѣлъ въ моемъ животѣ и постоянно восклицалъ:

«О, Ниневія, о, Ниневія, ты погибнешь! Въ твоихъ дворцахъ нищіе будутъ искать вшей, а въ твоихъ храмахъ вавилонскіе кирасиры будутъ кормить своихъ лошадей. Но васъ, жрецовъ Ваала, васъ схватятъ за уши и ваши уши приколотятъ гвоздями къ дверямъ храма. Да, къ дверямъ вашихъ лавокъ пригвоздятъ васъ за уши, васъ, хлѣбопековъ божіихъ; потому что вы держали фальшивые вѣсы и продавали народу пустой, фальшиво взвѣшанный хлѣбъ! О, лукавые обрѣзанцы! Когда народъ голодалъ, вы давали ему тощую, гомеопатическую, кажущуюся пищу, а когда онъ умиралъ отъ жажды, вы напивались вмѣсто его! только королямъ протягивали вы полную чашу. Но васъ, ассирійскихъ невѣждъ и грубіяновъ, васъ будутъ бить палками и прутьями, и топтать васъ ногами, и давать вамъ пощечины, и это я положительно предсказываю вамъ, потому что, во-первыхъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы это случилось, а во-вторыхъ—я пророкъ, пророкъ Іона, сынъ Амифея.... О Ниневія, о Ниневія, ты погибнешь!»

Такъ почти говорилъ ораторъ, сидѣвшій въ моемъ животѣ, и приэтомъ такъ сильно жестикулировалъ и поворачивался у меня въ киш-

кахъ, что вся внутренность моя перевернулась.... Наконецъ, я не могъ долѣе выносить этого, и меня вырвало.

Когда я такимъ образомъ облегчился, то услышалъ подлѣ себя голосъ прусскаго юстицрата, говорившаго мнѣ: «Ну, слава Богу, что вамъ стало лучше. Мы сейчасъ пристанемъ къ берегу и чашка чаю отлично поможетъ намъ. Я послѣдовалъ его совѣту и совершенно оправился, когда высадился на берегъ и выпилъ въ курхафенской гостинницѣ хорошую чашку чаю.

Здѣсь все кишитъ гамбургцами и ихъ супругами, нуждающимися въ морскомъ купаньи. Капитаны кораблей изъ всѣхъ странъ, ожидающіе попутнаго вѣтра, также прохаживаются здѣсь взадъ и впередъ по высокимъ плотинамъ, или сидятъ въ шинкахъ, гдѣ пьютъ очень крѣпкій грогъ и ликуютъ по поводу трехъ іюльскихъ дней. Изъ всѣхъ устъ вылетаетъ въ честь французовъ заслуженный ими виватъ, и британецъ, прежде столь скупой на слова, теперь восхваляетъ французовъ также краснорѣчиво, какъ и тотъ болтливый португалецъ, который сожалѣлъ, что не могъ отправить свой грузъ съ апельсинами прямо въ Парижъ, чтобъ освѣжить народъ послѣ жара битвы. Мнѣ разсказывали, что даже въ Гамбургѣ, въ томъ Гамбургѣ, гдѣ ненависть къ французамъ была слишкомъ глубоко вкоренена, теперь главную роль играетъ энтузіазмъ къ французамъ... Все забыто, Даву, ограбленный банкъ, растрѣленные граждане, старонѣмецкіе кафтаны, скверные стихи въ честь освобожденія, отецъ Блюхеръ, всѣ глупости 1814 года,—все забыто.... Повсюду развѣвается трехцвѣтное знамя, повсюду звучитъ Марсельеза, даже дамы появляются въ театрахъ съ трехцвѣтными бантами на грухи, и улыбаются своими синими глазами, пунцовыми ротиками и бѣлыми носиками.... Даже богатые банкиры, которые вслѣдствіе революціоннаго движенія, потеряли очень много денегъ на своихъ государственныхъ бумагахъ, великодушно раздѣляютъ общую радость и каждый разъ, какъ маклеръ объявляетъ имъ, что курсъ упалъ еще ниже, они высказываютъ тѣмъ больше удовольствія и отвѣчаютъ: «ну, что жь такое! это ничего не значитъ, ничего не значитъ!»

Да, повсюду, во всѣхъ странахъ, люди очень легко поняли значеніе этихъ трехъ іюльскихъ дней и торжсствуютъ въ немъ тріумфъ собственныхъ интересовъ. Великій подвигъ французовъ слишкомъ ясенъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ понятій, какъ высшихъ такъ и низшихъ, и въ степяхъ башкировъ онъ потрясаетъ умы точно также, какъ въ горахъ Андалузіи...Я вижу отсюда, какъ, при полученіи этого извѣстія,

у неаполитанца останавливаются во рту макароны, а у ирландца — картофель... Пульчинель способенъ схватиться за мечъ, а Пэдди выкинетъ можетъ быть такую штуку, отъ которой у англичанъ пройдетъ охота смѣяться.

А Германія? Не знаю. Сдѣлаемъ ли мы наконецъ изъ нашихъ дубовыхъ лѣсовъ настоящее употребленіе, то есть, устроемъ ли мы изъ нихъ баррикады для освобожденія міра? Воспользуемся ли мы наконецъ, мы, которыхъ природа надѣлила такимъ умомъ, такою силою, такою отвагою,—воспользуемся ли мы наконецъ нашими природными дарами, и поймемъ ли, провозгласимъ ли, осуществимъ ли слово великаго учителя, ученіе о правахъ человѣчества?

Теперь ровно шесть лѣтъ, какъ я, странствуя пѣшкомъ по отечеству, пришелъ въ Вартбургъ и посѣтилъ келью, въ которой жилъ докторъ Лютеръ. То былъ отличный человѣкъ, котораго нельзя ни въ чемъ упрекнуть; онъ совершилъ исполинскій подвигъ; и мы должны вѣчно, съ благодарностью цѣловать ему руки за то, что онъ сдѣлалъ.

Въ Вартбургѣ посѣтилъ я также арсеналъ, гдѣ висятъ старыя оружія, желѣзный гардеробъ среднихъ вѣковъ. Я задумчиво бродилъ по залѣ съ университетскимъ товарищемъ, молодымъ аристократомъ, отецъ котораго былъ въ то время однимъ изъ могущественнѣйшихъ владѣтельныхъ князей и повелѣвалъ дрожавшими передъ нимъ областями. Предки его также были могущественные бароны, и молодой человѣкъ погружался въ геральдическія воспоминанія при видѣ доспѣховъ и оружій, которыя, какъ гласила надпись, принадлежали одному изъ его родственниковъ; онъ снялъ со стѣны длинный мечъ своихъ предковъ, любопытствуя узнать, можетъ ли онъ сдержать его, но сознался, что мечъ тяжелъ для него и въ уныніи опустилъ руку. Когда я увидѣлъ это, когда я увидѣлъ, что рука внука слишкомъ слаба для меча дѣдовъ, тогда я подумалъ про себя: «Германія могла бы быть свободною...»

Послѣ этихъ жгучихъ лирическихъ страницъ, у Гейне помѣщенъ какъ бы эпилогъ къ нимъ, подъ заглавіемъ: *«Девять лѣтъ спустя.»*— Вотъ нѣсколько строкъ изъ него:

«Повсюду царствовало глухое спокойствіе. Солнце бросало элеги-

ческіе лучи на широкую спину нѣмецкаго терпѣнія. Никакой вѣтерокъ не вертѣлъ мирныхъ пѣтуховъ на крышахъ нашихъ набожныхъ церквей. На вершинѣ уединеннаго утеса сидѣла птица — буревѣстникъ; но онъ сонливо опустилъ крылья и повидимому самъ думалъ, что онъ ошибся и что буря еще нескоро разразится. Печально и въ уныніи сидѣла эта птица, еще не задолго до того съ такимъ шумомъ и могуществомъ пролетавшая по воздуху и возвѣщавшая доброй Германіи всевозможныя бури. — Вдругъ на западѣ блеснула молнія, за нею послѣдовалъ громовой ударъ и страшный трескъ, какъ будто насталь конецъ міру. Дѣйствительно, скоро пришла вѣсть о великой катастрофѣ, о трехъ дняхъ въ Парижѣ, гдѣ во второй разъ раздался набатъ народнаго гнѣва. Многимъ казалось уже, что они слышатъ въ отдаленіи трубу страшнаго суда. Все какъ будто предсказывало то пришествіе кончины міра, о которомъ нѣкогда пѣли въ трепетѣ и ужасѣ сѣверные скальды; да, многимъ казалось, что исполинскій волкъ саги приступаетъ къ своему страшному мщенію и собирается поглотить міръ, какъ о томъ возвѣщено въ ужасныхъ стихахъ Эдды. Но онъ не поглотилъ его, и добрый нѣмецкій мѣсяцъ свѣтитъ и до сихъ поръ также тихо и нѣжно, какъ въ дни Вертера и Шарлотты, чувствительной памяти.. »

Повторяемъ, уже изъ того, что въ письмахъ, напечатанныхъ въ 19-мъ т. не говорится, даже не упоминается объ іюньскихъ событіяхъ,— ясно, что въ этихъ письмахъ много пробѣловъ. Мы извлекли изъ нихъ болѣе интересныя страницы, и думаемъ, что эти немногія извлеченія могутъ прибавить кое-что къ уясненію личности Гейне, какъ писателя и какъ человѣка.

П. Вейнбергъ.

ТАНГЕЙЗЕРЪ.

(Поэма Гейне.)

I.

Бойтесь, бойтесь, Эссіане,
Сѣти демоновъ. Теперь я
Въ поученье разскажу вамъ
Очень древнее повѣрье.

Жилъ Тангейзеръ — гордый рыцарь.
Поселясь въ горѣ — Венеры,
Страстью жгучей и любовью
Наслаждался онъ безъ мѣры.

— «О, красавица Венера!
Часъ пришелъ съ тобой прощаться;
Не могу я жить съ тобою,
Не могу здѣсь оставаться».

— «Милый рыцарь, ты сегодня
Скупъ на ласки. Для чего же,
Не ласкаясь и тоскуя,
Хочешь бросить это ложе?

«Каждый день виномъ янтарнымъ
Я твой кубокъ наполняла,
И вѣнокъ изъ розъ душистыхъ
Каждый день тебѣ свивала».

— «Мнѣ наскучили, подруга,
Поцалуи, вина, розы,
Мнѣ нужны теперь страданья,
Мнѣ доступны только слезы.

«Пусть замолкнутъ смѣхъ и шутки,
Скорбь зову къ себѣ на смѣну,
Вмѣсто розъ вѣнокъ терновый
Я на голову надѣну».

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Ищешь ссоры ты, конечно;
Гдѣ жъ та клятва, что со мною
Обѣщался жить ты вѣчно?

«Въ темной спальнѣ, въ сладкой нѣгѣ
Я бъ развлечь тебя умѣла...
Наслажденья обѣщаетъ
Это мраморное тѣло».

— «Нѣтъ, красавица Венера,
Красота твоя не вянетъ,
Многихъ, многихъ видъ твой дивный
Очаруетъ и обманетъ.

«На груди твоей въ блаженствѣ
Замирали боги, люди,
И теперь мнѣ столь противенъ
Вѣчный трепетъ этой груди.

«Ты до нынѣ всѣхъ готова
Звать на ложе наслажденья,
Потому къ тебѣ невольно
Получилъ я отвращенье».

— «Рѣчь твоя меня жестоко,
Милый рыцарь, оскорбила.
Билъ меня ты, но побои
Прежде легче я сносила.

«Можно вынести удары,
Какъ бы не были жестоки,
Но выслушивать не въ силахъ
Я подобные упреки.

«Ласкъ моихъ тебѣ не нужно,
Не нужна моя забота;
Такъ прощай, мой другъ, — сама я
Отворю тебѣ ворота».

II.

Гулъ и звонъ несется въ Римѣ,
Рядъ прелатовъ внемлетъ хору,
И въ процессіи самъ папа
Тихо шествуетъ къ собору.

На челѣ Урбана папы
Блескъ тіары драгоцѣнной,
И за нимъ несутъ бароны
Пурпуръ мантіи священной.

— «Подожди, святой владыко!
Мнѣ въ грѣхѣ открыться надо!..
Только ты лишь вырвать можешь
Душу грѣшную изъ ада!..»

Хоръ замолкъ; священныхъ гимновъ
На минуту стихли звуки,
И къ ногамъ Урбана-папы
Грѣшникъ палъ, поднявши руки.

— «Ты одинъ святой владыко,
Судишь правыхъ и неправыхъ;
Защити меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!..

«Имя мнѣ — Тангейзеръ — рыцарь.
За блаженствомъ я гонялся
И семь лѣтъ въ горѣ Венеры
Нѣгой страсти упивался.

«Лучшій цвѣтъ красавицъ міра
Предъ Венерою блѣднѣетъ,
Отъ рѣчей ея волшебныхъ
Сердце мечется и млѣетъ.

«Какъ цвѣтовъ благоуханье
Мотылька невольно манетъ,
Такъ меня къ губамъ Венеры
Непонятной силой тянетъ.

«По плечамъ ея роскошнымъ
Кудри падаютъ каскадомъ,
Я нѣмѣлъ, какъ заколдованъ,
Подъ ея всесильнымъ взглядомъ.

«Я стоялъ предъ нимъ недвижимъ,
Тайнымъ трепетомъ объятый,
И едва мнѣ силъ достало
Убѣжать съ горы проклятой.

«Я бѣжалъ — но вслѣдъ за мною
Взоръ слѣдилъ все съ той же силой,
И манилъ онъ, и шепталъ онъ:
«О, вернись, вернись, мой милый!»

«Днемъ брожу я, словно призракъ,
Ночь придетъ — и съ тѣмъ же взглядомъ
Та красавица приходитъ
И со мной садится рядомъ.

«Слышенъ смѣхъ ея безумный,
Зубы бѣлые сверкаютъ...
Только вспомню этотъ хохотъ —
Слезы съ глазъ моихъ сбѣгаютъ

«Я люблю ее насильно,
Страсти гнетъ съ себя не скину;
Та любовь сильна, какъ волны
Разорвавшія плотину.

«Эти волны несдержимо
Въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ мчатся,
И при встрѣчѣ все ломая
Въ брызги мелкіе дробятся.

«Я спалёнъ любовью грѣшной,
Сердце выжжено, какъ камень...
Неужель въ груди изныввшей
Не угаснетъ адскій пламень?

«Ты одинъ, святѣйшій папа,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити-жъ меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!..»

Папа къ небу поднялъ руки
И вздохнувъ, отвѣтилъ тѣмъ онъ:
— «Сынъ мой! власть моя безсильна
Тамъ, гдѣ власть имѣетъ демонъ.

«Страшный демонъ — та Венера,
Изъ когтей ея прекрасныхъ
Не могу я, бѣдный рыцарь,
Вырвать жертвъ ея несчастныхъ,

»Ты поплатишся душою
За усладу плоти грѣшной,
Проклятъ ты, а проклятому
Путь одинъ — во адъ кромѣшный..»

III.

И назадъ пошелъ Тангейзеръ,
Больно, въ кровь стирая ноги.
Въ ночь вернулся онъ къ Венерѣ
Въ подземельные чертоги.

И забыла сонъ Венера,
Быстро ложе покидала
И любовника руками
Обвивая, цаловала.

Но ложится молча рыцарь,
Для него лишь отдыхъ нуженъ,
А Венера гостю въ кухнѣ
Приготовливаетъ ужинъ.

Поданъ ужинъ, и хозяйка
Гостю кудри расчесала,
На ногахъ омыла раны
И привѣтливо шептала:

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Долго ты не возвращался;
Разскажи, въ какихъ же странахъ
Столько времени скитался?»

— «Былъ въ Италіи и въ Римѣ
Я, подруга дорогая,
По дѣламъ своимъ, но больше
Не поѣду никуда я

«Тамъ, гдѣ Рима дальній берегъ
Тибръ волнами орошаетъ,
Папу видѣлъ я: Венерѣ
Онъ поклоны посылаетъ.

«Чрезъ Флоренцію изъ Рима
Я прошелъ, и былъ въ Миланѣ,
Проходилъ я черезъ Альпы,
Изчезая въ ихъ туманѣ.

«И когда я шелъ чрезъ альпы, —
Падалъ снѣгъ, — мнѣ улыбались
Вкругъ озера голубые
И орлы перекликались.

«Я съ вершины Сен-Готарда
Слышалъ, какъ храпѣла звонко
Вся страна почтенныхъ Нѣмцевъ,
Спавшихъ сладкимъ сномъ ребенка.

«И опять теперь вернулся
Я къ тебѣ, къ моей Венерѣ
И до гроба не покину
Я твоей волшебной двери.»

Дмитрій Минаевъ.

———

ПРОКЛЯТЫЙ ДОМЪ.

(ИЗЪ СВЯТОЧНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ДИККЕНСА).

Обыкновенные смертные водворяются въ домѣ.

Когда я впервые познакомился съ домомъ, составляющимъ предметъ настоящаго разсказа, то при этомъ не произошло ничего такого, что, по общепринятому повѣрью, неизбѣжно происходитъ тамъ, гдѣ въ дѣло бываетъ замѣшана чертовщина. Я увидѣлъ этотъ домъ днемъ при солнечномъ освѣщеніи. Не было ни вѣтра, ни дождя, ни молніи, ни грома, — ни одно ужасающее или необычайное обстоятельство не содѣйствовало возвышенію произведеннаго имъ эффекта. Мало того, я пришелъ къ нему прямо со станціи желѣзной дороги, отъ которой онъ отстоялъ не болѣе какъ на милю, такъ что, готовясь войти въ него и оглянувшись на пройденный мною путь, я могъ видѣть товарный поѣздъ, плавно катившій вдоль насыпи среди долины. Я не хочу этимъ сказать, чтобы все было буднично до пошлости, потому что не думаю, чтобы на свѣтѣ что либо могло быть такимъ — развѣ только для пошлыхъ людей — но я осмѣливаюсь утверждать, что домъ этотъ могъ и всякому другому въ любое ясное осеннее утро представиться такимъ же, какимъ онъ представился мнѣ.

Попалъ же я въ него вотъ какими судьбами.

Я ѣхалъ изъ сѣверныхъ графствъ, по направленію къ Лондону, намѣреваясь остановиться на пути и осмотрѣть вышеупомяну-

тый домъ. Здоровье мое требовало, чтобы я пожилъ нѣсколько времени въ деревнѣ; одинъ изъ моихъ пріятелей, знавшій объ этомъ и случайно проѣзжавшій мимо этого дома, подалъ мнѣ мысль, что не худо бы избрать его своею резиденціею. Я сѣлъ въ вагонъ ровно въ полночь, заснулъ, потомъ проснулся, просидѣлъ нѣсколько времени, любуясь изъ окна на яркое сѣверное сіяніе, опять заснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ, какъ водится въ пасмурномъ расположеніи духа и съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто я всю ночь не смыкалъ глазъ. Я такъ твердо былъ увѣренъ въ послѣднемъ фактѣ что, стыжусь сказать, въ первыя глупыя минуты своего пробужденія, кажется готовъ былъ по этому поводу побиться объ закладъ съ своимъ vis-à-vis и при этомъ былъ вовсе не прочь отъ рукопашной схватки. У этого vis-à-vis — таковъ уже обычай всѣхъ подобныхъ ему людей—оказалось въ теченіе ночи что-то ужъ очень много лишнихъ ногъ и всѣ эти ноги оказались не въ мѣру длинными.

Въ довершеніе этихъ непохвальныхъ выходокъ (впрочемъ, чего же иного и было ожидать отъ него?) онъ имѣлъ при себѣ карандашъ и записную книжку, и то и дѣло къ чему-то прислушивался и что-то записывалъ. Мнѣ показалось, что это докучливое записыванье имѣло своимъ предметомъ толчки, получаемые вагономъ и я, такъ и быть, помирился бы съ нимъ въ предположеніи, что господинъ этотъ состоитъ на службѣ по путейской части, если бы онъ, прислушиваясь, не глядѣлъ мнѣ каждый разъ пристально черезъ голову. Господинъ этотъ отличался пучеглазою и какъ будто недоумѣвающею физіономіею и поведеніе его стало наконецъ невыносимымъ.

Утро было холодное и унылое, (солнце еще не вставало), я доглядѣлъ какъ блѣднѣли огни по чугунымъ заводамъ и какъ разступилась завѣса тяжелаго дыма, застилавшая мнѣ разомъ и звѣздное сіяніе и сіяніе дня, и обратился къ моему сосѣду съ вопросомъ:

— Позвольте узнать, милостивый государь, что̀ вы такого особеннаго находите въ моей наружности?

И точно, онъ, повидимому, срисовывалъ или мой дорожный колпакъ, или мои волосы, при чемъ вглядывался въ

оригиналъ съ внимательностью, которая показалась мнѣ черезъ чуръ уже безцеремонной.

Пучеглазый господинъ оторвалъ свои взгляды отъ той точки, на которую они были устремлены и произнесъ съ видомъ гордаго соболѣзнованья о моей ничтожности:

— Въ вашей наружности, сэръ? *К.*

— *К.* сэръ? переспросилъ я, начиная горячиться.

— Мнѣ до васъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, сэръ, возразилъ джентльменъ. Прошу васъ, не мѣшайте мнѣ слушать. *И.*

Онъ произнесъ эту букву немного помолчавъ и занесъ ее въ записную книжку.

Сначала я перепугался, потому что сосѣдство мономана — плохая шутка тамъ, гдѣ нельзя тотчасъ же позвать кондуктора; но вскорѣ, къ своему успокоенію, я напалъ на мысль, что господинъ этотъ, быть можетъ, охотникъ до бесѣды съ постукивающими духами и приверженецъ секты, къ представителямъ которой (по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ) я питаю глубокое уваженіе, но вѣровать въ которую я отказываюсь. Я уже готовился спросить его объ этомъ, но онъ предупредилъ мой вопросъ:

— Вы меня извините, проговорилъ онъ презрительно, но я такъ далеко опередилъ обыкновенныхъ смертныхъ, что мнѣ, право, до нихъ дѣла нѣтъ. Всю эту ночь я провелъ, — какъ и вообше провожу теперь всю свою жизнь,—въ общеніи съ духами.

— А! воскликнулъ я, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія.

— Бесѣда нынѣшней ночи, продолжалъ джентльменъ, перелистывая свою записную книжку,—началась слѣдующимъ изрѣченіемъ: «дурные совѣты развращаютъ хорошіе нравы».

— Весьма справедливое изрѣченіе, замѣтилъ я: — но ужъ будто оно такъ ново?

— Ново, когда слышишь его отъ духовъ, возразилъ джентльменъ.

Мнѣ оставалось только повторить свое недовольное: «А!» и освѣдомиться, не удостоюсь ли я чести услышать заключительное изрѣченіе бесѣды.

— Не сули журавля въ небѣ, съ великою торжествен-

ностью прочиталъ джентльменъ свою послѣднюю замѣтку: — дай синицу въ руки.

Потомъ джентльменъ сообщилъ мнѣ, что духъ Сократа сказалъ ему въ эту ночь слѣдующее: — «Другъ мой, надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете. Какъ поживаете? Вблизи васъ находятся семь тысячъ четыреста семьдесятъ девять духовъ, но вы не можете ихъ видѣть. Между прочими тутъ находится Пиѳагоръ: онъ не имѣетъ возможности заявить свое присутствіе, но надѣется, что вы довольны своей поѣздкой.» Затѣмъ Галилей заявилъ себя слѣдующей замѣткой научнаго свойства: «Очень радъ васъ видѣть, amico. Come sta? — Вода, при достаточной степени холода, неизбѣжно замерзаетъ. Аддіо!» Та же ночь была свидѣтельницей слѣдующаго необычайнаго явленія: Епископъ Ботлеръ упорно называлъ себя Боблеромъ *) и за эту провинность противъ орфографіи и свѣтскихъ приличій ему было объявлено, что онъ нынче не въ ударѣ, и потому можетъ убираться. Джонъ Мильтонъ (заподозрѣнный въ желаніи подшутить шутку) отрекся отъ чести быть творцомъ «Потеряннаго Рая» и объявилъ, что авторами этой поэмы были двѣ темныя личности, по имени Гроджерсъ и Скаджингтонъ. Наконецъ, принцъ Артуръ, племянникъ короля Іоанна англійскаго, объявилъ, что онъ совсѣмъ недурно проводитъ время на седьмомъ небѣ, изучая искусство рисовать по бархату подъ руководствомъ мистриссъ Триммеръ и Маріи королевы шотландской.

Если строки эти попадутся на глаза джентльмену, угостившему меня этими сообщеніями, тогда проститъ онъ мнѣ сознаніе, что видъ восходящаго солнца и созерцаніе стройнаго порядка, управляющаго необъятной вселенной, заставили меня желать наискорѣйшаго окончанія этого разговора. Нетерпѣніе мое было такъ велико, что я отъ души обрадовался возможности сойти на слѣдующей станціи и промѣнять всѣ эти облака и туманы на вольный воздухъ, гулявшій въ поднебесьи.

Утро между тѣмъ разгулялось чудесное, я шелъ по пути, устланному листвою, уже успѣвшею поосыпаться съ золотыхъ,

*) Боблеръ (bobbler) значитъ обманщикъ.

темно-бурыхъ и красноватыхъ деревьевъ; въ виду этихъ чудесъ творенія, въ виду прочныхъ, неизмѣнныхъ, гармоническихъ законовъ, управляющихъ ими, какимъ жалкимъ, пошлымъ ухищреніемъ показалось мнѣ общеніе моего сосѣда съ духами! Въ такомъ языческомъ настроеніи духа я приблизился къ дому и остановился, чтобы осмотрѣть его повнимательнѣе.

Домъ стоялъ одиноко среди сада, являвшаго признаки унылаго запустѣнія; и тотъ и другой занимали приблизительно пространство въ два квадратныхъ акра. Строеніе можно было отнести къ эпохѣ царствованія Георга втораго: сухость, холодность, безвкусіе и чопорность стиля могли удовлетворить самаго рьяно-вѣрноподданнаго поклонника всего квартета Георговъ. Въ домѣ никто не жилъ, но годъ или два тому назадъ въ немъ были произведены дешевыя починки съ цѣлью сдѣлать его обитаемымъ; я говорю дешевыя, потому что вся работа была исполнена на живую руку и штукатурка уже начинала осыпаться, хотя краски еще сохраняли свою свѣжесть. Кривобокая доска, нависшая надъ садовымъ заборомъ, извѣщала, что домъ «отдается въ наймы по сходной цѣнѣ, съ мебелью.» Деревья стояли подлѣ него слишкомъ близко и слишкомъ густо; въ особенности вовсе не у мѣста были посажены шесть высокихъ тополей, уныло красовавшихся передъ фасадными окнами.

Легко было замѣтить, что всякій старался по возможности обходить этотъ домъ, что онъ пользовался зловѣщей славой въ селеніи, на близость котораго указывала мнѣ колокольня, находившаяся отъ меня въ разстояніи какой нибудь полумили, что наконецъ немного найдется охотниковъ нанять это жилище. Все это вело къ неизбѣжному заключенію, что про него идетъ молва, будто въ немъ пошаливаетъ вражья сила.

Раздумывая о томъ, что бы могло значить запустѣніе этого дома, я направилъ шаги свои къ деревушкѣ. На порогѣ маленькой гостиницы я засталъ самого трактирщика и, заказавъ себѣ завтракъ, навелъ разговоръ на домъ.

— Въ немъ, кажется, нечисто? спросилъ я.

Трактирщикъ взглянулъ на меня, покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Я ничего такого не говорилъ.

— Такъ стало быть въ немъ все таки не совсѣмъ ладно?

— Ужъ коли сказать правду, воскликнулъ трактирщикъ въ припадкѣ откровенности, имѣвшей характеръ какой-то отчаянности:—я бы въ немъ ни за что не остался ночевать.

— Почему же такъ?

— А потому, что если кому любо, чтобы всѣ колокольчики въ домѣ звенѣли сами собою и всѣ двери хлопали тоже сами собою и повсюду слышались чьи-то шаги, — а чьи, про то Господь вѣдаетъ,—ну, тотъ пускай себѣ ночуетъ тамъ на здоровье.

— Ну, а видали въ немъ что нибудь?

Трактирщикъ снова поглядѣлъ на меня и за тѣмъ, съ своимъ прежнимъ отчаяннымъ видомъ крикнулъ, оборотившись къ конюшнѣ: «Айки!»

На этотъ зовъ явился плечистый молодой парень съ круглымъ краснымъ лицомъ, плотно остриженными волосами песочнаго цвѣта, широкимъ улыбающимся ртомъ и вздернутымъ носомъ; одѣтъ онъ былъ въ куртку съ красными полосками и перламутровыми пуговицами, которая, казалось, росла на немъ, такъ что если бы ее не подрѣзывали, то она грозила бы накрыть ему голову и нависнуть поверхъ сапогъ.

— Джентльменъ этотъ желаетъ знать, началъ трактирщикъ, не показываются ли какія привидѣнія въ домѣ, что подъ тополями?

— Видывали тамъ женщину подъ покрываломъ, и съ нею сову, отвѣчалъ Айки съ самымъ бравымъ видомъ.

— Женщину подъ покрываломъ и съ нею сову. Каково!— И ты самъ видѣлъ?

— Я видѣлъ сову.

— Но не женщину?

— Эту-то я не такъ ясно видѣлъ,—только онѣ съ совою всегда другъ подлѣ дружки разгуливаютъ.

— Ну, и другому кому случалось видѣть женщину такъ же ясно какъ и сову?

— Эва, сударь, да мало ли кто ихъ видѣлъ!

— А ты не знаешь, кто эта женщина подъ покрываломъ неразлучная съ совою—или кѣмъ она была при жизни?

— Да слыхалъ я, продолжалъ Айки, комкая въ одной рукѣ

свою шапку, а другою почесывая въ головѣ:—народъ болтаетъ, что она померла не своей смертью, а сова тѣмъ временемъ кричала.

Таковъ былъ крайне бѣдный запасъ фактовъ, которые мнѣ удалось открыть; впрочемъ до свѣдѣнія моего дошло, что одинъ молодой человѣкъ, — такой бравый парень, краше какого мнѣ вѣкъ не видать, — увидавъ женщину подъ покрываломъ, обмеръ, да такъ съ той поры испорченнымъ и остался. Узналъ я также, что женщина эта разъ пять или шесть показывалась одной довольно загадочной личности, которую мнѣ обозначали подъ именемъ «чуднаго малаго,» одноглазаго бродяги, прозывавшагося Джоби, а впрочемъ отвѣчавшаго на кличку: Лѣсовикъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ обыкновенно приговаривалъ: «Лѣсовикъ такъ лѣсовикъ, знайте себѣ свои дѣла, а въ чужія носъ не суйте.» Но что пользы было мнѣ отъ этихъ свидѣтелей? Первый изъ нихъ находился въ Калифорніи, второй же, какъ завѣрялъ меня Айки, и въ этомъ ему поддакивалъ трактирщикъ, который находился вездѣ гдѣ угодно.

Хотя я и взираю съ благоговѣйнымъ и смиреннымъ ужасомъ на тайны, недоступныя намъ въ настоящемъ, еще неизмѣненномъ составѣ нашего существа, и хотя я вовсе не питаю дерзкаго притязанія что либо смыслить въ нихъ, тѣмъ не менѣе я не вижу возможности согласить такія явленія, какъ хлопанье дверей, звонъ колокольчиковъ, скрыпъ половъ и тому подобные вздоры съ тѣмъ величавымъ и строго гармоническимъ порядкомъ мірозданія, законы котораго доступны моему разумѣнію; такъ, не задолго передъ тѣмъ, непостижимою аномаліею казалось мнѣ въ виду восходящаго солнца ясновидѣнье моего сосѣда въ вагонѣ. Къ тому же мнѣ уже два раза приходилось жить въ проклятыхъ домахъ, оба раза за границей. Въ одномъ изъ нихъ, итальянскомъ палаццо, пользовавшемся самою худою славою и не задолго передъ тѣмъ по этой самой причинѣ дважды утратившемъ своихъ жильцовъ, я провелъ какъ нельзя пріятнѣе и спокойнѣе цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ; а между тѣмъ этотъ домъ обладалъ десятками двумя таинственныхъ спаленъ, въ которыхъ никто не спалъ; кромѣ того въ нихъ была, рядомъ съ

моей спальней, просторная комната, въ которой я читывалъ безчисленное множество разъ во всѣ часы дня и ночи—и эта то комната слыла за любимѣйшую резиденцію домовыхъ. Я скромно намекнулъ трактирщику на всѣ эти соображенія. Что же касалось до дурныхъ слуховъ, ходившихъ о домѣ, предметѣ настоящаго нашего разговора, я пустился съ нимъ въ такого рода разсужденія:—Что жъ! мало ли про что на свѣтѣ ходятъ незаслуженно худые слухи? Да и мудрено ли пустить по свѣту худую молву? Представьте напримѣръ себѣ, что мы съ вами станемъ неутомимо разглашать по деревнѣ шопотомъ, что какой нибудь пьяный мѣдникъ неблагообразной наружности продалъ свою душу чорту; — вѣдь кончится дѣло тѣмъ, что всѣ начнутъ подозрѣвать его въ совершеніи подобнаго рода торговой сдѣлки.—Но всѣ эти благоразумныя рѣчи не возымѣли никакого дѣйствія на трактирщика, и я долженъ сознаться, что ни разу въ жизни не потерпѣлъ еще болѣе полнаго пораженія. Чтобы покончить съ этою частью моего разсказа, скажу вамъ, что проклятый домъ задѣлъ меня за живое и я уже на половину рѣшился нанять его. И такъ послѣ завтрака я досталъ отъ него ключи и направился къ нему въ сопровожденіи Айки и трактирщика.

Внутренность зданія, какъ я и ожидалъ, оказалась страшно унылою. Медленно измѣнявшіяся тѣни, падавшія на него съ густыхъ деревьевъ, навѣвали невыносимую тоску; мѣсто для дома было неудачно выбрано, да и самъ онъ былъ дурно построенъ, дурно планированъ, дурно отдѣланъ; въ немъ было сыро и не было недостатка въ плѣсени; всюду пахло крысами; словомъ, домъ представлялъ всѣ мрачные признаки того распаденія, которому подпадаетъ дѣло рукъ человѣческихъ каждый разъ, какъ оно перестаетъ служить на пользу самому человѣку. Кухни и службы были слишкомъ велики и отстояли другъ отъ друга слишкомъ далеко. На верху и внизу безполезныя проходныя пространства раздѣляли комнаты, оазисами лежавшія между ними; у подошвы черной лѣстницы пріютился, подобно предательской западнѣ, ветхій чуланъ, заросшій зеленою плѣсенью, а надъ нимъ красовался двойной рядъ колокольчиковъ. Надъ однимъ изъ этихъ коло-

кольчиковъ было надписано бѣлыми, полустертыми буквами по черному фону: «Барчукъ Б.» Какъ мнѣ сказали, этотъ колокольчикъ звонилъ всѣхъ усерднѣе.

— Что это былъ за барчукъ Б? спросилъ я:—не знаете ли вы, что онъ дѣлалъ въ то время, когда кричала сова?

— Звонилъ въ колокольчикъ, отвѣчалъ Айки.

Быстрота, съ которою этотъ молодой человѣкъ набросилъ на колокольчикъ свою мѣховую шапку и позвонилъ въ него, нѣсколько поразила меня; звукъ этого колокольчика былъ громкій, непріятный и производилъ тяжелое впечатлѣніе. Остальные колокольчики обозначались названіями тѣхъ комнатъ, въ которыя были проведены отъ нихъ проволоки; напр. картинная комната, двойная комната, комната со стѣнными часами и т. д. Прослѣдивъ колокольчикъ барчука Б. до самаго его источника, я нашелъ, что юноша этотъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень и очень незавидное помѣщеніе въ видѣ трехугольной конурки, подъ самымъ чердакомъ; въ углу этой каморки помѣщался каминъ, у котораго барчукъ Б. могъ грѣться только въ томъ случаѣ, если онъ былъ необычайно малаго роста; отъ камина же шелъ вплоть до потолка наличникъ въ формѣ пирамидальной лѣстницы, по которой могъ карабкаться развѣ Томъ Пусъ. На одномъ концѣ комнаты обои упали цѣликомъ вмѣстѣ съ обломками приставшей къ нимъ штукатурки и почти загромоздили входъ. По видимому, барчукъ Б. въ одухотворенномъ своемъ состояніи считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ сдирать обои. Ни трактирщикъ, ни Айки не могли объяснить мнѣ, съ какой стати онъ разыгрывалъ изъ себя такого шута.

Оказалось еще, что домъ обладаетъ огромнымъ чердакомъ, и за тѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ открытій я не сдѣлалъ. Онъ былъ изрядно, но скупо меблированъ; часть мебели — приблизительно третья доля—была ровесница дому; остальная принадлежала различнымъ періодамъ текущаго столѣтія. Мнѣ указали на одного хлѣбнаго торговца, проживавшаго на рынкѣ въ главномъ городѣ графства, какъ на лице, съ которымъ мнѣ предстояло заключить условіе по найму дома. Я отправился къ нему немедленно и снялъ домъ на шесть мѣсяцевъ.

Въ половинѣ октября переѣхалъ я на новую квартиру вмѣстѣ съ моей незамужней сестрою (она такъ красива, умна и очаровательна, что я не рѣшаюсь дать ей болѣе тридцати восьми лѣтъ). Съ нами были глухой конюхъ, моя охотничья собака Турокъ, двѣ служанки и въ придачу къ нимъ молодая дѣвушка по прозванію: «чудная дѣвка». Я не безъ причины упоминаю объ этой послѣдней прислужницѣ отдѣльно—-она была взята изъ пріюта св. Лаврентія для сиротъ женскаго пола; оказалось, что мы сдѣлали въ выборѣ ея роковую ошибку и навязали себѣ на шею порядочную обузу.

Осень въ тотъ годъ наступила рано, листья быстро осыпались, въ день нашего переѣзда погода была ненастная и холодная, и угрюмый домъ смотрѣлъ еще угрюмѣе. Кухарка, (женщина добродушная, но съ весьма слабыми мыслительными способностями) осмотрѣвъ кухню, залилась слезами и стала просить, чтобы въ случаѣ, если съ ней что приключится отъ сырости, серебряные часы ея были доставлены ея сестрѣ, (проживающей въ Топпингтонъ-Гарденсъ квартира N 2). Стрикеръ, горничная, прикидывалась веселой, но тѣмъ сильнѣе страдала въ тайнѣ. Одна «чудная дѣвка,» отъ роду не бывавшая еще въ деревнѣ, была въ духѣ и дѣлала всѣ нужныя приготовленія, чтобы посѣять жолудь въ томъ мѣстѣ сада, куда выходило окно черной кухни,—она, видите ли, собиралась растить дубъ.

Еще за свѣтло мы успѣли переиспытать всѣ естественныя бѣдствія, сопряженныя съ нашимъ водвореніемъ,—я говорю естественныя, противупоставляя имъ сверхъестественныя. Дурныя вѣсти поднимались клубами (подобно дыму) съ нижняго этажа и спускались съ верхнихъ комнатъ. Оказался недостатокъ въ скалкѣ, недостатокъ въ саламандрѣ (послѣднее, впрочемъ, не огорчило меня, такъ какъ я не знаю, что это за штука), словомъ въ домѣ ничего не было, а что и было, то было переломано—видимо послѣдніе жильцы жили какъ свиньи. Среди всѣхъ этихъ напастей одна «чудная дѣвка» являла примѣръ веселости. Но, часа четыре послѣ того какъ стемнѣло, мы попали въ колею сверхъестественности: «чудной дѣвкѣ» привидѣлись «глаза» и она по этому случаю разразилась истерикой. Мы съ сестрою условились никому не го-

ворить ни слова о томъ, что въ домѣ пошаливаютъ домовые. Мнѣ сдавалось и по сю пору сдается, что я ни на минуту не оставлялъ Айки, помогавшаго таскать поклажу съ возовъ, наединѣ съ женщинами. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, чудной дѣвкѣ привидѣлись «глаза» (никакого другаго объясненія отъ нея не было возможности добиться). Это случилось въ девятомъ часу; къ десяти же часамъ на нее было вылито такое количество уксусу, какого достаточно было бы для мариновки изрядной величины семги.

Предоставляю догадливому читателю судить о томъ, каковы были мои чувства, когда, среди этихъ критическихъ обстоятельствъ, часу въ одинадцатомъ, колокольчикъ барчука Б. началъ звонить самымъ неистовымъ образомъ, а Турокъ завылъ на весь домъ.

Надѣюсь, что мнѣ никогда болѣе не придется испытать того нехристіанскаго состоянія духа, въ которомъ я пребывалъ нѣсколько недѣль, проклиная память барчука Б. Не знаю, что приводило въ сотрясеніе его колокольчикъ: были ли то крысы, мыши, летучія мыши или вѣтеръ; было ли то какое случайное сотрясеніе, участвовала ли тутъ то та, то другая причина поперемѣнно или сочетаніе нѣсколькихъ причинъ; знаю только фактъ, что онъ звенѣлъ изъ трехъ ночей по двѣ, пока я не напалъ на счастливую мысль свернуть барчуку Б., шею, другими словами, снять его колокольчикъ; этимъ способомъ я заставилъ замолчать вышеупомянутаго юношу, сколько мнѣ извѣстно, и какъ я твердо вѣрю — на вѣки.

Но къ этому времени «чудная дѣвка» оказала такіе успѣхи въ каталепсіи, что успѣла сдѣлаться замѣчательнымъ явленіемъ въ ряду страдальцевъ, одержимыхъ этой весьма непріятною болѣзнью. По самому незначительному поводу она коченѣла — ни дать ни взять какъ новый Гай-Фауксъ, одаренный отсутствіемъ здраваго разсудка. Пробовалъ я образумить прислугу помощью самыхъ ясныхъ доводовъ: я представлялъ имъ, что стоило мнѣ выкрасить комнату барчука Б. — и проказы съ обоями прекратились сами собою; стоило мнѣ снять колокольчикъ — и звонъ унялся; потомъ я выставлялъ имъ на видъ, что если бы этотъ прокля

дѣйствительно жилъ и умеръ въ свое время, и могъ заявлять о себѣ такого рода поведеніемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго, если бы онъ еще сохранялъ бренный составъ своего тѣла, было бы короткое ознакомленье его съ самыми колючими составными частями березоваго вѣника — можно ли было допустить въ такомъ случаѣ, чтобы я, слабый смертный, могъ такими ничтожными средствами противодѣйствовать могуществу духовъ усопшихъ, или вообще какихъ бы то ни было духовъ? — Въ своихъ увѣщаніяхъ я доходилъ до убѣдительнаго, увлекательнаго краснорѣчія, къ которому примѣшивалась малая толика самодовольства, но всѣ труды мои обращались въ ничто, благодаря «чудной дѣвкѣ», которая вдругъ падала въ судорогахъ, начинавшихся съ ногъ и восходившихъ все выше и выше, пока онѣ не превращали ее въ подобіе окаменѣлости.

Стрикеръ, горничная, въ свою очередь обладала особенностью самаго неутѣшительнаго свойства. Не умѣю, право, рѣшить — была ли то вина необычайно лимфатическаго темперамента или другой какой немощи, только молодая эта особа превратилась въ настоящій аппаратъ для дистиллировки самыхъ крупныхъ и прозрачныхъ слезъ, когда либо видѣнныхъ мною. Впрочемъ, не одними этими качествами отличались ея слезы, а также и необыкновенною силою цѣпкости: онѣ не падали, а оставались нависшими у нея на лицѣ и на носу. Видя ее въ такомъ положеніи, грустно покачивавшею головою и хранившею глубокое молчаніе, я больше терялся, чѣмъ если бы какой удалецъ вступилъ со мною въ словопреніе по поводу моего денежнаго кошелька. Кухарка тоже покрывала меня смущеніемъ, яко-бы ризою, ловко вставляя въ концѣ бесѣды жалобу, что ей мочи нѣтъ, и кротко повторяя свои предсмертныя распоряженія касательно серебряныхъ часовъ.

О нашемъ ночномъ существованіи и говорить нечего; въ среду нашу проникла зараза недовѣрія и страха, — а нѣтъ во всей поднебесной болѣе опасной заразы. Послушать разсказовъ — такъ мы были въ сосѣдствѣ не одной женщины подъ покрываломъ, а цѣлаго монастыря такихъ женщинъ. Что же касается различныхъ шумовъ, то зараза эта успѣла проникнуть въ нижній этажъ и самъ я, сидя въ мрачной гостинной,

прислушивался до тѣхъ поръ, пока мнѣ не начинали мерещиться самые разнообразные и странные звуки; отъ нихъ кровь застывала въ жилахъ, и чтобы согрѣть ее, я кидался какъ угорѣлый узнать въ чемъ дѣло. Начните прислушиваться лежа въ постели въ предутренніе часы, или же сидя у своего уютнаго очага при наступленіи ночи, и, ручаюсь, любой домъ наполнится по вашему желанію разными звуками, такъ что на каждый нервъ въ вашей нервной системѣ придется по звуку.

Повторяю, зараза страха и напряженнаго ожиданія проникла къ намъ, а нѣтъ болѣе страшной заразы во всей поднебесной. Женщины, (носы которыхъ украсились, вслѣдствіе нюханія спиртовъ, хроническими ссадинами) походили въ нѣкоторомъ родѣ на огнестрѣльныя оружія, постоянно заряженныя и готовыя для выстрѣла: стоило, когда угодно, чуть чуть нажать курокъ, чтобы воспослѣдовалъ залпъ; другими словами—обморокъ. Двѣ старшія служанки постоянно командировали «чудную дѣвку» въ такія экспедиціи, которыя, почему либо, считались сопряженными съ особенными опасностями, и чудная дѣвка ни разу не преминула подтвердить основательность этихъ предубѣжденій, возвращаясь каждый разъ въ нервномъ припадкѣ. Если по наступленіи ночи мы слышали надъ головами своими шаги кухарки или горничной, то мы уже знали, что вскорѣ вслѣдъ за ними раздастся стукъ о потолокъ, что неминуемо и случалось; можно было подумать, что какой нибудь господинъ съ воинственными наклонностями подрядился расхаживать по дому и награждать каждаго встрѣчнаго домочадца извѣстнаго рода ударомъ, пріемъ котораго, если не ошибаюсь, обозначается на фехтовальномъ языкѣ особымъ терминомъ.

Пособить бѣдѣ не было никакой возможности.

Наконецъ мы смѣнили слугъ, но отъ этого намъ стало не легче. Новая прислуга разбѣжалась, явилась третья смѣна, но и съ той случилось тоже самое. Наконецъ наше хозяйство, которое шло бывало такъ хорошо, впало въ такое плачевное разстройство, что я однажды вечеромъ съ грустью сказалъ сестрѣ:

— Патти, я отчаяваюсь найти слугъ, которые бы ужились

у насъ въ этомъ домѣ, и думаю, что намъ надо будетъ съѣхать.

Сестра моя, которая у меня молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, отвѣчала:

— Нѣтъ, Джонъ, не съѣзжай. Съумѣй поставить на своемъ, для этого существуетъ еще одинъ способъ.

— Какой же это способъ? спросилъ я.

— Джонъ, продолжала моя сестра, если уже мы съ тобой положили себѣ разъ навсегда, что ни за что на свѣтѣ не выѣдемъ изъ этого дома, то мы должны обходиться сами собою и все хозяйство взять на свое попеченіе.

— Но слуги... возразилъ я.

— Мы не будемъ держать слугъ, отвѣчала она съ неустрашимостью.

Подобно многимъ другимъ представителямъ моего сословія, я ниразу не подумалъ о возможности обойтись безъ этихъ стѣснительныхъ сожителей. Мысль, поданная мнѣ, была такъ нова, что я могъ только выразить на лицѣ своемъ крайнее недоумѣніе.

— Вѣдь мы очень хорошо знаемъ, продолжала сестра, что поступая къ намъ, они настроены ко всевозможнымъ ужасамъ, и готовы заразить ими другъ друга. И точно, они пугаются и передаютъ свой испугъ другимъ...

— За исключеніемъ Ботльса, замѣтилъ я въ раздумьи (такъ звали глухаго конюха. Я держалъ его у себя въ услуженіи и по сю пору держу за его феноменальную угрюмость, равную которой вы не найдете въ цѣлой Англіи.)

— Твоя правда, Джонъ, подтвердила моя сестра: — за исключеніемъ Ботльса. И что же этимъ доказывается? Ботльсъ ни съ кѣмъ не говоритъ и слышитъ только то, что ему кричатъ надъ самимъ ухомъ; за то бывали ли примѣры, чтобы Ботльсъ поддался чужому испугу или самъ поднималъ тревогу? Ни разу.

Это была сущая правда. Индивидуумъ, о которомъ шелъ разговоръ, каждый вечеръ въ десять часовъ удалялся въ каретный сарай, гдѣ помѣщалось его логовище, и при этомъ ничего не бралъ съ собою кромѣ вилъ и ведра воды. Ни на одну изъ тревогъ, то и дѣло поднимавшихся у насъ, Ботльсъ не

обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Сидитъ бывало за ужиномъ—рядомъ Стрикеръ лежитъ въ обморокѣ и «чудная дѣвка» являетъ изъ себя подобіе каменной статуи, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало—набираетъ полонъ ротъ картофелю или же, обращая въ свою пользу общее бѣдствіе, лакомится пирогомъ съ говяжьей начинкой.

— И такъ, продолжала сестра, Ботльса я исключаю. Но, Джонъ, такъ какъ домъ слишкомъ великъ и, отчасти, стоитъ слишкомъ уединенно, чтобы мы могли съ нимъ управиться втроемъ, — то я вотъ что предлагаю: поищемъ между нашими добрыми знакомыми, выберемъ нѣсколько человѣкъ надежныхъ и сговорчивыхъ и пригласимъ ихъ съѣхаться къ намъ мѣсяца на три и составить общество взаимнаго услуженія. Намъ всѣмъ вмѣстѣ будетъ весело, а тамъ увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Предложеніе сестры привело меня въ такое восхищеніе, что я тутъ же расцѣловалъ ее и принялся дѣятельно хлопотать объ осуществленіи ея плана.

Въ то время шла третья недѣля ноября, но мы приняли такія энергичныя мѣры и встрѣтили въ друзьяхъ, на которыхъ мы положились, такое усердное содѣйствіе, что до истеченія того же мѣсяца оставалась еще цѣлая недѣля, какъ уже все наше общество съѣхалось въ самамъ веселомъ настроеніи духа и расположилось въ проклятомъ домѣ.

Тутъ я долженъ упомянуть о двухъ маленькихъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ мною, пока мы съ сестрою оставались еще одни. Пришло мнѣ на мысль, что Турокъ, очень можетъ статься, отчасти и потому воетъ по ночамъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ въ заперти; и такъ я перевелъ его въ конуру, находившуюся на дворѣ, спустилъ съ цѣпи и предупредилъ по деревнѣ, что всякій, кто подойдетъ къ нему слишкомъ близко, навѣрнякъ вернется съ прокушеннымъ горломъ. Потомъ я какъ будто невзначай спросилъ Айки, знаетъ ли онъ толкъ въ ружьяхъ? На увѣреніе его, что онъ «хорошее ружье сумѣетъ отличить отъ дурного», я пригласилъ его войти въ домъ и осмотрѣть мое: — Это, сударь, скажу вамъ, настоящее ружьецо, замѣтилъ Айки, осмотрѣвъ двустволку, купленную

мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Нью-Iоркѣ. Это недастъ промаху.

— Айки, заговорилъ я: — открою тебѣ по секрету: мнѣ въ этомъ домѣ являлось привидѣнiе.

— Неужто, сэръ? спросилъ онъ шопотомъ, жадно раскрывая глаза: — ужъ не женщина ли въ покрывалѣ?

— Не пугайся только, продолжалъ я:—привидѣнiе было какъ будто твой двойникъ.

— Съ нами сила крестная!

— Айки, сказалъ я, крѣпко, даже дружески пожимая ему руку:—если только всѣ эти росказни про домовыхъ не бабьи выдумки, то величайшая услуга, которую я только могу оказать тебѣ, будетъ всадить добрый зарядецъ въ твоего двойника; и я это сдѣлаю,—ручаюсь тебѣ, — изъ этого самаго ружья, какъ только онъ опять попадется мнѣ на глаза.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ меня и распростился нѣсколько поспѣшно, отказавшись даже выпить стаканъ ликера. У меня были свои причины, по которымъ я открылъ ему свою тайну: у меня никакъ не хотѣло изгладиться изъ памяти то обтоятельство, что онъ набросилъ шапку на колокольчикъ; надо же было случиться впослѣдствiи, что однажды ночью, когда этому колокольчику припала охота звонить, я замѣтилъ неподалеку отъ него предметъ, очень похожiй на мѣховую шапку; замѣтилъ я также, что самый разгулъ шабаша совпадалъ съ вечерами, которые онъ приходилъ посидѣть съ прислугою, чтобы придать ей бодрости.

Впрочемъ, я не хочу быть несправедливымъ въ отношенiи Айки. — Онъ искренно боялся этого дома и вѣрилъ, что въ немъ шалитъ нечистая сила; а между тѣмъ онъ выжидалъ только случая, чтобы сплутовать въ пользу укоренившагося повѣрiя. Тоже самое было и съ «чудною дѣвкой»: она въ неподдѣльномъ ужасѣ ходила по дому, а между тѣмъ безобразно и сознательно лгала, не разъ поднимала преднамѣренно фальшивую тревогу и сама гремѣла, чтобы напугать насъ. Я наблюдалъ за обоими и положительно зналъ, что это было такъ. Не мѣсто здѣсь изслѣдовать причины этого страннаго, психическаго явленiя; я удовольствуюсь тѣмъ, что сошлюсь на медиковъ, юристовъ и другихъ; каждому смышленому чело-

вѣку, занятія котораго изощряли способность наблюдательности, это явленіе должно быть хорошо знакомо. Подобное состояніе духа такой же несомнѣнный и обыденный фактъ, какъ и любое другое настроеніе, подмѣченное наблюдателями; его-то, во всѣхъ вопросахъ подобнаго рода, и слѣдовало бы прежде всего принимать въ соображеніе.

Но возвратимся къ нашему обществу. Первымъ нашимъ дѣломъ послѣ того какъ мы всѣ оказались на лицѣ, было—распредѣлить между собою спальни по жеребью. Исполнивъ это и осмотрѣвъ всей компаніей не только каждую спальню, но и весь домъ, мы приступили къ распредѣленію между собою различныхъ хозяйственныхъ обязанностей, поступая точь въ точь, какъ если бы мы вели кочевой образъ жизни, или были на охотѣ, или потерпѣли кораблекрушеніе. Потомъ я сообщилъ разные слухи, ходившіе о женщинѣ подъ покрываломъ, о совѣ, о барчукѣ Б., а такъ же и другіе, еще болѣе туманные, какъ то о какомъ-то смѣшномъ призракѣ старухи, бродившемъ взадъ и впередъ по лѣстницамъ и таскавшемъ съ собою призрачный же круглый столъ, а такъ же о какомъ-то безплотномъ шутѣ, котораго никому еще не удавалось поймать. Многія изъ этихъ вѣрованій,—я твердо убѣжденъ въ этомъ,—наши слуги сообщали другъ другу подобно тому какъ сообщается зараза,—безъ посредства слова. Потомъ мы торжественно засвидѣтельствовали другъ передъ другомъ, что собрались сюда не за тѣмъ, чтобы морочить, или быть обмороченными, что въ нашихъ глазахъ было почти одно и тоже. Сознавая лежащую на насъ отвѣтственность, мы обязывались оставаться вѣрными самимъ себѣ и строго изслѣдовать истину. Мы сговорились, чтобы каждый, кому послышится ночью какой нибудь необыкновенный шумъ, причину котораго онъ пожелаетъ узнать, постучался ко мнѣ въ дверь; наконецъ было рѣшено, чтобы въ крещенье, въ послѣдній день святокъ, каждый изъ насъ довелъ до всеобщаго свѣдѣнья, для общаго назиданья, результатъ своихъ личныхъ опытовъ за послѣднее время, считая со дня нашего общаго водворенія въ проклятомъ домѣ; до тѣхъ поръ положено было молчать, если только не представится какого нибудь особеннаго уважительнаго повода нарушить этотъ уговоръ.

Вотъ вамъ перечень и характеристика членовъ нашего общества:

Во первыхъ—мы съ сестрою; при киданьи жеребія, сестрѣ досталась ея комната, мнѣ же комната барчука Б. За ними слѣдовалъ нашъ двоюродный братъ, Джонъ Гершель, названный такъ въ честь великаго астронома: я убѣжденъ, что лучшаго человѣка еще не видывали у телескопа. Съ нимъ была его жена, — очаровательное созданіе, — на которой онъ женился весною того же года. Я былъ того мнѣнія (принимая въ соображеніе нѣкоторыя обстоятельства), что не совсѣмъ благоразумно было брать ее съ собою; потому что нельзя ручаться за послѣдствія фальшивой тревоги въ такое время; но полагаю, что онъ лучше меня зналъ что дѣлать и я долженъ сознаться, что, будь она моей женою, я ни за что бы не могъ оторваться отъ этого яснаго личика, дышавшаго любовью. Имъ досталась комната съ часами. Альфредъ Старлингъ, милѣйшій, двадцати восьмилѣтній юноша, къ которому у меня почему-то особенно лежитъ сердце, занялъ «двойную комнату,» которая прежде была моею; комната эта получила свое названіе оттого, что въ ней вмѣщалась уборная, съ двумя огромными окнами, рамы которыхъ, сколько я ни подпиралъ ихъ клиньями, не переставали дребезжать во всякую погоду, какъ при вѣтрѣ, такъ и въ безвѣтріе. Альфредъ выдаетъ себя за порядочнаго развратника, но онъ слишкомъ умный и хорошій малый, чтобы быть имъ на дѣлѣ; вѣроятно онъ давно уже заявилъ бы себя чѣмъ нибудь путнымъ, но вся бѣда въ томъ, что отецъ оставилъ ему небольшое независимое состояніе, фунтовъ въ двѣсти годового дохода, вслѣдствіе чего единственнымъ его занятіемъ до сихъ поръ было—проживать по шести сотъ фунтовъ. Впрочемъ, я утѣшаю себя надеждою, что банкиръ его обанкрутится или онъ соблазнится принять участіе въ спекуляціи, гарантирующей двадцати процентный доходъ, потому что, я убѣжденъ, — стоитъ ему раззориться и его карьера сдѣлана. Белиндѣ Бетсъ, лучшей пріятельницѣ моей сестры, даровитой, восхитительной молодой дѣвушкѣ, выпала на долю «картинная комната.» Белинда соединяетъ замѣчательный поэтическій талантъ съ дѣльностью и положительностью и «стоитъ» по выраженію Альфреда, за

назначенiе женщины, за права женщины, за реабилитацiю женщины, словомъ, принимаетъ участiе во всемъ, въ чемъ попадается слово «женщина», во всемъ, что должно бы было быть, но чего еще нѣтъ, или же что существуетъ, хотя и не должно бы существовать.

Итакъ, Белинда заняла картинную комнату. Оставалось еще три комнаты въ запасѣ: угольная, шкапная, и садовая. Старый мой другъ, Джекъ Гаверноръ, «развѣсилъ, говоря его словами, свою койку» въ угловой комнатѣ. Я всегда зналъ Джека красивѣйшимъ морякомъ въ цѣломъ флотѣ. Онъ привезъ съ собою въ нашъ проклятый домъ небольшой боченокъ солонины и нѣкоего «Ната Бивера», стариннаго своего товарища и капитана торговаго судна. Лицо и сложенiе мистера Бивера изъ тѣхъ, про которыя говорится: плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ; онъ, казалось, былъ сдѣланъ изъ цѣльнаго куска твердаго дерева, но оказался впослѣдствiи очень неглупымъ человѣкомъ, видавшимъ всякiе виды и обладавшимъ замѣчательными практическими познанiями. Порою въ немъ была замѣтна какая-то странная нервность, видимо остатокъ давнишней болѣзни, но она обыкновенно продолжалась недолго. Онъ поселился въ шкапной комнатѣ, по сосѣдству съ моимъ другомъ и клiентомъ, мистеромъ Ондери, который прiѣхалъ въ качествѣ любителя раздѣлить съ ними предстоящiя приключенiя.

Джекъ Гаверноръ, отличавшiйся вездѣ изумительной находчивостью, былъ у насъ главнымъ поваромъ и угощалъ насъ такими блюдами, вкуснѣе которыхъ я ничего въ жизни не ѣдалъ. Сестра моя занималась пекарнымъ и кандитерскимъ дѣломъ. Мы съ Альфредомъ Старлингомъ исполняли должность поваренковъ, въ случаяхъ же особенной важности главный поваръ завербовывалъ мистера Бивера. Мы предавались разнымъ забавамъ и упражненiямъ на открытомъ воздухѣ, но домашнее дѣло шло своимъ чередомъ; всѣ мы жили дружно и весело, и вечера наши проходили такъ прiятно, что не мудрено, что мы не охотно расходились по своимъ комнатамъ.

Въ самомъ началѣ у насъ нѣсколько разъ по ночамъ поднималась тревога. Въ первую ночь ко мнѣ постучался Джекъ, державшiй въ рукахъ корабельный фонарь какого-то необыкно-

веннаго устройства, напоминавшій жабры какого нибудь морского чудовища; Джекъ объявилъ мнѣ, что собирается вскарабкаться на «гротъ-марсъ» съ тѣмъ, чтобы снять флюгеръ. Ночь была ненастная, и я попробовалъ возразить. Но Джекъ выставилъ мнѣ на видъ то обстоятельство, что флюгеръ этотъ издаетъ звукъ, похожій на вопль отчаянья, и заключилъ, что если не унять его, то кто нибудь непремѣнно приметъ этотъ звукъ за вой домового. И такъ мы отправились на крышу въ сопровожденіи мистера Бивера; между тѣмъ какъ я едва могъ устоять на ногахъ противъ вѣтра, Джекъ съ фонаремъ въ рукахъ, а за нимъ и мистеръ Биверъ вскарабкались на самую маковку купола, возвышавшагося футовъ на двѣнадцать надъ трубами. Тамъ, ужъ богъ ихъ знаетъ на чемъ они держались, только они продолжали съ величайшимъ хладнокровіемъ сшибать флюгеръ; вѣтеръ и высота поста такъ пришлись имъ по сердцу, что я готовъ былъ думать, что они такъ тамъ и останутся. На другую ночь они тоже ходили походомъ, на этотъ разъ противъ печной трубы. Потомъ они порѣшили водосточную трубу, которая завывала слишкомъ громко; а тамъ напали еще на какое-то открытіе. Случалось не разъ, что оба они съ величайшимъ хладнокровіемъ одновременно открывали по окну каждый въ своей спальнѣ съ тѣмъ, чтобы «перекричать» какого нибудь таинственнаго посѣтителя, затаившагося въ саду.

Мы свято хранили наше взаимное условіе и никто не заикался о видѣнномъ и слышанномъ имъ. Одно не подлежало для насъ никакому сомнѣнію: если къ кому изъ насъ и навѣдывались въ комнату домовые, то это нисколько не вліяло на его хорошее расположеніе духа. Настало Рождество и мы отпраздновали его роскошнымъ ужиномъ (всѣ поголовно участвовали въ изготовленіи пуддинга). Настало крещенье — и мы наготовили всякихъ лакомствъ въ такомъ запасѣ, что ихъ достало на все время нашего сожительства; пирогъ нашъ удался на славу. И тутъ-то, между тѣмъ какъ всѣ сидѣли вокругъ стола у камелька, я напомнилъ о заключенномъ между нами условіи: — первый призракъ, вызванный мною былъ:

Призракъ комнаты со стѣнными часами.

Двоюродный мой братъ Джонъ Гершель слегка покраснѣлъ, затѣмъ слегка поблѣднѣлъ и объявилъ, что не хочетъ отпираться—въ комнатѣ его дѣйствительно показывался призракъ. То былъ призракъ женщины. На вопросъ, предложенный нѣсколькими голосами, имѣлъ ли этотъ призракъ страшный видъ, кузенъ мой притянулъ къ себѣ руку жены и отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ: нѣтъ. На вопросъ — знала ли его жена о появленіи призрака, онъ отвѣчалъ утвердительно.—Говорилъ ли онъ что нибудь?—О да, еще бы!—Что же онъ сказалъ? На этотъ послѣдній вопросъ онъ отвѣчалъ, какъ бы желая выгородить себя, что охотнѣе предоставилъ бы отвѣчать своей женѣ, потому что она исполнила бы это лучше его, но что она взяла съ него обѣщаніе служить посредникомъ призраку и особенно настаивала на томъ, чтобы онъ ничего не утаивалъ; и такъ, онъ сдѣлаетъ свое дѣло по возможности хорошо, предоставляя ей поправлять его ошибки.

— Предположимъ, что призракъ этотъ, добавилъ мой двоюродный братъ, окончательно приступая къ повѣствованію: — никто иной, какъ моя жена, сидящая тутъ между нами. Вотъ ея разсказъ:

«Я еще въ раннемъ дѣтствѣ осталась сиротою на рукахъ шестерыхъ сводныхъ сестеръ, которыя всѣ были старше меня. Послѣ долгой и неослабной дрессировки, я волей неволей подчинилась вліянію чужой, вовсе несродственной съ моей, воли; росла я настолько же дѣтищемъ старшей моей сестры, Барбары, насколько я была дочерью моихъ покойныхъ родителей.

Всѣ частные замыслы, всѣ домашнія деспотическія распоряженія Барбары клонились къ тому, чтобы сестры ея вышли замужъ и, таково было могущество ея одинокой, но непреклонной воли, что каждая изъ нихъ сдѣлала выгодную партію, за исключеніемъ меня, а между тѣмъ на меня возлагала она свои лучшія надежды.

Всѣмъ конечно знакомъ тотъ типъ, въ который я сложилась съ годами, типъ вѣтреной, кокетливой дѣвчонки, исключительное призванье которой состоитъ въ прінскиваньи и заманиваньи выгодныхъ жениховъ. Не было въ сосѣдствѣ почти ни одного молодого человѣка, съ которымъ бы я не пококетничала. Послѣ семилѣтняго упражненія въ этомъ ремеслѣ, я отпраздновала двадцать пятую годовщину своего рожденія, а цѣль моя между тѣмъ, все-таки не была достигнута. Наконецъ, терпѣніе Барбары лопнуло.

— Стелла, сказала она торжественно:—тебѣ уже минуло двадцать пять лѣтъ; всѣ твои сестры въ эти годы были давно уже пристроены, а между тѣмъ ни одна изъ нихъ не обладала твоими талантами и красотою. Но я должна откровенно тебѣ сказать, что эти условія успѣха начинаютъ измѣнять тебѣ и что если ты не приложишь должныхъ стараній, то останешься не при чемъ. Сколько я замѣтила, ты сдѣлала одинъ важный промахъ, о которомъ я до сихъ поръ не говорила тебѣ ни слова: во-первыхъ, ты кокетничаешь черезчуръ ужъ открыто и безъ разбору, а во-вторыхъ ты какъ-то умѣешь поднять на смѣхъ человѣка въ ту самую минуту, какъ онъ начинаетъ о тебѣ думать серьезно; а именно въ умѣньи воспользоваться этою серьезностью и лежитъ весь секретъ удачи. Я бы могла насчитать тебѣ съ полдюжины отличныхъ партій, которыя ты упустила, разсмѣявшись не во время. Уязви только самолюбіе мужчины, Стелла, и тебѣ вѣкъ не залечить этой раны.

— Барбара, отвѣчала я застѣнчиво:—между тѣми людьми, съ которыми я сходилась, мнѣ не случалось встрѣтить человѣка, на котораго я могла бы смотрѣть съ уваженіемъ, и, — мнѣ почти стыдно выговаривать это слово, — съ любовью.

— Я нисколько не удивляюсь, что тебѣ стыдно его выговорить, строго замѣтила Барбара. —Не можешь же ты въ твои годы влюбиться, какъ семнадцатилѣтняя дѣвочка. Но я тебѣ говорю ясно и положительно: ты должна выйти замужъ во что бы то ни стало; итакъ намъ лучше теперь же начать дѣйствовать заодно. Если ты только выберешь человѣка, я готова помогать тебѣ всѣмъ, чѣмъ только могу; тебѣ

же стоитъ только захотѣть не на шутку и, при твоей ловкости, я и вѣрить не хочу, чтобы ты потерпѣла неудачу.

— Я никого не знаю, кто бы мнѣ нравился, отвѣчала я капризно:—изъ тѣхъ же, которые знали меня прежде, ни одинъ не дастъ себя спутать. Итакъ я поведу аттаку противъ Мартина Фрезера.

Барбара отвѣчала на это рѣшеніе усмѣшкой презрительнаго негодованія.

Будучи послѣдними представителями сельской аристократіи округа, мистеръ Фрезеръ и его сынъ вели строго отшельническую жизнь, избѣгая всякихъ сношеній съ сосѣдями, на гостепріимство которыхъ они не могли отвѣчать. Никто, кромѣ дѣловыхъ посѣтителей, не тревожилъ ихъ уединенія. Старикъ почти не вставалъ съ постели; сынъ же его, какъ говорили, былъ исключительно преданъ научнымъ занятіямъ.

Итакъ не удивительно, что Барбара разсмѣялась; но ея насмѣшка только усилила мою рѣшимость, и самая трудность предпріятія придавала ему занимательность, которой не доставало всѣмъ моимъ прежнимъ похожденіямъ. Я до тѣхъ поръ не отставала отъ Барбары, пока не добилась ея согласія.

— Ты должна написать записку старику мистеру Фрезеру, сказала я ей.—Не упоминай ни слова про его сына, скажи только, что твоя младшая сестра занимается изученіемъ астрономіи, и такъ какъ онъ обладаетъ единственнымъ телескопомъ въ цѣломъ околодкѣ, то онъ премного обязалъ бы тебя, позволивъ мнѣ осмотрѣть его.

Наконецъ Барбара согласилась, и въ одинъ февральскій вечеръ я впервые переступила черезъ порогъ дома Мартина Фрезера, сопровождаемая одною старою служанкою.

Все въ этомъ домѣ дышало какимъ-то глубокимъ спокойствіемъ. Я вошла въ него съ какимъ-то смутнымъ, тревожнымъ чувствомъ неловкости и неправоты. Моя спутница осталась въ прихожей, а меня привели въ библіотеку, и тутъ мною овладѣла такая застѣнчивость, что я готова была обратиться въ бѣгство. Но я вспомнила, что одѣта къ лицу; приэтомъ ко мнѣ возвратилась вся моя самоувѣренность, и я улыбаясь пошла впередъ. Комната, въ которой я очутилась, была низкая, мрачная, съ дубовыми панелями и старинною,

массивною мебелью, которая, при мерцаніи огня, пылавшаго въ каминѣ, бросала отъ себя густыя, причудливыя тѣни; у камина стоялъ не Мартинъ Фрезеръ, котораго я готовилась встрѣтить, а маленькій, странный на видъ ребенокъ, одѣтый какъ взрослая женщина, и являвшій во всѣхъ пріемахъ своихъ не дѣтское самообладаніе и развязность.

— Очень рада васъ видѣть, милости просимъ, проговорила дѣвочка, выступая ко мнѣ на встрѣчу и, взявъ за руку, повела меня къ стулу. Въ прикосновеніи руки ея, охватившей мою, была какая-то особенная твердость; прикосновеніе это выражало какъ бы готовность поддержать меня, руководить мною; тутъ не было и слѣдовъ застѣнчивости и пассивности, столь обыкновенныхъ въ ребенкѣ. Усадивъ меня къ камину, она сама помѣстилась напротивъ меня.

Я проговорила въ замѣшательствѣ нѣсколько словъ, на которыя она отвѣчала. Потомъ я принялась молча и украдкой ее разглядывать. У ногъ ея, скрывавшихся въ длинныхъ складкахъ ея платья, неподвижно лежала большая черная собака, замѣнявшая ей скамейку.

Тонкія черты дѣвочки носили на себѣ выраженіе слегка задумчиваго спокойствія, и это выраженіе еще усиливалось странною привычкою закрывать глаза, привычкою, рѣдко встрѣчаемою у дѣтей.

Это безмолвное нечеловѣчески странное существо, сидѣвшее неподвижно и, съ виду, бездыханно, передъ мерцающимъ огнемъ, навело на меня страхъ, и я рада была, когда дверь отворилась и вошелъ предметъ моего искательства.

Я поглядѣла на него вопросительно, потому что успѣла оправиться отъ сознанія своей неправоты и потѣшалась мыслью, что онъ ничего не подозрѣваетъ о нашихъ видахъ на него. Поднявъ на него глаза, я только думала о томъ, что каштановые мои волоса кудрями оттѣняютъ мое лицо, и что многіе находятъ мои темноголубые глаза выразительными; но когда онъ заговорилъ со мною съ видомъ серьезной озабоченности и вѣжливаго равнодушія, изъ котораго явствовало, что всѣ мои прелести оставались имъ незамѣченными, тогда я съ ужасомъ вспомнила, что ничего не знаю

изъ астрономіи, кромѣ того, чему научилась еще въ школѣ изъ учебника.

Серьезный, строгій человѣкъ началъ такъ:

— Отецъ мой, мистеръ Фрезеръ, совсѣмъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ, но онъ проситъ васъ оказать ему честь вашимъ посѣщеніемъ. Я буду имѣть удовольствіе показать вамъ все, что вы желаете видѣть въ телескопъ, а пока я устанавливаю его, не угодно ли вамъ будетъ поговорить съ батюшкой нѣсколько минутъ, что доставитъ ему большое удовольствіе. Льюси Фрезеръ проводитъ васъ.

Дѣвочка встала и, крѣпко сжавъ мою руку въ своей, повела меня въ кабинетъ старика.

Онъ долго въ меня всматривался и наконецъ сказалъ: — Вы похожи на вашу мать, дитя мое, у васъ ея лицо и глаза; въ васъ нѣтъ ни капли сходства съ вашею сестрою Барбарою. По какому случаю назвали васъ такимъ страннымъ именемъ—Стеллою?

— Отецъ мой назвалъ меня такъ въ честь своего любимаго скакуна, отвѣчала я, въ первый разъ еще давая простое объясненіе этимологіи моего имени.

— Я узнаю въ этомъ вашего отца, разсмѣялся старикъ:—я и лошадь-то какъ теперь вижу передъ собой. Я знавалъ вашего отца такъ же хорошо, какъ знаю моего сына, Мартина. Вѣдь вы видѣли моего сына, сударыня? А вотъ это моя внучка, Льюси Фрезеръ, послѣдній отпрыскъ стараго дерева, потому что сынъ мой врядъ ли когда женится, и мы рѣшились сдѣлать ее своей наслѣдницей. Она навсегда сохранитъ свое имя и сдѣлается родоначальницей новаго поколѣнія Фрезеровъ.

Дѣвочка стояла въ задумчивости, съ смущенными глазами какъ будто уже теперь надъ ней тяготѣли великія заботы и великая отвѣтственность. Старикъ продолжалъ свою болтовню, пока не раздались по всему дому густые звуки органа.

— У дяди все готово, онъ ждетъ насъ, сказала она мнѣ.

Мы остановились у входа въ библіотеку; я придержала Льюси Фрезеръ за плечо и стала вслушиваться въ чудные звуки, лившіеся изъ органа Никогда еще не слыхала я ничего подобнаго; они гудѣли и росли, подобно неумолкающему

плеску морскихъ волнъ; мѣстами же въ нихъ врывалась одинокая, плачущая нота, которая отзывалась во мнѣ несказанною болью. Умолкъ органъ, и я стояла молчаливая и покорная передъ Мартиномъ Фрезеромъ.

Телескопъ былъ вынесенъ на конецъ террасы, гдѣ домъ не могъ пересѣкать нашъ уголъ зрѣнія; туда-то мы съ Льюси послѣдовали за астрономомъ. Мы стояли на самой возвышенной точкѣ незамѣтно повышавшагося пагорья; передъ нами открывался горизонтъ отъ двадцати до сорока миль въ окружности. Надъ нашими головами высился необъятный небесный шатеръ, цѣлое море лазурнаго пространства, о которомъ не имѣютъ и понятія люди, живущіе въ тѣсныхъ улицахъ или между горъ. Миріады мерцающихъ звѣздъ, темная, непроглядная ночь, непривычные для меня голоса моихъ собесѣдниковъ, все это усиливало давившее меня чувство благоговѣйнаго ужаса и, стоя между ними, я стала мало помалу такою же стѣсненною и дѣльно озабоченною, какъ и они сами. Для меня въ эту минуту ничего болѣе не существовало, кромѣ подавляющаго величія природы, открывавшагося передо мною, и величаваго теченія планетъ, наблюдаемыхъ мною въ фокусѣ телескопа. Какою свѣжестью благоговѣнія и восторга повѣяло на меня! Какимъ потокомъ, волна за волною, нахлынули мысли въ мою голову! И какою ничтожною я почувствовала себя въ присутствіи этихъ неизвѣданныхъ міровъ! Подъ этимъ обаяніемъ куда дѣвалась вся моя неестественность! Съ дѣтскимъ смиреніемъ я спросила—могу ли побывать опять въ скоромъ времени?

На взглядъ мой, обращенный къ Мартину Фрезеру, онъ отвѣчалъ пристальнымъ проницательнымъ взглядомъ. Я встрѣтила глаза его спокойно, потому что въ эту минуту думала только о звѣздахъ. Тутъ выраженіе губъ его смягчилось въ ласковую улыбку удовольствія и онъ отвѣчалъ:

— Мы всегда будемъ рады васъ видѣть.

Когда я возвратилась домой, Барбара еще не ложилась спать, дожидаясь меня. Она было хотѣла обратиться ко мнѣ съ какимъ-то житейски-мудрымъ замѣчаніемъ, но я тотчасъ же перебила ее: — ни слова, Барбара! не распрашивай меня ни о чемъ, или нога моя не будетъ больше въ Гольмсѣ.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ. Я стала часто бывать въ этомъ домѣ; мнѣ кажется, что присутствіе мое озаряло подобно солнечному лучу уныло однообразную жизнь мистера Фрезера и Льюси, и разгоняло мракъ, сгущавшійся надъ ними. Я вносила въ ихъ существованіе благодѣтельный элементъ веселья и движенія; и такъ, они привязались ко мнѣ, и я сдѣлалась для нихъ необходимостью. Но и во мнѣ самой совершилась великая, почти невѣроятная перемѣна: я была до сихъ поръ легкомысленна, себялюбива, бездушна; но наука, къ изученію которой я приступила и которая повлекла за собою изученіе другихъ наукъ, пробудила меня отъ всей этой суеты къ умственно дѣятельной жизни. Я совершенно позабыла свою предварительную цѣль; я съ перваго же взгляда увидѣла, что Мартинъ Фрезеръ стоитъ такъ же недостижимо, далеко и самостоятельно, какъ полярная звѣзда. И такъ я стала въ отношеніи его просто прилежною ученицею, а онъ оставался степеннымъ и требовательнымъ наставникомъ, къ которому я не могла иначе относиться, какъ бы самымъ глубокимъ уваженіемъ. Каждый разъ какъ я переступала черезъ порогъ его тихаго дома, вся моя свѣтскость, все мое кокетство спадали съ меня, будто чужая одежда, и я входила какъ будто въ храмъ, простою, естественною и благоговѣйно-настроенною.

Такъ прошло счастливое лѣто и настала осень: было уже восемь мѣсяцевъ, какъ я посѣщала Фрезеровъ и во все это время я ни разу намѣренно не обманула ихъ ни словомъ, ни взглядомъ, ни удареніемъ голоса.

Льюси Фрезеръ и я давно съ нетерпѣніемъ ожидали луннаго затмѣнія, которое предстояло въ первыхъ числахъ октября. Вечеромъ назначеннаго дня въ сумерки я вышла изъ дому одна, раздумывая о предстоявшемъ мнѣ удовольствіи, но въ ту самую минуту, какъ я стала подходить къ Гольмсу, меня нагналъ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я кокетничала въ былыя времена.

— Добраго вечера, Стелла, прокричалъ онъ мнѣ фамильярно: я васъ сто лѣтъ не видалъ. Э, да вы, кажется, теперь гоняетесь за другою дичью? Только не слишкомъ ли высоко вы цѣлитесь? А впрочемъ вамъ теперь какъ разъ повезетъ

счастье; потому что если вы промахнетесь по части Мартина Фрезера, то у васъ останется въ запасѣ Джорджъ Іоркъ, только что вернувшійся изъ Австраліи съ громаднымъ состояніемъ; а онъ горитъ желаніемъ напомнить вамъ кое-какія нѣжности, которыми вы обмѣнялись съ нимъ передъ его отъѣздомъ Еще вчера за обѣдомъ въ гостинницѣ онъ показывалъ намъ прядь вашихъ волосъ.

Я выслушала эти слова; не выражая моихъ чувствъ никакимъ внѣшнимъ знакомъ. Но внутренно меня терзало сознаніе моего унизительнаго положенія; я поспѣшила укрыться въ мое святилище, и тамъ искала облегченія подлѣ малютки Льюси Фрезеръ.

— Я нынче поступила дурно, начала она:—я была неискренна. Мнѣ кажется, что я должна признаться вамъ въ этомъ, чтобы вы не слишкомъ хорошо обо мнѣ думали; но все же я хочу, чтобы вы меня любили по прежнему. Я солгала,—не словами, а дѣломъ.

И Льюси Фрезеръ прижала ко лбу свои тонкіе пальчики и закрыла глаза, погруженная въ бесѣду съ самой собою.— Дядя говоритъ, продолжала она, отрываясь на минуту отъ этой позы и краснѣя какъ взрослая:—что женщины быть можетъ менѣе чистосердечны, чѣмъ мужчины. Потому что, чего онѣ не могутъ достигнуть силою, того достигаютъ хитростью. Онѣ живутъ не по правдѣ, онѣ сами себя обманываютъ. Иногда женщины обманываютъ для забавы. Онъ заставилъ меня выучить слова, которыя я, можетъ быть, со временемъ лучше пойму:

«Будь вѣренъ самому себѣ; и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что ты не сможешь обмануть вѣру другаго человѣка».

Смущенная и безмолвная я стояла передъ дѣвочкой и выслушивала ее съ пылающими щеками.

— Дѣдушка показалъ мнѣ въ Библіи ужасное для меня мѣсто. Слушайте. «Горче смерти для меня та женщина, сердце которой подобно сѣтямъ, и руки которой походятъ на узы: мужъ, боящійся Господа, избѣгнетъ ея, грѣшникъ же подпадетъ ей».

Я закрыла лице руками, хотя и некому было глядѣть на

меня; потому что глаза Льюси Фрезеръ скрылись подъ трепещущими вѣками. И такъ я стояла уличенная и готовая къ самообвиненію, когда чья-то рука коснулась моей руки и голосъ Мартина Фрезера проговорилъ:

— Затмѣніе, Стелла!

Я вздрогнула, когда онъ назвалъ меня по имени, чего до сихъ поръ ни разу не дѣлалъ. Я окончательно растерялась, узнавъ, что Льюси Фрезеръ не пойдетъ съ нами на террасу. Когда Мартинъ Фрезеръ наклонился, чтобы посмотрѣть, ловко ли для меня приложенъ телескопъ, я отшатнулась отъ него и залилась слезами.

— Что это значитъ, Стелла, воскликнулъ онъ. Высказаться ли мнѣ передъ вами теперь же, Стелла?—продолжалъ онъ—пока еще время, пока вы не ушли отъ насъ! Скажите, такъ ли лежитъ къ намъ ваше сердце, какъ наше къ вамъ,—такъ что намъ страшно подумать о той пустотѣ, которую вы оставите по себѣ, удалившись изъ нашего дома? Мы не жили, пока не знали васъ, вы наше здоровье, наша жизнь. Я слѣдилъ за вами, какъ не слѣдилъ еще до сихъ поръ ни за одной женщиной, и я не замѣтилъ въ васъ ни одного порока, моя жемчужина, сокровище мое, звѣзда моя. До сихъ поръ, женщина и обманъ были два понятія неразрывно связанныя въ умѣ моемъ; но въ вашемъ чистомъ сердцѣ живетъ правда. Я знаю, вы этого не ожидали и моя страстность пугаетъ васъ. Но скажите мнѣ прямо: можете ли вы любить меня?

Онъ охватилъ меня руками и голова моя покоилась на груди его, въ которой сердце билось тревожно. Его суровость и мрачность исчезли, — онъ предлагалъ мнѣ все непочатое богатство любви, котораго онъ не расходовалъ на мимолетные капризы. Успѣхъ мой былъ полный; и какъ охотно осталась бы я въ его объятіяхъ! Но тутъ мнѣ вспомнилась Барбара и слова Льюси Фрезеръ зазвенѣла у меня въ ушахъ.

Я отступила печальная и подавленная стыдомъ.

— Мартинъ Фрезеръ, сказала я,—ваши слова заставляютъ меня быть откровенной. Я самая лживая женщина изо всѣхъ встрѣченныхъ вами. Я проложила себя дорогу сюда съ единственнымъ, опредѣленнымъ намѣреньемъ влюбить васъ въ себя; если бы вы хоть разъ побывали въ нашемъ кружкѣ,

то услыхали бы обо мнѣ какъ о вѣтреной, бездушной кокеткѣ. У меня не достаетъ духу осквернить обманомъ вашъ домашній очагъ и наполнить горечью ваше сердце. Не говорите со мною теперь, потерпите, и я напишу вамъ.

На слѣдующее утро я написала Мартину Фрезеру, соблюдая во всемъ до послѣдняго слова, самую строгую правдивость; въ одномъ только отступила я отъ истины; обманывая самую себя и сохраняя даже среди крайняго моего униженія ложную гордость, я сказала ему, что не люблю и никогда не любила его.

Джорджъ Іоркъ возобновилъ свое ухаживанье за мною: богатство, которое онъ предлагалъ мнѣ, превосходило даже наши ожиданія. Искушеніе было сильное: передо мною лежала однообразная, полная мелочныхъ непріятностей жизнь въ обществѣ Барбары и одинокая никѣмъ непризрѣнная старость. Отчего же было мнѣ не жить такъ, какъ живутъ тысячи другихъ женщинъ, которыя не несчастливы въ замужествѣ? Но мнѣ вспомнились слова, прочитанныя мною въ одной изъ книгъ Мартина: «Бракъ не всегда обязателенъ для насъ, но мы всегда обязаны держаться того, что справедливо, не покупать счастье цѣною безчестія, и не поступать противъ совѣсти изъ страха прожить вѣкъ въ безбрачіи». И приготовившись мужественно перенести свою безрадостную, одинокую долю, я отвергла предложеніе.

Барбара была внѣ себя, и обѣ мы были очень несчастны, пока она не приняла приглашенія провести святки у одной изъ своихъ сестеръ; я же, въ обществѣ старой своей няни, осталась присмотрѣть за перевозкой мебели. Наканунѣ праздника я пошла бродить по опустѣлымъ комнатамъ, такимъ же опустѣлымъ какъ и собственное мое сердце, въ которомъ не оставалось ни прежнихъ его воспоминаній, ни недавнихъ, болѣе глубокихъ привязанностей. Наконецъ я безсознательно остановилась передъ окномъ, изъ котораго такъ часто глядѣла по направленію къ Гольмсу.

Пока я стояла, такимъ образомъ, зажавъ глаза руками, сквозь которыя медленно лились мои слезы, вошла няня закрыть ставни. Увидѣвъ меня, она нервически вздрогнула.

— Я было приняла васъ за вашу матушку, воскликнула

она. Точь въ точь такою видала я ее сто разъ на этомъ мѣстѣ.

— Сусанна, какъ это такъ случилось, что мать моя не вышла замужъ за мистера Фрезера?

— А также, что не они первые, не они послѣдніе—любить-то крѣпко любили другъ друга, а ладить не умѣли. Въ первый разъ мистеръ Фрезеръ женился на деньгахъ, и не былъ счастливъ этой женитьбою, отъ этого онъ нравомъ сдѣлался крутенекъ. Они повздорили и матушка ваша съ досады вышла замужъ за мистера Греттона, вашего батюшку. Это такъ потрясло мистера Фрезера, что онъ сдѣлался вдругъ старикомъ и совсѣмъ пересталъ выходить изъ дому; такъ она больше и не видала его, хотя они и жили по сосѣдству; когда вашъ батюшка отлучался на балы, на скачки или на митинги, я часто заставала ее на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ вы теперь стоите. Только въ послѣдній разъ, какъ вы побывали у нея на рукахъ, я приносила васъ проститься съ нею на ночь; она стояла прислонившись къ окну и тихо проговорила взглянувъ на небо: Я силилась исполнить свой долгъ въ отношеніи моего мужа и ребенка!

— Няня, сказала я ей, оставь меня одну, не закрывай ставни.

Волненіе, овладѣвшее мною теперь, не было уже болѣе себялюбивымъ волненіемъ. Я роптала на печаль свою, которой, думала я, нѣтъ другой равной печали; но ошибка моей матери была важнѣе моей, ея страданія глубже моихъ. Крестъ, который она несла, свелъ ее въ безвременную могилу, но этимъ еще не все кончилось: тотъ же крестъ, всею своею тяжестью, удвоенною ея смертью, давилъ теперь дряхлаго старика. Во мнѣ шевельнулось неодолимое желаніе снова увидѣть того, который всѣхъ искреннѣе и неутѣшнѣе оплакивалъ смерть моей матери; я рѣшилась тихонько пробраться до аллеи полями и, если стора на окнѣ его не была спущена, что можно было предположить по яркости выходившаго изъ него свѣта, взглянуть на него еще разъ въ воспоминаніе о моей матери.

Почти не помня себя, я бѣгомъ бросилась впередъ и остановилась только у самаго окна.

Комната не походила болѣе на комнату больнаго. Изъ нея

вынесли кровать, экранъ для глазъ и маленькое кресло Льюси. Но въ ней не кидалось въ глаза никакихъ предметовъ современной роскоши, не было замѣтно ни яркости цвѣтовъ, ни мягкости очертаній. То была просто библіотека, или рабочій кабинетъ ученаго труженика, пренебрегавшаго всѣми ухищреніями комфорта. Но въ настоящемъ своемъ видѣ комната эта чѣмъ-то роднымъ сказалась моему сердцу. Въ ней сидѣлъ Мартинъ, глубоко погруженный по своему обыкновенію въ сложныя вычисленія, отъ которыхъ то и дѣло отрывался только за тѣмъ, чтобы заглянуть въ разбросанныя вокругъ него книги.

Неужели этотъ сосредоточенный человѣкъ тотъ самый, который когда-то такъ страстно говорилъ мнѣ о своей любви? И вотъ онъ, равнодушный, сидитъ въ теплѣ и свѣтѣ, такъ близко отъ меня, что я почти могу достать его рукою, между тѣмъ, какъ я стою тутъ, точно бездомная скиталица, среди холода, мрака и отчаянья!

Раздался звонокъ и Мартинъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Мнѣ пришло въ голову прокрасться въ комнату и завладѣть хотя бы клочкомъ бумаги, небрежно брошеннымъ въ сторону: я разсчитывала—хватитъ ли у меня на это времени, и уже дрожащею рукою нажала ручку стеклянной двери, какъ онъ возвратился, неся на рукахъ маленькую, страшно исхудавшую Льюси Фрезеръ. Онъ заботливо окуталъ ее въ широкій плащъ, и, придвинувъ кресло къ камину, усадилъ въ него; при этомъ строгія черты его лица смягчились до выраженія нѣжности. Я протянула къ нему руки; меня влекло къ нему, мнѣ снова хотѣлось прижаться къ его благородному сердцу и избавиться отъ этого ощущенія холода и мрака. Запечатлѣвъ въ своей памяти его образъ такимъ, какимъ я его видѣла въ эти последнія мгновенія, нѣжнымъ и любящимъ, я отвернулась и пошла назадъ къ своему опустѣлому дому.

Въ вѣтвяхъ надъ моею головою вдругъ раздалось чириканье и маленькая птичка, свалившаяся изъ гнѣзда, трепеща отъ ночнаго холода, ударилась объ освѣщенныя стекла окна. Въ туже минуту собака Фрезера, которая и прежде была неспокойна, чуя мое присутствіе, съ лаемъ остановилась у стеклянной двери. Я едва успѣла отскочить и спрятаться въ кусты, какъ

онъ отворилъ дверь и вышелъ на террасу. Собака съ радостнымъ лаемъ бросилась отыскивать по дорогѣ мой слѣдъ; Мартинъ поглядѣлъ кругомъ, но я еще глубже запряталась въ кусты. Я знала, что онъ меня непремѣнно найдетъ; отпечатокъ моихъ ногъ былъ слишкомъ ясно виденъ на только-что выпавшемъ снѣгѣ и мною овладѣло какое-то дико смѣшанное ощущеніе радости и стыда. Раза два я видѣла, что онъ сбился въ своихъ поискахъ, но наконецъ онъ напалъ на настоящій слѣдъ, и, приподнявъ сучки, подъ которыми я спряталась, увидѣлъ меня, прижавшуюся между лаврами. Я почти приникла къ землѣ и онъ съ любопытствомъ нагнулся ко мнѣ.

— Это я, Стелла, проговорила я чуть слышно.

— Стелла? повторилъ онъ.

Онъ поднялъ меня съ земли точно провинившагося ребенка, возвращенія котораго онъ ждалъ съ часу на часъ, понесъ меня черезъ террасу въ библіотеку и тамъ только спустилъ меня съ рукъ. Тепло и свѣтло стало мнѣ при немъ; я мелькомъ поцѣловала дѣвочку, глаза которой какъ-то странно свѣтились, глядя на насъ; потомъ онъ обѣ мои руки взялъ въ свои и, наклонившись, сталъ всматриваться мнѣ въ лице. Глаза мои смѣло встрѣтились съ его глазами; въ этомъ долгомъ, пристальномъ взглядѣ каждый изъ насъ извѣдалъ сердечную глубь другаго. Исчезла въ будущемъ всякая возможность сомнѣнія и недовѣрія; между нами не могло уже быть ни обмана, ни ошибочнаго пониманія.

Встала наконецъ наша звѣзда, и проливала свой кроткій ясный свѣтъ на лежавшее передъ нами будущее. Изъ смежной долины донесся до насъ звонъ колоколовъ, и этотъ веселый трезвонъ, казалось, раздавался въ честь брачнаго торжества, сочетавшаго въ эту минуту наши души. Онъ то и заставилъ насъ очнуться отъ нашего блаженнаго оцѣпенѣнія.—А я былъ увѣренъ, что ты для меня потеряна только на время, сказалъ мнѣ Мартинъ;—я зналъ, что ты рано или поздно, такъ или иначе ко мнѣ вернешься; но сегодня вечеромъ мнѣ сказали, что ты совсѣмъ уѣхала и я еще не задолго разсказалъ объ этомъ Льюси Фрезеръ. Она совсѣмъ стосковалась по тебѣ.

Тутъ онъ позволилъ мнѣ посадить ребенка къ себѣ на ко-

лѣни, и она плотно прижалась ко мнѣ съ усталымъ вздохомъ, припавъ головкой ко мнѣ на грудь.

Всю эту ночь я просидѣла, не спуская съ рукъ маленькую дѣвочку, голова которой покоилась у меня на груди. — Она тихо спала въ моихъ объятіяхъ и начинала принимать участіе въ свѣтлой радостной жизни, занимавшейся для меня. Глубокое молчаніе и тишина, окружавшіе насъ, отлучили меня и Мартина отъ всего остальнаго міра; только разъ тишина эта была нарушена моею нянею, которую Мартинъ нашелъ до нельзя перепуганною и растерянною и привелъ ее съ собой.

Разсвѣло веселое рождественское утро. Я попросила няню причесать мои волосы такъ, какъ чесалась моя мать. Послѣ долгаго разговора съ Сусанною, старикъ Фрезеръ, взволнованный и разстроенный, принялъ меня какъ свою дочь и чаще называлъ меня Маріею, нежели Стеллою; и я была рада что мать моя и я слились для него въ одну личность. Вечеромъ я пѣла имъ старинныя пѣсни, въ которыхъ только и было хорошаго что мелодія; мистеръ Фрезеръ разговорился о прошломъ, толковалъ и о будущемъ, и Льюси улыбалась глазами.

Потомъ Мартинъ проводилъ меня домой знакомой тропинкой, по которой я часто безъ страха хаживала одна; но чрезмѣрное мое счастье сдѣлало меня робкой и при каждомъ необычайномъ звукѣ я прижималась къ нему плотнѣе, отрадно сознавая, что у меня есть покровитель.

Солнечнымъ, весеннимъ днемъ проводили меня въ церковь. Повеселѣвшая Льюси и торжествующая диктаторша Барбара; тамъ я смиренно и радостно заявила свое согласіе быть женою Мартина Фрезера. И съ тѣхъ поръ, не покидая тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями моего безумнаго, вѣтренаго дѣвичества, я старалась исправиться и исполнить долгъ благодарности, любви и преданности. Только Мартинъ сначала ни за что не хотѣлъ вѣрить, что я въ ту ночь пришла взглянуть въ послѣдній разъ не на него, а на его отца; какъ будто я могла знать о перемѣщеніи его кабинета въ бывшую комнату мистера Фрезера.

Призракъ въ двойной комнатѣ.

Таковъ былъ слѣдующій призракъ въ моемъ спискѣ. Я записалъ названія комнатъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ вынимались жеребьи и этого-то порядка мы теперь придерживались. Я повелѣлъ этому призраку явиться со всевозможною поспѣшностью, потому что всѣ мы замѣтили, что Джонъ Гершель и жена его были очень взволнованы и, будто сговорившись, избѣгали глядѣть другъ на друга. Альфредъ Старлингъ съ тѣмъ добродушіемъ и тактомъ, которые никогда не измѣняютъ ему, тотчасъ же откликнулся на мой вызовъ и объявилъ что въ двойной комнатѣ поселился призракъ лихорадки.

— Что это такое за призракъ лихорадки? На кого онъ похожъ? воскликнули всѣ мы, насмѣявшись до сыта.

— На кого онъ похожъ? отвѣчалъ Альфредъ. — Да на лихорадку.

— А какова на видъ лихорадка?

— Развѣ вы не знаете? спросилъ Альфредъ. Ну такъ я разскажу вамъ.

— Оба мы съ Тилли рѣшили — я мою обожаемую Матильду называлъ этимъ ласковымъ полуименемъ, — и такъ мы съ нею оба рѣшили, что дальнѣйшія проволочки не только непріятны для насъ, но и несообразны съ обязанностями, лежащими на насъ передъ обществомъ. У меня открылся неисчерпаемый запасъ доводовъ противъ откладыванья браковъ на долгіе сроки; Тилли же начинала декламировать стихи самаго мрачнаго содержанія. Наши родители и опекуны долго придерживались иного мнѣнія, но наконецъ согласилась. Было рѣшено, что двадцать седьмаго декабря, Альфредъ Старлингъ, дворянинъ, сочетается священными узами брака съ Матильдою, единственною дочерью капитана королевской морской службы, Роклея Стандфаста изъ Снаргетстонской виллы, въ Дуврѣ.

Я остался сиротою съ самаго ранняго дѣтства и дядя Бонсоръ былъ опекуномъ надъ моимъ небольшимъ состояніемъ

(состоявшимъ изъ акцій Карлэйонской компаніи), а также и надъ моею личностью. Онъ отдалъ меня въ одну изъ лучшихъ отечественныхъ школъ; потомъ отправилъ года на два въ Бонъ, на Рейнѣ; наконецъ, для того чтобы, полагаю, не дать мнѣ избаловаться, внесъ за меня значительную премію, открывшую мнѣ доступъ въ торговую контору господъ Баума, Брёма и компаніи нѣмецкихъ негоціантовъ въ Финсбери—Циркѣ, у коихъ патроновъ я билъ сколько мнѣ было угодно баклуши и возбуждалъ великую зависть между моими товарищами, — писцами, служившими за жалованье. Дядя мой Бансоръ жилъ преимущественно въ Дуврѣ, гдѣ онъ наживалъ большія деньги казенными подрядами, предметомъ которыхъ было повидимому сверленье дыръ въ известнякѣ и задѣлыванье ихъ сызнова. Дядя мой былъ чуть не самымъ почтеннымъ человѣкомъ въ цѣлой Европѣ и пользовался въ торговой части Лондона большою извѣстностью, подъ именемъ «благонадежнаго Бансора». Онъ принималъ участіе въ безчисленномъ множествѣ товариществъ, и то предпріятіе считалось окончательно удавшимся, которому благонадежный Бансоръ не отказывалъ въ поддержкѣ своего имени.

Мы условились, что я пріѣду въ Дувръ на канунѣ Рождества, остановлюсь у дяди, а въ самый день Рождества мы всѣ вмѣстѣ будемъ обѣдать у капитана Стандфаста; второй день праздника долженъ былъ пройти для моей возлюбленной въ заботахъ о шляпкахъ, а для меня, моего дяди и будущаго моего тестя—въ приложеніи рукъ и печатей къ разнымъ актамъ, отступнымъ, соглашеніямъ и другимъ документамъ, относившимся къ деньгамъ и разнымъ судебнымъ формальностямъ. Двадцать седьмаго же была назначена наша свадьба.

Само собою разумѣется, что мои сношенія съ господами Баумъ, Брёмъ и комп. были самымъ дружественнымъ образомъ прекращены Я на славу угостилъ всѣхъ писцовъ въ ресторанѣ, въ Ньюгетской улицѣ и до поздняго вечера имѣлъ удовольствіе выслушать добрыхъ восемьдесять семь разъ единодушное увѣреніе, сопровождавшееся припадками икоты — въ томъ, что я «отличный малый»; волей неволей я принужденъ былъ отложить свой отъѣздъ въ Дувръ до девяти-часоваго почтоваго поѣзда, такъ какъ въ сочельникъ же

въ четыре часа я былъ званъ въ Финсбери-Циркъ на обѣдъ къ младшему члену нашей фирмы, къ тому самому, на которомъ лежала обязанность давать обѣды. Обѣдъ былъ великолѣпный и превеселый; мужская половина гостей еще не вставала изъ за стола, уставленнаго бутылками, какъ я поспѣшилъ распроститься и едва успѣлъ кинуться въ наемный экипажъ и нагнать поѣздъ у Лондонъ-Бриджа.

Вы знаете, какъ скоро проходитъ время въ вагонѣ для того, кто передъ отъѣздомъ подкрѣпился хорошимъ обѣдомъ. Казалось, что я былъ доставленъ въ Дувръ по телеграфу: такъ быстро промелькнули для меня эти восемьдесять миль. Но тутъ я нахожусь вынужденнымъ разсказать вамъ объ ужасномъ постигшемъ меня бѣдствіи. Еще въ ранней молодости, во время пребыванія моего въ приготовительной школѣ близь Эшфорда, я имѣлъ припадокъ страшнаго недуга, порождаемаго кентскими болотами. Не знаю, право, долго ли оставалась эта болѣзнь скрытою въ моемъ организмѣ и вслѣдствіе какихъ внѣшнихъ или во мнѣ самомъ лежавшихъ случайныхъ условій она снова проявилась во мнѣ, только въ то время, когда я ѣхалъ въ Дувръ, у меня была жестокая лихорадка.

То было страшное, упорное ощущеніе дрожи и озноба, мучительной истомы и сильнаго волненія; ко всему этому, я убѣжденъ, примѣшивалась горячка, потому что въ вискахъ у меня стучало и въ головѣ раздавался оглушительный, докучливый, дребезжащій шумъ. Кровь во мнѣ клокотала и тревожно переливалась въ моихъ жилахъ, раскачивая изъ стороны въ сторону мое несчастное тѣло подъ напоромъ своего взбунтовавшагося потока. На платформѣ я то и дѣло спотыкался, и сторожъ, котораго я схватилъ за руку, чтобы удержаться отъ одного сотрясенія, тоже, казалось, зашатался вмѣстѣ съ своимъ фонаремъ не хуже меня самаго.

Переѣздъ къ моему дядѣ, продолжавшійся не болѣе пяти минутъ, былъ ужасный. Припадокъ былъ такъ силенъ, что голова моя и всѣ мои члены колотились о стѣнки кареты и разъ даже пришли въ соприкосновеніе съ оконнымъ стекломъ. Шумъ въ головѣ не умолкалъ ни на минуту. Когда экипажъ

остановился, я кое-какъ выбрался изъ него и, уцѣпившись за молотокъ дядиной двери, пробарабанилъ имъ такую дробь (передъ этимъ я успѣлъ разсыпать по мостовой плату извощика, пытаясь ее отдать ему въ руки), что Джексъ, довѣренный слуга моего дяди, отворившій мнѣ дверь, уставилъ на меня съ изумленіемъ глаза.

— Я очень боленъ, Джексъ, пробормоталъ я, спотыкаясь при входѣ въ пріемную Меня опять схватила эта проклятая лихорадка.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Джексъ—и при этомъ на его лицѣ мелькнуло что-то похожее на усмѣшку. — Это отъ погоды, сэръ. Не лучше ли вамъ, сэръ, лечь въ постель?

А надо вамъ сказать, что весь домъ былъ освѣщенъ; готовились цѣлымъ обществомъ дѣлать жжонку и я зналъ, что моя Тилли и всѣ Стандфасты находятся на верху въ обществѣ моего дяди и что они ждутъ моего пріѣзда, чтобы зажечь спиртъ. Какъ я ни былъ боленъ, я горѣлъ желаніемъ видѣть мою милую.

— Нѣтъ, Джексъ, отвѣчалъ я, — попробую себя пересилить. А вотъ ты лучше принеси мнѣ въ столовую немножко коньяку и горячей воды—можетъ статься, мнѣ отъ этого и полегчитъ.

Но что же вы думаете, отвѣчалъ мнѣ на это зазнавшійся слуга?

— Нѣтъ, ужъ лучше безъ этого постарайтесь обойтись, сэръ. Дѣло теперь праздничное, не вы одни такіе. А лучше извольте-ка ложиться въ постель, а то по утру голова будетъ тяжела.

— Да ты, любезный... накинулся было я на него, но въ эту минуту на верху лѣстницы показался дядя Бансоръ; позади его виднѣлась группа дамъ и мужчинъ и, среди этой группы я разглядѣлъ, на сколько мнѣ позволялъ бившій меня ознобъ, золотыя кудри моей Тилли. Но на лицѣ ея выражалось столько смущенія и ужаса!

— Альфредъ! строго проговорилъ дядя,—какъ тебѣ не стыдно?

— Дядюшка! воскликнулъ я, дѣлая отчаянное усиліе удержаться твердо на ногахъ, — неужели вы думаете, что я...

Здѣсь я попробовалъ взойти на лѣстницу, но нога моя запуталась въ коврѣ, либо я запнулся о проклятые металлическіе прутья, и,—вѣрите ли?—я кубаремъ полетѣлъ въ пріемную. Но пока я лежалъ на полу, дрожь одолѣвала меня сильнѣе прежняго. Я слышалъ голосъ моего дяди, отдававшій слугамъ приказаніе отнести меня въ постель; и приказаніе это было исполнено: Джексъ и какой-то долгоногій молодой лакей препроводили мое дрожащее тѣло въ спальню.

Ночь показалась мнѣ не долга, но ужасна, какъ въ горячечномъ бреду. — Я провелъ ее трясясь и стуча зубами въ постели, которая меня жгла. По утру дядя прислалъ сказать, что мой припадокъ лихорадки чистый вздоръ,—и чтобы я изволилъ явиться внизъ къ завтраку.

Я сошелъ внизъ, рѣшившись протестовать, а самъ между тѣмъ держался за перила и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. О какія невзгоды пережилъ я въ этотъ злополучный праздникъ Рождества! Меня встрѣтили усмѣшками, и совѣтовали мнѣ напиться чаю покрѣпче, подбавивъ къ нему немного коньяку. Вскорѣ за тѣмъ, впрочемъ, дядя пожалъ мнѣ руку и замѣтилъ, что праздникъ этотъ бываетъ всего разъ въ годъ и что онъ того мнѣнія, что надо же мальчику перебѣситься. Всѣ поздравили меня съ праздникомъ, но я могъ только отвѣчать какимъ-то спазматическимъ бормотаньемъ. Тотчасъ же послѣ завтрака я пошелъ прогуляться по набережной, но чуть не упалъ въ море и столько разъ спотыкался о столбы, что домой меня отвелъ какой-то матросъ въ желтой шляпѣ, потребовавшій отъ меня пять шиллинговъ, чтобы выпить за мое здоровье. Затѣмъ настало для меня еще болѣе грозное испытаніе: мнѣ предстояло отправиться въ Снаргетстонскую виллу и сопровождать мою Тилли и все ея семейство въ церковь. Къ великому моему успокоенію, хотя я дрожалъ всѣми суставами, никто однако не обратилъ вниманія на мой страшный недугъ. Я уже начиналъ надѣяться, что это не болѣе какъ перемежающаяся лихорадка и что скоро пройдетъ, но вмѣсто того, чтобы проходить, она усиливалась Моя возлюбленная погладила меня по головѣ и выразила надежду, что нынче «я сдѣлался умницей»—но когда я, стуча зубами, началъ рас-

пространяться передъ ней о своемъ припадкѣ, она только разсмѣялась.

Мы отправились въ церковь и тутъ, по милости лихорадки, я снова попался въ бѣду. Во первыхъ я произвелъ ужасный скандалъ, наткнувшись на нищихъ старухъ, помѣщавшихся на безплатныхъ скамьяхъ, и чуть не сбивъ съ ногъ церковнаго старосту. Потомъ я посбросалъ молитвенники съ закраины стоявшей передо мною скамьи; потомъ я сдвинулъ съ мѣста мягкую подножку, на которую только-что успѣла преклонить колѣна моя теща; потомъ наступилъ невзначай,—въ этомъ я могу дать вамъ честное слово,—на ногу Маріи Ситонъ, хорошенькой кузины моей Тилли,—вслѣдствіе чего она вскрикнула слегка, а моя возлюбленная бросила на меня убійственный взглядъ. Я наконецъ увидѣлъ, что напрасно было бы бороться противъ моего недуга, и вышелъ вонъ.

За обѣдомъ начался для меня новый рядъ несчастій. Началось съ того, что ведя подъ руку мистрисъ Ванъ-Планкъ изъ Сондунча въ столовую (кавалеромъ Тилли былъ мой дядя Бонсоръ), я запутался въ стеклярусныхъ украшеніяхъ, которыми эта богатая, но нѣсколько тучная дама, постоянно отдѣлывала свои платья, и мы оба полетѣли на полъ, что имѣло самыя печальныя послѣдствія: я подвернулся подъ нее и продолжалъ трястись самымъ плачевнымъ образомъ, между тѣмъ какъ громоздкая особа мистрисъ Ванъ-Планкъ надавливала пуговицы моей рубашки. Когда насъ подняли на ноги, она и слышать не хотѣла никакихъ извиненій. Отказавшись сѣсть съ нами за столъ, она потребовала свою карету и уѣхала къ себѣ въ Сондунчъ.

За обѣдомъ я попался изъ огня да въ полымя: а именно во первыхъ, я пролилъ цѣлыхъ двѣ ложки супа такъ называемаго à la tortue, на новую камчатную скатерть; во-вторыхъ, я опрокинулъ стаканъ мадеры на голубое муаровое платье Мери Ситонъ; въ припадкѣ трясучки, я едва не закололъ серебряною вилкою лейтенанта пятьдесятъ четвертаго полка, Лемба, квартирующаго въ Гейтсѣ; наконецъ, при безумной попыткѣ разрѣзать индюшку, я цѣликомъ запустилъ это праздничное жаркое, увѣнчанное цѣлою гирляндою прицѣпившихся къ нему сосисекъ, въ жилетъ моего дяди Бонсора.

Холодное декабрьское солнце, вставъ на слѣдующее утро, было свидѣтелемъ великихъ бѣдствій и переворотовъ. Насколько я могу положиться на свои отрывочныя воспоминанія объ этихъ злополучныхъ дняхъ, оскорбленія, нанесенныя мною приличіямъ, еще разъ сошли мнѣ съ рукъ—не въ уваженіе къ моей болѣзни, которой друзья мои и родственники упорно отказывались вѣрить, а въ уваженіе къ тому, что «вѣдь это бываетъ всего навсего разъ въ годъ.» Впродолженіе утра адвокаты сновали взадъ и впередъ по дорогѣ къ Снаргетстонской виллѣ; было употреблено въ дѣло множество краснаго сургучу, печатей, простой и гербовой бумаги, и дядя Бонсоръ смотрѣлъ благонадежнѣе, чѣмъ когда либо. Наконецъ, мнѣ дали подписать какую-то бумагу, и приэтомъ много перешептывались между собою; я же положительно заявляю, что ничего не видалъ передъ собою, кромѣ большого бѣлаго пятна, двигавшагося взадъ и впередъ по зеленому полу; на бумагѣ же множество каракуль, какъ шальныя, гонялись другъ за другомъ. Я старался собрать всѣ свои силы, чтобы подписать свое имя: я закусилъ губы, сжалъ въ кулакъ лѣвую руку, пробовалъ привинтить къ шеѣ дрожащую голову; даже пальцы на ногахъ судорожно скорчились въ моихъ сапогахъ, и я притаилъ дыханіе; но виноватъ ли я былъ, что какъ скоро пальцы мои сжали перо и я приступилъ къ подписанію своего имени, какъ это проклятое гусиное перо заскакало, запрыгало, и вонзизось въ бумагу своимъ расщепомъ? виноватъ ли я былъ, что, взявъ въ руки чернильницу, чтобы ближе поднести ее къ перу, я пролилъ ея черное содержимое большими, отвратительными лепешками на документъ? Я завершилъ свой подвигъ, плеснувъ чернилами на жилетъ моего дяди и запустивъ перо капитану Стандфасту какъ разъ подъ третье ребро.

— Однако, пора и честь знать, закричалъ мой тесть, хватая меня за горло:—вонъ изъ моего дома, негодяй!

Но я вырвался отъ него и искалъ убѣжища въ гостиной, гдѣ, какъ я зналъ, находилась моя Тилли въ обществѣ своихъ шляпокъ и подругъ.

— Тилли, обожаемая Матильда! воскликнулъ я...

— Дальнѣйшія объясненія безполезны, сэръ, неумолимо пе-

ребила меня моя возлюбленная:—съ меня достаточно того, что я наслушалась и насмотрѣлась. Альфредъ Старлингъ! Я скорѣе соглашусь выдти замужъ за послѣдняго бѣдняка, собирающаго укропъ на прибрежныхъ утесахъ, чѣмъ быть женою такого безпутнаго пьяницы. Ступайте, сэръ! раскайтесь, если можете. Рабъ невоздержанія! Прощай навсегда. И она гордо удалилась изъ гостиной, и я могъ слышать, какъ она рыдала въ сосѣднемъ будуарѣ, такъ что сердце ея, казалось, разрывалось на части.

Мнѣ указали на дверь и на вѣки запретили доступъ въ Снаргетстонскую виллу; дядя мой Бонсоръ отрекся отъ меня и отрѣшилъ меня отъ всего своего наслѣдства. Я бросился со станціи на первый поѣздъ, отъѣзжавшій въ Лондонъ, и не переставалъ трястись всю дорогу. Въ сумерки этого злополучнаго 29-го декабря, я очутился дрожащимъ скитальцемъ въ окрестностяхъ Сого-сквера.

Всторону отъ Сого-сквера, — если не ошибаюсь на юго-западъ,—лежитъ грязное строеніе, называющееся Бетмоновымъ подворьемъ. Я стоялъ, дрожа, на углу этого мрачнаго зданія, какъ вдругъ наткнулся на джентльмена, принадлежавшаго съ виду на семь восьмыхъ къ военному, и только на одну восьмую къ гражданскому сословію.

То былъ низенькій, живой, аккуратный, моложавый старичокъ, съ желтымъ лицомъ, сѣдыми волосами и баками (въ то время солдаты носили усы только въ кавалеріи). На немъ былъ голубой мундиръ, слегка побѣлѣвшій на швахъ, и серебряная медаль на полинялой лентѣ висѣла на его груди; на полуформенной фуражкѣ его красовался цѣлый пучекъ пестрыхъ значковъ, подъ мышкой у него была бамбуковая трость; на обоихъ рукавахъ его были нашиты потускнѣвшіе золотые шевроны, а шитье на красномъ воротникѣ изображало золотого льва; на плечахъ у него тряслись небольшія, лѣгкія золотыя эполеты, походившія на двойной подборъ зубовъ изъ коробочки дантиста.

— Какъ поживаешь, молодецъ? ободрительно обратился ко мнѣ господинъ военной наружности.

Я отвѣчалъ ему, что я несчастнѣйшій въ мірѣ смертный, на что господинъ военной наружности, потрепавъ меня по

спинѣ и назвавъ своимъ удалымъ комрадомъ, предложилъ мнѣ выпить съ нимъ для праздника.

— Ты, какъ вижу, весельчакъ,—проживаешь гдѣ день, гдѣ ночь; я и самъ такой, замѣтилъ мой новый пріятель.—Скажи пожалуйста, не бывало у тебя брата-близнеца, по имени Сифа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я угрюмо.

— Онъ походилъ на тебя, какъ двѣ капли воды, продолжалъ господинъ военной наружности, взявшій меня между тѣмъ подъ руку; дрожа и стуча зубами, я далъ ему увести себя въ маленькую, грязную таверну, на косякахъ которой красовались въ рамкахъ и за стекломъ, запачканномъ мухами, два разрисованныхъ картона: на одномъ изъ нихъ былъ изображенъ офицеръ въ мундирѣ небесно-голубого цвѣта, щедро облѣпленномъ серебряными галунами; на другомъ — артиллеристъ, забивающій въ пушку зарядъ; поверхъ красовалось объявленіе, гласившее, что требуются молодые люди благообразной наружности для пополненія инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи достопочтенной остъ-индской компаніи, и убѣдительно просившее всѣхъ молодыхъ людей благообразной наружности обращаться къ сержантъ-маіору Чотни, котораго всегда можно застать или въ конторѣ таверны «Гайландъ-Ладди,» или же въ конторѣ Бетманова подворья.

Безполезно было бы передавать весь разговоръ мой съ господиномъ военной наружности; достаточно будетъ сказать, что не прошло и часа, какъ я принялъ роковой задатокъ и былъ завербованъ въ службу достопочтенной остъ-индской компаніи. Я не былъ нищимъ; я обладалъ состояніемъ, совершенно независимымъ отъ моего дяди Бонсара. На совѣсти моей не лежало никакого преступленія, но я чувствовалъ себя потеряннымъ, безвозвратно погибшимъ человѣкомъ, а потому и завербовался. Какимъ-то чудомъ, пока я являлся къ судьѣ для засвидѣтельствованія и къ доктору для осмотра, моя лихорадка какъ будто совершенно оставила меня; я твердо и прямо стоялъ въ ложѣ свидѣтелей, твердо и прямо подошелъ подъ мѣрку; только стыдъ и горечь противъ тѣхъ, которые такъ ложно истолковали мое поведеніе въ Дуврѣ, помѣшали мнѣ выписаться изъ службы.

Но едва я добрался до Бреншвудскаго депо для остъ-

индскихъ рекрутъ, какъ моя лихорадка возобновилась съ удвоенною силою. Сначала, вслѣдствіе моего показанія, что слухъ у меня музыкальный, меня опредѣлили въ хоръ военныхъ музыкантовъ; но я никакъ не могъ удержать духовой инструментъ въ рукахъ и вышибалъ у моихъ товарищей инструменты изъ рукъ. Тогда меня перевели во взводъ неспособныхъ рекрутъ, гдѣ сержанты угощали меня палочными ударами, но далѣе первыхъ пріемовъ артикула я не пошелъ, — и тутъ не попадалъ въ тактъ съ моими товарищами, а придерживался своего собственнаго такта. Лекари, состоявшіе при депо, отказывались вѣрить въ мою болѣзнь; мой ротный начальникъ отзывался обо мнѣ, какъ о трусѣ и обманщикѣ, прикидывающемся только хворымъ. Товарищи презирали меня, ничуть не жалѣли и дали прозваніе: «трясучки». И что всего удивительнѣе, это то, что въ мою одурѣвшую, дрожащую голову ни разу не пришла мысль откупиться отъ своего обязательства, хотя это и было возможно мнѣ во всякое время.

Не умѣю вамъ сказать, вслѣдствіе какихъ соображеній рѣшили отправить такого убогаго, дрожащаго человѣка солдатомъ въ Остъ-Индію; знаю только, что меня отправили долгимъ, долгимъ морскимъ путемъ на военно-транспортномъ суднѣ вмѣстѣ съ семью или восемью стами другихъ рекрутъ. Моя военная служба на востокѣ пришла къ быстрому и безславному окончанію. Не успѣли мы прибыть въ Бомбей, какъ батальонъ Европейскаго полка, въ которомъ я числился, былъ посланъ въ экспедицію на берега Сутлея, гдѣ въ то время пылала война. Мнѣ не довелось быть свидѣтелемъ той славы, которою покрыли себя наши знамена въ эту экспедицію; презрительно принимая въ соображеніе мое нервное разстройство, меня помѣстили въ обозную стражу; однажды ночью, послѣ десятидневнаго похода, въ теченіе котораго лихорадка не переставала трепать меня самымъ жестокимъ образомъ, нашъ арьеръ-гардъ подвергся нападенію со стороны небольшой горсти воровъ, неимѣвшихъ другой цѣли, кромѣ грабежа. Ни мальчикомъ, ни юношей я не былъ изъ трусливаго десятка. Я торжественно заявляю, что въ настоящемъ случаѣ не обратился бы въ бѣгство, но моя злополучная немощь взяла свое. Она вырвала у меня мушкетъ изъ рукъ, сорвала каску съ

головы, ранецъ со спины, и дрожащія ноги, спотыкаясь, разбѣжались на нѣсколько миль степного пространства. Поговаривали о томъ, чтобы разстрѣлять меня; другіе предлагали выпороть,—но тѣлесныя наказанія въ то время не существовали въ остъ-индской компаніи. Итакъ, я былъ подвергнутъ заключенію въ отвратительной тюрьмѣ, гдѣ меня преимущественно кормили рисовой водой; потомъ я былъ препровожденъ въ Бомбей, гдѣ меня судили военнымъ судомъ и приговорили быть торжественно, съ барабаннымъ боемъ, изгнаннымъ изъ своего полка, за трусость. Итакъ вотъ до чего я дошелъ, я, сынъ джентльмена и обладатель изрядной собственности; мнѣ спороли галуны съ моего мундира и подъ звуки «марша негодяевъ» со стыдомъ и позоромъ исключили изъ службы достопочтенной остъ-индской компаніи.

Я уже не помню, какимъ способомъ возвратился я въ Англію: дали ли мнѣ мѣсто на кораблѣ, заплатилъ ли я за него деньгами, или же работою. Помню только, что корабль, на которомъ я ѣхалъ, разбился въ бухтѣ Альгоа, недалеко отъ мыса Доброй Надежды, и сдѣлался окончательно негоднымъ для дальнѣйшаго плаванія. Опасности не было ни малѣйшей, мы были окружены большими и малыми судами, и ни одного пассажира не погибло; но пока шлюпки отчаливали отъ корабля, я такъ страшно дрожалъ, что весь экипажъ встрѣтилъ меня гикомъ и насмѣшками, когда меня приволокли на берегъ. Меня даже не допустили на баркасъ, а потащили сзади на буксирѣ.

Я взялъ мѣсто на другомъ кораблѣ, который только и зналъ, что трясся во весь переѣздъ отъ мыса Доброй-Надежды до Плимута; наконецъ-то я прибылъ въ Англію. Я написалъ безчисленное множество писемъ ко всѣмъ моимъ друзьямъ и родственникамъ, къ Тилли и къ дядѣ моему Бонсору; но единственный отвѣтъ, воспослѣдовавшій на нихъ, пришелъ отъ адвоката моего дяди и извѣщалъ меня въ краткихъ, офиціальныхъ выраженіяхъ, что мои непонятныя каракули доставлены по назначенію, но что содержаніе ихъ не можетъ быть принято къ свѣденью. Я былъ введенъ во владѣніе своею собственностью до послѣдняго пенни; но какъ видно я вытрясъ свои денежки или за бильярдомъ, или за кеглями; я

помню, что каждый разъ, какъ я принимался за эту послѣднюю игру,—или попадалъ моему противнику кіемъ въ грудь, или сшибалъ съ ногъ маркера, или запускалъ шарами въ окна, или же дѣлалъ дыры въ суннѣ, за что переплатилъ безчисленное множество гиней содержателямъ игорныхъ домовъ.

Помню, однажды зашелъ я въ лавку золотыхъ дѣлъ мастера въ Реджентъ-Стритѣ купить себѣ ключикъ къ часамъ. Не задолго передъ тѣмъ, я какимъ-то непонятнымъ образомъ вытряхнулъ свои золотые часы съ репетиціей. а потому долженъ былъ замѣнить ихъ серебряными. Стояла зима и на мнѣ было пальто съ широкими рукавами. Пока хозяинъ магазина пріискивалъ ключъ къ моимъ часамъ, мой припадокъ напалъ на меня съ адскою силою; вообразите себѣ мое смятеніе и отчаяніе, когда, ухватившись за прилавокъ, чтобы удержаться, я опрокинулъ на себя цѣлый подносъ бриліантовыхъ колецъ! Одни разсыпались по полу, другія же, — о ужасъ! попали ко мнѣ въ пальто; я дрожалъ такъ неистово, что повидимому натрясъ себѣ бриліантовыхъ колецъ—въ рукава, въ карманы, даже въ сапоги

Меня отвели къ судьѣ и препроводили въ тюрьму. Нѣсколько времени я трясся въ коморкѣ съ выбѣленными стѣнами; потомъ я, дрожа, отправился въ уголовную палату и дрожа же предсталъ передъ судомъ за покушеніе въ воровствѣ на сумму тысячю пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Всѣ улики противъ меня были налицо. Мой адвокатъ попробовалъ было въ своей защитительной рѣчи упомянуть о «клептоманіи», но это ни къ чему не повело; дядя мой Бонсоръ, нарочно пріѣхавшій изъ Дувра, далъ очень дурной отзывъ о моемъ прежнемъ поведеніи. Меня нашли виновнымъ, меня—невиннѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ смертныхъ, и приговорили къ семилѣтней каторжной работѣ. Страшная сцена живо рисуется въ моей памяти: присяжные всѣмъ синклитомъ потрясали на меня головами, тоже дѣлали и судья, и дядюшка Бонсоръ, и публика на галлереѣ, и самъ я трясся, какъ десять тысячъ милліоновъ осиновыхъ листьевъ, какъ вдругъ....

Я проснулся:

Я лежалъ въ очень неудобной позѣ въ первокласномъ ва-

гонѣ дуврскаго почтового поѣзда; все въ вагонѣ дрожало: масло плескалось въ лампѣ, мои сосѣди раскачивались изъ стороны въ сторону, поѣздъ шелъ на всѣхъ парахъ, и мой страшный сонъ былъ просто вызванъ сильною тряскою. Я вскочилъ, протирая глаза и чувствуя великое облегченіе, но продолжая придерживаться за ближайшія перегородки. Тутъ мнѣ вспомнилось все слышанное и испытанное мною по части сповидѣній и соотвѣтственности между внѣшними впечатлѣніями и явленіями нашей духовной жизни. Вспомнился мнѣ также одинъ изъ эпизодовъ моего кошмара, — именно тотъ, когда я былъ приведенъ для осмотра моей годности въ рекруты, причемъ спокойно и твердо выстоялъ на ногахъ. Послѣднее обстоятельство было въ связи съ обычною двухминутною остановкою поѣзда у Торнбриджъ-Уэльсъ. — Но, слава богу, что все это было во снѣ!

— Да этакъ просто всю душу вытрясетъ, воскликнула моя сосѣдка, но въ эту самую минуту кондукторъ показался у окна и прокричалъ:—Дувръ.

— Точно, сударыня, славненько-таки трясло всю дорогу, замѣтилъ этотъ чиновникъ:—право еще не знаю, какъ съ рельсовъ не соскочили; завтра надо будетъ осмотрѣть винты.— Добраго вечера, сэръ!—Это относилось ко мнѣ, кондукторъ былъ со мною коротко знакомъ.—Съ праздникомъ Рождества Христова честь имѣю поздравить, сэръ. Прикажите что ли нанять карету въ Снбргетстонскую виллу? Эй, сторожъ!

Мнѣ точно нужна была карета, и я нанялъ ее. Я щедро наградилъ извощика и не разсыпалъ деньги по мостовой. Мистеръ Джексъ, какъ только я пріѣхалъ, предложилъ мнѣ напиться чего нибудь теплаго въ столовой, такъ какъ на дворѣ было очень холодно. Я присоединился къ обществу, собравшемуся наверху, моя Тилли встрѣтила меня съ распростертыми объятіями, а дядюшка Бонсоръ съ разстегнутымъ жилетомъ. Я принялъ веселое, но умѣренное участіе въ праздничной жжонкѣ. Въ самый день Рождества мы всѣ обѣдали вмѣстѣ, и я передавалъ супъ и разрѣзалъ индюшку наславу; на слѣдующій день я выслушалъ отъ адвоката моего дяди похвалу моему красивому почерку, который я имѣлъ случай выказать при подписаніи необходимыхъ доку-

ментовъ. Двадцать седьмого декабря, тысяча восемьсотъ сорокъ шестого года я женился на моей безцѣнной Тилли, и мы собирались съ ней жить да поживать, да добро наживать, какъ вдругъ...

Я опять проснулся:

На этотъ разъ я проснулся не на шутку въ своей постели въ этомъ самомъ проклятомъ домѣ. Я чувствовалъ усталость, пріѣхавъ сюда по желѣзной дорогѣ; ни свадьбы, ни Тилли, ни Мери Ситонъ, ни мистрисъ Ванъ-Планкъ не оказалось въ дѣйствительности; дѣйствительнаго оказалось только я, да призракъ лихорадки, да рамы, безпощадно дребезжавшія въ обоихъ окнахъ двойной комнаты.

Призракъ въ комнатѣ барчука Б.

Затѣмъ насталъ мой чередъ говорить и я началъ такъ:

Когда я поселился въ трехъугольномъ чуланчикѣ, пользовавшемся такою громкою извѣстностью, мысли мои, какъ и слѣдовало ожидать, стали постоянно обращаться къ барчуку Б.

Вскорѣ я замѣтилъ, что ни разу не преслѣдовалъ меня барчукъ Б. во снѣ. Но какъ только я просыпался, мысли мои обращались къ нему и силились связать его имя съ какимъ нибудь представленіемъ.

Такъ томился я въ комнатѣ барчука Б. въ продолженіе шести ночей; тутъ я сталъ замѣчать, что дѣло что-то не совсѣмъ ладно.

Первое видѣніе привидѣлось мнѣ раннимъ утромъ, когда еще только начинало брезжить; я стоялъ и брился передъ зеркаломъ, какъ вдругъ, къ величайшему моему ужасу и изумленію, замѣтилъ, что брѣю не себя самого, мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ,—а мальчика.—Ужъ не это ли барчукъ Б?

Я задрожалъ и поглядѣлъ себѣ черезъ плечо, но тамъ ничего не оказалось. Я снова взглянулъ въ зеркало и ясно увидѣлъ передъ собою черты мальчика, который брился не для того, чтобы избавиться отъ бороды, а для того чтобы вызвать ея еще небывалое появленіе. Въ смятеніи я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и снова возвратился къ зеркалу въ твердой рѣшимости не поддаваться страху и покончить прерванную операцію. Собираясь съ духомъ, я зажмурилъ глаза; когда я раскрылъ ихъ, я встрѣтился въ зеркалѣ съ пристально устремленнымъ на меня взглядомъ молодого человѣка двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ. Испугавшись этого новаго призрака, я закрылъ глаза; раскрывъ ихъ снова, я увидѣлъ брѣющимся въ зеркалѣ моего отца, котораго давнымъ давно не было на свѣтѣ. Мало того, я увидѣлъ своего дѣда, котораго отъ роду не видалъ.

Разстроенный всѣми этими навожденіями, что было весьма понятно, я тѣмъ не менѣе рѣшился не говорить про нихъ ни слова до настоящаго условленнаго между нами срока поголовныхъ признаній. Волнуемый разными странными мыслями, я удалился въ ту ночь въ свою комнату, приготовившись къ новымъ столкновеніямъ съ міромъ духовъ. И я не напрасно готовился: очнувшись часа въ два по полуночи отъ тревожнаго сна, я увидѣлъ,—предоставляю вамъ судить, каковы были мои чувства,—что со мною на постели лежитъ скелетъ барчука Б.!

Я вскочилъ, а за мною вскочилъ и скелетъ. Тутъ я услышалъ жалобный голосъ, говорившій: — гдѣ я? что со мною сталось? — И оглянувшись въ томъ направленіи, откуда слышался голосъ, я увидѣлъ призракъ барчука Б.

Юный призракъ былъ одѣтъ нѣсколько старомодно, или вѣрнѣе, онъ не столько былъ одѣтъ, сколько втиснутъ въ футляръ низшаго сорта сукна, цвѣтомъ перца съ солью, и обезображеннаго еще болѣе свѣтлыми пуговицами. Я замѣтилъ, что пуговицы эти двойнымъ рядомъ перегибались черезъ каждое плечо юнаго призрака и повидимому спускались вдоль его спины. Вокругъ шеи у него было жабо; правая рука его (которая, какъ я хорошо разглядѣлъ, была запачкана въ чернилахъ) покоилась на его желудкѣ; обстоятель-

ство это, въ связи съ легкими угрями, покрывавшими его лицо, и съ проглядывавшимъ на немъ неопредѣленнымъ выраженіемъ тошноты, повело меня къ тому заключенію, что передо мною былъ призракъ мальчика, глотавшаго не въ мѣру при жизни всякихъ аптекарскихъ снадобій.

— Гдѣ я? патетическимъ голосомъ проговорилъ маленькій призракъ.—И зачѣмъ родился я въ тѣ дни, когда каломель былъ въ такомъ употребленіи, и зачѣмъ пичкали меня имъ въ такомъ страшномъ количествѣ?

Я чистосердечно отвѣчалъ ему, что и самъ, по чести, этого не знаю.

— Гдѣ моя маленькая сестра, продолжалъ призракъ:—и гдѣ моя божественная, миленькая жена, и гдѣ тотъ мальчикъ, съ которымъ я вмѣстѣ ходилъ въ школу?

Я умолялъ привидѣніе успокоиться и, пуще всего, не слишкомъ горевать о потерѣ того мальчика, съ которымъ оно вмѣстѣ хаживало въ школу. Я выставлялъ ему на видъ то соображеніе, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, если бы этотъ мальчикъ и отыскался, то изъ этого по обыкновенію не вышло бы ничего путнаго. Я привелъ ему, что и самъ отыскивалъ въ зрѣломъ возрастѣ не одного мальчика, съ которымъ хаживалъ вмѣстѣ въ школу, и что ни въ одномъ-то изъ нихъ не оказалось проку. Я выразилъ скромную увѣренность, что въ этихъ мальчикахъ никогда не оказывается проку; я настаивалъ на томъ, что они не болѣе какъ мифъ, обманъ чувствъ, западня. Я разсказалъ, какъ въ послѣдній разъ мнѣ случилось отыскать одного изъ этихъ мальчиковъ на званномъ обѣдѣ, онъ укрывался за бѣлымъ галстухомъ, какъ за стѣною; на какой угодно вопросъ у него было припасено по нелѣпому мнѣнію, и онъ обладалъ по истинѣ титаническою силою надоѣдливости. Я разсказалъ, какъ, въ силу нашего одновременнаго пребыванія въ школѣ, онъ напросился ко мнѣ на завтракъ: какъ я, раздувъ хранившіеся подъ пепломъ послѣдніе остатки моей вѣры въ своихъ школьныхъ товарищей, пригласилъ его; и какъ онъ оказался проповѣдникомъ страшной дичи, и злоумышлялъ противъ всего адамова потомства, предъявляя непостижимыя финансовыя воззрѣнія и требуя,

чтобы англійскій банкъ выпустилъ, не помню сколько-то, тысячъ милліоновъ десяти и шестипенсевыхъ билетовъ.

Призракъ выслушалъ меня въ молчаніи, и когда я кончилъ, обратился ко мнѣ съ воззваніемъ: — цырюльникъ!

— Цырюльникъ? повторилъ я, потому что не имѣлъ чести принадлежать къ этому сословію.

Призракъ продолжалъ: — цырюльникъ! Осужденный брить цѣлый рядъ постоянно смѣняющихся лицъ—то молодого человѣка, то себя самого, то своего отца, то своего дѣда; осужденный каждую ночь спать самъ другъ со скелетомъ и каждое утро просыпаться въ обществѣ скелета... я затрепеталъ, услышавъ этотъ ужасный приговоръ.

— Цырюльникъ! Догони ка меня!

Я чувствовалъ, еще прежде нежели слова эти были выговорены, что таинственная сила толкаетъ меня кинуться въ погоню за этимъ призракомъ; я не замедлилъ это сдѣлать и выбѣжалъ изъ комнаты барчука Б.

Всякому, конечно извѣстно, какія долгія и утомительныя. ночныя прогулки волей неволей дѣлали колдуньи; это извѣстно изъ признаній самихъ колдуній и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Призракъ барчука Б. заставилъ меня сдѣлать не менѣе долгую и утомительную прогулку.

Я послѣдовалъ за нимъ сначала на помелѣ, потомъ на дѣтской игрушечной лошадкѣ; что я говорю сущую правду, въ этомъ удостовѣряетъ меня самый запахъ краски, который, послѣ того какъ конекъ согрѣлся, сдѣлался весьма осязательнымъ; потомъ я преслѣдовалъ привидѣніе на без головомъ ослѣ и наконецъ на ослѣ, который до того былъ озабоченъ состояніемъ собственнаго желудка, что такъ и оставался, уткнувшись въ него головою. Еще позднѣе, подо мною смѣнялись кони, которые, казалось, только за тѣмъ и на свѣтъ родились, чтобы лягаться ногами,—корусели, качели и наконецъ наемные кабріолеты.

Чтобы не утомлять васъ разсказомъ о моихъ похожденіяхъ, я приведу вамъ для образчика одно изъ нихъ.

Со мной произошла чудесная перемѣна. Я былъ самимъ собою и въ то же время не былъ самимъ собою. Я сознавалъ въ себѣ присутствіе чего-то такого, что оставалось неизмѣн-

нымъ во все теченіе моей жизни,—а между тѣмъ, то не было мое *я*, легшее спать въ комнатѣ барчука Б. У меня было гладкое-прегладкое личико, и короткія-прекороткія ножки, и я зазвалъ за дверь другое подобное мнѣ существо, съ такимъ же гладкимъ личикомъ и такими же короткими ножками, которому сообщилъ предложеніе самого страшнаго свойства.

Я предлагалъ ему устроить вмѣстѣ сераль. Другое существо приняло живое участіе въ этомъ планѣ. Оба мы съ нимъ мало смыслили въ законахъ приличія, знали мы только, что подобный обычай былъ въ ходу на востокѣ и что его придерживался добрый калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что обычай этотъ въ высшей степени похвальный и вполнѣ достойный подражанія.—О, да, воскликнуло, припрыгнувъ, другое существо:—заведемъ сераль

Мы поняли, что замыселъ этотъ надо хранить въ глубокой тайнѣ отъ миссъ Гриффинъ, хотя, что до насъ касается, не питали ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ похвальности этого восточнаго учрежденія. Но мы знали, что миссъ Гриффинъ лишена всякихъ человѣческихъ симпатій и неспособна оцѣнить величіе великаго Гаруна. За то мы рѣшили открыть нашу завѣтную тайну миссъ Бьюль.

Насъ было десятеро въ гампстедскомъ учебномъ заведеніи миссъ Гриффинъ: восемь дѣвицъ и двое молодыхъ людей. Миссъ Бьюль, которая, по моимъ расчетамъ, успѣла уже въ то время достигнуть зрѣлаго восьмилѣтняго возраста, была царицею общества. Я въ тотъ же день открылся ей въ нашемъ замыслѣ и предложилъ ей сдѣлаться фавориткой.

Миссъ Бьюль, преодолѣвъ стыдливость, столь естественную и столь обаятельную въ ея миломъ полѣ, объявила, что предложеніе это очень лестно для нея, но тутъ же пожелала знать, какое назначеніе припасено нами для миссъ Пипсонъ. Миссъ Бьюль, видите ли, поклялась надъ большимъ молитвенникомъ въ футлярѣ оставаться до послѣдняго издыханія другомъ этой молодой особы, не имѣть отъ нея никакихъ тайнъ и всѣмъ съ ней дѣлиться; миссъ Бьюль объявила, что она, въ качествѣ друга миссъ Пипсонъ, не можетъ утаить ни отъ себя, ни отъ меня, то обстоятельство, что миссъ Пипсонъ тоже не изъ какихъ нибудь.

Такъ какъ у миссъ Пипсонъ были свѣтлые, вьющіеся волосы и голубые глаза (что для меня было идеаломъ женственной прелести), то я не задумываясь отвѣчалъ, что смотрю на миссъ Пипсонъ, какъ на прелестную черкешенку.

— Такъ что же изъ этого? задумчиво спросила миссъ Бьюль.

Я отвѣчалъ, что она должна быть похищена купцомъ, приведена ко мнѣ подъ покрываломъ и куплена какъ невольница.

(Другое существо уже было отодвинуто въ государственной мужской іерархіи на второй планъ и прочилось въ должность великаго визиря. Въ послѣдствіи оно, было, вздумало противиться этому распоряженію, но, бывъ оттаскано за волосы, смирилось).

— Не буду ли я ревновать? спросила миссъ Бьюль, опуская глаза.

— Нѣтъ, Зобеида, отвѣчалъ я:—ты всегда будешь любимою султаншею; первое мѣсто въ моемъ сердцѣ и на моемъ престолѣ всегда останется за тобою.

Послѣ этого увѣренія миссъ Бьюль согласилась предложить нашъ проэктъ на обсужденіе своимъ семерымъ подругамъ. Въ тотъ же день я напалъ на слѣдующую мысль: мы могли вполнѣ довѣриться доброй, вѣчно осклабляющейся душѣ по имени Табби, исполнявшей въ домѣ должность дѣвки-чернавки; у особы этой столько же было человѣческаго въ фигурѣ, сколько у любой изъ кроватей; лицо же постоянно, болѣе или менѣе было запачкано сажей. Послѣ ужина я украдкою сунулъ въ руку миссъ Бьюль маленькую записку, въ которой говорилось, что сажа, представлявшая въ нѣкоторомъ родѣ печать, наложенную перстомъ самаго провидѣнія, указывала намъ на Табби, какъ на достойную преемницу Мезрура, знаменитаго начальника черныхъ гаремныхъ стражей.

При введеніи новаго учрежденія дѣла какъ и вездѣ не обошлось безъ трудностей. Другое существо отличалось не совсѣмъ похвальными выходками: претерпѣвъ неудачу въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, оно возымѣло притворныя сомнѣнія на счетъ того, не предосудительно ли преклонять колѣна передъ калифомъ; отказывалось величать его повелителемъ правовѣрныхъ, оскорбительно отзывалось о немъ, какъ о

«взросломъ мальчишкѣ», объявляло, что не хочетъ играть въ эту игру,—слышите ли, игру!—и позволяло себѣ многія другія грубыя и оскорбительныя выходки. Впрочемъ эта низость встрѣтила успѣшный отпоръ въ общемъ негодованіи всего сераля и я былъ осчастливленъ улыбками восьми наипрекраснѣйшихъ между человѣческими дщерями.

— Я могъ быть награждаемъ этими улыбками, только въ тѣ минуты, когда миссъ Гриффинъ глядѣла въ другую сторону, — и то съ соблюденіемъ всевозможной осторожности, такъ какъ между послѣдователями пророка существовало преданіе, что миссъ Гриффинъ видитъ маленькимъ круглымъ очкомъ, находившимся въ самой серединѣ узора на спинкѣ ея шали. За то каждое послѣ обѣда мы проводили цѣлый часъ вмѣстѣ, — и тутъ-то фаворитка и остальныя красавицы гарема наперерывъ другъ передъ другомъ старались развеселить свѣтлѣйшаго Гаруна, отдыхавшаго отъ заботъ правленія, — заботъ, отличившихся подобно заботамъ всякаго другаго правителя, преимущественно арифметическимъ свойствомъ, такъ какъ повелитель правовѣрныхъ былъ страшно тупъ по части сложенія.

Миссъ Гриффинъ была образцомъ приличія и я рѣшительно не могу вообразить, каковы были бы чувства этой добродѣтельной женщины, если бы она знала, что, водя насъ попарно гулять по Гампстедскому шоссе, она такъ величаво выступала во главѣ многоженства и исламизма. Я убѣжденъ, что не мало способствовало сохраненію нашей тайны какое-то необъяснимое чувство злой радости, что вотъ миссъ Гриффинъ ничего не подозрѣваетъ, а такъ же злобное сознаніе того превосходства, которое давало намъ наше знаніе того, чего не знала миссъ Гриффинъ (а миссъ Гриффинъ знала все, что только можно было знать изъ книгъ). Дѣйствительно, тайна наша хранилась на славу и только разъ мы чуть-чуть сами себя не выдали. Это случилось въ воскресенье. Всѣ мы, миссъ Гриффинъ во главѣ нашей, были выстроены въ самой видной части церковной галлереи, свидѣтельствуя такимъ образомъ всенародно о несвѣтскомъ направленіи, даваемомъ въ нашемъ заведеніи; читалось въ этотъ день описаніе Соломонова великолѣпія въ его домашней жиз-

ни. Едва заслышалъ я имя этого царя, какъ совѣсть шепнула мнѣ: и ты то же, Гарунъ! У священника, совершавшаго въ тотъ день богослуженіе, глазъ былъ какъ-то особенно устроенъ, такъ что казалось онъ глядитъ прямо на меня. Лице мое покрылось багровымъ румянцемъ и каплями крупнаго пота. Великій визирь сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и всѣ султанши зардѣлись, какъ будто заходящее багдадское солнце кинуло свой отблескъ на ихъ прелестныя личики.

Въ эту-то критическую минуту грозная миссъ Гриффинъ встала и окинула взглядомъ дѣтей Ислама. Мнѣ показалось что церковь и государство вошли въ заговоръ съ миссъ Гриффинъ, чтобы изобличить насъ, и что вотъ-вотъ насъ выведутъ на позоръ на самую средину церкви, но такъ *западны*— позвольте мнѣ употребить это слово въ противоположность восточному міросозерцанію, — такъ западны были понятія миссъ Гриффинъ, что она заподозрѣла насъ просто въ контрабандномъ пользованьи яблоками, и мы были спасены.

Но тяжелый ударъ постигнулъ меня на самой вершинѣ моего благополучія. Я сталъ задумываться о своей матери и о томъ, что она скажетъ, если я привезу ей во время лѣтнихъ вакацій восемь посѣтительницъ, — прекраснѣйшихъ между дщерями человѣческими, но совершенно неожиданныхъ. Я сообразилъ количество пистолей въ нашемъ домѣ, средства моего отца, плату булочнику — и мое уныніе увеличилось. Сераль и лукавый визирь, угадывая причину тайной печали своего повелителя, дѣлали все, чтобы усилить эту печаль. Они пустились въ увѣренія безграничной преданности и объявили что и въ жизни и въ смерти останутся съ нимъ неразлучны. Эти увѣренія дѣлали меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, я много безсонныхъ часовъ проводилъ въ постели, размышляя о своей ужасной участи. Отчаянье мое доходило до того, что я подъ часъ готовъ былъ броситься на колѣни передъ миссъ Гриффинъ, открыться ей въ моемъ сходствѣ съ Соломономъ и просить чтобы меня наказали сообразно съ поруганными мною законами моего отечества; но неожиданный случай выручилъ меня изъ затрудненія.

Однажды мы прогуливались попарно, — при этомъ случаѣ визирь получилъ приказаніе,—въ случаѣ если заставный сто-

рожъ кинетъ свой оскверняющій взглядъ на красавицъ гарема (а этого онъ ни разу не преминулъ еще сдѣлать) — удавить его въ ту же ночь. Въ этотъ день облако печали тяготѣло надъ нашими серцаами; необъяснимая выходка Антилопы (одной изъ султаншъ) была причиною вевикаго бѣдствія, постигнувшаго все государство: красавица эта подъ тѣмъ предлогомъ, что предшествующій день былъ днемъ ея рожденія и что по этому случаю была прислана большая корзина, наполненная всякими сокровищами (а ни въ томъ, ни въ другомъ увѣреніи не было и тѣни правды), пригласила тайнымъ но весьма убѣдительнымъ образомъ до тридцати шести сосѣднихъ принцевъ и принцессъ на балъ и на ужинъ; при этомъ было выговорено, что за ними не пришлютъ изъ дому раньше двѣнадцати часовъ. Слѣдствіемъ этой причуды Антилопы было то, что къ подъѣзду миссъ Гриффинъ нежданно-негаданно стало прибывать въ различныхъ экипажахъ цѣлое общество, разодѣтое въ пухъ и прахъ; члены этого общества, волнуемые пріятнымъ ожиданіемъ, достигали подъ прикрытіемъ своихъ разнородныхъ конвойныхъ верхней площадки лѣстницы, откуда были выпроваживаемы въ слезахъ. Едва послышались учащенные удары молотка, извѣщавшіе объ этихъ событіяхъ, Антилопа поспѣшила запереться въ чуланѣ близь чердака; при каждомъ новомъ ударѣ молотка миссъ Гриффинъ волновалась все сильнѣе и сильнѣе, дошло наконецъ до того, что она во всеузрѣніе сорвала съ головы накладку. Дѣло кончилось тѣмъ, что преступница сдалась на капитуляцію и была засажена на хлѣбъ и на воду въ чуланъ, гдѣ хранилось бѣлье, а мы всѣ выслушали длинное правоученіе.

Вслѣдствіе всего этого мы уныло совершили свою прогулку; въ особенности я, чувствуя всю тяжесть лежавшихъ на мнѣ мусульманскихъ обязательствъ, былъ въ печальномъ настроеніи духа. Вдругъ незнакомый человѣкъ подошелъ къ миссъ Гриффинъ, и, пройдя съ ней рядомъ нѣсколько шаговъ и переговоривъ съ ней о чемъ-то, взглянулъ на меня. Въ полной увѣренности, что это одинъ изъ слугъ правосудія и что часъ мой насталъ, я тутъ же пустился въ бѣгство, наскоро рѣшивъ пробраться въ Египетъ.

Весь сераль испустилъ вопль, видя, что я улепетываю со

всѣхъ ногъ (я взялъ при первомъ поворотѣ на лѣво, за уголъ кабака, почему то предполагая, что это-то и есть кратчайшій путь къ пирамидамъ). Миссъ Гриффинъ закричала мнѣ вслѣдъ, вѣроломный визирь бросился за мною въ погоню, заставный сторожъ прижалъ меня къ углу, отрѣзавъ мнѣ всѣ пути къ бѣгству. Но, когда меня, пойманнаго, привели назадъ, никто и не подумалъ бранить меня; только миссъ Гриффинъ проговорила съ непостижимою кротостью: «Странное дѣло! отчего ты пустился бѣжать, когда этотъ господинъ поглядѣлъ на тебя?»

Миссъ Гриффинъ и незнакомый господинъ обступили меня и торжественно повели домой; но къ удивленію моему я замѣтилъ, что меня ведутъ не какъ преступника.

Прійдя домой мы удалились въ особую комнату и миссъ Гриффинъ призвала къ себѣ на помощь Мезрура, начальника темноцвѣтныхъ стражей гарема. Мезруру что-то передали, и я не знаю, вслѣдствіе чего онъ залился слезами.

— Господь съ тобою, голубчикъ! проговорилъ этотъ сановникъ, обращаясь ко мнѣ:—съ твоимъ папашей случилось несчастье.

Я спросилъ съ замирающимъ сердцемъ:

— Развѣ онъ очень боленъ?

— Утѣшь тебя Господь, моя овечка! продолжалъ добрый Мезруръ, становясь на колѣни, чтобы я могъ опустить голову на его плечо—твой папаша умеръ!

Куда дѣвался при этихъ словахъ Гарунъ аль-Рашидъ! Сераль тоже исчезъ; съ тѣхъ поръ я не видалъ болѣе ни одной изъ восьми прекраснѣйшихъ между дщерями человѣческими.

Меня взяли домой—а дома были смерть и нужда! Все наше имущество продали съ аукціона, въ томъ числѣ и моя маленькая кроватка пошла за грошъ. Потомъ меня отдали въ большую, скучную школу для мальчиковъ старшаго возраста, гдѣ все, и одежда и пища было грубо и въ недостаточномъ количествѣ; гдѣ всѣ, и взрослые и дѣти были безжалостны; мои товарищи знали о бывшемъ у насъ аукціонѣ и разспрашивали меня, за сколько я пошелъ и кто меня купилъ и кричали мнѣ вслѣдъ: «идетъ, идетъ,—ушелъ съ молотка!» Я никому не рѣшался открыть въ этомъ непривѣтномъ домѣ, что

я былъ когда-то Гаруномъ и имѣлъ сераль; потому что я зналъ, что стоило мнѣ упомянуть о превратностяхъ моей судьбы, и мнѣ не дали бы проходу, такъ что мнѣ ничего болѣе не осталось бы, какъ утопиться въ тинистомъ пруду, находившемся недалеко отъ рекреаціоннаго двора и вода въ которомъ походила на пиво.

Увы! друзья мои! Съ той поры, какъ я поселился въ комнатѣ мальчика, никакого другаго призрака не видалъ я въ ней, кромѣ призрака моего собственнаго дѣтства, моей невинности и моихъ наивныхъ вѣрованій Часто гонялся я за этимъ призракомъ; не нагнать мнѣ его видно моею возмужалою походкой, не поймать мнѣ его моими возмужалыми руками, не воскресить мнѣ его въ первобытной чистотѣ въ глубинѣ моего возмужалаго сердца. И вотъ я, какъ видите, силюсь по возможности бодро и весело исполнить свое предопредѣленіе и брѣю въ зеркалѣ длинную вереницу безпрестанно являющихся лицъ, и ложусь и встаю съ постели самъ другъ со скелетомъ— моимъ неразлучнымъ земнымъ спутникомъ.

Призракъ въ садовой комнатѣ.

Мой другъ и довѣритель потеръ рукою свой плѣшивый лобъ, который имѣетъ въ себѣ что-то Шекспировское, и, понюхавъ щепотку табаку, приговорилъ: Въ комнату мою повадился ходить призракъ судьи.

— Призракъ судьи? воскликнуло все общество.

— Да, судьи. Я никогда не забуду того, что слышалъ отъ него; то былъ случай изъ его судебной практики.

Всѣ мы полюбопытствовали услышать про этотъ случай, чтобы онъ и у насъ врѣзался въ памяти, и мой другъ и довѣритель началъ такъ:

Въ первые годы текущаго стилѣтія почтенная чета, по имени Гонтройдъ, нанимала небольшую ферму въ сѣверномъ округѣ Іоршайра. Стали они мужемъ и женою уже не въ молодыхъ годахъ, хотя и были молоды въ то время, когда свели первое знакомство. Натанъ Гонтройдъ былъ работникомъ на фер-

мѣ отца Эсфири Розъ и искалъ ея руки еще въ то время, когда родители прочили ей лучшихъ жениховъ, а потому, не освѣдомляясь о ея чувствахъ, нѣсколько круто выпроводили Натана. Послѣ того много воды утекло. Натану уже перевалило за сорокъ, когда у него умеръ какой-то дядя и оставилъ ему изрядное наслѣдство, такъ что онъ могъ снять небольшую ферму, да еще отложить малую толику въ банкъ на черный день. Однимъ изъ послѣдствій этой перемѣны въ судьбѣ Натана было то, что онъ сталъ спокойно и не торопясь пріискивать себѣ хозяйку; вдругъ до него однажды дошло, что старинная любовь его Эсфирь Розъ не замужемъ и не живетъ припѣваючи, какъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, — а живетъ чернорабочей служанкой въ городѣ Райпонѣ. Отецъ ея, потерпѣвъ цѣлый рядъ неудачь, былъ доведенъ до нищеты; мать умерла, братъ выбивался изъ силъ, чтобы прокормить многочисленную семью, сама же Эсфирь была въ тридцать семь лѣтъ смиренною, невзрачною, но лихою работницей. На минуту — но не болѣе какъ на минуту — Натанъ испыталъ какое-то злое удовольствіе, услышавъ объ этихъ поворотахъ колеса фортуны. Ни слова не сказалъ онъ никому по этому поводу, но нѣсколько дней спустя, явился, разодѣтый по праздничному, въ Райпонъ и постучался къ мистрисъ Томпсонъ съ чернаго крыльца.

Ему вышла отворить Эсфирь; свѣтъ прямо падалъ на нее, между тѣмъ какъ онъ остался въ тѣни. Съ минуту длилось молчаніе; онъ разсматривалъ ту, которую онъ любилъ когда-то и которую не видалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Отъ миловидности и молодости не уцѣлѣло и слѣда; какъ мы уже сказали, наружность Эсфири была скромная, невзрачная; но цвѣтъ лица у нея былъ чистый и глаза глядѣли открыто и привѣтливо. Одѣта она была скромно, но опрятно и изъ подъ короткой юбки ея виднѣлась стройная нога. Бывшій любовникъ ея не предавался восторгу, онъ просто сказалъ про себя: ничего, годится! и прямо приступилъ къ дѣлу:

— Эсфирь, ты не узнаешь меня. Я тотъ самый Натанъ, котораго двадцать лѣтъ тому назадъ отецъ твой согналъ со двора, за то, что я было вздумалъ просить тебя въ жены. Съ той поры я и изъ головы выкинулъ было женитьбу; но

вотъ, дядя Бенъ померъ и оставилъ мнѣ малую толику въ банкѣ; я снялъ ферму Набсъ-Эндъ, обзавелся скотинкой, теперь ищу себѣ хозяюшку, чтобы могла за всѣмъ приглядѣть. Хочешь, что-ли, быть хозяйкой въ моемъ домѣ? Небось, худаго ничего не увидишь. Такъ если тебѣ не супротивно, я приду за тобою, какъ только уберемся съ сѣномъ.

Эсфирь только отвѣчала: Да что ты не войдешь въ горницу и не присядешь?

Онъ вошелъ и присѣлъ. Прошло нѣсколько времени и она обращала на него столько же вниманія, сколько и на его палку: она суетилась, отпуская обѣдъ своимъ господамъ. А онъ между тѣмъ слѣдилъ за ея проворными, угловатыми движеніями и еще разъ сказалъ про себя: ничего, годится! Минутъ двадцать спустя онъ всталъ и проговорилъ:

— Ну, Эсфирь, я ухожу. Такъ когда же мнѣ опять приходить?

— Когда тебѣ будетъ угодно, этакъ ты и мнѣ угодишь, отвѣчала Эсфирь, стараясь казаться спокойною; но онъ видѣлъ, что она то и дѣло мѣнялась въ лицѣ и вся дрожала. Минуту спустя Эсфирь получила крѣпкій поцѣлуй; но когда она оглянулась на пожилаго фермера; чтобы побранить его, то увидѣла его такимъ степеннымъ и спокойнымъ, что раздумала.

— Вотъ я и угодилъ себѣ—и тебѣ тоже надѣюсь угодить, проговорилъ онъ. Будетъ съ тебя что-ли мѣсяца на сборы? Нынче восьмое число, восьмаго іюля будетъ наша свадьба. А до тѣхъ поръ мнѣ недосугъ сюда ходить, да и свадьбу незачѣмъ долго праздновать. Въ наши годы за глаза довольно и двухъ дней на прогулъ.

Все это походило на сонъ. Но Эсфирь рѣшила не думать объ этомъ больше, пока не справитъ всю свою работу. Вечеромъ, убравшись совсѣмъ, она пошла и предупредила свою госпожу о томъ, что отходитъ и разсказала ей въ немногихъ словахъ повѣсть всей своей жизни. Ровно мѣсяцъ спустя она вышла замужъ

Отъ этого брака родился одинъ только сынъ, котораго назвали Веньяминомъ. Немного лѣтъ спустя послѣ его рожденія умеръ въ Лидсѣ братъ Эсфири, оставивъ послѣ себя человѣкъ

десять или двѣнадцать дѣтей. Эсфирь горько оплакивала его и Натанъ оказалъ ей много тихаго участія, хотя и не могъ позабыть, что Джакъ Розъ растравилъ оскорбленіями рану его молодости. Онъ снарядилъ жену свою въ Лидсъ; успокоилъ ее на счетъ разныхъ хозяйственныхъ заботъ, которыя не выходили у нея изъ головы передъ отъѣздомъ; набилъ кошелекъ ея деньгами, чтобы было ей чѣмъ выручить изъ немедленныхъ затрудненій семейство ея брата; наконецъ, когда повозка тронулась, онъ побѣжалъ за ней въ догонку. —Стой, стой, прокричалъ онъ:—Гетти, коли ты хочешь, и тебѣ не будетъ въ тягость, привези съ собою одну изъ дочерей Джака. Достаткомъ насъ богъ не обидѣлъ, а съ дѣвкой въ домѣ славно повеселѣетъ.

Повозка тронулась и сердце Эсфири переполнилось чувствомъ благоговѣйной благодарности. Итакъ маленькая Бетси Розъ переѣхала на жительство въ Кабсъ-Эндскую ферму.

Доброе дѣло на этотъ разъ нашло въ себѣ самомъ свою награду, что впрочемъ не должно вводить людей въ заблужденіе, будто добрыя дѣла обыкновенно награждаются. Изъ Бетси вышла веселая, любящая, дѣятельная дѣвушка; дядя и тетка бывало на нее не нарадуются. Они такъ полюбили ее, что даже сочли достойною своего единственнаго сына Веньямина, который въ ихъ глазахъ былъ совершенствомъ. И дѣйствительно, Веньяминъ Гонтройдъ по красотѣ и изяществу могъ бы быть графскимъ сыномъ. Даже сосѣдніе сквайры, проѣзжая мимо, осаживали своихъ лошадей, чтобы полюбоваться на него. Въ немъ не было и тѣни застѣнчивости, онъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ чтобы посторонніе восхищались имъ, а родители молились за него Богу. Что же касается до Бетси Розъ, то онъ сдѣлался съ первой же минуты ихъ встрѣчи полновластнымъ властелиномъ ея сердца. Любовь ея росла съ годами, и она старалась завѣрить себя, что долгъ велитъ ей любить выше всего то, что всего дороже ея дядѣ и теткѣ. Старики переглядывались и улыбались каждый разъ, какъ молодая дѣвушка, сама того не подозрѣвая, выдавала свою любовь къ двоюродному брату; дѣло шло именно такъ, какъ они желали; незачѣмъ было отправляться въ дальніе поиски за женою для Веньямина.

Но Веньяминъ смотрѣлъ на это дѣло безъ особеннаго увлеченія. Въ дѣтствѣ онъ посѣщалъ въ качествѣ экстерна школу въ сосѣднемъ городѣ, одну изъ тѣхъ гимназій, которыя находились въ такомъ плачевномъ состояніи лѣтъ тридцать тому назадъ. Школа была такъ устроена, что ученики не только не научались въ ней добру, но еще научались притворству; впрочемъ съ виду Веньяминъ поумнѣлъ и пріобрѣлъ въ ней джентльменское изящество. Родители гордились имъ, когда онъ пріѣзжалъ домой на вакаціи, хотя все его джентльменское изящество выражалось относительно нихъ явнымъ презрѣніемъ. Восемьнадцати лѣтъ онъ поступилъ ученикомъ въ контору гайминстерскаго адвоката — (передъ этимъ онъ объявилъ наотрѣзъ, что не хочетъ оставаться неотесаннымъ мужикомъ, т. е. честнымъ работящимъ фермеромъ, подобно своему отцу); одна Бетси Розъ была въ эту пору недовольна имъ; четырнацатилѣтняя дѣвочка смутно чувствовала, что въ немъ что-то все не такъ, какъ бы должно быть. Но увы! прошло два года и шестнадцатилѣтняя дѣвушка боготворила даже тѣнь его и вѣрить не хотѣла, чтобы что было не такъ въ красивомъ, добромъ, привѣтливомъ братцѣ Веньяминѣ. Отъ Веньямина не укрылось, что лучшимъ способомъ подольститься къ родителямъ и выманить у нихъ побольше денегъ, было — ухаживать за хорошенькой кузиной Бетси Розъ. Она ровно настолько ему нравилась, что онъ не тяготился этимъ обязательнымъ ухаживаньемъ, пока она была у него на глазахъ. Но какъ скоро они были врозь, онъ находилъ очень скучнымъ помнить о ней, исполнять ея маленькія порученія и писать ей обѣщанныя письма. Когда кончилось его ученичество, онъ сталъ неотступно требовать, чтобы его отправили на годъ или на два въ Лондонъ. Бѣдный Гонтрайдъ началъ жалѣть, что задумалъ сдѣлать своего сына джентльменомъ. Но теперь уже было поздно раскаяваться; старики это поняли и, скрѣпя сердце, промолчали на его требованье въ тотъ вечеръ, когда оно было впервые предъявлено. Бетси разглядѣла сквозь слезы, что дядя и тетка казались болѣе обыкновеннаго утомленными въ этотъ вечеръ; проводивъ Веньямина и убирая все со стола послѣ ужина, она старалась какъ можно больше шумѣть, какъ будто шумъ и суета могли удержать ея слезы, готовыя

хлынуть. На дядю же съ теткой она вовсе избѣгала глядѣть.

— Присядь-ка, дѣвка; придвинь скамеечку къ камину и потолкуемъ о нашемъ парнѣ, проговорилъ Натанъ, дѣлая надъ собой усиліе. Бетси повиновалась и, подсѣвъ къ камину, накинула себѣ фартукъ на лицо, прижавъ его обѣими руками.

— Слыхала-ли ты когда прежде объ этой сумасбродной затѣѣ, Бетси?

— Нѣтъ никогда! отвѣчала она изъ-подъ фартука глухимъ, измѣнившимся голосомъ. Эсфири вообразилось, что вопросъ равно какъ и отвѣтъ выражали неодобреніе; этого она не могла стерпѣть.

— Это наше дѣло было смотрѣть въ оба, когда мы его отдавали въ ученье, вмѣшалась она: — дѣло и съ самаго начала къ тому шло. Не его вина, что ему надо держать въ Лондонѣ какіе-то тамъ экзаменты.

— Да кто же изъ насъ ставитъ ему это въ вину? спросилъ Натанъ. Оно, точно, что для этихъ экзаментовъ съ него двухъ-трехъ недѣль было бы за глаза довольно — это мнѣ самъ стряпчій, Лаусонъ, сказывалъ. А что его тянетъ въ Лондонъ на годъ, на два, такъ на то его добрая воля.

Натанъ покачалъ головою.

— А хотя бы и впрямъ на то была его дебрая воля, вмѣшалась Бетси, отнимая фартукъ отъ своего раскраснѣвшагося лица и заплаканныхъ глазъ, — еще я тутъ не вижу большой бѣды. Парень не то что дѣвка, — его на привязи не удержишь. Молодому человѣку и слѣдуетъ на людей посмотрѣть и себя показать, прежде чѣмъ зажить своимъ домикомъ.

Рука Эсфири сочувственно потянулась къ рукѣ Бетси и обѣ женщины съ вызывающимъ выраженіемъ приготовились встрѣтить всякія нападки на своего отсутствующаго любимца.

— Полно, дѣвка, не горячись, отвѣчалъ Натанъ; что сдѣлано, того не передѣлаешь; всего тошнѣе то, что самъ я всему причиной: нужно очень мнѣ было своего сына дѣлать джентльменомъ! Вотъ теперь и платись за это. Но дѣлать нечего, пускай ѣдетъ, — такъ что ли Бетси? — Можетъ статься черезъ годокъ, другой, онъ и вернется къ намъ, совьетъ

свое гнѣздышко въ ближнемъ городѣ и женится, — а за женой ему не далеко ходить. Мы же, старики, сдадимъ ферму и переѣдемъ поближе къ стряпчему Веньямину.

И добрый Натанъ, тая про себя свое горе, старался ободрить обѣихъ женщинъ. А между тѣмъ, онъ всѣхъ дольше не засыпалъ въ эту ночь.

На слѣдующее утро Натанъ отправился въ Гаймнистеръ повидаться съ мистеромъ Лаусономъ. Всякій, кто видѣлъ его передъ отъѣздомъ, не узналъ бы его по возвращеніи, — такой крутой перемѣны не могла произвести одна усталость: возжи почти выпадали у него изъ рукъ, голова его наклонилась впередъ и глаза были неподвижно устремлены на одну какую-то незримую точку. Но, подъѣзжая къ дому, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы казаться какъ ни въ чемъ не бывало.

— Съ какой стати печалить ихъ, проговорилъ онъ. Надо же молодцу перебѣситься. Только не ожидалъ я, чтобъ онъ до этого дошелъ,—молоденекъ онъ для этого. Ну, да авось поумнѣетъ въ Лондонѣ. Первымъ долгомъ надо его спровадить подальше отъ такихъ негодяевъ-товарищей, какъ Уиль Гаукъ и ему подобные. Они-то и сбили моего парнишку съ пути. Пока онъ съ ними не знался, онъ былъ добрымъ малымъ.

На другой день Веньяминъ пріѣхалъ домой погостить недѣли на двѣ передъ отъѣздомъ въ Лондонъ. Отецъ держался отъ него какъ то въ сторонѣ и въ обращеніи своемъ съ молодымъ человѣкомъ соблюдалъ какое-то торжественное спокойствіе. Бетси, у которой сначала проглядывала досада и срывалось не одно рѣзкое слово, мало по малу смягчилась и даже пеняла въ душѣ на своего дядю за его холодный сдержанный тонъ съ Веньяминомъ. Тетка ея, какъ-то трепетно суетилась около комодовъ и шкаповъ съ платьями, какъ будто боясь и думать о прошедшемъ или о будущемъ; разъ только или два случилось ей подойти сзади къ своему сыну и, наклонившись къ нему, поцѣловать его и погладить по головѣ. Долго послѣ того Бетси не могла забыть, съ какимъ нетерпѣливымъ движеніемъ онъ встряхивалъ на это головою и ворчалъ, такъ что Бетси ясно могла разслышать, хотя ея тетка и не слыхала:

— Да оставите-ли вы меня въ покоѣ?

Съ самой Бетси онъ былъ довольно милостивъ, — да, именно, милостивъ,—иначе и нельзя опредѣлить той любезности дурнаго тона, которую онъ оказывалъ молодой красивой дѣвушкѣ; раза два онъ удостоилъ сказать комплиментъ ея наружности. Она поглядѣла на него съ изумленіемъ и сказала:

— Развѣ мои глаза перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ ты намедни ихъ видѣлъ? спросила она. Чѣмъ расхваливать мнѣ ихъ, лучше бы ты поднялъ матери спицу, которую она обронила и не найдетъ въ потьмахъ.

А между тѣмъ этотъ сынъ, надежда и любимецъ цѣлой семьи, обладалъ какою-то непостижимою, обаятельною силою. Наканунѣ отъѣзда онъ сидѣлъ между своими родителями; Бетси, положивъ голову къ теткѣ на колѣни, устремляла на него отъ времени до времени долгій взглядъ, какъ бы стараясь запомнить наизустъ каждую черту его лица; когда же взгляды ихъ встрѣчались, то она опускала глаза и только молча вздыхала.

Пусто стало безъ него въ домѣ, хотя всѣ домашніе и старались не замѣчать этой пустоты; они принимались за работу съ удвоеннымъ рвеніемъ, но работа почему-то не спорилась. Настала зима, а съ нею и нескончаемо длинные, скучные вечера. Онъ писалъ не то чтобъ очень часто, — всякій думалъ про себя, что можно бы было и чаще писать, но каждый готовъ былъ стоять за него горою, если кто другой высказывалъ туже мысль вслухъ. Натанъ и Гетти Гонтройдъ круто измѣнились въ этотъ годъ. Еще весною они смотрѣли пожилою, но еще крѣпкою, бодрою четою, теперь же они стали дряхлыми стариками. До Натана доходили дурные слухи о единственномъ его дѣтищѣ и, передавая ихъ женѣ, онъ отказывался принимать ихъ за сущую правду, а впрочемъ, заключалъ онъ, «пошли намъ Господи терпѣнья, коли онъ точно сталъ такимъ».

Прошелъ еще годъ, настала опять зима, еще безрадостнѣе первой! Весною этого года вернулся Веньяминъ; вернулся онъ испорченнымъ, нахальнымъ молодымъ человѣкомъ; впро-

чемъ на тѣхъ, которые отъ роду не видывали лондонскаго кутилы самого низшаго разряда, его красивая наружность и развязные пріемы могли произвести довольно сильное впечатлѣніе. Въ первыя минуты, когда онъ, разваливаясь на ходу и съ видомъ полунапускнаго, полуискренняго равнодушія, вошелъ въ домъ, родители почувствовали къ нему нѣкотораго рода благоговѣніе; имъ казалось, что передъ ними не сынъ ихъ, а настоящій джентльменъ. Но въ ихъ простой природѣ слишкомъ вѣрно было инстинктивное пониманіе истиннаго изящества, чтобы нѣсколько минутъ спустя не сказалась имъ мишурность того, что было у нихъ передъ глазами.

— И что это такое съ нимъ сталось? замѣтила Эсфирь своей племянницѣ, какъ только онѣ остались одни. Къ чему это онъ цѣдитъ слова, точно языкъ у него расколотъ на двое, какъ у сороки? Эхъ! ужь этотъ мнѣ Лондонъ! онъ не хуже жаркаго лѣтняго дня портитъ хорошее мясо. Поѣхалъ онъ туда молодецъ молодцомъ; а теперь, посмотри, на кого онъ похожъ? Все лице въ угряхъ и морщинахъ.

— А я такъ нахожу, что ему очень пристали новомодныя баки, замѣтила Бетси, краснѣя при воспоминаніи о поцѣлуѣ, полученномъ отъ него при свиданьи—поцѣлуй этотъ,—такъ думала бѣдная дѣвушка, — служилъ ей ручательствомъ, что, несмотря на свои рѣдкія письма, онъ все-таки не переставалъ смотрѣть на нее, какъ на свою будущую жену.

Многое не нравилось въ немъ домашнимъ, но они не могли не нарадоваться, видя что онъ уже теперь не искалъ развлеченій, не отлучался то и дѣло то туда, то сюда, какъ это бывало прежде, а смирнехонько оставался дома. По утру, когда Натанъ вышелъ въ поле, Веньямянъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, и соразмѣрялъ свои шаги съ торопливой, но уже нетвердой походкой старика: старикъ и самъ повеселѣлъ, видя, что сынъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ фермы и терпѣливо выслушиваетъ его хозяйственныя замѣчанія.

— Мнѣ подъ часъ сдается, заключилъ старикъ, что женившись на Бетси ты раздумаешь идти по адвокатской части и займешься нашимъ дѣломъ.

Это было ловкое вступленіе, чтобы развѣдать, можно ли было съ надеждою на успѣхъ повести рѣчь о томъ, что составля-

ло завѣтную мечту старика,—именно, чтобы Веньяминъ возвратился къ отцовскимъ занятіямъ.

— Видишь ли, батюшка, адвокатскимъ дѣломъ трудно прожить; молодому человѣку въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ связей, а между тѣмъ ни у тебя, ни у матушки нѣтъ такихъ знакомыхъ, которые могли бы вывести меня въ люди. Къ счастью я встрѣтилъ человѣка,—можно сказать друга, отличнѣйшаго малаго, который со всѣми знакомъ, начиная съ лорда канцлера. Онъ-то мнѣ и предложилъ сдѣлаться его компаньономъ... Тутъ Веньяминъ пріостановился.

— Это, какъ я вижу, добрѣйшій долженъ быть джентльменъ, сказалъ Натанъ:—если бы я могъ, я, кажется, пошелъ бы благодарить его. Вытащить новичка, такъ сказать, изъ грязи и подѣлиться съ нимъ половиною своего счастія, — пользуйтесь-молъ имъ себѣ на здоровье, сэръ, — на это не много найдется людей. Люди все больше норовятъ, коли имъ выпадетъ какая удача, покрѣпче прибрать ее къ рукамъ, чтобъ неравно другіе не отбили ее у нихъ. Желательно мнѣ было бы знать, какъ зовутъ этого джентльмена?

— Ты не совсѣмъ такъ меня понялъ, батюшка. Въ томъ что ты говоришь, конечно, есть большая доля правды, люди вообще не любятъ дѣлиться своимъ счастьемъ, какъ ты сказалъ

— Тѣмъ больше чести тому, кто не прочь имъ подѣлится, перебилъ Натанъ.

— Такъ, такъ, но видишь ли, даже такой отличный малый, какъ мой пріятель Ковендишъ, не уступитъ половины своихъ кліентовъ даромъ. Онъ ожидаетъ за это вознагражденія.

— Вознагражденія, повторилъ Натанъ и голосъ его палъ на цѣлую октаву.—Чтобы это такое значило? Хоть я и плохъ по части грамоты, а все-же такъ смекаю, что каждое этакое мудреное слово что нибудь да значитъ.

— Въ настоящемъ случаѣ вотъ что оно значитъ: въ вознагражденіе за то, что онъ возметъ меня въ долю, а впослѣдствіи и все дѣло передастъ въ мои руки, онъ требуетъ триста фунтовъ стерлинговъ.

Веньяминъ взглянулъ изъ подлобья, чтобы узнать, какъ приметъ отецъ его это предложеніе. Старикъ глубоко вотк-

нулъ въ землю свою палку и, опершись на нее одною рукою, повернулся къ нему прямо лицомъ.

— Коли такъ, пусть твой пріятель убирается къ чорту. Шутка ли, триста фунтовъ стерлинговъ! Да положимъ, я и радъ бы дать и себя и тебя одурачить,—хотѣлъ бы я знать, откуда мнѣ взять такія деньги?

Онъ остановился, чтобы перевести духъ; сынъ выслушалъ слова его въ угрюмомъ молчаніи: онъ заранѣе успѣлъ приготовиться къ этому первому взрыву.

— Мнѣ кажется, сэръ... началъ онъ, немного погодя

— Сэръ? Что я тебѣ за сэръ? Это у васъ тамъ, можетъ, водится. Я просто на просто Натанъ Гантрайдъ; я отъ роду не лѣзъ въ джентльмены, но до сихъ поръ я сводилъ концы съ концами; не знаю только, долго ли это и впредь будетъ такъ; родной сынъ требуетъ у меня триста фунтовъ стерлинговъ, точно я дойная корова ему дался.

— Ну что жъ, батюшка, заговорилъ Веньяминъ съ притворною откровенностью: — коли такъ, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ эмигрировать.

— Что-о? Переспросилъ отецъ, глядя на него упорнымъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Эмигрировать. Отправиться въ Америку, въ Индію или другую какую колонію, гдѣ способному молодому человѣку легче составить себѣ карьеру. Веньяминъ разсчитывалъ на неотразимое дѣйствіе этого послѣдняго рѣшительнаго средства. Но къ его удивленію, отецъ только выдернулъ изъ земли глубоко засаженный конецъ своей палки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тутъ онъ снова остановился и мертвое молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Это пожалуй будетъ для тебя всего лучше, началъ онъ наконецъ: (хорошо было для бѣднаго Натана, что онъ не замѣтилъ взгляда, которымъ отвѣтилъ ему сынъ.) Только намъ-то съ Эсфирью каково будетъ? Тамъ, какой бы ты ни былъ, все-же ты наша плоть и кровь, наше единственное дѣтище. Да узнай только жена, что онъ собирается въ Америку—она, кажись, этого и не переживетъ; и Бетси тоже, бѣдняжка, души въ немъ не чаетъ. Рѣчь старика перешла безъ его вѣдома въ монологъ, къ которому между тѣмъ

жадно прислушивался Веньяминъ. Немного помолчавъ, отецъ снова обратился къ нему.—Не повѣрю же я, чтобы кромѣ того человѣка, никто не могъ тебя поставить на ноги. Можетъ статься, другіе не стали бы такъ дорожиться.

— Болѣе выгодныхъ условій мнѣ нигдѣ не найти, отвѣчалъ Веньяминъ, которому показалось, что отецъ начинаетъ поддаваться.

— А коли такъ, ты можешь сказать ему, что не видать вамъ съ нимъ этихъ трехсотъ фунтовъ, какъ своихъ ушей. Я не таюсь, у меня отложена малая толика на черный день, но до трехсотъ фунтовъ далеко не хватаетъ, и часть ихъ я берегу для Бетси, которая была намъ замѣсто дочери.

— Но, придетъ время и Бетси сдѣлается и въ самомъ дѣлѣ вашею дочерью, дайте мнѣ только обзавестись своимъ домомъ, куда бы я могъ взять ее. Въ сущности Веньяминъ очень легко смотрѣлъ на свои отношенія къ Бетси, но въ настоящую минуту, нельзя сказать, чтобы онъ лгалъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не прочь былъ сдѣлать ее своей женою, хотя и намекалъ на это съ тѣмъ только, чтобы поддѣлаться къ отцу.

— До тѣхъ поръ, авось богъ приберетъ насъ съ женою, отвѣчалъ старикъ.—Но опять-таки я говорю тебѣ—нѣтъ у меня трехсотъ фунтовъ. Ты знаешь, я всѣ свои лишнія деньги откладываю въ чулокъ и берегу ихъ въ немъ, пока накопится пятьдесятъ фунтовъ, тогда я отдаю ихъ въ райпонскій банкъ. Теперь у меня лежитъ въ банкѣ двѣсти фунтовъ, да въ чулкѣ пятнадцать; изъ этихъ денегъ я сто фунтовъ откладывалъ для Бетси.

Веньяминъ недовѣрчиво поглядѣлъ на отца. Уже одно то, что онъ могъ старика отца заподозрить во лжи, достаточно обрисовываетъ его характеръ.

— Я радъ бы тебѣ пособить и ускорить вашу свадьбу да, видишь, не могу. Еще много уйдетъ денегъ на покупку сѣмянъ,—послѣдній урожай былъ больно плохъ. А вотъ что я тебѣ скажу, сынокъ: я тебѣ Бетсину сотню дамъ взаймы, а ты ей дашь собственной руки росписку. Мы вынемъ деньги изъ райпонскаго банка и поторгуемся съ адвокатомъ: мо-

жетъ статься, онъ тебя и за двѣсти фунтовъ согласится взять въ долю.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Веньяминъ помирился на двухстахъ фунтахъ. Тѣмъ не менѣе тѣ пятнадцать фунтовъ, которые копились въ чулкѣ, не давали ему покоя. Онъ находилъ, что они принадлежатъ ему по праву, какъ единственному наслѣднику отца, и никакъ не могъ простить Бетси того обстоятельства, что часть сбереженныхъ денегъ предназначалась ей. Между тѣмъ Натанъ былъ въ этотъ вечеръ необычайно веселъ. Его великодушному. любящему сердцу было отрадно сознаніе, что онъ, цѣною чуть ли не всего своего состоянія, способствовалъ счастью двухъ молодыхъ людей. Самое величіе довѣрія, оказаннаго имъ своему сыну, казалось дѣлало Веньямина достойнымъ этого довѣрія. Въ этотъ вечеръ Бетси выслушала отъ дяди много непонятныхъ шутливыхъ намековъ, — старикъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Веньяминъ разсказалъ ей обо всемъ случившемся, тогда какъ на дѣлѣ Веньяминъ не говорилъ ей ни слова.

Когда престарѣлая чета улеглась въ постель, Натанъ передалъ женѣ свой утренній разговоръ съ сыномъ. Бѣдная Эсфирь была нѣсколько поражена перемѣною въ назначеніи запаснаго капитала. Но деньги эти были нужны Веньямину, и она не жалѣла съ ними разстаться. Страннымъ только казалось ей, какъ могла потребоваться такая большая сумма. Но и это недоумѣніе вскорѣ было отодвинуто на второй планъ потрясающею мыслью, что вотъ Бенъ переѣдетъ на житье въ Лондонъ, а за нимъ послѣдуетъ Бетси, сдѣлавшись его женою. Утромъ, пока Бетси мѣсила тѣсто, тетка ея сидѣла, противъ обыкновенія ничего не дѣлая, передъ огнемъ.

— Вотъ скоро намъ придется хлѣбъ брать въ лавкѣ, сказала она.—А этого мы съ покон-вѣку не дѣлали.

Бетси съ удивленнымъ видомъ оторвалась отъ своей работы.

— Ну ужъ, благодарю покорно—ѣсть такую мерзость. Да на что вамъ, тетушка, понадобилось брать хлѣбъ у булочника? Посмотрите, какъ хорошо взойдетъ это тѣсто.

— Мнѣ самой теперь не подъ силу мѣсить, а ты скоро уходишь въ Лондонъ, такъ и придется намъ ѣсть покупной хлѣбъ, какого отъ роду не ѣдали.

— Я и не думаю ѣхать въ Лондонъ, отвѣчала Бетси, вся вспыхнувъ и принимаясь мѣсить съ удвоеннымъ рвеніемъ.

— Но вѣдь нашъ Бенъ вступаетъ въ долю съ однимъ богатымъ лондонскимъ стряпчимъ, а ты знаешь, что онъ только того и выжидаетъ, чтобы жениться на тебѣ.

— И, тетушка, отвѣчала Бетси, очищая тѣсто съ рукъ и все еще не поднимая глазъ: — если только за этимъ дѣло стало — не безпокойтесь: Бенъ двадцать разъ передумаетъ, прежде чѣмъ начнетъ дѣло и женится. Меня за одно досада разбираетъ, продолжала она съ возрастающимъ раздраженіемъ: — за то, что я сохну по немъ, когда онъ обо мнѣ и не думаетъ. Нѣтъ, право, какъ только онъ уѣдетъ, и изъ головы выброшу объ немъ думать.

— И это тебѣ, дѣвка, не стыдно? А онъ-то только хлопочетъ, какъ бы все лучше для тебя же устроить. Еще вчера онъ говорилъ объ этомъ съ твоимъ дядей и такъ-то все хорошо расписывалъ. Одно горе только, дѣвка, крѣпко стоскуемся мы безъ васъ.

И старуха заплакала тѣмъ безслезнымъ всхлипываньемъ, которымъ плачетъ старость.

Вечеромъ Натанъ и его сынъ возвратились изъ Гаймингстера, покончивъ всѣ дѣла къ великому удовольствію старика. Бетси, пріятно взволнованная всѣмъ, что слышала по утру отъ своей тетки и чему такъ охотно вѣрила, — Бетси, краснѣющая и привѣтливая, казалась почти хорошенькой; пока она бѣгала изъ кухни въ кладовую, Веньяминъ далъ ей украдкою не одинъ поцѣлуй, на что старики добровольно закрывали глаза. Позднѣе къ ночи всѣ притихли и пріуныли при мысли о предстоящей разлукѣ; Бетси пустила въ ходъ невинную хитрость, чтобы усадить Веньямина возлѣ его матери и исполнить такимъ образомъ видимое желаніе старушки. Пока мать гладила его руку и называла его разными нѣжными именами, Веньяминъ сталъ зѣвать. Бетси готова была бы надавать ему пощечинъ за неумѣнье подавить или скрыть эту зѣвоту, но мать оказалась сострадательнѣе.

— Ты усталъ, мое дитятко, проговорила она, ласково опуская ему руку на плечо, — но рука ея упала, сброшенная его рѣзкимъ движеніемъ при вставаньи.

— Да, я чертовски усталъ, отвѣчалъ онъ и, перецѣловавъ всѣхъ съ грубою небрежностью, въ томъ числѣ и Бетси, удалился.

На другой день онъ почти досадовалъ на домашнихъ за то, что они поднялись раньше обыкновеннаго, чтобы проводить его. На прощаньи онъ держалъ имъ слѣдующую рѣчь:—Ну, добрые люди, надѣюсь, что когда я пріѣду опять, у васъ будутъ не такія вытянутыя лица; право, точно вы собираетесь на похороны! Этимъ вы хоть кого выживете изъ дому. Ты, Бетси, стала сегодня просто дурнушкой.

Онъ уѣхалъ, а они, не говоря между собою ни слова о своей потерѣ, принялись за свои будничныя дѣла.

Сначала, хотя Веньяминъ писалъ и не часто, за то письма его были наполнены общими мѣстами о томъ, какое ему везетъ необыкновенное счастье. Потомъ письма стали приходить все рѣже и рѣже, тонъ ихъ тоже совсѣмъ измѣнился. Годъ спустя послѣ его отъѣзда, пришло письмо, которое чрезвычайно раздражило и удивило Натана: Веньяминъ писалъ о какихъ-то неудачахъ, — какихъ именно, онъ не объяснялъ,— и взаключеніе требовалъ, чтобы отецъ прислалъ ему всѣ свои остальныя сбереженныя деньги. Этотъ годъ былъ тяжелъ для Натана: онъ потерпѣлъ вмѣстѣ съ своими сосѣдями отъ скотскаго падежа; цѣны на скотъ, котораго онъ долженъ былъ прикупить для пополненія своей убыли, оказались неслыханно высокими; изъ пятнадцати фунтовъ, хранившихся въ чулкѣ, уцѣлѣло не болѣе трехъ. Итакъ Натанъ, не успѣвъ еще никому разсказать о полученномъ имъ письмѣ, (Бетси и ея тетка ѣздили въ тотъ день въ городъ на базаръ), отвѣчалъ на него рѣзкимъ отказомъ; онъ выставилъ Веньямину на видъ, что онъ уже получилъ свою долю, и что если онъ не умѣлъ справиться съ нею, то тѣмъ хуже для него, а у отца про него нѣтъ больше денегъ.

Эсфирь и Бетси, по возвращеніи изъ города, замѣтили, что старикъ что-то не въ своей тарелкѣ, и пристали къ нему съ распросами. Гнѣвъ его между тѣмъ не только не остылъ, но еще усилился вслѣдствіе размышленія; онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ разсказалъ имъ въ чемъ дѣло. Не успѣлъ онъ еще кончить своего разсказа, какъ обѣ женщины столько же огор-

чились, если не столько разсердились, какъ и онъ самъ. Скорѣе всѣхъ успокоилась Бетси, потому что скорѣе всѣхъ нашлась, что дѣлать: она собрала всѣ свои деньги, накопленныя ею съ самого дѣтства; капиталъ, образовавшійся изъ полученныхъ ею въ разное время подарковъ въ шесть пенсовъ или въ шиллингъ, а также изъ продажи яицъ отъ двухъ курицъ, считавшихся ея собственными,—составилъ около двухъ фунтовъ. Эту-то сумму она вложила въ конвертъ и отправила Веньямину при слѣдующей запискѣ:

«Милый Веньяминъ. У дяди пали двѣ коровы и онъ потерпѣлъ большіе убытки. Онъ на тебя въ большомъ гнѣвѣ, а главное, онъ въ большомъ горѣ. Итакъ потерпи покамѣстъ. Надѣюсь, что это письмо застанетъ тебя въ добромъ здоровьи, чего тебѣ желаетъ

твоя по гробъ жизни

Елизавета Дозъ.»

Отправивъ это письмо, Бетси снова начала распѣвать за работой. Она не ожидала собственно увѣдомленія о полученіи письма: она была твердо увѣрена, что письма на почтѣ никогда не пропадаютъ. А между тѣмъ въ ней жила тайная сердечная потребность услышать отъ Веньямина слово благодарности, одно изъ тѣхъ знакомыхъ словъ любви, которыхъ она такъ давно не слыхала. Мало того, когда недѣля проходила за недѣлей, а отвѣта все не было, она утѣшала себя мыслью, что, можетъ быть, въ это самое время онъ спѣшитъ покончить всѣ дѣла свои въ Лондонѣ и пріѣдетъ въ Нобъ-Эндъ поблагодарить ее лично.

Разъ, когда тетка ея хлопотала за сырами, а дядя былъ въ полѣ, почтальонъ принесъ письмо прямо въ кухню и отдалъ его Бетси. У деревенскаго почтальона много досуга, а потому, прислонившись къ кухонному столу, онъ, не торопясь, началъ рыться въ своей сумкѣ.—Диковинное у меня есть письмецо къ Натану, проговорилъ онъ:—боюсь, какъ бы не было въ немъ худыхъ вѣстей—на конвертѣ выставленъ штемпель конторы *мертвыхъ* писемъ.

— Господи помилуй! воскликнула Бетси, и бѣлая какъ полотно опустилась на ближайшій стулъ. Но въ ту же минуту она вско-

чила на ноги и, вырвавъ зловѣщее письмо изъ рукъ почтальона, вытолкала его изъ дому, проговоривъ:—убирайся скорѣе, пока тетушка тебя не видала. И сама со всѣхъ ногъ побѣжала къ дядѣ въ поле.

— Дядюшка, проговорила она, едва переводя духъ. — Что это значитъ? О, дядюшка! неужели онъ умеръ?

Рука Натана задрожала и въ глазахъ у него помутилось.

— Погляди сама, проговорилъ онъ:—и скажи мнѣ, что тамъ такое написано.

— Это письмо—ваше собственное письмо къ Веньямину,—а тутъ напечатаны слова: «по означенному адресу не оказалось»,—вотъ они и препроводили его обратно къ подателю, т. е. къ вамъ. Ахъ, какъ меня перепугали эти ужасныя слова, выставленныя на штемпелѣ!

Между тѣмъ Натанъ взялъ въ руки письмо и въ недоумѣніи переворачивалъ его во всѣ стороны.

— Онъ умеръ? заговорилъ онъ. Такъ—и умеръ мой сынокъ, не узнавъ, какъ я жалѣлъ, что тогда крутенько отвѣчалъ ему? Сынокъ мой, сынокъ! И онъ присѣлъ на землю на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и закрылъ лицо руками. Письмо, возвращенное ему обратно, было сочинено имъ въ нѣсколько пріемовъ послѣ неимовѣрныхъ усилій, онъ старался въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ объяснить своему дѣтищу, почему именно онъ не могъ выслать ему требуемыхъ денегъ. И вотъ Веньяминъ умеръ, умеръ, быть можетъ съ голоду, на чужой сторонѣ.

— Тяжко мнѣ, тяжко, Бетси, повторялъ старикъ, хватаясь за сердце.

— Полноте, дядюшка, утѣшала его Бетси, обнимая и цѣлуя его:—онъ не умеръ, этого не сказано въ письмѣ. Онъ просто перемѣнилъ квартиру, а почтальонъ полѣнился отыскать его, вотъ письмо и пришло назадъ. Я всегда слыхала, что народъ тамъ на югѣ прелѣнивый.

Между тѣмъ Бетси сама плакала отъ волненія, хотя и твердо была увѣрена въ томъ, что говорила. Она уговаривала дядю встать съ сырой земли и поразмять на ходу окоченѣвшіе члены. Уводя его домой, она повторяла ему все то же утѣшеніе, что «Веньяминъ не умеръ, а только переѣхалъ на другую

квартиру», но старикъ неутѣшно качалъ головою. Когда онъ возвратился домой, жена только взглянула на его больное лицо и тотчасъ же пришла къ заключенію, что онъ простудился. Усталый и равнодушный къ жизни, онъ далъ уложить себя въ постель и радъ былъ физической болѣзни, которая избавила его отъ всякой необходимости напрягать свои силы. Между имъ и Бетси ни слова не было сказано по поводу письма, и Бетси съумѣла остановить болтливость почтальона.

Черезъ недѣлю Натанъ всталъ съ постели, постарѣвъ десятью годами. Жена побранила его за то, что онъ не бережетъ себя и отдыхаетъ на мокрой травѣ, между тѣмъ она и съ своей стороны начинала безпокоиться, что отъ Веньямина такъ долго нѣтъ извѣстій. Сама она не умѣла писать, но не давала мужу покоя, пока онъ послѣ долгаго отмалчиванья, не объявилъ ей наконецъ, что непремѣнно напишетъ въ воскресенье. Въ это воскресенье онъ въ первый разъ послѣ своей болѣзни собирался въ церковь. Наканунѣ, не обращая вниманія на увѣщанія жены и Бетси, онъ побывалъ въ Гайминстеръ, откуда возвратился усталый и соблюдая какую-то таинственность во всѣхъ своихъ пріемахъ. Вечеромъ, отправляясь по обыкновенію провѣдать скотину, онъ позвалъ съ собою Бетси, и какъ только они отошли подальше отъ дома, вынулъ какой-то маленькій свертокъ и, подавая его Бетси, сказалъ:

— Нашей-ка ты мнѣ это на праздничную шляпу, дѣвка; я знаю, что дѣтища моего нѣтъ въ живыхъ, хоть и помалчиваю, чтобы не сокрушить васъ со старухой.

— Нашить-то я нашью, дядюшка,—только онъ не умеръ, отвѣчала Бетси, рыдая.

— Такъ, такъ, дѣвка, другіе вольны думать, что хотятъ, а я все-же хотѣлъ бы носить лоскутокъ крепа на память о моемъ парнишкѣ. Старуха моя со дня на день слѣпнетъ, она и не замѣтитъ его.

Итакъ Натанъ отправился въ церковь съ узенькою нашивкою изъ крепа на своей шляпѣ. Такова непослѣдовательность человѣческой природы, что не смотря на все свое желаніе скрыть отъ жены свою увѣренность въ погибели сына, ему показалось почти обиднымъ, что никто изъ сосѣдей не

обратилъ вниманія на его трауръ и не спросилъ, по комъ онъ его носитъ.

Но прошло нѣсколько времени и безпокойство всего семейства, по поводу Веньяминоваго молчанія, сдѣлалось до такой степени томительнымъ, что Натанъ не счелъ болѣе нужнымъ таить отъ другихъ свои догадки. Но сердце бѣдной Эсфири отказывалась вѣрить, чтобы единственный ея сынъ умеръ, не приславъ ей даже прощальнаго слова; она была убѣждена, что еслибы даже смерть постигла его неожиданно, то эта смерть сказалась бы ея материнскому сердцу черезъ какое нибудь сверхъестественное откровеніе. Что же касается до Бетси, то она поочередно склонялась то на сторону дяди, то на сторону тетки, и потому могла чистосердечно сочувствовать обоимъ. Но прошло немного мѣсяцевъ и она постарѣла, рѣдко улыбалась и никогда уже не распѣвала.

Ударъ, такъ страшно потрясшій всѣ жизненныя силы обитателей Нибсъ-Эндской фермы, отозвался разными перемѣнами въ хозяйствѣ. Натанъ и Эсфирь стали слишкомъ дряхлы, чтобы надзирать каждый за своею частью фермерскаго хозяйства. На Бетси лежалъ надзоръ и за полевыми работами, и за скотомъ, и за сырнымъ производствомъ. Она дѣлала свое дѣло хорошо, хотя и не попрежнему весело, но безъ особаго сожалѣнія узнала, что одинъ сосѣдній фермеръ, Джибъ Киркби, снимаетъ у ея дяди всю пахотную и почти всю луговую землю, оставляя ему ровно столько, сколько нужно было для прокормленія двухъ коровъ. Что же касается до строеній, то фермеръ Киркби нанялъ одни сараи для помѣщенія откармливаемаго скота.

Эсфирь, оставшись наединѣ съ Бетси, слѣдующимъ образомъ высказалась ей по поводу всѣхъ этихъ перемѣнъ:

— Я рада-радешенька, что дѣло такъ устроилось. Я все боялась, что Натанъ совсѣмъ оставитъ домъ и ферму, а тогда, какъ же бы отыскалъ насъ сынокъ, воротившись изъ Америки. Не тужи, дѣвка! Я знаю, что онъ отправился въ Америку и когда нибудь оттуда да вернется. Какая это такая хорошая есть притча въ Евангеліи про блуднаго сына? Вотъ и онъ также придетъ къ намъ и Натанъ проститъ его: вѣдь онъ словно изъ мертвыхъ для него воскреснетъ.

Киркби оказались хорошими сосѣдями. Въ этомъ семействѣ былъ сынъ, степенный, работящій старый холостякъ Но Натану съ чего-то вообразилось, что Джону Киркби приглянулась Бетси, и это стало для него поводомъ къ немалому безпокойству. Тутъ-то въ первый разъ оказалось, что увѣренность его въ Веньяминовой смерти, далеко не была такъ непоколебима, какъ ему самому казалось; онъ ревновалъ Бетси за своего сына. Лѣта и безвыходная печаль дѣлаютъ человѣка раздражительнымъ и Бетси много приходилось подъ часъ выносить отъ своего дяди. Но ея привязанность помогала ей сдерживать въ отношеніи его свою природную вспыльчивость.

Однажды вечеромъ,—дѣло было въ концѣ Ноября,—Бетси пришлось вынести болѣе обыкновеннаго отъ своего дяди. Случилось такъ, что у Керкби захворала корова, и Джонъ Керкби почти неотлучно находился на скотномъ дворѣ; Бетси ходила за животнымъ и хлопотала на кухнѣ о варкѣ какого-то пойла для коровы. Не будь Джонъ замѣшанъ тутъ въ дѣло, Натанъ первый же принялъ бы во всемъ горячее участіе, потому что былъ отъ природы услужливъ и добродушенъ. Но такъ какъ Джонъ торчалъ у него передъ глазами и Бетси помогала чѣмъ умѣла, то Натанъ сталъ утверждать, что «корова здоровешенька, и что надо же парнямъ и молодымъ дѣвкамъ изъ-за чего нибудь суетиться,»—хотя Джону было за сорокъ, а Бетси двадцать восемь лѣтъ, а потому названіе парня и молодой дѣвки не совсѣмъ имъ пристало. Когда Натанъ передъ вечеромъ вышелъ по своему обыкновенію посмотрѣть—«какая-то на дворѣ стоитъ погода», Эсфирь положила руку на плечо племянницы и сказала:

— Это его ревматизмъ одолѣваетъ, вотъ онъ и ворчитъ. Скажи-ка мнѣ, — я при немъ не хотѣла спрашивать, — какъ у нихъ тамъ съ коровой?

— Шибко плохо; Джонъ Киркби поѣхалъ за ветеринаромъ. Чего добраго, имъ придется здѣсь просидѣть всю ночь напролетъ.

Въ послѣднее тяжелое время у Натана вошло въ привычку передъ отходомъ ко сну прочитывать вслухъ главу изъ

библіи. Эти короткія минуты затишья были минутами отдыха для всего семейства: Натанъ читалъ небѣгло, часто затруднялся надъ однимъ какимъ нибудь словомъ и кончалъ-таки тѣмъ, что выговаривалъ его ошибочно; Эсфирь слушала его съ наклоненною головою, тихо вздыхала и благоговѣйно проговаривала «аминь» въ тѣхъ мѣстахъ чтенія, гдѣ слышалось ей утѣшительное обѣтованіе. Бетси сидѣла обыкновенно возлѣ тетки, слегка развлекаемая хозяйственными заботами или быть можетъ, мыслями объ отсутствующемъ.

Въ этотъ вечеръ Бетси, сидѣвшая прямо противъ окна и двери, находившейся рядомъ съ этимъ окномъ, вдругъ увидѣла, что деревянная щеколда тихо приподнялась и опустилась, точно кто пробовалъ ее снаружи. Она вздрогнула и стала опять всматриваться, но ничего больше не увидала. Она подумала, что дядя ея, недавно передъ тѣмъ вышедшій въ эту дверь, промахнулся и щеколда не попала въ свое мѣсто. Она даже готова была завѣрить себя, что ей такъ только показалось, и что она перепугалась попустому.

Домъ, въ которомъ они жили, былъ немногимъ лучше коттеджа. Уютная прихожая, въ которой обыкновенно собиралось все семейство и надъ которой помѣщалась спальня стариковъ, раздѣляла домъ на двѣ половины: справа находилась парадная гостиная, въ которой почти никогда не сидѣли, а надъ нею бывшая комната Веньямина, въ которой и теперь все было готово на случай его возвращенія, — объ этомъ заботилась его старуха мать. Налѣво отъ прихожей была кухня, выходившая дверью на дворъ фермы, а надъ кухней спальня Бетси, окно этой маленькой спальни какъ-разъ отворялось надъ отлогимъ навѣсомъ, спускавшимся почти до земли. Окна въ обоихъ этажахъ были безъ ставень и защищались единственно крѣпкими рамами.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, все семейство разошлось рано, часовъ въ девять. Въ этотъ вечеръ Бетси противъ обыкновенія долго не могла заснуть. Она безпокойно металась на постели и уже думала было, что не сомкнуть ей глазъ во всю ночь, какъ вдругъ на нее напалъ страшно крѣпкій сонъ.

Также внезапно было ея пробужденіе. Ей послышался

въ дядиной комнатѣ какой-то шумъ. Она присѣла на постели и стала вслушиваться, но съ минуту или двѣ все было тихо. Потомъ она услышала по лѣстницѣ торопливые нетвердые шаги своего дяди. «Вѣрно тетка занемогла», подумала она, и вскочивъ съ постели стала дрожащими руками надѣвать свою юбку; но въ эту самую минуту до нея дошелъ шумъ черезъ отворившуюся парадную двери; она услышала какую-то возню, топотъ нѣсколькихъ ногъ, ругательныя слов , вырывавшіяся сиплымъ шопотомъ. Она сообразила все съ быстротою молніи; дядя ея слылъ за человѣка зажиточнаго, — воры выдали себя за запоздалыхъ путниковъ и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ добились, чтобы имъ отперли дверь. Какое счастье, что корова у Джона Киркби больна, онъ навѣрно не спитъ, а съ нимъ не спитъ и еще нѣсколько человѣкъ! Она отворила окно, спустилась по отлогому навѣсу и пустилась бѣгомъ къ сараю.

— Джонъ, Джонъ, ради Бога, выдь скорѣе: къ намъ въ домъ забрались разбойники и того и гляди убьютъ дядю съ теткой, прошептала она сквозь запертую дверь сарая. Въ одно мгновеніе запоръ съ двери упалъ и Джонъ съ ветеринаромъ выскочили, готовые дѣйствовать.

— Ты говоришь, парадная дверь отворена? переспросилъ ее Джонъ, вооружаясь вилою, между тѣмъ какъ ветеринаръ запасался другимъ какимъ-то оружіемъ. Въ такомъ случаѣ намъ всего лучше броситься въ нее и переловить ихъ въ западню.

Они втроемъ бросились къ дому и, обогнувъ уголъ, вошли парадною дверью. Мужчины захватили съ собою изъ сарая фонарь, и при свѣтѣ его Бетси увидала дядю, лежавшаго безъ памяти на кухонномъ полу.

Первою заботою ея былъ онъ: ей какъ-то въ голову не приходило, что и тетка подвергается опасности, хотя она и могла разслышать наверху шумъ шаговъ и шопотъ свирѣпыхъ голосовъ.

— Запри за нами дверь, дѣвка, мы ихъ не выпустимъ, проговорилъ честный Джонъ Киркби, неустрашимый въ защитѣ праваго дѣла, хотя онъ и не могъ знать, сколько ихъ числомъ. Ветеринаръ заперъ дверь на замокъ, а ключь положилъ къ

себѣ въ карманъ; Бетси опустилась на колѣни подлѣ своего дяди, который все еще приходилъ въ себя. Она подложила ему подъ голову подушку, снятую съ одного изъ креселъ; ей очень хотѣлось принести ему воды, но страхъ удерживалъ ее въ темнотѣ возлѣ дяди: наверху происходила ожесточенная борьба, слышались тяжелые удары и страшныя проклятія. — Въ одинъ изъ промежутковъ затишья, когда ея собственное сердце перестало, казалось, биться, на нее напалъ внезапный ужасъ. Она почувствовала, что въ комнатѣ, недалеко отъ нея, находится кто-то другой. Ей слышалось чье-то дыханье, — то не было дыханье старика, — по всѣмъ вѣроятіямъ подлѣ нея въ темнотѣ находился разбойникъ — и, кто знаетъ, какія страшныя мысли таило сердце этого разбойника, хранившаго гробовое молчаніе. Сердце захолонуло у Бетси, хотя она и знала, что разбойникъ этотъ изъ чувства самосохраненія долженъ оставаться спокойнымъ, такъ какъ дверь была заперта на замокъ и всѣ пути къ бѣгству были ему отрѣзаны. А борьба на верху между тѣмъ продолжалась съ рѣдкими перерывами, во время которыхъ борющіеся переводили духъ; въ одинъ изъ этихъ перерывовъ, Бетси почувствовала, что кто-то возлѣ нея крадется: движеніе это сказалось ей скорѣе какимъ-то неуловимымъ сотрясеніемъ воздуха, нежели настоящимъ звукомъ или прикосновеніемъ; тѣмъ не менѣе она положительно была увѣрена, что недавній сосѣдъ ея прокрался къ двери, выходившей на лѣстницу. Она подумала, что онъ пробирается на помощь къ своимъ товарищамъ и съ громкимъ крикомъ бросилась за нимъ: но въ ту минуту, какъ она достигла двери, она увидѣла, при слабомъ отсвѣтѣ фонаря, падавшемъ сверху, что какой-то человѣкъ стремглавъ скатился по лѣстницѣ и упалъ почти къ самымъ ея ногамъ; въ то же время темная фигура крадущагося человѣка бросилась налѣво и скрылась въ чуланѣ подъ лѣстницей. Бетси, не теряя времени въ соображеніяхъ, быстро захлопнула дверь чулана и заперла ее на замокъ снаружи. Потомъ она прижалась въ уголъ, дрожа и замирая при мысли, что человѣкъ, лежавшій у ногъ ея, быть можетъ Киркби или ветеринаръ. Но черезъ нѣсколько минутъ недоумѣніе ея разрѣшилось, потому что оба ея защитники медленно и тяжело спустились

съ лѣстницы, волоча за собою изступленнаго противника, обезображеннаго страшными побоями, превратившими лицо его въ одну кровавую, распухшую массу. Впрочемъ въ этомъ отношеніи Джонъ и ветеринаръ были не лучше.

— Берегитесь, сказала имъ Бетси изъ угла:—у васъ подъ ногами человѣкъ, не знаю—живъ ли онъ или умеръ, а тамъ подальше дядя лежитъ на полу.

Они пріостановились на лѣстницѣ. Въ эту самую минуту разбойникъ, которвго они сбросили съ лѣстницы, сдѣлалъ движеніе и простоналъ.

— Бетси, сказалъ Джонъ:—бѣги въ стойло и принеси оттуда веревокъ, мы свяжемъ ихъ и поуберемъ изъ дома, а ужъ ты походишь за стариками, которымъ плохо приходится.

Бетси воротилась въ одну минуту.

— Сдается мнѣ, что у этого пріятеля нога переломана, проговорилъ Джонъ, указывая на человѣка, лежавшаго на полу. Бетси почти стало жаль этого человѣка, съ которымъ они обращались не слишкомъ-то бережно: они связали его такъ же крѣпко, какъ и его свирѣпаго товарища; она поспѣшила принесть ему воды, промочить горло.

— Право не знаю, какъ тебя оставить съ нимъ вдвоемъ, проговорилъ Джонъ.—Впрочемъ нога у него навѣрное сломана, и онъ тебѣ ничего не можетъ сдѣлать; а намъ надо прежде вотъ этого молодца прибрать къ мѣсту, тогда кто нибудь изъ насъ вернется къ тебѣ. Глаза Бетси упали на разбойника, стоявшаго передъ ней съ выраженіемъ ненависти на окровавленномъ, почернѣвшемъ лицѣ. Онъ поймалъ ея взглядъ, исполненный ужаса, и отвѣчалъ на него усмѣшкою. Слово, бывшее у Бетси на языкѣ, замерло подъ этою улыбкою: она не посмѣла сказать при этомъ человѣкѣ, что въ домѣ находится еще третій злоумышленникъ, боясь чтобы его товарищъ какъ нибудь не ухитрился выломать дверь, за которою былъ запертъ этотъ третій и возобновить борьбу. Она только сказала Джону:—Ты скоро вернешься? А то я боюсь оставаться одна съ этимъ человѣкомъ.

— Онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ. Ну да небойсь, я не замѣшкаюсь.

Оставшись одна, Бетси поспѣшила взглянуть на дядю, дыханіе котораго стало теперь спокойнѣе. При свѣтѣ огня, разведеннаго Джономъ въ каминѣ, она разглядѣла, что причиною его обморока былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ударъ, полученный имъ въ голову. Бетси примочила рану холодной водою и, зажегши свѣчу, собиралась идти наверхъ, къ теткѣ, какъ вдругъ она услышала чей-то тихій, умоляющій голосъ, звавшій ее по имени.

— Бетси, Бетси! Голосъ слышался такъ близко, что сначала она приняли его за голосъ раненнаго разбойника, валявшагося у ея ногъ.

— Бетси, ради Бога, выпусти меня, снова послышался голосъ и трепетомъ отозвался по всему ея тѣлу.

Она подошла къ чуланной двери, хотѣла что-то сказать, но не смогла, такъ страшно билось у нея сердце. И снова раздалось надъ самымъ ея ухомъ:

— Бетси, Бетси! они того и гляди вернутся; выпусти меня, говорю я тебѣ, ради бога выпусти меня! И онъ началъ сильно стучаться въ дверь.

— Тише, проговорила она, и сердце въ ней захолонуло отъ ужаснаго подозрѣнія, которому она между тѣмъ сопротивлялось всѣмъ упорствомъ своей воли. — Кто вы такой? Но она знала, какъ нельзя лучше знала, кто это былъ.

— Веньяминъ.—Говорятъ тебѣ выпусти меня, и я уберусь отсюда, завтра же меня не будетъ въ Англіи; я никогда больше не вернусь и всѣ деньги моего отца достанутся тебѣ.

— Ты думаешь, я покорыствуюсь ими! съ жаромъ отвѣчала Бетси, ощупывая дрожащими руками замокъ. — Да прахомъ бы онѣ пошли, проклятыя, что довели тебя до этого. Ну, ступай на всѣ четыре стороны и оборони тебя Боже опять вернуться; я бы ни за что тебя не выпустила, кабы не боялась ихъ уморить: ужъ ты и то, пожалуй, свелъ ихъ въ могилу.

Не успѣла она кончить, какъ Веньямина и слѣдъ простылъ. Оставшись одна, Бетси опустилась на первый попавшійся стулъ и дала волю горькимъ, горькимъ слезамъ. Но она знала, что теперь не время разнѣживаться и, съ трудомъ приподнявшись, пришла въ кухню глотнуть холодной воды. Къ удивленію своему она услышала голосъ дяди, слабо говорившій:

— Снесите меня наверхъ и положите возлѣ нея.

Нести его Бетси не могла; но съ помощью ея онъ самъ кое-какъ всползъ на лѣстницу, и когда онъ задыхаясь опустился на подставленный стулъ, Джонъ Киркби вернулся вмѣстѣ съ Аткинсономъ. Джонъ поспѣшилъ ей на помощь: тетка ея лежала безъ чувствъ поперегъ кровати, дядя сидѣлъ, но былъ такъ слабъ, что Бетси опасалась за жизнь обоихъ. Но Джонъ ободрилъ ее, помогъ уложить стариковъ поспокойнѣе на постели, и томъ сошелъ внизъ и досталъ изъ шкапа немного джину.

— Они шибко перепугались, замѣтилъ онъ, качая головою, и поя ихъ съ ложечки, между тѣмъ какъ Бетси согрѣвала ихъ похолодѣвшія ноги —Да и стужею проняло бѣдныхъ стариковъ.

Онъ поглядѣлъ на нихъ съ нѣжностью и Бетси сказала ему въ душѣ горячее спасибо за этотъ взглядъ.

— А теперь мнѣ надо ѣхать. Я послалъ Аткинсона на ферму за Бобомъ и Джакомъ и они всѣ вмѣстѣ будутъ сторожить вора, что въ сараѣ.

— Только не слушайте, что онъ будетъ вамъ говорить, воскликнула Бетси, одолѣваемая новымъ опасеніемъ: — эти люди всегда наровятъ кого нибудь притянуть къ дѣлу.

— Ладно, ладно, что бишь я хотѣлъ сказать? Такъ Аткинсонъ возметъ и другого молодца, который, кажется, довольно смиренъ, и за одно присмотритъ и за ними и за коровой. Я же осѣдлаю гнѣдую кобылу и поскачу въ Гайминстеръ за констаблемъ и за докторомъ, и привезу съ собою доктора Престона, чтобъ онъ взглянулъ прежде всего на Натана съ Эсфирью, а тамъ, надо же будетъ и тому изувѣченному человѣку помочь, что валяется внизу,—хоть онъ и за дурное дѣло поплатился.

Бетси сошла внизъ и посвѣтила обоимъ мужчинамъ, пока они уносили свою ношу изъ дому, далѣе у нея не достало духу ихъ проводить, такъ боялась она Веньямина, который,— она была въ томъ увѣрена,—гдѣ нибудь притаился и выжидалъ только случая, чтобы снова пробраться въ домъ. Она бросилась назадъ въ кухню, заперла дверь болтомъ и загромоздила ее кухоннымъ столомъ. Старики лежали по преж-

нему неподвижно и безмолвно. Весь остатокъ этой страшной ночи Бетси провела, заботливо ухаживая за ними: сама она была такъ потрясена, что дѣлала все будто во снѣ. Поздно занялось ноябрьское утро, и не принесло съ собой никакой перемѣны, пока наконецъ, часовъ въ восемь, пріѣхалъ докторъ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и Джонъ Киркби, въ сильно-возбужденномъ состояніи духа, по случаю поимки двухъ разбойниковъ. Насколько Бетси могла замѣтить, никто не подозрѣвалъ участія третьяго, страшнаго сообщника, это уже было для нея утѣшеніемъ. Она почти не сомнѣвалась, что дядя ея, а можетъ быть и тетка, узнали Веньямина; но все-таки у нея оставалась слабая надежда, что они ничего не подозрѣваютъ. Она рѣшила, что никакія пытки не вырвутъ у нея эту тайну.

Докторъ внимательно осмотрѣлъ ихъ обоихъ; изслѣдовалъ рану на головѣ Натана и предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые Эсфирь отвѣчала неохотно, а Натанъ вовсе не отвѣчалъ; казалось самый видъ посторонняго человѣка былъ ему въ тягость. Бетси отвѣчала за обоихъ и съ замирающимъ сердцемъ послѣдовала за докторомъ внизъ. Внизу Джонъ успѣлъ все привести въ порядокъ и развести огонь въ каминѣ. Онъ слегка покраснѣлъ, когда взглядъ Бетси упалъ на его распухшее лице, но тотчасъ же постарался скрыть свое смущеніе подъ улыбкой:

— Видите ли, я старый холостякъ, а все же, дайка, думалъ, приберу маленько. Ну что, докторъ, какъ вы ихъ находите.

Изъ отвѣтовъ доктора Бетси поняла, что старики далеко не такъ опасны, какъ она думала. Она почти жалѣла объ этомъ; она почти желала имъ, да и себѣ тоже, успокоиться на кладбищѣ, такъ тяжела ей казалась жизнь

Между тѣмъ Джонъ, почти съ женскою ловкостью готовилъ завтракъ. Бетси и не подозрѣвала, что во всемъ этомъ имъ двигала привязанность къ ней, желаніе дать ей оправиться.

— Я подоилъ коровъ, въ томъ числѣ и вашихъ, заговорилъ онъ. Экое счастье, что наша корова какъ разъ захворала въ эту ночь. Не подоспѣй мы на помощь, эти молодцы

живо бы управились со всѣми вами. Ну, да одинъ изъ нихъ вѣкъ не забудетъ эту ночь, такъ что ли, докторъ?

— Онъ врядъ ли оправится къ времени суда: ассизы начинаются чрезъ двѣ недѣли.

— Да, кстати, Бетси, ты должна будешь явиться передъ судьей въ качествѣ свидѣтельницы. Впрочемъ ты не пугайся: оно, что говорить, радость небольшая, но все дѣло скоро кончится. Сестра моя Дженъ побудетъ тѣмъ временемъ съ стариками, а я тебя самъ отвезу.

Бетси поблѣднѣла и взглядъ ея затуманился при мысли, что ей можетъ быть предстоитъ объявить о соучастничествѣ Веньямина, но Джонъ предупредилъ ее, чтобы она отвѣчала только на тѣ вопросы, которые будутъ ей предлагаться, изъ опасенія запутаться въ подробностяхъ. Такъ какъ они были извѣстны судьѣ и секретарю его съ хорошей стороны, то они заботились какъ можно менѣе смущать ее при допросѣ.

Когда все кончилось, Джонъ выразилъ ей свое удовольствіе, что уликъ и безъ того достаточно и что не понадобится вызывать Натана и Эсфирь въ качествѣ свидѣтелей. Бетси была до того утомлена, что не сообразила важность этого обстоятельства, — важность, которой и не подозрѣвалъ ея собесѣдникъ.

Дженъ Киркби прогостила у нея слишкомъ недѣлю и присутствіе ея было для Бетси большимъ утѣшеніемъ. Не будь Дженъ, она подъ часъ боялась съума сойти, имѣя вѣчно передъ глазами лицо своего дяди, съ окостенѣвшимъ на немъ выраженіемъ смертной муки. Горесть ея тетки была мягче, но немудрено было отгадать, что сердце ея тайно исходило кровью. Ея выздоровленіе шло скорѣе мужнинаго, но вскорѣ стало замѣтно приближеніе совершенной слѣпоты. Бетси при каждомъ удобномъ случаѣ, не подавая и виду, что сама что-либо знаетъ, повторяла старикамъ, что въ дѣлѣ воровства замѣшано только двое совершенно постороннихъ людей. Дядя никогда не разспрашивалъ ее самъ объ этомъ дѣлѣ; но каждый разъ какъ она возвращалась домой изъ такого мѣста, гдѣ могла слышать о поимкѣ Веньямина, онъ глядѣлъ на нее выжидающимъ, тревожнымъ взглядомъ; и она спѣшила успокоить его, разсказывая все, что слышала. Бетси съ каждымъ

днемъ болѣе и болѣе убѣждалась, что тетка ея тоже о многомъ догадывается. Съ какимъ-то трогательнымъ смиреніемъ искала она ощупью своего мужа, и силилась выразить ему свое нѣмое сочувствіе; сама она съ каждымъ днемъ становилась все грустнѣе и грустнѣе.

Дня за четыре до открытія ассизъ, старики получили изъ Іорка вызовъ явиться въ судъ. Ни Джонъ, ни Бетси не могли понять, что бы это значило. Сами они давно уже получили предписаніе явиться въ судъ и ихъ завѣрили, что ихъ свидѣтельство будетъ совершенно достаточно для уличенія подсудимыхъ.

Но увы! Дѣло было въ томъ, что адвокатъ подсудимыхъ узналъ отъ послѣднихъ о соучастничествѣ третьяго лица, и узналъ, кто былъ этимъ третьимъ соучастникомъ; задача же адвоката состояла въ томъ, чтобы уменьшить по возможности виновность своихъ кліентовъ, доказавъ, что они были только орудіями въ рукахъ другого, который и былъ зачинщикомъ всего дѣла. Для этого потребовалось свидѣтельство родителей, которые, по увѣренію подсудимыхъ, не могли не узнать голосъ своего сына.

Недоумѣвающая, ошеломленная и усталая, престарѣлая чета прибыла въ Іоркъ, въ сопровожденіи Джона и Бетси, наканунѣ самого суда.

— Ну, да авось ихъ не станутъ мучить допросами, когда увидятъ, какіе они старые, дряхлые! утѣшала себя Бетси, отгоняя смутное, томившее ее опасеніе.—У кого же бы стало на это духу!

Но нашлись люди, у которыхъ «стало духу» Когда, на вызовъ Натана Гонтрайда, въ ложѣ свидѣтелей появился сѣдой, убитый горемъ старикъ,—адвокатъ кинулъ взглядъ на судью, казалось, умолявшій о прощеніи. Допросъ начался.

— Ваше имя, если не ошибаюсь, Натанъ Гонтрайдъ?

— Да.

— Вы живете въ Подъ-Эндской фермѣ?

— Такъ точно.

— Помните ли вы ночь на 12-е ноября?

— Помню.

— Если не ошибаюсь, вы были разбужены въ эту ночь какимъ-то шумомъ. Что это былъ за шумъ?

Старикъ уставилъ на вопрошающаго полный томленія взглядъ: никогда не забыть адвокату этого взгляда—онъ будетъ преслѣдовать его и на смертномъ одрѣ.

— То былъ шумъ каменьевъ, бросаемыхъ въ окно.

— Вы слышали его съ самого начала?

— Нѣтъ.

— Кто же разбудилъ васъ?

— Жена.

— И тогда вы оба услышали стукъ каменьевъ. Кромѣ того вы еще что нибудь слышали?

— Тутъ послѣдовала длинная пауза; потомъ послышалось тихое, внятное:

— Да.

— Что же именно?

— Голосъ нашего Веньямина, просившійся, чтобы его впустили. Жена, по крайней мѣрѣ, увѣряла, что это его голосъ.

— И вамъ тоже показалось, что это его голосъ, не такъ ли?

— Я отвѣчалъ ей, чтобы она знала себѣ спала и не принимала каждаго пьянаго прохожаго за нашего Веньямина, котораго давно нѣтъ въ живыхъ.

— Что же она?

— Она увѣряла, что слышала еще въ просонкахъ, какъ нашъ Веньяминъ просился въ домъ. Но я сказалъ ей, что это ей только во снѣ приснилось, и велѣлъ перевернуться на другой бокъ и спать.

— И она послушалась?

Снова длинная пауза, во время которой судья, присяжные и всѣ присутствующіе притаили дыханіе. Наконецъ Натанъ проговорилъ:

— Нѣтъ!

— Что же вы тогда сдѣлали?

— Тутъ я увидѣлъ, что съ ней не сладишь: она съ самого начала ждала, что онъ къ намъ вернется, какъ блудный сынъ въ евангеліи (здѣсь голосъ его оборвался, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ):

Она сказала мнѣ, что встанетъ сама, если я не встану. Тутъ я услышалъ голосъ... Я еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, джентльмены, я долго пролежалъ въ постели, оттого я и дрожу.

— Такъ я услышалъ, какъ кто-то говорилъ: «Батюшка, матушка! я иззябъ и умираю съ голоду; неужели вы меня не впустите?»

— И голосъ этотъ былъ?..

— Похожъ на голосъ нашего Веньямина. Вижу я, къ чему вы ведете, сэръ, и отвѣчу вамъ всю правду, хотя въ этомъ, быть можетъ, моя смерть. Замѣтьте, сэръ, я не говорю, чтобы это въ самомъ дѣлѣ былъ Веньяминъ, только голосъ былъ похожъ на его голосъ.

— Мнѣ больше ничего и ненужно, любезный другъ. Итакъ, послѣ этой просьбы, выговоренной голосомъ вашего сына, вы сошли внизъ и впустили вотъ этихъ двухъ подсудимыхъ и еще третьяго человѣка?

Натанъ утвердительно кивнулъ головою. У адвоката не достало жестокости потребовать отъ него словеснаго подтвержденія.

— Позвать Эсфирь Гонтрайдъ.

Въ ложу свидѣтелей вошла старая, слѣпая женщина, съ кроткимъ страдальческимъ лицомъ, и почтительно наклонилась къ незримымъ для нея присутствующимъ.

Было что-то невыразимо трогательное во всей ея смиренной фигурѣ. Адвокатъ обратился къ ней:

— Вамъ показалось, что вы слышите голосъ вашего сына, просящаго, чтобы его впустили въ домъ?

— Да, нашъ Веньяминъ приходилъ домой,—я это навѣрно знаю. Не придумаю только, куда онъ могъ дѣваться..

И она повела кругомъ головою, какъ будто прислушиваясь, не раздастся-ли среди притихнувшаго собранія голосъ ея сына.

— Такъ; онъ приходилъ домой въ эту ночь,—и вашъ мужъ сходилъ внизъ, чтобы отперетъ ему дверь?

— Кажись, что такъ. Внизу, слышно было, возилось много народу.

— И вы между прочими голосами слышали голосъ вашего сына?

— Не во вредъ-ли это ему будетъ, сэръ? спросила она, и лицо ея приняло болѣе разумное и внимательное выраженіе.

— Я вовсе не съ этою цѣлью допрашиваю васъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ оставилъ Англію; а потому, что бы вы ни сказали, не можетъ повредить ему. Итакъ, вы слышали внизу его голосъ?

— Да, сэръ.

— И какіе-то люди пришли наверхъ въ вашу комнату? Что они вамъ сказали?

— Они спросили, куда Натанъ прячетъ свой чулокъ съ деньгами.

— Что же, вы имъ указали?

— Нѣтъ, сэръ, потому что я знала, что это не понравится Натану.

— Что же вы сдѣлали?

По лицу ея пробѣжала какая-то тѣнь, какъ будто нежеланіе отвѣчать. Ей видимо начинала уясняться связь между причинами и слѣдствіями.

— Я громко назвала Бетси — мою племянницу, сэръ.

— И вы услышали, что кто-то крикнулъ снизу?

Она жалобно поглядѣла на него, но не отвѣчала.

— Господа присяжные! Прошу васъ обратить особенное вниманіе на этотъ фактъ! Она сознается, что слышала чей-то голосъ,—голосъ третьяго лица, дававшій указанія тѣмъ двумъ, которые были наверху. Что онъ сказалъ? Это послѣдній вопросъ, которымъ я утруждаю васъ. Что сказалъ этотъ третій, остававшійся внизу?

Лицо ея исказилось; два или три раза раскрылись ея губы, какъ будто, собираясь что-то сказать, но слова такъ и замерли на нихъ и она безъ чувствъ упала навзничь. Натанъ выступилъ впередъ:

— Милордъ, судья, началъ онъ: — думается мнѣ такъ, что и васъ тоже родила женщина, и грѣхъ вамъ и срамъ не пощадить матери. Такъ, то былъ нашъ сынъ, наше единственное дѣтище: онъ самый просилъ насъ впустить его въ домъ, онъ же крикнулъ своимъ товарищамъ зажать старухѣ глотку,

если она не уймется. Вотъ вамъ правда, вся правда, безъ утайки. Богъ вамъ судья за то, какъ вы до нея допытались.

Къ вечеру старуху разбилъ параличь, и она лежала при последнемъ издыханіи.

Призракъ въ угловой комнатѣ.

Между тѣмъ я замѣтилъ, что мистеру Говернору не сидѣлось спокойно, когда подошла его очередь разсказывать. Къ общему удивленію, онъ приподнялся съ торжественнымъ видомъ и попросилъ меня послѣдовать за нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ему нужно было сказать со мною нѣсколько словъ наединѣ.

— Старый товарищъ, такъ приступилъ мистеръ Говернаръ:— съ той самой поры, какъ я здѣсь поселился, меня преслѣдовалъ и денно и нощно призракъ.

— Какой же это былъ призракъ, Джекъ?

— То былъ призракъ женщины.

— Э! старая пѣсня. Ты сто лѣтъ проживешь, а отъ этого не избавишься, Джекъ.

— Нѣтъ, ты не смѣйся, я вовсе не шучу. Хочешь, я покажу тебѣ этотъ призракъ!

— Даже очень хочу.

— Такъ вотъ онъ! воскликнулъ Джекъ, подводя ко мнѣ мою сестру, которая успѣла незамѣтно прокрасться за нами.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ я.—Въ такомъ случаѣ, милая Патти, мнѣ и спрашивать нечего, преслѣдовали ли тебя призраки?

— Они меня постоянно преслѣдовали, Джонъ.

Прежде нежели мы разошлись въ этотъ вечеръ, было рѣшено, что наше трехмѣсячное пребываніе въ проклятомъ домѣ совершится свадьбой моей сестры и мистера Говернора. Мы весело дожили до этого срока и единственные призраки, преслѣдовавшіе насъ, были наши собственныя мечты и воспоминанія.

ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЮДИ.

Ты что?—лапотникъ необразованный, говоритъ солдатъ мужику.—Фи, невѣжа, говоритъ вертлявая горничная, вырываясь отъ облапившаго ее солдата. И, невѣжда! отзывается о солдатѣ пьяный станціонный, или пожалуй всякій другой писарь.—Какое скотство, думаетъ столичный чиновникъ, глядя на пьянаго писаря, назвавшаго невѣждой солдата.—Что за грубость чувствъ, какая необразованность, думаетъ изящный чиновникъ, услышавъ разсказы о дикихъ похожденіяхъ въ танцклассахъ или на Крестовскомъ разныхъ марсовъ и имъ подобной молодежи. Такое перечисленіе можно бы вести далеко, восходя все выше и выше; но довольно и этого, чтобы видѣть, что упрекъ въ невѣжествѣ между людьми вещь самая обыкновенная. И всякій, укоряющій другого въ невѣжествѣ, дѣлаетъ это потому, что считаетъ себя образованнѣе и имѣетъ на это, разумѣется, свои основанія. Права свои на образованность солдатъ основываетъ на умѣньи маршировать и стрѣлять изъ ружья, на своей жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ видѣлъ и мелочныя лавки, и переулки около сѣнной, гдѣ случалось ему говорить съ высшимъ начальствомъ, однимъ словомъ на томъ, что онъ видѣлъ жизнь и свѣтъ. Образованность горничной несомнѣнна потому, что она служитъ знатной барынѣ, ходитъ въ кринолинѣ и шляпкѣ, привыкла къ употребленію перчатокъ и вертится

между господами. Станціонный писарь считаетъ себя нѣкоторымъ образомъ чиновникомъ; что относится, въ той же степени, и ко всѣмъ писарямъ вообще, потому что каждый изъ нихъ стремится надѣть современемъ вицмундиръ. Чиновница, разумѣется, образованнѣе купчихи, потому что у одной мужъ губернскій секретарь, а у другой ходитъ съ бородой. Такимъ образомъ у всѣхъ есть весьма точныя представленія о своихъ правахъ на образованность и о своемъ превосходствѣ надъ другими. Только въ одномъ всѣ согласны, что они образованнѣе мужика и только одинъ мужикъ считаетъ себя весьма скромно темнымъ человѣкомъ и не укоряетъ никого невѣжествомъ, хотя онъ, можетъ быть, и имѣлъ бы на то нѣкоторое право, потому что не богъ-же вѣсть какой свѣтъ сіяетъ вообще въ этихъ образованныхъ головахъ.

Изъ того, что каждый считаетъ себя образованнѣе другого, нужно заключить, что въ практикѣ существуетъ весьма много оттѣнковъ этого понятія и что должны существовать какіе нибудь общіе внѣшніе признаки, по которымъ узнаютъ другъ друга люди однороднаго образованія. Разный складъ рѣчи, тѣ или другія манеры, разный покрой платья составляютъ, разумѣется, внѣшнее отличіе каждаго сорта образованныхъ людей. А какъ изъ пр веденныхъ примѣровъ видно, что каждый высшій считаетъ низшаго менѣе образованнымъ, то слѣдовательно нужно допустить, что понятіе объ образованности обусловливается различнымъ общественнымъ положеніемъ. И дѣйствительно, масса народа, недовѣряющая своимъ познаніямъ, ищетъ обыкновенно совѣта людей, болѣе ея знающихъ. А такими знающими она признаетъ людей другой, болѣе высокой и широкой сферы жизни, т. е. людей, имѣющихъ иное, чѣмъ масса, общественное положеніе. Въ основаніи такая мысль совершенно правильна, но въ практикѣ нѣтъ. Разумѣется, чѣмъ человѣкъ имѣетъ большія познанія и большія способности, тѣмъ и сфера его дѣятельности должна быть шире: челнокъ плаваетъ въ рѣкѣ, а корабль въ морѣ. Но въ дѣйствительной жизни нерѣдко лодка плаваетъ въ морѣ, а большой корабль, которому нельзя повернуться въ рѣкѣ, лежитъ въ ней на боку, на мели. Общественныя условія современной европейской жизни сложились такимъ образомъ, что недостаточно еще человѣку быть умнымъ, чтобы его признали умнымъ, и быть полезнымъ, чтобы его признали полезнымъ. Можно быть глупымъ и носиться въ жизни, подобно щеп-

кѣ въ океанѣ, считая океанъ сферой своей дѣятельности; а масса между тѣмъ смотритъ на щепку съ великимъ уваженіемъ, потому что та плаваетъ въ такой большой водѣ, и масса не всегда способна замѣтить, что щепкѣ очень неловко въ океанѣ, гдѣ ее носитъ направо и налѣво, и что у нея нѣтъ силы выбраться на мелкую воду, гдѣ бы ей было разумѣется удобнѣе.

Хотя общественное положеніе и должно бы повидимому служить мѣриломъ способностей и знаній людей, т. е. ихъ полезности, но это бываетъ только иногда, въ видѣ исключенія. Поэтому столяръ можетъ считать себя образованнѣе плотника, слесарь образованнѣе кузнеца, титулярный совѣтникъ образованнѣе коллежскаго регистратора, а генералъ—полковника; но факты дѣйствительной полезности людей, въ ихъ практической дѣятельности, могутъ и не сходиться съ такимъ теоретическимъ представленіемъ и съ собственной оцѣнкой людьми своихъ качествъ. Такимъ образомъ общественное положеніе людей не можетъ служить мѣриломъ ихъ образованности, хотя оно и могло бы имъ быть, и вѣроятно будетъ современемъ.

А между тѣмъ общее представленіе о значеніи образованія совершенно вѣрно; ошибочны только внѣшніе признаки, служащіе для опредѣленія степени размѣра образованія отдѣльныхъ лицъ. Образованнымъ считается больше знающій, больше видѣвшій и лучше понимающій вещи. Слѣдовательно степенью знанія опредѣляется и степень образованія. Поэтому знающій читать и писать будетъ образованнѣе знающаго только читать; а кто знаетъ кромѣ того еще и ариѳметику, или грамматику, будетъ, разумѣется, образованнѣе просто грамотнаго человѣка. Но если въ основаніе степеней образованія принять началомъ знаніе вообще, не обращая вниманія на его размѣръ, то выйдетъ такая путаница въ понятіи объ образованіи и столько разныхъ степеней его, что въ концѣ всего окажется, что весь человѣческій родъ образованъ, потому что не существуетъ на свѣтѣ такого человѣка, который бы не зналъ чего нибудь. Если же низшей точкой образованія принять грамотность, то и въ этомъ случаѣ понятіе объ образованіи будетъ слишкомъ широко, и человѣку учившемуся въ гимназіи и имѣющему чинъ будетъ весьма обидно находиться въ одномъ разрядѣ хотя и съ грамотнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣчно пьянымъ почтальономъ, разъѣзжающимъ по большимъ

дорогамъ. Кромѣ обидности такого представленія для нѣкоторыхъ, оно имѣетъ еще и то дѣйствительное неудобство, что съ словомъ образованный человѣкъ не будетъ соединено точное понятіе объ извѣстномъ сортѣ людей, и сгруппируются въ одну толпу и пьяные и трезвые, умные и глупые, честные и безчестные, полезные и вредные. Разумѣется, Шекспиръ, Кеплеръ, Лютеръ не обидѣлись бы, если ихъ включить въ одну группу съ Тредьяковскимъ, Лойолой и пожалуй съ Александромъ Македонскимъ, но это неудобно для тѣхъ, кто желаетъ, чтобы каждое слово имѣло свой точно опредѣленный и тѣсный смыслъ. Если же точность смысла словъ, употребляемыхъ въ разговорѣ, имѣетъ важность, то важно знать и то, кого слѣдуетъ считать образованнымъ, кого нѣтъ.

Слова — образованный и ученый въ разговорной рѣчи никогда не смѣшиваются. Очевидно, что имъ дается разный смыслъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ человѣкѣ образованномъ и въ человѣкѣ ученомъ предполагаются разныя знанія, допускающія возможность исключенія одного другимъ. Если это такъ, то образованный можетъ быть неученымъ, а ученый можетъ быть необразованнымъ. Ясно, что весь вопросъ сводится къ тому, что хотя ученый и образованный учились чему-то и знаютъ что-то, а знанія, опредѣляющія разницу этихъ двухъ понятій, такъ неодинаковы, что никакъ не допускаютъ смѣшивать ихъ и употреблять одно слово вмѣсто другого, но дѣло — все таки въ томъ, чему учились люди и что они знаютъ? Есть знанія, которыхъ бы лучше и не имѣть и не тратить даромъ время на ихъ пріобрѣтеніе, потому что онѣ не ведутъ ни къ чему полезному. Иногда кузнечная наука приноситъ и человѣку и обществу больше пользы, чѣмъ гимназія, и въ мозгу кузнеца бываетъ больше смыслу, чѣмъ въ головѣ украшенной драгоцѣнной боярской шапкой, или круглой шляпой фабрики Циммермана. Чтобы опредѣлить пользу человѣка ученаго и человѣка образованнаго, нужно знать качество ихъ знаній; и какъ знаніе безполезное или ошибочное хуже всякаго незнанія и вреднѣе всякаго невѣжества, то при извѣстныхъ условіяхъ такъ называемые ученые и образованные люди могутъ быть вреднѣе круглыхъ невѣждъ и людей совершенно необразованныхъ. Весь ходъ исторіи убѣждаетъ въ этомъ.

Разница между образованными и учеными людьми установлена такъ прочно въ общественномъ мнѣніи, что кому нуженъ совѣтъ обра-

зованнаго человѣка, тотъ не обратится за нимъ къ ученому; точно также не обратятся къ образованному, когда нуженъ совѣтъ человѣка ученаго. Къ ученымъ обращаются въ спеціальныхъ вопросахъ, въ вопросахъ научныхъ; къ образованнымъ, когда дѣло касается непосредственно вопросовъ жизни. Но кромѣ мужика каждый считаетъ себя образованнымъ—и солдатъ и горничная, и писарь, и чиновникъ, и генералъ, каждый находитъ себя способнымъ давать совѣты и учить другого. Но каждый ли изъ нихъ понимаетъ правильно вопросы жизни? Чтобы разрѣшить это, нужно знать, какія понятія живутъ въ головахъ людей, а для этого необходимо обратиться къ литературѣ.

Литературу можно сравнить съ публичной залой, куда является всякій, кому есть что сказать, и заявляетъ свое мнѣніе или знаніе. Эти мнѣнія и знанія могутъ быть весьма разнообразныхъ качествъ и зависятъ отъ уровня понятій и условій, опредѣляющихъ общественную жизнь. Во всякомъ случаѣ заявляемыя мысли служатъ выраженіемъ желаній, намѣреній, нуждъ и надеждъ тѣхъ слоевъ обществъ, среди которыхъ явилась та или другая мысль. Такимъ образомъ литература должна служить выраженіемъ жизни и общественнаго настроенія и если свободное выраженіе мнѣній не стѣснено какими препятствіями, то литература служитъ дѣйствительно выраженіемъ общества въ данный моментъ. Но такое свободное выраженіе мнѣній существуетъ не вездѣ. Во многихъ мѣстахъ существуетъ право рѣшать, какія мнѣнія можно высказывать, какія—нѣтъ. Это основывается на томъ, что люди желаютъ, чтобы высказывались мнѣнія только истинныя. Но что значитъ истина, и какимъ путемъ она опредѣляется? Разумѣется, двухъ истинъ объ одномъ и томъ же предметѣ быть не можетъ. Если предметъ зеленый, то въ то же время ему нельзя быть еще и краснымъ. Одно изъ двухъ: или красный или зеленый. Въ вещахъ, имѣющихъ совершенную очевидность, разумѣется, и не бываетъ разныхъ мнѣній, но есть мнѣнія другого порядка, касающіяся общественныхъ отношеній и отвлеченныхъ предметовъ, гдѣ споры неизбѣжны. Въ этомъ случаѣ у каждаго вѣка были свои истины. Въ прошедшемъ столѣтіи вся Европа вѣрила въ колдовство и даже въ передовой Англіи сжигали вѣдьмъ еще въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Лютеру казалось, что мужику достаточно одной овсяной соломы, и такъ смотрѣло на мужика не только все шестнад-

цатое, но и послѣдующія столѣтія. Теперь никто не признаетъ такихъ мнѣній истинами. Какимъ же путемъ узнали люди, что это ложь? — Знакомствомъ съ нѣкоторыми законами природы.

Когда стало извѣстнымъ, что человѣкъ не можетъ летать на помелѣ по воздуху; что онъ не можетъ, по произволу, превращаться въ собаку, свинью или въ другое животное; что между человѣкомъ и звѣздами не существуетъ никакой таинственной связи, опредѣляющей судьбу людей,—то и перестали вѣрить въ вѣдьмъ и въ колдовство. Но кто не знаетъ этого, тотъ и до сихъ поръ вѣритъ въ нечистую силу. Точно также когда узнали, что песокъ и каменья не можетъ переваривать никакой человѣческій желудокъ, кому бы онъ ни принадлежалъ — бѣдняку или богачу, тогда стали понимать, что и мужику нужны совершенно тѣ же условія для жизни, какія нужны и благородному дворянину. Физіологія показала, что всѣ люди подчиняются однимъ законамъ развитія, что у всѣхъ пищевареніе, кровообращеніе и другіе жизненные процессы совершаются на однихъ общихъ основаніяхъ, что кости у всѣхъ одного цвѣта, кровь также, и когда такимъ образомъ, было опровергнуто мнѣніе, что у мужика кости черныя, а у благородныхъ бѣлыя, и что въ жилахъ благородныхъ людей течетъ кровь благородная, а у простонародья кровь неблагородная, то поняли, что овсяная солома также нездорова желудку простого человѣка, какъ и желудку благороднаго нѣмецкаго барона. Истины эти разработала разумѣется не литература, потому что сама по себѣ, какъ складъ истинъ, она разумѣется не работаетъ ничего, какъ не дѣлаетъ ничего для анатоміи анатомическій залъ, въ которомъ разсѣкаются трупы, или для астрономіи обсерваторія астронома. Нашли истину люди своими трудами и изысканіями, а литература только помогла распространенію истинъ въ массѣ незнающихъ людей. Если бы совсѣмъ не существовало книгопечатанія, то общій ходъ исторіи и законъ развитія человѣчества въ сущности нисколько бы не измѣнился; вся разница была бы только во времени, потому что замедлился бы процессъ передачи свѣдѣній. Нынче, когда существуетъ книгопечатаніе и литература, «Ученіе о пищѣ» Молешотта можетъ быть прочитано въ одно время и въ Крыму, и въ Сибири, и въ Петербургѣ. Въ теченіе одного мѣсяца люди могутъ получить истинное понятіе о значеніи пищи, пива, вина, кофе, чая и т. д. на протяженіи огромнаго пространства, раздѣленные тысячами

верстъ. Безъ литературы это было бы иначе. Истина передавалась бы устно, однимъ человѣкомъ другому, и вмѣсто мѣсяца она достигла бы до Сибири, можетъ быть, черезъ десять лѣтъ. Только въ этомъ и вся разница. Замедливъ передачу мыслей, отсутствіе литературы замедлило бы и самое развитіе мысли. Что теперь открывается въ теченіе одного года, открывалось бы въ теченіе трехъ, четырехъ столѣтій и вѣкъ равнялся бы десяткамъ вѣковъ. А между тѣмъ сущность закона развитія человѣчества оставалась бы та же, люди также бы стремились понять природу и жизнь и находили бы истины, какъ они находятъ ихъ нынче. Разница была бы только въ томъ, что «Ученіе о пищѣ» явилось бы не въ 19, а можетъ быть въ 29 столѣтіи, что у насъ не было бы теперь ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, ни того развитія промышленности и торговли, которое доставляютъ такія удобства для жизни людямъ съ средствами; что въ Европѣ продолжались бы мрачные средніе вѣка, гоненіе за вѣру, обвиненія въ колдовствѣ; невѣжественные судьи совершали бы подъ видомъ права самое ужасное изъ всѣхъ людскихъ преступленій—преслѣдованіе людей за убѣжденія, и сжигали бы на кострахъ, какъ вѣдьмъ, десяти и двѣнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ. И Россія переживала бы не время судебной реформы, а, можетъ быть, вѣкъ Ивана Грознаго, его опричину, казни и смертоубійства. Такимъ образомъ литература служитъ средствомъ обмѣна мыслей и знаній, и чѣмъ обмѣнъ этотъ совершается свободнѣе, тѣмъ быстрѣе распространяются знанія. При обратной системѣ происходитъ въ литературѣ то же явленіе, какое представляетъ торговля при запретительной системѣ. Торговлю прекратить невозможно; какъ бы ни было дико общество людей, оно будетъ всегда нуждаться въ предметахъ мѣны, потому что человѣкъ не въ состояніи производить для себя все самъ. Запретительная система безсильна измѣнить условія человѣческихъ нуждъ и потребностей, но она только стѣсняетъ ихъ, и потому является контрабандная торговля, которая неизбѣжна, пока существуютъ у людей нужды и пока эти нужды не могутъ быть удовлетворяемы свободно. Съ запретительной системой создается цѣлый рядъ новыхъ законоположеній, имѣющихъ и запретительный и карательный характеръ, потому что съ запрещеніемъ является нарушеніе, а съ нарушеніемъ и наказаніе за несоблюденіе закона. Такимъ образомъ запрещеніе создаетъ только нарушеніе запрещенія, не обнаруживая никакого вліянія на сущность человѣческихъ нуждъ.

въ литературѣ тоже самое; мысль будетъ сообщаться только болѣе труднымъ путемъ и развитіе пойдетъ медленнѣе, но оно будетъ идти безостановочно, потому что зависитъ не отъ литературы, служащей только внѣшнимъ выраженіемъ развитія идей, а на основаніи закона, управляющаго организмомъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Значеніе литературы въ разрѣшеніи вопросовъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ нужно большее число мнѣній для опредѣленія истины. Въ наукахъ естественныхъ достаточно иногда десяти или даже менѣе опытовъ, чтобы разъяснить вполнѣ какое нибудь явленіе; но въ наукахъ, касающихся общественныхъ вопросовъ, совсѣмъ другое. Большинство вопросовъ можетъ быть разрѣшено безошибочно только чрезвычайно большимъ числомъ отдѣльныхъ мнѣній и опытовъ, иногда въ теченіе многаго числа лѣтъ. Если физіологи хотятъ узнать, въ чемъ сущность и сила желудочнаго сока и если десять опытовъ, сдѣланныхъ десятью разными людьми, привели къ одному общему результату, то, разумѣется, въ истинности его нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Но если вопросъ касается какихъ нибудь условій торговли, или сущности и способа взиманія налоговъ и податей, то десятью мнѣніями не разрѣшишь ничего. Разрѣшеніе вопроса становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ большая масса людей можетъ страдать отъ того или другого его разрѣшенія и чѣмъ большее число частныхъ интересовъ приходитъ въ столкновеніе. Отъ этого въ литературахъ всѣхъ народовъ главнѣйшая масса всѣхъ заявляемыхъ мнѣній касается общественныхъ вопросовъ и на десятки книгъ и изданій этого сорта приходится одно чисто ученое. Такъ какъ всѣ общественные вопросы возбуждаются и разрѣшаются самой жизнью, т. е. столкновеніемъ на практикѣ разнообразныхъ частныхъ интересовъ и отношеній, и никакія внѣшнія препятствія не въ состояніи остановить развитіе прогресса во всемъ его объемѣ, хотя они и могутъ повредить ему много въ частности—задержать или дать ему временно ложное направленіе, — то очевидно, что всякая невозможность полнаго и всесторонняго обсужденія въ литературѣ общественныхъ явленій должна вести къ ошибкамъ подобнаго рода. Ошибка будетъ, разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ меньшее число людей принимало участіе въ разрѣшеніи сложнаго вопроса. Но она можетъ быть огромной и повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, когда не всѣ мнѣнія могутъ быть выражены и истина выводится только изъ

весьма немногаго числа заключенiй и личныхъ мнѣнiй. Экономическiя и правительственныя ошибки Европы въ новыя и въ новѣйшiя времена происходятъ именно отъ этой причины.

Такъ какъ народъ создаетъ литературу, а не литература народъ, то отношенiе народа къ литературѣ должно быть понятно. Но стремленiя народа могутъ быть весьма разнообразны и зависятъ отъ его экономическаго быта и отъ умственнаго развитiя. Оттого и въ литературѣ бываютъ разныя направленiя. Каждый литературный органъ служитъ выраженiемъ мнѣнiй и стремленiй извѣстнаго слоя общества или сословiя, и чѣмъ эти стремленiя ближе къ лучшимъ понятiямъ своего времени и къ идеямъ, признаннымъ наиболѣе полезными для общаго благоденствiя, тѣмъ и литературный органъ стоитъ выше. По обыкновенному ходу исторiи однако лучшiя и справедливыя идеи не получали права гражданства и не входили въ общее сознанiе въ то время, когда они появлялись. Для этого нужны были десятки лѣтъ, а иногда даже и цѣлыя столѣтiя. Истина усвоивалась тѣмъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе былъ прежнiй предразсудокъ. Первые голоса въ защиту несчастныхъ старухъ и дѣвочекъ, сжигаемыхъ за колдовство, явились въ концѣ 16-го столѣтiя, и только въ концѣ восемнадцатаго судьи поняли, что до тѣхъ поръ они дѣлали возмутительное варварство и самую нелѣпѣйшую изъ людскихъ нелѣпостей. Во время существованiя у насъ наказанiя кнутомъ, каждый судья былъ убѣжденъ, что кнутъ удивительно какъ исправляетъ нравы и способствуетъ развитiю человѣческихъ добродѣтелей; но теперь разумѣется ни одинъ судья не станетъ защищать подобное мнѣнiе; а между тѣмъ лѣтъ двадцать назадъ, не смотря на то, что Европа не имѣла у себя этого варварскаго наказанiя, русскiе судьи все-таки думали, что кнутъ вещь весьма полезная, что русская сила устроена не по обще-человѣческому закону и что нѣмца можно не бить, а русскаго слѣдуетъ бить непремѣнно. Такой взглядъ на вещи могъ произойти только потому, что истиной признавалось одностороннее заключенiе, на основанiи весьма малаго числа мнѣнiй. Судьи, сжигавшiе бѣдныхъ старухъ,—главная вина которыхъ заключалась въ томъ, что они были очень стары, очень безобразны и нерѣдко очень глупы, — никогда и не старались узнавать, точно ли возможно проѣхать по воздуху верхомъ на помелѣ, и можетъ ли человѣкъ нести яйца, подобно курицѣ. Если бы судьи, не употребляя

пытки, заставили бы вѣдьму снести при себѣ десятокъ яицъ, они увидѣли бы, что это невозможно, и старуха съумѣла бы объяснить имъ, что все обвиненіе есть ложь и сжиганіе не ведетъ ни къ чему, ни относительно ея, ни относительно тѣхъ, кому впередъ придется быть сожженными. Если бы судья, прописавшій сто одинъ кнутъ, спросилъ бы потомъ наказаннаго, насколько улучшилась его нравственность, то, разумѣется, услышалъ бы, что нравственность стала еще хуже; и если бы потребовалось точное заключеніе о мѣрахъ, способствующихъ улучшенію нравственности людей, и о причинахъ ихъ безнравственности, то самое лучшее мнѣніе дали бы, разумѣется, тѣ практическіе люди порока и преступленія, которымъ извѣстно это дѣло не изъ теоріи, но которые своимъ личнымъ опытомъ убѣдились въ недѣйствительности теоріи уголовныхъ законовъ. Но мнѣнія компетентныхъ людей спрашивались не всегда, потому что такъ называемое образованное сословіе руководствовалось въ жизни теоріями, заимствованными ими изъ временъ весьма отдаленной древности и считало ихъ истинами. Въ этомъ разумѣется была большая ошибка, потому что люди, не желая знать, что говоритъ жизнь, хотѣли навязать ей что говорилось въ разныхъ глупыхъ книгахъ, и такимъ образомъ шли наперекоръ правильному развитію прогресса, навязывая народу мнѣнія, которыя могли приносить ему только вредъ, а не пользу. Изъ подобнаго ошибочнаго убѣжденія явилось превратное мнѣніе, что литературой можно образовывать народъ и что не народъ создаетъ литературу, а литература народъ. Такое ошибочное мнѣніе существуетъ частью и нынче. Причиной его слѣдующій оптическій обманъ. Человѣкъ пишущій, если онъ не будетъ вникать въ процессъ зарожденія и развитія въ немъ мысли, можетъ легко придти къ убѣжденію, что мысль создалась въ немъ исключительно подъ вліяніемъ какой-то внутренней силы, называемой поэтами вдохновеніемъ. Если же, какъ полагаютъ вообще, вдохновеніе нисходитъ откуда-то извнѣ, то и въ этомъ случаѣ есть тоже ошибка въ томъ, что это «извнѣ» представляютъ себѣ въ превратномъ видѣ. Вообразивъ себя творцомъ и полнымъ господиномъ своей мысли, писатель становитъ себя сейчасъ же въ ошибочныя отношенія къ людямъ. Онъ начинаетъ считать себя или пророкомъ или учителемъ, и все человѣчество или его соотечественники дѣлаются въ его глазахъ толпой, а иногда даже и толпой безсмысленной. Подобное ошибочное увлеченіе свойственно не однимъ писателямъ и поэтамъ; имъ

отличаются почти всѣ люди, которымъ обстоятельства позволятъ очутиться въ слоѣ такъ называемаго образованнаго сословія. Полагая, что мысль явилась въ нихъ сама собой, въ родѣ того, какъ зародилась изъ ничего Минерва въ головѣ Юпитера, они, по общему закону любви человѣка къ самому себѣ, склонны считать свою мысль не только истиной, но и истиной спасительной для другихъ. Вотъ откуда и является въ людяхъ такое желаніе учить ближнихъ и даже настаивать, чтобы ихъ мнѣніе было непремѣнно принято. Ошибочность подобнаго самоувлеченія доходила въ людяхъ до того, что они, если представлялась иногда тому возможность, считали весьма справедливымъ навязывать людямъ свои личныя мнѣнія даже силой оружія, или другимъ путемъ насилія. Но если бы люди взглянули проще на свои литературныя заслуги, то они бы увидѣли, что всѣ мысли даны имъ жизнью той самой толпы, которую они въ своемъ гордомъ увлеченіи зовутъ безсмысленной. Если бы всѣ бѣдняки, питающіеся травой, мхомъ и глиной вмѣсто хлѣба и говядины, не носили на себѣ ясныхъ слѣдовъ глубокаго физическаго страданія, если бы они вмѣсто удрученнаго, унылаго вида отличались бы беззаботной веселостью; если бы они вмѣсто того, чтобы охать и вздыхать, пѣли веселыя пѣсни и плясали, то ни одинъ бы поэтъ не съумѣлъ бы настроить свою лиру на печальный тонъ и не явилось бы ничего подобнаго «Пѣсни о рубашкѣ», или тѣхъ трактатовъ о бѣдныхъ людяхъ, которыми такъ богаты французская и англійская литературы. И во всѣхъ вопросахъ, касающихся матеріальной и умственной жизни народа, повторяется тоже. Толпа, масса народа—это лабораторія, гдѣ выработываются и создаются матеріалы для самыхъ высокихъ мыслей поэтовъ, прозаиковъ, филантроповъ, гуманистовъ и т. д. Толпа—тотъ пробный камень, на которомъ испытываются всевозможныя теорія, и никто другой, какъ она, выкупаетъ своими страданіями, иногда весьма продолжительными, заблужденія одностороннихъ людей, считающихъ себя въ своемъ гордомъ увлеченіи призванными быть наставниками и руководителями человѣчества. Какъ отдѣльно взятый изъ толпы человѣкъ ни кажется глупъ, но въ цѣломъ своемъ объемѣ толпа или народъ создаетъ все то, что называется его прогрессомъ, и его національнымъ геніемъ. Ни одна изъ тѣхъ блестящихъ и замѣчательныхъ теорій, по общественнымъ вопросамъ, которыми такъ богатъ девятнадцатый вѣкъ, не могли бы явиться, если бы толпа своимъ опытомъ не выработала для нихъ

всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ. Сравненіе жизни народа съ жизнью человѣка очень старо, и во многихъ случаяхъ невѣрно; но вѣрно то, что каждаго человѣка можно сравнить съ отдѣльной животной клѣточкой, и какъ ни незначительно повидимому отправленіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, тѣмъ не менѣе совокупность клѣточекъ создаетъ тотъ удивительный человѣческій организмъ, съ его нервной и мозговой системами, который представляетъ собой такую трудную задачу для современныхъ натуралистовъ. Если это сравненіе вѣрно, то гдѣ основаніе клѣточки мозга или сердца ставить выше клѣточекъ крови или нервовъ? Дѣятельность клѣточекъ только своей совокупностью создаетъ отправленіе цѣлаго организма. Совершенно такое же отношеніе и отдѣльныхъ людей къ массѣ цѣлаго народа.

Разумѣется, у литераторовъ, или людей, посвятившихъ себя другимъ, повидимому руководящимъ толпу занятіямъ, есть личныя заслуги въ томъ, что они дѣлаютъ; но заслуги эти касаются больше формы, чѣмъ сущности ихъ труда. Матеріалъ даетъ имъ жизнь народа, а ихъ заслуга въ томъ талантѣ, съ какимъ они съумѣютъ его разработать. Если не брать въ расчетъ немногихъ геніальныхъ и сильно даровитыхъ личностей, какъ бы исключительно созданныхъ для литературныхъ занятій, то о всѣхъ остальныхъ пишущихъ людяхъ можно сказать, что они могли бы заниматься точно также, а можетъ быть даже и съ большимъ успѣхомъ чѣмъ нибудь другимъ, какъ они занимаются литературой. Одни обстоятельства заставляютъ человѣка сдѣлаться чиновникомъ, другія купцомъ, третьи фабрикантомъ или земледѣльцемъ; но тѣ же самые люди при иныхъ условіяхъ могли бы сдѣлаться и литераторами. Все зависитъ отъ возможности развитія въ ту или въ другую сторону умственныхъ способностей. Отъ этого въ странахъ, гдѣ еще малъ запасъ умственныхъ силъ, литературное занятіе представляетъ какую-то особенность и исключительный, особенно уважаемый трудъ, а гдѣ умственное развитіе стоитъ выше, тамъ почти каждый грамотный пишетъ что нибудь для литературы. Эту мысль подтверждаетъ особенно Англія, владѣющая наибольшимъ числомъ хорошихъ романистовъ. Никто не станетъ отвергать, что Англія, при многихъ своихъ недостаткахъ, въ отношеніи цивилизаціи все-таки первая страна Европы. Съ развитіемъ цивилизаціи съ людей стирается та угловатость мысли, чувства и поступ-

ковъ, какой отличаются обыкновенно люди менѣе образованные, такъ что въ отношенiи внѣшнихъ дѣйствiй, наружности и общежитiя всѣ цивилизованные люди получаютъ одинъ общiй характеръ, чуждый всякой рѣзкости и грубыхъ штриховъ, отличающихъ людей цивилизованныхъ. Поэтому для романиста казалось бы гораздо труднѣе работать среди людей болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга, чѣмъ въ странѣ, гдѣ угловатость и рѣзкость всѣхъ очертанiй бросаются въ глаза даже и не слишкомъ тонкому наблюдателю. Но въ этомъ-то и заключается сила развитiя мысли и литературныхъ способностей, являющаяся въ народѣ съ высшей цивилизацiей. Привычка вдумываться въ самого себя и наблюдать другихъ, изощрять способность, замѣчать всѣ малѣйшiя внѣшнiя разницы между людьми и опредѣлять побужденiя, которыя ими руководятъ. Гдѣ такихъ людей мало, тамъ мало и романистовъ. У насъ нѣтъ романа совсѣмъ не потому, чтобы русская жизнь была бѣдна матерiалами, а потому что не развились еще до тонкости наши литературныя способности. Мы умѣемъ подмѣчать только самые яркiе цвѣта и потому создаемъ «Князей Серебряныхъ», въ которыхъ дѣйствуютъ, или безумцы, или фанатики, или дураки; но не умѣемъ подмѣтить романа въ нашей будничной жизни, богатой сюжетами для романа болѣе, чѣмъ жизнь какого либо другого народа Европы. Въ этомъ же причина, почему нигдѣ не встрѣчается такъ много отсталыхъ писателей, какъ у насъ. Несмотря на то, развитiе мысли совершается у насъ потому же закону, какъ и вездѣ. Постоянное занятiе умственнымъ трудомъ прiучаетъ человѣка обращаться съ мыслью, въ немъ развивается навыкъ и искусство простое содержанiе, представляемое ему жизнью, излагать въ той или другой формѣ, дѣйствующей на умъ или на воображенiе читателя; онъ научается не только излагать мысль послѣдовательно, сообщать ей большую или меньшую силу убѣдительности, но и дѣлать изъ сочетанiя разныхъ мыслей разные выводы и заключенiя; онъ вырабатываетъ наконецъ слогъ, обороты фразъ, научается сообщать красоту рѣчи, музыкальный тонъ, плавность, силу и наконецъ создаетъ тотъ литературный языкъ, которымъ начинаютъ наконецъ говорить всѣ люди привычные къ чтенiю, и который такъ далекъ отъ простой, неразвитой рѣчи народа. Разумѣется, это дѣлается не однимъ человѣкомъ.

Здѣсь, по поводу народа будетъ кстати сказать о значенiи реформы Петра Великаго. У насъ укоренилось мнѣнiе, что реформа Петра

раздѣлила Россію на двѣ части, непонимающія другъ друга. Если это и вѣрно, то Петръ все таки невиноватъ въ томъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ литераторовъ хотя и сравнилъ реформу Петра съ клиномъ, но это сравненіе больше игриво, чѣмъ справедливо, потому что сдѣлалось бы тоже самое, если бы даже и не было Петра Великаго. Если бы обвинители нападали исключительно на крутость и насильственность мѣръ, они были бы правы, хотя тоже не вполнѣ; но они нападаютъ на результаты; и въ этомъ случаѣ они уже совершенно ошибаются. Круто или некруто дѣйствовалъ Петръ, для нашего вопроса это все равно; сущность же реформы заключается въ томъ, что онъ прорубилъ окно въ Европу, впустилъ въ Россію европейскій воздухъ. Не слѣдуетъ думать—подобно нѣкоторымъ русскимъ историкамъ, объясняющимъ характеръ Ивана VI тѣмъ, что этотъ добродѣтельный отъ природы человѣкъ, вставъ одно утро на лѣвую ногу, принялся рубить направо и налѣво, — что Петръ, какъ реформаторъ, создался изъ ничего. Еще до того были въ Россіи иностранцы и заводились иностранные порядки и между боярами Алексѣя Михайловича были люди, понимавшіе преимущество европейскихъ порядковъ передъ русскими. Сношеніе съ иностранцами существовало, политическая связь съ Европой тоже, слѣдовательно рано или поздно Россія примкнула бы непремѣнно къ Европѣ, а это сдѣлалось бы вслѣдствіе одного ея географическаго положенія, которое неизбѣжно вело къ столкновеніямъ съ Западомъ, а потому и къ связи съ нимъ. Не будь Петра, тотъ же прогрессъ совершался бы въ болѣе продолжительный срокъ, но черезъ это законъ развитія нисколько бы не измѣнился, какъ не измѣняется законъ горѣнія оттого, скорѣе или тише горятъ дрова въ печкѣ. И съ Петромъ и безъ Петра вліяніе европейскихъ порядковъ началось бы съ внѣшности, съ подражанія наружнымъ условіямъ общежитія; перешло бы сначала то, что доставляетъ матеріальныя удобства и льститъ чувственности, потомъ явились бы люди болѣе развитые, которые бы поняли, что сущность европеизма вовсе не въ этомъ, а въ тѣхъ идеяхъ, которыми улучшается вся общественная жизнь и всѣ человѣческія отношенія. Прошло сто лѣтъ, даже болѣе, одного внѣшняго подражанія Европѣ, прежде чѣмъ стало замѣтно у насъ умственное вліяніе Запада. До тѣхъ же поръ весь нашъ прогрессъ заключался почти въ томъ, что одни остались вѣрны своему полушубку и пустымъ щамъ, а другіе перемѣнили дорогой боярскій костюмъ на

болѣе дешевое европейское одѣяніе, и къ русскимъ кулебякамъ прибавили французскіе соусы. Если говорить о разрывѣ, то такое отчужденіе немногихъ богатыхъ людей отъ массы бѣднаго населенія всегда существовало въ Россіи, и оно существуетъ и до сихъ поръ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ бѣдные и богатые, образованные и необразованные составляютъ два противуположныхъ лагеря. Другое дѣло, если бы Петръ создалъ боярство, если бы онъ раздѣлилъ народъ равноправный, какъ евреи временъ Моисея, на бѣдныхъ и богатыхъ, на повелѣвающихъ и повинующихся; но все это было въ Россіи еще давно до Петра Великаго, и если вся масса населенія составляла однообразную смѣсь невѣжества и предразсудковъ и въ этомъ заключался золотой вѣкъ любителей старины и варварства, то пусть они припомнятъ, что народъ никогда не стоялъ такъ далеко отъ дворянства, никогда не терпѣлъ такихъ ужасныхъ и несправедливыхъ притѣсненій и грабительствъ отъ людей, даже съ самой незначительной властью, какъ до Петра Великаго. Въ XIX столѣтіи Россія стала уже лучше понимать свои внутреннія отношенія и смыслъ европейской жизни; европейскій воздухъ пересталъ уже, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, дѣйствовать только на желудокъ, возбуждая апетитъ; онъ подѣйствовалъ на нашъ мозгъ и на наши нервы, и съ этихъ поръ у насъ стали появляться дѣйствительно образованные люди. Не будь реформы Петра, мы переживали бы теперь, можетъ быть, порядки Екатерины I, т. е. были бы позади на полтора столѣтія, и общая связь во всемъ народонаселеніи страны была бы едвали больше. Реформа Петра сдѣлала то, что дѣлаетъ всякая цивилизація; ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни во Франціи не было Петровъ Великихъ, а между тѣмъ клинъ, замѣченный въ Россіи и приписываемый Петру, можно легко увидѣть въ каждой изъ этихъ странъ. Такіе клинья создаются не реформаторами, а закономъ цивилизаціи и развитія, который для всѣхъ народовъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, совершенно одинаковъ. Сами реформаторы—продукты этого закона. Кто былъ заграницей, тотъ знаетъ, насколько языкъ литературы составляетъ тамъ языкъ народа, и что ни одна страна не представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе поразительнаго примѣра, какъ Германія, гдѣ простой народъ говоритъ такимъ языкомъ, который можетъ быть уже триста лѣтъ не встрѣчается ни въ одной печатной книгѣ. Если нигдѣ не существуетъ такой рѣзкой крайности между богатыми и бѣдными въ ма-

теріальномъ отношеніи, какъ въ Англіи, за то нигдѣ не существуетъ такой крайности между богатыми и бѣдными въ умственномъ отношеніи, какъ въ Германіи, и германскій мыслитель послѣдняго времени былъ совершенно правъ, когда сказалъ, что нѣмцы поймутъ его только черезъ тысячу лѣтъ. Такое разъединеніе между просвѣщенными и непросвѣщенными людьми, какое замѣчается въ Германіи, такое относительно малое число первыхъ и далекое ихъ умственное развитіе, и относительно большое число послѣднихъ и великое ихъ невѣжество, можно назвать дѣйствительно клиномъ; а между тѣмъ въ Германіи Петра Великаго небыло, и никто не вводилъ тамъ реформы насильственнымъ путемъ. Поэтому то, что считаютъ у насъ клиномъ, по сравненію съ Европой не больше, какъ клинышекъ, и нигдѣ напротивъ не существуетъ меньше умственнаго разъединенія во всей массѣ населенія, какъ у насъ, разумѣется если не брать въ разсчетъ отдѣльныхъ, болѣе передовыхъ людей.

Не смотря на то, и нашъ литературный языкъ непохожъ уже на языкъ простого народа, и складъ рѣчи образованнаго человѣка на рѣчь простолюдина. Но это несходство, касающееся внѣшней формы мыслей, не относится до ихъ сущности. Разумѣется чисто литературные вопросы и разныя химическія и критическія тонкости изящной литературы не могутъ быть доступны простому человѣку; но мысли, относящіяся до его общественнаго положенія и быта, будутъ ему также понятны, какъ и всякому другому, потому что для пониманія ихъ нуженъ здравый смыслъ, нисколько независимый отъ литературнаго языка и таланта изложенія. Изъ того, что умъ независимъ отъ литературнаго таланта и навыкъ писать не дѣлаетъ человѣка умнѣе, очевидно, что можно быть весьма ограниченнымъ, занимаясь цѣлый вѣкъ литературой, и можно быть весьма здравомыслящимъ, небравшись никогда за перо. Поэтому же литературное занятіе не есть непремѣнный признакъ большей мозговой силы человѣка и пропорція людей умныхъ и глупыхъ между литераторами совершенно такая же, какая существуетъ между умными и глупыми во всей вообще массѣ населенія. Умныхъ людей во всякой странѣ всегда меньше, чѣмъ неумныхъ; вотъ почему и умныхъ книгъ и сочиненій меньше, чѣмъ пустыхъ и совершенно безполезныхъ. Впрочемъ называть ихъ безполезными великая ошибка, потому что мысли могутъ быть только или полезны или вредны. Если сочиненія способствуютъ

уничтоженію заблужденій и предразсудковъ — они полезны, ибо помогаютъ прогрессу; но если ими вводятся новые предразсудки или поддерживаются старые — онѣ вредны.

Изъ того, что на свѣтѣ больше сочиненій вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, т. е. что больше сообщается лжи, чѣмъ истинъ, можно бы заключить, что масса заблужденій вмѣсто того, чтобы уменьшаться, должна увеличиваться. Но этого нѣтъ. Не смотря на то, литература можетъ имѣть и вредное вліяніе, и вотъ почему. Масса заблужденій, сообщаемыхъ литературой, зависитъ исключительно отъ запаса ихъ въ народѣ, и хотя въ каждой странѣ есть люди, стоящіе въ ровень съ послѣдними знаніями самыхъ цивилизованныхъ и развитыхъ народовъ, но такихъ людей всегда мало и сочиненій ихъ немного. Значитъ, остается перевѣсъ за сочиненіями и мыслями противоположнаго свойства. А какъ при всемъ вліяніи народа на литературу существуетъ и вліяніе литературы на народъ, то очевидно, что писатели, неимѣвшіе никогда способности самобытнаго мышленія, могутъ своими сочиненіями распространять между ограниченными и легковѣрными людьми неизвѣстныя имъ до того бредни, которыя они готовы принять за истину, потому что это печатное. Этимъ путемъ литература обнаруживаетъ на прогрессъ вредное вліяніе, и продолжительность его можетъ быть тѣмъ болѣе, чѣмъ медленнѣе и труднѣе распространеніе истинныхъ знаній. Разумѣется, люди съ природнымъ здравымъ смысломъ не поддаются легко всему печатному; но когда въ человѣкѣ больше любознательности, чѣмъ способности отличать истинное отъ ложнаго, и когда онъ при желаніи обогатить себя познаніями обложится всякими книгами безъ разбору, то нѣтъ ничего удивительнаго, что по прочтеніи всего онъ почувствуетъ себя въ положеніи человѣка, очутившагося внезапно въ очень большомъ и темномъ лѣсу. Этимъ путемъ многіе, весьма хорошіе отъ природы люди, способные быть полезными, до того притупили свои умственныя способности и сбивались разными дикими теоріями литературныхъ фонатиковъ, что становились людьми положительно вредными. Кто хочетъ найти доказательство тому въ исторіи, тотъ ихъ найдетъ легко, потому что во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ жило удивительное смѣшеніе самыхъ противоположныхъ ученій, сбивающихъ людей съ толку и въ ихъ частной и въ ихъ общест-

венной жизни. Лучшимъ примѣромъ изъ нашего времени можетъ служить такъ называемая наука права, составляющая одно изъ самыхъ отсталыхъ современныхъ знаній, да и вообще, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ въ Европѣ, отличавшаяся этимъ качествомъ. Только вслѣдствіи этой вѣчной отсталости и желанія смотрѣть на дѣла людей сквозь теорію, сочиненную въ четырехъ стѣнахъ, юристы считали правомъ казнить и пытать людей, и ученые юридическіе факультеты давали свое одобреніе такимъ возмутительнымъ дѣйствіямъ, которыя современная исторія зоветъ политическими злодѣяніями и убійствами. Чтобы подтвердить это примѣрами, достаточно сослаться на исторію Генриха VIII англійскаго и на религіозныя войны Франціи. Поэтому любознательность людей, подвергающаяся несчастію удовлетворяться безъ разбору всякими мыслями и теоріями, заслуживаетъ полнаго сожалѣнія. Лучше прочесть всего двѣ хорошихъ книги и затѣмъ не читать ничего, если нельзя достать дѣльнаго, чѣмъ прочитать двѣ тысячи книгъ пустыхъ и цѣлый свой вѣкъ читать вздоръ, потому что въ послѣднемъ случаѣ весьма легко лишиться разсудка, что и бываетъ не рѣдко съ людьми, много читающими. При всемъ однако обиліи дурныхъ книгъ и количественномъ ихъ перевѣсѣ надъ книгами хорошими, истина беретъ свое, и хотя человѣчество подвигается впередъ медленно, а все таки подвигается. Это доказываетъ только одно, что здравый разсудокъ людей имѣетъ большую силу, и что сотни заблужденій не въ состояніи затемнить одну истину. Такимъ образомъ основную силу всякой литературы составляетъ не все то, что въ ней написано и напечатано, а только то, что ведетъ впередъ и сообщаетъ людямъ полезное. Подобное же отношеніе существуетъ и между литературными дѣятелями, т. е. полезенъ не тотъ, кто пишетъ, а тотъ, кто пишетъ дѣло, и хотя въ исторіи цивилизаціи праздное бумагомарательство есть несомнѣнный фактъ, тѣмъ не менѣе это фактъ все-таки грустный, потому что подъ личиной прогресса въ немъ скрывается самая тупая и злостная отсталость.

Но откуда берутся бумагомаратели и гдѣ скрывается источникъ заблужденій, изъ котораго они черпаютъ свои мысли? И бумагомаратели и заблужденія являются изъ того же самого источника, который создаетъ дѣльныхъ литераторовъ и дѣловыя мысли—изъ на-

рода. Источникъ этотъ весьма богатъ и тиной всякихъ сортовъ и драгоцѣнностями. Но тину ловить легче, оттого-то ее и ловятъ плохіе удильщики, да кромѣ того, не смотря на усилія людей, старающихся очистить источникъ отъ всякаго сору и плесени, ихъ еще въ немъ слишкомъ много. Начало происхожденія этой тины нужно искать въ очень отдаленной древности, когда всѣ знанія человѣчества составляли только невѣжество, суевѣрія и заблужденія. Пора новаго порядка вещей для Европы наступила со времени реформаціи; вотъ почему историки эпоху, начинающуюся съ этого времени, называютъ новой исторіей. Новость ея въ томъ, что здравый разсудокъ людей проснулся послѣ вѣкового усыпленія и люди, посмотрѣвъ что дѣлается вокругъ, спросили себя — «да такъ ли это»? — Не то было прежде. Европа, воспитанная подъ религіознымъ и гражданскимъ деспотизмомъ, держалась упорно старины въ правахъ, обычаяхъ, привычкахъ, суевѣріяхъ и заблужденіяхъ, сомнѣніе считалось великимъ грѣхомъ, хотя бы оно касалось самыхъ обыкновенныхъ вещей домашняго быта. За сомнѣнія болѣе важныя человѣкъ платился не рѣдко жизнью, и чтобы облегчить душѣ грѣшника путь спасеніи и искупить ея грѣхи, ученые юристы придумали сотни разныхъ хитрыхъ умозаключеній, по которымъ оказывалось несомнѣннымъ, что грѣшниковъ слѣдуетъ жарить живьемъ на сковородахъ, или коптить въ дыму костровъ, подобно тому какъ коптятъ ветчину. Такія дѣйствія юристы на своемъ ученомъ языкѣ называли «правомъ». Разнообразіе подобныхъ правъ было такъ велико и такъ тяжело для тѣхъ, кому приходилось практически на своемъ тѣлѣ испытывать всю ихъ жестокость, что разныхъ родовъ злоупотребленія и истязанія, которымъ подвергались люди въ силу всевозможныхъ правъ, должны были привести къ общему сомнѣнію въ ихъ справедливости и необходимости. Вѣра въ авторитетъ поколебалась, люди стали искать доказательствъ и поняли, что этотъ путь пониманья самый правильный, потому что онъ ведетъ къ истинѣ. Чтобы опредѣлить, что—истина, что—ложь, приходилось однако перебрать всю массу заблужденій, накопившихся со времени перваго человѣка. Работа большая; оттого-то она и некончена до сихъ поръ, и по этой же причинѣ людей заблуждающихся гораздо больше, чѣмъ правильно понимающихъ вещи. Но дѣло не въ томъ, что еще много заблуждающихся и велика масса заблужденій, а въ томъ, чтобы открыть спо-

собъ распознавать истину отъ лжи. Сомнѣніе, опытное изслѣдованіе и исключеніе — вотъ этотъ способъ и имъ создалась вся масса тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ истинъ, которыя такъ улучшили современный бытъ западной Европы. Кто не хочетъ признать справедливости этого метода, тотъ значитъ—не хочетъ никакихъ улучшеній и считаетъ средніе вѣка лучше новой исторіи. Хотя людей такой смѣлости, чтобы утверждать это и выдавать себя за противниковъ улучшеній, и не найдется, тѣмъ не менѣе слѣпая привязанность къ старинѣ такъ обыкновенна среди людей образованныхъ сословій, и они такъ крѣпко держатся за нее, что въ нашь вѣкъ они разыгрываютъ ту же самую роль, какую въ началѣ 16 столѣтія разыгрывали противники реформаціи. Это излишнее уваженіе къ старинѣ, доказывающее съ одной стороны силу воображенія, рисующаго отжившее въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ робость и слабость разсудка и недостатокъ равномѣрнаго воспитанія умственныхъ способностей. Такой очевидный недостатокъ силъ нисколько однако не уменьшаетъ въ людяхъ самомнѣнія, а напротивъ даже создаетъ въ нихъ ложное понятіе о личномъ достоинствѣ и ту неуступчивость, какой отличались всегда люди слабыхъ способностей. Въ этомъ случаѣ она напоминаетъ тѣхъ военныхъ героевъ временъ рыцарства, которые не понимали другихъ убѣжденій, кромѣ единоборства, и не давали накакой важности логическимъ выводамъ и силѣ мысли. Литераторъ, выросшій въ такихъ убѣжденіяхъ и незнающій другой дисциплины ума, кромѣ слѣпой вѣры въ прошлое, не пойметъ никогда разницы между бѣлымъ и чернымъ, пока какія либо обстоятельства не пробудятъ въ немъ пытливости ума, если только его умъ еще способенъ на это. Чаще же умъ, напитанный заблужденіями еще въ первой молодости, а потомъ испорченный воспитаніемъ и жизнью среди людей нелюбившихъ разсужденій, остается навсегда гнѣздилищемъ какихъ-то призраковъ и суевѣрной боязни во все новое. Такимъ людямъ даже и путешествіе заграницей не приноситъ никакой пользы, и они оттуда выносятъ еще болѣе странные взгляды, впрочемъ неизбѣжные при извѣстныхъ умственныхъ болѣзняхъ. Эта неполнота интелектуальнаго организма не мѣшаетъ однако людямъ посвящать себя литературѣ, и въ такомъ случаѣ они служатъ представителями того слоя населенія, которому дороги его заблужденія и предразсудки и неизвѣстна истина. Это

явленіе неизбѣжно при всякомъ развитіи цивилизаціи — свободномъ и несвободномъ; и въ каждой странѣ тѣмъ больше отсталыхъ литераторовъ и литературныхъ органовъ, чѣмъ больше заблуждающихся людей. Живучесть предразсудковъ бываетъ иногда весьма замѣчательна. Религіозная нетерпимость давно уже признана ошибкой, и въ настоящее время ни одно просвѣщенное общество Европы не преслѣдуетъ людей за ихъ религіозныя убѣжденія. Но не то въ литературѣ. Въ каждомъ народѣ еще есть религіозные фанатики, ополчающіеся противъ того, что кажется имъ ложной вѣрой, и если бы этимъ людямъ дать волю, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они возобновили бы времена инквизиціи и религіозныхъ преслѣдованій и доставили бы любителямъ возмутительныхъ зрѣлищъ возможность наслаждаться кровавыми публичными представленіями и сжиганіемъ вѣдьмъ и колдуновъ. Такихъ людей, считающихъ себя образованными и имѣющихъ смѣлость высказывать мысли, ложность которыхъ доказана четыреста лѣтъ тому назадъ, нисколько не смущаетъ общественное мнѣніе, потому что имъ кажется, что всѣ заблуждаются кромѣ ихъ. Но есть еще сортъ людей, менѣе рѣшительныхъ, усвоившихъ себѣ всю внѣшность цивилизованныхъ людей, ихъ манеры, складъ рѣчи, повидимому даже и мысли. Между ними нужно различать людей двухъ порядковъ: одни сохраняютъ всѣ заблужденія старины и только говорятъ о прогрессѣ, думая о немъ совсѣмъ другое; другіе, болѣе сильные мыслью и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабые характеромъ, борятся цѣлый вѣкъ между истиной и ложью, не имѣя твердости пристать къ которому нибудь одному убѣжденію. Подобные дуалисты бываютъ обыкновенно весьма счастливы въ практической жизни и даже не находятъ никакого неудобства двоиться цѣлый вѣкъ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Въ какомъ бы моментѣ развитія ни находилась цивилизація какого бы то ни было народа, дуалисты всегда есть и всегда въ такомъ количествѣ, что вредное ихъ вліяніе на ходъ развитія очень замѣтно. Дуалисты — посредствующее звѣно, связывающее передовыхъ людей съ отсталыми.

Изъ всего того, что было сказано о литературѣ, читатель пойметъ отношеніе къ ней образованныхъ людей, и кого въ строгомъ смыслѣ слѣдуетъ собственно считать образованнымъ. Вопросъ этотъ

разрѣшенъ весьма коротко и просто народной поговоркой: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Въ этомъ случаѣ здравый смыслъ народа сталъ выше понятій тѣхъ затупленныхъ глупыми книгами людей, для которыхъ цивилизованная внѣшность служитъ непремѣннымъ доказательствомъ и цивилизаціи мысли, а общественное положеніе человѣка—мѣриломъ его способностей, знаній и полезности.

Н. Шелгуновъ.

ВЗБАЛОМУЧЕННЫЙ РОМАНИСТЪ.

«Не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей» написалъ г. Писемскій свой новый романъ: «Взбаломученное море». По его словамъ онъ имѣлъ въ виду «высшую цѣль»; «пусть», говоритъ онъ, «пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь.» Вотъ какой трудъ принялъ на себя г. Писемскій, и задачу эту онъ старается разрѣшить въ шести частяхъ своей взбаломученной поэмы. Онъ самъ смотритъ на свое новое произведеніе не какъ на романъ, а какъ на лѣтопись, анналы, служащіе матеріаломъ для будущаго историка. Съ этой точки зрѣнія онъ заставляетъ насъ смотрѣть на его трудъ и даетъ право искать въ немъ не только такъ называемой художественной правды, но и правды исторической. Конечно, всякое хорошее художественное произведеніе,—а хорошимъ я признаю то, которое не занимается любовью соловья къ розѣ, а обращается къ предметамъ житейскимъ, — всякое хорошее художественное произведеніе можетъ служить матеріаломъ для историка. Но онъ можетъ пользоваться имъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ тому, какъ онъ пользуется лѣтописями. Художникъ, въ произведеніяхъ котораго вѣрно отразился духъ времени хотя и дастъ этимъ историку средства для изученія своей эпохи, но совершенно помимо своей воли. Если современники художника и

самъ онъ живутъ подъ какимъ нибудь внѣшнимъ насиліемъ, то страданіе, негодованіе, стремленіе къ перемѣнѣ отражаются въ его произведеніяхъ; и историкъ можетъ по нимъ судить, насколько тяжело было это насиліе и какъ относилось къ нему то поколѣніе, которое переживало эту эпоху. При этомъ отъ художника нельзя и требовать, чтобы онъ далъ историку факты, представилъ съ исторической точностію событія. Если поэтъ и упоминаетъ о фактахъ, то историкъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ принимать ихъ въ соображеніе, потому что поэтъ на то и поэтъ, чтобы замазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, привирать. Поэтому историку достаточно уловить общій характеръ художественнаго произведенія, въ которомъ хотя и отразилась дѣйствительность, но прямыхъ указаній на нее нѣтъ. На оборотъ, лѣтописецъ долженъ вѣрно представлять самыя событія и лица. Разумѣется, это трудъ не малый, и храбрости г. Писемскаго дѣлаетъ большую честь то, что онъ за него взялся.

Извѣстно также и вѣдомо каждому, что безпристрастіе есть именно то свойство, котораго не достаетъ всѣмъ лѣтописямъ, особенно когда рѣчь идетъ объ эпохѣ, современной лѣтописцу; хотя г. Писемскій съ гордостію вызываетъ желающихъ уличить его въ невѣрности изображенія, но я замѣчу ему, что такой вызовъ показываетъ въ немъ излишнюю самонадѣянность, которая до добра не доводитъ. При такой самоувѣренности меня поражаетъ скромность, обнаруживаемая г. Писемскимъ нѣсколькими строками ниже: онъ говоритъ, что въ «романѣ своемъ представилъ не всю Россію, а только всю мысль ея.» Но почитатели г. Писемскаго легко могутъ сообразить, что онъ только скромничаетъ, зная хорошо, что изобразилъ всю Россію, потому что если онъ представилъ всю ложь русскаго общества, то этимъ самымъ показалъ и всю его истину. Если я говорю, что то-то и то-то ложно въ жизни какого нибудь общества, то этимъ я въ тоже время говорю, что все противоположное лжи—истинно. Въ «Взбаломученномъ морѣ» такъ оно и выходитъ: здѣсь авторъ показываетъ намъ какъ то, что по его мнѣнію ложь, та и то, что онъ считаетъ правдой.

Что же ложно, по мнѣнію г. Писемскаго, въ нашемъ обществѣ? Какъ и въ чемъ является у насъ ложь? На что обращаетъ г. Писемскій вниманіе будущаго историка и что представляетъ онъ ему какъ зло, т. е. неправду? На это должны отвѣтить намъ характеры

и свойства лицъ, выведенныхъ въ романѣ въ качествѣ представителей разныхъ оттѣнковъ русскаго общества. Болѣе же прямой и краткій отвѣтъ намъ даетъ сама истина, облеченная г. Писемскимъ въ образъ мироваго посредника Варегина, который на вопросъ: «гдѣ корень зла?»—изрекаетъ слѣдующее:

— Да я думаю всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили и въ нашемъ шаткомъ образованіи, которое въ однихъ только декораціяхъ состоитъ;—такъ что-то такое плаваетъ сверху на показъ! И для меня рѣшительно нѣтъ никакой разницы между Ванюшей въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говоритъ: hélas! c'ést affreux и нынѣшнимъ какимъ нибудь господиномъ, болтающемъ о революціи...

И такъ между Ванюшей, современнымъ «Бригадиру и нынѣшними Ванюшами нѣтъ никакой разницы, по мнѣнію г. Писемскаго; и слѣдовательно тогдашняя и теперешняя ложь—одинаковы. Поэтому, не нарушая хронологіи, и романъ г. Писемскаго можно отнести также къ концу прошлаго вѣка, какъ къ половинѣ настоящаго: ложь его—одинакова. Посмотримъ же, какъ она, выразилась въ дѣйствующихъ лицахъ, выведенныхъ на сцену г. Писемскимъ, особенно его героя.

Надо отдать справедливость г. Писемскому, Баклановъ его несравненно лучшій представитель большей части нашего общества, чѣмъ всѣ герои, являвшіеся въ романахъ послѣдняго десятилѣтія. Обломовъ, Рудинъ, Лаврецкій вѣрно представляютъ разные сорты людей, жившихъ въ нашемъ обществѣ, но Баклановъ есть представитель всего общества. Недостатки и вообще свойства Рудиныхъ и Обломовыхъ хотя конечно встрѣчались въ обществѣ весьма часто, и лица эти типичны, но именно дѣло въ томъ и состоитъ, что они представляютъ собой ту или другую характеристическую черту общества, ту или другую сторону его, между тѣмъ какъ въ Баклановѣ видно все общество, со всѣми его качествами и свойствами. Онъ самый вѣрный выразитель той эпохи «нравственнаго гнета», которая, по свидѣтельству г. Писемскаго, къ счастію кончилась. Ей онъ принадлежалъ по времени и по характеру. Родился онъ чуть ли не въ тотъ самый годъ, какъ она началась, а когда она, какъ увѣряетъ г. Писемскій, кончилась, то ему уже было тридцать лѣтъ, то есть тотъ самый возрастъ, когда обыкновенно человѣкъ перестаетъ

развиваться. Хотя г. Писемскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ романа называетъ своего героя человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, но все это ложь, и соглашаться съ этимъ, разумѣется не надо. Впрочемъ я нахожу, что это тѣмъ лучше для г. Писемскаго; будь его герой дѣйствительно умный и образованный человѣкъ, онъ бы не былъ такимъ типичнымъ представителемъ современнаго ему общества. Что касается до его глупости и неразвитости, то это доказывается словами самого же Бакланова. Такъ въ первой части романа онъ объясняетъ теорію электричества слѣдующимъ образомъ:

«...При химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя».

Во второй части о балетѣ онъ выражается такъ:

— ...«Тутъ правда, истина, которыя однѣ только имѣютъ законное право существовать».

Далѣе, пріѣхавъ въ деревню и отправившись къ сосѣдямъ, онъ услаждаетъ себя помыслами о томъ, что «я, дескать, сквайръ, проприетеръ. Все это, что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня. Я могу жить ничего не дѣлая»... Въ четвертой части, когда наступила эпоха возрожденія (Renaissance) онъ изъявляетъ намѣреніе пуститься въ биржевую игру, потому что «вся образованная Европа играетъ на биржѣ». На это г. Писемскій говоритъ читателямъ, которые бы пожелали упрекнуть за это его героя, что и они неблагоразумнѣе,—тоже накупили акцій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ читателей «Взбаломученнаго моря» найдутся господа въ родѣ Бакланова, потому что оттого-то онъ такъ и хорошъ, что такихъ много. Но спасаетъ ли это обстоятельство вашего героя, г. Писемскій, отъ упрека въ глупости? Не видите ли вы, что онъ глупъ? Можетъ ли кто другой кромѣ глупца сказать эти слова: «*потому что вся Европа играетъ на биржѣ*».

Далѣе, если всего этого мало, онъ хвастается тѣмъ, что въ свое время люди, подобные ему, въ двадцать лѣтъ «уже были влюблены какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли». Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ спорахъ онъ жалкимъ образомъ побивается и своей любовницей и своей женой, которыя, грѣхъ сказать, чтобы порохъ могли выдумать или звѣзды съ неба похватать.

Впрочемъ въ свое время такой человѣкъ, можетъ быть, казался

умнымъ: пословица говоритъ, что на безрыбьи и ракъ—рыба. Во времена «нравственнаго гнета» находились идіоты, какъ Венявинъ, которые и передъ Баклановыми благоговѣли, и весьма естественно, что г. Писемскій привыкъ считать такихъ людей за умныхъ и образованныхъ. Вѣдь Никита Безрыловъ не далеко ушелъ отъ Бакланова... Но г, Писемскій, ошибаясь въ оцѣнкѣ умственныхъ способностей своего героя, не ошибся, какъ художникъ. Его талантъ помимо его воли представилъ Бакланова глупцомъ, хотя этотъ глупецъ и названъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ.

Какъ велико нравственное невѣжество Бакланова, такъ велика и его внутренняя пустота. Эти двѣ черты его херактера г. Писемскій не только не отрицаетъ, но тщательно выставляетъ на показъ. Эту пустоту жизнь не могла наполнить, потому что не дала ничего. Тогда бѣда была человѣку, родившемуся съ плохимъ мозгомъ: не имѣя ничего своего, ему не откуда было взять ничего чужаго. Жизнь, развивавшая въ немногихъ энергическихъ и смѣлыхъ людяхъ эти качества, у людей мелочныхъ и безхарактерныхъ, каково было большинство и каковъ его представитель—Баклановъ, доводила эти свойства до послѣдней степени ничтожества. Авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ жизнь своего героя во времена «нравственнаго гнета». Мы видимъ героя сперва студентомъ. Здѣсь онъ кутитъ, влюбляется, тунеядствуетъ. Онъ таковъ какъ большинство современной ему молодежи. Они скромны и благонамѣрнны, потому что и намѣреній-то никакихъ не имѣютъ. Они толкуютъ о любви къ прекрасному вообще, а къ балету въ особенности; мечты ихъ, самыя смѣлыя и пылкія, были обращены на достиженіе крупнаго чина. Добродушный Венявинъ говоритъ герою, который для него идеалъ совершенства, что его ждутъ родина и министерскій портфель. Высшимъ вольнодумствомъ считалось произвести какой нибудь скандалъ, бросить танцовщицѣ мертвую кошку, побить квартальнаго, напиться до омерзѣнія. Человѣкъ, сдѣлавшій такую штуку, становился гароемъ дня: о немъ разговаривали и толковали: «а знаете ли такой-то бросилъ въ театрѣ Андреяновой мертвую кошку! Каковъ молодецъ?» Животрепещущіе вопросы состояли въ томъ, что такого-то актера или такую-то актрису хотятъ замѣнить другими. Важнѣе этого и придумать ничего не могли. Вообще царствовала умилительная патріархальность: какова была молодежь, таковы и руководители ея. Таковъ напримѣръ былъ покойный инспекторъ московскаго университета Платонъ

Степановичъ, который какъ есть въ своемъ флотскомъ мундирѣ завербованъ г. Писемскимъ въ число дѣйствующихъ лицъ романа. Г. Писемскій желаетъ мира его праху, на томъ основаніи, «что онъ былъ добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ юношества». Онъ даже, по словамъ г. Писемскаго, не прочь былъ имѣть свои убѣжденія, но его смущали дома, обитаемые генералъ-губернаторомъ и жандармскимъ офицеромъ. Но г. Писемскій упускаетъ изъ виду, что при томъ юношествѣ, которое цвѣло въ его время, никакой надобности въ губителяхъ не предстояло. Наставникъ или надзиратель, подобный Платону Степановичу, былъ совершенно удовлетворителенъ, если даже не дѣлалъ особенныхъ гадостей. Съ него достаточно было, если онъ ругался, какъ извощикъ, и сажалъ въ карцеръ, потому что странно было бы приставить къ семилѣтнимъ дѣтямъ какого нибудь Фуше, если для нихъ совершенно достаточенъ надзоръ г. Миллера-Красовскаго. Таланты Фуше лучше употребить въ другомъ мѣстѣ, а Миллеру-Красовскому предоставить дѣтей.

Проведя такимъ образомъ свою юность, Баклановъ рѣшается поступить на службу. Конечно такая среда и такая жизнь при такихъ умственныхъ способностяхъ не могли развить ни правильнаго пониманія своихъ отношеній къ обществу, ни сознанія своего достоинства. Слово *гражданинъ* считалось почти иностраннымъ, и не напоминало ничего кромѣ римской исторіи, такъ какъ исторія французской революціи, гдѣ могло встрѣтиться это слово, преподавалась слишкомъ вкратцѣ. Поэтому высшее понятіе о гражданскихъ обязанностяхъ, которое могло возникнуть тогда въ головѣ Бакланова, состояло въ томъ, что должно хорошо служить, то есть не брать взятокъ и возставать противъ явныхъ безобразій, или, какъ выражались Баклановы, служить не лицамъ, а обществу. Но даже чтобы исполнить эти обязанности, нужно было имѣть энергію и твердость характера, которыхъ въ наличности не оказывалось. Я замѣчу впрочемъ въ скобкахъ, что никакое намѣреніе исполнять обязанности гражданина не выполнимо, потому что вопервыхъ оно построено на самой отвлеченной и непрактичной идеѣ, а вовторыхъ никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ, слѣдовательно всякіе толки о нихъ суть «праздной мысли раздраженіе». Но Баклановы вообще большіе мечтатели и до крайности любятъ выдумывать для себя разные долги и обязанности, которыхъ, разумѣется, никогда и не выполняютъ. Все это происходитъ отъ праздности и оттого, что

мозгъ не занятъ практическими мыслями, которыхъ не откуда было взять Баклановымъ въ эпоху «нравственнаго гнета». Отъ той же причины происходитъ и то, что не исполняя изобрѣтенныхъ ими обязанностей, они любятъ ругать себя за это, и дѣйствительно такъ ругаютъ, какъ самый злѣйшій врагъ не могъ бы ихъ обругать.

Герой романа г. Писемскаго тоже изобрѣлъ себѣ разныя обязанности гражданина и твердо рѣшился не брать взятокъ и не допускать злоупотребленій. Разумѣется, онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы выполнить второе. Онъ былъ даже такъ ничтоженъ, что не могъ выдержать и въ первомъ случаѣ; правда большое состояніе позволяло ему не брать взятокъ чистоганомъ, но за то обѣдами онъ бралъ. И это онъ дѣлалъ не безсознательно, а вполнѣ понимая, что поступаетъ гадко, даже припомнилъ *Ябеду* Капниста и по обычаю своей братьи скверными словами обозвалъ себя. Что же касается до сознанія своего достоинства, то его не было, такъ какъ и сознавать-то нечего было. На крикъ генерала: «молчать!» — онъ отвѣчаетъ: «ваше превосходительство, молчите вы сами.» Генералъ ругаетъ его мальчишкой и швыряетъ въ лицо скомканный клокъ бумаги, а онъ шепчетъ ему: «подлецъ!» Потомъ изруганный въ конецъ, онъ разнюнился, когда генералъ пожелалъ примириться съ нимъ, потому что Баклановъ могъ поразказать кое-что очень гадкое. Тутъ даже онъ не только выказалъ неспособность защитить отъ сильнаго міра свою личность, но показалъ себя малодушнымъ трусомъ передъ человѣкомъ, который былъ у него въ рукахъ, оттого только, что этотъ человѣкъ былъ генералъ. Это ужъ не только отсутствіе сознанія своего достоинства, которое благодаря отеческимъ «добродушнымъ распеканіямъ» Платона Степановича, было уничтожено въ самой нѣжной юности и взамѣнъ того пріобрѣлась привычка выслушивать отъ начальниковъ ругательства, — здѣсь есть еще раболѣпіе передъ внѣшними признаками власти, передъ генеральскимъ чиномъ и звѣздами.

Я уже не хочу и распространяться насчетъ отношеній Бакланова къ женщинамъ. Кто не читалъ романа г. Писемскаго, тотъ можетъ судить изъ того, что я сказалъ о личности Бакланова, каковы должны быть эти отношенія. Въ нихъ онъ является совершенно дикимъ человѣкомъ, не смотря на внѣшніе признаки цивилизаціи, и во всемъ равенъ Іонѣ Цинику, у котораго этихъ признаковъ не имѣется. Въ

отношеніи женщинъ онъ доходитъ до всѣхъ степеней безобразія, до которыхъ можетъ дойти грязная натура, воспитанная въ крѣпостномъ правѣ, чувственность которой ничто не сдерживаетъ, и которая имѣетъ всѣ средства, чтобы удовлетворять своимъ скотскимъ побужденіямъ. Быть можетъ, г. Писемскаго укоряютъ за то, что онъ черезъ чуръ ясно и подробно изобразилъ любовныя похожденія своего героя. Дѣйствительно, на свѣтѣ есть вещи, о которыхъ лучше молчать, и чтеніе нѣкоторыхъ главъ романа производитъ тошноту. Быть можетъ также, что личность Бакланова не потеряла бы ничего, еслибъ не проникать за кулисы его любовныхъ исторій; но не знаю, какъ бы было тогда, а знаю, что теперь грязное описаніе скандаловъ, которое сдѣлаетъ романъ вѣроятно весьма популярнымъ между старичками и старыми дѣвами, вполнѣ выкупается той рельефностію, которую оно придаетъ характеру Бакланова.

Теперь посмотримъ, что случилось съ такой личностью или, лучше сказать, съ обществомъ, состоящимъ изъ такихъ личностей — потому что, повторяю еще разъ, Баклановъ есть неотдѣльное лицо, а типъ, въ которомъ совмѣщаются всѣ Обломовы, Лаврецкіе, Рудины и проч. Что случилось съ такимъ обществомъ, когда, по независящимъ отъ него обстоятельстзамъ, наступила эпоха возрожденія?

Конечно возгласы публицистовъ этой эпохи о ея значеніи были смѣшны своимъ сентиментализмомъ. Но нельзя также не сказать, что обществу представились на размышленіе вопросы, о которыхъ оно доселѣ и не помышляло. Дѣло въ томъ только, что вопросы эти возникли не въ самомъ обществѣ, а совершенно внѣ его, и совершенно некстати будили эти 60 милліоновъ Баклановыхъ отъ ихъ сна. Заспаннымъ и растрепаннымъ, имъ вдругъ стали задавать самыя хитрыя задачи, между тѣмъ какъ до сихъ поръ напрягали всѣ усилія, чтобъ сдѣлать ихъ неспособными о чемъ бы то ни было разсуждать. Изъ тѣхъ самыхъ квартиръ, которыя мѣшали доброму Платону Степановичу имѣть свои убѣжденія, вышло предписаніе пріобрѣсти оныя. Но ихъ не купишь и не займешь, если прежде не было и не было даже возможности имѣть. Мы знаемъ, какую пассивность обнаружили всѣ слои нашего общества при встрѣчѣ съ этими вопросами. Мы знаемъ, какую полнѣйшую неспособность издать какой бы то ни было человѣческій звукъ обнаружило дворянство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Баклановъ, призванный для совѣщанія

объ этомъ къ предводителю, велъ себя такъ, какъ вели всѣ прочіе Баклановы на всемъ пространствѣ Россіи, то есть, не могъ сказать ни да, ни нѣтъ, хотя имѣлъ жалкое поползновеніе сказать—нѣтъ. Но хотя герой г. Писемскаго — дворянинъ и помѣщикъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ служить представителемъ и другихъ сословій, потому что они всѣ показали ту же пассивность. Какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ и въ остальныхъ поведеніе русскаго общества было таково, каково поведеніе Бакланова, т. е. неспособность ко всему серьозному и полное равнодушіе. Россія, современная Бакланову, была разбита параличемъ. Все, что Баклановы принимались дѣлать, было запечатлѣно тѣмъ же характеромъ безсилія и апатіи; они не могли серьозно взяться ни за что, и потому самому брались за все. Человѣкъ, бывшій нынче рьянымъ крѣпостникомъ и консерваторомъ, въ которомъ непривычный взглядъ могъ заподозрить опаснаго и готоваго на все врага предпринимаемыхъ реформъ и подни маемыхъ вопросовъ, завтра становился радикаломъ и краснымъ, а послѣ завтра ругалъ и крѣпостниковъ и красныхъ. Еслибъ г. Писемскій показалъ намъ своего Бакланова нѣсколькими годами раньше, мы могли бы пожалуй не повѣрить ему, обманувшись напускной бодростью и взятой на прокатъ игривостью, которую обнаруживали тогда Баклановы. Но теперь это невозможно. Теперь мы убѣдились, что Баклановы сами неспособны ни на что, а по приказу также способны молчать и нешевелиться, какъ пылать и пламенѣть, оттого что имъ въ сущности все равно—молчать или пламенѣть. Они хуже всего боятся, чтобы къ нимъ не приставали съ вопросами. Поэтому они, завидя еще издали чиновника или полицейскаго, спѣшатъ стушеваться. Говорить же и дѣлать то или другое, для нихъ все единственно. Мы видѣли, какъ они рукоплескали тѣмъ же, кого не много спустя, готовы были стащить на съѣзжую. Эта пассивность довела Баклановыхъ до такого нравственнаго растлѣнія, что они остаются индифференты ко всякой гадости, которая валяется у нихъ передъ глазами. Оттого-то теперь мы видимъ наконецъ, что въ самомъ обществѣ, послѣ всѣхъ фразъ эпохи возрожденія, совершаются дѣла, неслыханныя даже въ эпоху «нравственнаго гнета», благополучно миновавшую, какъ утверждаетъ г. Писемскій. Тогда зло если и прибѣгало къ неблаговиднымъ средствамъ и орудіямъ, то по крайней мѣрѣ само стыдилось ихъ Орудія эти, какъ ни были низки, но понимали, что бывали поступки, послѣ которыхъ

совершившіе ихъ дѣлались отщепенцами отъ общества, и скрывались куда-то, бѣжали дневного свѣта, стыдились встрѣчи съ честнымъ человѣкомъ. Теперь есть Баклановы, которые не только бодро расхаживаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но дѣлаются героями дня, львами общества, протягиваютъ руки къ лаврамъ. Въ нихъ потеряна не только честность—зло не только побѣдило, но потерянъ стыдъ—побѣда празднуется торжественно.

Но дѣйствительно ли хотѣлъ г. Писемскій нарисовать намъ картину общества Баклановыхъ или, какъ онъ выражается, изобразить всю ложь Россіи?

Нѣтъ, умыселъ другой тутъ былъ. Чтобы понять, что имѣлъ въ виду г. Писемскій въ своемъ романѣ, намъ необходимо взглянуть на другую личность, выставленную на видное мѣсто въ «Взбаломученномъ морѣ», на Варегина.

Варегинъ — современникъ Бакланова, но человѣкъ совершенно другихъ свойствъ. Въ романѣ онъ изображаетъ собою *мудрость* и въ важныхъ случаяхъ является изрекать разныя правоучительныя истины. Сообразно съ этой ролью ему приданы почтенныя свойства: онъ уменъ, ученъ, благороденъ и вообще представляетъ собою лицо, въ которомъ нѣтъ лжи, а все отъ головы до пятокъ истина.

Его мы разсмотримъ подробнѣе ниже, а теперь замѣтимъ, что эта олицетворенная истина представлена единственно за тѣмъ, чтобы обличить нигилистовъ, что въ особѣ Варегина соединяются и Никита Безрыловъ и самъ г. Писемскій. Присматриваясь еще ближе, мы находимъ, что и «Взбаломученное море» написано затѣмъ, чтобы нанести окончательное пораженіе тѣмъ мальчишкамъ, которыхъ журитъ Варегинъ, и въ этомъ отношеніи оно оказывается переложеніемъ въ шести частяхъ пожарныхъ статей г. Мельникова. Только г. Писемскій пошелъ гораздо дальше; онъ не ограничился однимъ поползновеніемъ вышеупомянутаго публициста и К°. У тѣхъ, извѣстное дѣло, желанія скромны и цѣль только та, чтобы кому слѣдуетъ указать на кого слѣдуетъ. Конечно такая цѣль весьма практична и, по словамъ г. Писемскаго, такой образъ дѣйствій можетъ вполнѣ быть названъ служеніемъ обществу. Вотъ какъ изъясняетъ это г. Писемскій. Онъ представляетъ намъ разговоръ между поли-

цейскимъ и обличителемъ продѣлокъ откупа. Разговоръ этотъ такого рода:

—Ну, поѣдемте и вы! сказалъ полицмейстеръ Виктору:—въ часть васъ свезу. Велите себѣ принести матрасъ что ли; у насъ ничего тамъ нѣтъ.

— Какъ въ часть? это...это.. говорилъ Викторъ: — это ужъ подло! возразилъ онъ наконецъ.

— А пасквили писать благородно? спросилъ его полицмейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества, объяснилъ Басардинъ.

А я васъ для пользы общества сажаю въ часть. Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ Басардинъ, сядясь съ полицмейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что это общественная польза—вещь очень условная! объяснилъ ему полицмейстеръ.

Итакъ вотъ каково должно быть служеніе обществу, по мнѣнію г. Писемскаго. Но ему такая дѣятельность показалась черезъ-чуръ скромной. Видно, онъ дѣйствительно сильно ненавидитъ молодежь, потому что подобно, г. Страхову, «желаетъ простирать свое осужденіе гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно дѣлается и хочетъ коснуться величайшихъ вражескихъ святынь». Съ этой цѣлью онъ представляетъ намъ цѣлый рядъ нигилистовъ, надъ которыми желаетъ потѣшиться. Начинаетъ онъ ab ovo. Замѣчая, что большинство нигилистовъ вышли изъ семинарій, онъ, что бы вы думали, изобрѣлъ? Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь. Въ началѣ четвертой части онъ перечисляетъ различныя бѣдствія, удручавшія Россію передъ наступленіемъ эпохи ренессансъ. Въ числѣ этихъ бѣдствій онъ находитъ одно, о которомъ доселѣ никто не помышлялъ.

«*По семинаріямъ*, говоритъ онъ, *чтобъ не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцовать*».

Несчастный г. Писемскій, что это вы такое сказали?! Поймите и отрекитесь! Зачѣмъ вы, злополучный авторъ «Взбаломученнаго моря», не прочитали разсказовъ Помяловскаго; для чего, прежде чѣмъ писать романъ, вы не познакомились съ какимъ нибудь нигилистомъ изъ семинаристовъ и не разузнали отъ него, что дѣлается въ семинаріяхъ?! Вы могли бы даже покривить душой, сказать, что хо-

тите хвалить молодежь, но во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало навести справки. Зачѣмъ, стократъ вопрошаю васъ, зачѣмъ не разузнали вы хорошенько касательно семинарскаго образованія? А то вѣдь выходитъ по вашему, что семинарское начальство эпохи «нравственнаго гнета» виновато въ излишнемъ усердіи не отстать отъ вѣка? Положимъ, что вы справедливо упрекаете Бакланова и другихъ за «служеніе моднымъ идейкамъ». Но помыслите ради бога, можно ли въ ненависти къ моднымъ идейкамъ заходить до того, чтобы обвинять даже семинарское начальство въ служеніи имъ? Чему же это такому непристойному учили въ семинаріяхъ? Богословіе, философія по учебникамъ XVII вѣка, латинская грамматика, упражненія въ слогѣ: ужъ не это ли модныя идейки, которыя творятъ нигилистовъ? Скорблю о васъ, г. Писемскій, хотя понимаю, что именно сбило васъ съ толку. Вы себѣ никакъ не можете представить, почему нигилисты большею частью воспитанники семинарій. Въ головѣ вашей происходитъ построеніе такого рода: нигилисты выходятъ изъ семинарій, слѣдовательно семинаріи—разсадники нигилизма, слѣдовательно семинарское начальство служитъ моднымъ идейкамъ и стремится не отстать отъ вѣка. Вотъ куда вы хватили съ вашей бѣдной логикой! Но вы вѣроятно сами плохо вѣрите себѣ; вы знаете, что такое семинарское начальство, и сомнѣваетесь въ вѣрности своего вывода По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ вы находите другое объясненіе явленія, поразившаго васъ. Вашъ Варегинъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ:

— Онъ (Проскриптскій) человѣкъ недурной, продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ:—но разумѣется, *какъ и вся ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашивай .. Мистификаторы по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются!..*

— Вы думаете? спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! *У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.*

Скорблю еще болѣе о васъ, г. Писемскій, что вы не изъ этой же породы; тогда быть можетъ и вы бы были способны на логическіе выводы, а то теперь вѣдь ужъ изъ рукъ вонъ—плохо.

Ну сами посудите, сперва вы говорили, что бѣда отъ того, что въ семинаріяхъ чуть не танцовать учили (и почему, Богъ васъ вѣдаетъ, считаете вы танцовальные уроки за nec plus ultra человѣческаго развращенія?), а теперь вдругъ, такъ сказать, въ глубь вѣковъ заходитъ, въ пятнадцатое столѣтіе отправляется отыскивать корней нигилизма. Скажите ради всего на свѣтѣ, при чемъ тутъ остаются модныя идейки и желаніе не отстать отъ вѣка, и даже самые танцовальные уроки, если ужъ завелась издревле такая зловредная порода людей? Очевидно что если всѣ модныя идейки строго настрого запретить, обуздать, желаніе не отстать отъ вѣка и еслибъ даже повѣсить всѣхъ танцмейстеровъ, то зло бы не уменьшилось, потому что оно въ крови у цѣлой породы млекопитающихъ.

Указавъ корень зла, (указаніе впрочемъ безполезное, потому что какъ же можно искоренять зло, если оно еще въ пятнадцатомъ столѣтіи засѣло?), г. Писемскій начинаетъ цѣлый рядъ грозныхъ или насмѣшливыхъ филиппикъ противъ молодого поколѣнія. Посмотримъ на эти упражненія его.

Вотъ напримѣръ надъ Проскриптскимъ, который по мнѣнію г. Писемскаго, представитель нигилизма, упражняется не самъ г. Писемскій, а par procuration Варегинъ.

— Что это вы такъ хлопочете? проговорилъ онъ (Проскриптскій) своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ по своему добродушію сейчасъ же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! отвѣчалъ онъ.

— Хлопочетъ, какъ и всѣ порядочные люди! обратился наконецъ Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужъ лучше шли въ гусары, обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство одушевляетъ? перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, возразилъ Проскриптскій.

— Искуствомъ актера значитъ наслаждаться нельзя? сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи, засмѣялся Проскриптскій. — Что же такое искуство актера? искусство сдѣлать то, что другіе дѣлаютъ,—искуство не быть самимъ собою, хи, хи, хи..

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ покрайней мѣрѣ еще насчетъ клубнички кое-что есть, продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, говорилъ Баклановъ и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи, продолжалъ Проскриптскій. — въ реторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну, пошелъ! проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти студенту съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще всею своею фигурою внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

. . . .

— Здраствуйте! здраствуйте! говорилъ между тѣмъ Варегинъ, подавая всѣмъ руку. — Здраствуйте ужъ и вы! прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптскому.

— Здраствуйте-съ! отвѣчалъ тотъ и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужъ не вѣритъ! сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго.

— Во вздоръ вѣритъ, а въ то что передъ глазами нѣтъ! отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое — вѣрить? Я не знаю, что такое вѣрить; или въ самомъ дѣлѣ вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи, хи, хи...

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! подхватилъ Баклановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью.

— Стало быть и Коперникъ вретъ? спросилъ Варегинъ.

— Вѣроятно.

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность.

— Случайность, вы полагаете? произнесъ протяжно Варегинъ.

— Вотъ вѣдь что досадно! зачѣмъ же вы вѣрите въ соціализмъ-то, въ кисельные берега-то и медовыя рѣки? говорилъ онъ (Баклановъ) Проскриптскому.

— Э, вѣритъ! разговоры только это, упражненіе въ діалектикѣ! подхватилъ Варегинъ.

— Чтожъ такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, подтвердилъ Проскриптскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика? спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи, хи, хи! смѣялся Проскриптскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, они связываютъ людей, соединяютъ ихъ, воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскихъ, конечно, счастливѣе меня! возразилъ какъ бы съ наивностію Проскриптскій.

А вотъ ужъ тутъ даже Бакланова г. Писемскій уполномочиваетъ сразить представителя нигилизма.

То-то! воскликнулъ онъ (Баклановъ):—на общину надѣетесь! О, молодость неопытная и невинная.

— Община вздоръ-съ! произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ? сказалъ въ свою очередь Сабакѣевъ, немало тоже удивленный.

— А такъ.... Евпраксія Алексѣевна! продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ женѣ:—намъ вашъ братъ, можетъ быть, не повѣритъ: скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится — ни медвѣдя, ни чорта, какъ мира и общины.

— Да, они всѣ желаютъ имѣть, хоть маленькую, но свою собственность, подтвердила та.

— Очень дурно, отвѣчалъ Сабакѣевъ:—если нашъ народъ разлюбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь эта-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это! кричалъ Баклановъ:—но какъ землю начали обрабатывать, какъ положенъ въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

—Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, настаивалъ на своемъ Сабакѣевъ.

— Гм... артель, произнесъ съ улыбкою помѣщикъ:—да вы изволите-ли знать-съ, изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! сказалъ Собакѣевъ?

— Нѣтъ-съ, не все равно-съ! Артель обыкновенно состоитъ изъ отставныхъ солдатъ, безсемейныхъ мужиковъ, на дѣло, на которое физической силы ничего не требуется: на перетаскиваніе тяжестей, бѣгать коммиссіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ-съ ума. Я напримѣръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ передѣлъ, она отъ меня и отошла,—пріятно-ли это?

— Можетъ быть, и непріятно, но спасаетъ отъ другого зла, отъ пролетаріата

— Да вѣдь пролетаріатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю, а у насъ, слава богу, родись только люди и работай!

— Мы наконецъ имѣемъ и другія артели, плотниковъ, каменьщиковъ, присоединилъ, какъ бы вспомнивъ, Собакѣевъ.

— Что за чортъ! воскликнулъ, пожимая плечами, Баклановъ:—да это развѣ общинное что нибудь?... Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они кромѣ того всегда еще въ кабакѣ; хуже чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ, присовокупилъ помѣщикъ.

— Общину нашъ народъ имѣлъ—имѣетъ и будетъ имѣть, сказалъ увѣреннымъ тономъ Собакѣевъ.

— Ваше дѣло, произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь вотъ что бѣситъ, говорилъ Баклановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ): — Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ этакими господа—мальчиками, или петербургскими чиновниками, которые пожалуй не знаютъ, на чемъ и хлебъ-то родится....

Помѣщикъ приэтомъ потупился, Сабакѣевъ покраснѣлъ.

Наконецъ г. Писемскій не выдержалъ и уже лично говоритъ о молодежи, которая, какъ видно, стала у него поперегъ горла.

— Въ наше время убѣдились, говоритъ ему одинъ господинъ, котораго онъ принимаетъ за нигилиста:—что глупость же хранить вѣрность, ревновать другъ друга.

"И это тоже прогрессетъ! восклицаетъ отъ себя г. Писемскій. Несчастная, несчастная моя родина!

"Не объ общественномъ разумѣется служеніи, продолжаетъ онъ:— говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появилось стремленіе къ нему (г. Писемскій противорѣчитъ собственному изображенію общества)! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ, въ чемъ положили ли это служеніе: въ проведеніи не то-что ужъ отвлеченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвнушеній мыслей. И кто наконецъ эта соль земли, избранные, пришедшіе къ общественной трапезѣ!... Остроумные пустозвоны, считающіе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!.. Торгаши, умѣющіе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!... Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свищи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свою пустоту!

Вотъ онъ, скрежетъ-то зубовный! Вотъ она ненависть-то къ молодому поколѣнію. Но увы! г. Писемскій, ваша злоба напрасна и безпричинна. Вы на тѣнь свою злитесь, принимая ее за нигилиста. Неужели вы думаете, что вашъ Проскриптскій, вашъ Сабакѣевъ, вашъ Галкинъ — представители нашей молодежи? Жаль мнѣ васъ, г. Писемскій; васъ грубымъ и недостойнымъ образомъ обманули. Вамъ показали жалкихъ шутовъ вашего же, т. е. баклановскаго времени, а вы не узнали, что это ваше же отраженіе. Зеркало вы приняли за картину. Лакея, корчащаго изъ себя господина въ его отсутствіи, вы приняли за барина, и злитесь, горячитесь, выходите изъ себя. Подойдите поближе, взгляните хорошенько: это не звѣрь, а ваше же отраженіе. Самого звѣря вы не видали, да и не увидите. Разговоры, которыя я нарочно выписалъ, потому что вы воображаете, что въ нихъ высказываются убѣжденія молодежи, — разговоры эти — вѣдь это верхъ глупости и невѣжества. Посмотрите хоть на тургеневскаго Базарова: онъ вамъ, быть можетъ, очень не нравится, но сравните его съ тѣми шутами гороховыми, которые у васъ на сценѣ. Не отговаривайтесь, что вы хотѣли написать пасквиль на нигилистовъ и нарочно представили ихъ шутами. На это я вамъ отвѣчу, во-первыхъ, вашими же словами, т. е. словами вашего мудраго полицмейстера: «а благородно ли писать пасквили?» а во-вторыхъ, уличу васъ въ неправдѣ. Вашъ Сабакѣевъ, по вашему, умный человѣкъ и благородный. Но по мнѣнію всякаго другого, это базаровскій лакей, наслушавшійся толковъ своего барина и задающій форсу передъ равнымъ себѣ обществомъ. Вы вѣдь взяли на себя трудъ написать современную исторію, слѣдовательно не могли выставить всѣхъ молодыхъ людей нашего времени дураками: это было бы ужъ слишкомъ забавно—всю молодежъ обозвать безъ обиняковъ дураками. Вотъ вы, скрѣпя душу, и захотѣли выставить умнаго человѣка. Но увы! это вѣдь не то, что изобразить вашихъ Баклановыхъ. Баклановыхъ-то вы хорошо знаете; вы среди нихъ провели вашу жизнь и теперь живете; ваши собственныя убѣжденія никогда не были выше баклановскихъ; да и откуда было вамъ взять ихъ?.. Но вы совершенно не впопадъ разгнѣвались на тѣхъ людей, которыхъ совсѣмъ не знаете и въ общество которыхъ вы не были приняты. Потому все ваше паталогическое, желудочное отрицаніе потрачено даромъ и пафосъ вашего цинизма такъ и останется цинизмомъ; вы взялись за дѣло, которое не про васъ писано. Оттого-то

вашъ романъ вышелъ скрежетомъ зубовнымъ; оттого-то будущій историкъ увидитъ въ немъ только доказательство страшнаго растлѣнія мысли, благодаря которому литература занимается дозорами и бранью всего молодого поколѣнія. И пришлось вамъ, ради этой брани, прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, къ которымъ два года назадъ прибѣгали ваши единомышленники, публицисты «Сѣверной Пчелы» и «Библіотеки для Чтенія», редактируемой тогда вами; вамъ пришлось говорить и о грязныхъ воротничкахъ и о рукавчикахъ дѣвушекъ, посѣщающихъ лекціи и попадающихъ куда-то; пришлось прибѣгать и къ такимъ эпизодамъ:

„Кто это такіе поджигаютъ? спросилъ онъ (Балкановъ) у извощика.
— Да кто ихъ знаетъ, батюшка! Этта вотъ тоже я ѣхалъ.. такъ молодой баринокъ... какъ вотъ ихъ?... На Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ...
— Да, знаю! подхватилъ Баклановъ.
— Такъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить было хотѣли.

Пришлось прибѣгать ко множеству другихъ полусловъ и намековъ, столько же неблаговидныхъ, сколько бездоказательныхъ. Вѣдь возвысились же вы до картины пожара, до описанія дневника Елены, возвысились же до того, что сказали о Нетопоренкахъ, что сперва они мошенничали, а «теперь занимаются неменѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко». A bon enteudeur, salut! Но какъ художника, такія выходки вполнѣ оправдываютъ васъ, потому что показываютъ какъ не преувеличено у васъ изображеніе нашего общества въ Баклановѣ, если такія вещи могутъ являться въ литературѣ.

Теперь обратимся къ тому, что по мнѣнію г. Писемскаго хорошо и правдиво въ нашемъ обществѣ. Посмотримъ, что это за личность—вышеупомянутый, мудрый и либеральный, мировой посредникъ Варегинъ.

Варегинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ либераловъ, которые, не останавливаясь, какъ Баклановъ, на изобрѣтеніи разныхъ принциповъ, гнутъ и себя и другихъ подъ нихъ. Это наши филистеры, которые ненавидятъ все живое, незабитое отвлеченностями. Люди, подобные Варегину, тѣже Баклановы, только съ нѣсколько большей энергіей, позволяющей имъ вредить и ненавидѣть, между тѣмъ какъ

истые Баклановы способны вредить только своей наивностью. Варегины—это теперешніе дѣятели, и г. Писемскій благоразумно поступаетъ, порицая и стариковъ и молодежь, и куря фиміамы Варегинымъ. «Старики подбираются», какъ говоритъ у него въ романѣ самъ Варегинъ. Что касается до молодежи, то самъ г. Писемскій лучше меня знаетъ и разсказываетъ, что она теперь дѣлаетъ. Желающіе узнать судьбу ея, могутъ прочесть послѣднія страницы романа. Торжествуютъ же филистеры Варегины. До чего доводятъ ихъ пресловутые принципы — это видно изъ дѣяній того же Варегина. Онъ былъ профессоромъ и, какъ самъ говоритъ, студенты прогнали его съ кафедры. Онъ разумѣется выругалъ молодежь подлецами и наглецами и утверждаетъ, что пострадалъ за то, что не хотѣлъ служить моднымъ идейкамъ. Все это г. Писемскій изобразилъ весьма вѣрно: мы знаемъ, что господа, подобные Варегину, ненавидя и преслѣдуя молодежь, за всякое встрѣчаемое противодѣйствіе, разражаются потокомъ страшныхъ ругательствъ. Только напрасно думаетъ г. Писемскій, что молодежь служитъ какимъ бы то ни было идеямъ и идейкамъ. Служатъ имъ Варегины, а молодежь старается освободиться отъ нихъ. Молодежь стала весьма практична и, видя зло, желаетъ устранить его, а не возвести въ принципъ и возить его на своей спинѣ. За это то вы ее и ненавидите и прибѣгаете ко всѣмъ средствамъ, чтобы унизить ее. Но ваши усилія жалки. Молодежь права уже потому, что молода, и рано или поздно, а побѣда будетъ на ея сторонѣ, подобно тому, какъ вы побѣдили старичковъ. И посмотрите на вашихъ либераловъ, посмотрите на этого Варегина, который для васъ—идеалъ умнаго, благороднаго и энергическаго человѣка. Взгляните на него: онъ побѣдитель, онъ торжествуетъ, но Боже мой, какое это жалкое торжество! Пораженіе лучше такого торжества, потому что пораженіе еще не конецъ, оно только отсрочиваетъ полученіе желаемаго, не разбивая въ прахъ надежды. Но торжество Варегиныхъ—есть пораженіе ихъ. Посмотрите, въ какое противорѣчіе съ самими собой, съ своими собственными желаніями, съ самою жизнью, вступаютъ они. Они побѣдили, но тутъ-то и есть ихъ погибель. Ихъ принципы, подвязанные къ нимъ сзади, подавляютъ ихъ. Сравнительно съ ними, милы и привлекательны становятся старички; потому что, опять-таки говорю, тѣ дѣлали зло безсознательно, а эти дѣлаютъ его съ полнымъ сознаніемъ. Варегинъ, этотъ ученый и либеральный мужъ, является свирѣпымъ инквизиторомъ въ сравненіи даже съ

Софи. Когда у Софи въ деревнѣ крестьяне отказались служить ей и когда явился гуманный Варегинъ и послалъ за солдатами,—Софи, эта пустая, мелочная женщина, продававшая себя старому откупщику, упала на колѣни и сказала:

— Нѣтъ, мнѣ ненадо ничего; я лучше отъ всего отступлюсь.

— Да *Варегинъ не отступится*; *ему это надо для общаго порядка*.

Вотъ оно, это fiat justicia, pereat mundus! И вы, г. Писемскій, такъ хорошо узучившій Баклановыхъ и Варегиныхъ, вы можете утверждать, что молодежь служитъ моднымъ идеямъ? Опомнитесь, взгляните на вашего Варегина: чему онъ-то служитъ, за что онъ-то себя мучитъ? Во имя чего рветъ онъ себѣ волосы, чуть не плачетъ и бѣжитъ, чтобы не слышать воплей мужиковъ, которыхъ сѣкутъ, и въ то же время готовится не только сѣчь ихъ, а рѣзать? Во имя чего, спрашиваю васъ, дѣлаетъ онъ надъ собой эти истязанія, какъ не во имя сзади пришитаго къ нему принципа? Въ немъ нѣтъ ничего живого, ничего человѣческаго или, лучше сказать, онъ вѣчно борется со всѣмъ человѣчнымъ, во имя сухихъ правилъ, мертвящихъ идей, филистерскихъ принциповъ. И вы, послѣ этого, зная такъ хорошо этихъ Варегиныхъ, обвиняете нашу молодежъ въ какихъ-то ужасныхъ, кровожадныхъ намѣреніяхъ!

Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не далъ, говоритъ пословица, такъ вотъ и вамъ. Есть у васъ злобныя поползновенія, есть *обличительныя* стремленія, но комки грязи, которыми вы швыряете въ молодое поколѣніе, попадаютъ въ ваше собственное отраженіе. Чтобы изобразить молодежь, надо самому принадлежать къ ней, не по лѣтамъ разумѣется, а по желаніямъ и образу мыслей. Г. Тургеневъ знаетъ молодежь: оттого его Базаровъ — живой человѣкъ. А вамъ, г. Писемскій, могутъ удаться только Баклановы и Варегины, иначе васъ всегда будутъ обманывать лакеи и шуты, корчащіе Базарова, которыхъ такъ удачно представилъ г. Тургеневъ же въ лицѣ Ситникова. Вы же Ситниковыхъ приняли за представителей всего молодого поколѣнія, и даже одного изъ нихъ сочли за умнаго и развитого человѣка,—вотъ что значитъ имѣть одни поползновенія и ничего болѣе. Успокойтесь, взбаломученный романистъ, и перестаньте злиться на свою тѣнь; а если ужъ слишкомъ велика ваша нена-

вистъ къ молодежи, то лучше поступайте противъ нея такъ, какъ поступаете противъ Нетопоренковъ; такую несложную задачу можно исполнить, ограничиваясь тѣми свѣденіями о молодежи, которыя вы имѣете. Писать же вамъ анналы не удобно, потому что въ вашемъ взбаломученномъ образѣ мыслей забавно перепутываются самыя противуположныя понятія: муха кажется слономъ, лужа—моремъ.

Что же касается до женщинъ, представленныхъ г. Писемскимъ, то о нихъ говорить не стоитъ. Одна изъ нихъ—камелія, другая—ханжа; о послѣдней Варегинъ говоритъ, что пока въ Россіи есть такія женщины, то еще не все пропало. Но Варегинъ это сказалъ ей въ глаза и повидимому совралъ, потому что, выйдя изъ дому, изрекаетъ (онъ никогда просто не говоритъ, а изрекаетъ) изрекаетъ про себя слѣдующее:

«Одна въ Клиши умираетъ, другая въ крѣпость попала, третья совсѣмъ въ церковь спряталась,—а все вѣдь это наши силы и хорошія силы.»

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что онъ считаетъ Евпраксію такой же погибшей силой, какъ и Софи. Въ этомъ я не буду оспаривать г. Писемскаго и нахожу его совершенно правымъ: къ сожалѣнію, наши женщины дѣйствительно или ханжи, или камеліи, или то и другое вмѣстѣ. Но я недоумѣваю, чего желаетъ отъ нихъ г. Писемскій? Чѣмъ—хочетъ онъ, чтобы онѣ были? Тѣ немногія женщины, которыхъ къ несчастію приходится считать еще десятками, которыя желаютъ не быть ни камеліями, ни ханжами, осмѣиваются имъ за дурныя манеры и грязные воротнички; онъ недоволенъ ихъ попыткой выйдти изъ положенія камелій и кухарокъ. Какого же рода положенія желаетъ онъ для нихъ? Темно и непонятно. Но за то понятна цѣль романа и понятны поползновенія г. Писемскаго. Они же ему и къ лицу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ «Русскій Вѣстникъ», взбаломученный образъ мыслей обязываетъ его ненавидѣть и чернить все свѣжее, молодое и выступающее на дорогу жизни и дѣятельности. Но мнѣ, право кажется, что даже злоба-то г. Писемскаго къ нашему молодому поколѣнію — напускная, потому что изъ-за чего бы, кажется, злиться сему человѣку на людей, кото-

рыхъ онъ не знаетъ. Простительно ему по его невѣдѣнію говорить, что онъ очень хорошо знаетъ, что молодежь сердится на него за то, что онъ раскрываетъ ея болячки и бьетъ ее по чувствительному мѣсту. Въ этихъ словахъ г. Писемскій указываетъ на цѣль своего произведенія, и не знаю, что скажутъ «печатные и непечатные враги его», но я скажу, что вѣрю ему, когда онъ такъ откровенно объясняетъ намъ, что желалъ бить молодое поколѣніе. Вѣрю, но удивляюсь, съ чего явились у него такія поползновенія? Человѣкъ былъ мирный, воспѣвалъ разныхъ губернаторовъ — прогрессистовъ, Калиновичей что-ли, и вдругъ онъ тоже желаетъ бить! Никто не можетъ вамъ въ этомъ препятствовать, но совѣтую вамъ изучить тѣхъ, кого собираетесь бить; изучите ихъ хотя по роману г. Тургенева, а то всѣ ваши удары будутъ попадать въ васъ же самихъ!

В. Зайцевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

Книги для дѣтей и для народа.

Говорятъ, что у насъ есть народная литература; многіе даже восхищаются ею, какъ восхищался заранѣе чудакъ баронъ Мюнхаузенъ, постройкой того моста, который онъ предполагалъ повѣсить на воздухѣ, соединивъ Лондонъ съ внутреннею Африкой. Вся разница между нашими чудаками и барономъ Мюнхаузеномъ — въ томъ, что первые восхищаются серьезно, а послѣдній ради потѣхи своихъ читателей. Если бы нашъ народъ на потребу своей духовной пищи, употреблялъ въ годовой пропорціи больше книжекъ, чѣмъ онъ употребляетъ косушекъ сивухи, то и тогда мы не сказали бы, что у насъ есть народная литература. Таковой литературѣ еще не приказано быть у насъ, во-первыхъ потому, что народъ не чувствуетъ желанія учиться; онъ такъ занятъ своими вещественными нуждами, перебиваясь со дня на день, что о нравственномъ усовершенствованіи ему некогда и подумать; во-вторыхъ, народъ нашъ не сочиняетъ никакихъ книжекъ, а сочиняютъ для него и за него разные господа Кушнеревы, Погосскіе, Золотовы, которые пишутъ народныя книжки точно такъ, какъ швейныя машины строчатъ и сшиваютъ панталоны и рубашки. Въ послѣднее время «Товарищество общественной пользы» испросило даже привиллегію снабжать народъ литературными произведеніями своей фабрики, подобно тому, какъ фабрика Вольфа доставляетъ нашимъ родителямъ миріады дѣтскихъ книжекъ, сшиваемыхъ изъ разныхъ обрѣзковъ и обносковъ стараго хлама. Не знаю, съ какимъ наслажденіемъ вкушаются дѣтскія изданія, фабрикуемыя Вольфомъ, но народныя книжки рѣшительно не читаются народомъ. Онъ даже не видитъ ихъ и не слышитъ о нихъ, отводя свою душу единственнымъ изъ эстетическихъ наслажденій — подешевѣвшей сивухой. Правда отъ сивухи у него трещитъ голова и сильно страдаетъ трудовая копѣйка, но все же онъ находитъ въ ней нѣкоторую отраду и, благодаря спиртуознымъ парамъ, перепо-

сится изъ горькой дѣйствительности въ міръ «свѣтлыхъ видѣній». Но отъ народныхъ книжекъ, еслибъ онъ только принялся за ихъ чтеніе, трещала бы у него голова, а отрады и облегченія ни на волосъ. Это я испыталъ на себѣ, перечитавъ кое-что по этому предмету для моего настоящаго листка. Между тѣмъ есть такія благословенныя страны, гдѣ народъ читаетъ книжки, гдѣ онъ знаетъ, что ученые люди спорятъ о его участи, грызуться изъ-за его значенія и благосостоянія И онъ не только знаетъ это, но даже интересуется тѣмъ, какъ умные люди, которыхъ онъ кормитъ, рѣшаютъ его участь, какое значеніе ему приписываютъ, что хотятъ для него сдѣлать. Такой народъ охотно отдаетъ свой трудовой грошъ за книжку, потому что она для него не барская прихоть и не растопка для печки, а разрѣшеніе его собственной судьбы и руководство въ его житейскихъ интересахъ. Онъ читаетъ книжки не потому чтобы интересовали его вопросы о томъ, существуютъ или нѣтъ врожденныя идеи, абсолютна или нѣтъ идея справедливости и т. п., а потому что надѣется въ кижкахъ найдти разъясненіе многихъ изъ своихъ сомнѣній и отвѣты на свои практическіе вопросы, словомъ для того, чтобы жилось легче на бѣломъ свѣтѣ. Въ такомъ народѣ являются и писатели, толкующіе ему не наивный вздоръ на сахарной водицѣ, а дѣло. Они не стараются поддѣлаться подъ языкъ и понятія народа, не говорятъ, подобно г. Золотову, что народу нужно дать переходное чтеніе въ видѣ оды «Богъ», не сочиняютъ подобно тому же г. Золотову пошленькой морали къ баснямъ и не объясняютъ ему, что у волка шерсть сѣрая, а у медвѣдя короткій хвостъ. Нѣтъ, они не дѣлаютъ этого. Они говорятъ и пишутъ, не заботясь о томъ, будетъ ли читать маркизъ или блузникъ, не возвышаясь до приторнаго тона перваго и не поддѣлываясь подъ грубый языкъ второго. Сокровищъ своихъ мыслей, клада великой идеи, выработанной ими на пользу народа, они не скрываютъ отъ него. И народъ читаетъ ихъ и знаетъ ихъ имена, ихъ желанія и стремленія. Такой народъ въ умственномъ отношеніи стоитъ выше того, что у насъ называется *почтеннѣйшей публикой*. Конечно и тамъ полезно облекать хорошія мысли въ форму, привлекательную для возможно большаго числа читателей, и поэтому я признаю большое значеніе за романами Сю и Жоржъ Зандъ. Это именно то, что можно назвать пріохочиваніемъ къ чтенію, и къ чему у насъ по необходимости прибѣгаютъ относительно почтеннѣйшей публики. Если романы читаются больше, чѣмъ статьи серьезнаго содержанія, то почему же не воспольз-

зоваться формой романа? Но что же подразумѣваютъ у насъ-то, говоря, что надо пріохочивать народъ къ чтенію?

У насъ, читатель, какъ вы сами знаете, порядки совсѣмъ иные, чѣмъ тамъ, на тлетворномъ западѣ. Справедливо сказано почвенниками, что народъ нашъ чуждъ пагубнаго вліянія западной цивилизаціи. У насъ есть кучка людей, съ жаромъ толкующая о великихъ, правда, вопросахъ, но совершенно постороннихъ имъ. Толкуютъ они о реализмѣ и идеализмѣ, объ эксплуатаціи и свободномъ трудѣ, о конституціонализмѣ и демократизмѣ, о національномъ единствѣ и федерализмѣ и мало ли о чемъ еще толкуютъ, какъ будто это ихъ дѣло, а не сосѣдское, какъ будто это ихъ дѣло, а не прохожихъ. И это дѣйствительно ихъ дѣло и ихъ касается. Они съ дѣтства жили этими вопросами; эти вопросы волновали ихъ и затрогивали за живое; имъ дороги были человѣческіе интересы, результаты человѣческаго ума и труда. Забывая географію, они помнили только, что человѣчество занято рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, что отъ него зависитъ судьба будущаго. Подъ человѣчествомъ они здѣсь понимали образованныя націи, къ которымъ принадлежали по всему, исключая географическихъ условій. Можно ли порицать этихъ людей, что, посмотрѣвъ наконецъ въ географію, они не разорвали всякую связь со своимъ интелектуальнымъ міромъ, не бросили всего, что имъ дорого, что имъ даже необходимо, и не обратились къ самовару и изображеніямъ четырехугольныхъ носовъ. Можно ли порицать ихъ за то, что они не отказались отъ своихъ знаній, и лучшихъ надеждъ, и не обратились къ родимому невѣжеству, мраку и тупоумію. Они не могли этого сдѣлать. Исторія поставила ихъ въ нелѣпое положеніе, и волей неволей они должны были оставатся въ немъ, потому что выхода не было. Но такое положеніе нестерпимо. Что же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ужаснѣе такого положенія. Чувствовать въ груди благороднѣйшія желанія и порывы, строить возвышеннѣйшіе планы, мечтать о полезной дѣятельности и въ то же время знать, что все, что ни дѣлаешь, подобно толченію воды въ ступѣ. Нѣтъ, ничего нельзя выдумать хуже такого положенія. Поэтому-то такъ мало было людей между нами, которые видѣли бы весь ужасъ своего положенія. Остальные или мирились съ нимъ, или представляли себѣ все въ розовомъ цвѣтѣ, выдумывали небывалыя и невозможныя надежды, и опять-таки мирились. А почтеннѣйшая публика, въ глазахъ которой все это происходило, слушала и хлопала ушами. Читала же все больше на сонъ грядущій или отъ зѣвоты. Впрочемъ въ этомъ случаѣ исторія эко-

номна: труды и непріятности образованныхъ людей не пропадаютъ даромъ; зрѣлище ихъ имѣетъ то же значеніе, какое имѣли костры еретиковъ для реформаціи. Труженики и страдальцы, которые на первый взглядъ могутъ показаться жалкими бѣлками въ колесѣ, въ сущности не воду толкутъ, а дѣлаютъ то самое дѣло, которое хотятъ дѣлать, съ тою только разницей, что не видятъ жатвы, выросшей на воздѣланныхъ ими нивахъ. Я не полагаю, что сомнѣніе въ непогрѣшимости папы со стороны какого нибудь господина могло имѣть вліяніе на успѣхъ реформаціи; но думаю, что костеръ его имѣлъ это вліяніе.

Собираясь говорить о книжкахъ, написанныхъ будто бы для народа, мы беремся за это дѣло не потому, чтобы придавали ему особенное значеніе, а такъ для курьезу, для того, чтобы видѣть тѣ поддонки, на которыхъ плаваетъ сыворотка г. Аксакова съ компаніей. При взглядѣ на эту темную литературу, одно обстоятельство поражаетъ болѣзненно: какъ можно засорить свою голову до такой степени, чтобы читать подобныя книжки, и какъ можно развратить свои умственныя способности до того, чтобы сочинять ихъ въ такомъ видѣ?

Возьмемъ изданія Товарищества общественной пользы. Вотъ напримѣръ, книжечка подъ заглавіемъ «Духовныя стихотворенія» съ изображеніемъ царя Давыда на обертке. Духовныя эти стихотворенія выбраны г. Золотозымъ изъ сочиненій разныхъ допотопныхъ русскихъ піитъ, изъ коихъ самый юный Ф. Глинка. Разумѣется, становишься въ тупикъ, видя, что въ книжечкѣ помѣщены стихотворенія въ родѣ «Подражаніе Іову,» ода «Богъ», «На разбитіе египтянъ» и т. п., которыя не только крестьянину, но и образованному человѣку непонятны. Меня напримѣръ хоть убейте, а я не пойму, что выражаютъ слѣдующіе стихи:

Ахъ! жертвы бъ восхотѣлъ коль ты какія,
Принесъ бы я давно;
Но не пріемлешь ты мольбы иныя,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу — сердце сокрушенно,
Смиренный духъ—алтарь.

Или эти:

. . . . — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты.

Или вотъ такіе:

Частица цѣлой я вселенной
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я столбенѣю отъ изумленія и обращаюсь къ предисловію г. Золотова въ надеждѣ, что онъ объяснитъ, почему онъ полагаетъ, будто народу нужно подносить такіе стихи, въ которыхъ даже граматическаго смысла нѣтъ, даже между двумя точками предложенія не выходитъ. Вообразите же мое изумленіе, когда я слышу отъ Золотова такой отвѣтъ:

„Для грамотныхъ изъ простолюдиновъ и теперь главнымъ чтеньемъ служатъ книги духовнаго содержанія: *потому что онѣ по своему содержанію соприкосновеннѣе душъ ихъ*".

И потомъ далѣе:

"Слѣдовательно имъ нужно дать *переходное чтеніе* и по языку и по содержанію: *съ этою-то цѣлью и издается это собраніе духовныхъ стихотвореній*„.

Какъ вамъ это покажется? Ода «Богъ—переходное чтеніе! Чтоже послѣ этого не переходное? Вѣроятно г. Золотову извѣстно, чтобы понять эту оду надо окончить полный курсъ въ семинаріи, и тогда коекакъ доберешься до этимологическаго смысла, а онъ называетъ это переходнымъ чтеніемъ. Не стоите ли вы, г. Золотовъ, за пріохочиваніе народа къ чтенію, и не считаете ли вы чтеніе Державина и Мерзлякова, которое можно уподобить только втаскиванію на гору семипудовыхъ кулей, средствомъ пріохотить, или переходыхъ занятіемъ отъ таскапія скулей къ чтенію? Но г. Золотовъ, какъ видно, сильно стоитъ за свое переходное чтеніе, потому что даже самъ написалъ въ свою книжку стихотвореніе, которое и помѣстилъ рядомъ съ произведеніемъ какого то Попугарскаго, произведеніемъ только тѣмъ и замѣчательнымъ, что авторъ его называется Попугарскій. Въ концѣ книжки помѣщены краткія біографіи сочинителей. При этомъ, опять таки вѣроятно въ виду переходнаго чтенія, эти біографіи нѣсколько похожи на житія святыхъ. Такъ о Державинѣ разсказывается слѣдующее:

„...онъ сочинялъ эту оду („Богъ") нѣсколько дней сряду; но послѣдняя строка никакъ не удавалась; измученный онъ легъ въ постель уже за полночь и едва только заснулъ, какъ увидѣлъ восне, что необычайный свѣтъ озаряетъ его, онъ проснулся, но и наяву ему казалось, что вокругъ стѣнъ летаетъ свѣтъ...Потоки слезъ полились изъ глазъ его; онъ, вскочилъ *съ постели, зажегъ свѣчу* (?) и написалъ послѣднюю строфу."

Откуда взялъ такія чудеса г. Золотовъ? Ужъ не вычиталъ ли онъ ихъ въ какомъ нибудь сказаніи о пучеглазой дѣвкѣ?

А вотъ еще книжечка того же плодовитаго автора «басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простого народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ.» Къ сожалѣнію эту книжечку г. Золотовъ не снабдилъ изъясненіемъ, какую пользу онъ отъ нея предвидитъ, такъ что неизвѣстно, переходное ли это или конечное чтеніе. Впрочемъ предисловіе есть, но въ немъ г. Золотовъ обращается къ *новограмотнымъ* мужикамъ. Что это за слово *новограмотный*? Судя по его нелѣпости, надо думать, что есть еще *старограмотные*, которые не то, что новограмотные г. Золотова. Книжка эта изобилуетъ также разными мнимонародными словами, которыми напр: отличаются произведенія г. Кушнерева. Нельзя ничего выдумать противнѣе такого языка. Онъ производитъ точно такое впечатлѣніе, какое балаганы — на масляницѣ. Выходитъ господинъ, немолодой, почтенной наружности, повидимому paterfamilias и вдругъ начинаетъ на потѣху публики откалывать такія штуки, какъ будто ему девять лѣтъ отроду. Зрителю отъ этой сцены дѣлается весьма гадко; но тутъ покрайней мѣрѣ мысль о томъ, что этотъ старикъ ломается изъ за куска хлѣба для дѣтей, возбуждаетъ не омерзѣніе, а жалость. Кривлянiе же господъ, подобныхъ Кушнереву, производитъ тошноту. Въ этомъ отношеніи книжки, издаваемыя для народа, необыкновенно похожи на книжки для дѣтей. Та же натянутая, поддѣльная наивность, то же желаніе передразнивать мало развитыхъ людей, съ полнымъ убѣжденіемъ,что съ этими жалкими существами г. Кушнереву или г. Золотову своимъ языкомъ говорить не приличествуетъ.

Мораль къ баснямъ Крылова г. Золотовъ придѣлываетъ совершенно своеобразную, такую, о которой Крылову и не снилось. Это, видите ли, онъ къ крестьянскому быту изволитъ примѣняться. Такъ изъ басни «Смерть» *новограмотные* должны усмотрѣть, что въ ней мужикъ обозначаетъ батрака, а смерть хозяина. Батракъ будтобы недоволенъ хозяиномъ, который хочетъ прогнать его. Тогда батракъ раскаявается. Мораль же морали здѣсь та, что новограмотнымъ не надо по пустому языка чесать, а жить, какъ живется, да еще Господа благодарить. Съ аппетитомъ изъясняетъ также г. Золотовъ, какимъ образомъ благоразумные слоны иногда прихватываютъ крикуновъ мосекъ, такъ что послѣдніе ужь не лаютъ, а визжатъ, Это ужъ собственоое г. Золотова дополненіе къ баснѣ Крылова. Но для нравственности не мѣшаетъ и прибавить коечто.

Вотъ тоже экономическіе совѣты взялся г. Золотовъ подавать *но-*

вограмотнымъ. Но тутъ ужъ дѣло оказывается, что самъ-то г. Золотовъ если не ново то малограмотный. Конечно его книжки для него же и написаны. Но вѣдь онъ имѣетъ претензію просвѣщать мужиковъ; слѣдовательно ему непозволительно поддерживать авторитетомъ своей грамотности вредный предразсудокъ, что кроты вредны въ полевомъ хозяйствѣ, гдѣ, какъ извѣстно, они очень полезны и ихъ слѣдовало бы разводить

Еще и опять г. Золотовъ! На этотъ разъ онъ является съ книжкой, имѣющей уже прямо въ виду умственное развитіе новограмотныхъ. По крайней мѣрѣ я не умѣю иначе растолковать слѣдующаго заглавія: «Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи». Правду сказать заглавіе это такъ безтолково, что ничего не выражаетъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ *упражненіе въ умственномъ развитіи?* Какъ это такъ *упражняться* въ умственномъ развитіи? Но я уже нѣсколько примѣнился къ выраженіямъ, свойственнымъ г. Золотову и его братіи и знаю, что это такое обозначаетъ. Посмотримъ же, какимъ образомъ г. Золотовъ упражняетъ новограмотныхъ въ умственномъ развитіи.

«Господь Богъ, говоритъ онъ, создалъ насъ на постоянный трудъ, и кто бы ты ни былъ—крестьянинъ, купецъ, мѣщанинъ, дворянинъ или князь, а все надо работать .. Селянину Господь Богъ указалъ землю обработывать и доставать отъ нея разные продукты: хлѣбъ, пеньку, овощи и пр., ремесленнику назначилъ обработывать то, что земледѣлецъ досталъ; солдату—быть защитою землевладѣльцевъ, православія, престола царскаго и всего государства; купцу — торговать разнымъ товаромъ, *чтобы онъ у селянина или у ремесленника не залежался* (это особенно хорошо!); дворянину еще болѣе заботъ въ жизни: съ молоду онъ долженъ многому учиться, чтобы потомъ исправно служить отечеству, быть надежнымъ и вѣрнымъ помощникомъ царю-государю; духовные отцы научаютъ закону Божію и молятся о спасеніи душъ нашихъ. Такъ, значитъ, нѣтъ такого сословія людей, что могли бы жизнь проводить ничего не дѣлая, а если и есть (логика-то, только слушайте, да изумляйтесь), то Богъ съ ними, они тоже между людьми, что трутни въ ульѣ пчелъ.»

Наговоривъ цѣлый коробъ такой экономической нескладицы, г. Золотовъ начинаетъ приставать къ селянамъ съ слѣдующими вопросами: «какая главная мысль этой статьи?» — «Что такое постоянный продуктъ? и т. д. Не знаю, г. Золотовъ, что вамъ отвѣтятъ новограмотные селяне, но на первый вашъ вопросъ, я вамъ скажу, что мысли въ этой

статьѣ нѣтъ никакой, а есть только какая-то благонамѣренная пародія на мысль.

Впрочемъ г. Золотовъ позаботился заранѣе о томъ, чтобы не получить отъ вопрошаемаго какого нибудь непріятнаго отвѣта. Черезъ нѣсколько страницъ новограмотные могутъ прочитать и зазубрить отвѣты, которые приличествуетъ давать благонамѣренному мужику. Въ этихъ отвѣтахъ разъясняется между прочимъ, что главная мысль та, что всякій долженъ трудиться, къ какому бы сословію людей ни принадлежалъ. Разницы же между крестьяниномъ, замледѣльцемъ, поселяниномъ и селяниномъ къ сожалѣнію не показано, и г. Золотовъ предоставляетъ остроумію новограмотныхъ найдти ее. Далѣе изъясняется, что постоянный трудъ значитъ ежедневный, и что слѣдовательно надо трудится ежедневно.

Г. Золотовъ, вспомните, кому это вы говорите! Навѣрное вы думаете, что поученія ваши дойдутъ до поселянъ. Для чего же вы толкуете имъ о *долгѣ* трудиться? Или вы полагаете, что о и недовольно трудятся? Или вы думаете, что трудъ имъ будетъ легче, если вы имъ объясните, что и князья, дворяне и духовные отцы трудятся? Или вы находите, что имъ надо внушить прелесть труда для труда? Вѣдь они и безъ того чуть не 24 часа въ сутки работаютъ. Что же вы надъ душей-то у нихъ встали, да приговариваете, что всякій долженъ трудиться. Они и безъ васъ знаютъ, что должны трудиться, чтобъ не умереть съ голоду. Но душа г. Золотова должна быть такъ невинна и чиста, что онъ, вѣроятно, воображаетъ, что отъ его толковъ о прелести труда для труда, трудъ этотъ сдѣлается привлекательнымъ для новограмотныхъ крестьянъ. Пріятно встрѣтить такое невинное сердце въ такой практическій вѣкъ. Утѣшительное явленіе вы, г. Золотовъ,— просто удивляюсь вамъ. Теперь я понимаю, какимъ образомъ вы хотите *упражнять народъ въ развитіи.* То вы споете вашимъ новограмотнымъ пѣсенку Кольцова, гдѣ находится стихъ:

Весело на пашнѣ!

то стихи Ф. Глинки продекламируете, которые оканчиваются словами

„Дѣти, живите съ трудомъ, и не будетъ опасна вамъ бѣдность“;

то сами придумаете разсказъ, гдѣ назидательно объясните, что у богача, коему всѣ завидовали, была на груди неизлечимая рана. Такъ, понимаю васъ, вы хотите внушить вашимъ аркадскимъ пастушкамъ то, что Штольцъ внушалъ Обломову, вы хотите показать имъ, что не въ деньгахъ счастіе, вы хотите, чтобы они,

трудясь въ полѣ, восхищались картиной восходящаго солнца и въ этомъ эстетическомъ наслажденіи находили вознагражденіе за свой трудъ. Но вы забываете только то, что ваши слова безполезны. Если бъ даже народъ не повѣрилъ вамъ, что раны на груди бываютъ только у богачей, если бъ сознаніе долга трудиться даже не помогло бы ему пахать и тащить бичевой барку, если бъ даже сердце его осталось глухо къ красотамъ природы—то и тогда, невиннѣйшій г. Золотовъ, вамъ бы не о чемъ было заботиться. Повѣрьте мнѣ, далеко еще то время, когда ваши новограмотные усумнятся въ роковой необходимости трудиться цѣлый день и кормить насъ съ вами, внушающихъ имъ прелести труда для труда; повѣрьте, что они еще долго, очень долго не будутъ трутнями, и этимъ дадутъ намъ полную возможность остаться паразитами. Поэтому успокойтесь, г. Золотовъ, и перестаньте толковать о необходимости труда людямъ, на счетъ которыхъ живете и вы, и я и всѣ исчисленные вами, за исключеніемъ тѣхъ, къ которымъ относятся ваши слова.

Таковы, читатель, просвѣтители нашего народа. Конечно, я очень хорошо знаю, что, не говоря уже о привиллегіи, и безъ нея многія условія вредно вліяютъ на все, что пишется съ цѣлью просвѣтить народъ. Я согласенъ, что тутъ необходимо соблюдать нѣкоторыя приличія, безъ которыхъ въ другихъ случаяхъ можно бы было обойтись. Но посудите же, г. Золотовъ, и всѣ подобные вамъ, неужели же что нибудь внѣшнее можетъ заставить васъ писать совершенную чушь. Если нельзя говорить дѣло, то можно по крайней мѣрѣ избѣжать пошлости и нелѣпости.

Разумѣется, благонамѣренность вещь хорошая и безъ нея въ народныхъ книжкахъ обойтись нельзя, но всему же должна быть и мѣра. А то вѣдь вы ужъ право хватаете черезъ край. Взгляните напримѣръ хотя бы на «Хрестоматію для простолюдиновъ», составленную Г. П. А—ъ и изданную привиллегированнымъ «Товариществомъ общественной пользы». Посмотрите хотя на оглавленіе этой злокачественной книги, и вы увидите, что предлагается народу изъ сочиненій Гоголя, одного изъ лучшихъ нашихъ писателей.

Точно таже исторія и съ г. Салтыковымъ. Изъ всѣхъ его произведеній составитель «Хрестоматіи для простолюдиновъ» счелъ достойнымъ украсить свой сборникъ только однимъ отрывкомъ, который, подобно отрывкамъ изъ Гоголя, относится къ прочимъ его произведеніямъ, какъ чернильное пятно къ письму, на которомъ находится.

И здѣсь тоже многія статьи, какъ напримѣръ: «недолговѣчность земного», «о терпѣніи», «кто истинно добрый и счастливый человѣкъ» и т. п. клонятся къ доказательсдву тщеты всѣхъ благъ земныхъ. Другія, какъ то: «Московскій кремль при лунномъ свѣтѣ», «Человѣколюбіе» и т. п. похожи на семинарскія упражненія въ слогѣ. Вообще «Хрестоматія для простолюдиновъ» представляетъ собой сбродъ самой жалкой чепухи, какая когда либо заходила въ человѣческій мозгъ. Разумѣется, если бъ предвидѣлась возможность, что хотя десять простолюдиновъ прочтутъ эгу хрестоматію, то она возбуждала бы самое непріятное чувство; но такъ какъ ей суждено сдѣлаться настольной книгой Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, не болѣе, то я совершенно примиряюсь съ ней и смотрю на этотъ сбродъ уже не съ отвращеніемъ, а съ любопытствомъ. Статьи, помѣщенныя въ ней, безобразіемъ своимъ дѣйствительно превосходятъ все доселѣ писанное, не исключая даже тѣхъ произведеній, о которыхъ я буду говорить ниже. Я не привожу отдѣльныхъ цитатъ, потому что вся книга служитъ подтвержденіемъ моихъ словъ.

По этимъ образчикамъ можно судить о свойствѣ книгъ, издаваемыхъ для народа. Всѣ онѣ отличаются тѣми же самыми недостатками и имѣютъ то общее, неоцѣненное достоинство, что народъ не читаетъ ихъ. На поприщѣ народнаго образованія, кромѣ гг. Золотова и Кушнерева, подвизается еще нѣкто г. Н. Ушаковъ. Онъ между прочимъ составилъ «Краткую русскую исторію». Дѣйствительно штуку онъ показалъ необыкновенную: представьте себѣ, что на одномъ печатномъ листѣ онъ ухитрился помѣстить всѣхъ Ярополковъ, Мстиславовъ и Владиміровъ съ обозначеніемъ годовъ княженія и важнѣйшихъ событій и даже присочинить факты вовсе не бывалые, какъ напримѣръ смерть Мамая въ куликовскомъ сраженіи. Нечего и говорить, что, какъ въ отношеніи слога, такъ и взгляда, эго не болѣе какъ извлеченіе изъ самаго краткаго учебника Устрялова. И къ чему все это написано, Господь вѣдаетъ. Любопытно представить себѣ крестьянскаго мальчика, зазубривающаго, что Великій Князь Василій Ивановичъ царствовалъ отъ 1505 до 1533 года, или что при Петрѣ I подвизался на поприщѣ государственной службы графъ Брюсъ.

Но если правда, что всѣ эти книги народомъ не читаются, и премудрость, изложенная въ нихъ, ему не передается, то спрашивается, кто же читаетъ эти книжки и на какое употребленіе идутъ онѣ? А что онѣ расходятся—это не подлежитъ сомнѣнію. Не говоря уже о

томъ, что напримѣръ «Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи» вышли седьмымъ изданіемъ, самая привиллегія, взятая «Товариществомъ общественной пользы» показываетъ, что книги эти дѣйствительно раскупаются. Хотя въ предисловіи въ «Хрестоматіи для простолюдиновъ» Товарищество краснорѣчиво изъясняетъ, что издаетъ книги ради пользы народа, а не изъ корысти, но мнѣ кажется, что оно не прочь соединить utile dulci, потому что въ противномъ случаѣ зачѣмъ брать привиллегію. Что такое за привиллегія? Что оно изобрѣло что-ли народное образованіе, какъ изобрѣтаютъ машину какую нибудь или лекарство отъ веснушекъ? Нѣтъ, какъ угодно, а привиллегія помимо всякихъ другихъ соображеній, убѣждаетъ меня, что изданія «Товарищества общественной пользы» находятъ покупателей. По нѣкоторомъ размышленіи я убѣждаюсь, что ихъ по всей вѣроятности покупаютъ чадолюбивые родители для своихъ дѣтей. Конечно такое чтеніе можетъ вредно подѣйствовать на умственныя способности бѣдныхъ дѣтей, но за это особенно негодовать на эти книжки нечего. Онѣ нисколько не-хуже всего прочаго, изготовляемаго для дѣтей и вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи не вреднѣе, потому что выдумать что нибудь хуже того, что у насъ издается «для дѣтскаго возраста», какъ выражаются издатели, невозможно. Въ этомъ насъ могутъ убѣдить примѣры. Возмемъ нѣсколько дѣтскихъ книжекъ и посмотримъ, что въ нихъ толкуется. Вотъ напримѣръ «Цвѣтникъ для дѣтей или коротенькіе нравственные разсказы, приспособленные къ практическому воспитанію дѣтей», составленные г. К. Модестовымъ, который относительно дѣтскихъ книжекъ занимаетъ такое же видное мѣсто, какъ г. Золотовъ относительно изданій для народа, то есть безпрестанно является въ свѣтъ съ новымъ кривляніемъ, которое по его мнѣнію приспособлено къ практическому воспитанію дѣтей. Я ужъ въ прошлой библіографіи высказалъ мое мнѣніе касательно тѣхъ кривляній, къ которымъ взрослые люди считаютъ нужнымъ прибѣгать для вразумленія дѣтей. Теперь взглядъ на дѣтскія книжки даетъ мнѣ случай представить примѣры того, до какой уродливости могутъ дойти эти кривлянія. Такъ въ «Цвѣтникѣ» обыкновеннымъ пошло-наивнымъ тономъ, употребляющимся въ дѣтскихъ книжкахъ, разсказываются разныя назидательныя исторіи, имѣющія въ виду внушить дѣтямъ разныя добродѣтели, какъ-то скромность, аккуратность, осторожность, бережливость, прилежаніе, терпѣніе и тому подобное, и отучить ихъ отъ пороковъ шаловливости, нескромности, жадности, лѣности, расточительности и проч. При-

этомъ дѣтямъ за добродѣтель всегда обѣщается награда, а за порокъ наказаніе. Наказанія бываютъ разнообразныя, въ томъ числѣ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ считается розга. Такъ добрый сосѣдъ высѣкъ маленькаго Нестора за намѣреніе украсть персикъ изъ его сада, а маленькаго Наума, нежелавшаго воровать, вознаградилъ коробкой этихъ персиковъ.

Мораль: не воруйте, милые дѣти! станете воровать — высѣкутъ, а не уворуете, то получите въ награду то, что желаете. Преподается также дѣтямъ великая истина, тщательно внушаемая г. Золотовымъ крестьянамъ, что счастіе не въ богатствѣ, а въ бѣдности и въ трудѣ. Посмотрите, милыя дѣти, какъ счастливы эти добрые поселяне, окончившіе свой трудъ и легшіе спать, подложивъ подъ голову снопы и старающіеся поскорѣе заснуть, чтобъ поранѣе приняться завтра за работу. Дѣти благородныхъ родителей внимаютъ такимъ поученіямъ, которыя со временемъ сдѣлаютъ ихъ горячими приверженцами и защитниками существующаго экономическаго порядка. Нищету и голодъ имъ съ дѣтства изображаютъ въ видѣ аркадской идилліи и не мудрено, что выросши въ такихъ понятіяхъ, они со временемъ сдѣлаются нищими не только духомъ, но и тѣломъ. Вѣдь доходятъ же люди до такого состоянія, что пишутъ книги, въ которыхъ богатство изображается чуть не несчастіемъ. Вѣдь Марія Терезія не была въ припадкѣ съумасшествія, когда спрашивала, отчего голодающіе нищіе не ѣдятъ корку паштетовъ. Нисколько: она была въ полномъ разсудкѣ, но воспитаніе сдѣлало ее совершенно неспособной понимать положеніе людей, неимѣющихъ нѣсколькихъ тысячь дохода. Ей съ дѣтства твердили разные гофъ-поэты и каммергеры съ буколическими наклонностями, что есть сортъ людей, который довольствуется малымъ, но тѣмъ не менѣе блаженствуетъ подъ опекой ея папеньки. Конечно эти люди не имѣютъ каммергерскихъ ключей сзади и не ѣздятъ въ каретахъ, но за то они такъ счастливы, такъ веселы, такъ здоровы. И вдругъ она слышитъ, что у нихъ нѣтъ хлѣба. Конечно для нихъ это лишеніе, думаетъ она, но въ такомъ случаѣ, почему не ѣдятъ они паштетныхъ корокъ. Оно хотя и не такъ вкусно, особенно съ свѣжимъ молокомъ или жирнымъ кускомъ мяса, которымъ наслаждаются эти люди въ своихъ чистыхъ, небогато, но со вкусомъ убранныхъ хижинахъ, или подъ тѣнью древесъ, но въ крайности можно ѣсть: все же лучше, чѣмъ съ голоду умирать. До такого наивнаго невѣденія могутъ доходить только воспитанницы каммергеровъ съ буколическими наклонностями и гофъ-поэ-

товъ. Но и господа, подобные г. В. Модестову, способны также довести до плачевнаго умственнаго состоянія дитя, читающее ихъ книжки. Разумѣется, дѣти благородныхъ родителей, которымъ послѣдніе дарятъ въ праздники эти книжки, не дойдутъ до положенія Маріи Терезіи, потому что ближе могутъ видѣть дѣйствительность, чѣмъ она. Но вѣдь въ этомъ только и спасеніе ихъ, иначе чтожъ бы было?

Впрочемъ книжка г. Модестова еще лучше другихъ. По крайней мѣрѣ авторъ оказывается человѣкомъ кроткимъ: бѣдствія, которыми онъ грозитъ дѣтямъ, неслѣдующимъ правиламъ преподаваемой имъ добродѣтели, не превосходятъ розогъ, и даже обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что порочное дитя не получаетъ подарка. Есть даже примѣры исцѣленія отъ пороковъ. Такъ маленькій Спиридонъ изцѣлился отъ шалостей тѣмъ, что сестра выучила его разнымъ молитвамъ, которыя онъ долженъ былъ повторять утромъ и вечеромъ. Напротивъ того, г. Дьяконовъ напримѣръ, авторъ «Нравоучительныхъ повѣстей и разсказовъ для милыхъ дѣтей» обнаруживаетъ удивительную свирѣпость и грозитъ порочнымъ дѣтямъ величайшими бѣдствіями. Начинаетъ онъ свою книжку слѣдующимъ обращеніемъ къ «милымъ дѣтямъ»:

„Знайте, что у каждаго изъ васъ есть свой ангелъ хранитель, и потому старайтесь всѣми силами и помышленіями вашими угождать ему, потому что онъ всегда неразлученъ съ вами. Онъ учитъ васъ дѣлать добро и указываетъ путь истинный, между тѣмъ какъ демонъ всѣми силами старается совратить васъ съ того пути“.

Эти истины подкрѣплены картинкой, гдѣ изображена дѣвица, которую одна фигура тянетъ за шиворотъ, а другая за руку. Вдали виднѣются какіе-то музыканты, а можетъ и черти, разобрать трудно, изображающіе вѣроятно стезю порока. Дѣтей, идущихъ этой стезей, ожидаютъ самыя страшныя наказанія; вотъ напримѣръ Ваня,

«сынъ благородныхъ отцовъ, коего почтенный родитель въ потѣ лица добывалъ себѣ хлѣбъ, по цѣлымъ днямъ просиживая въ своемъ кабинетѣ, придумывая разныя средства, чтобъ нажить деньги и образовать сына»,

что подтверждается снова картинкою, изображающею почтеннаго родителя, болѣе впрочемъ похожаго на почтенную родительницу. Ваню лѣность довела до того, что онъ сдѣлался разбойникомъ и былъ повѣшенъ После этого не остается никакого сомнѣнія, что всѣ дѣти, которымъ прочтутъ книжку г. Дьяконова, будутъ прилежны; ибо кому пріятно быть повѣшеннымъ? Судьба, постигшая другого лѣниваго ребенка, Оленьку, хотя и была нѣсколько лучше, но все-таки незавидна.

Вообразите себѣ, милыя дѣти! лѣность довела ее до того, что «она влюбилась въ женатаго мужчину, жившаго по сосѣдству,» стала отказывать всѣмъ женихамъ и состарѣлась въ дѣвицахъ. Володю же, который былъ также лѣнивъ и сверхъ того любилъ удовольствія и театръ, причемъ

> «изъ всѣхъ піесъ, видѣнныхъ имъ, больше всѣхъ занимала его одна, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Турціи, и на сценѣ совершается убійство султана»,

все это довело Володю до того, что онъ сдѣлался бродягой и нищимъ. Любопытно знать, что бы было съ несчастнымъ Володей, еслибъ онъ любилъ преимущественно піесы, гдѣ султановъ не убиваютъ, а представляютъ великодушнѣйшими отцами отечества.

Если г. Дьяконовъ умѣетъ карать пороки, то онъ за то щедрою рукою раздаетъ награды за добродѣтель. Андріянъ былъ мальчикъ кроткій, послушный и вообще благонамѣренный. Выросши, онъ сохранилъ эти качества, что и обнаружилъ слѣдующимъ образомъ.

> «Однажды на балу, сидя рядомъ съ своею сестрою посреди многолюднаго общества, онъ замѣтилъ передъ собою одного почтеннаго старичка, который рѣшительно всѣмъ кланялся, особливо людямъ, имѣвшимъ передъ нимъ преимущество.
>
> — Какой почтительный старикъ! сказалъ Андрюша своей сестрѣ, смотря на этого почтеннаго человѣка, который униженно кланялся генералу и тотъ протягивалъ ему руку.
>
> — Вотъ какимъ должно быть всегда! продолжалъ Андрюша:—послѣдую же я этому примѣру. Гордость ни къ чему не ведетъ, она иногда вредитъ умному человѣку.
>
> Вотъ какія мысли занимали всегда Андрюшу, который былъ утѣшеніемъ своему отцу.
>
> Всегда скромный, разсудительный, онъ съ ревностію продолжалъ свою службу, и чинами перегналъ своихъ товарищей».

Кланяйтесь, кланяйтесь униженно, милыя дѣти, ибо черезъ это достигнете большихъ чиновъ и перегоните своихъ товарищей. Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что до сихъ поръ, не смотря на многія, весьма дѣльныя разсужденія о педагогіи и постоянное глумленіе надъ подобными книжками, телячья скромность, низкопоклонство, самоуниженіе, чуть не шпіонство и всякія другія подлости суть идеалы, къ которымъ, по совѣтамъ разныхъ гг. Дьяконовыхъ, Модестовыхъ и комп., должны стремиться дѣти. Нравоучительные разсказы въ родѣ приведенныхъ мною весьма хорошо осмѣяны въ двухъ каррикатурахъ, помѣщенныхъ въ «Дѣтскомъ кружкѣ» г-жи Фосъ.

Въ предисловіи г-жа Фосъ говоритъ, что старалась въ своей книжкѣ показать примѣръ того, какъ могутъ быть примѣнены на практикѣ тѣ правила воспитанія, которыхъ теоретическія основанія высказываются въ періодическихъ изданіяхъ послѣднихъ годовъ. Далѣе въ этомъ же предисловіи она объявляетъ себя противъ розогъ и другихъ подобныхъ исправительныхъ мѣръ. Наконецъ книжка ея, которая собственно есть хрестоматія, заключаетъ въ себѣ нѣсколько дѣльныхъ вещей, какъ напримѣръ стихотвореніе Никитина «Ночлегъ въ деревнѣ», статью «Маленькіе разсказы о вещахъ обыкновенныхъ» и каррикатуры, о которыхъ я говорилъ.

Каррикатуры эти на дѣтскія книжки, помѣщенныя въ дѣтской же книжкѣ, показываютъ, что авторъ отрицается отъ всякой солидарности съ гг. Дьяконовыми и Модестовыми и претендуетъ на совершенно новое направленіе. Но увы! этимъ надеждамъ не суждено сбыттья и русскія дѣти вѣроятно долго еще должны будутъ довольствоваться дьяконовскими книжками. Г-жа Фосъ только поговорила о примѣненіи теорій, высказываемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ, а сама слѣдуетъ по тому же пути, по которому идутъ всѣ прочіе составители дѣтскихъ книжекъ. Ея книжка производитъ еще худшее впечатлѣніе, чѣмъ «Цвѣтникъ» и «Нравоучительные разсказы». Тѣ по крайней мѣрѣ представляютъ собою нѣчто цѣлое, а книжка г-жи Фосъ такъ безтолкова, что мѣстами и разобрать ничего нельзя. Рядомъ напримѣръ съ «Ночлегомъ въ деревнѣ» Никитина помѣщены стишки такого рода:

Дитя. Стыдно, кошечка, играть,
Позабывъ свои дѣла,
Время попусту терять,
Лучшебъ мышку принесла.

Кошечка, Не суди меня такъ строго,
Спалъ ты—я войну вела:
Наловила мышекъ много
И весь домъ нашъ обошла.

И т. д. въ такомъ же родѣ. Рядомъ съ хорошей статьей «Игрушки» помѣщенъ назидательный разсказъ «Три яблока», ничѣмъ неотличающійся отъ разсказовъ г Дьяконова и представляющій собою послѣднюю степень безмыслицы и пошлости, до которыхъ способенъ дойти человѣкъ, кривляющійся передъ дѣтьми. Въ сборникѣ г-жи Фосъ ребенокъ прочтетъ прекрасную и очень умную статью «Люба и Катя», и тутъ же такія вещи, какъ «Петруша и Коля», которыя напоминаютъ въ одно и то же время и г. Дьяконова и г. Золотова съ его «Упражненіями въ развитіи». Есть

даже одна вещь, называемая «Что изъ этого вышло», которая превосходитъ по безсмыслицѣ все доселѣ писанное на свѣтѣ. Есть и загадки въ родѣ того: «Кто можетъ отвѣчать на всѣхъ языкахъ?» или «Что жжетъ не будучи горячимъ?», но отвѣтовъ на нихъ нѣтъ, такъ что за ними надо обратиться къ самой г-жѣ Фосъ. Я же могъ разгадать только одну изъ ея загадокъ: «Что безостановочно идетъ, не трогаясь съ мѣста?» отвѣтомъ на которую будетъ: «русскій прогрессъ», въ доказательство чего могутъ служить произведенія либеральныхъ господъ и дамъ въ родѣ г-жи Фосъ.

Вся эта педагогическая безсмыслица, отъ которой у читателя вѣрно уже заболѣла голова, превосходитъ всякія розги по своей злокачественности. Впрочемъ я нахожу, что съ своей точки зрѣнія благонамѣренные люди, сочиняющіе эти книжки, правы. Я уже сказалъ, что удивляюсь г. Золотову, который желаетъ внушить крестьянамъ, что надо трудиться; но удивляюсь я ему только потому, что не постигаю, какъ онъ не видитъ, что нѣтъ надобности понукать то, что и безъ понуканія дѣлается совершенно по его желанію, подъ вліяніемъ мотивовъ, несравненно сильнѣйшихъ, чѣмъ его разглагольствованія о прелести труда для труда. Что же касается до гг. Медестовыхъ, Дьяконовыхъ и прочихъ наставниковъ юношества, то они имѣютъ полное основаніе поступать такъ, какъ поступаютъ. Маленькое поколѣніе, которое они силятся развратить, заключаетъ въ себѣ многихъ враговъ тѣхъ добродѣтелей и правилъ, которыя они проповѣдуютъ. Изъ среды его выйдутъ люди, которые будутъ непримиримыми и страшными врагами пошлости и тупоумія, господствующихъ въ обществѣ. Поэтому скорѣе развращайте его, покуда оно въ пеленкахъ, пока не окрѣпло его сознаніе, не выработались идеи и убѣжденія, потому что если съ честью легли костьми немногіе свѣтлыя личности между отцами, если горячо оспариваютъ побѣду дѣти, то кто поручится, что смогутъ сдѣлать внуки? Но вѣдь эти чахлыя книжонки не задавятъ великія силы грядущаго поколѣнія. Трудъ ихъ напрасенъ и смѣшонъ, подобно труду просвѣтителей новограмотныхъ, не потому, что онъ лишній, а потому что безплоденъ. Поэтому я безъ особеннаго отвращенія смотрю на дѣтскія книжки; я знаю, что какъ свирѣпыя угрозы г. Дьяконова, такъ и недоноски прогресса г-жи Фосъ въ состояніи отравить только зачумленныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что произведенія, составляющія эту литературу, стоятъ ниже всякой критики, что примѣнять къ нимъ обыкновенный взглядъ на литературныя произведенія и требовать

отъ нихъ того, чего мы требуемъ отъ послѣднихъ, невозможно. *Сочинители* въ родѣ г. Золотова, поставляющіе свои труды для почтеннаго «Товарищества», руководствуются при составленіи своихъ книжекъ такъ называемыми «*высшими соображеніями*»; тутъ они должны и нѣкоторый этикетъ соблюдать и спеціально имѣть въ виду благонравіе и вообще заботиться о томъ или другомъ родѣ вліянія, которое, предполагается, ихъ книжки должны произвести на читателей. Однимъ словомъ они должны имѣть въ виду не столько своихъ читателей, сколько высшія соображенія. Поэтому ихъ произведенія такъ жалки и блѣдны.

Благонамѣренность и благонравіе, благонравіе и благонамѣренность — вотъ вся ихъ цѣль. Все это приводитъ ихъ къ тому, что книжка, сочиненная такимъ господиномъ, носитъ на себѣ, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться примѣрами, слѣды невинности и наивности автора — и больше ничего. Но одной степенью повыше у насъ существуетъ особая литература, литература прилавковъ, переднихъ, лакеевъ, купчихъ, прикащиковъ, мелкихъ чиновниковъ и армейскихъ юнкеровъ, которая носитъ на себѣ ясные слѣды не особенностей автора, а того кружка читателей, для котораго она фабрикуется. Поэтому взглядъ на эту литературу я считаю далеко небезполезнымъ для физіологіи того класса людей, для котораго она существуетъ. Личности издателей и сочинителей тутъ совершенно исчезаютъ, потому что первые, хотя и не берутъ привиллегіи, но дѣйствуютъ вовсе не въ видахъ *общественной пользы*, а исключительно своей; вторые также мало пекутся, какъ о вліяніи своего произведенія на читателя, такъ и о литературной славѣ; все ихъ желаніе — угодить изданіемъ публикѣ, дабы она поспѣшила раскупить его. Приэтомъ они прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ, могущимъ по ихъ мнѣнію, основанному на долголѣтней опытности, доставить имъ покупателей. Средства же эти такимъ образомъ могутъ служить намъ указаніемъ на вкусъ этой публики и на ея требованія. Вотъ напримѣръ книга, переведенная съ французскяго. По французски она называется: Les tricheries des Grecs, т. е. плутни шулеровъ. На русскомъ же языкѣ она является подъ заглавіемъ: «Высшіе уроки карточныхъ операцій, искусство выигрывать во всѣ игры» Черта весьма характеристическая: французъ, издавая свою книгу, гдѣ обстоятельно изложены фокусы шулера, прикрылся почтеннымъ видомъ обличитетя и смотритъ на дѣло съ высоконравственной точки зрѣнія. Но русскій переводчикъ знаетъ свою публику; онъ очень хорошо знаетъ, что желудокъ ея вовсе не такъ нѣженъ, чтобы не

могъ переварить подлости или мерзости въ сыромъ видѣ. Ей вовсе не надо называть Кукшину или кабакъ высоконравственнымъ явленіемъ. Онъ знаетъ, что они невысоконравственны, а мерзки, но любитъ ихъ, да и только. Дайте ей «Плутни шулеровъ», она ихъ не купитъ, потому что не видитъ интереса въ обличеніи, а дайте «Искусство выигрывать во всѣ игры» съ изображеніемъ передергивающихъ рукъ на оберткѣ,—купитъ, въ надеждѣ извлечь практическую пользу. Крехтя, выдастъ книгопродавцу рубль за книгу, но выдастъ, ибо питаетъ надежду, при помощи этой книги, съ лихвой возвратить рубль въ трынку.

Или напримѣръ является крошечная книжечка подъ заглавіемъ «Талисманъ для молодыхъ дамъ». Публика жадно хватается за «Талисманъ», въ надеждѣ вычитать нѣчто скандальное. Но оказывается, что въ книжкѣ говорится о какихъ-то яблокахъ. Публика разочарована, но это не мѣшаетъ ей съ прежней жадностью броситься на новую книжку, носящую еще болѣе интересное заглавіе, въ родѣ напр. слѣдующаго: «Супружеская грамматика, секретъ для женщинъ и мужчинъ: молодыхъ и пожилыхъ, холостыхъ и женатыхъ», и на этотъ разъ надежды ея не обмануты. Особенно довольны останутся люди пожилые, узнавъ, что мужчина шестидесяти лѣтъ еще только вступаетъ въ предверіе старости. А то вдругъ появятся книги съ такими заглавіями: «Преферансъ въ двоемъ, безъ болвана, съ двумя прикупками»; или «Еще разъ! и можетъ быть послѣдній разъ! Продолженіе «букета», собранный въ цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Миловиднымъ дѣвамъ и великодушнымъ дамамъ Россіи, предпочтительно же незабвеннымъ, далеко разсѣяннымъ подругамъ *Смольнаго монастыря*, вмѣсто сердечнаго привѣта и поклона отъ баронессы Юліи фонъ-Икскуль». Ну, разумѣется у публики сердце некаменное, чтобы могло устоять противъ *преферанса безъ болвана*, или *продолженія букета*.

Много также любопытнаго найдемъ мы, если проникнемъ далѣе оглавленій, которыми до сихъ поръ ограничивались. Возьмемъ напримѣръ хотя *букетъ*. Авторъ *букета*, баронесса фонъ-Икскуль, дама, я вамъ скажу, замѣчательная и можетъ смѣло считаться одной изъ великодушнѣйшихъ дамъ Россіи, собранныхъ на цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Въ *букетѣ* ея между прочимъ находится нѣкоторое размышленіе, нѣчто весьма глубокомысленное и называется *«мысль»*. Размышленіе это явно показываетъ, что великодушная дама, вѣроятно во время пребыванія своего въ Смольномъ монастырѣ или *Смольномъ*,

монастырь, какъ она пишетъ, и какъ писать надлежитъ, произошла многія науки. Она знаетъ даже о Нью-Іоркѣ, о рѣкѣ Летѣ и т. п предметахъ. Этого мало: она знаетъ о спорѣ между идеалистами и матеріалистами и, принимая сторону первыхъ, мѣтко называетъ вторыхъ вандалами теперешняго времени.

„Любовь, дружба, говоритъ она, родительская обязанность, честь, долгъ, суть тѣ плоды мысли, которые вандалами теперяшняго времени, учениками извѣстнаго матеріализма, легко опредѣляются выраженіемъ— мечта!“

„Какое могущество, восклицаетъ она далѣе, производитъ эта, такъ называемая „мечта“, на духъ человѣка?—Силу, потушающую свѣтъ разума, могущую погребсти душу въ ночь сумазбродства!“

Хотя повидимому баронесса считаетъ матеріализмъ за лицо, но это ничего не доказываетъ. По тому, что говорится въ *ея сочиненіяхъ*, ее нельзя судить, какъ она сама объясняетъ:

„Но кто, говоритъ она, по стихотвореніямъ и сочиненіямъ, которыя мы пускаемъ по свѣту, насъ судитъ, какъ примѣрно судящій о совершенствахъ или недостаткахъ тѣлосложенія, которые онъ видѣлъ только въ «туалетѣ“ (*). И при всемъ томъ каждое прочувствованное стихотвореніе, каждая глубокая мысль есть часть нашего бытія хотя не самое бытіе.“

Совершенно справедливо. Только напрасно баронесса на себя меланхолію напускаетъ, восклицая въ заглавіи, что «можетъ быть въ последній разъ она пускаетъ по свѣту свои сочиненія». Отчего же въ послѣдній? Я надѣюсь впрочемъ, что незабвенно разсѣянныя подруги убѣдятъ баронессу подарить имъ еще новый букетъ. Я же съ своей стороны даю себѣ клятвенное обѣщаніе усладить часы моего досуга стихотвореніями баронессы фонъ-Икскуль, которыя должны быть несравненно лучше ея прозы. Недурна также книжка подъ заглавіемъ: «Нѣтъ болѣе несчастія въ любви, или истинный и вѣрнѣйшій ключъ къ женскому сердцу. Искусство нравиться женщинамъ, основанное на изученіи женской натуры и примѣненное къ духу нашего вѣка». Въ ней авторъ прежде всего сожалѣетъ, что «невсегда человѣкъ *доходитъ до такого состоянія*, которое именно и нравится женщинамъ». Затѣмъ онъ объясняетъ, что цѣль его книжки и состоитъ въ томъ, чтобы довести человѣка до того, чтобы онъ всегда находился въ

(*) Это ко мнѣ не относится, ибо честью завѣряю, что недостатковъ тѣлосложенія баронессы ни въ „туалетѣ“, ни въ натурѣ я не созерцалъ.

такомъ состоянiи. На это у него есть особая теорія, которую онъ и желаетъ изложить передъ публикой за 30 копѣекъ серебромъ. Недорого. Но прежде онъ находитъ нужнымъ проморить нѣсколько времени публику.

> «Прежде нежели мы рѣшимся, говоритъ онъ, высказать это последнее слово нашей теоріи, постараемся представить на размышленіе читателя нѣкоторые факты».

Факты эти состоять въ томъ, что во-первыхъ женщина обладаетъ инстинктомъ, во вторыхъ она любопытна, въ третьихъ она имѣетъ врожденное желаніе нравиться. Читатель соглашается и ждетъ съ нетерпѣніемъ послѣдняго слова теоріи автора. Но коварный авторъ находитъ, что недостаточно проморилъ читателя и вдругъ вмѣсто послѣдняго слова задаетъ ему вопросъ: — что такое женщина?—и, не давая ему отвѣтить, объясняетъ, что «хотя и признано за аксіому, что женщина существо неуловимое и до сихъ поръ необъясненное», но что онъ, такъ и быть готовъ объяснить за тѣ же 30 копѣекъ, что это такое. Затѣмъ онъ установляетъ нѣкоторую классификацію женщинъ по воспитанію, возрасту, наружности, *физіологическимъ свойствамъ* и мѣсту жительства. Такъ напримѣръ по возрасту онъ дѣлитъ женщинъ въ такомъ порядкѣ:

a) Дѣвушка-барышня отъ 16 до 25 лѣтъ отъ роду;
b) Молодая дама отъ 16 до 25 лѣтъ;
c) Молодая дама отъ 22 до 28 лѣтъ; и
d) Женщина отъ 28 до 40 лѣтъ.

По наружности, онъ дѣлитъ такъ:

a) Красавица,
b) Хорошенькая,
c) Миленькая,
d) Дурная, но имѣющая право нравиться.

«Впрочемъ, говоритъ онъ, нѣтъ такой дурной женщины, которая бы не имѣла права нравиться.»

Далѣе онъ изъясняетъ, что отдѣлъ с, т. е. миленькая называется также *barocco* и имѣетъ въ себѣ то, «что называется *je ne sais quoi*».

По физіологическимъ особенностямъ, женщины дѣлятся на слѣдующіе ранги:

1) нервическая,
2) съ мужскимъ элементомъ въ характерѣ,
3) съ нѣкоторыми особенностями во вкусахъ и наклонностяхъ,
4) съ болѣзненными, медицинскими (поясняетъ онъ въ скобкахъ) оттѣнками.

По мѣсту жительства, онъ различаетъ дѣвицъ съ Васильевскаго Острова, дѣвицъ съ Козьяго болота, изъ Коломны и проч. Въ заключеніе онъ говоритъ, что вся эта классификація устроена имъ съ цѣлью доказать, что:

„всѣ разряды женщинъ имѣютъ между собою общее то, что это—женщина, что—это одно и то же существо".

Доказавъ это, онъ наконецъ находитъ, что читатель проморенъ достаточно, и начинаетъ подавать ему совѣты, какъ довести себя до такого состоянія, чтобы всегда нравиться женщинамъ. Изъ правилъ этихъ мнѣ особенно понравилось слѣдующее, которымъ я не премину воспользоваться:

«Женщины по воспитанію своему болѣе склонны къ пребыванію въ тѣхъ правилахъ, которыя перешли къ намъ отъ предковъ; но не любятъ застоя въ принципахъ мужчины, ибо это даетъ дурное понятіе о его мыслительной силѣ. *Посему вы можете всегда съ успѣхомъ обнаружить при дамахъ легкое вольнодумство и пустить какую нибудь безвредную либеральную идейку*».

Теперь значитъ остается только найти такую идейку, которая бы была въ одно и то же время и либеральна и безвредна. Но найдти ее весьма легко: стоитъ только заглянуть въ любой N любой газеты послѣднихъ восьми лѣтъ, за исключеніемъ, разумѣется, почтеннаго В. И. Аскоченскаго, который, одинъ изъ русскихъ литераторовъ пересталъ желать нравиться дамамъ. Съ удобствомъ также можно пріискать такую идею въ «Отечественныхъ Запискахъ», а особенно въ хроникахъ г. Громеки. Но такъ какъ у меня подъ рукой нѣтъ ничего, кромѣ «Справочнаго энциклопедическаго лексикона сновидѣній», то я обращаюсь вмѣсто хроникъ г. Громеки къ нему, въ надеждѣ найдти въ немъ хотя одинъ желаемый экземпляръ либеральной, но безвредной идейки. Съ первыхъ же словъ предисловія оказывается, что надежды мои были основательны.

«Мы убѣждены, говоритъ авторъ Лексикона сновидѣній, что объясненіе видимыхъ нами во время нашего сна явленій, не есть дѣло дурное, а напротивъ дѣло благонамѣренное и вообще ежели и не всегда одинаково полезное, потому что не всѣ же сны могутъ быть одинаково точно пояснены или, такъ сказать, *прочтены*, то совершенно безвредное и большею частью забавное».

Такой отзывъ автора о своемъ сочиненіи удостовѣряетъ меня, что я ничего не потерялъ, взявъ вмѣсто хроники Громеки «Лексиконъ сновидѣній» Дѣйствительно хроника, подобно другимъ произведеніямъ пуб-

лицистовъ «Отечественныхъ Записокъ», «Голоса», «Санктпетербугскихъ Вѣдомостей», «Библіотеки для Чтенія», и проч., есть «дѣло благонамѣренное, безвредное и большею частью «забавное». Остается значитъ найдти идейку, которая бы, обладая всѣми этими качествами, была сверхъ всего слегка либеральна. Но и тутъ я не унываю, потому что далѣе въ предисловіи сказано:

„Въ опредѣленіяхъ сновъ мѣстами проглядываетъ юморъ, матеріалъ для котораго составителемъ повидимому почерпался изъ современныхъ журналовъ и газетъ".

Если такъ, то я вполнѣ убѣжденъ, что идейка либеральная будетъ мною обрѣтена. Вотъ напримѣръ, объясняя значеніе явленія во снѣ *боярина*, авторъ возстаетъ противъ поступковъ феодализма.

„*Бояринъ*, говоритъ онъ, что важно вѣщаетъ вамъ, поглаживая свою боярскую бороду, а вы кланяетесь ему низенько, по отечественному,—неожиданный чей нибудь поступокъ феодализма".

А вотъ еще нѣсколько либеральныхъ идеекъ:

„*Кавалергардъ* во всеоружіи,—невольное воспоминаніе о многознаменательномъ боѣ подъ Фершампенуазомъ, для чего только *не должно читать книгу Михайловскаго-Данилевскаго*, признаннаго нынѣ братомъ Шехеразады, *а всего лучше запастись современными сочиненіями.*"

„*Кадетъ*. Видѣть кадетскій лагерь—значитъ *пріобрѣсти убѣжденіе въ отеческой попечительности правительства о правильномъ воспитаніи юношества.*"

„*Казакъ*. Видѣть казаковъ линейныхъ, несущихся съ гикомъ въ атаку,—услышать о какомъ нибудь *новомъ подвигѣ нашего христолюбиваго воинства*".

„*Пансіонъ*. Видѣть себя въ пансіонѣ мужскомъ или женскомъ, содержимымъ какимъ нибудь *французскимъ* спекуляторомъ или авантюристкою (почвенность даже есть!), которой или которая страшно растлѣваетъ всѣ *добрые начатки русскихъ* дѣтей, — значитъ имѣть какое нибудь *оскорбительное для вашей національности и чувства отчизнолюбія столкновеніе*".

„*Ябеда* подьяческая во всемъ своемъ развитіи—означаетъ *благотворное извѣстіе о введеніи гласнаго судопроизводства.*"

Переберите всѣ либеральные органы русской журналистики, и вы убѣдитесь, что либерализмъ ихъ тождественъ съ либерализмомъ «Лексикона Сновидѣній». Правда, въ «Лексиконѣ» синтаксисъ нѣсколько хромаетъ и орѳографія подгуляла, но вѣдь это дѣло второстепенное; а сущность отъ этого ничего не проигрываетъ. Впрочемъ, если кому мало этихъ доказательствъ, то я приведу нѣсколько примѣровъ *юмора*

«Лексикона», и тогда читатели окончательно убѣдятся, что авторъ его не прихвастнулъ, сказавъ въ предисловіи, что онъ заимствовалъ этотъ юморъ у современныхъ журналовъ и газетъ. Возмите хоть напримѣръ отзывы о г. Аскоченскомъ.

„*Изгарина* или *изгарь* кузнечная, издающая отвратительную вонь,— значитъ, что днемъ вы наткнетесь на нумерокъ знаменитой аскетической газетки «*Домашняя Бесѣда*», достославный редакторъ которой, безсмертный г. Аскоченскій, завелъ на столбчикахъ своихъ нравственно-литературную *изгарь*. Явь будетъ продолженіемъ сна".

„*Хрюкать* самому сновидцу, бѣгая вмѣстѣ съ свиньями, — значитъ, что приведется быть въ обществѣ такихъ лицъ, которые превозносятъ идеи, въ родѣ напримѣръ тѣхъ, какія проявляютъ Дорофей и Компанія въ аскетическомъ журналѣ „*Домашняя Бесѣда*".

„*Кабала*. Видѣть себя въ кабалѣ — имѣть споръ съ какимъ нибудь отсталымъ господиномъ Бланкомъ или Аскоченскимъ объ ужасахъ кабальнаго права".

„*Шарманка*, наигрывающая самымъ монотоннымъ образомъ все одну и ту же піесу въ родѣ „Ваньки—Таньки" или чего подобнаго,—быть въ обществѣ и встрѣтить тамъ какого нибудь ревностнаго почитателя и читателя «*Домашней Бесѣды*".

Еслибъ исправить нѣсколько слогъ или, оставивъ такой слогъ, переложить эту остроумную прозу въ стихи, то можно бы было держать какое угодно пари, что это писалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Осы» или «Занозы». Даже безцеремонность та же: тамъ напримѣръ былъ кто-то нарисованъ въ видѣ свиньи и подписано: «такой-то», и здѣсь тоже осмѣиваемыхъ лицъ прямо свиньями ругаютъ.

Поэтому я считаю долгомъ удостовѣрить, что если «Лексиконъ» подчасъ въ либерализмѣ не уступитъ «Голосу», то въ то же время по благонамѣренности онъ нениже «Московскихъ Вѣдомостей». И вотъ доказательства:

„*Республика*. Находиться посреди какой нибудь *республики*, дошедшей почти до анархизма,—встрѣтиться съ человѣкомъ, лишившимся разсудка".

Не то ли же утверждаютъ «Москов. Вѣдом.»?

„*Россомаха*. Гнаться за россомахой и стараться изловить ее,—совершать погоню за какою нибудь мелькнувшею модною, теоретическою идеею".

„*Цензоръ*, который много вымарываетъ красными чернилами изъ рукописей,—означаетъ, что вы будете сожалѣть о томъ, что не подвергли какія нибудь свои мнѣнія благовременно цензурѣ здраваго смысла и благонамѣренности".

Въ заключеніе представляю читателямъ два особенные курьеза, найденные мною въ «Лексиконѣ сновидѣній». Первый изъ нихъ слѣдующій:

„*Геометрическая теорема: Пифагоровы штаны*, столь извѣстная всѣмъ школьникамъ, которую передъ вами разрѣшаетъ кто-то не довольно удачно, а вы на эту неудовлетворительность сердитесь. Наяву — пресмѣшная исторія, которая случится съ вами или съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ вамъ, совпадающая съ предметомъ принадложности туалета знаменитаго афинскаго геометра, но о которой въ печати не говорится иначе какъ въ знаменитыхъ романахъ блаженной памяти Поль-де-Кока“.

Другой курьезъ тоже недуренъ:

„*Изумрудъ.* Видѣть на одеждѣ своей изумруды, напоминающіе великолѣпный архалукъ того армянскаго Монте-Кристо, который недавно исчезъ съ горизонта петербургскаго фешона средней руки, чтобъ занять скромную келью въ Литовскомъ замкѣ, гдѣ имѣетъ время поразсудить о суетѣ суетъ міра сего, повидимому нелучшаго. Это сновидѣніе на яву проявляется встрѣчею съ какимъ нибудь мазурикомъ, еще не помѣщеннымъ въ пріютъ съ Монте-Кристо изъ Шуши“.

Вотъ, читатель, образчики обширной русской литературы, въ которой дѣльныя книги теряются, какъ капли въ морѣ. У этихъ книжонокъ есть большой кругъ читателей, ими ведется торговля въ весьма значительныхъ размѣрахъ, и многія подобныя творенія, какъ напр. «Физіологія брака« Дебе, или «Князь Серебрянный» графа Толстого, расходятся несравненно быстрѣе, чѣмъ напримѣръ «Міръ Растеній» Карла Мюллера, или даже Сочиненія Добролюбова. Другіе, какъ романы Лажечникова или «Рыцарь Гуакъ», выдерживаютъ по невѣроятному у насъ числу изданій. Принимая все это въ соображеніе, можно сказать, что подобныя изданія преобладаютъ въ нашей литературѣ; поэтому они вполнѣ заслуживаютъ, чтобы на нихъ обратить вниманіе. Войдите въ любой книжный магазинъ и вы увидите, что Бѣкль и Фогтъ изчезаютъ въ нихъ среди цѣлаго моря «Гуаковъ», «Князей Серебрянныхъ», «Супружескихъ Грамматикъ» и «Лексиконовъ Сновидѣній». Какова же должна быть публика, изощряющая свое остроуміе и эстетическое чувство на этихъ произведеніяхъ!

«По Сенькѣ шапка!» мой снисхоoительный читатель.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Іезуитская канонизація новой чудесной дѣвы—Маріи Маргариты Алакокъ. — Процессія въ честь ея въ Римѣ. — Новое столкновеніе между монсиньеромъ Меродомъ и начальникомъ французской арміи, оберегающей свѣтскую власть папы.—Походъ туринскаго правительства противъ мадзинистовъ.— Преобразованіе парижскаго университета.—Запрещеніе читать на лекціяхъ о Coup d'état второй имперіи. — *Офиціальное* торжество генерала Форе и *дѣйствительное* положеніе его въ Мексикѣ. — Взаимныя несогласія Австріи и Пруссіи по германскому вопросу.—Отношеніе пруссаковъ къ королевскому правительству.— Болтовня Джона Росселя, говоренная имъ на банкетѣ фермеровъ по поводу польскаго и мексиканскаго вопросовъ. — Японія отстрѣливается отъ европейской цивилизаціи. — Продолженіе американской войны. — Отвѣтъ президента Линкольна на письмо Гарибальди.—Ожиданіе скучающей буржуазіей рѣчи Людовика Наполеона и наше мнѣніе о ней.—Разные слухи о планахъ тюльерійскаго кабинета.—Открытіе законодательной палаты въ Парижѣ.

Въ Римѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, было общее собраніе членовъ святѣйшей конгрегаціи духовныхъ обрядовъ. Это общество приступило къ канонизаціи блаженной Маріи Маргариты Алакокъ, которая еще въ 1834 году предварительно была признана достойною чествованія. Эта новость вамъ кажется не довольно интересною? Знайте же, что она приводитъ въ восторгъ полтораста тысячъ католиковъ обоего пола. Всѣ визитандинки во Франціи, въ Баваріи, въ Италіи, въ Австріи

и въ Ирландіи, всѣ монахини ордена, учрежденнаго въ честь сердца Іисуса Христа, и всѣ ихъ воспитанницы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія этого великаго дня. Чтобы ускорить это торжество, онѣ израсходовали много денегъ. Съ давнихъ поръ уже онѣ посылали въ Римъ ефимки и векселя, съ тѣмъ чтобы воздвигнуты были алтари во имя чтимой ими сестры. Римское духовенство обѣщалось исполнить ихъ желаніе; но для этого требовались два чуда, безъ которыхъ, по каноническимъ законамъ, не можетъ быть совершена канонизація; а въ настоящій вѣкъ безвѣрія чудеса рѣдки. Ревностныя поклонницы означенной Маріи Маргариты Алакокъ утверждали, что качество можетъ быть вознаграждено количествомъ и что какъ бы то ни было, тысяча случаевъ излеченія ревматизма и глухоты стоютъ двухъ крупныхъ чудесъ, которыя никому не могутъ принести никакой пользы. Вслѣдствіе этого онѣ приводили множество примѣровъ чуднаго излеченія кашля и паралича этою святою особою. При всемъ томъ визитандинки и монахини ордена святаго сердца должны были израсходовать около милліона, чтобы достигнуть своей желанной цѣли. Наконецъ, требуемыя два чуда были найдены и признаны дѣйствительными. Поэтому Марія Маргарита Алакокъ теперь будетъ пользоваться, со стороны своихъ поклонницъ, почестями, воздаваемыми канонизированной чудесной дѣвѣ.

Но быть можетъ, вы спросите: кто эта Марія Маргарита Алакокъ? Она была Бургундка изъ окрестностей Autun. Всегда грязная, она пяти лѣтъ страдала золотухой, десяти лѣтъ чесоткой, пятнадцати ревматизмомъ, а восемьнадцати ракомъ. Двадцати лѣтъ она поступила послушницей въ монастырь, а двадцати пяти — была настоящею святою. Это — новая пророчица, которая открыла усовершенствованное служеніе Іисусу Христу. До нея, обыкновенно поклонялись сыну Божію, представляя его въ видѣ человѣка, роспятаго на крестѣ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день къ Маріѣ Маргаритѣ Алакокъ, въ монастырѣ Faray le Monial, лично является самъ Спаситель и велитъ ей проповѣдывать новое служеніе, —поклоненіе своему святому сердцу, которое онъ держитъ въ рукѣ, увеличенное втрое противъ обыкновеннаго. Благочестивая монахиня немедленно приступила къ исполненію даннаго ей порученія. Сначала она мало имѣла успѣха. Ея слушателямъ казалось страннымъ, что Іисусъ Христосъ держалъ свое собственное сердце въ рукѣ. Но, наконецъ, въ одномъ іезуитскомъ

монастырѣ нашелся исповѣдникъ, который оказался болѣе доступнымъ истинѣ. Это былъ преподобный отецъ La Colombière. Этотъ iезуитъ, выслушавъ Марiю Маргариту, сталъ содѣйствовать, сколько могъ, устраненiю встрѣченнаго ею недовѣрiя. Онъ разсказалъ эту трогательную исторiю визитандинкамъ Семюра. Эти монахини находили своихъ фарейскихъ сестеръ глупыми и въ одну пятницу, послѣ праздника тѣла господня, начали праздновать сердце Iисуса Христа. Алакокъ торжествовала. Руководимая Ла-Коломбiеромъ, она сдѣлалась смирною и въ 1686 году, въ одинъ прекрасный день, она имѣла удовольствiе видѣть свою общину на обѣднѣ, которая служилась въ честь сердца Христова. Она умерла четыре года спустя и потомъ довольно долгое время пользовалась скромною извѣстностью; но когда iезуиты учредили женскiй монашескiй орденъ во имя Святаго сердца, тогда Марiя Маргарита Алакокъ сдѣлалась весьма важнымъ персонажемъ. Апотеоза ея составляетъ торжество iезуитовъ, бывшихъ ея покровителей.

Въ продолженiи трехъ недѣль въ Римѣ совершалось множество процессiй въ честь *нерукотворнаго* образа Спасителя. Это Santo Volto считается палладiумомъ мiрской власти папъ. Церемонiи эти сопровождались манифестацiею въ пользу поляковъ

Важный вопросъ о томъ, простирается ли непогрѣшимость папы также и на медицину, теперь рѣшенъ косвеннымъ образомъ его святѣйшествомъ, которое недавно октроировало три диплома на званiе медиковъ тремъ молодымъ людямъ, не учившимся никакой наукѣ и не знающимъ ровно ничего, кромѣ развѣ искусства пользоваться протекцiею одного кардинала, хорошо принятаго при дворѣ. Это обстоятельство мелочное, но оно доказываетъ мягкосердiе святаго отца.

Потребовалось вмѣшательство этого старика, чтобы склонить экс-королеву Неаполя возвратиться изъ Мюнхена. Теперь она умираетъ отъ скуки въ обществѣ своего супруга. Ей запрещаются всѣ удовольствiя; не дозволяется ни гулять въ Пинчiо, ни посѣщать театръ, ни ѣздить верхомъ. Верховая ѣзда ей запрещена во избѣжанiе какого нибудь несчастнаго случая. Впрочемъ, она все таки ѣздитъ верхомъ, но тайкомъ и для этого отправляется въ манежъ дворца Памфили Дорiа (ѣздить верхомъ она должна, во что бы то ни стало: всѣ баварскiя принцессы воспитаны, какъ мальчики). Не смотря, однакожъ, на всѣ принятыя ею предосторожности, все таки злые языки не оставляютъ ее безъ преслѣдованiя. Ничего нѣтъ удивительнаго, что она желаетъ раз-

сѣяться въ Парижѣ и освободиться отъ убійственной атмосферы Квиринала. Другіе говорятъ, что слухъ объ ея путешествіи ко двору его величества Людовика Наполеона III распространенъ французскимъ посольствомъ. Кто тутъ разберетъ истину?

Въ Виковарѣ какой-то Донъ Конгролли увѣрялъ, что въ мадонну, которая виситъ въ его ризницѣ, вошла чудотворная сила. Къ несчастію, эта ризница находится на территоріи Виктора Эммануила, территоріи проклятой и потому весьма скупой на чудеса. Гражданское начальство отправило къ неразумному падеру экспертовъ для изслѣдованія такого необыкновеннаго явленія, но чудо при нихъ не совершилось и коммисары ничего не могли внести въ свое слѣдственное дѣло. Донъ Конгролли выпутался изъ бѣды, какъ могъ, слагая всю вину на нѣкоторыхъ легковѣрныхъ старухъ.

Недавно возобновилось столкновеніе между монсиньоромъ Меродомъ и начальникомъ французской арміи въ Римѣ, г. Монтебелло. Вотъ какъ происходило дѣло:

На неаполитанской границѣ находится сѣрый ключъ, излечивающій болѣзни кожи. До сихъ поръ никто не зналъ, находится ли этотъ ключъ въ Итальянскомъ королевствѣ, или въ Папскихъ владѣніяхъ. Какъ бы то ни было, и съ той и съ другой стороны это мѣсто посѣщается больными. Одинъ маіоръ берсагліеровъ также приходилъ сюда купаться съ двумя товарищами, не предполагая, что въ этомъ можетъ быть что нибудь дурное. Но въ одинъ прекрасный день, когда онъ только-что выходилъ изъ воды, мимо ушей его просвистала пуля, потомъ другая, затѣмъ третья. Это было привѣтствіе, посланное тремъ купающимся во имя святаго отца. Берсагліеры отвѣтили тѣмъ же. Одинъ французскій маіоръ, узнавъ объ этомъ происшествіи, немедленно отправился изслѣдовать мѣстность и нашелъ, что здѣсь не могло быть никакого нарушенія границъ, такъ какъ источникъ протекаетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится межевая черта между обоими государствами. Притомъ, еслибъ и было такое нарушеніе, все таки нападеніе, совершенное папскими солдатами, ничѣмъ не можетъ быть оправдано, такъ какъ берсагліеры занимались дѣломъ весьма мирнымъ. Вслѣдствіе этого г. Монтебелло велѣлъ изъявить піемонтскому маіору свое сожалѣніе по поводу этого происшествія и обѣщался уничтожить постъ римскихъ жандармовъ, откуда произведены были выстрѣлы, и наказать виновныхъ. По его распоряженію, одинъ изъ этихъ жандармовъ былъ арестованъ и пре-

данъ военному суду. Но едва обвиненный былъ посаженъ въ тюрьму, какъ вслѣдъ затѣмъ его освободили и спрятали неизвѣстно куда, по нарочному приказанію монсиньора кардинала Мерода. Монтебелло былъ возмущенъ такимъ дѣйствіемъ и объявилъ въ одномъ приказѣ, отъ 22 сентября, что «долгъ чести требуетъ отъ него предать этотъ поступокъ публичному *позору* и устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ такому преступленію».

Не помню, говорилъ ли я вамъ въ одной изъ своихъ прежнихъ корреспонденцій, что римскій національный комитетъ управлялся изъ Турина *консортеріею*, во главѣ которой находился Лафарина, недавно умершій. Это былъ человѣкъ жалкій, котораго имя перейдетъ въ потомство, не какъ имя бывшаго вицепрезидента палаты депутатовъ, но какъ имя личнаго врага Гарибальди. Этотъ soi-disant національный комитетъ избралъ цѣлью не разрушить мірскую власть папы, о которой онъ мало заботился, но лишить вліянія комитетъ дѣйствія, составленный изъ республиканцевъ, воодушевленныхъ Гарибальди и Мадзини. Онъ рѣшился освободиться отъ непріятныхъ для себя соперниковъ и въ одну прекрасную ночь приверженцы Лафарины, съ своими агентами, овладѣли домомъ, въ которомъ комитетъ дѣйствія печаталъ Roma o Morte, республиканскую газету, издававшуюся въ видѣ оппозиціи ихъ конституціонному органу, La Cronaca Romana. Мадзинистовъ связали и болѣе или менѣе поколотили, ихъ типографскіе станки разбили, а шрифтъ унесли. Это была казнь, произведенная умѣренными либералами надъ крайними. Представьте, какой скандалъ произвело это нелѣпое нарушеніе права мысли и слова, совершенное людьми, которые должны скрываться отъ правительства, противъ людей, преслѣдуемыхъ полиціей! И все это дѣлалось для выгоды общаго непріятеля! Это была Аспромонская битва, въ миніатюрѣ.

На эту забавную исторію нѣкоторые ссылаются въ подтвержденіе распространяющейся молвы, что италіянское правительство готовитъ новый походъ противъ папы-короля. Говорятъ, что это правительство не хочетъ ни пріобрѣсти помощи, ни встрѣтить стѣсненія со стороны такихъ друзей, которыхъ оно не желаетъ имѣть. Однакожъ, если дѣйствовать такъ неловко, то ужъ лучше не быть свободнымъ въ своихъ поступкахъ. Началомъ непріязненныхъ дѣйствій считалось высылка изъ Неаполя папскаго консула, замѣшаннаго въ дѣлѣ о подложныхъ паспортахъ, выданныхъ разбойникамъ, — въ дѣлѣ, со-

вершенно ничтожномъ, не правда ли? Въ отмщеніе за это, римское правительство изгнало изъ Рима италіянскаго консула, на что туринскій кабинетъ отвѣтилъ удаленіемъ всѣхъ папскихъ консуловъ, исправлявшихъ свою должность въ италіянскомъ королевствѣ.

Въ одно время съ этой демонстраціею противъ папы, Викторъ Эммануилъ произвелъ другую противъ своихъ друзей и враговъ, въ особенности противъ Франціи, которую онъ хочетъ отвлечь отъ союза съ Австріею, выставляя на показъ свои огромныя войска, готовыя дѣйствовать противъ всякихъ непріятелей и противъ занимающихъ Венецію, и даже противъ занимающихъ Римъ. Мы говоримъ о смотрѣ, произведенномъ близь Суммы, въ обширной равнинѣ Галлараты, между Миланомъ и озеромъ Комо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1850 году расположены были австрійцы во время своего вторженія въ Піемонтъ. Эта равнина окружена прелестными селами; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ историческія имена, внесенныя въ военныя лѣтописи французской республики и новаго италіянскаго королевства. И здѣсь-то, во время смотра, триста шесть пушекъ, составлявшихъ пятьдесятъ одну баттарею, извергали пламя и дымъ, какъ на войнѣ. Огромнѣйшая толпа зрителей сбѣжалась сюда со всѣхъ концовъ сѣверной Италіи. Этотъ порохъ и этотъ дымъ многимъ вскружили головы. Gazetta dei Popolo, органъ министерскій, тѣмъ болѣе уважающій матеріальную силу, чѣмъ менѣе онъ привязанъ къ свободѣ, отличался своимъ воинственнымъ воодушевленіемъ. Вотъ что говорится въ этой газетѣ:

«Триста шесть пушекъ!

«Семьсотъ шестьдесятъ девять повозокъ!

«Пять тысячъ шестьсотъ сорокъ восемь артиллеристовъ!

«О италіянцы, произнеся эти слова, не чувствуете ли вы, какъ расширяются ваши легкія и какъ въ нихъ проникаетъ дуновеніе здоровья и радости, заставляющее васъ воскликнуть: Да здравствуетъ италіянское королевство!

«Итакъ, впередъ!

«Не забудемъ, что мы должны не только защищаться и говорить своимъ врагамъ: «Приходите, мы васъ ждемъ!» но должны сказать имъ: «Возвратите намъ то, что намъ принадлежитъ, или мы отымемъ это силой!»

Не одна Gazetta del Popolo говоритъ такимъ образомъ; Stampa

замѣтила очень хорошо: «Италія не имѣетъ другой дипломатіи, кромѣ своего войска!»

И такъ, смотръ, произведенный близъ Соммы, есть угроза Австріи и бывшей союзницѣ при Сольферино, въ отношеніи къ которой Италія принимаетъ теперь положеніе, какъ нельзя болѣе натуральное, положеніе угрожающаго друга.

Прежде, чѣмъ оставимъ Италію, упомянемъ о распространяющемся нелѣпомъ слухѣ, будто Викторъ Эммануилъ, ненавидящій Неаполь и неаполитанцевъ, которыхъ онъ покорилъ не самъ, а получилъ отъ Гарибальди, хочетъ отдѣлить обѣ Сициліи и сдѣлать изъ нихъ вице-королевство, или даже королевство, подъ управленіемъ своего сына, принца Гумберта.

О Франціи сказать что нибудь новое очень трудно. Имперія становится ветхою. Никогда она не была любима сама по себѣ, и какъ скоро она не дѣлаетъ ничего и повидимому намѣрена почивать на лаврахъ, то ее находятъ скучною. Наши буржуа чувствуютъ потребность въ явленіяхъ, которыя бы ихъ возбуждали и развлекали. Они не могутъ хорошо переварить свой обѣдъ, если что нибудь не шевелитъ ихъ умъ и сердце: какая нибудь кровавая битва, какой нибудь великодушный подвигъ, или какое нибудь черное преступленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ; они должны, по крайней мѣрѣ, видѣть нападки на происки католическаго духовенства или слышать критику распоряженій правительства. Но всего этого они вообще лишены въ настоящее время; они не получаютъ болѣе своей насущной порціи душевнаго волненія. Чашка кофе уже не имѣетъ для нихъ того пріятнаго вкуса, какъ прежде; они менѣе хорошо переваривают свой обѣдъ и поэтому большею частію бываютъ не въ духѣ. Вообще они полагаютъ, что если дѣла идутъ плохо, то въ этомъ виноватъ Людовикъ Наполеонъ.

Его величеству благоугодно было украсить титуломъ герцога господина Персиньи, человѣка, который, прежде чѣмъ совершилось декабрьское coup d'état, назывался просто M-r Фіаленъ. Послѣ Морни, это второй гражданскій герцогъ, котораго намъ октроируетъ демократическая имперія. Опасались, что нашъ бѣдный бюджетъ черезъчуръ будетъ обремененъ назначеніемъ господину Персиньи особаго дохода, какой назначался господину Малахову; но когда мы узнали, что новый герцогъ ничего не будетъ намъ стоить, мы очень обрадовались чести, которой онъ удостоился въ утѣшеніе за неудачу,

испытанную имъ во время послѣдняго избирательнаго похода. Его преемникъ, г. Будé, менѣе занимателенъ, чѣмъ онъ, и даже не болѣе либераленъ. Журналы, по прежнему, подвергаются предостереженіямъ и принуждены объявить, «что они не имѣютъ и впредь не будутъ имѣть своего собственнаго мнѣнія». Земледѣльческому комитету въ Лиллѣ запрещено пригласить на свои совѣщанія бельгійскихъ сельскихъ хозяевъ для взаимнаго обсужденія вопроса о масличныхъ растеніяхъ. Трудно угадать, какая могла быть причина такого запрещенія.

На счетъ господина Будé, министра настоящаго времени, насъ долженъ утѣшить г. Дюрюи, министръ будущности. Этотъ господинъ, приглашенный императоромъ въ его кабинетъ, съ тѣмъ чтобы поработать за знаменитымъ сочиненіемъ: «Жизнь Юлія Цезаря», отличается либерализмомъ, который приводитъ въ восторгъ всѣхъ людей, имѣющихъ претензію на званіе либерала. Своимъ либерализмомъ онъ производитъ гораздо болѣе шума, чѣмъ десять другихъ министровъ могли бы произвести своими стремленіями къ распространенію деспотизма. Въ настоящую минуту, онъ, сколько можетъ, передѣлываетъ университетъ Франціи, стараясь очистить его отъ сора, наметаннаго Фортулемъ по окончаніи декабрьскаго coup d'état. Чтобы освободить это заведеніе отъ господства католическаго духовенства, много потребно труда. Для этого нужно уничтожить водворившуюся въ университетѣ инерцію и возстановить его великую нравственную пружину, изломанную въ мелкіе куски въ продолженіе печальныхъ годовъ, слѣдовавшихъ за 1851-мъ. Надо принять также въ соображеніе ненависть, обнаруживаемую къ подобнымъ преобразованіямъ всѣми знатными лицами, всѣми этими толстыми сановниками, развращенными до мозга костей, а также, что еще важнѣе, убѣжденіе, вкоренившееся въ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ людяхъ, переживших столько бѣдствій, убѣжденіе, что ни одно серьезное преобразованіе невозможно при существованіи имперіи. Согласимся, однакожъ, что, какъ бы то ни было, министръ, повидимому, дѣлаетъ все, что можетъ, для уничтоженія ученой апатіи, противопоставляемой ему бюрократами его вѣдомства, которые полагаютъ, что они лучше его постигли сокровенную мысль императора Бонапарта. Господинъ Дюрюи возстановилъ изученіе философіи во французскихъ коллегіумахъ, такъ какъ въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ запрещалось говорить нашему юношеству о добродѣтели, о свободѣ,

о мысли и о нравственности; человѣческая душа была просто на просто вычеркнута изъ списка преподаваемыхъ предметовъ, декретомъ великаго главы университета. Господинъ Дюрюи уничтожилъ нелѣпое *раздвоеніе*, имѣвшее, повидимому, цѣлью поставить нашихъ лиценціатовъ въ уровень съ самыми вульгарными торгашами и commis voyageurs. Онъ издалъ множество циркуляровъ въ пользу наставниковъ и наставницъ, стараясь возвысить ихъ содержаніе; кромѣ того, онъ хлопочетъ объ учрежденіи ремесленныхъ школъ, хотя и принимается за это дѣло, какъ намъ кажется, не совсѣмъ ловко. Одно изъ его изобрѣтеній, которое впрочемъ весьма мало находитъ сочувствія, есть введеніе въ нашихъ лицеяхъ изученія современной исторіи. Г. министръ говоритъ, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что исторія заключаетъ въ себѣ какую-то примирительную силу; онъ поэтому полагаетъ, что таково будетъ дѣйствіе изученія этого предмета, съ которымъ теперь познакомятся наши юноши въ будущихъ философскихъ классахъ.

Исторія успокоиваетъ умы—такъ; но политика раздражаетъ. Предѣломъ исторіи, въ собственномъ смыслѣ, служитъ современная генерація; политика начинается тамъ, гдѣ оканчивается исторія. Время еще не произнесло своего приговора надъ современными событіями; поэтому они остаются темными для самихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя, большею частію, не знаютъ, что дѣлаютъ, и идутъ по направленію, противуположному ихъ собственной цѣли. Впрочемъ, никто изъ насъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Каждый современный вопросъ—дилемма, каждый человѣкъ для насъ загадка, исходъ каждаго начатаго предпріятія — проблема, если не тайна. А между тѣмъ, нѣкоторымъ чиновникамъ, состоящимъ на жалованьи государства, хотятъ дать порученіе раскрыть секреты этого сфинкса.

Да, исторія успокоиваетъ умы, потому что она удаляетъ вниманіе ихъ отъ современныхъ событій и потому что дѣйствія въ ней являются уже тогда, когда дѣйствующія лица сошли со сцены. Пока факты не обнаружили еще всѣхъ своихъ послѣдствій и пока еще открыты вопросы, которые могутъ быть рѣшены на тысячу ладовъ, до тѣхъ поръ дѣйствія правительства составляютъ предметъ полемики и неизвѣстности и если войдутъ въ курсъ исторіи, то должны нарушить ея спокойствіе и уничтожить ея безпристрастіе. Университетъ въ такомъ случаѣ представляетъ правительство, преподающее свою собственную исторію, правительство, которое столько же можетъ

быть безпристрастнымъ преподавателемъ этого предмета, какъ и безпристрастнымъ избирателемъ. Исторія тогда превращается въ апологію правительственныхъ дѣйствій и по этому самому перестаетъ быть исторіей.

Такимъ образомъ, тотчасъ же было замѣчено, что г. министръ въ своей программѣ даже и не упоминаетъ о декабрьскомъ coup d'état. Нельзя сказать, чтобъ онъ не входилъ въ подробности. Онъ говоритъ объ обществѣ, окружающемъ императорскаго принца, о быстромъ и опасномъ (sic) развитіи американской униі, о мексиканской экспедиціи, о взятіи Пуеблы и занятіи Мексики. Онъ упоминаетъ о страшныхъ іюньскихъ дняхъ, но обходитъ молчаніемъ декабрьскія убійства. Какимъ образомъ, г. министръ, вы прикажете преподавать исторію 1848 года и запретите говорить о присягѣ, данной новой республикѣ новымъ ея президентомъ? Что скажетъ несчастный преподаватель, состоящій на жалованьѣ правительства, объ измѣнническої экспедиціи, предпринятой въ Римъ, а когда онъ дойдетъ до страшной ночи, къ которой безпрестанно обращаются наши умы, какъ разскажетъ онъ о двадцати милліонахъ, похищенныхъ у банка для раздачи Маньянамъ, Арно, Канроберамъ и Эспинассамъ, о цѣлыхъ тучахъ галерныхъ смотрителей и полицейскихъ шпіоновъ, внезапно появившихся на улицахъ Парижа, и о людяхъ, захваченныхъ среди глубокой ночи въ постели и отведенныхъ въ оковахъ въ казематы, а потомъ отправленныхъ въ смертоносныя болота Кайенны или въ жгучіе пески Ламбессы, или брошенныхъ на произволъ судьбы среди улицъ Лондона? Какъ разскажетъ онъ о восьмидесяти тысячахъ жертвъ этого злодѣйскаго замысла, раззоренныхъ, изгнанныхъ, разсѣянныхъ въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Соединенныхъ штатахъ, въ Бразиліи, въ Индіи, по всему свѣту? Этотъ несчастный чиновникъ университета, будетъ-ли онъ имѣть право говорить: «Я видѣлъ собственными глазами въ Бержерѣ груды труповъ, и подъ ними цѣлые потоки крови, видѣлъ офицера, скакавшаго на лошади, на копытахъ которой находились слѣды человѣческаго мозга и клочекъ приставшихъ къ нимъ сѣдыхъ волосъ.» Какимъ образомъ, напримѣръ, профессоръ нимскаго коллегіума скажетъ своимъ слушателямъ: «любезные дѣти, нашъ префектъ, тотъ самый, который завтра будетъ инспектировать насъ, направлялъ заряженную пушку на дверь слѣпой восьмидесятилѣтней старухи, госпожи Араго, и ея больной дочери, госпожи Лангль. Онъ ночью охотился за людьми и толпою

отправилъ ихъ, скованныхъ, въ темницы перепиньянской префектуры, самъ галопируя возлѣ, со связкою ключей отъ ихъ оковъ.» Что разскажутъ профессора Вара, Ніевра, верхней Саоны и Саоны и Лоары; что будутъ говорить по всей Франціи? Обо всемъ этомъ, конечно, не скажутъ ни слова, но въ такомъ случаѣ, какой же это будетъ курсъ исторіи?

За то г. министръ представляетъ намъ длинный списокъ благодѣяній, оказанныхъ имперіею, и между прочимъ объявляетъ, что соціализмъ, побѣжденный силою, окончательно уничтоженъ настойчивыми трудами его величества, для удовлетворенія всеобщихъ нуждъ страны и въ пользу народныхъ интересовъ. Пусть же въ такомъ случаѣ намотаютъ себѣ на усъ, что такъ какъ соціализмъ убитъ и похороненъ, то незачѣмъ искать его въ Пуеблѣ и въ Мексикѣ и каждый день хвастаться новыми побѣдами, одержанными надъ этимъ страшилищемъ!

Это о политикѣ внутренней. Что же касается внѣшней политики, то наше правительство, само собою разумѣется, сильно занималось польскимъ вопросомъ Оно постаралось сложить на Англію позоръ пораженія, нанесеннаго княземъ Горчаковымъ тремъ державамъ, дѣлавшимъ по этому предмету представленія петербургскому кабинету.

Наконецъ, нѣсколько утихла тревога, возбужденная въ прошломъ мѣсяцѣ слухами о раздорѣ между кабинетами тюльерійскимъ и вѣнскимъ по поводу подземныхъ интригъ послѣдняго на франкфуртскомъ конгрессѣ и о проэктѣ австрійскаго правительства касательно заключенія Sonderbunda съ королями баварскимъ, виртембергскимъ, саксонскимъ и ганноверскимъ,—слухами о продѣлкахъ, о которыхъ будто бы дано было знать императору Наполеону Бонапарту прусскимъ посланникомъ Гольцемъ. Нѣкоторые даже поговаривали о союзѣ съ Россіею противъ Австріи и Англіи, словомъ, много было пищи для воображенія.

Предположенія близкой войны между Франціею и Соединенными штатами сдѣлались менѣе вѣроятными, вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ федералистами. Надо полагать, что Форе отсрочитъ признаніе южной конфедераціи. Однакожъ, Слайдель, агентъ Джефферсона Дэвиса, постоянно бывалъ въ гостяхъ у его величества въ Виши, въ Фонтенбло, въ Біаррицѣ. Между тѣмъ приготовляется огромный заемъ въ пять сотъ милліоновъ, который Франція намѣрена гарантировать своимъ бюджетомъ, а эта гарантія, въ свою очередь, го-

ворятъ, обезпечивается временнымъ занятіемъ (вѣроятно такимъ же, какъ и занятіе Рима) самыхъ богатыхъ рудниками земель нижней Калифорніи. Уже черезъ чуръ усердные друзья увѣдомляютъ насъ, что въ Санъ-Франциско готовится движеніе съ цѣлью отдѣлить штатъ Калифорнію отъ Уніи и присоединить его къ Франціи. Наши офиціальные журналы разсматриваютъ вопросъ объ уступкѣ Джефферсономъ Дэвисомъ императору Наполеону Бонапарту огромной территоріи Техаса и о займѣ ста милліоновъ, обезпечиваемомъ будущими урожаями хлопка. Пишутъ также, что его величество покупаетъ два корсарскихъ судна господина Лэрда, на которыя англійское правительство наложило амбарго. Но вотъ, что еще лучше: въ одной офиціальной нотѣ газета «Монитёръ» старается доказать, что «пароходъ Флорида, находящійся въ настоящую минуту въ Брестѣ, для починокъ, вовсе не корсарское судно, какъ полагали сначала, но составляетъ часть военнаго флота южной конфедеренціи», что «офицеры его имѣютъ правильныя опредѣленныя порученія» и что «вообще онъ представляетъ характеръ обыкновеннаго военнаго корабля». (!) Намъ кажется страннымъ только одно: почему военный пароходъ, нападающій исключительно на купеческія суда, не называется просто корсарскимъ кораблемъ?

Эта нота, безъ всякаго сомнѣнія, была написана съ цѣлью уничтожить запрещенія, наложенныя на Флориду въ самыхъ верфяхъ государства стараніями французскихъ негоціантовъ, которыхъ это судно ограбило и раззорило. Она произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи, гдѣ уже полагали, что за нею немедленно послѣдуетъ признаніе конфедеральныхъ штатовъ.

Что касается до насъ, то мы нисколько не удивляемся, что это признаніе, которое послужило бы сигналомъ страшной войны, долго заставляетъ себя ждать. Лордъ-Дёндрери, герой комедіи, пользующейся огромною популярностью въ Англіи, замѣтилъ очень хорошо: «One may be a little nervous, when he is about to make a fool of himself» *).

Пока императоръ Наполеонъ Бонапартъ медлитъ, дѣла Мексики нисколько не подвигаются впередъ. Хуаресъ, про котораго официаль-

*) Не совсѣмъ тотъ чувствуетъ себя здоровымъ, кто намѣренъ сдѣлать глупость.

ные корреспонденты Монитёра пишутъ, что онъ оставленъ всѣми и преслѣдуется угрызеніями совѣсти и приговоромъ общественнаго мнѣнія, Хуаресъ все еще крѣпко держится въ Санъ-Люисъ де-Потози. Всѣ округи, которые не заняты французскими войсками, остаются вѣрными конституціи. Правда, что національная армія разрушена и разсѣяна и что даже кадры ея не существуютъ. Однакожъ, всѣ американскія правительства признаютъ Хуареса законнымъ представителемъ Мексики. Южныя республики отправили къ нему депутатовъ съ тѣмъ, чтобы условиться относительно заключенія всеобщаго союза противъ воинственныхъ замысловъ Франціи. Федеральное правительство получило приглашеніе также послать на эти совѣщанія своего предстявителя. Даже въ Бразиліи, въ этомъ рабовладѣльческомъ государствѣ, произошло движеніе, имѣющее ту же цѣль. Единственный замѣчательный успѣхъ, одержанный похитителями послѣ взятія Мексики, есть присоединеніе къ нимъ генерала Мирамона, который послѣ нѣсколькихъ свиданій съ маршаломъ Форе добровольно написалъ къ нему письмо, исполненное *благородства* и *откровенности*, гдѣ онъ объявляетъ что вполнѣ соглашается съ предложеніями высшихъ сановниковъ и признаетъ императоромъ Мексики Фердинанда Максимиліана австрійскаго. Это тотъ самый Мирамонъ, который, какъ извѣстно, принадлежалъ къ партіи духовенства и, бывши президентомъ, укралъ три милліона франковъ, разломавъ печать англійскаго посольства;—тотъ самый, который при началѣ экспедиціи хотѣлъ поступить на службу французскаго генерала, но былъ схваченъ въ Вера-Круцѣ, по приказанію англійскаго посланника, и отправленъ въ Вавану.

Мы говорили, что нѣтъ болѣе регулярной мексиканской арміи; но за то есть гверилласы, которые сильно тревожатъ французскихъ солдатъ. Контрагверилласы, учрежденные маршаломъ Форе, также безпокоятъ французовъ; они смѣло грабятъ конвои, идущіе съ съѣстными припасами и деньгами, и которыхъ они должны эскортировать. Не смотря на ежедневныя подкрѣпленія, получаемыя главнокомандующимъ, онъ еще не осмѣливается вступить во внутренность страны. У него поэтому много свободнаго времени, которое онъ употребляетъ на сочиненіе рапортовъ, на предсѣдательствованіе въ благотворительныхъ обществахъ и на секретное разстрѣливаніе политическихъ преступниковъ, какъ говоритъ объ этомъ Добладо, бѣжавшій сначала отъ Хуареса, а потомъ отъ Форе. Нашъ маршалъ

Франціи предлагаетъ мексиканскимъ дамамъ банкетъ и готовитъ балъ для дѣтей. Онъ намѣренъ выступить въ походъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, если вѣрить его письму, написанному казарменнымъ слогомъ. Почти столько же любопытна записка, сочиненная нѣкоторыми сановниками съ цѣлью предложить мексиканскую корону эрцгерцогу Максимиліану. Мы узнаёмъ изъ этого документа, что эта несчастная страна обязана своими безпорядками соціалистамъ, или, если угодно, краснымъ республиканцамъ и въ особенности гнуснымъ франкмасонамъ шотландской и іорской секты (неловкіе авторы забыли, что эрцгерцогъ самъ одинъ изъ главныхъ сановниковъ этого ненавистнаго учрежденія). Къ числу достоинствъ, дающихъ Максимиліану право на мексиканскую корону, эти льстецы относятъ многочисленныя путешествія этого принца и въ особенности любовь, которую онъ въ качествѣ короля ломбардо-венеціянскаго будто бы съумѣлъ внушить къ себѣ итальянцамъ,

Этотъ прелестный документъ вложенъ былъ въ пустой скипетръ, который особые депутаты должны были поднести путешественнику, столько любимому италіянцами. Эрцгерцогъ, повидимому, какъ нельзя болѣе, расположенъ былъ принять эту императорскую корону, которая составляетъ самую драгоцѣнную его мечту. Онъ желаетъ лучше быть первымъ въ Мексикѣ, чѣмъ вторымъ въ Вѣнѣ. Но онъ встрѣтилъ во всей австрійской прессѣ противодѣйствіе такое смѣлое и такое упорное, а въ своемъ августѣйшемъ братѣ неудовольствіе, формулированное столь котегорически, что онъ не осмѣлися сдѣлать этотъ шагъ и отвѣчалъ на предложеніе мексиканскихъ сановниковъ согласіемъ, которое можетъ быть принято за вѣжливый отказъ. Онъ сказалъ, что приметъ корону только въ томъ случаѣ, когда она ему предложена будетъ вслѣдствіе *свободно* выраженнаго желанія всего народа, вотирующаго лично, а не чрезъ посредство нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. (Въ скобкахъ будь сказано, весьма странно слышать габсбургца, дѣлающаго изъ всеобщей подачи голосовъ conditio sine qua non принятія трона). Эрцгерцогъ затѣмъ требуетъ «гарантій, необходимыхъ для предохраненія новой имперіи отъ опасностей, угрожающихъ ея цѣлости и независимости.» Но какимъ образомъ обезпечить независимость и цѣлость мексиканской монархіи? Эта монархія очевидно возбудитъ къ себѣ въ соединенныхъ штатахъ только весьма умѣренную симпатію и надо предвидѣть минуту, быть можетъ очень близкую, когда великая американская республика захочетъ

освободить Мексику отъ правленія, которое она назоветъ монархическимъ гнетомъ, подобно тому, какъ мы называемъ правленіе Хуареса гнетомъ республиканскимъ.

Средство противъ этой опасности очевидно представляется въ коллективной гарантіи державъ. Но гарантія всѣхъ не составляетъ гарантіи, потому что она всякому изъ гарантировавшихъ даетъ возможность уклоняться отъ принятыхъ на себя обязанностей и въ этомъ отношеніи ссылаться на другихъ. Въ такомъ случаѣ, Франція одна вслѣдствіе требованій чести, должна будетъ защищать эту новую имперію. Но тогда остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ о независимости. Отношеніе между побѣдителемъ и народомъ побѣжденнымъ называется иногда протекторствомъ со стороны перваго, и большею частію рабствомъ со стороны послѣдняго; но никогда побѣжденный въ отношеніи къ своему побѣдителю не бываетъ независимымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, новый императоръ не захочетъ принять такого расположенія. Поэтому надо полагать, что программа эрцгерцога Максимиліана, если она и серіозна, не можетъ быть исполнена и что его мнимое согласіе равняется рѣшительному, окончательному отказу.

Чтобъ Мексика, это драгоцѣнное украшеніе короны Карла V, снова возвратилась къ его семейству— вотъ проэктъ весьма соблазнительный для габсбурговъ, но къ осуществленію котораго они, какъ видно, не рѣшаются приступить. Другой же планъ, относительно возвращенія короны Германской имперіи, еще недавно казался удобоисполнимымъ. По видимому, стоило только протянуть руку за этимъ сокровищемъ и произнесть одно магическое слово, единственно одно слово: но какое? Австрійскій императоръ не съумѣлъ произнести этого слова; народный энтузіазмъ разсѣялся, какъ дымъ, и прелестные проэкты Франца Іосифа разрушились самымъ жалкимъ образомъ. То, что недавно казалось вѣроятнымъ, теперь представляется возможнымъ только въ отдаленномъ будущемъ и вскорѣ сдѣлается совершенно невѣроятнымъ. Вотъ что значитъ упустить удобный случай. Fugit, fugit irreparabile tempus!

Выдумка эксъ-демократа Юліуса Фределя (который, прежде чѣмъ сдѣлался вдохновителемъ его величества, едва не былъ повѣшанъ въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ Робертомъ Блумомъ) через-чуръ измѣнялась господиномъ Шмерлингомъ, через-чуръ переработывалась господиномъ Рехбергомъ, через-чуръ исправлялась герцогомъ Саксен-Ко-

бургскимъ и его докторомъ Франке и черезъ-чуръ передѣлывалась молодымъ императоромъ. При каждомъ такомъ измѣненіи она теряла частицу своего демократическаго характера и наконецъ сдѣлалась достаточно хорошею для того, чтобы быть принятою конгресомъ государей, но нисколько не заманчивою для ихъ народовъ. Чѣмъ значительнѣе рыба, которую хотятъ поймать, тѣмъ значительнѣе должна быть и наживка, накалываемая на удочку. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ огромный промахъ: кусокъ мяса замѣненъ былъ червякомъ, червякъ — мухой и наконецъ вмѣсто наживки употреблена мошка, которая нисколько не покрывала собою заощренныхъ концовъ крючка. Рыба увидѣла мѣдную удочку, закинутую на ея погибель, и нисколько не соблазняясь выброшенною приманкою, поплыла далѣе.

Францъ Іосифъ, отличающійся терпѣніемъ, не покидаетъ своего плана и теперь сидитъ на берегу Дуная, поджидая рыбъ, которыя, однакожъ, уже болѣе не являются. Чѣмъ болѣе Германія вникаетъ въ проэктъ предложенной федеральной реформы, тѣмъ менѣе онъ ей правится. Пруссія, которую слѣдовало бы склонить на свою сторону, во что бы то ни стало, отдѣливъ ее отъ несчастнаго Гогенцоллерна, до того возненавидѣла эту идею, что Бисмаркъ считалъ возможнымъ возвратить себѣ популярность, являясь рѣшительнымъ врагомъ предложеній, сдѣланныхъ Австріею на франкурскомъ конгресѣ. Этотъ министръ, говоря съ представителемъ одного изъ государей, засѣдавшихъ во Франкфуртѣ, имѣлъ даже смѣлость назвать этотъ конгресъ «преступнымъ шарлатанствомъ». Онъ приказалъ приступить къ избранію новой палаты и назначилъ лозунгомъ: довѣріе къ прусскому правительству, которое должно уничтожить австрійскія затѣи. Его рапортъ къ королю, гдѣ онъ мотивируетъ рзспущеніе прежней палаты, въ принципѣ уже рѣшенное еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, весь направленъ противъ Австріи и ея союзниковъ. Франкфуртскій проэктъ въ немъ представляется посягательствомъ на право Пруссіи. Вызывая вдругъ воспоминаніе объ Ольмюцѣ, столько же прискорбное для прусскаго патріота, сколько для французскаго прискорбно воспоминаніе Ватерлоо, призидентъ совѣта надѣялся со дня на день произвести переворотъ въ общественномъ мнѣніи и склонить избирателей къ замѣнѣ господъ Шульце-Делича, Гнейста и Вирхова людьми, подобными Герлаху, Вагнеру и Браншицу, къ замѣнѣ авангарда прогресса аріергардомъ отсталаго феодализма. Это было со стороны Бисмарка поступкомъ *дерз-*

кимъ. Извѣстно, что прусскій народъ отличается пассивною энергіею, которая иногда доходитъ до крайняго упрямства, и вотъ къ этому-то народу, недовольному и обманутому, министръ обращается съ простыми словами: «возненавидимъ Австрію». Онъ полагалъ, что этихъ словъ будетъ достаточно для пріобрѣтенія любви и довѣрія гражданъ. Само собою разумѣется, что прусскіе либералы вовсе и не думали принять лозунгъ, который съ такою самоувѣренностью предложенъ былъ Бисмаркомъ. Австрійскій проэктъ, говорили они, осуществимъ только въ неизвѣстной будущности, тогда какъ теперь мы имѣемъ дѣло съ живымъ человѣкомъ. Освободимся напередъ отъ этого Бисмарка, а потомъ дойдетъ очередь и до призрака, созданнаго Австріею.

Случилось то, что ожидалъ всякій и чего не предвидѣлъ только министръ: ни одна партія, даже партія ультра-монтанскихъ католиковъ, не согласилась идти по пути, указанному правительствомъ на избирательной почвѣ. Никто не хотѣлъ оставить вопросъ внутренній ради вопроса внѣшняго, и забыть о нарушеніи конституціи ради проэкта федеральной реформы. Публика толпою пристала къ программѣ либераловъ, которая резюмируется въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

1) Свобода прессы и отмѣна декрета 1-го іюня.

2) Законъ, утверждающій отвѣтственность министровъ.

3) Признаніе за палатой депутатовъ права установлять бюджетъ.

4) Реформа палаты господъ.

5) Устройство арміи на популярныхъ началахъ. (Отнятіе у дворянъ исключительнаго права на званіе офицеровъ. Сохраненіе ландвера и двухгодичнаго срока службы).

6) Парламентъ германскій, непосредственно избираемый народомъ.

Вездѣ поговариваютъ о необходимости отправить въ палату людей дѣйствія, радикаловъ, на мѣсто выбывающихъ умѣренныхъ членовъ. Господинъ Турстенъ, пріобрѣтшій популярность своею дуэлью съ генераломъ Мантейфелемъ, впалъ въ немилость по поводу нѣсколькихъ неблагозвучныхъ словъ, высказанныхъ имъ о ландверѣ. Его хотятъ замѣнить господиномъ Якоби, прославившимся въ 1848 году. Господа Ренне, Ауервальдъ, финансистъ Кюне признаны слишкомъ уступчивыми. Уже въ радикальныхъ кружкахъ поговариваютъ, что слѣдуетъ требовать отъ палаты, чтобъ она рѣшительно отказалась разсуждать о бюджетѣ съ настоящимъ министромъ. Въ Пликкенѣ одинъ гражданинъ, Іоганнъ Рейстенбахъ, первый отказался платить подать. «Я считаю несовмѣстнымъ съ моими гражданскими обязан-

ностями», говорилъ онъ, «помогать чѣмъ бы то ни было министерству, которое нарушило конституцію и управляетъ страною безъ бюджета, правильно вотированнаго депутатами народа. Поэтому я рѣшился не платить податей добровольно, пока окончательно не возстановленъ будетъ конституціонный порядокъ».

Другой замѣчательный симптомъ: два значительныхъ города, Эрфуртъ и Франкфуртъ на Одерѣ, отказались вотировать сборъ денегъ для пріема короля,—фактъ, неслыханный въ Пруссіи, которая прежде отличалась приверженностью къ своей династіи. Эти два города не хотятъ даже быть заподозрѣнными въ единогласіи съ правительствомъ. Судъ оправдалъ трехъ берлинскихъ журналистовъ, обвиненныхъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ властямъ въ своихъ согражданахъ посредствомъ объявленій, которыя они напечатали по поводу новаго закона о прессѣ. Муниципальный совѣтъ столицы не захотѣлъ вотировать адреса, съ изъявленіемъ сожалѣнія о смерти одного изъ принцевъ королевской фамиліи, и прямо отказался поздравить королеву со днемъ ея рожденія. Никогда подобный скандалъ не считался возможнымъ въ монархической Пруссіи. Впрочемъ муниципалитетъ привелъ превосходную причину въ свое оправданіе: онъ объявилъ, что ему запрещено королемъ дѣлать какую бы то ни было политическую манифестацію и приказано ограничиваться исключительно занятіемъ дѣлами гражданскими. Не смотря на то, семейство принца Генриха пришло въ негодованіе и признало этотъ поступокъ оскорбительнымъ для себя. Король, съ своей стороны, также выразилъ неудовольствіе по этому случаю и объявилъ, что онъ оскорбленъ и какъ глава государства и какъ частный человѣкъ. Онъ негодуетъ и сердится и находитъ свое положеніе весьма труднымъ. Разъ даже, при свиданіи въ Гастейнѣ, онъ изъявилъ своему сыну готовность отказаться отъ престола въ его пользу. Принцъ тогда не принялъ этого предложенія, а теперь говоритъ, что если оно будетъ сдѣлано ему еще разъ, то онъ приметъ его немедленно. Безпрестанно оправдываются слова, вырвавшіяся у Вильгельма въ одинъ изъ его хорошихъ дней: «пусть будутъ ко мнѣ снисходительными; я прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, никогда не думая, что мнѣ придется носить тяжкое бремя короны. Я всегда полагалъ, что не переживу своего брата.» Эти слова оказываются слишкомъ справедливыми. Занятіе общественными дѣлами никогда не нравилось Вильгельму; онъ всегда любилъ заниматься только военными вопросами.

Однакожъ, въ этомъ дѣлѣ замѣшано самолюбіе стараго государя; онъ не показываетъ ни малѣйшаго желанія уступить своему народу. Болѣе, чѣмъ когда либо, онъ увлекается своимъ Бисмаркомъ, въ отношеніи къ которому онъ не болѣе, какъ первый министръ и первый ходатай по дѣламъ избирательнымъ. Онъ разъѣзжаетъ изъ города въ городъ, чтобы склонить избирателей на сторону правительства, и лично хлопочетъ о противодѣйствіи кандидатурѣ Зибеля. Принудительныя мѣры въ этомъ отношеніи доведены до крайности. Министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ начальникамъ провинцій строго наблюдать за поведеніемъ чиновниковъ во время предстоящихъ выборовъ. Даже пассивное положеніе, говоритъ прусскій Монитёръ, будетъ считаться признакомъ отсутствія вѣрности къ престолу. Королевскіе чиновники, какого бы названія и какой бы степени они ни были, не освобождаются отъ обязанностей, требуемыхъ вѣрноподданническою присягою, ни какъ избиратели, ни какъ избранныя лица. Подача голоса въ пользу оппозиціоннаго кандидата будетъ признана измѣною съ ихъ стороны. Одинъ изъ главныхъ предводителей феодальной партіи, графъ фонъ Зенфтъ Пильзахъ братски подписался подъ однимъ адресомъ съ сапожникомъ Паузе, котораго господинъ фонъ Клейстъ Ретцовъ, или какой-то другой юнкеръ, во время последняго избирательнаго похода публично удостоилъ поцѣлуя, раздавшагося по всей аристократической Германіи, начиная отъ Мекленбурга Стрелица и до военной границы.

Кромѣ несогласія съ Австріею, министерство Бисмарка хочетъ воспользоваться шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, чтобы отвлечь вниманіе Пруссіи отъ внутреннихъ дѣлъ и обратить его на внѣшнія. Но бѣда въ томъ, что этотъ вопросъ также намѣрена эксплоатировать въ свою пользу и Австрія. Въ настоящую минуту оба врага слѣдуютъ одной и той же политикѣ, но стараются опередить другъ друга. Господинъ Рехбергъ хочетъ овладѣть этимъ дѣломъ, какъ новымъ средствомъ для пріобрѣтенія популярности. Австрія теперь столько же заинтересовалась шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, какъ и вопросомъ германскимъ. Это она настаиваетъ на федеральную экспедицію, которая можетъ имѣть очень важныя послѣдствія. Военное занятіе герцогствъ вѣроятно не совершится мирно. Данія уже объявила, что приметъ его за объявленіе войны, въ предупрежденіе которой она заключила оборонительный и наступательный союзъ съ Швеціею. Пожаръ, вспыхнувши разъ на этомъ пунктѣ, можетъ рас-

пространиться далеко и повлечь за собою страшную всеобщую войну, которая грозитъ намъ каждую весну. Самыя серьезныя столкновенія могутъ произойдти отъ этого жалкаго вопроса, который уже столько лѣтъ выводитъ насъ изъ терпѣнія. Франція проситъ Данію не принимать этого занятія за причину, достаточную для объявленія войны. Англія уговариваетъ Германію быть умѣренною. Она признаетъ занятіе герцогствъ закoннымъ, но заранѣе протестуетъ противъ всякаго вторженія германскихъ войскъ за шлезвигъ-голштинскіе предѣлы. Она совѣтуетъ обѣимъ сторонамъ обратиться къ какому нибудь посредничеству и очевидно считаетъ себя наиболѣе с особною безпристрастно обсудить ихъ взаимныя претензіи. Безъ всякаго сомнѣнія, она объявила бы посредницею въ этомъ дѣлѣ юную чету, принца Артура и принцессу Александру. Но Пруссія и Австрія не согласятся на такую идиллію и захотятъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онѣ говорятъ, что этотъ вѣчный шлезвигъ-голштинскій вопросъ есть нарывъ на обширномъ тѣлѣ Германіи и что давнымъ-давно пора для уничтоженія его прибѣгнуть къ употребленію бистурея (это хирургическій инструментъ, который въ такихъ неискусныхъ рукахъ можетъ сдѣлаться ножомъ живодера). Итакъ, эта скучная комедія готова превратиться въ трагедію. Будетъ-ли она черезъ это лучше?

Чтобы познакомиться съ настоящимъ положеніемъ Англіи и съ ея событіями и дѣйствіями въ продолженіи послѣдняго мѣсяца, всего лучше обратиться къ знаменитой рѣчи графа Росселя, произнесенной въ Блэргоріи, на банкетѣ, данномъ въ честь его фермерами. Мы приведемъ относительно всѣхъ главныхъ вопросовъ подлинныя слова этого министра, предоставляя себѣ подтверждать ихъ или коментировать извлеченіями изъ Таймса и иногда присоединять къ нимъ свои собственныя скромныя замѣчанія.

«Господа, воскликнулъ графъ Россель: — важные вопросы, возникшіе по иностраннымъ дѣламъ, сильно занимали нашу страну... Гражданская война вспыхнула въ Польшѣ... Я объявилъ въ парламентѣ и до сихъ поръ того мнѣнія, что никакія обязательства, ни честь, ни интересы Англіи не требуютъ, чтобъ мы вели войну за Польшу.

«Однакожъ, я былъ удивленъ, что послѣ переписки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, Россія вступила на избранный ею теперь путь. Раздѣлъ Польши въ прошломъ столѣтіи служилъ сканда-

ломъ для Европы. Это предметъ угрызенія совѣсти для трехъ державъ, которыя принимали въ немъ участіе. Но вѣнскій трактатъ призналъ эту мѣру приличною и обстоятельства, быть можетъ, извиняли такое дѣйствіе: допущеніе, въ видѣ закона, настоящаго положенія Польши и оправданіе раздѣла, произведеннаго въ 1772 году.

«Выражаясь юридически: всѣ прочія державы были не болѣе, какъ посторонними свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ». (Смѣхъ).

«Вы смѣетесь!.. О, вы толстые, краснолицые фермеры, что тутъ смѣшного? Что въ этомъ событіи можетъ возбудить вашу веселость и заставить ваши пузы трястись отъ удовольствія?

«Австрія и Пруссія удовлетворили требованіямъ трактата, но Россія не исполнила этихъ условій. Мнѣ кажется, что она въ этомъ случаѣ поступила весьма неблагоразумно. Она имѣла на своей сторонѣ огромную выгоду: Европа простила ей захватъ Польши. А между тѣмъ Россія отвергаетъ условія, служившія основаніемъ для оправданія ея поступка, и ссылается на право обыкновеннаго раздѣла, на право завоеванія, отказываясь отъ обязательствъ, вслѣдствіе которыхъ, по вѣнскому трактату, эти права были признаны Европой.

«Какія могутъ быть послѣдствія такого образа дѣйствія и какъ будутъ вести себя въ этомъ дѣлѣ разныя европейскія державы? Вотъ вопросъ, который здѣсь неудобно разсматривать. Я только хотѣлъ замѣтить вамъ, что Россія не исполнила условій, по которымъ вѣнскій трактатъ призналъ за нею обладаніе польскимъ королевствомъ, и что такъ какъ эти условія ею не исполнены, то она не можетъ претендовать и на самое право обладанія!» (Апплодисменты).

Стендардъ, органъ торіевъ, здѣсь прерываетъ лорда Росселя.

«Судя по словамъ благороднаго графа», говоритъ эта газета, «Россія обладаетъ Польшею не по праву завоеванія или давности, а въ силу вѣнскаго трактата. На этомъ основаніи, Россія, не исполнивъ условій этого трактата, потеряла и всякое право на обладаніе Польшею. Не будемъ оспаривать показанія нашего министра иностранныхъ дѣлъ и разсматривать историческое значеніе, весьма впрочемъ сомнительное, двухъ посылокъ, которыя онъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ своемъ силлогизмѣ; но мы имѣемъ право удивляться заключенію, выведенному изъ нихъ ораторомъ, и поведенію этого человѣка. Какъ, министръ находитъ неудобнымъ осуждать Россію и не расположенъ противодѣйствовать увѣреніямъ петербургскаго правительства! А между тѣмъ, если Россія не имѣетъ другихъ правъ на обладаніе Польшею

кромѣ вѣнскаго трактата, ею самою нарушеннаго, какъ вы говорите,—то не обязаны-ли вы, въ качествѣ оффиціальныхъ поручителей, требовать исполненія этого трактата отъ тѣхъ, кто его нарушаетъ? Если вы не хотите или не смѣете этого дѣлать, то лучше вамъ молчать, и тогда никто не сталъ бы обвинять васъ въ трусости. Хвастливыя рѣчи и жалкое поведеніе могутъ удовлетворить безпокойному тщеславію какого-нибудь министра, но не характеру націи, столь великой и столь могущественной, какъ англійская!»

Таймсъ и весь тотъ людъ, котораго эта газета служитъ представительницею, а именно значительное большинство людей *субстанціальныхъ*, какъ выражаются въ Англіи, т. е. людей, обладающихъ деньгами и вліяніемъ, Таймсъ выражаетъ удовольствіе по поводу рѣчи лорда Росселя. Слова и, можно сказать, весь духъ этого журнала представляютъ образецъ цинизма, грубаго эгоизма и нахальства. Мы приведемъ здѣсь въ подлинныхъ словахъ резюме нѣкоторыхъ статей этой газеты.

«Россія», говоритъ она, «наконецъ высказала свою мысль. Она съ надменностью объявила, что время упущено и что она ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ положенія, принятаго ею теперь... Споръ дошелъ до предѣловъ, гдѣ необходимо остановиться. Обнаружилось разногласіе мнѣній. Словами нельзя болѣе измѣнить этого положенія. Остается одно: прибѣгнуть къ силѣ».

«Для западныхъ державъ нѣтъ другого исхода, какъ только безмолвствовать или начать европейскую войну... Но Англія заранѣе объявила, что не будетъ воевать, и заранѣе смягчила (sic) свой позоръ. Довольная ея отступленіемъ, Россія конечно, не захочетъ сдѣлать ей новую непріятность. Англія безмолвно принимаетъ данный ей щелчекъ, сожалѣя, что вмѣшалась въ это дѣло, и сама смѣясь надъ своимъ собственнымъ пораженіемъ. Она ничего не хочетъ предпринять и никогда не имѣла намѣренія вести войну за Польшу. Правда, мы оскорблены, но лучше принять это оскорбленіе, чѣмъ сдѣлаться смѣшными, выказывая негодованіе, которое мы считаемъ неприличнымъ обнаруживать передъ нашимъ врагомъ.

«Другое дѣло — Франція. Она подвергалась постояннымъ насмѣшкамъ по поводу своего обращенія къ трактатамъ 1815 года и объявлена виновницею революцій, нарушающихъ равновѣсіе Европы».

«Съ другой стороны», продолжаетъ этотъ органъ мѣщанства—Россія играетъ въ опасную игру. Она хочетъ выиграть время, но Европа

весною не будетъ такъ же миролюбива, какъ теперь», — До сихъ поръ мы полагали, что трусъ одинаково труситъ весною и лѣтомъ и осенью.— «Весною», говоритъ далѣе представительница Джона Булля, — «весною дѣла примутъ другой оборотъ. Тогда наступитъ минута дѣйствія. Та самая причина (ужъ не внушенная ли благоразуміемъ?), вслѣдствіе которой державы теперь сохраняютъ миръ, заставитъ ихъ тогда прибѣгнуть къ мѣрамъ совершенно противоположнымъ. Россія забыла, что французская имперія есть вѣнчанная демократія и что наполеоновская династія приняла на себя въ отношеніи къ полякамъ обязательство, которое она исполнитъ».

Эти слова достаточно ясны, но они были бы еще яснѣе и опредѣленнѣе, еслибъ благородный авторъ этой статьи сказалъ:

«Мы кричимъ на весь свѣтъ, что мы защитники человѣчества и цивилизаціи противъ московскаго деспотизма и что мы клятвенно обязаны охранять вѣнскій трактатъ, нарушаемый Россіею. Мы оскорблены, но мы храбро переносимъ это оскорбленіе, находя несовмѣстнымъ съ нашимъ достоинствомъ обнаруживать негодованіе по поводу обиды, за которую мы не намѣрены мстить. Мы позволимъ себѣ однакожъ угрожать своему врагу ненавистью Франціи, но положитесь на Пальмерстона; онъ не дастъ Наполеону тронуться съ мѣста и въ особенности не дозволитъ ему торжествовать. Повѣрьте, мы болѣе завидуемъ своему тюльерійскому союзнику, нежели ненавидимъ своего петербургскаго врага.»

Право, почти готовъ жалѣть о князѣ Горчаковѣ, что ему пришлось торжествовать надъ такими жалкими врагами, и почти находишь скромною одержанную имъ побѣду.

Графъ Россель снова приступилъ къ своей рѣчи, касаясь другого предмета.

«Господа», сказалъ онъ, «еще другой вопросъ, относящійся до внѣшней политики, сильно тревожилъ нашу страну. Я подразумѣваю здѣсь вопросъ мексиканскій. Говорили о вмѣшательствѣ въ дѣла Мексики и что мы въ извѣстной степени принимали въ немъ участіе».

Объ этомъ предметѣ благородный лордъ распространяется весьма подробно. Такъ какъ мы полагаемъ, что достаточно знакомы съ этимъ предметомъ, то оставимъ на время оратора и обратимся къ послѣднимъ извѣстіямъ изъ Японіи, о которыхъ министръ не счелъ нужнымъ говорить.

Пока происходили переговоры между тайкуномъ и представителями Франціи и Англіи, одинъ изъ полу-независимыхъ японскихъ князей принялъ на себя начало непріязненныхъ дѣйствій противъ европейцевъ. Это былъ Нагато, одинъ изъ тѣхъ князей, которые вмѣстѣ съ Сатсумою обнаруживали передъ микадо наибольшую ненависть къ иностранцамъ и къ тайкуну. Вооруживъ восемь или девять маленькихъ крѣпостей, принадлежавшихъ ему у входа во Внутреннее море, и штукъ десять пароходовъ, купленныхъ у американцевъ, этотъ владѣтельный князь приказалъ стрѣлять по всѣмъ иностраннымъ судамъ, которыя будутъ проѣзжать мимо его артиллеріи. До сихъ поръ американцамъ удавалось держаться почти совершенно всторонѣ отъ этихъ споровъ, но случаю угодно было, что первый корабль, попавшійся подъ выстрѣлы японскихъ баттарей, былъ американскій. Это былъ Пемброкъ, небольшое купеческое судно. Пронизанное насквозь непріятельскими ядрами, оно обратилось въ бѣгство, какъ могло, и къ счастію успѣло достигнуть порта. Его соотечественникъ, Вайомингъ, корабль военный, поспѣшилъ отмстить за него японцамъ. 16-го іюля онъ хотѣлъ вцѣпиться въ абордажъ съ однимъ непріятельскимъ брикомъ и однимъ пароходомъ, но отказался отъ аттаки, увидѣвъ многочисленность солдатъ и матросовъ, съ которыми пришлось бы ему имѣть дѣло. Замѣтивъ потомъ третье японское судно, онъ направилъ на него огромную бомбу, которая, попавъ въ пороховой магазинъ, взорвала непріятельскій корабль. Вайомингъ затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ бомбардировалъ форты князя Нагато и, полагая, что сдѣлалъ свое дѣло, возвратился восвояси. Затѣмъ явился голландскій корветъ, Медуза. Онъ зналъ о томъ, что происходило до него, и потому нисколько не удивился, когда получилъ въ бокъ цѣлый залпъ выстрѣловъ. Онъ отплатилъ непріятелю, какъ слѣдуетъ, говоритъ онъ, и проѣхалъ мимо. Потомъ явился маленькій военный французскій пароходъ. Японскіе артиллеристы такъ мѣтко направили въ него свои выстрѣлы, что онъ доѣхалъ до Нагасаки, черпая воду, и нѣсколько разъ подвергался опасности погибнуть на дорогѣ. Немедленно Танкредъ и Семирамида поспѣшили отмстить за него непріятелю. Танк- первый вступилъ въ бой и за это сильно пострадалъ, но Семирамида сбила непріятельскую баттарею, состоявшую изъ двадцати-пяти фунтовыхъ пушекъ. Адмиралъ Жоресъ, командовавшій аттакой, высадилъ на берегъ двѣсти человѣкъ. Они попали въ за-

саду, по немедленно ударили въ штыки, съ свойственнымъ французамъ увлеченіемъ, и опрокинули все, что заграждало имъ дорогу. Они разрушили нѣсколько баттарей, побросали аммуницію въ море, сожгли лафеты и взорвали пороховой погребъ. Взаключеніе, они перерѣзали полтораста японскихъ офицеровъ. Такъ гласитъ офиціальный рапортъ Жореса Японцы унесли всѣхъ своихъ раненыхъ на баттареяхъ, но тамъ находились цѣлыя лужи крови. Двѣ тысячи японцевъ приближались къ селу, гдѣ французы сожигали военный постъ, но они были приведены въ смятеніе нѣсколькими бомбами, брошенными въ нихъ, и остались въ почтительномъ отдаленіи.

По послѣднимъ телеграммамъ, ожидались подробныя извѣстія объ аттакѣ, которой подвергался англійскій корабль Coquette, и о мѣрахъ къ возмездію, принятыхъ британскимъ адмираломъ.

Изъ всего этого оказывается все съ большею и большею достовѣрностью, что власть какъ тайкуна, такъ и микада, почти только номинальна. Другой фактъ: японскіе артиллеристы весьма хорошо владѣютъ своими орудіями. Эти орудія невелики; самыя большія изъ нихъ мечутъ только тридцати-двухъ фунтовыя ядра; но эти снаряды достигаютъ своей цѣли. Единственное преимущество европейской артиллеріи передъ японскою заключается въ калибрѣ; но опасаются, что японцы, въ свою очередь, станутъ отливать пушки нарѣзныя и ненарѣзныя, неуступающія по величинѣ нашимъ Французы говорятъ, что японцы слишкомъ слабы для того, чтобы выдерживать аттаку на штыки.

Федеральный совѣтъ Швейцаріи весьма благоразумно рѣшился отозвать своего консула изъ Японіи. Отнынѣ японскія дѣла тѣсно будутъ связаны съ исторіею европейскихъ державъ Кто такъ хорошо владѣетъ нарѣзными пушками, какъ Японцы, тотъ вполнѣ достоинъ участвовать въ *концертѣ* цивилизованныхъ націй!

Пока мы совершили прогулку въ Іеддо и Нагасаки, лордъ Джонъ Россель окончилъ свое путешествіе въ Мексику. Онъ выпиваетъ стаканъ сахарной воды и подаетъ сигналъ, что намѣренъ снова приступить къ своей рѣчи.

«Я теперь хочу говорить, продолжалъ онъ: — о томъ, что прежде называлось Соединенными Штатами. (Мы отсюда видимъ улыбку ироническаго самодовольствія, озаряющую блѣдныя щеки этого маленькаго старика). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы радовались преуспѣянію этой страны, какъ вдругъ въ ней вспыхнула война. Фе-

дералы первые жаловались на насъ, что мы признали за конфедеративными штатами права воюющей державы. Но я спрашиваю васъ, можно ли считать объявленіе пяти милліоновъ людей обыкновеннымъ возстаніемъ и отказать такому значительному союзу въ правахъ, которыя всегда признавались за народами, отличающимися, подобно этому союзу, своею многочисленностью, своею силою и обширностью своей тирриторіи? Говорили, что мы не должны были бы признать этимъ правъ за плантаторами южной конфедераціи, на томъ основаніи, что эти люди владѣютъ рабами. Но мы имѣемъ же сношенія съ Испаніею и Бразиліею, гдѣ также находятся рабовладѣльцы...

Что касается вопроса, надѣлавшаго такъ много шума, вопроса о сооруженіи и снаряженіи, въ нашихъ портахъ, судовъ, которыя могутъ отправиться въ конфедеративные штаты, то я на этотъ счетъ объяснюсь категорически. Вотъ мое правило. Я въ этомъ отношеніи готовъ сдѣлать все, чего требуютъ права народовъ, наше законодательство и наша внѣшняя политика. Еслибъ мнѣ доказали, что въ этомъ случаѣ для сохраненія нашего нейтралитета необходимо принятіе новыхъ мѣръ, то я даже готовъ по этому предмету войти съ представленіями въ парламентъ...

«Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ членовъ палаты лордовъ жалобы на то, что мы позволили арестовать суда, отправлявшіяся въ нейтральные порты, или просто находившіеся на морѣ, но повидимому имѣвшія законное назначеніе, и насъ упрекали, что мы такимъ образомъ допустили нанести вредъ нашей торговлѣ. (Яснѣе: жаловались на то, чтобы мы не дали послѣднимъ корсарскимъ кораблямъ, строившимся въ Англіи, позволенія отправиться въ море для грабежа, что прежде разрѣшалось другимъ подобнымъ же судамъ). Отвѣтъ нашъ рѣшителенъ: по народному праву, всякая воюющая держава можетъ остановить среди моря судно, дѣйствительно зафрахтованное для непріятельскаго порта, снабженное военною амунипіею и очевидно отправляющееся къ мѣсту своего назначенія, словомъ я долженъ сказать, что правительство королевы рѣшилось исполнить все то, чего требуетъ нейтралитетъ, все, что справедливо въ отношеніи къ дружественной націи, руководствуясь правиломъ: «не дѣлай другимъ того, чего не желалъ бы самому себѣ». (Апплодисменты.)

Остановимся на этихъ послѣднихъ словахъ. Они заслуживаютъ особеннаго вниманія. При томъ авторитетѣ, какимъ этотъ всемогу-

щій министръ иностранныхъ дѣлъ пользуется въ Великобританіи, слова эти служатъ ручательствомъ, что нечего опасаться войны между Англіею и федеральными штатами Америки. Итакъ вотъ правительство ея величества, королевы Викторіи, вдругъ обратилось къ доктринѣ, что корсарскіе корабли не то, что обыкновенные купеческіе товары, и что строить такіе корабли на англійскія деньги и насчетъ англійскихъ акціонеровъ съ тѣмъ, чтобы они, эти корабли, грабили суда Соединенныхъ Штатовъ для выгоды британской торговли, есть дѣйствіе, которое никакъ не можетъ сравниться съ продажею металлическихъ перьевъ и готовыхъ платьевъ. Лордъ Россель теперь такъ хорошо понимаетъ справедливость замѣчаній американскаго посланника, что даже готовъ предложить парламенту измѣненіе англійскаго закона касательно этого предмета. Конечно, никто отъ него этого не требуетъ; достаточно, если онъ велитъ честно исполнять предписанія такъ называемаго международнаго права.

Хвалютъ арабскихъ лошадей за то, что онѣ, находясь на всемъ скаку, способны, по данному знаку своего всадника, остановиться въ нѣсколько секундъ. Хвалютъ кареты, которыя могутъ дѣлать крутой поворотъ. Такихъ-же точно похвалъ заслуживаютъ англичане и ихъ правительство. Они одни умѣютъ дѣлать такіе внезапные, рѣзкіе переходы въ политикѣ и съ такою ловкостью и съ такою непринужденностью. Мы знаемъ, какъ яростно кипѣла желчь въ Джонъ Буллѣ и какъ онъ искалъ только повода, чтобы сцѣпиться съ своимъ кузеномъ Джонатаномъ... И вдругъ, безъ всякаго другого перехода, кромѣ минутнаго размышленія, онъ признаетъ несправедливымъ то, что прежде казалось ему справедливымъ, и начинаетъ любить то, что прежде было для него ненавистно. Лишь только побѣдители Виксбурга и Деттисбурга могли обратить вниманіе на оскорбленія, которымъ они подвергались со стороны своихъ за-атлантическихъ сосѣдей, и заговорили о намѣреніи потребовать уплату за купеческій флотъ, ограбленный и сожженый по милости добрыхъ людей, благопріятелей, сейчасъ эти англичане сдѣлались любезными, миролюбивыми и даже справедливыми, и Джонъ Россель при этомъ случаѣ весьма кстати вспомнилъ слова божественнаго учителя, Іисуса Христа: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь самому себѣ». И вотъ вся англійская нація вдругъ проникается чувствомъ христіанскаго долга и превращается въ народъ, состоящій изъ братьевъ и друзей, изъ добрыхъ кузеновъ и

усердныхъ апостоловъ! Да помилуйте, какъ-же намъ быть иначе?! Вѣдь эти дьяволы янки бомбардировали фортъ Сёмтеръ черезъ двѣ другія крѣпости, на разстояніи шести километровъ. Они изобрѣли *мониторовъ* и, что еще хуже, *диктаторовъ*, и каждую недѣлю спускаютъ на воду новое броненосное судно. Своими пушками они готовятся произвести переворотъ въ военномъ искусствѣ. При Чарльстонѣ употребляютъ снаряды въ пятьсотъ фунтовъ. Они смѣются надъ нашими *армстронгами* и *виттакерами* и пренебрѣгаютъ своими *дальгренами*, которые однакожъ, насъ заставляютъ трепетать. Теперь они говорятъ только о новыхъ своихъ орудіяхъ, изобрѣтенныхъ Парротсомъ, и о какихъ то страшныхъ машинахъ, которыхъ снаряды, вѣсомъ въ пятьсотъ килограммовъ каждый, хватаютъ на десять километровъ разстоянія. Увѣряютъ, что ядра ихъ пробиваютъ желѣзо, раздробляютъ камень и сталь и на столько и столько-то дюймовъ проникаютъ въ песокъ. Ясно, что при такихъ огромныхъ, средствахъ, они лишь только раздѣлаются съ сепаратистами, въ состояніи будутъ въ одну недѣлю отнять у насъ Канаду и въ двѣ недѣли истребить нашъ торговый флотъ на всемъ протяженіи морей. Теперь пора прогнать, какъ можно болѣе грубо, мистера Мэзона, того самого человѣка, ради котораго мы уже готовы были начать войну по случаю несчатной исторіи, бывшей съ Трентомъ. Пусть мистеръ Мэзонъ уберется поскорѣе къ императору французовъ и къ нашему экс-другу, Джефферсону Дэвису! Вѣдь говорится же въ Евангеліи: «не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ самому».

И лордъ Джонъ Россель съ чувствомъ продолжалъ свою рѣчь, вызывавшую слезы умиленія на глазахъ толстыхъ краснолицыхъ фермеровъ Блэргоріи.

«Господа, говорилъ онъ:—«мы, быть можетъ, имѣемъ нѣкоторыя причины пѣнять на жителей Соединенныхъ Штатовъ, такъ же какъ и они, съ своей стороны, могутъ имѣть въ отношеніи къ намъ основаніе къ упрекамъ. Но мы не должны забывать, что происходимъ съ ними отъ однихъ и тѣхъ же предковъ; что въ американскихъ судахъ постоянно изучаются англійскіе законы; что рѣшенія нашихъ великихъ юристовъ пользуются тамъ авторитетомъ; что нашъ Шекспиръ и нашъ Мильтонъ, какъ для насъ, такъ и для американцевъ, служатъ классическими авторами, и что мы наконецъ, вмѣстѣ съ этою націею, получили то же наслѣдіе свободы... Соединенные такимъ образомъ, отличаясь однимъ и тѣмъ же литературнымъ вкусомъ и

однимъ и тѣмъ же духомъ свободы и законности, оба народа по окончаніи несчастной войны, свирѣпствующій нынѣ въ Америкѣ, должны обнять другъ друга братски. Англичане въ древнемъ мірѣ, американцы въ новомъ, должны служить маяками, освѣщающими путь къ цивилизаціи для всего человѣчества. (Апплодисменты). Признаюсь, господа, воодушевленный такими чувствами, я иногда готовъ выдти изъ себя при видѣ людей, которые тщательно собираютъ разнаго рода обвиненія и клеветы на нашихъ братьевъ по происхожденію, всячески стараясь содѣйствовать къ продолженію войны, которая и безъ того уже стоила много крови. Неужели необходимо и между націями самой Европы распространить новую войну, съ новыми пожертвованіями человѣческой крови, человѣческихъ интересовъ, человѣческаго счастія! (Аплодисменты и крики «браво! браво!»)

Это было патетическое мѣсто, но за нимъ слѣдовало заключеніе, не менѣе откровенное: «Мы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ любимъ благо человѣчества. (Бѣда, еслибъ это было правда!).... Соединенные Штаты со временемъ отдадутъ намъ справедливость. Они увидятъ, что въ нашей странѣ свободы, гдѣ господствуетъ такое разногласіе мнѣній, есть много приверженцевъ южной конфедераціи, но есть также множество людей, которые симпатизируютъ федеральнымъ штатамъ, и я полагаю, что эти своею числительностію превосходятъ первыхъ.» (Помнится, не далѣе, какъ недѣль шесть тому назадъ, мистеръ Робекъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ парламента, объявилъ, что если въ Великобританіи и найдутся партизаны федераловъ, то этихъ партизановъ не болѣе чѣмъ сколько нужно для наполненія омнибуса). «Но, продолжалъ лордъ Россель: — каковы бы ни были въ этомъ отношеніи наши взаимныя симпатіи, мы всѣ хранимъ въ сердцахъ своихъ чувство справедливости. Будемъ справедливы къ другимъ и ожидать того же для насъ самихъ. Я полагаю, что высказываю ваши чувства, объявляя, что справедливость должна торжествовать!» (Громъ рукоплесканій. Крики: браво! Продолжительное топанье ногами).

Послѣ такой витіеватой рѣчи оставалось только поздравить маленькаго Джона, что и исполнилъ лордъ Эрли, владѣлецъ тѣхъ земель, которыя обработывались толстыми краснолицыми фермерами, присутствовавшими на банкетѣ. Онъ провозгласилъ тостъ въ честь министровъ королевы и замѣтилъ, что даже члены оппозиціи почти совершенно раздѣляютъ мнѣніе кабинета. Лордъ Джонъ на это от-

вѣтилъ любезно: «Я не думаю, чтобы между лордомъ Пальмерстономъ и лордомъ Дерби существовало большое различіе въ мнѣніяхъ. По своему скромному разумѣнію и какъ членъ кабинета, я полагаю, что лордъ Пальмерстонъ управляетъ страною гораздо лучше, чѣмъ управлялъ ею лордъ Дерби (смѣхъ), но что касается внѣшней политики, то я нахожу, что въ этомъ отношеніи оба они совершенно согласны въ мнѣніяхъ». Потомъ лордъ Россель поздравилъ толстыхъ фермеровъ съ обильнымъ урожаемъ, поздравилъ Англію съ ея цвѣтущимъ состояніемъ, поздравилъ самого себя съ своимъ пресловутымъ Reform bill, составленнымъ лѣтъ тридцать назадъ, поздравилъ свое отечество съ тѣмъ, что оно совершило почти всѣ преобразованія, какія только можно было ожидать (и которыя, по странному случаю, окончились въ то самое время, когда Джонъ достигъ своей честолюбивой цѣли—титула пера и званія министра иностранныхъ дѣлъ). За тѣмъ этотъ поборникъ прогресса разсказалъ вотъ какой анекдотъ. Одинъ земледѣлецъ въ Шотландіи построилъ для блага общественную дорогу вдоль горнаго хребта и на самой возвышенной части ея велѣлъ поставить скамейку, съ надписью: «Отдохни, странникъ, и скажи спасибо»!

Какъ эти государственные люди наивны! Правда, что этотъ крикъ устарѣлаго и удовлетвореннаго честолюбія встрѣтилъ отголосокъ въ Англіи. Урожай хлѣба въ этомъ году былъ такъ обиленъ и солнце доставило англійскимъ фермерамъ милліоновъ на тридцать франковъ барыша болѣе, чѣмъ прежде; налоги уменьшены, а доходы государства и частныхъ лицъ увеличились. И вотъ всѣ англійскіе журналы начали сравнивать цвѣтущее состояніе своего бюджета съ бѣдностью другихъ державъ европейскихъ и неевропейскихъ, и большая часть изъ нихъ воскликнула: «Мы богаче и, слѣдовательно, счастливѣе всѣхъ народовъ; мы одни обладаемъ умомъ и здравымъ смысломъ»! Англія въ настоящее время напоминаетъ собою одно изъ лицъ народной дѣтской комедіи, о которомъ говорится:

Little Iack Horner
Sat in a corner,
Eating a Christmas pie.
He put in his thumb,
And pull'd out a plum,
And said: What a brave boy am I! *)

*) Маленькій Джэкъ Горнеръ сидѣлъ въ углу и ѣлъ пирогъ. Онъ запустилъ въ него палецъ, вынулъ изюмину и сказалъ: „Какой я славный мальчикъ"!

Федералы увидѣли ходъ своихъ побѣдъ прерваннымъ. Они испытали большое пораженіе. Если вѣрить телеграфу, двадцать тысячъ изъ нихъ легло убитыми или ранеными на полѣ сраженія. Вотъ новая кровавая остановка на этомъ трудномъ пути, который долженъ вести къ водворенію мира въ Уніи и къ доставленію свободы всѣмъ жителямъ американскихъ Штатовъ, безъ различія національности и цвѣта. Еслибъ федералы одержали легкій успѣхъ, то сохранились бы всѣ прежнія партіи, съ ихъ взаимною непріязнію, съ ихъ предразсудками и лозунгами и со всею вѣковою мишурою соціальнаго порядка, который долженъ исчезнуть. За то трудная побѣда, купленная этимъ labor improbus, который отличаетъ янки во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, послужитъ даже для самыхъ эгоистическихъ консерваторовъ признакомъ наступленія новой эры. Еслибъ даже пришлось послѣ того сохранить конституцію 1789 года, то и тогда тѣ, которые станутъ читать ее, будутъ читать съ обновленнымъ духомъ. Тогда окажется, что двѣнадцать тысячъ жертвъ, павшихъ теперь на границахъ Джорджіи, съ своей стороны содѣйствовали этому великому перевороту Америки и всего свѣта.

Въ послѣднее время арміи Розенкранца и Бернсайда завоевали восточный Тенесси, этотъ краеугольный камень зданія мятежной конфедераціи. Онѣ заняли всю верхнюю равнину Тенесси и западный склонъ Аллегановъ. Рабовладѣльческія войска покинули Чаттаногу. Генералъ Бернсайдъ, котораго какая нибудь тысяча отважныхъ людей могли бы остановить въ ущеліяхъ горъ, и который едва не погибъ отъ голода со всею своею арміею, былъ съ большимъ торжествомъ встрѣченъ въ Ноксвиллѣ. Мѣстные жители, юніонисты, повидимому, измѣнившіе своему отечеству по принужденію и изъ страха, осыпали федеральныхъ солдатъ цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ, и многіе молодые люди, покинувшіе войска рабовладѣльцевъ, вступили въ армію федераловъ. Армія мятежниковъ рѣдѣла все болѣе и болѣе, каждый день человѣкъ сто покидали ея знамя. Чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, кадры своихъ полковъ, Брэкстонъ Брэггъ принужденъ былъ оставить безъ боя, ко всеобщему ужасу жителей Чаттоноги, самыя главныя стратегическія позиціи Соединенныхъ Штатовъ.

Угрожаемая въ самомъ центрѣ своемъ, мятежная конфедерація должна была поставить все на карту и отправить всѣ эти войска на помощь остальной арміи, которая была загнана въ Джорджію. Въ

этой американской войнѣ, представляющей столько примѣровъ новаго порядка вещей въ военномъ дѣлѣ, вся территорія плантаторовъ можетъ сравниться съ военнымъ пунктомъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ. Въ то время, какъ осажденные, занимая центръ, имѣютъ надобность въ меньшемъ числѣ войскъ и легко могутъ переправлять ихъ изъ одного мѣста въ другое, осаждающіе должны имѣть армію, которая превосходитъ непріятельскую численностью, въ геометрической пропорціи, возрастающей быстро, и отряды ихъ, двигаясь на болѣе обширномъ пространствѣ, не въ состояніи такъ скоро подать другъ другу помощь. Но по мѣрѣ того, какъ они подвигаются къ центру, ихъ положеніе становится все болѣе и болѣе выгоднымъ. Такъ какъ образуемый ими кругъ уменьшается, то числительное превосходство ихъ силъ надъ силами непріятеля оказывается менѣе необходимымъ. Можно сказать, что сраженія на открытомъ полѣ прекратились и что теперь войска Уніи начали окружать территорію рабовладѣльцевъ. Такая перемѣна, правда, представляетъ сначала большую выгоду для мятежниковъ; но мы надѣемся, что стратегическая аксіома: «каждый осажденный пунктъ долженъ пасть рано или поздно», осуществится и въ этомъ случаѣ.

Всѣ войска конфедераціи собраны были въ одномъ пунктѣ для занятія новой позиціи, послѣ того какъ прежняя была покинута въ Чаттаногѣ. Изъ остатковъ войскъ Брэкстона Брэгга, Ли, Лонгстрита и изъ отрядовъ виргинской арміи, арміи Мори изъ Мобиля, Джонстона изъ Миссиссипи, и даже Борегера, образована была новая армія въ семьдесятъ или восемьдесять тысячъ человѣкъ, которая превосходила армію Розенкранца своею численностью, приблизительно на сорокъ тысячъ. Сраженіе продолжалось два дня и отличалось кровопролитіемъ. Оно началось 20-го сентября аттакою, произведенною Брэггомъ на федеральный центръ, который, послѣ упорнаго сопротивленія, долженъ былъ уступить. Едва едва вся армія уніонистовъ не была разрѣзана на двѣ части. Правое крыло ея также было разбито, но и оно не обратилось въ бѣгство, а отстаивало каждый дюймъ земли. Генералъ Томасъ впродолженіе всего дня поддерживалъ главную позицію своихъ войскъ и воспользовался наступившею затѣмъ ночью для того, чтобъ удалиться въ Россвилль. На другой день по полудни, сепаратисты снова аттаковали федеральную армію, но не могли разстроить ея рядовъ и должны

были допустить отступленіе ея, въ стройномъ порядкѣ, въ Чаттаногу. Они отняли у своихъ непріятелей двадцать пушекъ и лишили ихъ десяти тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ двѣ тысячи пятьсотъ взяты ими въ плѣнъ. Richmond Whig опредѣляетъ потерю сепаратистовъ въ пять тысячъ человѣкъ, полагая въ томъ числѣ шесть генераловъ. Брэггъ донесъ своему правительству, что онъ разбилъ непріятельскую армію послѣ двухдневнаго сраженія, но что она все еще въ виду занимаетъ позицію. Такимъ образомъ, это сраженіе, къ несчастію столь кровопролитное, не имѣло никакого рѣшительнаго результата, хотя извѣстіе объ его исходѣ сначала и произвело настоящій ужасъ въ Вашингтонѣ. Розенкранцъ былъ остановленъ въ своемъ движеніи и принужденъ ретироваться въ Чаттаногу; но пока онъ въ состояніи будетъ тамъ держаться, непріятели его не будутъ имѣть никакой выгоды. Онъ телеграфировалъ, что позиція его крѣпка и что ея нельзя будетъ сбить оттуда до прибытія къ нему подкрѣпленій отъ Грэнта и Бернсайда.

Осада Чарльстона продолжается. Гилльморъ все еще готовится бомбардировать этотъ городъ. Весь островъ Моррисъ очищенъ. Когда такой же результатъ достигнутъ будетъ въ отношеніи къ острову Сѣлливану, на сѣверѣ отъ входа въ заливъ, тогда портъ совершенно будетъ запертъ. Эта осада была бы невозможна безъ новой артиллеріи, которая дѣйствительно ужасна. Безъ преувеличенія можно сказать, что эта артиллерія превратила фортъ Семтеръ въ пыль. Послѣ его паденія, мониторы далѣе проникаютъ въ рейдъ и вскорѣ попытаются уничтожить тамъ остатки укрѣпленій рабовладѣльцевъ. Непобѣдимость этихъ странныхъ судовъ доказана самымъ рѣшительнымъ образомъ въ любопытномъ сраженіи, происходившемъ въ Саваннѣ между блиндированнымъ фрегатомъ сепаратистовъ, Аталантою и маленькимъ мониторомъ, Уи-Гоукеномъ. Въ пятнадцать минутъ, мониторъ пятью ядрами, вѣсомъ въ четыреста десять фунтовъ, заставилъ гордую Аталанту спустить флагъ. Первое же ядро его уложило сорокъ матросовъ и прошибло желѣзную обшивку и кузовъ фрегата.

По всѣмъ даннымъ, надо ожидать большого сраженія въ Виргиніи. Генералъ Мидъ, одержавшій побѣду при Геттисбергѣ, перешелъ черезъ Рэпиданъ съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь аттаковать войска рабовладѣльцевъ. Всѣ съ безпокойствомъ ожидаютъ результатовъ этого предпріятія. Положеніе уніонистовъ все еще затруднительно, хотя окончательный успѣхъ ихъ несомнителенъ для тѣхъ, кто вни-

каетъ въ дѣло. Но успокоенные въ отношеніи намѣреній Великобританіи, федералы тѣмъ болѣе опасаются гибельныхъ замысловъ императора Наполеона. Вслѣдствіе извѣстія, быть можетъ ошибочнаго, что пять тысячъ французовъ посланы въ Матаморасъ, вашингтонское правительство отправило тридцать тысячъ человѣкъ въ Новый Орлеанъ для занятія Броунсвилля, находящагося противъ Матамораса. Отмѣна закона habeas corpus очевидно сдѣлана съ тѣмъ, чтобы приготовить средства для всеобщаго набора, который предполагается либо для рѣшительныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ, либо для обороны въ случаѣ нападенія французовъ.

Циркуляръ Сьюарда, адресованный къ американскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ авторъ возстаетъ противъ распространившагося предрассудка, что будто бы федералы не въ состояніи возстановить Уніи, этотъ циркуляръ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Полагаютъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на внезапную перемѣну политики лондонскаго кабинета. Недавно онъ напечатанъ въ видѣ брошюры и если новѣйшія событія не лишатъ его интереса, то мы постараемся разобрать этотъ документъ въ будущей нашей корреспонденціи, вмѣстѣ съ замѣчательною рѣчью господина Семнера. Не менѣе рѣшительно письмо президента Линкольна, гдѣ въ краткомъ видѣ представляется состояніе войны и общее положеніе страны. Съ невозмутимою флегмою, съ непоколебимымъ здравымъ смысломъ, съ простотою почти наивною, хотя и съ лукавымъ добродушіемъ и съ оттѣнкомъ такъ называемаго dry humor, свойственнаго американцамъ, почтенный Авраамъ Линкольнъ излагаетъ принципы своей политики и оправдываетъ принятыя имъ главныя мѣры, въ особенности освобожденіе и вооруженіе негровъ. Въ послѣднихъ строкахъ его слышится отголосокъ того трогательнаго письма отъ Гарибальди, которое вамъ уже извѣстно. Вотъ эти строки:

«Благодареніе всѣмъ во имя великой республики, во имя принциповъ, которыми она живетъ, во имя обширной будущности человѣка!

«Миръ представляется теперь не столь отдаленнымъ, какъ казалось прежде. Надѣюсь, что онъ наступитъ скоро и установится прочно, и что тогда люди будутъ достойны хранить его навсегда.

«Тогда будетъ доказано, что люди свободные, для рѣшенія возникшихъ между ними негодованій, не охотно будутъ обращаться

отъ бюллетеней къ пулямъ, и что тѣ, которые прибѣгаютъ къ такому средству, проигрываютъ свое дѣло, израсходовавшись напрасно.

«Тогда нѣкоторые чернолицые будутъ помнить, что они со штыкомъ въ рукахъ, безмолвно, съ сжатыми устами и съ глазами, устремленными на врага, содѣйствовали успѣху этой великой борьбы. Но я боюсь, что найдутся и бѣлолицые, которые не въ состоянии будутъ забыть, что они, руководимые испорченнымъ сердцемъ, старались лживыми словами воспрепятствовать освобожденію первыхъ.

«Однакожъ, не будемъ слишкомъ довѣрять близости окончательнаго торжества. Намъ слѣдуетъ быть благоразумными вполнѣ. Употребимъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры для достиженія побѣды, никогда не отчаяваясь въ правосудіи Бога»!

Съ тревожнымъ нетерпѣніемъ всѣ, занимающіеся въ Европѣ политикой, ожидали рѣчи, которую его величество, людовикъ Бонапартъ, долженъ былъ произнести 5 ноября при открытіи палатъ.

На биржѣ по этому случаю распространялись самые разногласные слухи; въ министерскихъ кружкахъ и во всѣхъ тѣхъ обществахъ, гдѣ хвастаются политическими свѣденіями, цитировались цѣлые параграфы и отрывочныя фразы, будто бы заимствованные изъ этой рѣчи. Нѣкоторыя лица заключали о мирѣ, другія о войнѣ.

Съ того дня, какъ Франція перестала существовать въ видѣ совершеннолѣтней націи, располагающей своими правами, и снова уподобилась бульдогу, назначаемому на бой съ другими животными, тотъ самый господинъ, который надѣваетъ на нее и снимаетъ намордникъ по своему усмотрѣнію, сдѣлался самымъ могущественнымъ владѣтелемъ въ мірѣ. Онъ безъ сомнѣнія достигъ власти, какою до него пользовались немногіе смертные, и неизвѣстно, надолго-ли превратился во всемогущаго западнаго императора.

Бонапартъ, III-й по имени, располагаетъ французскою арміею и можетъ, по своему произволу, послать ее въ Мексику, Китай, Россію, Австрію, или въ Соединенные Штаты Америки. По одному его слову, шестьсотъ тысячъ человѣкъ, отлично владѣющихъ штыкомъ, готовы идти куда и противъ кого прикажетъ ихъ повелитель. Не мудрено, что Европа съ тревожнымъ вниманіемъ прислушивается къ словамъ, которыя этотъ человѣкъ произноситъ голосомъ сильнымъ, но глухимъ, сквозь густые свои усы, между тѣмъ, какъ тусклые глаза его устремлены на бумагу, находящуюся въ его рукахъ.

«Когда началось польское возстаніе, говорилъ онъ: — правитель-

ства русское и французское находились въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Съ самого заключенія мира, они дѣйствовали единодушно по всѣмъ великимъ европейскимъ вопросамъ. Я, не задумываясь, могу объявить, что впродолженіе итальянской войны и во время присоединенія графства Ниццы и Савойи, императоръ Александръ оказывалъ мнѣ самую искреннюю, дружественную поддержку. Такими отношеніями нельзя было не дорожить и я долженъ былъ считать польскій вопросъ весьма популярнымъ во Франціи, чтобы рѣшиться компрометировать одинъ изъ первыхъ союзовъ континента и возвысить голосъ въ пользу націи, мятежной въ глазахъ Россіи, но которая, по нашему мнѣнію, наслѣдовала права, записанныя въ скрижаляхъ исторіи и въ трактатахъ.

«Однакожъ, этотъ вопросъ касался самыхъ важныхъ европейскихъ интересовъ и не могъ быть разрѣшенъ одною Франціею. Оскорбленіе нашей чести или нападеніе на наши границы одни только могутъ заставить насъ дѣйствовать безъ предварительнаго совѣщанія съ кѣмъ бы то ни было. Но здѣсь, какъ въ эпоху восточнаго вопроса или событій, происходившихъ въ Сиріи, необходимо было обратиться къ мнѣнію другихъ державъ, которыя, подобно намъ, имѣютъ право подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ.

«Польское возстаніе, которое вслѣдствіе продолжительности своей пріобрѣло національный характеръ, вездѣ возбуждаетъ сочувствіе, и цѣль дипломаціи состояла въ томъ, чтобы привлечь на его сторону какъ можно болѣе приверженцевъ и дѣйствовать на Россію всею тяжестію мнѣнія Европы. Такое почти единодушное изъявленіе мнѣній намъ казалось самымъ лучшимъ средствомъ для убѣжденія петербургскаго кабинета. Къ несчастію, наши безкорыстные совѣты приписывались желанію дѣйствовать посредствомъ внушенія страха, и попытки, сдѣланныя Англіею, Австріею и Франціею въ этомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы остановить борьбу, только еще болѣе ее воспламенили. Съ обѣихъ сторонъ производились дѣйствія, которыя одинаково должно оплакивать во имя человѣчества.

«Что тутъ дѣлать? Неужели остается только выборъ между войною и молчаніемъ? Нѣтъ.

«Кромѣ войны и молчанія, еще имѣется одно средство: подвергнуть польскій вопросъ европейскому суду. Россія уже объявила, что конференціи, въ которыхъ будутъ разсматриваться всѣ прочіе вопросы, волнующіе Европу, нисколько не оскорбятъ ея достоинства.

«Воспользуемся этимъ объявленіемъ. Пусть оно послужитъ намъ средствомъ къ окончательному устраненію всѣхъ поводовъ къ раздору, готовому вспыхнуть со всѣхъ сторонъ, и пусть изъ настоящаго затруднительнаго положенія Европы, вызваннаго столь многими стихіями несогласія, возникнетъ новая эра порядка и мира!

«Развѣ еще не настала пора для перестройки, на новыхъ началахъ, зданія, подъ которое подкопалось время, и которое мало помалу разрушено революціями?

«Развѣ еще нѣтъ надобности признать, посредстомъ новыхъ соглашеній, то, что уже совершилось и что нельзя измѣнить, и съ общаго согласія исполнить то, что необходимо для сохраненія всеобщаго мира

«Трактаты 1815 года перестали существовать. Сила событій опрокинула ихъ или стремится опрокинуть почти вездѣ. Они были нарушены въ Греціи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи и на Дунаѣ. Германія стремится уничтожить ихъ дѣйствіе у себя. Англія измѣнила ихъ великодушною уступкою Іоническихъ островов, а Россія топчетъ эти трактаты ногою въ Варшавѣ.

«При такомъ постепенномъ уничтоженіи основного европейскаго договора, страсти волнуются, и на югѣ и на сѣверѣ возникаютъ важные вопросы, требуюшіе разрѣшенія.

«Что же можетъ быть законнѣе и разумнѣе въ этомъ случаѣ, какъ созваніе конгресса европейскихъ державъ, на которомъ самолюбіе и упорство тяжущихся сторонъ должны умолкнуть передъ рѣшеніемъ верховнаго суда? . . . .

«Это приглашеніе—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хочется думать—будетъ принято всѣми. Отказъ, съ чей бы то ни было стороны, заставитъ предполагать существованіе тайныхъ замысловъ, опасающихся дневного свѣта. Но если даже не всѣ единодушно согласятся съ моимъ предложеніемъ, все же оно представитъ ту выгоду, что укажетъ Европѣ, гдѣ кроется опасность и гдѣ можно найдти спасеніе. Двѣ дороги открыты: одна ведетъ къ прогрессу посредствомъ соглашенія и мира, а другая рано или поздно поведетъ къ войнѣ вслѣдствіе упорства, съ какимъ стараются сохранить устарѣлый порядокъ, разрушающійся отъ времени.

«Вы теперь знаете, господа, предложеніе, какое я намѣренъ сдѣлать Европѣ. Одобренное вами и освященное мнѣніемъ цѣлой націи,

оно должно быть услышано, потому что я говорю во имя Франціи».

Однакожъ, эта рѣчь, отличавшаяся свойственною оратору *откровенностью*, еще болѣе усилила безпокойство и неизвѣстность, господствовавшія въ публикѣ. Означаетъ-ли она миръ, или войну? Энтузіазму официальныхъ журналовъ не было предѣла... Всѣ они ее хвалили съ восторгомъ, одни за то, что она вновь подтверждаетъ слова: «имперія есть миръ!» а другіе—за то, что она самымъ рѣшительнымъ образомъ объявляетъ о новой войнѣ за идею.

Что же это значитъ? А то, что, человѣкъ, который ничего не высказываетъ, а все только лжетъ, «какъ весьма удачно выразился объ немъ лордъ Коули, англійскій посланникъ въ Парижѣ, изучающій эту личность, что этотъ человѣкъ—снова заговорилъ, съ тѣмъ чтобы скрыть свою мысль. На свое лицо—эту маску, данную ему природой, онъ надѣлъ другую маску, которую считаетъ еще болѣе непроницаемою. Но исторія неизгладимыми литерами начертила на челѣ этого человѣка: «второе декабря.» Тщетно онъ старается замаскировать себя; всякую его маску легко узнать: она была поднята на улицѣ и покрыта декабрьскою кровью и грязью.

Разсказываютъ, что императоръ Бонапартъ, I-ый по имени, имѣлъ страсть каждую среду вечеромъ отправляться на балъ, который давался въ улицѣ Монъ-Бланъ. Онъ въ 11 часовъ отправлялся туда въ домино; прогуливался между группами масокъ, осматривая всѣхъ, и въ 12 часовъ возвращался домой. Онъ дѣлалъ это не изъ любви къ инкогнито—о его приходѣ громно извѣщалъ лакей,—не изъ любви къ интригѣ или бесѣдѣ—передъ нимъ почтительно разступались всѣ группы; онъ это дѣлалъ ради удовольствія носить маску и чувствовать, что она привязана къ нему крѣпко!

Такъ какъ оракулы сфинкса нуждаются въ толкованіи, то мы попытаемся объяснить общій смыслъ знаменитой рѣчи, произнесенной императоромъ.

По нашему мнѣнію, она означаетъ: война неизбѣжна, но я къ ней еще не приготовленъ. Я не буду готовъ ранѣе весны, а до тѣхъ поръ не желалъ бы себя компрометировать. Я бы охотно сидѣлъ въ своемъ тюльерійскомъ дворцѣ и спокойно бы грѣлся для излѣченія своего ревматизма; но я первая жертва своего собственнаго всемогущества. Внушивъ цѣлому свѣту идею, что ни одинъ пушечный выстрѣлъ не можетъ быть произведенъ въ Европѣ безъ

моего согласія, я, подъ опасеніемъ лишиться этого значенія, принужденъ дѣйствовать за или противъ петербургскаго правительства. За или противъ? вотъ въ чемъ вопросъ. Я бы предпочелъ дѣйствовать и за и противъ... Впрочемъ я нисколько не затрудняюсь объявить, что союзъ съ императоромъ Россіи былъ необходимъ для моей имперіи, съ тѣхъ поръ какъ дружеское согласіе съ Англіею исчезло подобно дыму. Но моя политика, объявившая себя въ пользу независимости національной, и симпатіи моего безгласнаго народа склоняются на сторону несчастныхъ поляковъ, ради которыхъ я буду принужденъ взяться за оружіе, вопреки своему собственному желанію. Чтобы выиграть время, я намѣренъ предложить составленіе конгреса, совершенно невозможнаго. Начать съ того, что онъ не соберется, а если и соберется, то ничего не рѣшитъ, а если что и рѣшитъ, то это рѣшеніе будетъ совершенно неосуществимо. Вотъ съ какою цѣлью я отправляю чрезвычайныхъ гонцовъ во всѣ главныя столицы Европы съ своимъ химерическимъ предложеніемъ. Пока объ немъ будутъ разсуждать, русскія войска успѣютъ подавить польское возстаніе, или я успѣю собраться съ силами для истреблерія русскихъ войскъ.

Но для этого императору Людовику Наполеону Бонапарту нужны союзники. Между тѣмъ онъ почти совершенно одинокъ въ Европѣ. Англія ненавидитъ Россію, но еще болѣе питаетъ страха и зависти къ Франціи. Австрія, которая не можетъ забыть своего пораженія при Сольферино, приготовила для Наполеона весьма милую измѣну на конгресѣ государей, собравшемся во Франкфуртѣ. Что касается Пруссіи, то ея политическое существованіе въ нѣкоторомъ родѣ обусловливается соперничествомъ и ненавистью къ Франціи. Союзъ съ Италіею Людовикъ Наполеонъ можетъ купить только цѣною Рима. При этомъ союзъ снова возбудилъ бы противъ него ненависть духовенства и безъ сомнѣнія вооружилъ бы Австрію. Остается Италія, которая ненавидитъ Наполеона Бонапарта по разнымъ причинамъ, между прочимъ и за мексиканскія дѣла... А что въ самомъ дѣлѣ, не попытаться-ли заключить союзъ съ этой державой? Надо замѣтить, что Испанія съ 1848 года сдѣлала большіе успѣхи въ финансовомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Она въ нѣкоторомъ смыслѣ возродилась и снова чувствуетъ въ своихъ жилахъ пылъ молодости. Она горитъ нетерпѣніемъ совершить какой нибудь блистательный подвигъ въ Мек-

сикѣ, въ Марокко, или гдѣ бы то ни было, и весьма была бы не прочь испытать свои силы противъ Россіи, какъ поступила Италія во время крымской войны...

Поэтому императоръ отправилъ императрицу въ Мадридъ для переговоровъ относительно союза между обоими правительствами.

Носится слухъ, что императрицѣ поручено было предложить Изабеллѣ II мексиканскій престолъ для одного изъ бурбонскихъ принцевъ, на мѣсто эрцгерцога Максимиліана, впавшаго въ немилость, и что испанская королева при этомъ случаѣ немедленно подумала о своемъ кузенѣ, донѣ Себастіанѣ, который своею умилительною покорностью пріобрѣлъ ея благосклонность.

Испанія, говорятъ, соглашается отправить въ Мексику войска, съ тѣмъ чтобы продолжать дѣло, начатое Наполеономъ, и наслѣдовать такимъ образомъ отвѣтственность за его преступленіе. Полагаютъ, что это дастъ императору возможность отдѣлатся отъ затѣяннаго имъ предпріятія, не впутавшись въ войну съ Соединенными Штатами.

Сверхъ того, также носится слухъ, что императрица предложила доннѣ Изабеллѣ занять римскія области вдвоемъ съ Людовикомъ Наполеономъ, но что ни Испанія, ни папа не хотятъ и слышать о такой сдѣлкѣ.

Наконецъ, говорятъ, что испанская королева, въ качествѣ своячепицы князя Чарторижскаго, назначеннаго будто бы при этомъ случаѣ королемъ польскимъ, соглашается дать войска для дѣйствій противъ Россіи....

Вотъ все, что проникло въ публику относительно послѣднихъ дипломатическихъ подвиговъ тюльерійскаго кабинета. Говорятъ, что предложенія его были приняты мадридскимъ дворомъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Не смотря, однакожъ, на перспективу союза съ Испаніею, будущность представляется намъ въ весьма мрачномъ видѣ. Трудно сказать, кто болѣе безпокоится—тѣ ли, которые любятъ, или тѣ, которые не любятъ поляковъ,—бонопартисты ли, республиканцы ли, или простые буржуа. Всѣ чувствуютъ, что положеніе наше запутывается самымъ ужаснымъ образомъ, и всякій чего-то боится

Внутри, всѣ взоры устремлены на законодательную палату. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ первую борьбу, въ которую оппозиція должна будетъ вступить съ правительствомъ по поводу скандала, происходившаго на выборахъ. Администрація сильно опасается, что законодательный корпусъ—чего добраго—захочетъ дѣйствовать серьоз-

но и дѣйствительно исполнять свою обязанность, и что въ такомъ случаѣ въ государствѣ образуется новая власть, которая со временемъ можетъ сдѣлаться исключительною. Г. Морни старается пріобрѣсть благосклонность депутатовъ; онъ всячески ластится къ нимъ и становится любезнымъ и очаровательнымъ. Онъ желалъ бы убѣдить ихъ въ необходимости питать безграничное довѣріе, «какъ къ императору, этому самому либеральному человѣку въ имперіи,» какъ выразился министръ Дюрюи

Всеобщее любопытство устремлено на маленькаго господина Тьера. Спрашивается: послѣ того, какъ онъ, съ своей стороны, сильно содѣйствовалъ паденію іюльской монархіи и революціи 1848 года, не захочетъ ли онъ примѣнить также своего прелестнаго таланта и къ имперіи 1851 года? Или онъ согласится погубить свою собственную репутацію?

Смерть господина Билльо, эксвоспитанника Тьера, притомъ единственнаго оратора, котораго еще можно было противопоставить Тьеру и Жюлю Фавру, сильно опечалила правительство. Оно лишилось въ лицѣ этого министра главной своей опоры и теперь ему служатъ только весьма посредственные таланты, стоющіе огромныхъ денегъ. Говорили, что это—неисправимая потеря для имперіи. Всѣ средства поэзіи, изъявленія печали и сожалѣнія, какія только представляются артиллеріею, гвардейскими драгунами, пѣхотою, полицею, господиномъ Годилло, устраивающимъ императорскія празднества, и, наконецъ компаніею, принимающею на себя устройство похоронныхъ церемоній,—все это было употреблено для приданія торжественности похоронамъ великаго Билльо. Придворныя кареты, главный императорскій штабъ, вся знать, кардиналы, епископы, архіепископы, сенаторы, депутаты, магистратура, присяжные, коммерческіе суды, и вообще всѣ люди, имѣющіе на груди своей галунъ и на шляпѣ кокарду,—все это было собрано для участія въ погребальномъ шествіи. Шесть лошадей, какъ на королевскихъ похоронахъ, везли покойника. Похоронная колесница была вся убрана шелкомъ и плюмажемъ и украшена гербовыми щитами и серебряною бахрамою. Балдахинъ поддерживался четырьмя серебряными статуями (работы Ruolz), представлявшими Силу, Волю, Трудъ и Знаніе. Вмѣсто этихъ четырехъ мифологическихъ лицъ, сначала хотѣли употребить аллегоріи Преданности, Чести, Справедливости и Истины, но потомъ предпочли первыхъ, и хорошо сдѣлали. Убранство церкви Saint German l'Auxerrois

болѣе отличалось богатствомъ, чѣмъ хорошимъ вкусомъ. Катафалкъ былъ несоразмѣрной величины съ внутренностью зданія. По четыремъ угламъ его стояли четыре серебряныя статуи (работы Рюоза и Христофля), представлявшіе тѣ же самые сюжеты, какіе находились на колесницѣ: Трудъ Знаніе, Силу и Волю. Церьковь внутри была вся покрыта чернымъ сукномъ и обведена полосою бѣлаго горностая, которая вѣроятно служила символомъ чистосердечія усопшаго. Черезъ каждую минуту пушки инвалидовъ дѣлали залпъ въ честь покойника. Барабаны и знамена покрыты были крепомъ. Черные ковры лошадей и всѣ драпировки усѣяны были серебряными точками, представлявшими слезы,—не лучше ли было бы усѣять ихъ золотомъ, если принять въ соображеніе все, что намъ стоилъ Билльо? Въ заключеніе, г. Руланъ, сенаторъ, одинъ изъ трехъ или четырехъ лицъ, назначенныхъ замѣнить великаго министра, подошелъ къ могилѣ съ выраженіемъ печали на лицѣ, и прерываемый собственными своими слезами, произнесъ между прочими назидательными словами:

«Душа его (т. е. господина Билльо) возвратилась къ Богу! Память о покойномъ принадлежитъ его странѣ, семейство его — императору, а печаль о потерѣ такого друга и сотрудника — его бывшимъ сослуживцамъ. Прощай, Билльо! Прощай!! Прощай»!!!

Послѣ смерти «бѣднаго Билльо», случившейся, какъ нельзя болѣе некстати, совершилось другое событіе, которое немнѣе взбудоражило весь бонапартисткій міръ. Знайте же, что императоръ Наполеонъ I Бонапартъ, великій, заправскій Наполеонъ, императоръ, одѣтый въ рединготѣ и съ маленькой трехугольной шляпой на головѣ, Наполеонъ Аустерлица, Москвы и Ватерлоо, народный герой Франціи, маленькій капралъ Беранжера и инвалидовъ первой имперіи, что этотъ самый Наполеонъ сошелъ съ Вандомской колонны, съ высоты которой онъ обозрѣвалъ «свой Парижъ», и что его позорнымъ образомъ поставили посреди дороги, по близости какой-то казармы. Его замѣнили какимъ-то подобіемъ римскаго императора, Нерона, Каракаллы, неизвѣстно кого, одѣтаго въ тогѣ, другими словами въ блузѣ или рубашкѣ. Монитёръ явился соучастникомъ такого оскорбленія, нанесеннаго памяти героя. Онъ сдѣлалъ изъ этого государственный вопросъ и доказывалъ необходимость такой перемѣны разными артистическими и, въ особенности, династическими соображеніями. По его мнѣнію, сапоги, жилетъ, штаны великаго

дяди представляли слишкомъ реальныя детали, которыя слѣдовало замѣнить чѣмъ нибудь идеальнымъ, — понимаете? — чѣмъ нибудь въ классическомъ или академическомъ родѣ, напримѣръ голыми ногами, безъ панталоновъ. (И въ такомъ видѣ выставить несчастнаго, на открытомъ воздухѣ, подъ вѣтеръ, дождь и снѣгъ: какой ужасъ!) «Словомъ, заключаетъ Монитёръ, такому герою слѣдуетъ воздать апофеозу»! Вотъ оно что! Апофеоза, если не ошибаемся, значитъ боготвореніе. Итакъ, императоръ Наполеонъ I Бонапартъ возведенъ въ чинъ божества! Это офиціальное подражаніе эпохѣ паденія римской имперіи, эпохѣ самой печальной, отличавшейся развратомъ, гнуснымъ рабствомъ и постыдною подлостью, признается всѣми позорнымъ и унизительнымъ. «Въ наше время, смѣло восклицаетъ журналъ Le Temps, апофеозы предоставляются циркамъ господина Франкони, а государи передаются суду исторіи»!

Во всякомъ другомъ мѣстѣ этому событію не придавали бы большой важности. Но у насъ видятъ въ этомъ не только признакъ дурного вкуса, къ которому мы уже привыкли, но и доказательство безсмыслія нашего правительства, лелѣющаго устарѣлые народные предразсудки, столь долгое время составлявшія силу династіи Бонапартовъ.

Жакъ Лефрень.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Совѣщанія петербургскаго купеческаго клуба съ трепакомъ.—Партія карточныхъ игроковъ, вытѣсняющая семейные вечера.—Общій характеръ нашихъ общественныхъ собраній.—Скука и карточная игра, какъ необходимые элементы ихъ.—Отсутствіе дѣловой стороны въ нашихъ собраніяхъ.—Есть ли у насъ способности для коллективной дѣятельности?—Причины нашей общественной апатіи.—Причины эти въ тупости нервовъ.—Плачевное состояніе литературнаго фонда.—Характеристическая черта нашихъ благотворительныхъ учрежденій.—Отчего падаетъ литературный фондъ?—Виновата ли публика въ равнодушіи къ литературному фонду?—Организація его и выборы.—Тобольское общество.—Филантропическія стремленія его.—Наши финансовыя неудачи.—Письмо барона Штиглица о состояніи нашего банка.—Можно ли было предвидѣть его настоящій кризисъ? Гдѣ сила нашего кредита?

На этотъ разъ я твердо рѣшился говорить самымъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ. Ни тѣни ироніи, ни малѣйшаго раздраженія въ почтенномъ званіи лѣтописца, повѣствующаго о такихъ значительныхъ событіяхъ, какъ финансовое смятеніе на биржѣ и повальное опустошеніе нашихъ кармановъ! До смѣха ли тутъ, думалъ я себѣ, когда не только боги биржы, но даже боги нашего лирическаго Парнаса падаютъ въ прахъ. Фетъ кляузничаетъ изъ за гусей, Майковъ и Полонскій переселяются въ «Модный Магазинъ», гдѣ ихъ муза будетъ уживаться вмѣстѣ съ выкройками исподняго платья и съ кухонной посудой; потому что *Софія* Мей (прошу г. коректора не поправлять слова *Софія* на *Софья* — этого требуетъ византійская мода временъ Константина Богрянороднаго), сама Софія Мей обѣщаетъ намъ въ своей программѣ «стихотворенія извѣстнѣйшихъ современныхъ поэтовъ», вмѣстѣ съ современными манишками и кринолинами. И такъ Майковъ и Полонскій, исподнее платье и кухня предлагаются публикѣ въ одной и той же программѣ, за одну и ту же цѣну...Плачь, о муза, плачь! До смѣха ли тутъ, когда даже благородныя россіянки

облекаются въ боевую аммуницію и съ нетерпеніемъ ждутъ военнаго сигнала,—когда московскія патріотки, сохранившіяся въ томъ же неповрежденномъ видѣ, какъ ихъ засталъ Фамусовъ и Молчалинъ, даже онѣ благословляютъ насъ на истребленіе врага. Ликуй, о Россъ, ликуй! Значитъ наступаютъ времена доблестныя, чреватыя великими произшествіями. Такъ я разсуждалъ и непремѣнно сдержалъ бы свое обѣщаніе быть серьезнѣйшимъ изъ публицистовъ, если бъ какая то нечистая сила не натолкнула меня на скандалезную исторію петербургскаго купеческаго клуба. Тутъ я не могъ не расхохотаться и не могу не подѣлиться своимъ смѣхомъ съ моимъ строгимъ читателемъ. Кто бы могъ подумать, что одно изъ самыхъ благонравныхъ и степенныхъ собраній нашихъ круглыхъ желудковъ заключаетъ въ себѣ столько комизма и юмора? Для ясности надо разсказать дѣло по порядку, а потомъ уже вывести надлежащее нравоученіе.

Можетъ быть, и всѣмъ извѣстно, что съ возрожденіемъ нашего прогресса и благодаря его неистовству, три года тому назадъ въ Петербургѣ составился купеческій клубъ, на образецъ всевозможныхъ нашихъ клубовъ, гдѣ первымъ параграфомъ запрещается напиваться до безобразія и драться по лицу. Цѣль этого клуба состояла въ томъ, чтобы доставить купеческимъ семействамъ пріятное препровожденіе времени въ обществѣ, гдѣ можно было бы показать себя, какъ товаръ, и посмотрѣть на другихъ, какъ на такой же товаръ;—чтобы вытащить молодыхъ купеческихъ сыновей изъ трактировъ и танцклассовъ, гдѣ они обыкновенно любили увеселять себя во всю широту русской натуры, и соединить ихъ въ такомъ собраніи, которое вмѣстѣ съ комфортомъ представляло бы имъ болѣе нравственныя развлеченія; наконецъ чтобы дать возможность собираться и старымъ купцамъ въ одномъ общественномъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы потолковать о своихъ дѣлахъ и познакомиться другъ съ другомъ. И что же? Даже эта невинная цѣль не могла осуществиться. Клубъ не замедлилъ обратиться въ игорный домъ, гдѣ карты сдѣлались преобладающимъ элементомъ и поглотили собой всѣ другіе интересы общества. «Искатели приключеній, пишетъ одинъ изъ членовъ купеческаго клуба, карточные аматеры бросились саранчею на собраніе, гдѣ народъ все денежный, и конечно, по ихъ понятіямъ, въ карточномъ дѣлѣ профаны. Вѣдь это чистая Калифорнія, такъ и греби золото. Нѣкоторые изъ этихъ господъ успѣли записаться членами собранія, а другіе сперва были въ качествѣ гостей, а потомъ были выбраны въ члены своими кліентами. Игра разгорѣлась со всѣ-

ми фокусами и вовлекла нѣкоторыхъ молодыхъ людей, а также и купцовъ; многіе были обыграны, но за то выучились играть и отыгрываться, нѣкоторые даже перестали величаться за-глаза олухами: лишь только вечерѣло, газовые фонари, зажженные передъ нѣкоторыми магазинами, служили имъ сигналомъ, что пора отправляться на зеленое поле, оставляя вечерній свой торгъ на однихъ прикащиковъ. Старики, солидные купцы, начали посматривать косо на купеческое собраніе, начали поохивать, бояться за своихъ сынковъ, друзей и знакомыхъ дилеттантовъ и будущихъ аматеровъ. Непріятно смотрѣть на страстнаго игрока-старика, но отвратительно смотрѣть на пристрастившагося къ картамъ молодого человѣка: онъ дѣлается совершенно потеряннымъ для общества и своего семейства. Старики стали рѣже и неохотно пускать свои семейства въ собраніе; многіе изъ нихъ даже перестали быть членами онаго, и вообще число членовъ стало замѣтно уменьшаться. Этому еще способствовало то, что нѣкоторые изъ старшинъ карточной сферы, обращающіе все свое вниманіе на карточный отдѣлъ собранія, стали смотрѣть на балы и семейные вечера холодно, какъ на лишнюю обузу, притомъ привлекающую папенекъ и маменекъ въ собраніе. Оркестръ наняли кое-какой, на семейныхъ и музыкальныхъ вечерахъ предоставили публикѣ танцовать подъ фортепіано; на люстрахъ зажигалось половинное число свѣчъ; балы давались очень рѣдко и проч. Карточная корпорація забрала управленіе по собранію въ свои руки. Такъ какъ на баллотировку рѣдко являлся кто нибудь изъ семейныхъ купцовъ, заинтересованныхъ полезною стороною собранія, а карточная корпорація дневала и ночевала тамъ, то отъ нея зависѣло все распоряженіе вполнѣ. Для вида избирались одинъ или два члена изъ степенныхъ, такъ сказать, рельефныхъ въ обществѣ личностей, а остальные—любители зеленаго поля; старшины эти сдѣлались слѣпымъ орудіемъ любителей карточной игры, у которыхъ скрывался замыселъ совершенно уничтожить собраніе и обратить его въ игорный клубъ.»

Такимъ образомъ великолепное помѣщеніе обратилось въ харчевню и купеческій клубъ въ вертепъ азартной карточной игры. Многіе члены, разумѣется, были недовольны, и число ихъ убавилось на 300 человѣкъ противъ перваго года. Нѣкоторые же, оставаясь членами, перестали посѣщать собраніе и возить въ него своихъ женъ и дочерей. оходы клуба, не смотря на разгорѣвшуюся карточную игру, стали уменьшаться, такъ что сравнительно съ первымъ годомъ третій годъ понесъ убытка на 29,000 р. Но карточные игроки не уны-

вали. Воспользоваршись убылью доходовъ, они предложили перемѣнить квартиру, намѣреваясь нанять тѣсное и сальное помѣщеніе, вмѣсто дома Голицына, извѣстнаго своей роскошной обстановкой. Умыселъ этихъ господъ былъ такой, чтобы уничтожить окончательно семейные вечера и завоевать себѣ полный просторъ для карточной игры. По этому случаю назначено было совѣщаніе, окончившееся трепакомъ,— да, настоящимъ русскимъ трепакомъ, котораго комизмъ былъ не безъ цинизма. Дурная, безнравственная сторона этого совѣщанія состояла въ томъ, что карточные игроки баллотировку обратили въ интрижку. Они назначили воскресный день для обсужденія вопроса: перемѣнять квартиру или нѣтъ? Назначая этотъ день, они разсчитывали, что большинство членовъ не явится въ клубъ, одни уѣдутъ въ театръ, другіе въ гости, третьи по обычаю купеческаго воскресенья останутся дома, чтобы провести время въ кругу своихъ знакомыхъ и семействъ. Разсчетъ, какъ видите, былъ не безъ сметки. За отсутствіемъ оппонентовъ, голосъ рѣшенія принадлежалъ карточнымъ игрокамъ, которые конечно напередъ условились явиться въ полномъ своемъ составѣ въ назначенный день; ихъ было 65 человѣкъ противъ 8-ми. Но слушайте дальше. Противники карточной игры настаивали, чтобы баллотировка производилась не вмолчанку, а была бы опубликована въ газетахъ, и члены клуба были бы приглашены гласно на совѣщаніе. Но партія карточныхъ игроковъ, коноводившая всей этой интригой, распорядилась иначе: она разослала къ членамъ повѣстки наканунѣ того дня, когда должна была состояться баллотировка; въ повѣсткѣ этой говорилось, что неявившихся причтутъ къ большинству, т. е къ голосу карточныхъ игроковъ. Иначе говоря, *молчаніе есть знакъ согласія*, и это отчасти въ характерѣ нашего самосуда. Отсюда мы и вывели мудрое житейское правило, по которому можно пороть, распекать, плевать прямо въ физіономію, приговаривая: *молчитъ—значитъ соглашается.* На основаніе такой логики самодуръ—этотъ величавый типъ нашей общественной обстановки—можетъ дѣлать все, что ему взбредетъ на мысль; онъ можетъ выдать свою дочь за какого-нибудь негодяя, потому что она молчитъ—значитъ соглашается; онъ можетъ избить свою жену до полусмерти, опять потому, что молчитъ—значитъ соглашается. Точно такъ поступили и картежники купеческаго клуба. Кто не пріѣхалъ по приглашенію повѣстки, тотъ значитъ молчитъ — и слѣдовательно соглашается. Наконецъ наступило самое совѣщаніе. Горсть оппонентовъ, брошенная въ взбаломученное море, дерзнула говорить противъ мнѣнія большинства, требуя, чтобы клубъ остался на прежнемъ

мѣстѣ. На это карточные игроки отвѣчали такимъ ревомъ, отъ котораго задрожали потолки. «Почему новая квартира не нравится вамъ? кричали они:—что тамъ для танцевъ мѣста мало? такъ вѣдь клубъ существуетъ нами (т. е. играками), а не балами.—Такъ вотъ что! закричалъ одинъ изъ оппозиціи:—благодаримъ за откровенность. Вы хотите купеческое собраніе обратить въ игорный клубъ! Тогда купечество не дастъ вамъ фирмы купеческаго собранія; нанимайте себѣ квартиру и играйте тамъ въ карты. — А вамъ нужно танцевать, закричалъ одинъ господинъ изъ противнаго лагеря, и *затѣмъ кривляясь, началъ прыгать, приговаривая:—будемъ же танцовать, а деньги Богъ дастъ.* На этомъ я останавливаюсь, потому что финалъ этихъ дебатовъ совершенно такой же, какъ и начало ихъ. Чѣмъ кончится самое совѣщаніе, или лучше, парламентская потасовка, до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла; но я пользуюсь этимъ фактомъ, какъ общей характеристической чертой нашихъ собраній и намѣренъ освѣтить ихъ нѣкоторымъ небезполезнымъ выводомъ.

Что мы нуждаемся въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ развлеченіями была бы и дѣловая сторона, гдѣ разрозненные интересы и силы приходили бы въ нѣкоторое соприкосновеніе, гдѣ мнѣніе вырабатывалось бы до высшаго общественнаго контроля, что мы нуждаемся въ такихъ собраніяхъ—въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Наше семейство наглухо заперто для всякаго сближенія съ обществомъ и поставлено въ такія условія, по которымъ скука и развратъ составляютъ прародительское наслѣдіе его. Тотъ грубый деспотизмъ, на который мы такъ умиленно жалуемся во всевозможныхъ его проявленіяхъ, лежитъ глубокими корнями въ нашемъ семействѣ, и вытекаетъ изъ него, какъ естественное явленіе. Глава семейства, до какихъ бы звѣрскихъ размѣровъ ни доходило его самовластіе въ домашнемъ быту, находится внѣ всякаго общественнаго контроля. Сосѣдъ сосѣду — не указъ, говоритъ пошлая пословица, и дѣйствительно я могу гнуть и ломать у себя, насколько станетъ силы, и никто не вмѣшается въ мои распоряженія. Соръ изъ избы не выносить, гласитъ другая пословица, которую можно коментировать въ такомъ смыслѣ: какія бы гадости ни дѣлались въ семьѣ, о нихъ надо умалчивать и хоронить ихъ подъ спудомъ. И дѣйствительно соръ не выносится изъ избы, а сваливается въ одну наслѣдственную кучу, отъ которой потомъ зажимаютъ носы самые невзыскательные потомки. Избитая дочь своимъ пьянымъ отцомъ не станетъ жаловаться на него, потому что нельзя выносить

соръ изъ избы; жена, голодающая съ кучей дѣтей по милости своего развратнаго мужа, только въ крайности рѣшается протестовать на томъ же основаніи, что соръ изъ избы не выносится. И если бъ можно было вымести его изъ нашего семейства на свѣтъ божій, то сколько бы мы нашли въ этой грязи драгоцѣнныхъ силъ, высокихъ порывовъ и честныхъ стремленій, задавленныхъ въ самомъ зародышѣ ихъ; сколько слезъ и страданій, безмолвныхъ и никому невѣдомыхъ, открылось бы передъ нами. Но общество не имѣетъ права заглядывать въ тайники семейства, и все это глохнетъ задаромъ въ одной общей могилѣ земли русской... Уродливость характеровъ и обычаевъ священной старины, развитіе личныхъ капризовъ и постоянная наклонность къ самовластію, даже неуклюжесть физическаго типа есть слѣдствіе семейной замкнутости, въ которую лучъ общественнаго свѣта не проходитъ. Потомъ, когда уже образуется извѣстная дурная привычка, когда характеръ сформируется подъ вліяніемъ домашняго гнета и всякой нечисти, трудно ему переработать себя, еслибъ онъ, вступая въ общество, и очутился въ другихъ лучшихъ условіяхъ жизни. Натура вялая и апатичная, вырываясь изъ этой среды, такъ и плетется цѣлую жизнь, куда кривая не вынесетъ; натура энергическая и здоровая бросается изъ одной крайности въ другую и, теряя равновѣсіе въ своихъ силахъ, большею частію погибаетъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ надламливается отъ своего безсилія, а во второмъ онъ пропадаетъ отъ избытка худо направленныхъ силъ. Къ такому результату ведетъ преобладаніе семейства надъ обществомъ и отчужденность ихъ другъ отъ друга. У народовъ дикихъ эта черта сильно выдается впередъ, и по степени сближенія семейнаго элемента съ общественнымъ можно судить о гражданской развитости той или другой націи.

Въ характерѣ русскаго народа есть множество общественныхъ инстинктовъ, уцѣлѣвшихъ отъ всѣхъ историческихъ искаженій. И такъ какъ исторія дѣйствуетъ почти исключительно только на верхніе слои общества, то въ этихъ верхнихъ слояхъ экономическая борьба породила разрозненность и особность. Особнякомъ является помѣщикъ, чиновникъ, ученый и всякая форменная личность, воспитанная въ болѣе или менѣе замѣтныхъ антипатіяхъ къ народу. Но этой особности мы не видимъ въ массахъ; здѣсь каждый атомъ тяготѣетъ къ своему цѣлому уже потому, что цѣлое сильнѣе отдѣльной единицы, сюда не попали тѣ враждебныя отношенія, которыя порвали общественную связь между другими сословіями; здѣсь

общинное начало уцѣлѣло въ его первобытномъ состояніи, и еслибъ оно осмыслилось болѣе развитыми индивидуальными силами и болѣе здравыми экономическими понятіями, то никакая внѣшняя сила, откуда бы она ни давила на народъ, не могла бы уничтожить это начало. Проявленія его, нѣтъ сомнѣнія, всегда были слабы или лучше сказать, оно всегда находилось въ пассивномъ отношеніи къ историческому движенію, но признаки его жизни остались доселѣ. И еслибъ можно было на будущее время отстранить тѣ посторонніа вліянія, которыя мѣшаютъ естественному развитію общиннаго начала, то оно современемъ удесятерило бы наши силы и разрѣшило бы множество теперь самыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, мы часто не понимаемъ, въ чемъ наша настоящая мощь и гдѣ наша слабость. Одни мечтаютъ о земствѣ, представляя его въ какомъ-то аркадскомъ, идеальномъ видѣ, другіе такъ подслѣповаты, что кромѣ сословнаго начала ничего не видятъ, и отъ избытка своей *благонамѣренности* думаютъ, что въ немъ-то и спасеніе наше. Такъ гг. Скарятинъ и Катковъ придаютъ дворянству такое значеніе, какого оно въ дѣйствительности никогда не имѣло и не будетъ имѣть. Съ другой стороны г. Аксаковъ съ братіей вмѣсто живого народа представляютъ намъ стародавніе полушубки, и очень наивно полагаютъ, что въ этихъ полушубкахъ необыкновенная нравственная силища. И тѣ и другіе тычутъ пальцемъ въ небо; г. Катковъ сочинилъ свое дворянство по англійскимъ учебникамъ, а г. Аксаковъ изобрѣлъ земство въ воображеніи. Дворянству нашему суждена самая скромная историческая роль, до того скромная, что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, ему не на что опереться. За нимъ и передъ нимъ нѣтъ тѣхъ фактовъ, которыми отличилось и опозорило себя феодальное патентованное сословіе; наше дворянство возникло въ тихомолку, подъ сѣнью великокняжескаго двора, и выросло втихомолку. Въ этомъ его достоинство и вмѣстѣ ничтожное значеніе. Съ этой стороны намъ нечего бояться потрясеній или помѣхъ нашему общественному развитію; объ этомъ можно вовсе и не думать. Но нельзя сказать, чтобы и земство заявило себя чѣмъ нибудь великимъ. Оно несло государственныя тягости, взрывало чуть не ногтями свой обширный чорноземъ и затѣмъ ничего не знало, что дѣлается надъ нимъ и передъ нимъ. Средину же между этими двумя классами занимаютъ люди, съ которыхъ если снять ихъ ярлычки, то они должны смѣшаться съ тѣмъ или другимъ изъ главныхъ сословій. Поэтому о сословномъ началѣ намъ нечего много и разглагольствовать.

Но тѣмъ больше надо искать силы въ самомъ народѣ и въ его общинномъ складѣ. Тутъ мы нападемъ на многія явленія, которыя укажутъ намъ, куда и зачѣмъ слѣдуетъ идти. Посмотрите, какъ легко составляется наша артель, какъ незамѣтно, но глубоко разрастались разныя религіозныя братства, въ которыхъ способъ примѣненія общиннаго начала былъ дуренъ, но жизненность принципа оставалась та же. Никто такъ удобно не уживается въ артели, какъ русскій человѣкъ: бросите ли вы его въ тюрьму или на каторгу, онъ прежде всего постарается слиться съ той средой, которая живетъ и дѣйствуетъ одними интересами съ нимъ. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что общественная жизнь должна идти впереди всѣхъ другихъ началъ нашей дѣятельности. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ то, что общественной жизни у насъ вовсе нѣтъ и общественный тактъ не удается намъ въ самыхъ мелкихъ предпріятіяхъ. Наши общественныя собранія совѣщаются съ трепакомъ, наши клубы могутъ держаться только карточной игрой; уставы ихъ должны предписывать избраннымъ членамъ даже такія правила, чтобъ они не дрались съ прислугой и не безобразничали за столомъ

Отчего же это? Что мы развѣ дѣти въ самомъ дѣлѣ и навсегда останемся дѣтьми? Неужели безъ розги насъ ничему путному не научишь, и чтобы не брать такую мерзость въ ротъ, какъ «Домашняя бесѣда» Аскоченскаго, или «Якорь» Стелловскаго, надо сочинить какой нибудь особенный уставъ. Что мы не дѣти, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что мы такъ или иначе расползлись почти на 400,000 квадратныхъ миль земнаго шара и считаемъ въ своихъ генеалогіяхъ предковъ, битыхъ изъ собственной руки Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Но если мы не дѣти, то отчего же не удаются намъ ни общественныя предпріятія, ни общественныя собранія? Относительно первыхъ я уже говорилъ; мнѣ остается поразмыслить здѣсь о несостоятельности вторыхъ.

Есть мнѣніе, что общества наши невыносимо скучны потому, что много въ карты играютъ. Дѣйствительно, карточная игра составляетъ пятую стихію въ нашей цивилизованной жизни. Безъ карточной игры мы обратились бы въ тѣхъ котошихинскихъ мудрецовъ, которые, уставя брады въ землю, украшали себя молчаніемъ; безъ карточной игры рѣдко составляется чиновничій семейный кружокъ; безъ нея, какъ я уже сказалъ, не могутъ существовать наши клубы. Не имѣя особенной страстности въ своемъ темпераментѣ, мы однакожъ увлекаемся картами до того, что проигрываемъ цѣлыя состоянія и пускаемъ свои семьи по міру. Но все же общества наши скучны не потому,

что мы, уставя брады въ карты, играемъ въ нихъ много, а наоборотъ, карточная игра такъ сильно развита у насъ потому, что насъ вездѣ заѣдаетъ скука. Тутъ есть причина чисто физіологическая. Въ человѣческомъ организмѣ нервы составляютъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей нашей жизни; черезъ нихъ мы воспринимаемъ самыя разнообразныя ощущенія отъ внѣшняго міра, такъ что эти незримыя, микроскопическія нити соединяютъ нашъ организмъ съ неизмѣримымъ движеніемъ всей природы. Нѣтъ ни одного впечатлѣнія, дѣйствующаго на насъ помимо нервовъ. Тонкостію и развитіемъ ихъ обусловливается степень воспріимчивости, а суммою ощущеній, передаваемыхъ ими нашему организму,—степень нашей жизненности и дѣятельности. Чѣмъ больше ощущеній и чѣмъ разнообразнѣе они, тѣмъ мы больше чувствуемъ, мыслимъ и дѣйствуемъ. На этомъ простомъ законѣ основывается величайшее явленіе общественной жизни — постоянное стремленіе ея къ развитію и обновленію тѣхъ силъ, которыя лежатъ въ основаніи соціальнаго порядка. Если общество поставлено въ такія условія, что кругъ впечатлѣній, возбуждающихъ его силы, крайне ограниченъ, то оно впадаетъ въ сонливое, апатичное состояніе, изъ котораго старается выйдти посредствомъ какихъ нибудь искусственныхъ и насильственныхъ возбужденій. Житель востока куритъ опіумъ для того, чтобы создать себѣ другой міръ, болѣе удовлетворяющій его нервамъ, чѣмъ міръ дѣйствительный. Русскій работникъ напивается пьянъ, чтобы восполнить тотъ же недостатокъ органической жизни, который заставляетъ японца и китайца возбуждать себя опіумомъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ общественная дѣятельность развилась настолько, что вполнѣ удовлетворяетъ человѣка, доставляя ему наслажденіе и постоянно увлекая его къ новымъ предпріятіямъ, тамъ нѣтъ надобности курить опіумъ или напиваться пьянымъ; тамъ не можетъ быть ни апатіи, ни пассивнаго самозабвенія, которое бы требовало искусственныхъ и фальшивыхъ впечатлѣній; тамъ съ утра и до вечера можно быть занятымъ чѣмъ нибудь дѣльнымъ, полезнымъ и не считать длинныхъ часовъ среди гнетущей скуки и бездѣйствія; тамъ человѣкъ не станетъ ложиться на кровать и плевать въ потолокъ, плевать потому, что кромѣ этого занятія нечего болѣе дѣлать. Поэтому разнообразіе ощущеній, идей и дѣятельности составляетъ непремѣнную принадлежность хорошей общественной жизни. Кромѣ того дѣятельность должна доставлять человѣку счастіе и удовольствіе. Огромная разница между тѣмъ, кто вертитъ колесо или чиститъ лошадь по приказанію или по горькой необходимо-

сти, и тѣмъ, кто играетъ на скрипкѣ по увлеченію и по своей доброй волѣ. Трудъ можетъ быть не проклятіемъ человѣческой породы, а высочайшимъ ея наслажденіемъ, если дать ему другой характеръ, чѣмъ онъ доселѣ имѣетъ въ болѣе или менѣе рабскихъ обществахъ. Свобода есть первое, самое законное и святое право труда; она облагороживаетъ и возвышаетъ нашу дѣятельность, облегчая и тѣхъ, кто работаетъ, и тѣхъ, кто пользуется плодами этихъ работъ. Общественная совѣсть не можетъ быть спокойна до тѣхъ поръ, пока среди народа останется хоть одинъ рабъ... Такимъ образомъ въ обществѣ, гдѣ есть разнообразіе и полная независимость дѣятельности, не можетъ быть ни скуки, ни апатіи; тамъ нѣтъ необходимости и прибѣгать къ картамъ, чтобы выводить себя изъ нравственнаго одуренія или, загнувъ уголъ удачно, облупить своего ближняго, какъ липку. Карты для образованныхъ сословій Европы тоже, что гашишъ для турка. Онѣ искусственно возбуждаютъ нервы, усиливаютъ біеніе пульса, пораждаютъ ту страстность увлеченія рискомъ и мгновенными перемѣнами счастія (принимая это слово въ самомъ дурномъ смыслѣ), которой не достаетъ въ обыкновенномъ состояніи отупѣвшаго человѣка. Разумѣется, есть среди игроковъ очень умные люди, артисты и дѣловые практики, которые смотрятъ на игру, какъ на средство поживиться насчетъ ближняго, но и эти люди не избавлены отъ недостатковъ той пустой и скучающей среды, среди которой они спекулируютъ тузами и двойками. Дайте имъ силы и средства пріобрѣтать деньги другимъ, болѣе благороднымъ путемъ, они непремѣнно бросили бы карточную игру, не стали бы просиживать цѣлыхъ ночей за зеленымъ сукномъ и наблюдать другъ за другомъ, какъ ночной воръ наблюдаетъ за фонаремъ. Изъ этого слѣдуетъ то, что чѣмъ меньше въ обществѣ хорошей и полезной дѣятельности, тѣмъ оно больше предается картамъ. Въ этомъ отношеніи Франція можетъ служить намъ назидательнымъ примѣромъ. Какъ только поднимался уровень ея общественной жизни и политической свободы, карточная игра получала менѣе азартный характеръ и въ общемъ итогѣ уменьшалась. Напротивъ, какъ только наступала эпоха апатіи и безсилія, карты и развратъ женщинъ дѣлались насущной потребностію городскихъ населеній. У насъ карточная игра особенно развита между чиновниками, потому что механическій трудъ, мало осмысленный идеей, сильно притупляетъ нервы и погружаетъ въ безвыходную апатію. На востокѣ тотъ же самый чиновникъ пилъ бы гашишъ, а въ Петербургѣ и Москвѣ онъ подогрѣваетъ и расправляетъ свои

нервы картами. Поэтому не карточная игра порождаетъ скуку и монотонность нашихъ общественныхъ собраній, а наоборотъ, безжизненность ихъ развиваетъ карточную игру.

Въ этой безжизненности заключается и другая слабая сторона нашихъ обществъ—отсутствіе интересовъ, которые бы соединяли отдѣльные атомы въ цѣльное тѣло; иначе говоря, отсутствіе дѣловаго и практическаго элемента дѣлаетъ общественныя собранія пустыми и скучными. Конечно было бы странно требовать, чтобы какой нибудь клубъ обратился въ ученое общество, гдѣ кромѣ серьезныхъ предметовъ нѣтъ ничего для разговора, гдѣ нельзя повеселиться и отдохнуть отъ дневныхъ занятій; но нѣтъ необходимости и уничтожать эту сторону. Пусть выборъ зависитъ отъ личныхъ наклонностей каждаго,—кто хочетъ веселиться, тотъ можетъ веселиться, кто хочетъ говорить о дѣлѣ, тотъ пусть говоритъ о дѣлѣ. Нельзя же заставить всѣхъ танцовать или напиваться пьяными. Англійскіе клубы, выработавшіеся при лучшихъ условіяхъ общественной жизни, умѣютъ соединять развлеченіе съ дѣломъ. Въ нихъ начинается разрѣшеніе тѣхъ міровыхъ вопросовъ, которые потомъ обсуждаются въ парламентѣ; въ нихъ составляется то мнѣніе, которое управляетъ ходомъ всей правительственной машины; въ нихъ формируются партіи, убѣжденія, совершаются громадныя коммерческія сдѣлки, и все это не мѣшаетъ имъ быть клубами пріятными и веселыми. Правда, они очень строги въ выборѣ своихъ членовъ; въ нихъ нельзя совѣщаться съ трепакомъ и баллотировать вмолчанку и съ подтасовкой, но эта строгость даетъ имъ хорошій тонъ и не лишаетъ ихъ привлекательнаго характера. Въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ немного смысла и даже самой веселости, именно потому, что въ нихъ нѣтъ вовсе дѣловыхъ, собственно общественныхъ интересовъ. Людямъ, которые не танцуютъ и не играютъ въ карты, тамъ почти нечего и дѣлать, потому что стоять и плевать въ потолокъ въ обществѣ не прилично. А почему бы, кажется, напримѣръ купеческому клубу не устроиться такъ, чтобъ иногда собраться для обсужденія (разумѣется, безъ трепака) своихъ общихъ дѣлъ, не потолковать о тѣхъ ежедневныхъ явленіяхъ, которыя близки всѣмъ и каждому, не составить такого кружка людей, которые были бы замѣтны по какому нибудь цвѣту мнѣній и убѣжденій. Эти люди, распространяя свое вліяніе на другихъ, могли бы оказать обществу существенную пользу. Навѣрное можно сказать, что тогда рѣже случались бы наши злостныя банкротства и изъ купеческаго сословія вывелось бы множество теперешней грязи. Обще-

ственное мнѣніе тѣмъ и хорошо, что не даетъ средства плуту скрываться за кулисами, и въ ночныхъ потемкахъ выдѣлывать наединѣ все, что ему угодно. Теперь наше купечество, подобно остальнымъ сословіямъ, живетъ врознь, подкапываясь другъ подъ друга и обдѣлывая свои дѣлишки потихоньку, между темной кладовой и еще болѣе темной счетной книгой. А вѣдь это не совсѣмъ нравственно: дѣятельность гражданина, какая бы она ни была, должна быть явная и открытая всѣмъ. Этого требуетъ честность. Но кромѣ честности въ этомъ есть своего рода польза. Когда я знаю личныя свойства человѣка, его поступки и дѣла, мнѣ предстоитъ менѣе шансовъ ошибаться и вѣрнѣе дѣйствовать въ промышленной и торговой сферѣ. Теперь мы предпринимаемъ все наудачу, а не по строгому разсчету, ожидаемъ отъ какого-то счастія высшей благодѣтельной силы тамъ, гдѣ умный и честный человѣкъ прямо полагается на знаніе и твердость своего характера. Еслибъ въ нашихъ обществахъ существовало серьезное направленіе, то они были бы лучшими органами нашего будущаго соціальнаго воспитанія, а теперь въ нихъ могутъ составляться только партіи картежниковъ и совѣщанія съ трепакомъ. Только отсутствіемъ хорошихъ общественныхъ началъ можно объяснить ту легкость, съ которою устроиваются наши хилыя общества, и ту быстроту, съ которою они исчезаютъ. Сколько ихъ погребено преждевременно въ послѣдніе восемь лѣтъ! Сколько жалкихъ превращеній случилось на нашихъ глазахъ! Сколько пуфовъ было пущено разными пройдохами въ ущербъ довѣрчивыхъ людей! Все это очень натурально, потому что хищныя животныя ловятъ добычу и досыта наѣдаются только ночью...

Неумѣлость и непрактичность нашей коллективной дѣятельности проглядываетъ въ самыхъ незамысловатыхъ предпріятіяхъ, какъ напримѣръ, въ благотворительныхъ обществахъ. Кажется, что можетъ быть проще, какъ помочь бѣдняку, особенно тамъ, гдѣ милостыней не пренебрегаютъ, а напротивъ протягиваютъ руку съ чувствомъ религіознаго убѣжденія, что милостыня есть доброе дѣло; — гдѣ существуютъ самые разнообразные виды милостыни, гдѣ сверху и до низу всякій наровитъ поживиться даромъ насчетъ своего сосѣда или трусливаго ханжи. Говорить о милостынѣ, какъ о средствѣ, врачующемъ соціальное зло — бѣдность, нѣтъ особенной надобности; потому что современное знаніе достаточно убѣждаетъ въ томъ, что филантропическая идея, возводимая въ идеалъ общественнаго устройства, скорѣе развиваетъ тунеядство, нравственное безсиліе и развратъ, чѣмъ дѣйствительно облегчаетъ

страданія людей. Нѣтъ сомнѣнія, что благотворительность можетъ помочь временно тому или другому отдѣльному лицу, но для цѣлаго общества она совершенно безполезна и во многихъ случаяхъ вредна. Она породила толпы тѣхъ идіотовъ, которые подъ именемъ странниковъ и странницъ, юродивыхъ и калекъ, поѣдаютъ трудъ своихъ согражданъ и разносятъ по деревнямъ и селамъ свои дикія суевѣрія и систематическій обманъ. Надѣвая на себя рубище и вериги, притворяясь слѣпыми, хромыми и увѣчными, они распространяютъ ложь подъ видомъ человѣческой немощи, и пользуются религіей, какъ орудіемъ для своихъ гнусныхъ цѣлей. Разсказывая о привидѣніяхъ, чудесныхъ снахъ, торгуя предсказаніями и тому подобнымъ вздоромъ, они напечатлѣваютъ въ воображеніи невѣжественнаго люда страхъ и безнадежность, убивающіе послѣднія добрыя силы. Вслѣдствіе этого страха и желанія обезпечить себѣ загробное прощеніе, наша благотворительность имѣетъ характеръ средневѣковой религіозности. И мы не можемъ пожаловаться, чтобы русскій народъ былъ скупъ на милостыню; иначе такое множество бродягъ, попрошаекъ и нищихъ не осаждали бы церковныя паперти, площади, дороги и большіе города. При всей разсчетливости нашего народа, торгующагося часа по три на базарѣ подъ двадцатиградуснымъ морозомъ изъ-за денежки, или торгующаго на лодкѣ товаромъ въ пять копѣекъ серебромъ, при всей его разсчетливости, онъ отличается щедростію въ дѣлѣ благотворенія. Повидимому, у такого народа филантропическія общества должны были бы процвѣтать. Но мы слышимъ постоянныя жалобы на ихъ равнодушіе къ благотворительности и на ихъ плохую организацію. Припомнимъ, какихъ чудесъ не ожидали отъ литературнаго фонда, дѣятелями котораго были люди образованные и гуманные; цѣль этого благотворительнаго учрежденія самая похвальная—помогать тѣмъ членамъ общества, въ силахъ которыхъ оно всего болѣе нуждается,—дать возможность таланту и трудолюбію примѣнить свои способности къ дѣлу и не зачахнуть среди суровыхъ лишеній и неблагодарныхъ занятій. И что же вышло изъ этого фонда? Набились въ него разные старички, сытые и лѣнивые, разные чиновники съ учеными степенями, сочинили уставъ и назначили періодическія собранія; однимъ словомъ, сдѣлали все, чего требовала офиціальная сторона, и потомъ опочили, какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ... За офиціальной стороной и канцелярскими формальностями совершенно исчезла жизненная, существенная задача общества, и оно, не успѣвъ развиться, уже начинаетъ дряхлѣть и падать. Никто

не интересуется имъ, да и оно никѣмъ не намѣрено интересоваться. Общество не напоминаетъ своимъ членамъ о взносѣ денегъ, а члены, воспитанные въ правилахъ—дѣлать только то, что приказываютъ, — вовсе не заботятся посылать свои пожертвованія фонду. Общество не напоминаетъ просто по лѣности, а не по нравственной деликатности, а публика въ правѣ думать, что если молчатъ, то значитъ—довольны. И фондъ истощается и принужденъ отказывать самымъ настоятельнымъ требованіямъ его филантропической цѣли. А между тѣмъ литературный пролетаріатъ увеличивается. Молодые люди, неопошлѣвшіе въ понятіяхъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, жаждутъ труда и не находятъ его. Они начинаютъ сознавать, что ихъ отцы жирѣли и богатѣли, благодаря разнымъ *карьерамъ*, выбитымъ лбомъ или купленнымъ цѣной лакейскаго униженія, и что дѣтямъ идти по той же ухабистой дорогѣ становится неприлично. «Мы хотимъ труда, говорятъ новые люди—труда честнаго, чистаго отъ эксплуатаціи и холопскаго сгибанія спины, труда суроваго, но вѣрнаго, въ которомъ была бы извѣстная доля пользы и наслажденія. Мы внесемъ въ него всю страстность нашей молодой души, мы готовы лучше работать день и ночь, переносить лишенія и бороться со всевозможными препятствіями, чѣмъ таскаться по директорскимъ переднимъ и выпрашивать себѣ доходныя мѣста». Это говорятъ люди, у которыхъ есть дѣйствительный запасъ силъ, но у которыхъ нѣтъ матеріальныхъ средствъ вырваться изъ бездѣйствія или отыскать такую дѣятельность, которая удовлетворяла бы ихъ честнымъ инстинктамъ и стремленіямъ. Кажется, требованіе ихъ самое законное, миролюбивое и незаносчивое; кажется, чего же лучше желать, какъ не труда и знанія, а между тѣмъ самодовольное старье готово обвинить этихъ людей въ посягательствѣ на самые священные интересы ихъ предковъ. Авторъ «Взбаломученнаго моря» даже дописался до такой грязи, что обрекъ ихъ всѣхъ чуть-чуть не костру и висѣлицѣ. Въ припадкѣ своего отрицанія, неосмысленнаго ни одной искрой идеи или сознаваемаго принципа, онъ смѣшалъ въ своемъ взбаломученномъ болотѣ все, что ни подвернулось подъ его сальное перо. Непониманіе пробуждающихся силъ нашего общества въ рукахъ г. Писемскаго обратилось въ отвратительную пасквиль. Я коснулся здѣсь этого факта единственно потому, что онъ находитъ себѣ отголосокъ въ извѣстномъ настроеніи публики. Но публика можетъ ошибаться подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и я убѣжденъ, что черезъ

годъ или два она будетъ презирать того же автора «Взбаломученнаго моря», которому теперь робко сочувствуетъ.

Литературный фондъ могъ оказать молодымъ людямъ, ищущимъ труда и образованія, огромную услугу; онъ могъ облегчить имъ первый шагъ, который въ жизни особенно труденъ. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, какъ нелегко бѣдному провинціалу добраться до какого нибудь столичнаго университета и, поступивъ въ него, спокойно заниматься наукой. Взносъ 50 р. за слушаніе легкій, по новому университетскому уставу, конечно не отстраняетъ прежнихъ затрудненій. А между тѣмъ отъ этого перваго шага часто зависитъ вся послѣдующая карьера юноши; лиха бѣда раздобыться какой нибудь сотней рублей, чтобы доѣхать до университета и просуществовать въ немъ мѣсяца два, а тамъ можно на что нибудь и опереться. Къ сожалѣнію, отъ этихъ-то ста рублей все и зависитъ; многіе и многіе, за неимѣніемъ ихъ, останавливаются на полдорогѣ или прозябаютъ среди безнадежнаго томленія и въ борьбѣ съ самими собою; многіе, добравшись до высшаго учебнаго заведенія и озабоченные съ утра и до ночи насущнымъ кускомъ хлѣба, не имѣютъ ни времени, ни силъ успѣшнаго продолженія своихъ умственныхъ занятій. При всемъ горячемъ желаніи слушать хорошаго профессора, они не посѣщаютъ его аудиторію, потому что принуждены заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ И если мы жалуемся на поверхностное образованіе молодого поколѣнія, — въ чемъ оно дѣйствительно не можетъ оправдываться,—то это грустное обстоятельство объясняется бѣдностію нашего учащагося юношества. Что касается людей богатыхъ, они идутъ въ университеты не за познаніями и развитіемъ, а за дипломами и будущей карьерой. Для нихъ умственный трудъ слишкомъ обременителенъ, а общественное положеніе, приготовленное имъ заранѣе, слишкомъ легко. Лучшими студентами всегда выходили юноши небогатые. Обратить вниманіе на этихъ пролетаріевъ было первою и главною обязанностію Литературнаго фонда. Но онъ предпочелъ принять подъ свое покровительство уже извѣстныхъ писателей или такихъ, которые такъ или иначе установили свое положеніе и нашли себѣ дѣятельность. Нѣтъ спору, что и эта помощь необходима, особенно въ отношеніи больныхъ или постигнутыхъ какимъ нибудь непредвидѣннымъ несчастіемъ, но она была бы гораздо благотворнѣе и богаче хорошими результатами, если бъ Литературный фондъ оказалъ побольше энергіи и участія преимущественно въ отношеніи бѣднаго юношества. Нечего и говорить, что онъ тогда пользовался бы

большими симпатіями публики и нашелъ бы въ ней болѣе готовности жертвовать ради общаго дѣла. Отъ старичковъ ей нечего ждать, потому что они ужъ очень поистерлись. Но не этому обстоятельству обязанъ Литературный фондъ своимъ упадкомъ; причина его преждевременной дряхлости заключается въ отсутствіи тѣхъ же общественныхъ началъ, которыя дѣлаютъ безличными всѣ другія наши ассоціаціи. Здѣсь та же рознь, тѣ же мелкія эгоистическія стремленія, та же неизлечимая апатія разъединяетъ членовъ и приводитъ ихъ подъ конецъ къ толченію воды. А наша рознь и апатія къ общественнымъ интересамъ происходитъ оттого, что мы не умѣемъ избирать себѣ серьезныя и высшія цѣли для служенія народному счастію, даже плохо понимаемъ ихъ. Карточный столъ вѣроятно еще долго будетъ центромъ нашихъ общественныхъ симпатій, а около такого центра какія же силы, мнѣнія и цѣли могутъ сгруппироваться? Я сейчасъ возвратился изъ собранія *Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*. Признаюсь, такого запустѣнія я давно не видѣлъ. Не смотря на то, что было объявлено въ газетахъ объ этомъ собраніи, не смотря на длинные промежутки времени между этими собраніями, не смотря на жгучую необходимость подумать о спасеніи фонда, собралось на этотъ разъ не болѣе десяти членовъ. Изъ нихъ большинство украшало себя краснорѣчивымъ молчаніемъ, а нѣкоторые раскрыли ротъ, для того чтобы сказать какую нибудь общую, избитую идейку. Ясно было, что всѣмъ хотѣлось спать. Предсѣдатель объявилъ, что въ первое февральское воскресенье будущаго года члены общества будутъ приглашены для обсужденія вопроса: какъ поддержать ослабѣвшее общество на будущее время? «Комитетъ, прибавилъ онъ:—своими средствами существовать не можетъ, а на сочувствіе публики разсчитывать не возможно... Что же до членовъ, то многіе изъ нихъ перестали вносить деньги; проценты съ платы за журнальныя статьи и съ книжной торговли также не представляются фонду. Между тѣмъ мы раздаемъ пожизненныя пособія, въ которыхъ отказать впослѣдствіи было бы нечестно.— Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все положеніе Литературнаго фонда. Ему угрожаетъ кризисъ не только матеріальный, но и нравственный. Надававъ обѣщаній, на которыхъ, можетъ быть, основана единственная надежда нѣсколькихъ семействъ—не умереть съ голоду, онъ боится, что современемъ эти обѣщанія могутъ обратиться въ пуфъ. Кто же будетъ виноватъ въ этомъ? Упрекать публику въ равнодушіи къ дѣлу, о которомъ она такъ мало знаетъ, рѣшительно нельзя. Публика имѣетъ

право спросить, что дѣлаетъ Литературный фондъ для того, чтобы пріобрѣсти ея симпатіи? Какими особенными добродѣтелями онъ ознаменовалъ свою дѣятельность съ первыхъ дней своего основанія и до настоящей минуты? Что имъ предпринято для того, чтобы развить свои средства и по мѣрѣ увеличенія своего капитала распространить свои благодѣянія? Озаботился ли онъ хоть тѣмъ, чтобы отдавать публикѣ полную отчетность какъ о внутренней своей организаціи, такъ и объ употребленіи наличнаго своего капитала? Положимъ, что изрѣдка печатаются его отчеты, но они очень неудовлетворительны. Въ нихъ, напримѣръ, говорится, что одному ученому, написавшему одну диссертацію, выдано пособіе. Этого мало. Публика должна подробно знать, въ какихъ именно обстоятельствахъ этотъ ученый находился, когда ему сочли нужнымъ помочь; — какими соображеніями руководствовался комитетъ общества при этомъ пособіи? Кто его члены и сколько ихъ? Какъ происходятъ выборы и на какомъ основаніи? Въ этомъ отношеніи я долженъ замѣтить, что система самыхъ выборовъ отличается классическимъ юморомъ. Въ собраніи членовъ раздаются бумажки, на которыхъ написаны, примѣрно, такія имена: Яковъ Анучкинъ и Петръ Сидоровъ; подавая эти бумажки вмѣстѣ съ карандашемъ, секретарь прибавляетъ, что выборный значекъ отмѣчается крестикомъ. Положимъ, что изъ двадцати членовъ избирателей никто не знаетъ, кто это такой Яковъ Анучкинъ, никогда даже не слыхивалъ о немъ; но видя, что сосѣдъ поставилъ крестикъ, и онъ ставитъ тотъ же крестикъ, а за нимъ и всѣ другіе.—Да кого же вы выбрали, господа? еслибъ послѣдовалъ такой вопросъ.—А Богъ его знаетъ, какого-то Анучкина, намъ сказано, что надо ставить крестикъ, ну мы и ставимъ. — Иной даже можетъ признаться, что онъ ничего не разобралъ на поданной ему бумажкѣ, а все-таки поставилъ крестикъ. Кто знаетъ наши наклонности къ стадообразнымъ поступкамъ, тотъ не будетъ сомнѣваться, что все это дѣйствительно происходитъ на выборахъ Литературнаго фонда. Ну, скажите теперь ради-бога, развѣ это хорошо?—избирать въ члены человѣка, котораго я совершенно не знаю. Вѣдь это значитъ—считать свое мнѣніе и ручательство ниже нуля. Положимъ, что Анучкинъ представленъ комитетомъ, который предварительно собралъ свѣденія о достоинствахъ того лица, которое представляется на выборъ. Но этого мало. Комитетъ долженъ печатно заявить, что такое-то лицо будетъ избираться и что члены приглашаются на выборы; или по крайней мѣрѣ, раздавая бумажки съ именами, назначенными для выбора, комитету не

мѣшаетъ предупредить членовъ, кто именно избирается, кѣмъ представленъ обществу и на чемъ основывается его право на избраніе. Въ противномъ случаѣ, тѣ члены, которые никогда не слыхали объ этомъ лицѣ, дѣйствуя добросовѣстно, должны воздержаться отъ подачи голоса или подадутъ его наобумъ, потому только, что сосѣдъ его подалъ. Кромѣ того, какой бы выборъ ни происходилъ, въ немъ должны участвовать не менѣе двухъ третей членовъ, иначе нельзя понимать справедливости избирательнаго голоса. А Литературный фондъ дозволяетъ производить выборы при десяти или двадцати наличныхъ членахъ, т. е. менѣе чѣмъ при одной десятой избирательныхъ голосовъ. Такимъ образомъ если разобрать получше внутренній составъ общества и его уставъ, то будетъ ясно, что въ самой организаціи его лежитъ то равнодушіе, которое онъ сваливаетъ на публику. Также нельзя безусловно обвинять тѣхъ членовъ, которые не вносятъ свои годичныя пожертвованія,—тѣ редакціи и книжные магазины, которые не представляютъ учетнаго процента. Я увѣренъ, что многія редакціи и очень многіе изъ писателей совершенно не знаютъ, что имъ слѣдуетъ отдѣлять извѣстный процентъ съ своего капитала въ пользу нуждающихся литераторовъ. О книгопродавцахъ нечего и говорить; изъ тѣхъ навѣрное много найдется такихъ, которые никогда не воображали, что у насъ существуетъ Литературный фондъ, или такихъ, которые считаютъ его давно зарытымъ въ общую могилу нашихъ благотворительныхъ обществъ. А для распространенія свѣденій о своемъ существованіи Литературный фондъ почти ничего не дѣлаетъ. Онъ конечно знаетъ, въ какомъ состояніи находится наша гласность, какъ безсильно и какими нелѣпыми сплетнями омрачено общественное мнѣніе; ему также извѣстенъ и характеръ нашей публики, наученной горькими опытами тому, какъ мало надо полагаться на возвышенныя цѣли нашей филантропіи, — и при всемъ томъ Литературный фондъ молчитъ, думая, что на него будетъ падать небесная манна сама собою. А нельзя не сказать, что устройся онъ посмышленѣе съ самого начала, дѣятельность его развилась бы совсѣмъ въ другомъ видѣ и прочность его не подлежала бы ни малѣйшему сомнѣнію. Во-первыхъ онъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ утилизировать свой основной капиталъ, а не держать его мертвымъ; во-вторыхъ, ему слѣдовало каждый годъ предпринимать какія-нибудь мѣры для увеличенія своихъ средствъ,—давать хорошіе концерты, спектакли, приглашать не гг. Берговъ, Крестовскихъ и другихъ умственныхъ кретиновъ на литературныя чтенія, а людей, которыми интересуется пуб-

лика и которые прочтутъ ей не пустые стишонки, а что нибудь подѣльнѣе и позанимательнѣе; кромѣ того Литературный фондъ могъ предпринимать изданія, входя по этому предмету въ непосредственное соглашеніе съ авторами; онъ могъ открыть у себя постоянныя чтенія и приглашать каждаго изъ своихъ членовъ прочитать нѣсколько лекцій по разнымъ предметамъ; онъ могъ войдти въ сношенія со всѣми провинціальными подобными ему обществами, и образовать изъ нихъ полезныхъ для себя дѣятелей; однимъ словомъ—оживить и придать полный общественный характеръ своему устройству. Наконецъ милыхъ старичковъ онъ безобидно могъ посадить въ почетныя кресла, даже выдать имъ великолѣпные дипломы на китайской бумагѣ, а къ самой дѣятельности допустить людей молодыхъ и энергическихъ; филистерамъ, помѣшаннымъ на какомъ нибудь юсѣ или греческомъ фоліантѣ, отнюдь не поручать практическихъ обязанностей и не дѣлать умозрительныхъ философовъ счетчиками. Тогда дѣло получило бы другой смыслъ, и публика, надуваемая круглый годъ разными шарлатанами, съумѣла бы оцѣнить и оказать содѣйствіе доброму предпріятію.

Говоря о проявленіяхъ нашихъ соціальныхъ инстинктовъ, было бы въ высшей степени любопытно оцѣнить относительное достоинство губернскихъ обществъ. Какъ они ни однообразны, какъ ни мелка ихъ будничная жизнь внѣ офиціальной и бюрократической обстановки, но все же можно найдти между ними нѣкоторую разницу. Въ однихъ пульсъ общественной жизни бьется живѣе, въ другомъ едва его слышно. Неизвѣстно, какому благопріятному стеченію обстоятельствъ обязанъ Тобольскъ своимъ крошечнымъ движеніемъ, но движеніе это выходитъ наружу и, въ то время, какъ Уфа и Пенза опочиваютъ во весь храпъ богатырскаго сна, Тобольскъ шевелится и потягивается. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ напоминаетъ о своемъ существованіи то тѣмъ, то другимъ утѣшительнымъ фактомъ. Случайное ли вліяніе какой нибудь умной и развитой личности, заброшенной сюда, оживляетъ его общество, или система управленія хорошаго начальника даетъ просторъ частной дѣятельности, или просто какія нибудь мѣстныя условія создаютъ особенный характеръ губернскаго города — этого ребенка, съ тугонабитымъ кашей животомъ и тоненькими золотушными ногами; какъ бы тамъ ни было, но Тобольскъ—растетъ развязнымъ и умнымъ ребенкомъ, не въ примѣръ лыкомъ вязаной Костромѣ или объѣвшейся на постной селянкѣ достопочтенной Москвѣ. Не умѣю объяснить—почему, но мои личныя симпатіи всегда лежали къ тремъ

городамъ—къ Саратову, Воронежу и Тобольску. О первыхъ двухъ мы поговоримъ послѣ, а теперь скажемъ о послѣднемъ. Тобольское общество не любитъ сидѣть сложа руки; оно постоянно стремится къ автономіи, т. е. хочетъ ходить на своихъ ногахъ, безъ помочей и няньки. Недавно въ немъ составились два общества съ благотворительною цѣлью. Первое общество дамское, образовавшееся для того, чтобы «имѣть надзоръ за воспитательницами дѣтей, взятыхъ изъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія; въ случаѣ неудовлетворительности исполненія ими своихъ обязанностей, общество принимаетъ мѣры къ передачѣ дѣтей другимъ кормилицамъ. Учрежденіе этого благотворительнаго общества было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины-кормилицы, какъ неоднократно на опытѣ убѣждались, берутъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей изъ матеріальныхъ выгодъ и, по большей части, не оказываютъ надлежащей о нихъ заботливости, часто не обращая никакого вниманія ни на качество пищи дѣтей, которыхъ сами грудью не кормятъ, ни на чистоту бѣлья, отчего дѣти, оставаясь въ самомъ нѣжномъ возрастѣ безъ всякаго надзора и попеченія, умираютъ по большей части, не достигая года. Въ предсѣдательницы этого общества избрана начальникомъ губерніи супруга предсѣдателя губернскаго правленія В. В Курбановская Изъ краткаго отчета о дѣятельности этого общества видно, что оно не ограничиваетъ свою дѣятельность попеченіемъ о дѣтяхъ-воспитанницахъ тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, но по мѣрѣ возможности и средствъ выдаетъ пособія и такимъ женщинамъ, которыя, не имѣя у себя на воспитаніи дѣтей изъ воспитательнаго дома, по крайней бѣдности встрѣчаютъ затрудненіе въ пропитаніи собственныхъ своихъ дѣтей.

«Нельзя не привѣтствовать подобное попечительное общество и не желать ему возможныхъ успѣховъ для достиженія высокой христіанской цѣли, имъ избранной. Хотя цѣль эта необширна, но мрачная судьба дѣтей, отдаваемыхъ въ воспитательные дома, заслуживаетъ такого живого участія, что можетъ послужить достойнымъ предметомъ для благотворительной заботливости дамъ. Ограниченность цѣли не потребуетъ такихъ пожертвованій, которыя были бы имъ не по силамъ».

Мы удержимся отъ нашего личнаго мнѣнія о филантропической цѣли тобольскихъ дамъ и пожелаемъ имъ добраго успѣха. Примѣръ женщины, какъ общественнаго дѣятеля, заразителенъ, и тобольскіе молодые люди не хотѣли отстать отъ дамскаго общества; они составили, разу-

мѣется, съ разрѣшенія начальства, особенный кружокъ, который «время отъ времени будетъ устраивать музыкальные и литературные вечера, живыя картины и спектакли, жертвуя остающіяся за расходами деньги, по усмотрѣнію г. начальника губерніи, на разныя благотворительныя предпріятія. По настоящее время даны уже этимъ обществомъ литературно-музыкальный вечеръ съ живыми картинами и спектакль. На литературно-музыкальномъ вечерѣ, кромѣ игры и прекраснаго чтенія участниковъ онаго, особенно хороша была живая картина: «Привалъ арестантовъ», съ картины Якоби. Въ спектаклѣ сыграны были: «Женитьба» Гоголя и «Утро молодого человѣка» Островскаго. Мѣстныя вѣдомости заявляютъ, что и вечеръ и спектакль принесли всѣмъ истинное наслажденіе и имѣли исходомъ желаніе, чтобъ учредители общества и любители не утомлялись, а продолжали свое благородное дѣло.»

И мы готовы пожелать имъ того же самого; потому что радуемся всякой попыткѣ дѣйствовать общими силами Такія попытки доказываютъ, что потребность коллективной дѣятельности начинаетъ чувствоваться въ народѣ, который такъ долго жилъ среди раздробленія и крайнихъ противоположностей въ своихъ интересахъ. Но мы привыкли понимать вещи такъ, какъ онѣ есть, не предаваясь самообольщенію. Лучше горькое сомнѣніе, чѣмъ слезоточивая сентиментальность въ такихъ серьезныхъ попыткахъ, какими обусловливается наше будущее развитіе. Намъ нуженъ строгій контроль надъ самими собою, намъ необходима неумолимая правда критики, потому что излишняя чувствительность, вредившая здоровымъ отправленіямъ мозга, привела насъ къ полнѣйшему умственному безсилію. Поэтому было бы опрометчиво рукоплескать тобольскимъ юношамъ, прежде чѣмъ увидимъ результаты ихъ дѣятельности. А результаты эти, надо признаться, не могутъ быть особенно завидными уже потому, что, повторяемъ, внутреннее содержаніе нашихъ общественныхъ союзовъ слишкомъ мелко...

Лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія можетъ служить такой крупный фактъ, какъ финансовый кризисъ, передъ которымъ общество совершенно растерялось. Съ того дня, какъ банкъ прекратилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, биржа, купцы, мѣнялы, биржевые игроки и всѣ сколько нибудь заинтересованные въ коммерческомъ круговоротѣ, испытали самое неожиданное и непріятное ощущеніе; они проснулись съ здоровой головы на больную. Этого переполоха не скрываетъ и баронъ Штиглицъ, управляющій государственнымъ

банкомъ, въ письмѣ своемъ къ редактору газеты: «le Nord». Вотъ это письмо:

«Г. редакторъ. Въ сегодняшнемъ листѣ вашей газеты помѣщена корреспонденція изъ Петербурга, отъ 11-го (23 го) ноября, о финансовомъ кризисѣ, тамъ обнаружившемся, *съ тѣхъ поръ какъ банкъ прекратилъ платежи звонкою монетой*.

«Не желая опровергать эту статью, считаю однакоже долгомъ представить нѣкоторыя объясненія относительно иныхъ пунктовъ, на которыя она указываетъ, какъ на существенныя причины кризиса. Именно я буду говорить о переводныхъ операціяхъ банка, которыя названы пальятивною мѣрой, оставшеюся безъ всякаго результата, тогда какъ эти операціи были ни чѣмъ инымъ, какъ размѣномъ кредитныхъ билетовъ, съ тою только разницей, что вмѣсто выдачи золота въ Петербургѣ, оно получалось изъ суммъ займа, которыми еще можно было располагать заграницей.

«Вотъ почему эти переводы выдавались постоянно на неопредѣленныя суммы и по курсу, который постепенно приближался къ пари и поддерживался на этомъ уровнѣ втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Это была лѣстница послѣдовательнаго размѣна, объявленнаго съ самаго начала, но въ ускоренныхъ размѣрахъ, которые, согласно полученному банкомъ разрѣшенію, позволили ему платить рубль за рубль съ 1-го минувшаго сентября, вмѣсто 1-го января 1864 года, какъ это было первоначально объявлено.

«*Банкъ такимъ образомъ исполнилъ свою программу и сдержалъ свое слово. Всѣ, на это расчитывавшіе имѣли случай втеченіе двухъ мѣсяцевъ или покупать переводы по курсу пари для своихъ заграничныхъ обязательствъ, или брать дѣйствительные рубли для своихъ нуждъ внутри страны.* Не было, слѣдовательно, никакой искусственной операціи, а только простая уплата по курсу пари рублями, фунтами стерлинговъ и пр. Этотъ послѣдній способъ предпочтенъ для того, чтобы звонкая монета не странствовала безполезно въ позднее время года, причемъ она выписывалась бы въ счетъ займа и раздавалась бы банкирамъ, которые снова вывозили бы ее.

«Еслибъ не былъ принятъ ускоренный способъ, о которомъ я говорилъ выше, то пришлось бы остановиться на самой срединѣ первоначальной лѣстницы, и тогда банкъ, не будучи въ состояніи воспре-

пятствовать кризису, подвергся бы вполнѣ заслуженному упреку въ неисполненіи даннаго имъ обѣщанія.

«Правда, исполненіе обѣщанія стоило ему дорого, и я раздѣляю мнѣніе вашего корреспондента, что при нынѣшней развязкѣ было бы лучше употребить эти деньги иначе; *но невозможно было предвидѣть финансовую сумятицу, свирѣпствующую нынѣ на всѣхъ биржахъ Европы*, и которая была причиной того, что мы нашлись вынужденными отказаться отъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Не должно забывать, что заемъ 1862 года совершенъ именно въ видахъ этого размѣна, громко требуемаго страною.»

Такимъ образомъ первый *русскій* банкиръ, стоящій въ головѣ всѣхъ финансовыхъ операцій главнаго денежнаго центра, прямо говоритъ, что кризисъ порожденъ банкомъ; но едва ли баронъ Штиглицъ подтвердитъ фактами мнѣніе свое, что *невозможно было предвидѣть эту финансовую сумятицу*. Что она предвидѣлась и готовилась заранѣе, то это ясно изъ того, что гораздо раньше, чѣмъ прекратился размѣнъ вообще на звонкую монету, золото перестали выдавать изъ банка. Поэтому обстоятельству уже можно было судить, что затрудненія чувствотались прежде и рано или поздно должны были обнаружиться. Во всякомъ случаѣ мы сочли бы чудомъ, если бы г. управляющій банкомъ не могъ предвидѣть этого кризиса; а публика, столь мало знакомая съ высшими соображеніями нашего финансоваго управленія, *должна* была предвидѣть кризисъ и поспѣшить размѣномъ своихъ векселей и переводныхъ обязательствъ. Могла ли она или нѣтъ ликвидировать свои обязательства прежде срока и запастись дѣйствительными рублями впродолженіе двухъ мѣсяцевъ на цѣлый годъ или болѣе—это вопросъ, но нельзя обвинять ее въ томъ, что она оказалась менѣе прозорливой, чѣмъ баронъ Штиглицъ и г. Ламанскій. Впрочемъ, если посмотрѣть на дѣло поближе, то публика дѣйствительно была гораздо дальновиднѣе перваго русскаго банкира и soi-disant нашего финансиста Ламанскаго; она не притекала толпами къ дверямъ банка, не ломилась къ его размѣннымъ кассамъ, на томъ простомъ основаніи, что банкъ не могъ удовлетворить всѣхъ ея требованій. Господинъ министръ финансовъ въ произнесенной имъ рѣчи прошлаго 25 октября между прочимъ говоритъ:

«Для доставленія государственному казначейству средствъ къ покрытію расходовъ по государственной росписи на 1863 годъ и чрезвычайныхъ издержекъ, возникшихъ вслѣдствіе настоящаго положенія Цар-

ства Польскаго и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ оному западныхъ губерній, Высочайшими указами, данными правительствующему сенату 19-го февраля и 30-го мая 1863 года, разрѣшено выпустить десять новыхъ разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства отъ LXXXIII до XCII включительно въ 3 мил. руб. каждый, всего на 30 мил. руб., съ назначеніемъ срока теченія процентовъ».

Слѣдовательно чрезвычайныя издержки, которыя не покрывались обыкновеннымъ государственнымъ бюджетомъ, не только предвидѣлись, но уже обратились въ дѣйствительный фактъ. Затѣмъ г. министръ финансовъ подвелъ главные обороты государственнаго банка подъ слѣдующіе итоги, для оцѣнки которыхъ также ненужно особенной прозорливости:

		Рубли.
Къ 1862 г кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи.		718.596.178
Въ 1862 г. выдано въ обмѣнъ;		
a) за предъявленную звонкую монету. .	11.211.927	
d) за шлиховое золото.	7.182.389	
	18.403 316	
Изъято изъ обращенія		
1) въ обмѣнъ:		
a) на звонкую монету и слитки		35.831.627
d) » 4% билеты государственнаго банка. . . .		4.890.000
c) » на мѣдную монету, полученную изъ государственнаго казначейства вмѣсто отпущенныхъ оному мелкихъ кредитныхъ билетовъ		173.005
2) Негодныхъ кредитныхъ билетовъ.		1.300
		40.895.932
Затѣмъ къ 1863 г. осталось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи:		691.104562
Размѣннаго фонда къ 1862 г. состояло:		
въ звонкой монетѣ и слиткахъ		81.081.629
— государственныхъ фондахъ		16.890.000
		97.971.629
За послѣдовавшими въ этомъ капиталѣ измѣненіями состояло въ 1863 г.		
въ звонкой монетѣ и слиткахъ		80.601.107
— государственныхъ фондахъ.		12.000.000
		92.601.107

Очевидно, за послѣдній годъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ увеличи-

вался, а дѣйствительный фондъ банка уменьшался. О естественномъ равновѣсіи этихъ двухъ итоговъ судить нельзя, потому что самый размѣнъ подвергался нѣкоторымъ ограниченіямъ. Выдавалось меньше, чѣмъ требовалось. Кромѣ того, громадный выпускъ частныхъ кредитныхъ бумагъ, наводнившихъ общество, долженъ былъ отразиться на подрывѣ общественнаго кредита и увеличить потребность на звонкую монету. Наконецъ самый ходъ внутреннихъ событій былъ направленъ къ этому же результату После крымской войны открывается рядъ предпріятій, требовавшихъ значительныхъ издержекъ: постройка двухъ желѣзныхъ дорогъ иностранными компаніями, выкупъ крестьянской земли, преобразованіе разныхъ административныхъ учрежденій, приготовленія на случай войны—все это усложнило финансовыя операціи и увеличило государственные расходы, а между тѣмъ производительныя силы страны пока остались прежнія и даже, по случаю крѣпостной реформы, временно упали. Внутренній и внѣшній долгъ неизбѣжно возрасталъ, и искуственное поддержаніе общественнаго кредита дѣлалось необходимымъ. Поэтому, если тяготѣніе европейскихъ биржъ и вліяло на положеніе банка, то въ самой легкой степени. Нѣтъ сомнѣнія, что политическія событія и мрачные признаки войны, поданные задорной рѣчью французскаго императора, должны были произвести неблагопріятное дѣйствіе на всемірный кредитъ, но это доказываетъ только то, что вообще организація современныхъ финансовыхъ центровъ крайне слаба и эфемерна, потому что основана на ложныхъ экономическихъ началахъ. Она покровительствуетъ азартной биржевой игрѣ, эксплуатаціи труда насчетъ не совсѣмъ чистыхъ спекуляцій, централизаціи капитала въ рукахъ отдѣльныхъ единицъ и его мертвому обращенію, отнимающему у производительныхъ силъ девять десятыхъ дѣйствительнаго богатства. Поэтому неудивительно, что вся Европа приходитъ въ ужасъ отъ одного зловѣщаго слова, упавшаго съ трона такого политическаго артиста, какъ Наполеонъ III.

Мы не станемъ повторять здѣсь того, что говорили прежде о значеніи нашего банка, а позволимъ себѣ замѣтить, что финансовые кризисы въ томъ обществѣ, которое плохо сознаетъ свои силы и мало вѣритъ въ нихъ, составляютъ такое же естественное явленіе, какъ рвота въ засоренномъ желудкѣ. Надо очистить его отъ излишняго балласта, чтобы дать крови правильное теченіе и пищеваренію нормальный ходъ. Иначе, рано или поздно придется повторить слова члена купеческаго клуба: итакъ будемъ танцовать, а деньги Богъ дастъ!

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА

Нервные романтики и степные провинціалы и ихъ мнѣніе о Петербургѣ. — Буржуазный характеръ невской столицы.—Мнѣніе о людяхъ вообще и о петербургскихъ въ особенности.—Новскій проспектъ и его постоянные члены.— Рыцари изъ потомковъ Скалозуба.—Замѣчательные бакенбарды. — Погребальная процессія и окно въ книжномъ магазинѣ Печаткина. — Служитель Ѳемиды и Венеры. — Новый Хлестаковъ. — Молодой старичекъ Невскаго проспекта.— Уличные сплетники и ихъ новости.—С. Петербургскія вѣдомости, щеголяющіе знаніемъ итальянскаго языка.—Спичъ на обѣдѣ одного артиста.—Клубничный идіотикъ и его раскаяніе передъ Павломъ Губошлепомъ. — Новые типы—пассажные юноши. Швейцаръ-психологъ.—Предчувствіе новостей.—Новые газеты.—„Свѣточъ" возобновленный подъ другой фирмой.—Бѣсенокъ и его путешествіе въ одно вольно-экономическое общество. — Новый экономистъ и его принципы.—Защитникъ *помѣстного* быта и его обращеніе къ Европѣ.—Засѣданіе въ обществѣ любителей россійской азбуки.—Чтеніе формулярного списка одного изъ умершихъ членовъ общества.—Стихи и проза.—Бѣсенокъ въ редакціи Русского Хожалаго. — Сцена съ переодѣваньемъ. — Мнѣніе Домашней Бесѣды о г. Катковѣ и объ его изданіяхъ. — „*Домашняя расправа*"—сцена въ стихахъ.—Провинціальныя извѣстія.—Вѣсти изъ „*городка*".—Бѣснующійся Гонорарій Ивахвіевичъ.—Романическое похищеніе. Костромскіе буффы.—Оригинальный зубной врачъ.—Костромской Донъ-Жуанъ. — Трактиры и ихъ цѣны.—Жертвы русской жизни—утопленицы.

Нервные романтики и степные провинціалы, (а провінціалы всѣ безъ исключенія — романтики, не смотря на то, что исправно берутъ взятки, и ловко устраиваютъ свои дѣлишки), говоря о Петербургѣ, отзываются о немъ не иначе, какъ о Новомъ Вавилонѣ, какъ о таинственной желѣзной маскѣ. Петербургъ — этотъ городъ мокрицъ, мелкой буржуазности и мѣщанскихъ интрижекъ, Петербургъ — эта нарумяненная красавица, которая вчера — питалась одними надеждами и цикорнымъ кофеемъ въ Ригѣ, сегодня разваливается въ блестящей коляскѣ щедраго старца, а завтра, попадетъ въ анотомическій театръ подъ ножъ мясника отъ медицины и хирургіи, — этотъ Петербургъ, говорю я, воображенію романтиковъ представляется тѣмъ таинственнымъ незнакомцемъ французскихъ мелодрамъ, который является въ пятомъ актѣ проливать «невинную кровь» и трагически взмахиваетъ кинжаломъ.

Когда какого нибудь юнаго искателя карьеры, покидающаго свое провинціальное захолустье, поѣздъ Николаевской желѣзной дороги вы-

бросит на мостовую незнакомой невской столицы, и нѣ съ суднымъ запасомъ денегъ, зашитыхъ на груди въ ладонку, очутится одинъ одинешенекъ посреди площади передъ двойною газовою полосою безконечной улицы, то сердце его невольно сожмется. Туманный, суетящійся городъ покажется ему какимъ-то мифологическимъ чудовищемъ, только и думающемъ о томъ, чтобъ проглотить юнаго пришлеца со всѣми его мечтами, упованіями и даже съ его дорогой ладонкой. Юноша-романтикъ забываетъ, что люди вообще вездѣ скверны—какъ въ Шуѣ, такъ и въ Петербургѣ. Еслибъ даже на необитаемомъ островѣ завелись два человѣка, то непремѣнно повторили бы на себѣ древнюю мистерію Каина и Авеля. Въ Петербургѣ люди даже лучше чѣмъ гдѣ нибудь, потому что самое узкое мѣщанство все-таки выше широкаго романтизма. Въ Петербургѣ бездѣльничать, расплываться, предаваться романтизму нельзя: ни климатъ, ни условія жизни этого непозволятъ. Петербургъ изъ крайности бросился въ крайность—и на всякое отступленіе отъ своего будничнаго, суетливаго, полуофиціальнаго мѣщанства — будетъ указывать пальцами.

Когда юноша-провинціалъ обживется въ Петербургѣ — его перестанетъ мучить образъ какого-то «стозѣвнаго» чудовища и онъ пойметъ наконецъ, что этотъ городъ только и замѣчателенъ отсутствіемъ всякой грандіозности, величественности и таинственности. Петербургъ самъ очень хорошо оцѣнилъ свой буржуазный характеръ и даже нѣсколько своихъ улицъ назвалъ *мѣщанскими*.

И вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ провинціальный романтикъ переѣхалъ на берега Невы. Онъ не робѣетъ уже болѣе въ шумѣ столичной жизни, не теряется въ пестрой толпѣ парадныхъ улицъ.

Передъ нимъ Невскій проспектъ. Наступили именно тѣ часы дня, когда эта улица особенно оживляется. Ступая по гладкой, широкой панели, онъ идетъ по улицѣ съ тою же смѣлостью, съ которою нѣкогда ходилъ по мосткамъ своего провинціальнаго городка. Какъ въ родномъ городкѣ онъ привыкъ къ каждой попадающейся на встрѣчу физіономіи, такъ и здѣсь онъ скоро сжился съ окружающимъ его міромъ. Онъ идетъ по Невскому, увѣренный, что встрѣтитъ на немъ его постоянныхъ неизмѣнныхъ посѣтителей.

На встрѣчу идетъ знакомая толпа юныхъ рыцарей невскаго проспекта. Мимоходомъ слышны только —

Отрывки „скалозубскихъ“ чувствъ и мнѣній:

— Она цѣлый вечеръ на меня дулась... Ломается.

— Миша, гдѣ ты обѣдаешь?..

— Меня звала вчера...

Но рыцари уже промчались мимо.

Вотъ подъ руку съ какимъ-то юношей, только начинающимъ свою карьеру на Невскомъ проспектѣ, идетъ господинъ, который извѣстенъ своими великолѣпными бакенбардами. Онъ гордится ими. Да и какъ не гордиться на его мѣстѣ, какъ не беречь свои бакенбарды? Въ нихъ его единственная сила, какъ Самсона въ волосахъ, какъ Черномора въ его волшебной бородѣ... О, я завидую такой головѣ, на плодоносныхъ щекахъ которой выросли такія классическія бакенбарды...

Мы проходимъ нѣсколько шаговъ и насъ обдаетъ цѣлое облако ароматовъ, точно изъ косметической лавки, или отъ пѣсенъ А. Фета.

Блѣдный той матовой, болѣзненной блѣдностью, которая возбуждаетъ отвращеніе, передъ нами проходитъ молодой человѣкъ, завитой, раздушенный, затянутый въ корсетъ.

Вы давно уже знаете этого субъекта, потому что, онъ есть законный сынъ Невскаго проспекта, но еслибъ вы даже не знали его, то взглянувъ ему въ лице—вы прочли-бъ на немъ его исторію..

Почтеннѣйшій Н. И. Гречь! вы стражъ русской рѣчи, скажите намъ какое мѣстоимѣніе приложимо къ этому невскому сикафанту: *онъ* или *она*. Ну-ка, рѣшите...

А между тѣмъ, кругомъ насъ кипитъ суета и движеніе. Мчатся экипажи, дерутся извощики, шныряютъ городовые съ свѣжимъ запасомъ галантерейныхъ кулаковъ и зуботычинъ... Гдѣ нибудь подъ грохотъ шумной улицы итальянецъ съ выборгской стороны, вертитъ ручку своей шарманки, но въ общемъ дребезжаніи колесъ, въ общемъ гулѣ и говорѣ только изрѣдка вырываются визгливые звуки изъ ящика этого нищаго, музыкой просящаго подаянія....

Иногда посреди всего этаго суетливаго движенія, посреди несущихся экипажей съ рысаками и камеліями, тихо пройдетъ погребальная процессія, съ катафалкомъ, съ гробомъ, съ отставными солдатами, переряженными въ гамлетовскихъ факельщиковъ; но на всю эту процессію никто не обратитъ никакого вниманія, какъ будто всѣ эти скачущіе и ѣдущіе люди—не просто люди, а какіе то олимпійскіе боги, которымъ нестрашно никакое memento mori. Развѣ только въ широкое окно книжнаго магазина Печаткина и Келчезскаго взглянетъ на процессію прикащикъ и, набожно перекрестившись, подумаетъ: видно

къ счастью увидалъ покойника!.. Авось будетъ хорошая подписка на «Библіотеку для Чтенія...»

Мы идемъ, и на встрѣчу намъ попадаются все знакомыя личности... Въ припрыжку за молоденькой и стройной француженкой бѣжитъ вѣчно юный и довольный бюрократъ, который разомъ служитъ двумъ богинямъ—Фемидѣ и Венерѣ, отчего самъ сдѣлался похожимъ на стараго шаловливаго Эрота, котораго Юпитеръ въ наказаніе пріучилъ къ канцелярскому порядку и заставилъ его голову работать надъ разными административными вопросами.

Старецъ промчался мимо, бормоча и напѣвая надъ самимъ ухомъ француженки:

Elle est à moi,—moi seul au monde,—
Ses grands sourcils noirs sont à moi!...

Впереди передъ нами раздается громкій голосъ, такъ что всѣ невольно оглядываются.

— Непремѣнно съ новаго года буду журналъ издавать! Сатирой, братецъ ты мой, стану ломку всему задавать! кричалъ на всю улицу безбородый джентльменъ въ сѣрой круглой шляпѣ.

— Ну, какъ еще позволятъ! язвительно замѣчаетъ его спутникъ, видимо конфузясь за громогласность своего товарища...

— Мнѣ—позволятъ! Я, братецъ ты мой—*могу!* Только бы вотъ съ цензурой справиться...

Мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ новой фигурой.

— Знаете-ли вы этого маленькаго старичка съ восковымъ лицомъ и съ крошечнымъ носикомъ? Неужели не знаете? Его знаютъ нѣсколько поколѣній петербуржцевъ и всѣ посѣтители Лѣтняго Сада и Невскаго проспекта. Вотъ какъ теперь, онъ прогуливается здѣсь, всегда спокойный и невозмутимый, для моціона —

И для иныхъ причинъ,

держа въ рукѣ коробочку конфектъ, перевязанную малиновою ленточкой. Прелестный старецъ!...

Идемъ далѣе, и намъ неизбѣжно нѣсколько разъ попадутся на встрѣчу господа, принадлежащіе къ особенному типу героевъ Невскаго проспекта. Эти господа—живутъ только для того, чтобъ изъ любви къ искуству собирать новости изо всѣхъ уголковъ Петербурга, всѣ новости безъ разбора, начиная отъ сплетенъ въ разныхъ салонахъ и кончая литературными скандалами. Эти господа знаютъ все, знаютъ даже

то, чего не знаютъ, и какъ летучія мыши скользятъ въ извѣстный часъ дня по Невскому, мимоходомъ разбрасывая встрѣчающимся знакомымъ (а имъ всѣ знакомы) плоды своихъ дневныхъ наблюденій и поисковъ.

Толпа такихъ иллюстрированныхъ газетъ попадается намъ на встрѣчу. Болтовня языковъ начинается страшная. Точно нѣсколько локомотивовъ работаютъ подъ ихъ челюстями.

— А вы знаете, что случилось съ барономъ Р.? трещать дистиллированные Бобчинскіе и Добчинскіе Невскаго проспекта.

— Нѣтъ, я и Барона Р. вовсе не знаю...

— Боже мой, какъ это вы не знаете! Дѣло въ томъ, что отъ него убѣжала жена, и убѣжала, представьте себѣ — неизвѣстно куда и съ кѣмъ...

— Значитъ—еще «Испорченная жизнь»...

— А читали вы послѣдній № С. Петербургскихъ вѣдомостей? перебиваетъ другой глашатай.

— Читалъ.

— И ничего тамъ не замѣтили? Ручаюсь, что нѣтъ... Просто умора. Хотѣлось газетѣ блеснуть знаніемъ италъянскаго языка, она и махнула: выраженіе — *Lasciate ogni speranza* — перевела, какъ бы вы думали?—*дальше не знаю*... Ха, ха! Вѣдь это просто прелесть...

— Позвольте, я разскажу случай еще лучше, вмѣшался другой — позвольте, не перебивайте меня. Давали обѣдъ одному старому актеру, были тосты и спичи. Одинъ изъ гостей, желая назвать артиста заслуженнымъ *ветераномъ* сцены, дернулъ такой тостъ: пьемъ за здоровье почтеннаго *ветеринара* русскаго театра... Что, какого?

— Не дурно.

— А вотъ вамъ другой случай, уже несмѣшной, а гаденькій. Какъ бишь фамилія этого идіотика.... ну, вотъ тотъ, что клубничныя пѣсенки прежде распѣвалъ.... ну все равно. Написалъ этотъ идіотикъ когда-то ругательные стишки на Павла Губошлепа и напечаталъ въ одномъ журналикѣ. Недавно отъ этого самого идіотика.... чортъ знаетъ, совсѣмъ кличку его забылъ!... получаетъ Губошлепъ слезное вдовье посланье. Въ посланіи этомъ идіотикъ проситъ прощенія за свои стишки: неопытность, говоритъ, и наущенія разныхъ безнравственныхъ друзей довели меня до такого поступка, за который считаю, говоритъ, своимъ непремѣннымъ долгомъ извиниться передъ вами, какъ предъ уважаемымъ всѣми человѣкомъ и пр. и пр. Самому Губошлепу даже такое письмо мерзкимъ показалось. «Вѣрно дѣло какое нибудь до меня

есть — вотъ онъ и пресмыкается!» резонно замѣтилъ Павелъ Степановичъ.

Разсыпавъ цѣлый мѣшокъ городскихъ сплетенъ и новостей, эти олицетворенныя общественныя афиши разбѣгаются въ разныя стороны искать себѣ новыхъ слушателей и свѣжихъ извѣстій.

Ознакомимся теперь съ новымъ произведеніемъ, съ послѣднимъ типомъ людей Невскаго проспекта, воспитанныхъ на его торцовой мостовой и толпящихся съ утра до ночи по галлереи штейнбоковскаго пассажа. Пассажный юноша — это типъ совершенно оригинальный, петербургскій. Онъ непохожъ на тѣхъ юношей, блестящихъ и пустоголовыхъ, которые рыскаютъ на рысакахъ и всю жизнь балансируютъ между устрицами Елисеева и омарами Донона. Непохожъ онъ и на тѣхъ развратившихся юношей, у которыхъ высшая цѣль жизненныхъ стремленій заключается въ томъ, чтобъ при первыхъ деньгахъ нанять лихача извощика и сдѣлать три конца по проспекту. Пассажный юноша совсѣмъ не таковъ. Это существо — жалкое, почти тупоумное и кроткое. У него, кажется, нѣтъ никакихъ желаній, кромѣ вѣчнаго, безконечнаго броженія по галлереѣ пассажа. Загляните въ пассажъ въ какой угодно часъ дня — утромъ, въ полдень, вечеромъ, — и увидите тамъ цѣлыя толпы этихъ юношей, которые бродятъ молча, заложивъ руки въ карманъ и тоскливо, робко на все поглядываютъ. За чѣмъ они тутъ? Что ихъ сюда тянетъ? — они и сами того не знаютъ. Пассажный юноша, кажется, потерялъ всѣ человѣческія способности: мыслить, любить, желать чего нибудь онъ вовсе не можетъ, — онъ можетъ только ныть, ныть всѣмъ своимъ существомъ, всей своей фигурой. Идетъ пассажный юноша мимо разныхъ магазиновъ — съ дамскими нарядами, съ мыломъ, съ галантерейными вещами, съ нотами, смотритъ на нихъ и ноетъ. Ноетъ передъ моднымъ чепчикомъ, выставленнымъ за стекло, ноетъ передъ фотографическими карточками, ноетъ надъ кускомъ мыла, ноетъ, взглянувъ украдкой на шляпку женщины, прошедшей мимо. Спросите его — о чемъ онъ ноетъ, и онъ не съумѣетъ отвѣтить вамъ; онъ васъ самихъ бы спросилъ объ этомъ, еслибъ сколько нибудь интересовался этимъ вопросомъ. И ходитъ юноша взадъ и впередъ по пассажу, ходитъ безъ устали и ноетъ на каждомъ шагу своего безконечного странствованія, не замѣчая даже, что кругомъ его бродятъ десятки точно такихъ же юношей, какъ и онъ, также безсознательно, тупо ноющихъ и ноющихъ.

Я увѣренъ, что типъ такого юноши находка для художника-психо-

лога. Подите, доберитесь до души такого существа, вѣчно молчаливаго и вѣчно ноющаго.

— Зачѣмъ эти юноши здѣсь ходятъ? спросилъ я шутя пассажнаго швейцара. Какъ тонкій психологъ, онъ тотчасъ же разрѣшилъ вопросъ.

— Извѣстно зачѣмъ: все мазурики. Наровятъ платокъ изъ кармана вытащить иль пирожокъ гдѣ нибудь на голодное брюхо стянуть. Ужъ народъ таковскій! знаю я ихъ! закончилъ онъ свой философскій выводъ, съ рѣшимостью лермонтовскаго Максима Максимовича.

Мы сдѣлали нашу коротенькую прогулку по главной улицѣ Петербурга въ то время, когда городская жизнь находится въ полномъ разгарѣ своего движенія, въ предчувствіи близкихъ праздниковъ и за ними новаго года. Невскій проспектъ нарядился въ самые лучшіе свои наряды и украсился новыми магазинами, новыми камеліями, новыми приманками для глазъ и для кармана. По воздуху летаютъ объявленія старыхъ и новыхъ газетъ съ регистромъ ихъ сотрудниковъ, имена которыхъ есть непроницаемая тайна не только для обыкновенныхъ читателей, но даже и для записныхъ библіофиловъ. Нѣкоторыя газеты даже прельщаютъ публику обѣщаніемъ сюрпризовъ въ родѣ папиросныхъ приложеній М. М. Достоевскаго. Въ театрахъ одинъ бенефисъ слѣдуетъ за другимъ. Снова въ загуляевскомъ Гамлетѣ явился г. Самойловъ, а въ роли Офеліи, г-жа Спорова. По этому поводу «С.-Петербургскія Вѣдомости» выразили такую мысль, что роль Офеліи — роль очень простая и нетрудная. Погибшій «Свѣточъ» вновь воскресъ въ новой кожѣ «Библіотеки для Чтенія», издаваемой г. Бабарыкинымъ. Одинъ старый, прекратившійся журналъ, съ новаго года опять хочетъ отправиться отыскивать по Руси почвы и... подписчиковъ.

Мы всѣ находимся въ ожиданіи новостей.

Отъ скучнаго до смѣшного — только одинъ шагъ. «Нѣтъ ни одного такого серьезнаго предмета, говорилъ Гейне, надъ которымъ нельзя было бы не посмѣяться». Встрѣчается вамъ господинъ, съ важностью и глубокомысленнымъ видомъ толкующій объ европейскомъ конгрессѣ и о мозольныхъ пластыряхъ, о шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ и о растительномъ экстрактѣ г. Шандора,—и вы, слушая такого господина, непремѣнно засмѣетесь. Вамъ не разъ захочется смѣяться, когда вы будете перелистывать статью Гейне о доносчикахъ въ переводѣ Вс. Костоморова, когда вы будете читать растрепанныя критики писателя тридцатыхъ годовъ А. Григорьева и напомаженныя рецензіи П. Анненкова. И тѣ и другіе, являясь передъ вами, вовсе не думали васъ смѣшить, а вы все-таки смѣетесь. Напрасно бы подобные ученые, публицисты и критики вздумали бы даже пугать насъ участью Лотовой жены, если мы осмѣлимся, оглянувшись на нихъ, улыбаться, мы не побоимся ни соляного столба, въ который обратилась библейская любопытная женщина, ни ихъ собственной соли, и оглянемся на нихъ при случаѣ съ самою несолидною улыбкою.

Что напримѣръ можетъ быть солиднѣе и серьезнѣе ученыхъ засѣданій какого нибудь общества! Казалось бы, что собираются тамъ все люди почтенные, толкуютъ о вопросахъ тоже почтенныхъ, но не смотря на это и на эти ученые бесѣды, залезаетъ иногда безпокойный бѣсенокъ, надѣлаетъ тамъ украдкой разныхъ шалостей, а потомъ и любуется дѣломъ рукъ своихъ: вотъ дескать смотрите люди добрые, какія здѣсь бываютъ веселенькія засѣданія.

Этотъ бѣсенокъ, какъ постоянный, хотя невидимый, членъ одного экономическаго общества—очень послѣдователенъ въ своихъ шалостяхъ, а потому онъ не прямо поведетъ васъ на засѣданіе этого общества, гдѣ, по его словамъ, безобразничаетъ г. Без—овъ, но прежде подсунетъ вамъ въ руки брошюрки этого ученаго, да еще и не прямо подсунетъ, а подразнитъ васъ немножко.

— Видишь эту книжку! дразнитъ бѣсенокъ. Одно названіе чего стоитъ! Не подшепни я этого названія, Н. А. Без—овъ никогда бы не придумалъ. Читай и вникай: «О *свободномъ* трудѣ при *помѣстномъ* устройствѣ». Что? каково?

Бѣсенокъ заливается звонкимъ смѣхомъ, и начинаетъ прыгать, напѣвая эпиграфъ, помѣщенный въ книжкѣ г. Без—ова:

— Alles war gesagt, doch alles bleibt zu sagen!..

Бѣсенокъ начинаетъ наконецъ читать вслухъ мѣста изъ книжки г. Без—ова...

«Ужели кто рѣшится сказать, что въ основахъ нашего сельскаго хозяйства, *лоно котораго есть помѣстный бытъ*, нѣтъ ничего ни благого, ни разумнаго?...»

Бѣсенокъ смѣется.

Далѣе. «Не лежитъ ли въ самыхъ нѣдрахъ нашего помѣстнаго быта понятіе объ устроенномъ трудѣ? Кто сомнѣвается въ этомъ? Да это было бы оскорбленіемъ разума цѣлой страны! скажу болѣе: это было бы порученіемъ Богу, который допустилъ бы огромную отрасль человѣчества тысячелѣтствовать—въ безразсудствѣ».

Хи, хи, хи! Бѣсенокъ заливается хохотомъ.

Далѣе. «По моему *личному* мнѣнію, вѣдомству помѣщика *должны* бы принадлежать: утвержденіе выборовъ въ сельскія должности; разборъ жалобъ, приносимыхъ на мірскіе приговоры, надзоръ за усадебнымъ благоустройствомъ; наблюденіе за порядкомъ вообще и за исполнительностью должностныхъ сельскихъ лицъ и т. п.»

— Хи, хи, хи! Вотъ Фетъ-то обрадуется! хохочетъ бѣсенокъ и тащитъ васъ прямо на засѣданіе этого общества (6 числа этого мѣсяца).

— Что жъ тамъ будетъ происходить? спрашиваемъ у бѣсенка.

— Будутъ разбирать премію г. Без — ова, предложившаго задачу сочиненія: «о *свободномъ* трудѣ при *помѣстномъ* устройствѣ»....

Бѣсенокъ пустился впередъ, напѣвая:

Помѣстный бытъ!
Свободный трудъ!

Едва мы явились въ залу, гдѣ собралось все общество, бѣсенокъ началъ свое дѣло: поднялись безтолковые споры, каждый говорилъ, никто его не слушалъ, понятіе (свободнаго) труда слилось съ понятіемъ устроеннаго труда. Во время свалки преній, бѣсенокъ вскочилъ на нѣсколько минутъ въ г. Ф—а, и г. Ф—ъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста и крикнулъ:

— Пусть на насъ смотритъ вся пресса! Пусть на насъ смотритъ вся Европа!

Бѣсенокъ выскочилъ изъ г. Ф—а и захлопалъ въ ладоши.

— Точь въ точь Наполеонъ I предъ египетскими пирамидами, по-

казывалъ онъ на г. Ф—а,—Наполеонъ, говорившій: «съ вершины этихъ пирамидъ: на насъ смотрятъ десять столѣтій».

Началась баллотировка мнѣній. На сторонѣ программы г. Без—ова оказалось законное число шаровъ—тридцать.

— Шалишь! крикнулъ бѣсенокъ и вытащилъ одинъ шаръ изъ ящика.

Шаровъ оказалось только двадцат девять.

Н. А. Без—овъ проигралъ сраженіе и вышелъ изъ общества, сопровождаемый бѣсенкомъ, который нашептывалъ ему на ухо:

— Alles war gesagt, doch alles bleibt zu sagen!..

Съ одного ученаго засѣданія бѣсенокъ переноситъ васъ на другое ученое засѣданіе. (Замѣтимъ, что это происходило 17-го ноября).

— Гдѣ мы, гдѣ мы? кричите вы, едва переводя духъ отъ быстраго путешествія и съ недоумѣніемъ кругомъ осматриваясь.

— Посмотри на этихъ почтенныхъ старцевъ, и отгадаешь. Кого ты видишь?

— Вижу М. П. П—на.

— Еще кого?

— Вижу гг. А—а, Л—ва...

— Стой, довольно... Значитъ ты знаешь, гдѣ ты теперь? Угадалъ?

— Въ московскомъ обществѣ любителей россійской азбуки...

Начинается засѣданіе. Бѣсенокъ облизывается и безъ церемоніи усаживается на столъ передъ самымъ носомъ предсѣдателя общества.

— Любезные друзья мои! говоритъ бѣсенокъ, обращаясь ко всему собранію. Сегодня я въ хорошемъ расположеніи духа, а потому не стану васъ дразнить, не стану пугать васъ тѣнями петербургскихъ нигилистовъ. Ведите же себя смирно и серьезно, какъ и слѣдуетъ московскимъ ученымъ! Особенно вотъ вы! (обращается къ г. Л—ву). Въ прошлыя засѣданія вы такъ изволили волноваться, что казалось, хотите выпрыгнуть изъ своего собственнаго сюртука. Не шалите же, отцы науки! Я привелъ съ собой гостей: будьте паиньки!..

Бѣсенокъ въ видѣ поощренія погладилъ М. П. П — на по головкѣ.

— Ну, теперь открывайте засѣданіе.

М. П. П — нъ встаетъ и начинаетъ читать докладъ о томъ, чѣмъ занимались члены общества въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Замысламъ и предпріятіямъ—счету нѣтъ.

— Всѣ мы трудились въ эти мѣсяцы, продолжаетъ М. П., и денно и нощно, и скоро обогатимъ литературу...

— Не правда, не правда! пищитъ бѣсенокъ. Вы вовсе не трудились: вы по Дѣвичьему полю все лѣто гуляли.

М. П. канфузится немного, но продолжаетъ:

— Мы уже обогатили русскую словесность разными замѣчательными изданіями. Мы издали сочиненія Мерзлякова....

Бѣсенокъ смѣется.

— Издали «сборникъ» въ память Кирилла и Мефодія...

— Зачѣмъ вы его *издали*? онъ хорошъ только *издали*... смѣется непрошенный гость.

М. П. П — нъ, продолжая говорить о трудахъ членовъ общества, начинаетъ для поощренія послѣднихъ, сильно ихъ расхваливать. Какъ проницательный критикъ, онъ отыскалъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ дарованій, научныхъ свѣдѣній, ума, такта и находчивости.

Бѣсенокъ апплодировалъ.

— Хорошо! браво! Своихъ забывать не надо: хвали ихъ такъ, чтобъ ихъ самихъ даже стошнило. Не забывай также и самому себѣ должную похвалу воздать...

Кончая чтеніе своего отчета, г. П — нъ упомянулъ о недавней смерти члена общества И. И. Д — ва.

— Прочти его послужной формулярный списокъ! шепнулъ лукаво бѣсенокъ.

М. П. П — нъ, сознавая, что дѣйствительно есть глубокая связь между россійскою словесностью и послужнымъ спискомъ одного изъ членовъ общества, громогласно прочелъ формуляръ покойника.

У слушателей навернулись на глазахъ слезы отъ такого назидательнаго чтенія. Бѣсенокъ, вытащивъ изъ кармана Михаила Петровича грязный платокъ, вытеръ имъ свои заплаканныя глаза. Потомъ, чтобъ разогнать общее тяжелое впечатленіе, онъ обратился къ другому члену общества:

— Миленькій А — въ прочти намъ стишки свои какіе нибудь, ну хоть «изъ прошлаго періода».

Г. А — въ всталъ, но своего стихотворенія не прочелъ, а про-

челъ стихи члена М. Х. Дмитріева—«Правда и поэзія». Стихи были траурные, мрачные. Бѣсенокъ даже припрыгнулъ на мѣстѣ, когда дослушался до того мѣста, гдѣ поэтъ говоритъ, что въ настоящее время:

«Правда стала—лишь поэзіей одной.»

— Экая бойкая мысль какая!

Послѣ этого г. Л — въ сталъ читать главу изъ III тома записокъ Ф. Ф. В—ля. Публика слушала, какъ г. В—ль хвалилъ стихи Жуковскаго и икры какой-то актрисы, какъ ужасался тому, что въ одномъ журналѣ печатались цѣлыя рѣчи Мирабо, какъ старался повредить издателю «Телескопа».

Зачѣмъ все это читалось — никто не зналъ. Во время чтенія бѣсенокъ спалъ на колѣняхъ г. Л — ва и проснулся только тогда, когда Ф. Б. М — ръ началъ читать стихи «Турецкая бомба», стихи страшные впрочемъ однимъ только названіемъ, а въ сущности невинные, какъ и всѣ стихи этого скромнаго московскаго стихотворца.

Засѣданіе было кончено. Бѣсенокъ въ знакъ своего удовольствія началъ угощать членовъ общества мочеными яблоками.

— До слѣдующаго собранія! крикнулъ онъ, а я теперь отправляюсь въ гости въ редакцію «Русскаго Хожалаго».

Бѣсенокъ очутился вдругъ въ Армянскомъ переулкѣ. Подумавъ немножко, онъ принялъ на себя видъ Павла Якушкина—и въ этомъ видѣ ввалился въ швейцарскую редактора «Русскаго Хожалаго.»

— Куда лезешь! крикнулъ ему швейцаръ, осматривая смурый кафтанъ и грязные сапоги гостя.

— Къ М. Н. К—ву.

— Не принимаетъ.

— Мнѣ нужно его видѣть...

— Сказано не принимаетъ! огрызнулся швейцаръ и полезъ въ свою коморку.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣсенокъ явился снова на подъѣздѣ, но уже въ другомъ видѣ — въ видѣ автора «Взбаламученнаго моря».

— Теперь вѣрно пропустятъ! думалъ онъ.

Швейцаръ съ своей стороны разсуждалъ такъ: этотъ значитъ за деньгами пришелъ, а потому:

— Дома нѣтъ! доложилъ онъ. Съ визитами уѣхали.

Опять неудача: даже «Взбаломученное море» не выручило. Бѣсенокъ хотѣлъ попытать еще счастья.

Черезъ нѣсколько минутъ у парадной двери показался господинъ весь въ чорномъ.

— Во имя отца и сына и св. духа...

— Кого вамъ? Крикнулъ швейцаръ. На построеніе храма что-ли съ книжкой сбираете?.. Вотъ вамъ трешникъ...

Гость поклонился въ поясъ, но отъ трешника отказался.

— Я прошу доложить М. Н., что его желаетъ видѣть смиренный рабъ Викторъ А—й...

— А вамъ зачѣмъ? подозрительно спрашивалъ швейцаръ.

— Я пришелъ воздать должную дань почтенія и удивленія отъ лица православныхъ всея Россіи лучшему ея защитнику и ревнителю...

— Ну, этого пускать нельзя, мысленно рѣшилъ швейцаръ и выпроводилъ посѣтителя на улицу.

— А, когда такъ, вскрикнулъ бѣсенокъ, то я и самъ найду дорогу... и не замѣтно проскользнулъ по лѣстницѣ и очутился въ катковскомъ кабинетѣ.

— Здравствуйте, лорды! привѣтствовалъ онъ двухъ друзей — гг. К — ва и Л — ва, которые кушали устрицы и читали «Journal de St-Petersbourg», не обративъ никакого вниманія на привѣтствіе.

— Ба! пріятный фактъ! говоритъ г. Л — въ. Вотъ, что пишутъ: «въ одной деревушкѣ близь Діеллы, въ Италіи, патеръ исключилъ изъ числа святыхъ святого Эрнеста—потому что это имя носитъ г. Ренанъ. Вслѣдствіе этого, патеръ торжественно объявилъ съ кафедры, что отказывается крестить новорожденныхъ дѣтей подъ именемъ Эрнеста».

— Пріятный фактъ! подтверждаетъ г. К — въ, обливая устрицу лимономъ. Нужно въ «Московскихъ Будочникахъ» поощрить этого патера.

— А отчего вы не поощрите, вмѣшивается чертенокъ:—Всеволода Костомарова? Петербургская литература отъ него совершенно отвернулась. Обратите хоть вы вниманіе на него. Бѣдный юноша!

Не смотрите очень строго,
Не скрывайте вашихъ слезъ;
Костомаровъ очень много
Въ это время..... *перенесъ.*

— А кстати, лорды: отчего вы не приняли къ себѣ В. И. А—го?

Вѣдь онъ изъ вашихъ, вы вѣдь не станете отпираться, что онъ изъ вашихъ?

Лорды презрительно пожали плечами.

— А, вы отпираетесь! Хорошо же... Вотъ просмотрите-ка этотъ нумерочикъ «Домашней Бесѣды» (выпускъ 42). Вотъ послушайте, что здѣсь пишутъ: «Съ неподдѣльнымъ восторгомъ стала читать святая, православная Русь «Московскихъ Будочниковъ» вдругъ ожившіе и обновившіяся подъ опытною рукою г. К—ва. Патріотическое разумное одушевленіе его нашло себѣ гармоническій отголосокъ во всѣхъ благонамѣренныхъ слояхъ нашего общества, и въ честь редактора давались обѣды, произносились спичи и тосты, сыпались эпиграммы... виноватъ— телеграмы».

— Что, хорошо-съ? Слушайте дальше.

«Чѣмъ же г. К — въ обратилъ на себя такое благодарственное вниманіе Руси православной и царелюбивой? Не инымъ чѣмъ, какъ отвѣтомъ на тѣ чувства и мысли, которыми движется и управляется всякій истинно-руссвій человѣкъ. Онъ понялъ, что православіе есть тотъ ключъ, которымъ отпираются всѣ заповѣдныя сокровища нашей жизни общественной,—та могучая сила, съ которою ничего не убоится и ни отъ чего не смутится православный человѣкъ. И редакрируемые г. Ка — мъ «Московскіе Будочники» вдругъ очутились на небывалой дотолѣ высотѣ и изваны общимъ голосомъ всей Руси органомъ лучшихъ и задушевныхъ ея убѣжденій и вѣрованій».

— Что скажете теперь, лорды? Развѣ онъ не вашъ? А — й — и К—въ! Очень мило!

Ждетъ двойная васъ слава —
И двойной рядъ вѣнковъ:
А—й — направо
И налѣво — К—въ.

Бѣсенокъ изчезъ, но еще долго въ ушахъ почтенныхъ друзей раздавался его звонкій хохотъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейду къ провинціальнымъ извѣстіямъ, мнѣ хочется познакомить читателя съ новымъ своимъ литературнымъ произведеніемъ, которое есть только первый мой опытъ, въ которомъ я хочу явиться служителемъ чистаго искусства, «искусства для искусства». Эта моя первая пѣсня въ этомъ родѣ, а первая пѣсня всегда поется зарумянившись. И такъ—начинаю.

ДОМАШНЯЯ РАСПРАВА.

Сцена въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агафья Павловна Рюрикова, богатая помѣщица, 70 лѣтъ.

Петръ Ивановичъ Жирновскій, родственникъ Рюриковой по женѣ, неслужащій дворянинъ, 43 лѣтъ.

Прасковья Федоровна Жирновская, его жена, 34 лѣтъ.

Геннадій Павловичъ Валкинъ, важный чиновникъ, родной братъ Рюриковой, 62 л.

Лиза, внучка Рюриковой.

Таиса Львовна Чернохвостова, двоюродная сестра Рюриковой, 65 л.

Лидія и Анюта, безсловесныя барышни, ея воспитанницы.

Михаилъ Петровичъ Бурбоновъ, отставной маіоръ, зять Рюриковой, 46 л.

(Дѣйствіе происходитъ въ провинціи).

(Большая зала барскаго дома. Мебель подъ ситцевыми чехлами. Часы съ кукушкой).

ЯВЛЕНІЕ I.

Рюрикова (*въ сѣромъ шелковомъ капотѣ сидитъ на диванѣ*).

Нѣтъ никого еще!.. Какая бы причина?..
Вѣдь, кажется, писала толкомъ я
Пораньше съѣхаться...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Горничная (*вноситъ двѣ стеариновыя свѣчки*).

Рюрикова.

Эй, слушай! мать моя,
Который часъ теперь?

Горничная.

Шестого половина.

Рюрикова.

Ну, время еще есть... Придется подождать.
Постой-ка, ты, постой! Вишь свѣчи запалила!
Я, кажется, ужъ сколько разъ твердила:
Свѣчь стеариновыхъ отнюдь не зажигать!..
Вамъ барскаго добра не жаль, народъ нахальный!..
Покуда нѣтъ гостей—всѣ свѣчи погаси,
А мнѣ покамѣсть принеси
Изъ дѣвичей шандальчикъ съ свѣчкой сальной,
Да барышню сюда поди сейчасъ проси.

(Служанка уходитъ).

Вотъ хлопочи за всѣхъ, расходуйся на свѣчи,
На сухари, на сахаръ, да на чай,
Обузу тяжкую взвали себѣ на плечи,
Заботься о родныхъ, люби ихъ, угощай,
А послѣ жъ надъ тобой трунятъ родные эти:
Нѣтъ, нынче родственность не цѣнится на свѣтѣ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Рюрикова и Лиза.

Лиза.

Что, бабушка, угодно вамъ?

Рюрикова.

Пора
Давно сюда пожаловать вамъ, внучка!
Я хлопочу здѣсь съ самого утра,
А ты вотъ знать не хочешь, бѣлоручка.

Лиза.

Я, бабушка, читала.

Рюрикова.

Время же нашла!
Какія книги тутъ! Побойся ты хоть Бога!
Ждемъ вечеромъ гостей, возни съ прислугой много,
А ты... ты съ книгами. Вся въ дядюшка пошла!..

Лиза.

Чтожъ, бабушка,—на дядюшку похожей
Пріятно каждой быть...

Рюрикова.

Ну, ну! пошла, пошла!..

(*Слышенъ звонокъ*).

Ахъ, батюшки! звонятъ у насъ въ прихожей...
Кого бъ нелегкая такъ рано принесла.

(*Къ Лизѣ*).

Поди, принарядись, пригладь свои кудѐрки
И самоваръ поставить прикажи,
Да въ дѣвичей лѣнивой этой Вѣркѣ
Ты строго накажи:
Чтобъ самоваръ не подали съ угаромъ.
Постой, постой еще: чай будешь разливать—
Такъ сахаръ безъ толку не трать:
Вѣдь достается онъ не даромъ.

(*Лиза уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Рюрикова и П. И. Жирновскій съ женой.

Жирновскій.

Агафья Павловна! Дивите вы весь свѣтъ.
У васъ сегодня балъ? иль раутъ? иль банкетъ?
Позвольте ручку... Знаете ли—намъ ужъ
Представилось, что вы подъ старость лѣтъ
Махнуть хотите замужъ.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ, какъ рѣзко ты привыкъ!
Шутить...

Рюрикова.

Охъ, ты, шутникъ, шутникъ.

Жирновскій.

Да какъ же, матушка! Читаю вдругъ посланье:
Агафья Павловна сзываетъ на собранье
Своихъ родныхъ... Скажи мнѣ, напримѣръ,
Объ этомъ кто другой...

Жирновская.

Ахъ перестань же, Пьеръ!

Рюрикова.

Оставь его въ покоѣ, зубоскала!
За дѣломъ я родныхъ сегодня собирала,
За дѣломъ, батюшка! Успѣешь все узнать...

ЖИРНОВСКІЙ.

А все-таки дивлюсь.

ЖИРНОВСКАЯ.

Ахъ, Пьеръ! Опять, опять!..

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже, Чернохвостова съ двумя воспитанницами и Валкинъ.

ЧЕРНОХВОСТОВА.

Ну, вотъ и мы. Bonjour, сестра. Гдѣ жъ внучка?

РЮРИКОВА.

Она придетъ сейчасъ.

ЧЕРНОХВОСТОВА (*къ Жирновской*).

Параша! ты ужъ здѣсь!
А, вотъ и муженекъ,—распухъ, голубчикъ, весь,
И шутъ такой же все,—вотъ будетъ нахлобучка—
Дай оглядѣться мнѣ лишь только, балагуръ.

ВОСПИТАННИЦЫ.

Ахъ, здравствуйте!

ЖИРНОВСКАЯ.

Bonjour, mesdames bonjour!

РЮРИКОВА (*брату*).

Что, батюшка, ужъ очень ты печаленъ?

ВАЛКИНЪ (*дѣловымъ тономъ*):

Мнѣ нѣкогда, сестра,—дѣлами я заваленъ,
Зачѣмъ звала меня?

РЮРИКОВА.

Узнаешь, мой дружекъ,
И твой совѣтъ намъ очень пригодится.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣже и Михаилъ Бурбоновъ.

М. БУРБОНОВЪ.

Какъ честный родственникъ, спѣшу всѣмъ поклонится
И—дѣлаю подъ козырекъ.

РЮРИКОВА.

Ну, Миша, сядь, мой другъ... Теперь мы всѣ здѣсь въ сборѣ,
Друзья мои, къ себѣ я васъ звала

Потолковать о нашемъ общемъ горѣ.
Племянничекъ-то мой, Николя, господа,
Есть наше общее несчастье и бѣда,
И намъ о немъ подумать вмѣстѣ нужно,
Хоть онъ не маленькій, не въ дѣтской ужъ порѣ...

М. Бурбоновъ.

Ну, что жъ, составимте каре
И на врага всѣ грянемъ дружно.

Рюрикова.

Вѣдь онъ срамитъ нашъ древній гербъ и родъ,
Надъ старыми людьми почти въ глаза хохочетъ —
И «книжками» какими-то все хочетъ
Образовать народъ.
"Мы силы, говоритъ, уснувшія разбудимъ"!
Одинъ мальчишка такъ его увлекъ,
Но мальчика ко счастью прибралъ Богъ,
А этого—прибрать ужъ нужно людямъ.

Чернохвостова.

О немъ по городу прескверный ходитъ слухъ.

Жирновскій.

Ну къ этому мы всѣ давно ужъ стали глухи:
Вѣдь и объ насъ—поди—дурные ходятъ слухи.
Не переслушаешь болтающихъ старухъ.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ! ахъ, Пьеръ!—какъ говорить такъ можно!

Валкинъ.

Дѣйствительно, нашъ Nicolas ведетъ
Себя совсѣмъ неосторожно.
Смѣется надо всѣмъ. Къ начальнику придетъ —
Начнетъ играть цѣпочкой на жилеткѣ,
А въ обществѣ сидитъ—нѣтъ выдержки и сметки:
Хоть въ третьемъ классѣ будь—болваномъ назоветъ.

М. Бурбоновъ.

Не сталъ бы онъ дурить ни въ людяхъ такъ, ни дома,
Когда бъ его вотъ съ годикъ поводить
Учебнымъ шагомъ—въ три пріема.

Жирновская.

Всѣхъ выходокъ его нельзя переносить!..,
Я, слушая его, кричала: изувѣръ вы,
Ну пощадите же мои больные нервы!..

Жирновскій.

А было времячко, и отъ него сама
Сходила ты, сударыня, съ ума.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ, опять!.. опять!..

Чернохвостова (*къ Жирновскому*).

Ну, балагуръ, уймись ты!..
Да, жаль его! Умъ-разумъ потерялъ...
И записался въ эти... въ нигилисты.
Срамъ, стыдъ одинъ теперь для всей родни,
Вѣдь о его дѣлахъ,—извѣстно ужъ давно намъ, —
Сталъ знать весь свѣтъ, не только мы одни.

М. Бурбоновъ.

Когда лѣтъ семь назадъ я правилъ батальономъ
И инвалидною командой управлялъ —
Онъ изъ Саратова проѣздомъ заѣзжалъ
Ко мнѣ въ Симбирскъ, и у меня, въ квартирѣ
Такой вралъ вздоръ начальству моему,
Что будь не я—то быть ему въ Сибири,
Попалъ бы онъ въ губернскую тюрьму.

Рюрикова.

Часъ отъ часу о немъ все хуже, хуже слухи,
Такъ пособите же совѣтомъ мнѣ, старухѣ,
Вѣдь я слаба теперь, безсильна и стара.

М. Бурбоновъ.

Совѣтъ мой: пусть теперь онъ вступитъ въ юнкера.

Чернохвостова (*косясь на своихъ воспитанницъ*).

Женить его, женить, моя родная, надо.

Жирновскій.

Да кто же за него отдастъ родное чадо?
Вотъ хоть бы вы...

Жирновская.

Опять, опять!... Ахъ, Пьеръ!...

М. Бурбоновъ (*продолжая свою мысль*).

Поучатъ, вышколятъ—и изъ него навѣрно,
Отличный выйдетъ офицеръ.

Валкинъ.

Во всякомъ случаѣ онъ можетъ кончить скверно;
Сомнѣнья въ томъ не можетъ быть,—нѣтъ, нѣтъ!

А потому—вотъ мой совѣтъ:
Мы, всѣ, чтобы спасти нашъ родъ непосрамленный,
При помощи извѣстныхъ докторовъ,
Ему докажемъ, что... онъ не совсѣмъ здоровъ...
Вы понимаете... разсудокъ поврежденный!..

Потомъ
Племянника въ деревню отошлемъ
И ужъ его не выпустимъ оттуда.

Рюрикова.
Ну, выручилъ, родной!...

Жирновская.
Вотъ планъ-то: просто чудо!

Чернохвостова.
Вотъ умный человѣкъ—и умный далъ совѣтъ.
За вашу выдумку, ей богу, честь и слава.
Пусть, пусть уѣдетъ онъ.

М. Бурбоновъ.
Дирекція направо!

Рюрикова.
Отправимъ мы его... на сколько жъ, братецъ, лѣтъ?

Валкинъ.
Лѣтъ на четырнадцать,—иль меньше, какъ случится,—
Придетъ же наконецъ пора перебѣситься.

Рюрикова.
И дѣло, мой отецъ!.. Свалилась съ плечь гора!
Мнѣ лучшаго не выдумать сюрприза
Ну, дѣлу и конецъ... Эй, Лиза! гдѣ ты, Лиза?
Теперь за чай пора.
(*Занавѣсъ падаетъ*).

Теперь мы перенесемся въ провинцію и посмотримъ, нѣтъ-ли какихъ фактовъ въ «книгѣ провинціальнаго прогресса».

Вотъ что пишутъ мнѣ, между прочимъ, изъ «городка» по поводу этихъ перловъ провинціальной жизни: «...Вы напрасно думаете, что мы не сообщаемъ вамъ никакихъ «прелестей» изъ нашего захолустья по лѣности. Не мы—лѣнивы, а жизнь наша слишкомъ неподвижна.

Писать рѣшительно не о чемъ, и не потому, чтобъ мы всѣ гражданскими доблестями преисполнились... Нѣтъ, у насъ все тѣ же самыя «прелести» какъ и всегда; мы ежедневно дѣлаемъ всевозможныя мерзости и пакости, но даже и въ этомъ мы не можемъ похвалиться оригинальностью. Нашъ «добросовѣстный, ребяческій развратъ» ужъ слишкомъ мелокъ, ничтоженъ, чтобъ говорить о немъ. Сегодня также, какъ и вчера, какъ и пять, десять лѣтъ назадъ. Увѣряю васъ, что если бы всѣ обитатели «городка» могли прожить еще тысячу лѣтъ, то въ жизни города не произошло бы никакой замѣтной перемѣны. Подросли бы акаціи на бульварѣ, да подгнили бы колонны на столыпинскихъ чертогахъ — и ничего болѣе. Мелкія интрижки, карты, сплетни, взятки, иногда свадьбы и очень рѣдко похороны. Здѣсь даже такой благодатный уголокъ, что почти никто и не умираетъ: мы такіе чугунные организмы себѣ выработали, что даже смерть отъ насъ отскакиваетъ. Наши «приволжцы» очень удивлялись, что Базаровъ отъ такихъ пустяковъ умеръ. Вотъ мы какіе!..

«Единственный новый элементъ нашей жизни — это обѣды «по разнымъ случаямъ» и обѣденные спичи. Краснорѣчіе этихъ спичей — самое черноземное, выражаемое не столько словами, сколько придыханіемъ, одышкой и глазными морганіями. Кстати о краснорѣчіи. Когда говоришь о краснорѣчіи — то невольно вспомнишь нашего полоумнаго оратора Гонорарія Ивахвіевича. Сей краснорѣчивый мужъ еще до нынѣ не посаженъ въ домъ умалишенныхъ. Онъ тоже, какъ и всѣ, нисколько не измѣнился и придерживается своихъ старыхъ, куролесовскихъ привычекъ. Какъ прежде, въ крестьянскій періодъ, онъ сажалъ своего 70-ти лѣтняго кучера вмѣсто каріатиды на крышу своего дома и выдерживалъ его тамъ нѣсколько часовъ на морозѣ, такъ и теперь онъ свирѣпствуетъ и не прочь вырвать високъ у какого нибудь «грязнаго хама». У Гонорорія Ивахвіевича есть дочь. Можете себѣ представить, каково жить съ такимъ лютымъ звѣремъ. Бѣдной дѣвушкѣ пришлось плохо... Съ ней случилось слѣдующее романическое происшествіе. Однажды ночью она рѣшилась бѣжать изъ родительскаго дома. Когда въ домѣ всѣ уснули, она тихо вышла на балконъ. Внизу она услыхала условленный знакъ и тотчасъ же, спустясь съ балкона, упали въ объятія своего... дѣдушки, который рѣшился похитить бѣдную внучку и увезти съ собой въ Москву..

«Итакъ вотъ вамъ романическое приключеніе съ законной подклад-

ной. Гонорарій Ивахвіевичъ бѣснуется, и колотя себя въ грудь, кричитъ:

— «Я отыщу и накажу этого похитителя, укравшаго отъ сердца родителя часть цѣлаго, половину его сердечности и духа, безъ чего остальная часть сердечности и духа можетъ изъ возможнаго превратиться въ невозможность, и превратясь, потерять собственный духъ и сердечность»...

«Прощайте—до зимы. Зимой «городокъ» нашъ оживляется и тогда»...

Вотъ другой отрывокъ изъ письма моего «собственнаго» костромского корреспондента.

«Чѣмъ вы насъ тамъ ни застращивайте, какъ ни серьезничайте, а къ намъ, костромичамъ ничего не пристаетъ. Мы сидимъ себѣ, благодушествуемъ и улыбаемся. Насъ, костромскихъ жителей, ничто не проберетъ: мы читали «положеніе» и улыбались, — присутствовали на выборахъ—и улыбались. Въ газетахъ о реформахъ разныхъ стали писать, у насъ на улицахъ угрюмая ночная стража появилась на случай пожаровъ—а мы и въ усъ не дули. Самыя явленія нашей жизни принимаютъ у насъ какой-то улыбающійся характеръ: все трагическое на другой почвѣ у насъ превращается въ игривую комедію. Вотъ, напр. хоть такіе случаи.

«Заболѣли у одного чиновника зубы, отъ сладкой пищи что-ли... Больной къ доктору. Докторъ далъ одно лекарство—не помогло, другое—не помогло, еще хуже болятъ. Является къ больному отставной солдатъ.

— Значитъ, помочь могу, боль какъ рукой сниму. Пойдемте со мной на Волгу.

Идутъ на Волгу. Пришли.

— Теперь раздѣвайтесь, войдите въ воду по горло, да стойте, не оглядываясь, не то зубы пуще разболятся.

Стоитъ послушный больной въ рѣкѣ — долго стоитъ, даже дрожь взяла. Наконецъ терпѣнья не хватило. Выскакиваетъ онъ на берегъ, смотритъ—на берегу нѣтъ ни платья его, ни услужливаго лекаря, а зубы еще сильнѣй болятъ.

Костромичи смѣются.

А вотъ другая исторія.

Костромской Донъ-Жуанъ катается съ своей экономкой и читаетъ ей пѣсни Фета. Въ одной деревнѣ попадается имъ на встрѣчу мужъ экономки.

Супругъ захотѣлъ воспользоваться своими правами на жену и потребовалъ отъ Донъ-Жуана его спутницу.

Донъ-Жуанъ былъ съ нравомъ истаго костромича, а потому спѣшилъ собственноручнымъ внушеніемъ объяснить мужу, чтобъ онъ не забывался и не смѣлъ узнавать своей жены, по тому самому, что онъ мужикъ, пейзанъ...

На другой день костромской Донъ-Жуанъ подалъ на него куда слѣдуетъ жалобу, объявляя въ ней, что этотъ наглецъ напалъ на него на дорогѣ и ограбилъ: взялъ всѣ наличныя деньги.

Помощникъ уѣзднаго исправника — былъ человѣкъ сообразительный и услужливый, а потому ревниваго супруга донъ-жуановской экономки упряталъ въ тюрьму,—

Чтобъ человѣкъ не баловался.

Вотъ какое веселое житье-бытье у насъ, въ Костромѣ!.. Нравы самые патріархальные. Заходите вы въ нашу лучшую костромскую гостиницу, спрашиваете карту винъ и требуете полбутылки шампанскаго.

Предъ уходомъ расплачиваетесь. Васъ останавливаютъ.

— Не всѣ, говорятъ, деньги. Нужно 2 р. 25 к.

— Какъ такъ? вѣдь въ картѣ винъ означено, что полубутылка стоитъ 1 р. 25 к. Вѣдь у васъ такса есть?

Трактирные юмористы ухмыляются.

— Такса, говорятъ, сама по себѣ, а наши цѣны — сами по себѣ. Что тутъ дѣлать! Кострома—одно слово. Вѣдь самъ и авторъ «Взбаламученнаго моря»—изъ Костромы»...

«Жизнь хороша»!

Такъ заканчивается каждый куплетъ одного стихотворенія А. Григорьева.

Жизнь хороша! повторялъ я, читая грустную исторію двухъ утопленицъ дѣвицъ Дексбахъ, которыя отъ этой жизни искали спасенія въ

самоубійствѣ. Участь ихъ—участь многихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, живущихъ въ Россіи въ гувернанткахъ. Они не могли перенести своего тяжелаго положенія, и 16-го октября утопились въ Москвѣ-рѣкѣ, близь каменнаго моста.

Одна изъ нихъ передъ смертью написала три письма. Надъ смысломъ этихъ писемъ, надъ ихъ художественной простотою можно сильно задуматься. Какая славная личность въ нихъ проглядываетъ! Какая славная жизнь безвременно погибла!..

Пусть русскія барышни прочтутъ эти записки.

I.

«Милый Вовочка, это мое прощальное къ тебѣ письмо. Я пишу тебѣ утромъ и потому еще не знаю, какъ все устроится. Предположеніе по крайней мѣрѣ такое: я нынче тебѣ написала записку, прошу тебя придти нынче на — —, но Богъ вѣсть, получишь ли ты мою записку во-время. А хотѣлось бы еще разъ на тебя взглянуть и поговорить. Вѣдь это бы было наше послѣднее свиданіе на землѣ, а тамъ, а тамъ, ежели только существуетъ будущая жизнь, то мы не встрѣтимся. Мы, послѣ гулянья съ вами, намѣрены съ Машей утопиться. Не жалѣй и не скучай по мнѣ, Вова, я слишкомъ много страдала, мнѣ необходимъ отдыхъ, смерть. Поступивъ въ магазинъ Р., я думала, что буду спокойнѣе, но какъ я ошиблась: морально я здѣсь болѣе страдала, чѣмъ въ гувернанткахъ. Я задыхалась въ этой атмосферѣ, мнѣ было душно. Вся пошлость жизни, кажется, слишкомъ ярко тогда представилась мнѣ. Я увидала въ торговлѣ одинъ обманъ и механическую работу, однимъ словомъ я страдала разочарованіемъ всего. Когда ты получишь это письмо, въ немъ еще есть письма, которыя, и прошу тебя, передай по адресу. Ты завтра сходи въ магазинъ Р. и спроси обо мнѣ; если я окажусь не у нихъ, то значитъ, что меня нѣтъ въ живыхъ; тогда сейчасъ же пошли по городской почтѣ всѣ письма, по адресу. Еще одна большая просьба: увѣдомь о нашей смерти Геню сестру, но скажи, что мы умерли въ горячкѣ и пожалуста будь по осторожнѣе, попроси твою мамашу, она это лучше исполнитъ и ее понемногу къ этому приготовитъ. Теперь поговоримъ объ тебѣ, обо мнѣ уже кончено; ты ради Бога не грусти, старайся болѣе развлекаться. Музыка.... (такъ и не удалось слышать новую рояль), сочиняй мнѣ маршъ, я въ это время, т. е. моя душа, всегда будетъ не-

видимо присутствовать съ тобой, мой милый Вова! И цвѣтовъ-то тебѣ не придется принесть, моя могила тебѣ останется неизвѣстна, ну все равно, я увѣрена, что ты меня будешь помнить, ежели не всегда, то все-таки долго. Вова, Вова, твое сердце не чувствуетъ, что я тебя покидаю навсегда, покидаю тебя, любя и тоскуя и желая тебѣ всего лучшаго. Будь друженъ съ П., онъ такой милый, это тебѣ мое завѣщанiе, не будь *эгоистомъ*; помнишь, сколько мы за это ссорились? Мнѣ и самой, Вова, не вѣрится, что мнѣ нѣсколько часовъ жить, хоть бы ты, получивъ мою записку, и пришелъ. Когда тебѣ взгрустнется мой ангелъ Вовочка, то посмотри на мои карточки, вѣдь Лелька на нихъ, какъ двѣ капли воды, похожа. Кто Вовку будетъ бранить безъ меня, ужь конечно никто. Лелька вѣдь бранила Вову любя, и, Вова, хотя я и не буду въ живыхъ, а все-таки моя душа будетъ съ тобою. Да, Вова, я буду съ тобою. Какъ многое мнѣ есть что сказать тебѣ, да мало времени, допишу сначала всѣ письма, а потомъ тебѣ.

Если ты придешь нынче, Вова, то ты получишь отъ меня вуаль и серги, изъ сересъ сдѣлай себѣ гладкое кольцо и носи его до тѣхъ поръ, пока не разлюбишь и не забудешь. Ты пожалуста, Вова, съѣзди къ С., я просила ихъ, чтобъ они оставили какую нибудь бездѣлицу на память сестрѣ, которую ты ей передашь, а все остальное я имъ оставлю, а Маша Генѣ. Все ея богатство находится у Н—хъ, адресъ которыхъ ты ей скажешь, и все это передашь. Теперь время съ тобой, мой ангелъ, проститься. Въ письмѣ секрета нѣтъ: что же будетъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ будетъ то, что я выдержу характеръ. Вова, Вова, для чего мы только съ тобой встрѣтились? Для того, чтобы твою жизнь отравить; ежели такъ, то прости меня, прости, Вова, свою канареечку. Съ своей стороны я старалась внести отраду въ твою жизнь и исправить своего милаго эгоиста; насколько мнѣ это удалось, покажетъ время. Вова, Вова, не говори прощай: души любящихъ не разстаются. *Леля.*

II.

Передайте П—у отъ меня маленькую billet doux, да исполните всѣ порученiя, адресы сами напишите и прощайте. Кажется все.

Потрудитесь Генѣ передать, чтобы она изъ денегъ моихъ отдала моей нянѣ 2 р. сер., адресъ ея на—, въ домѣ Т., г. Д—у, съ передачею Парашѣ.

III.

Mein lieber П. И умереть не могу, не поболтавъ съ вами, еще бы!—Итакъ, лордъ, мы разстаемся съ вами: вамъ предстоитъ жизнь богатая и почестями, и славою, а намъ смерть, неизвѣстность. Вы вспомните, милый П., слова утопающихъ, что вамъ предстоитъ блестящая будущность. Ежели бы вы знали, какъ я весела и спокойна, съ какимъ наслажденiемъ я жду смерти. Маша, какъ и я, умирая, желаемъ вамъ всего лучшаго. Написала бы болѣе, да минуты нѣтъ времени. Бѣдная, иду.

Вамъ преданныя

Ольга и Марья.

Да, правъ А. Григорьевъ: «Жизнь хороша!»

СОДЕРЖАНІЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефренъ.

Торжество 15 августа въ честь святаго Наполеона или пресвятой Мадонны (ad libitum). — Муза Людовика Наполеона или офиціозный газетчикъ Эдуардъ Фурнье. — Книга Ренана и пріемъ, сдѣланный ей католическимъ духовенствомъ. — Производство ликеровъ и другихъ грѣховныхъ жидкостей въ монастыряхъ шартрёзскомъ и кармелитскомъ. — Католическій конгрессъ въ городѣ Malines. — Рѣчь Монталамбера за свободу и прогрессъ. — Чудотворная дѣва въ Виковарѣ. — Причины разбойничества въ неаполитанскихъ провинціяхъ. — Японія откупается отъ притязаній Англіи. — Новыя побѣды американскаго Сѣвера надъ Югомъ. — Паденіе Сѣмтера и паническій ужасъ, произведенный имъ въ лагерѣ рабовладѣльцовъ. — Призывъ негровъ къ оружію, какъ крайняя мѣра растерявшихся плантаторовъ. — Декретъ Линкольна и письмо Гарибальди къ президенту сѣверо-американскихъ штатовъ. — Coup d'état въ женевской республикѣ. — Характеристика президента ея, Джемса Фази. — Попытки консерваторовъ низвергнуть его.

Домашняя лѣтопись.

Горе нашей статистики. — Неумѣнье взяться за обработку ея. — Равнодушіе къ статистикѣ происходитъ отъ равнодушія къ общественнымъ вопросамъ. — *Статистическія таблицы*, изданныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. — Односторонность и произволъ общихъ выводовъ статистическихъ таблицъ. — Неопредѣленность цифръ, выражающихъ факты. — Почва, крѣпостное право и расколъ, какъ главные дѣятели въ распредѣленіи русскаго населенія. — Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ г. Кавелина. — Желаніе его, какъ самарскаго помѣщика, понизить запросъ на рабочія руки и заработную плату. — Средства, избираемыя имъ, для этой цѣли. — Противоположность помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ. — Къ чему ведетъ пониженіе заработной платы. — Объясненіе съ „Сѣверной Пчелой“ по поводу женскаго труда — Не безполезный совѣтъ моему юному противнику.

Дневникъ темнаго человѣка.

Гдѣ можно изучать русскую общественную жизнь? — Различныя свойства московскаго чернозема и петербургскихъ болотъ — Открытія Спика и Писемскаго. — Географическія границы „Взбаламученнаго Моря“. — Нѣчто о русской публикѣ и журналистикѣ — Проницательные читатели. — Лирическій эпизодъ изъ нашей общественной жизни — „Сказка о восточныхъ послахъ“. — Призракъ прогресса и его шествіе по русской землѣ. — Наши иллюзіи и перерожденіе. — Поучительный разсказъ изъ жизни статскаго совѣтника Кишмишь-Длинноушинскаго — Вечеръ съ прогрессистами. — *Красныя* барышни. — Охотникъ до протестовъ и непризнанный драматургъ. — Сюжетъ одной потерянной для міра комедіи. — Образчики подвязнаго либерализма. Нравственная метаморфоза прежнихъ прогрессистовъ — Шалости московской журналистики. — Новое открытіе, весьма интересное для всѣхъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“. — Роковой акростихъ. — Полемическія спрынцованія гг. Каткова и Аксакова. — М. П. Погодинъ въ качествѣ *„начинающаго фельето-*

листа".— Прогулка М. П. Погодина по Дѣвичьему Полю. — М. П. Погодинъ, бьющій заграницей своихъ соотечественницъ. — Критикъ „Отечествен. Записокъ" начинаетъ зарапортовываться.—Нѣкто г. М. Федоровъ, нашедшій рѣшеніе вопроса о сліяніи „съ народомъ".—П Анненковъ, получившій награду за „упражненія въ слогѣ".—Новое литературно-поваренное агентство, занимающееся поставкой и доставкой литераторовъ и кухарокъ. — Глава изъ лирической поэмы.—Театральныя новости.—Двѣ новыя пьесы: „Лиза Ѳомина" и „Было да прошло".—Постановка комедіи Островскаго „Доходное мѣсто".—Петербургскіе нѣмцы-врачи и ихъ шарлатанскія выходки у постели больной женщины.—Неаполитанскія шутки Александра Дюма —Выставка картинъ въ Академіи Художествъ. — Нѣсколько словъ объ академическомъ скитѣ, который не „отъ міра сего".— Пристрастіе академіи къ Сауламъ и Харонамъ. — Конкурсныя картины нынѣшняго года: „Моисей, истощающій воду изъ камня".—Толки публики передъ картиной г. Ге.—„Неровный бракъ", картина г Пукерева.—Восклицаніе одной зрительницы передъ „Неровнымъ Бракомъ" — „Отелло и Дездемона" г. Кенига, и „Демонъ" г. Литовченко.—Хохотъ, возбуждаемый этими этюдами.—„Милосердіе римлянки", картина г. Плѣшанова.—Пейзажи г. Айвазовскаго.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

«РУССКАГО СЛОВА»

Въ *Оренбургъ, г-ну Лузгину.*—5 р. за 2 треть получены.

Въ *Пермь, въ Палату Госуд. Им.* — Доплата за 3 экз., 25 р. получены. №№ 7, 8 и 9 «РУССКАГО СЛОВА» въ трехъ экз. отправлены 29 октября.

Въ *Казань, г-ну Шт. См. Казанскихъ училищъ.*—10 р. за 1 и за 2 треть получены.

Въ *Уржумъ, г-ну Шт. См. Уржумскихъ училищъ.* —14 р. получены. №№ 7, 8 и 9 «РУССКАГО СЛОВА» отправлены 29 октября.

Въ *Курскъ, въ Палату Гос. Им.*—23 р. за 2 треть получены.

Въ *Владикавказъ г-ну Морсицу.*—7 р. доплаты за прошлый годъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, 7 р. въ счетъ уплаты по подпискѣ на будущій 1864 г., редакціею получены. Что касается до недоставленныхъ вамъ №№ 7 и 8, то они были посланы во Владикавказъ: № 7—сентября 9, № 8—сентября 24; № 9 посланъ 28 октября. Редакція притомъ считаетъ долгомъ увѣдомить, что высылку своего журнала она никогда вамъ не прекращала, и Владикавказская почтовая контора, извѣщая васъ о прекращеніи таковой, какъ вы пишите, не имѣла никакого основанія давать подобные отвѣты.

Въ *Скопинъ, въ библіотеку 4 резервнаго бат. Л. Пѣхот. Бородин. п.* — 5 р. за 2-ю треть получены.

Въ *Вытегру, г-ну Петровскому.*—Получены 8 р., изъ которыхъ 7 р. остались въ редакціи „РУССКАГО СЛОВА“ въ счесъ уплаты за 2-е полугодіе; а 1 р., согласно письму, передалъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣд“.

Въ *Александровскъ, г-ну Шт. См. училищъ.*—Остальные 5 р. съ г. Коренова получены и сдѣлана перемѣна адреса согласно полученному отношенію.

Въ *Вышній-Волочекъ, г-ну Сабо II.*—4 р. 85 к. за первую треть получены отъ полкового командира, 16 ноября; вмѣстѣ съ тѣмъ отправлены на ваше

имя послѣдующіе №№ журнала. Редакція проситъ притомъ выслать остальные деньги за 2 и за 3-ю треть.

Въ *Рязань, въ публичную биб.* — 14 р. за „РУССКОЕ СЛОВО", на 1864 г., Редакціею получены.

Въ *Серадзь, командиру 2-го бат. Бѣлозерскаго пѣхот. п.*—Взамѣнъ посланныхъ редакціею въ свое время по первому адресу — въ Велюнь и недоставленныхъ въ означенную библіотеку, №№ 6 и 7 «РУССКАГО СЛОВА», 29 октября таковые №№ редакціею отправлены вторично, по новому адресу— въ Серадзь.

На станцію Кондоль, г-ну Ермолаеву.—Недоставленный вамъ № 7, по увѣдомленію отъ почтамта, былъ отправленъ 9 сентября; съ тѣмъ вмѣстѣ имъ спрошена мѣстная почтовая контора о причинѣ недоставки вамъ этого №.

Въ *Казань, г-ну Ведюкову.* — Недоставляемые вамъ №№ «РУССКАГО СЛОВА», начиная съ 7-го, редакціею своевременно были сданы въ почтамтъ, и, по его увѣдомленію, были отправлены: № 7—сентября 9, № 8—сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Спб., въ библ. Л. Гвардіи Павловскаго п.*—№№ 6. 7. 8 и 9 „РУССКАГО СЛОВА", сданы въ Отд. Город. Почты 4 ноября.

Въ с. *Павлово, въ библ. Л. Бородинскаго полка.* — Недоставленные въ библіотеку полка №№ 8 и 9 „РУССКАГО СЛОВА", по увѣдомленію отъ почтамта, отправлены были: № 8 сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Радомъ, 7 артилл. бригады нарѣзной баттареи И. Дуропу.* — Вслѣдствія неполученія отъ васъ извѣстія о новомъ мѣстопребываніи, „РУССКОЕ СЛОВО" еще съ № 3 посылалось вамъ въ *Кельцы*; туда же отправлены и тѣ №№ журнала, о неполученіи которыхъ вы извѣщаете, именно: № 7 отправленъ въ Кельцы 9 сентября, а № 8 сентября 24. По полученіи нынѣ вашего письма—изъ *Радома*, редакціею сообщено въ почтамтъ о перемѣнѣ адреса, равно какъ и о пересылкѣ неполученныхъ вами книжекъ журнала.

Въ *Задонскъ, г-ну Шт. См. уѣзд. училищъ.* — Просимый вами № 1 „РУССКАГО СЛОВА" за 1862 годъ, посланъ 11 ноября.

Въ *Гадячь, г-жѣ Велецкой.*—№№ „РУССКАГО СЛОАВО" 8 и 9, по увѣдомленію отъ почтамта, были отправлены вамъ: № 8 сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Нижній - Новгородъ, г-ну Директору училищъ нижегор. губ.* — № 8 „РУССКАГО СЛОВА" посланъ 24 сентября.

Въ *Спасскъ, г-ну Духанину.*—№ 6. „РУССКАГО СЛОВА", по увѣдомленія отъ почтамта, посланъ вамъ іюля 29, а № 7 сентября 9·

НА 1864 ГОДЪ

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВЪ, ПОЧТЪ И ТОРГОВЛИ)

ИЗДАВАЕМЫЯ К. ТРУБНИКОВЫМЪ.

Въ послѣднее время на Руси все растетъ не по днямъ, а по часамъ; нѣсколько лѣтъ для нея почти вѣкъ; что ни годъ, то эпоха! Газетная литература, какъ живая лѣтопись событій различныхъ эпохъ, не можетъ не представлять съ каждымъ годомъ соціальныхъ элементовъ, новыхъ глубокихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Отсюда сама собою проявляется необходимость все большаго и большаго расширенія задачи русской публицистики, въ особенности въ виду предстоящаго свободнѣйшаго ея движенія.

Въ качествѣ ежедневной, при томъ, по преимуществу, *экономической* газеты, Биржевымъ Вѣдомостямъ предлежало поприще значительно многостороннѣе, сложнѣе и труднѣе, нежели для прочихъ ежедневныхъ изданій. Потому, издавая политическую и экономическую газету ежедневную, намъ всего было важнѣе съ крайнимъ вниманіемъ прислушаться къ весьма разногласнымъ требованіямъ нашей публики и — по авторитетному указанію опыта — избрать тотъ путь, на которомъ мы твердо и вѣрно могли бы слѣдовать для достиженія ясно опредѣленной цѣли.

Что такое ежедневная газета, каковъ долженъ быть этотъ органъ общественныхъ интересовъ, котораго просвѣщенная публика удостои-

ваетъ своимъ вниманіемъ? Это — живое, мѣткое изображеніе дѣятельности всего міра, изображеніе, въ которомъ идеи самыя глубокія, вопросы самые важные и многосторонніе, вопросы политики, общественной нравственности, просвѣщенія, вопросы силы, славы, свободы, правосудія, вещественнаго благосостоянія, общей администраціи, финансовъ, промышленности, торговли, однимъ словомъ — вся высшая дѣятельность человѣчества представляется на публичное сужденіе, какъ интересъ дня, во всей гармонической полнотѣ и яркой свѣжести. Въ этихъ поденныхъ вѣстникахъ высказываются результаты безконечнаго мірового труда; вѣстники эти каждый вечеръ умираютъ и каждое утро возрождаются; они связуютъ идеи настоящаго съ идеями прошедшаго и стремленіями будущаго, подготовляютъ рѣшенія общественнаго разума, пробуждаютъ сознаніе массъ народа и безпрерывно взываютъ къ нему: *впередъ, впередъ, впередъ*!

Страницы ежедневной газеты какъ бы въ одинъ моментъ переносятъ читателя въ Петербургъ и въ Пекинъ, въ Лондонъ и въ Вашингтонъ, въ Парижъ и въ Мексику; предъ нимъ Европа съ ея блескомъ всемірной славы во имя прогресса цивилизаціи; предъ нимъ Азія и Африка съ ихъ страшнымъ мракомъ, побѣдоносно разгоняемымъ свѣтиломъ христіанства; предъ нимъ Америка — этотъ политическій сфинксъ нашего времени... Читатель газеты ежедневный умственный свидѣтель всѣхъ знаменательныхъ событій міра — сильныхъ проявленій мысли и изобрѣтательности, успѣховъ труда матеріальнаго, движенія общественной жизни, развитія дѣятельности государственной, замысловъ политическихъ творцевъ, бурныхъ преній народныхъ митинговъ, борьбы партій съ ихъ торжествами и паденіями, истребительныхъ сраженій, миротворящихъ конгрессовъ, и образованія новыхъ царствъ, новаго политическаго строя, новаго быта. — Ежедневная газета — живая, безпрестанно обновляющаяся картина высшаго развитія человѣчества!

Если ежедневныя газеты совмѣщаютъ въ себѣ такой всеобъемлющій интересъ, если онѣ ставятъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу цѣлыя націи, если изъ города въ городъ, изъ государства въ государство эти листы переносятъ сообщенія о всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событіяхъ, то значеніе ихъ для оцѣнки экономическихъ силъ страны, для всѣхъ соображеній коммерческихъ и вообще для движенія государственнаго и народнаго хозяйства, очевидно, самое обширное.

Отсюда выходитъ, что цѣль, которую мы должны были преслѣдовать — двоякая; въ задачѣ, предлежавшей нашему выполненію, представлялись два элемента, необходимо другъ другу содѣйствующіе. И

именно, съ одной стороны, намъ надобно было усвоить нашей газетѣ интересъ *общій*, присущій всякому ежедневному публицистскому изданію, интересъ, который мы должны были развивать *въ томъ же объемѣ и содержаніи*, какъ и прочія газеты; съ другой стороны намъ надобно было устроить *специальные* отдѣлы, которые требовали отъ насъ особенныхъ заботъ, постоянно обязывая насъ къ наибольшему расширенію ихъ содержанія. Въ первомъ отношеніи мы старались, по крайней мѣрѣ, не оставать отъ другихъ газетъ; во второмъ — насъ руководило то убѣжденіе, что, при недостаткѣ въ Россіи спеціальностей въ трудѣ, и при слабомъ развитіи относящихся къ нимъ періодическихъ изданій, сосредоточеніе въ нашей газетѣ тѣхъ спеціальностей, которыя играютъ болѣе или менѣе важную роль въ движеніи промышленности и торговли, должно составить предметъ нашихъ главныхъ усилій.

Въ Англіи, Германіи, Франціи господствуетъ начало раздѣленія труда, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни; тамъ спеціальность — неизбѣжный залогъ дальнѣйшаго успѣха. Россія находится совершенно въ иномъ положеніи. У насъ на каждомъ шагу одинъ и тотъ же человѣкъ дѣйствуетъ попеременно на разныхъ поприщахъ, смотря по надобности. Нужно ли указывать на примѣры?

Имѣя въ виду, въ ближайшемъ времени, открыть, между прочимъ, кромѣ уже существующихъ питейно-акцизнаго, почтового и биржевого отдѣловъ, отдѣлы: путей сообщенія, мануфактурный, сельско-хозяйственный и др,, мы принуждены были въ нынѣшнемъ же году расширить объемъ нашего изданія, и полагаемъ, что и въ теченіе 1864 года намъ придется, по мѣрѣ развитія содержанія этихъ отдѣловъ, придти къ той же необходимости, тѣмъ болѣе, что потребность въ газетѣ, совмѣщающей въ столбцахъ своихъ многостороннія сообщенія, какъ по вопросамъ интересовъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе настоятельною.

Биржевыя Вѣдомости поставили себѣ правиломъ разсматривать всѣ явленія общественной жизни главнѣйше съ практической точки зрѣнія, твердо примѣняясь къ началамъ, выработаннымъ наукою, — какъ это постоянно и выражается въ руководящихъ статьяхъ редакціи.

За симъ остается представить содержаніе отдѣловъ, которые войдутъ въ составъ *Биржевыхъ Вѣдомостей въ 1864 году.*

I. ***Передовыя статьи,*** относящіяся къ государственной и общественной жизни въ Россіи.

II. ***Извѣстія изъ Россіи***. Внутреннія извѣстія офиціальныя и неофиціальныя; Высочайшіе манифесты, указы, повелѣнія и важныя административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, и всѣ приказы и распоряженія по министерству финансовъ и по главному управленію почтъ; распоряженія по питейно-акцизному управленію Новости, краткія статьи и разныя извѣстія. Кореспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

III. ***Руководящія статьи*** по иностраннымъ дѣламъ, и извѣстія и статьи политическаго содержанія. Политическія телеграммы.

IV. ***Статьи политико-экономическаго содержанія.***

V. ***Отдѣлъ почтовый.***

VI. ***Отдѣлъ питейно-акцизный***. (Два раза въ недѣлю, въ особомъ прибавленіи).

VII. ***Отдѣлъ сельско-хозяйственный***, который будетъ открытъ еще въ текущемъ 1863 году.

VIII. ***Отдѣлъ биржевой.***

Извѣстія биржевыя, торговыя, промышленныя. — Акціонерная хроника. — Торговыя телеграммы.

IX. ***Фельетонъ:*** статьи по разнымъ отрослямъ знанія, замѣчательные юридическіе процессы, письма, замѣтки, вѣсти и слухи и т. д.

X. ***Объявленія казенныя*** отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и самыя разнообразныя ***частныя*** объявленія; сюда входятъ: объявленія и отчеты правленій акціорныхъ компаній, извѣщенія отъ торговыхъ и фабричныхъ заведеній, магазиновъ и частныхъ лицъ о продажѣ, покупкѣ, предложеніи услугъ, увѣдомленія отъ администраціи, конкур ныхъ управленій и проч.

Биржевыя Вѣдомости будутъ выходить девять разъ въ недѣлю, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ числѣ 464 нумеровъ въ годъ.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Съ разрѣшенія г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, открытъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ особый почтовый отдѣлъ, въ составъ котораго будутъ входить офиціальныя и частныя статьи, относящіяся до почтоваго дѣла.

Почтовый департаментъ предписываетъ всѣмъ почтовымъ мѣстамъ и лицамъ: всѣ напечатанныя статьи въ офиціальной части почтоваго отдѣла принимать къ *руководству* и *исполненію*, немедленно по полученіи Биржевыхъ Вѣдомостей, не ожидая особыхъ по этимъ предметамъ предписаній.

Для доставленія возможности выполненія этого, почтамты, почтовыя конторы и отдѣленія будутъ получать Биржевыя Вѣдомости.

Затѣмъ отдѣльное печатаніе нынѣшнихъ циркуляровъ, по почтовой части, прекращается, кромѣ только тѣхъ циркуляровъ, въ которыхъ будутъ заключаться распоряженія, неслѣдующія къ распубликованію, или какія либо отдѣльныя приложенія. Подобныя статьи будутъ передаваться почтовымъ мѣстамъ, по прежнему, въ видѣ особыхъ предписаній.

Въ той же офиціальной части отдѣла, публика будетъ находить всѣ распоряженія почтоваго управленія и новыя правила, которыми должно руководствоваться при отправленіи, полученіи и вообще пересылкѣ кореспонденцій. Тутъ же будутъ помѣщаться, періодически, извѣстія: о письмахъ, неотправленныхъ изъ С. Петербурга, съ объясненіемъ тому причинъ, какъ по внутренней, такъ и заграничной корреспонденціи; о корреспонденціи, возвращенной въ С. Петербургъ за неотысканіемъ получателей тамъ, куда она была адресована. — Словомъ, всѣ извѣстія, которыя признаются необходимыми для свѣдѣнія лицъ, пользующихся почтами.

Неофиціальная часть отдѣла предназначается для статей частныхъ, относящихся къ почтовой операціи, и почтовый департаментъ приглашаетъ лицъ, желающихъ путемъ гласности дѣлать какія либо замѣчанія по почтовой части, сообщать свои статьи для напечатанія въ редакцію Биржевыхъ Вѣдомостей.

Если же подобныя статьи будутъ напечатаны въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, и потребуются на нихъ отвѣты, то они будутъ печататься въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

НА ГОДЪ.

Безъ доставки	12	руб.
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ	14	»
Съ пересылкою во всѣ губерніи	15	»

НА ПОЛГОДА.

Безъ доставки	7	руб.	
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ	8	»	
Съ пересылкою во всѣ губерніи	8	»	50 к.

NB. Мѣста и лица вѣдомства министерства финансовъ за пересылку въ губерніи Биржевыхъ Вѣдомостей пересылочныхъ денегъ не платятъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ ***конторѣ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей***, на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Мельникова, N 11. Господа иногородные подписчики обращаются прямо въ контору редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей; адресъ почтамту извѣстенъ. Кромѣ сего подписка принимается въ вазетныхъ экспедиціяхъ: с. петербургскаго и московскаго почтамтовъ.

Биржевыя Вѣдомости будутъ доставляться иногороднымъ подписчикамъ въ заклеенныхъ пакетахъ, съ печатными адресами.

ОБЪ ИЗДАНІИ НА 1864 ГОДЪ
СОБРАНІЯ
ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Журналъ этотъ, поступающій въ девятый годъ существованія и, судя по увеличенію числа подписчиковъ, пользующійся постоянно возрастающимъ сочувствіемъ, будетъ продолжаться и въ наступающемъ году по прежней программѣ. Цѣль «Собранія» состоитъ въ доставленіи читателямъ, въ вѣрномъ переводѣ лучшихъ произведеній изящной словесности всѣхъ иностранныхъ литературъ. Для достиженія этой цѣли выписываются не только всѣ періодическія изданія, посвященные беллетристикѣ, но получаются немедленно, по мѣрѣ выхода, всѣ романы и повѣсти на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ, датскомъ и польскомъ языкахъ Выбирая изъ этихъ матеріаловъ только лучшее, редакція даетъ читателямъ возможность постоянно слѣдить за движеніемъ и всѣми замѣчательнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Въ нашемъ журналѣ, какъ, безъ сомнѣнія, многіе уже замѣтили, переводы нерѣдко являлись раньше, чѣмъ иностранный подлинникъ поступалъ въ Россіи въ продажу. Но, кромѣ новости и внутренняго достоинства содержанія, редакція особенно заботится объ его разнообразіи, стараясь соединить въ одной книжкѣ произведенія нѣсколькихъ литературъ, направленій и характеровъ; въ случаяхъ же, требующихъ объясненія, дѣлаетъ отъ себя историческія и литературныя примѣчанія.

О новости и разнообразіи содержанія журнала можно судить по слѣдующему списку произведеній, помѣщенныхъ въ одиннадцати книжкахъ «Собранія» за текущій годъ.

РОМАНЫ:

СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЗАМОКЪ ВЕРНЕРЪ. *Мистриссъ Генри Удъ.* — ПЛУТЫ И ДУРАКИ. *Эдуарда Уитти.* — КОМУ ДОСТАНЕТСЯ? *Бетмана.* — АВРОРА ФЛОЙДЪ. *Мистриссъ Брэддонъ.* — ПОБѢДА ЭЛИНОРЪ. *Мистриссъ Брэддонъ.*

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО:

ПТИЦА ПУСТЫНИ. *Эли Бертэ.*—КУРУМИЛЛА. *Густава Эмари* —ДЖОНЪ ДЕМОНЪ. *Поля Феваля.* — ВАЛЕНТИНЪ ГИЛЛУА. *Густава Эмара.*

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

СЪ АНГЛІЙСКАГО:

ДОЧЕРИ АДМИРАЛА *А. Стюрта Эррисона.* — ДВѢ НОЧИ ВЪ КАТАКОМБАХЪ. — ДАМА НА МОЛѢ — ТАЙНА МОЕГО ОТЦА. — РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ МИСТРИСЪ ФУЛЛЕРЪ.—ДОЧЬ МАЙОРА.— УЖАСНАЯ НОЧЬ. — ПОМРАЧЕНІЕ РАЗСУДКА. — ТАИНСТВЕННЫЙ УЖИНЪ. — ПОБѢГЪ ГРАФА НАЙТЕДЭЛЯ — ЛЕГЕНДА О БѢЛОЙ РУКѢ. — ПРЕКРАСНЫЙ ДЕМОНЪ. — ЛОРДЪ МОГОНЪ. — ПРИЗРАКЪ.— ЗАМОКЪ ЛИНДОНЪ. — ТАЙНА. — НОВЫЙ РОДЪ САМОУБІЙСТВА.

съ французскаго:

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА МѢСТѢ. — ДѢЛО ЧЕСТИ. — ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДОКТОРА РОЖЭ. *М. Ривьера.* — ДОЧЬ ТИНТОРИТТО. *Вилларсо.* — РЕВНОСТЬ, ИЛИ НЕСЧАСТЬЕ ОТЪ СЧАСТЬЯ. Сочиненіе *Ипполита Люка.* — ГДѢ ВѢЧНЫЕ СНѢГА? ГДѢ ВѢЧНАЯ ЛЮБОВЬ? — НЕОЖИДАННАЯ СВАДЬБА. — МОСЬЕ МИДАСЪ.

съ нѣмецкаго:

ПРИМИРЕНІЕ ПОДЪ КРЫШЕЙ. Юмористическій разсказъ *Фонъ Зейфрида.* — ТРИ ДЕРЖАВЫ. Картина нравовъ прошлаго столѣтія, *Левина Шюкинга.* — АРНОЛЬДЪ НОБЕЛИНГЪ. Историческій разсказъ *Амеліи Годинъ.* — ПОЭТЪ ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ. *Левина Шюкинга.*

съ шведскаго:

КУТИЛА. *Андерса Р — нъ.* — ПОМОЛВКА.

съ польскаго:

НА ВИСЛѢ. *Каплинскаго.*

съ фламандскаго:

БѢДНЫЙ ДВОРЯНИНЪ. *Анри Консьянса.*

Итакъ въ одиннадцати вышедшихъ книжкахъ «Собранія» читатели получили девять романовъ и тридцать-три повѣсти и разсказовъ, переведенныхъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, шведскаго, польскаго и фламандскаго языковъ. Такимъ образомъ «Собраніе» представляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ другіе журналы, матеріаловъ для легкаго чтенія.

«Собраніе» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками не менѣе двадцати-пяти печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, ***восемь руб. пятьдесятъ коп.***, а съ доставкою на домъ, или пересылкою по почтѣ, ***десять рублей серебромъ.***

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно *въ конторѣ* «СОБРАНІЯ» находящейся съ апрѣля этого года въ непосредственномъ завѣдываніи издательницы, въ С.-Петербургѣ, *на углу Литейной улицы*, и *Симеоновскаго переулка* въ домѣ *Оржевскаго*, и въ *Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.*

Примѣчаніе. Остающіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Собранія 1858, 1861 и 1862 годовъ могутъ быть получаемы въ Конторѣ «Собранія Романовъ» по вышеозначенному дресу. За полный экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, кромѣ 1862, состоящій изъ 12 книгъ, платится 7 р. 50 коп безъ пересылки, а съ пересылкою — 9 руб. сер., а за 1862 — 8 руб. 50 коп. безъ пересылки, а съ пересылкою 10 рублей серебромъ.

Издательница ***Е. Ахматова.***

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1864 Г. БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ЖУРНАЛЪ

ДѢЛО И ОТДЫХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕКЪ ОТЪ 7 ДО 14 ЛѢТЪ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.

Издавая съ 1856 г. «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ», редакція этого журнала, постоянно слѣдившая за движеніемъ иностранной словесности, имѣла возможность близко ознакомиться съ ея богатымъ и совершенно еще у насъ нетронутымъ запасомъ произведеній для дѣтскаго возраста. Это богатство, съ которымъ рѣзкую противоположность составляетъ наша бѣдность въ этомъ отношеніи, внушило мнѣ мысль, встрѣтившую уже большое сочувствіе, издавать, независимо отъ «Собранія», журналъ, въ которомъ соединялось бы все, что представляетъ новѣйшая иностранная литература лучшаго и полезнаго для дѣтскаго чтенія. Цѣль журнала, опредѣляемая отчасти его заглавіемъ состоитъ въ доставленіи дѣтямъ путемъ легкаго чтенія полезныхъ и доступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, въ какой бы то ни было формѣ. Сообразно съ этой цѣлью выписаны лучшія изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій для дѣтей и всѣ дѣтскіе журналы, издаваемые на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ и датскомъ языкахъ. Все лучшее въ этихъ изданіяхъ и примѣнимое къ намъ, будетъ извлекаться для помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того, въ немъ будутъ помѣщаться съ самымъ строгимъ выборомъ оригинальныя произведенія, и журналу уже обѣщали свое содѣйствіе многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей.

Программа журнала слѣдующая:

I. Статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ.
II. Путешествія.
III. Разсказы изъ исторіи, преимущественно русской.
IV. Біографіи полезныхъ дѣятелей, ученыхъ писателей и художниковъ.
V. Повѣсти и разсказы преимущественно историческіе или нравоописательные.
VI. Стихотворенія.
VII. Пьэсы для домашняго театра.

Редакція, не стараясь однакожъ о непремѣнномъ наполненіи этихъ отдѣловъ, будетъ прежде всего выбирать лучшее изъ имѣющихся въ ея распоряженіи матеріаловъ.

«ДѢЛО и ОТДЫХЪ» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки на домъ и пересылки по почтѣ *пять руб. пятьдесятъ коп.*, съ доставкою же и пересылкою *шесть рублей серебромъ*.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Собранія романовъ», на углу Литейной улицы и Симеоновскаго переулка, въ домѣ Оржевскаго, на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Издательница **Е. Ахматова**.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА"

въ 1864 году.

«Иллюстрація», основанная въ 1858 году, имѣла цѣлью представить нашей публикѣ изданіе, въ которомъ она, кромѣ отдѣловъ и статей, помѣщаемыхъ во всѣхъ другихъ журналахъ и газетахъ, встрѣтила бы рисунки, наглядно объясняющіе эти статьи, изображенія замѣчательныхъ личностей, сценъ политическихъ, историческихъ и домашней жизни, пейзажи, снимки съ произведеній живописи, скульптуры, архитектуры и т. п.

Необходимости имѣть подобное политическое, живописное изданіе мы приписываемъ успѣхъ, встрѣтившій нашу «Иллюстрацію». Огромные труды по предпріятію, задуманному въ обширныхъ размѣрахъ (каждый годъ мы давали болѣе 1,000 рисунковъ), недостатокъ у насъ хорошихъ рѣзчиковъ на деревѣ, затруднительность получать виды лучшихъ мѣстностей, дороговизна всѣхъ матеріяловъ, необходимыхъ въ подобномъ изданіи — все это заставило назначить за «Иллюстрацію» плату равную нашимъ ежедневнымъ и ежемѣсячнымъ журналамъ. Между тѣмъ, видя, что и средніе классы нашего общества нуждаются въ подобномъ же изданіи, мы основали въ слѣдующемъ же году «Иллюстрированный Листокъ», ту же «Иллюстрацію», только въ меньшихъ размѣрахъ и по цѣнѣ, доступной всѣмъ класамъ.

Опытъ показалъ однако же, что съ теченіемъ времени оба эти изданія, идя паралельно одно съ другимъ, имѣя почти одну и ту же программу, при недостаткѣ у насъ русскихъ рисунковъ и рисовальщиковъ, только раздѣляли между собою публику. Соединеніе этихъ изданій сдѣлалось необходимымъ, и съ іюля 1863 года, слившись въ одну газету, подъ одною редакціей, они сосредоточили въ одно читателей, статьи и рисунки двухъ изданій. Выгода для публики отъ такого сое-

диненія очевидна. Оставалось принести со стороны издателя еще одно пожертвованіе: уменьшить цѣну за новую газету, сохранившую форматъ прежней «Иллюстраціи», — и поэтому, дѣлая съ своей стороны все, чтобы изданіе, стоющее такихъ большихъ трудовъ и издержекъ, было доступно всѣмъ сословіямъ нашего общества, издатель назначаетъ въ будущемъ году такую плату за «Иллюстрированную Газету», дешевле которой невозможно имѣть нигдѣ такого иллюстрированнаго изданія, съ такимъ количествомъ статей и рисунковъ и въ такомъ форматѣ, а именно:

за цѣлый годъ, по 1-е января 1865 г.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . 7 р. с.
Съ пересылкою во всѣ города . . . . 8 » »

На полгода, по 1-е іюля 1864 г., съ пересылкою и доставкою 5 р. сер. На второе полугодіе, т. е. *съ 1-го іюля 1864 г. по 1-е января 1865* подписка не принимается, и лица, невнесшія остальной суммы, слѣдующей за годовую подписку, теряютъ право на полученіе «Иллюстрированной Газеты» съ 1-го іюля.

Отдѣльные нумера можно получать съ платою по 20 коп. за нумеръ.

Такимъ образомъ, бывшіе подписчики «Иллюстраціи» будутъ получать ту же газету, только подъ другимъ названіемъ за цѣну вдвое менѣе той, которую они платили прежде, а подписчики «Иллюстрированнаго Листка» получать за ту же цѣну, какъ и прежде (съ прибавкою одного рубля) новую газету, которая даетъ вдвое болѣе статей и рисунковъ, нежели «Иллюстрированный Листокъ».

«Иллюстрированная Газета» выходитъ еженедѣльно по четвергамъ (кромѣ четверга святой и рождественской недѣли), и состоитъ изъ пятидесяти нумеровъ въ годъ. Каждый нумеръ большого формата содержитъ въ себѣ кромѣ статей, множество рисунковъ къ нимъ относящихся 25 нумеровъ составляютъ томъ, къ которому прилагается систематическое оглавленіе статей и рисунковъ и иллюстрированная обертка.

Подписная сумма, посылки и письма адресуются: въ конто-

ру «Иллюстрированной Газеты». Почтамту всегда извѣстенъ ея адресъ. Все, что касается до редакціи, можно адресовать: «Редактору «Иллюстрированной Газеты». Городскіе жители могутъ подписываться: въ конторѣ журнала, на Сергіевской, N 58; у редактора: на Литейной, домъ N 38 и въ центральной фотографіи А. Баумана, на Невскомъ, въ домѣ Голландской-церкви. Объявленія, для помѣщенія въ «Иллюстрированной Газетѣ» принимаются въ тѣхъ же мѣстахъ.

Направленіе «Иллюстрированной Газеты» остается то же, какое было въ «Иллюстраціи» и «Иллюстрированномъ Листкѣ». Тотъ же самый редакторъ, который участвовалъ въ основаніи обоихъ журналовъ, постоянно редактировалъ второй, а первый, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оставлялъ не болѣе какъ на годъ, ручается за добросовѣстность редакціи, давно извѣстной публикѣ. Не дѣлая никакихъ обѣщаній, онъ можетъ только подтвердить, что съ его стороны будетъ сдѣлано все возможное, чтобы поставить «Иллюстрированную Газету» на степень, соотвѣтствующую потребностямъ и желаніямъ современной публики, и что газета эта, необходимая въ ряду нашихъ періодическихъ изданій, незамѣнимая другими, тогда какъ сама замѣняетъ многія, помѣщая, кромѣ всего, что является въ нихъ, разнообразные рисунки — представитъ полную картину, вѣрную оцѣнку всего, что интересуетъ нашихъ соотечественниковъ, по всѣмъ осраслямъ знаній, искусствъ и явленій нашего гражданскаго и общественнаго быта. Твердость убѣжденій, отпоръ ретрограднымъ стремленіямъ, независимость мнѣній, содѣйствіе прогрессу въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, безпристрастіе сужденій, гуманныя отношенія ко всѣмъ, даже къ заблуждающимся, — вотъ главные основные пункты нашего направленія, отъ котораго мы не отступали въ теченіи шестилѣтняго редактированія изданіями, слившимися теперь въ «Иллюстрированную Газсту».

Редакторъ *Владиміръ Зотовъ.*

ВАЗА

на 1864 годъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МОДАМЪ, РУКОДѢЛЬЮ, ЛИТЕРАТУРѢ, ИСКУССТВАМЪ И ХОЗЯЙСТВУ.

Редакція журнала ВАЗА, вступающаго въ 32-й годъ своего существованія, доводитъ до свѣденія публики, что богатая программа журнала будетъ еще увеличена на наступающій 1864 годъ.

ЖУРНАЛЪ ВАЗА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ НЕ ДВА, А ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (по вторникамъ каждой недѣли). Каждый номеръ будетъ состоять изъ одного листа текста съ приложеніемъ картинки модъ и листа узоровъ для вышиванія и другихъ работъ. Сверхъ того, будутъ выдаваться литографированныя образцы для пальто, мантилій и т. п., выкройки на большихъ листахъ и работы съ готовымъ матеріаломъ для ихъ выполненія.

Ежемѣсячно, три первые номера журнала ВАЗА будутъ включать съ себѣ, кромѣ петербургскихъ и рижскихъ модъ, описаній узоровъ, выкроекъ и пр., переводы лучшихъ современныхъ сочиненій для легкаго чтенія. Четвертый номеръ, съ приложеніями того же рода, какъ и при прочихъ номерахъ, будетъ посвященъ статьямъ полезнымъ и занимательнымъ ДЛЯ ДѢТЕЙ: тутъ будутъ помѣщатся небольшіе разсказы, краткія описанія новѣйшихъ изобрѣтеній, отрывки изъ путешествій, пьесы для дѣтскаго театра и т. д. Редакція ВАЗЫ надѣятся, что доставитъ удовольствіе многихъ матерямъ семейства этимъ

новымъ прибавленіемъ къ программѣ журнала. При маломъ развитіи нашей книгопродавческой дѣятельности, отдаленныя мѣста нашего отечества лишены возможности имѣть всегда подъ рукою книги полезныя или занимательныя для дѣтскаго возраста; мы смѣемъ думать поэтому, что много угодимъ нашимъ будущимъ читателямъ и ихъ родителямъ ежемѣсячною доставкою тѣхъ статей, которыя обѣщаемъ.

Четвертый номеръ будетъ печататься особымъ, болѣе крупнымъ, четкимъ шрифтомъ.

По увеличившейся программѣ ВАЗЫ, число приложеній къ журналу тоже увеличится; они будутъ состоять, втеченіе года, изъ слѣдующаго:

24 КАРТИНКИ МОДЪ Moniteur de la Mode.

24 ЛИТОГРАФИРОВАННЫЯ КАРТИНКИ различныхъ пардессю (пальто, мантилій и пр.)

ВЪ КАЖДОМЪ НОМЕРѢ ПОПЕРЕМѢННО:

УЗОРЫ, ВЫШИВАНЬЯ, КАНВОВЫЕ, ТАМБУРНЫЕ И ПЕЧАТНЫЯ ВЫКРОЙКИ НА ЛИСТАХЪ.

Кромѣ того, къ журналу будутъ приложены:

8 РАБОТЪ

съ матеріаломъ для ихъ выполненія. Изъ этихъ работъ 4 цвѣтныя:

1. ЭКРАНЪ.
2. МАЛЕНЬКАЯ ПОДУШКА на диванъ (думка).
3. ПОРТСИГАРЪ.
4. ПЛАТО ПОДЪ ЛАМПУ.

Матеріалъ къ этимъ работамъ будетъ состоять изъ шерсти, шелка, бисера и синели.

Обращаемъ вниманіе нашихъ подписчицъ въ особенности на первую изъ этихъ работъ. Рисунокъ для нея, изображающій геніальное произведеніе Фальконета, монументъ Петра I-го, нарочно заказанъ Редакціей извѣстному художнику. Постоянно заботясь объ оправданіи довѣрія своихъ

подписчицъ, журналъ ВАЗА доставляетъ имъ всегда самыя изящныя рукодѣлья; на этотъ разъ, онъ предлагаетъ еще болѣе оригинальную и истинно художественную работу для выполненія.

1. **Прошивки.**
2. **Оборки.**
3. **Воротничекъ и манжеты.**
4. **Воротничекъ и манжеты.**

Матеріалъ къ этимъ 4-мъ работамъ состоитъ изъ узора, отпечатаннаго на самой матеріи.

Всѣ 8 работъ будутъ доставлены подписчицамъ такъ, что на каждые 3 мѣсяца придется по двѣ работы. Такимъ образомъ, въ Январѣ и Февралѣ будетъ приложено по работѣ, въ Мартѣ нѣтъ; въ Апрѣлѣ и Маѣ будутъ снова работы, въ Іюнѣ нѣтъ и т. д.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА ДОСТАВЛЕНЪ БУДЕТЪ

СЮРПРИСЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ВАЗА" ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ:

За годовое изданіе со всѣми приложеніями, без пересылки . . . . 10 р. 50 к.

Съ пересылкою . . . . . . 12 » — »

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ БУДУТЪ ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

СЪ ПЕРВОЙ ОТХОДЯЩЕЙ ПОЧТОЙ.

Подписка принимается во всехъ петербургскихъ и московскихъ книжныхъ магазинахъ; преимущественно же въ конторѣ Редакціи ВАЗЫ—въ С.-Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ въ домѣ Кирѣева N 14-й, квартира N 19-й, куда гг. иногородные и имѣютъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Для облегченія гг. подписчиковъ, *живущихъ въ С.-Петербургѣ*, редакція допускаетъ взносъ денегъ не разомъ, о за полгода (6 р.) или четверть года (3 р.) впередъ.

Гг. иногородные благоволятъ присылать разомъ всѣ деньги сполна.

Редакція кромѣ подписки на журналъ ВАЗА никакихъ другихъ коммиссій не принимаетъ.

Контора Редакціи журнала ВАЗА открыта ежедневно, кромѣ воскресенья, отъ 10 ч. утра до 3 час. по полудни.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. М. ЦЕЙДЛЕРА.

НАЧНЕТЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 1 ЯНВАРЯ 1864 Г. ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 160 — 200 СТР. ПЕЧАТИ ВЪ 8 Д. Л.

Заграницею, также какъ и въ Россіи, главными органами мысли и умственнаго развитія служатъ журналы: въ нихъ главный складъ современной беллетристики въ нихъ лучшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ всѣхъ наукъ, въ нихъ же и важнѣйшія серьезныя статьи политическаго содержанія. По этому для каждаго весьма естественно желаніе слѣдить за иностранною журналистикою. Но какъ это сдѣлать? Иностранныхъ журналовъ слишкомъ много, и они большею частью не такъ дешевы, чтобы каждый могъ ихъ выписывать, кромѣ того не каждый и знакомъ со всѣми тѣми языками, на которомъ они издаются, въ русскихъ же журналахъ, по мѣрѣ развитія нашихъ внутреннихъ, отечественныхъ интересовъ, переводныя статьи встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Цѣль предпринимаего нами новаго журнала «Заграничный Вѣстникъ» состоитъ именно въ томъ, чтобы доставить русскому человѣку возможность слѣдить за главными явленіями современной иностранной литературы, и каждый выпускъ этого изданія будетъ имѣть характеръ сборника лучшихъ статей по части беллетристики, исторіи, политики, наукъ об-

щественныхъ, естествознанія и библіографіи, изъ послѣднихъ нумеровъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ и другихъ иностранныхъ журналовъ, въ полномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, или въ извлеченіи, смотря потому, на сколько эти статьи могутъ имѣть интересъ для русскихъ читателей.

Цѣна въ годъ 7 р. 50 к. съ доставкою и пересылою 9 р. сер.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ

ЗЕМЛЕДѢЛІЯ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,
НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. ОЛЬХИНА.

12 выпусковъ въ 4 д. л. каждый изъ 4—5 листовъ печати съ приложеніемъ 2 картинъ гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ, 1 гравиров. на стали и 10—15 политипажей.

Задача этого журнала состоитъ именно въ томъ, чтобы показать всю занимательность, всю прелесть и завлекательность близкаго знакомства съ различными странами земного шара, съ свойствами ихъ растеній, съ бытомъ ихъ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, съ нравами и обычаями общественной жизни населяющихъ эти страны племенъ и народовъ.

Подписная цѣна въ годъ 6 р. съ доставкою 7 р., съ пересылкою 7 р. 50 к. сер.

ЗАБАВЫ и РАЗСКАЗЫ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА ОТЪ 6 ДО 9 ЛѢТЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. ПЧЕЛЬНИКОВА.

12 книжекъ въ годъ въ 4 д. л. каждая отъ 6 — 8 листовъ печати съ приложеніемъ раскрашенной картинки и объяснительныхъ политипажей.

«Забавы и Разсказы» служатъ для родителей и воспитателей существеннымъ пособіемъ въ исполненіи самой трудной ихъ обязанности пріискивать для дѣтей соотвѣтственныя ихъ понятіямъ, пріятныя и вмѣстѣ полезныя занятія, которыя могли бы приковать ихъ вниманіе къ предмету и возбудить любознательность, а затѣмъ развить и укрѣпить свѣжія умственныя силы и дать имъ правильное направленіе.

Подписная цѣна за годовое изданіе 5 р. съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи 7 р. сер.

Подписка на всѣ эти журналы принимается въ книжномъ магазинѣ издателя М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ № 18 и 19, въ С.-Петербургѣ.